

Археология Подмоскovie

Выпуск 3

Материалы научного семинара

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW REGIONAL GOVERNMENT
DEPARTMENT OF CULTURE

The archaeology of the Moscow region

Proceedings of scientific seminar

Issue 3

Moscow
2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ

Археология Подмосковья

Материалы научного семинара

Выпуск 3

Москва
2007

УДК 902/903
ББК 63.4
А 87

Утверждено к печати
на заседании Ученого совета Института археологии
Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А.В. Энговатова (отв. редактор), В.Ю. Коваль,
И.Н. Кузина, Т.В. Скоробогатова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук Л.А. Беляев,
кандидат исторических наук Н.А. Кренке

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Правительства Московской области*

А 87 Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 3.—
М.: Институт археологии РАН, Министерство культуры Правительства
Московской области, 2007.— 392 с.

ISBN 5-94375-052-5

Третий выпуск сборника «Археология Подмосковья» продолжает публикацию материалов ежегодного научного семинара, проводимого Институтом археологии РАН. В новый том сборника вошли статьи, посвященные результатам раскопок последних лет, проводившихся Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок и Ростиславльской экспедиции отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН, Государственным Историческим музеем, Археологическим центром г. Коломны на территории Московской области, а также Государственной дирекцией по охране памятников Владимирской области — в г. Суздале. В представленных вниманию читателей статьях вводятся в научный оборот итоги работ на вновь открытых и ранее известных памятниках, а также представлены результаты систематизации материала, известного по раскопкам прошлых лет.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 5-94375-052-5

© Институт археологии РАН, 2006
© Министерство культуры
Правительства Московской
области, 2006
© Коллектив авторов, 2006

Содержание

От редакции	7
Е. И. Гак, М. И. Гоняный. Многослойное поселение Подол 1 в исторической части города Подольска: результаты исследований и интерпретация материалов	9
В. Ю. Коваль. Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье	20
Н. А. Кренке. Археологические работы А. В. Чаянова в долине Москвы-реки в 1928 и 1929 годах ...	23
А. В. Чаянов. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 годах	26
Н. А. Сыроватко, А. С. Сыроватко. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры	41
А. С. Сыроватко. Некоторые особенности дьяковского керамического комплекса городища Ростиславль	47
А. Н. Медведь. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль	52
В. Ю. Коваль. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси	58
А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль. Мякининский комплекс памятников археологии	71
О. И. Хижняков. К вопросу о планировочной структуре и границах селища Мякинино-2	81
А. А. Гольева. Почвенные исследования археологических памятников Мякинино	85
А. Г. Векслер, Ю. А. Лихтер. Находки стеклянных изделий на селище Мякинино-2 (из раскопок 1994–1995 годов)	111
А. А. Гольева. Естественно-научные исследования археологических памятников Подмосковья	115
Н. Г. Недошивина. Древнерусский могильник Каблуково в Подмосковье	124
Т. Г. Сарачева. Химико-технологическое изучение металлических украшений из раскопок курганов у деревни Каблуково	145
Е. К. Кадиева. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение	172
К. И. Панченко. Клейма XII—XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове	197
В. В. Бейлекчи, В. В. Родин. Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале	205
Д. Ю. Бадеев. Фигурки настольных игр из Ростиславля Рязанского	229
М. В. Цыбин. Средневековое селище Дмитровское-2 (некоторые результаты исследований 2005 года)	234
А. С. Сыроватко, Т. Н. Ульянова, В. В. Черкасов. Раскопки средневекового селища Лысцево	242
О. В. Двуреченский. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря	254
О. В. Двуреченский. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV—XVII веков	277
А. В. Алексеев. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 года	332
К. А. Аверьянов. О времени основания Николо-Угрешского монастыря	345
В. И. Вишневский. Водопровод и канализация Троице-Сергиева монастыря в XVI—XVIII веках ...	349
В. В. Щербаков. Изразцы царского путевого дворца в селе Слотино	360
А. С. Сыроватко, Ю. Н. Чувиляева. Исследования на территории музея-усадьбы Ф. М. Достоевского «Даровое»	366
А. А. Полюлях. Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фартальных	374
Резюме (на английском языке)	384
Список сокращений	385
Сведения об авторах	390

Contents

From Editor	7
<i>E.I. Gak, M.I. Gonyany.</i> Stratified settlement Podol 1 in the historical part of Podolsk:	
Results of the investigations and interpretation of the materials	9
<i>V.Yu. Koval.</i> The Late Bronze Age sites in the Kolomna district, the Oka River basin	20
<i>N.A. Krenke, A.V. Chayanov's</i> archaeological researches in the Moskva River valley in 1928 and 1929	23
<i>A.V. Chayanov.</i> Report on the archaeological works in Zvenigorod uезд carried out in 1928 and 1929 ...	26
<i>N.A. Syrovatko, A.S. Syrovatko.</i> Concerning some problems in investigation of dwellings of D'yakovo culture	41
<i>A.S. Syrovatko.</i> Some specific features of the D'yakovo pottery complex from the Rostislavl hillfort	47
<i>A.N. Medved'.</i> The Early Iron Age arrowheads from the Rostislavl hillfort	52
<i>V.Yu. Koval.</i> The problems of investigation of spatial structure and settlements building in Medieval Rus'	58
<i>A.V. Engovatova, V.Yu. Koval.</i> The Myakinino complex of archaeological sites	72
<i>O.I. Khizhnyakov.</i> On the problem of the spatial structure and borders of Myakinino-2 dwelling site	82
<i>A.A. Gol'yeva.</i> Soil investigations at the Myakinino archaeological sites	85
<i>A.G. Veksler, Yu.A. Likhter.</i> Glass objects at the rural dwelling site Myakinino-2 (From the excavation seasons of 1994–1998)	111
<i>A.A. Gol'yeva.</i> Investigations at the archaeological sites of the Moscow region with application of the methods of natural sciences	125
<i>N.G. Nedoshivina.</i> Medieval Russian cemetery Kablukovo in the Moscow region	124
<i>T.G. Saracheva.</i> Chemical and technological investigations of metal ornaments from the excavations of kurgans near village Kablukovo	145
<i>Ye.K. Kadieva.</i> Bottom stamps of the pottery from the central part of North-Eastern Rus': Chronology and spread	172
<i>K.I. Panchenko.</i> Potter's stamps of the 12 th – 19 th cc. on clay vessels from the excavations in the town of Dmitrov	197
<i>V.V. Beilekchi, V.V. Rodin.</i> Researches in the Teremki and Pushkarskaya streets in the town of Suzdal	205
<i>D.Yu. Badeev.</i> Game pieces from Rostislavl Ryazansky	229
<i>M.V. Tsybin.</i> Medieval open dwelling site Dmitrovskoe-2 (Some results of the investigations of the season 2005)	234
<i>A.S. Syrovatko, T.N. Ul'yanova, V.V. Cherkasov.</i> Excavations of medieval open dwelling site Lystsevo	242
<i>O.V. Dvurechensky.</i> Pieces of weaponry, rider's equipment and saddle-horse harness details from the land survey in the territory of the Tushino camp	254
<i>O.V. Dvurechensky.</i> Arrowheads of Muscovite Rus' and the Russian state in the 15 th – 17 th cc.	277
<i>A.V. Alekseev.</i> New researches in the Zvenigorod vicinity. An attempt of localization of the geographic terms used in the charter of 1504	332
<i>K.A. Aver'yanov.</i> Concerning the date of foundation of St. Nicholas Monastery on the Ugresha River	345
<i>V.I. Vishnevsky.</i> Water-pipe and drains in the Trinity-St. Sergius Monastery in the 16 th – 17 th cc.	349
<i>V.V. Shcherbakov.</i> Tiles from the tsar's travel palace in village Slotino	360
<i>A.S. Syrovatko, Yu.N. Chuvilyaeva.</i> Investigations in the territory of F.M. Dostoevsky museum-estate Darovoe	366
<i>A.A. Polyulyakh.</i> Faience production from Ya.T. Fartalny & S.T. Fartalny works	374
Summaries	384
Abbreviations	385
About the authors	390

Третий выпуск сборника «Археология Подмосковья» включает материалы докладов, заслушанных на четвертом заседании семинара «Археология Подмосковья», проведенном в декабре 2005 г. Публикация докладов семинара стала ежегодной, география издания расширилась.

В новый том сборника вошли статьи, посвященные результатам раскопок последних лет, проводившихся Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок и Ростиславльской экспедицией отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН, Государственным Историческим музеем, Археологическим центром Коломны на территории Московской области, а также Государственной дирекцией по охране памятников Владимирской области — в г. Суздале. В представленных вниманию читателей статьях вводятся в научный оборот итоги работ на вновь открытых и ранее известных памятниках, а также представлены результаты систематизации материала, известного по раскопкам прошлых лет. Не обойдены вниманием и вопросы истории становления археологической науки в России, в том числе и самые острые (судьба и научное наследие А.В. Чаянова). Некоторым ключевым памятникам посвящены серии статей, рассматривающих их с различных сторон, в том числе и с точки зрения естественно-научных исследований при проведении археологических работ (Мякининский комплекс, городище Ростиславль). Большой интерес представляют работы, посвященные публикации материалов исследований прошлых лет (курган-

ных древностей) и систематизации музейных коллекций (предметы вооружения из Тушинского лагеря, наконечников стрел XV—XVII вв., клейм на керамике Ростово-Суздальской земли).

В третьем выпуске публикуются некоторые материалы, посвященные результатам раскопок во Владимиро-Суздальской земле. Суздаль и его окрестности не входят в регион Подмосковья, но такое расширение географии сборника вполне закономерно: семинар «Археология Подмосковья» получил признание не только у археологов Москвы и Московской области, сотрудников отделов славяно-русской археологии и охранных раскопок Института археологии РАН, ГИМ, Музея истории г. Москвы, но и у коллег из соседних регионов. В то же время, интересы археологов, работающих в Подмосковье, также не могут замыкаться лишь на материалах этого региона, но требуют привлечения результатов, полученных на сопредельных территориях. Поэтому расширение географии сборника будет продолжаться, а двери семинара «Археология Подмосковья» и сборника с тем же названием будут по-прежнему широко открыты для всех исследователей, профессиональные интересы которых связаны с Центральной Россией и ее ядром — Подмосковьем.

Полученные в результате исследований данные расширяют информационную базу не только археологических исследований, но и всей исторической науки, дают новые знания по истории и культуре центральной зоны Восточной Европы.

*Энговатова А.В.,
Коваль В.Ю.,
Кузина И.Н.,
Скоробогатова Т.В.*

Многослойное поселение Подол 1 в исторической части города Подольска: результаты исследований и интерпретация материалов

Изучение древней истории малых городов России является одним из традиционных направлений в отечественной археологии. Не так давно в число объектов, охваченных археологическими исследованиями, был включен и подмосковный Подольск. Хотя история Подольска как города насчитывает немногим более двухсот лет, на его территории, в долине реки Пахры, сохранились следы пребывания человека с глубокой древности до позднего средневековья.

В 1994 г. в пределах исторической части Подольска, на территории Историко-мемориального музея-заповедника «Подолье», были начаты комплексные междисциплинарные научно-исследовательские работы археолого-палеогеографического профиля (Гоняный, 1994). Археологический цикл работ предполагал поиск и дальнейшее изучение древних памятников. С этой целью проводилась детальная разведка, включавшая визуальный осмотр и рекогносцировочную шурфовку как на площади заповедника, так и вне его пределов. Палеогеографические исследования были нацелены на изучение современных и реконструкцию древних ландшафтов в соответствии с этапами заселения левобережья р. Пахры (правый приток р. Москвы), что позволило представить историю ее долинных и окружающих водораздельных участков за длительный период — от позднего ледникового голоцена до современности. Исследованная территория исходно располагалась на низкой надпойменной террасе, которая в настоящее время развивается по типу поймы в связи с подъемом уровня воды в Пахре плотиной, сооруженной ниже по течению. Ретроспективный анализ современных ландшафтов проводился с использованием методов географических дисциплин — почвоведения, палеогеографии, палеоботаники и геоморфологии. Степень воздействия человека на окружающую среду определялась ландшафтно-геохимическим методом. Весь комплекс географических методов совместно с результатами историко-археологических иссле-

дований и данными датирования отложений методом радиоуглеродного анализа позволил впервые для территории заповедника установить сложную и длительную историю развития всех компонентов ландшафта, коренным образом изменившегося к настоящему времени (Гоняный и др., 2006).

С археологической точки зрения наиболее перспективной для дальнейшего изучения оказалась северная часть территории заповедника. Здесь, у самой ее границы, был открыт многослойный памятник, получивший название Подол 1 и представляющий собой комплекс остатков древних поселений разного возраста. Памятник расположен на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега Пахры, на высоте 3–6 м над урезом воды. С севера он ограничен спланированным оврагом, выходящим в пойму реки, и тяготеет к приустьевой части правого борта этого оврага. В первой половине XX в. территория памятника распахивалась под огороды, впоследствии была частично занята парниками (рис. 1).

В 1995–1996 гг. многослойное поселение Подол 1 изучалось археологическими раскопками, проводившимися сотрудниками Верхне-Донской археологической экспедиции ГИМ при участии специалистов Института географии РАН А.Л. Александровского и М.П. Гласко (Гоняный, 1995; 1996). Вскрытая площадь составила 190 кв. м (рис. 2). Раскоп был заложен в месте присоединения надпойменной террасы к более древнему высокому уровню. В процессе раскопок выяснилось, что культурные напластования памятника имеют переотложенный характер. Верхний почвенный горизонт темно-серого суглинка (до 0,6 м от уровня дневной поверхности) в значительной степени нарушен позднейшими перепланировками и насыщен современным бытовым и строительным мусором. Нижележащие слои темно-серого суглинка слоистой структуры с бурыми материковыми включениями, мощностью до 0,6 м и темно-серого гуму-

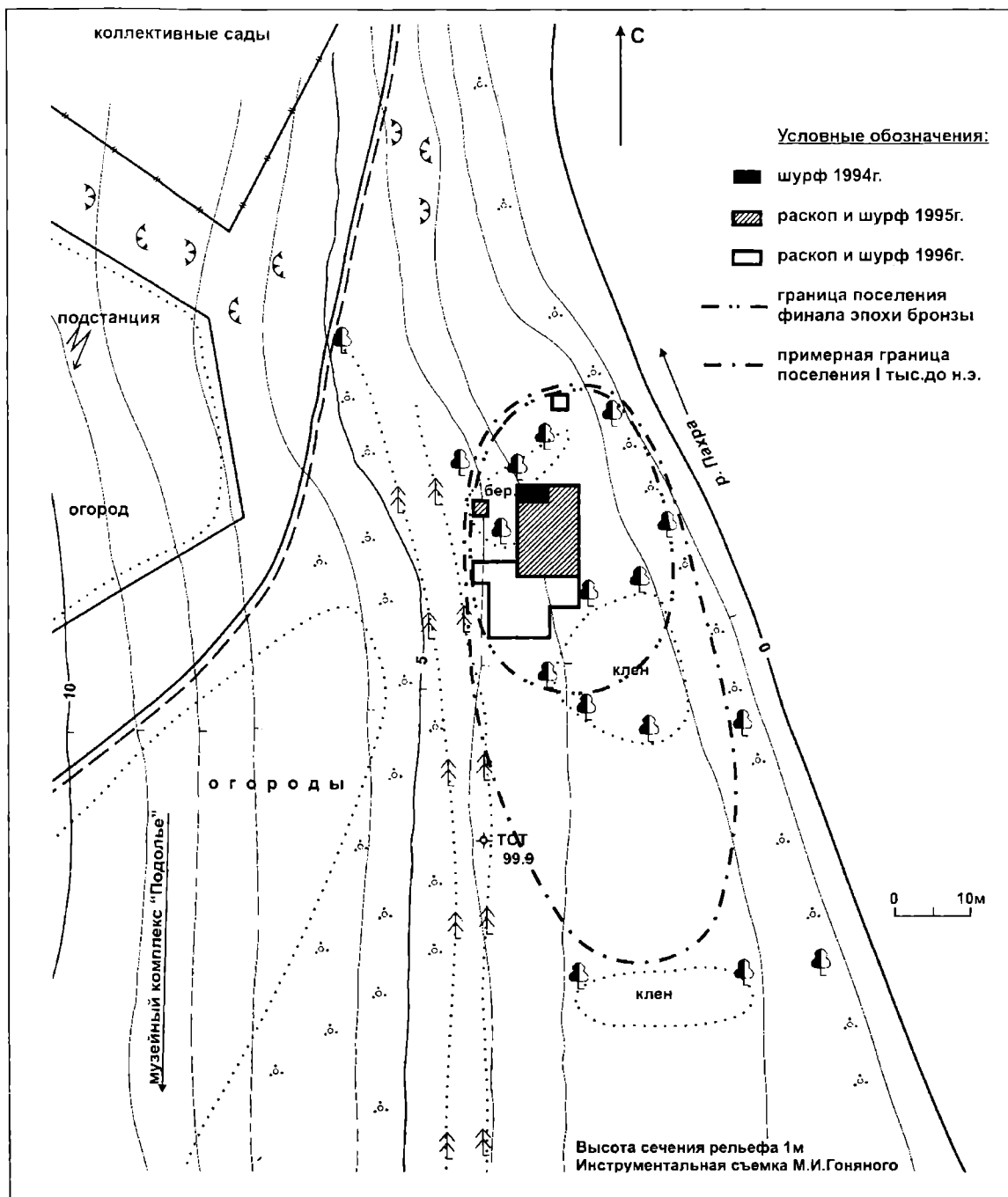

Рис. 1. Московская область, г. Подольск. Многослойное поселение Подол I (мезолит (?), неолит, конец II — начало I тыс. до н.э., XIII — XVIII вв.). Топографический план.

сированного суглинка мощностью до 0,4 м не несут следов позднеантропогенного воздействия. Они имеют делювиальную природу. Их формирование вызвано эрозией почвы более высоких, западных, склоновых участков террасы.

Интенсивности эрозионных процессов в древности способствовал палеорельеф исследованного участка, имевшего, как показали раскопки, сложное строение и существенно больший, чем сегодня, уклон к реке. Вероятно, этим следует объяснять неравномерность простран-

ственного размещения культурных напластований, мощность которых возрастает в восточном направлении, по склону террасы. Здесь же, на прилегающей к реке части памятника, а также в заполнении выходящей с запада овражной промоины, устье которой выявлено на уровне 0,5–1 м от уровня современной дневной поверхности, концентрируется основная масса разновременного археологического материала. Типологический анализ находок, их планиграфическое и стратиграфическое распределение позволили уста-

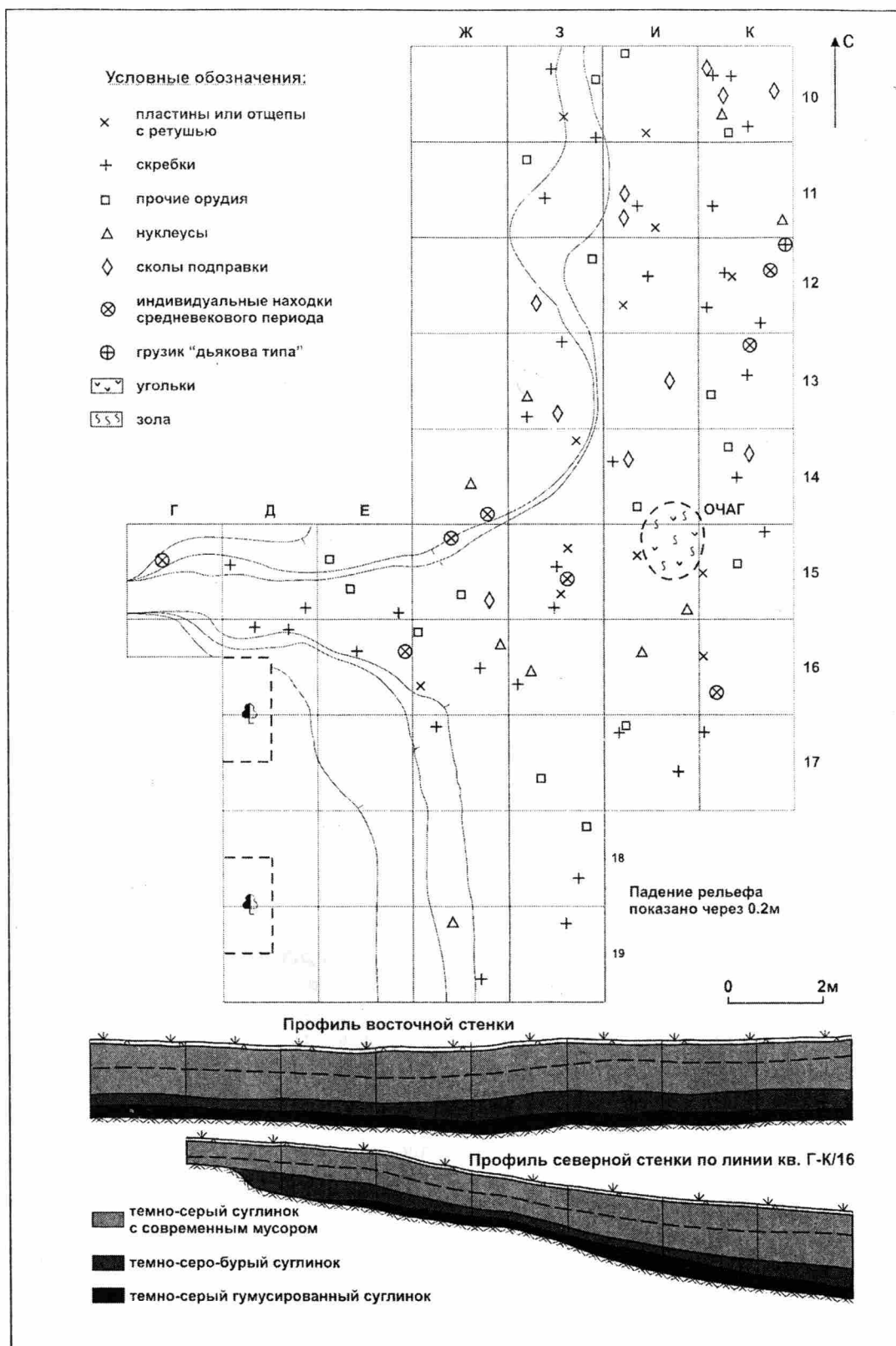

Рис. 2. Многослойное поселение Подол 1. Планиграфия и стратиграфия раскопов 1995—1996 гг.

новить последовательное существование на этой территории неолитической стоянки (IV—III тыс. до н. э.), поселений финала бронзового века (конец II — начало I тыс. до н. э.) и началь-

ного этапа дьяковской культуры раннего железного века (середина — третья четверть I тыс. до н. э.), а в средневековый период — селища XIII—XVIII вв.

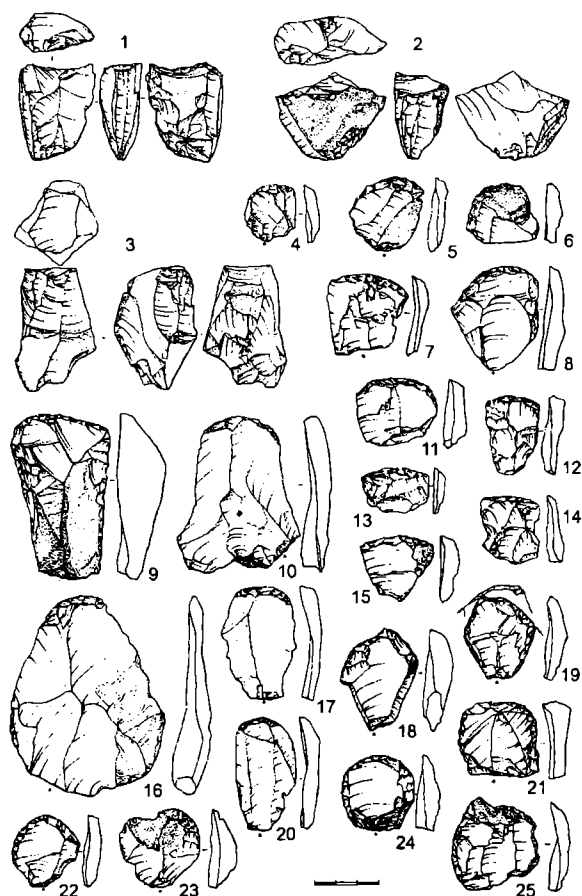

Рис. 3. Многослойное поселение Подол 1.
Кремневый инвентарь.

1-3 — нуклеусы и нуклеидные; 4-25 — скребки

С древнейшими обитателями исследованного участка связаны обнаруженные при раскопках поселения Подол 1 многочисленные свидетельства первобытной кремневой индустрии. Показательно, что насыщенность культурных напластований памятника кремневым дебитажем резко возрастает в основании темно-серо-бурого слоистого суглинки и достигает максимума в нижележащем, перекрывающем материк слое. Всего в пределах раскопанной площади собрано более полутора тысяч находок из кремня. Кремь местный, в основном низкого качества, разнообразных оттенков. Преобладают предметы, несущие следы воздействия огня, изменившие свой естественный цвет.

Кремневый инвентарь памятника может быть разделен на три группы: 1) отходы производства и дебитаж; 2) нуклеусы и нуклеидные предметы; 3) изделия, их обломки и заготовки¹. Первая

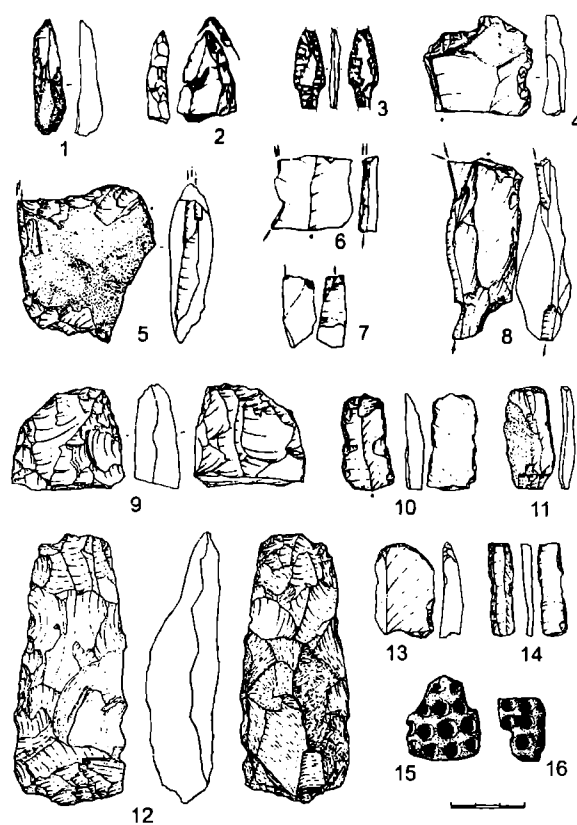

Рис. 4. Многослойное поселение Подол 1.
Кремневый инвентарь.

1 — сверло; 2 — проколка; 3 — наконечник стрелы; 4 — скобель; 5-8 — резцы; 9 — обломок рубящего орудия; 10, 11, 13, 14 — пластины с ретушью; 12 — заготовка тесла; 15, 16 — лепная керамика эпохи неолита

и самая представительная в количественном отношении группа (83 %) включает отщепы разных размеров, пластины и сколы, оказавшиеся не пригодными для практического использования. Абсолютно преобладают отщепы, число пластин без следов вторичной обработки и/или утилизации сравнительно невелико (14 %). Некоторые предметы этой группы получены на заключительном этапе изготовления орудий — это сколы подправки нуклеусов и резцов, резцовые отщепы, ребристые пластины и ребристые сколы.

Вторая группа артефактов из кремня (рис. 3, 1-3) представлена одноплощадочными нуклеусами для скалывания пластин — торцевыми (3 экз.), призматическими (2 экз.), аморфным и нуклеидными предметами (4 экз.), которые интерпретированы как сработанные нуклеусы.

В третью группу объединены конечные продукты кремневой индустрии. В основном, это

¹ Выражаем искреннюю признательность А.Е. Кравцову (ГИМ) и Е.В. Леоновой (ИА РАН) за помощь в определении кремневого инвентаря.

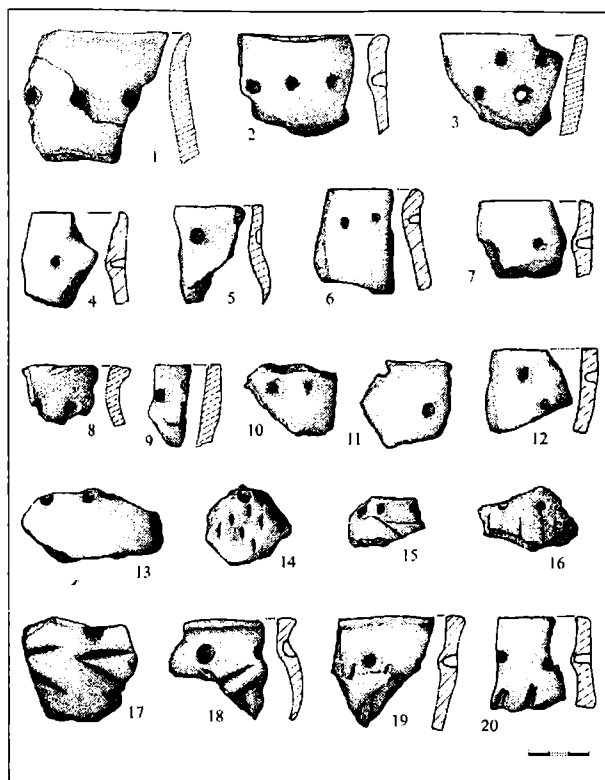

Рис. 5. Многослойное поселение Подол 1.
Лепная керамика финала бронзового века с ямочно-жемчужной орнаментацией.

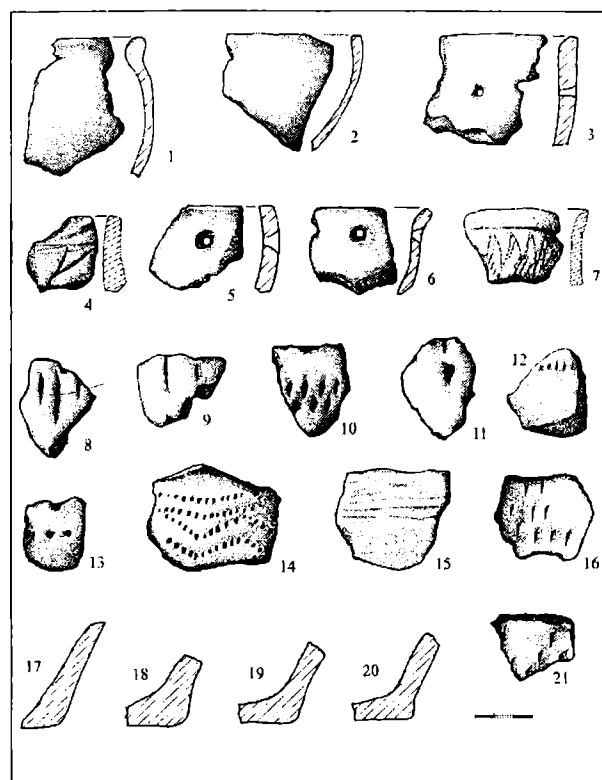

Рис. 6. Многослойное поселение Подол 1.
Лепная керамика финала бронзового века.

орудия труда древних обитателей исследованного участка. Эта группа предметов подразделяется на две подгруппы: 1) морфологически выраженные изделия, их заготовки и полуфабрикаты; 2) морфологически невыраженные изделия.

В первой подгруппе доминируют скребки на отщепах и пластинах с вторичной обработкой рабочей кромки в технике регулярной ретуши (33 экз.). В качестве заготовок для скребков использованы разнообразных форм и размеров сколы. Большинство скребков концевые, с выпуклым или прямым лезвием (рис. 3, 4–17, 20, 22, 23). Помимо них, обнаружено четыре скребка с лезвием по части периметра (рис. 3, 18, 19, 21) и три подокруглых скребка, ретушированных практически по всей окружности (рис. 3, 24, 25).

Орудия с исключительно режущей функцией представлены шестью предметами (рис. 4, 5–8): это резцы двойные угловые на сломе заготовки (3 экз.), резцы двойные из фрагмента пластины (2 экз.), резец ретушный на отщепе. В числе изделий других категорий кремневого инвентаря — два перфоратора (сверло и проколка) (рис. 4, 1, 2), орудие-скобель с боковой выемкой (рис. 4, 4), массивная заготовка тесла (рис. 4, 12), обломки орудий рубящего действия (3 экз.) (рис. 4, 9). Из предметов охотничьего снаряже-

ния отметим наконечник стрелы с пером вытянуто-треугольной формы и четко выделенным черешком. Жало пера и пятка черешка у наконечника обломаны. Края по всей плоскости покрыты регулярной двусторонней ретушью, брюшко и спинка не ретушированы (рис. 4, 3).

К подгруппе морфологически невыраженных изделий отнесены отщепы (10 экз.) и пластины (14 экз.) с ретушью (рис. 4, 10, 11, 13, 14). Принадлежность первых к той или иной категории орудий не установлена. В ряде случаев трудно даже определить, является ли ретушь на этих предметах формирующей (искусственной) или утилизационной (образованной при взаимодействии между обрабатываемым материалом и материалом орудия). Некоторые такие предметы выглядят как бракованные заготовки. Среди пластин выделяются крупные с регулярной или нерегулярной ретушью по продольным краям, и мелкие с ретушью на поперечном крае.

Таким образом, в коллекции кремневого инвентаря многослойного поселения Подол 1 присутствуют различные по сохранности, функциональному назначению и качеству исполнения предметы, которые характеризуют хозяйственную составляющую жизни первобытных обитателей исследованной территории. В целом, можно констатировать, что уровень местного

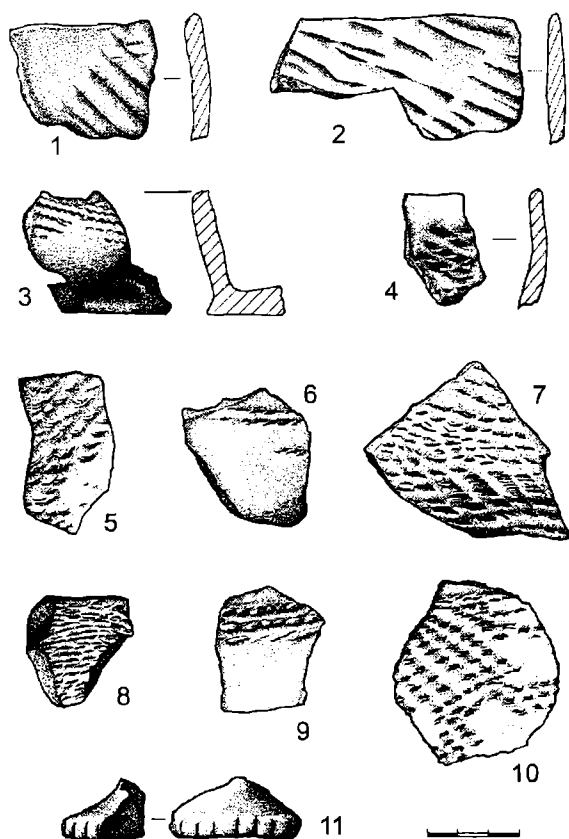

Рис. 7. Многослойное поселение Подол 1.

Находки I тыс. до н. э.

1–10 — фрагменты лепных сосудов со штрихованной и сетчатой поверхностью; 11 — обломок грузика «дьякова типа»

кремневого производства, базировавшегося на использовании низкосортного сырья и оперировавшего весьма ограниченным набором технических приемов обработки кремня, был здесь сравнительно невысок. В этом отношении показательным преобладание в материалах памятника изделий грубых форм, не отличающихся многообразием состава, категорий и типов орудий, отсутствие надежных культурно-хронологических индикаторов.

Последнее, учитывая переотложенный характер культурных напластований, делает практически невозможным соотнесение конкретных предметов кремневого инвентаря с какой-либо эпохой или археологической культурой. Вероятна связь основной массы найденного на поселении кремня с племенами льяловской культуры эпохи неолита, населявшими Волго-Окское междуречье в IV — первой половине III тыс. до н. э. На это указывают встреченные в нижнем слое памятника обломки характерной тонкостенной лепной посуды из плохо обожженной глины с мелкой органической приме-

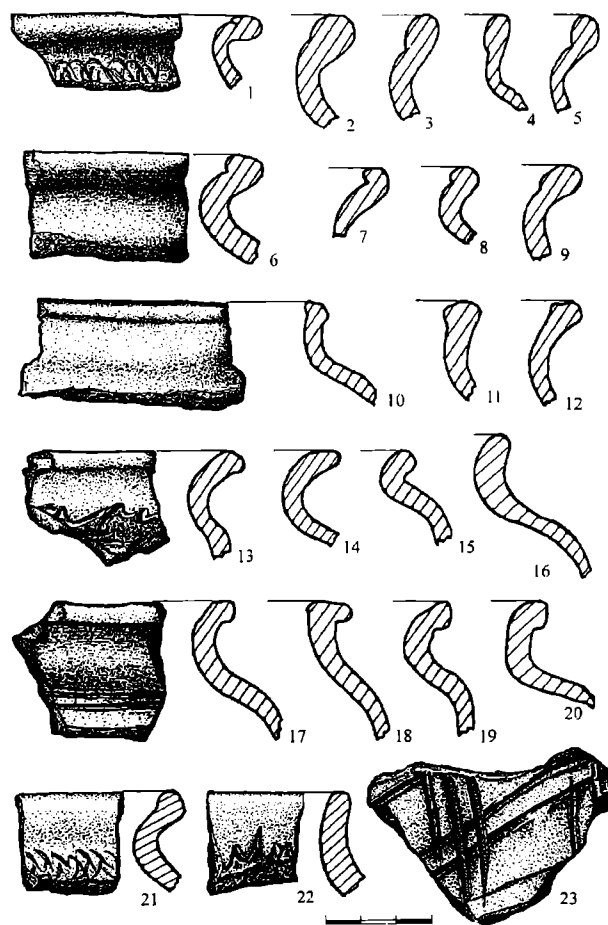

Рис. 8. Многослойное поселение Подол 1.
Средневековая круговая сероглиняная керамика с примесью крупного песка в тесте.

сью в тесте, поверхность которых сплошь покрыта округлыми вдавлениями (рис. 4, 15, 16) (Гурина, Крайнов, 1996. С. 173–180, рис. 55). В то же время нельзя исключать принадлежность какой-то части кремневых изделий к мезолиту и/или финалу бронзы.

Наибольший научный интерес в материалах памятника Подол 1 представляют остатки поселения финальной стадии бронзового века. Дело в том, что археологические объекты бассейна Оки этого времени немногочисленны и малоизучены, а в Москворечье они до сих пор вообще не были известны. Трудности их выделения в отдельную хронологическую группу вызваны редкостью датирующих находок и фрагментарностью керамических серий, часто не имеющих строгой привязки к каким-либо строительным сооружениям в рамках многослойных поселений. Разработку вопросов хронологии и культурной атрибуции памятников финала эпохи бронзы Поочья осложняет и то обстоятельство, что в их керамических комплексах просматривается эклектичное переплетение традиций це-

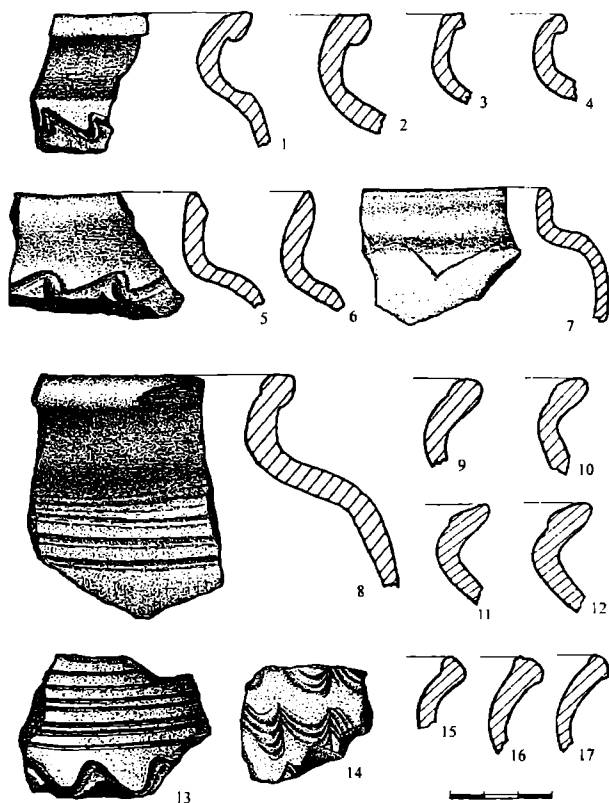

Рис. 9. Многослойное поселение Подол 1.
Средневековая круговая керамика, изготовленная
из беложгущихся глин с примесью крупного песка
в тесте.

лого ряда лесных и лесостепных культурных образований позднего бронзового века (Фоломеев и др., 1988. С. 183). Появление этих памятников непосредственно в Москворецком регионе, по-видимому, есть результат тех же, пока еще мало-понятных процессов взаимодействия различных в этнокультурном отношении групп населения, впоследствии вытесненного и частично ассимилированного носителями культур сетчатой керамики (Бадер, 1970. С. 146; Бадер, Попова, 1987. С. 135; Челябинов, 2003. С. 169).

Достоверно с поселением финала эпохи бронзы на многослойном памятнике Подол 1 связаны обломки своеобразной глиняной посуды и очаг. Планиграфическая ситуация не дает оснований говорить о каких-либо выраженных скоплениях керамики в пределах раскопанной площади. Не занимает эта керамика и четкой стратиграфической позиции. Исходя из результатов палеопочвенных и палеогеоморфологических исследований (Гоняный и др., 2006), единичность фрагментов лепной посуды финала бронзы в верхнем почвенном горизонте (с современным мусором) и

их доминирование над круговой керамикой средневекового периода в нижележащих слоях темно-серо-бурого слоистого и темно-серого гумусированного суглинка следует считать вполне закономерным явлением.

Основную информацию о поселении финала бронзового века дает изучение керамического комплекса, содержащего 635 фрагментов лепных сосудов, единообразных по составу формовочной массы, качеству обжига и характеру обработки поверхности. Керамика средне- и толстостенная (0,5–1,2 см), желтовато-оранжевого и кремового оттенков (в единичных случаях — темно-коричневого и серо-черного), что свидетельствует о ее окислительном (костровом) обжиге в условиях свободного доступа кислорода (Малинова, Малина, 1988. С. 166–167). Тесто плотное, из визуально фиксируемых примесей в нем отмечены крупинки шамота, песка и кварцита. Абсолютное большинство (93 %) составляет гладкостенная керамика с тщательно заглаженной поверхностью. Лишь незначительное число фрагментов (5 %) имеет следы выравнивания поверхности гребенчатым инструментом или текстильные отпечатки (2 %)². На отдельных фрагментах отмечены сверлины, которые могли служить для подвешивания сосуда либо для его стягивания ремешками или скобами на месте трещины (рис. 5, 3, 11; 6, 3, 5, 6).

Орнаментировано около 20 % рассматриваемой керамической серии. Наблюдается тяготение орнамента к верхним частям (горлу и плечикам) сосудов при полном его отсутствии на придонных частях. Мотивы и композиции декора трудно уловимы в силу измельченности фрагментов. Система орнаментации предельно проста. Господствующий элемент в ней — округлые ямки, часто с «жемчужинами» на внутренней стороне сосуда, выстроенные в горизонтальный ряд или расположенные в шахматном порядке (рис. 5, 1–13). В некоторых случаях ямочные вдавления комбинируют с линзовидными вдавлениями, сделанными поставленной под углом палочкой или нарезным узором (рис. 5, 14–20). Упомянутые элементы, по-видимому, могли выполнять в рамках одного сосуда и самостоятельную орнаментальную функцию. На отдельных фрагментах отмечены вытянуто-треугольные отиски щепки, зубчатый штамп, вдавления инструмента с треугольной формой окончания, наколы (рис. 6, 4, 7–14, 16, 21).

О формах посуды позволяют судить их верхние и придонные части. Подавляющее боль-

² Определение «сетчатой» керамики позднебронзового облика произведено Б.А. Фоломеевым (ГИМ).

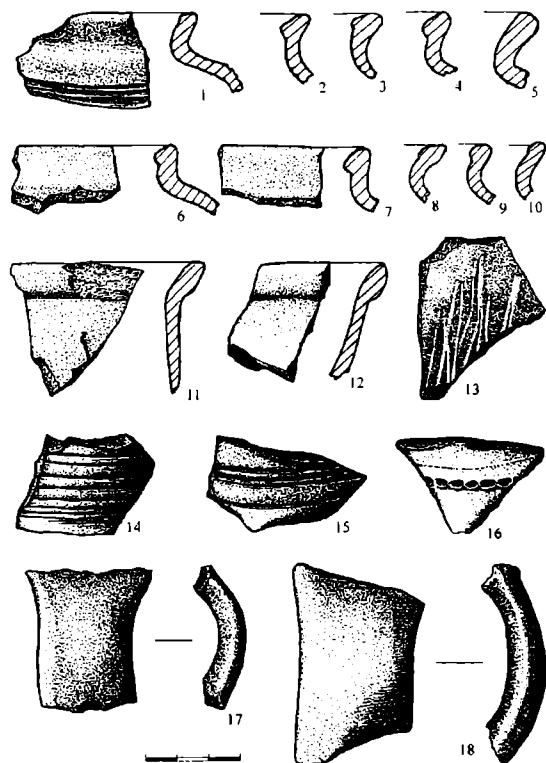

Рис. 10. Многослойное поселение Подол 1. Средневековая круговая керамика, изготовленная из красножгущихся глин.

- 1–5, 8–10 — венчики красной грубой керамики;
6, 7 — венчики красной гладкой посуды; 11, 12,
14–16 — фрагменты красноглиняных кувшинов;
13 — обломок стенки краснощеного сосуда;
17, 18 — ручки от красноглиняных кувшинов

шинство найденных венчиков принадлежит слабопрофилированным открытым и закрытым сосудам баночного типа (рис. 5, 1–9, 12, 19, 20; 6, 1, 3, 4, 5). Горшки и миски представлены единичными образцами (рис. 5, 18; 6, 2, 6, 7). У некоторых сосудов внешняя сторона венчика или короткой шейки имеет воротничковое оформление. Край нескольких венчиков украшен косыми насечками. Вся посуда за исключением мискообразной имела плоское дно, иногда с чуть выделенной закраиной в месте перехода к стенкам (рис. 6, 17–20).

К поселению финала бронзового века на памятнике Подол 1 относится небольшое очажное пятно овальной в плане формы с углисто-золистым заполнением, мощностью 1–2 см, расчищенное на материке в восточной части раскопанной площади, на уположенном участке древней поймы. Концентрация в ареале пятна описанной выше лепной керамики позволяет соотносить их по времени.

Для уточнения абсолютного возраста поселения важное значение имеют результаты ра-

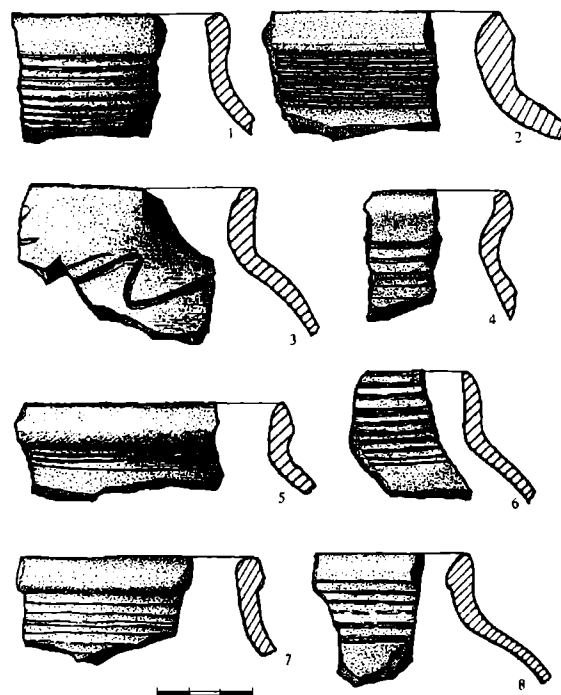

Рис. 11. Многослойное поселение Подол 1. Средневековая круговая белоглиняная керамика с примесью мелкого песка в тесте.

диоуглеродного датирования. Первая дата — 2710 ± 80 л.н. = 760 ± 80 до н.э. (Ки 5208), калиброванная 843 г. до н.э. (интервал 927–807 гг. до н.э.) — получена по углю из толщи предметерикового темно-серого гумусированного суглинка (глубина 1,2 м от уровня дневной поверхности), содержавшего керамику исключительно финальнобронзового облика. Образец угля для второй даты — 2840 ± 70 л.н. = 890 ± 70 до н.э. (Ки 5209), калиброванная 1002 г. до н.э. (интервал 1011–915 гг. до н.э.) — взят из заполнения очажного пятна (глубина 1,65 м). Возраст по C^{14} в годах тому назад дается от 1950 года. В результате калибровки, проведенной с помощью компьютерной программы Университета Вашингтона 1997 года, календарный возраст образцов оказался на 80–110 лет древнее некалиброванного.

Таким образом, время существования поселения укладывается в рамки конца II — первых двух веков I тыс. до н.э., что соответствует радиоуглеродной хронологии памятников Почья, обязательным атрибутом которых является текстильная керамика развитого облика (Сулержицкий, Фоломеев, 1993а. С. 27–29), сопоставимая с «раннесетчатой» подольской. Абсолютно доминирующая в материалах памятника Подол 1 гладкостенная посуда таких соответствий не находит. Наибольшее сходство с ней

обнаруживает керамика позднего этапа поздняяковской культуры (Попова, 1985. С. 134–181). Черты позднепоздняковских керамических традиций проявляются в малой вариативности форм сосудов, среди которых преобладают баночные, характере обжига, наборе примесей к глиняному тесту. Особенно показательны простота орнаментации подольской посуды, частая повторяемость на ней однообразного округло-ямочного узора, редкость зубчатых отпечатков.

Вместе с тем на отдельных фрагментах отмечено использование нехарактерных для поздняяковцев орнаментальных приемов (вдавления концом щепки, наколы). Аналогичным образом украшенная посуда встречается вместе с «ямочно-жемчужной» на ряде памятников конца II тыс. до н. э. Окско-Донского междуречья (Екимов, 1992; Ставицкий, Челябинов, 1997). Но наиболее близка она керамике бондарихинского типа с территории лесостепного Подонья (Екимов, Беседин, 1980. С. 83–88, рис. 2, 3).

Один из венчиков, принадлежащий сравнительно тонкостенному сосуду с приотстранным краем и прямой шейкой, на которой оттисками мелкозубчатого штампа нанесен горизонтальный зигзагообразный узор (рис. 6, 7), напоминает посуду лесных культур фатьяновско-балановского круга (Крайнов, 1972. С. 120–122).

Явное преобладание поздняяковских черт позволяет рассматривать поздняяковскую культуру как подоснову в процессе сложения типа памятников, представленных поселением Подол 1. Последнее расположено на значительном удалении к западу от ареала классических поздняяковских древностей и основной группы памятников позднего этапа культуры (Попова, 1970. С. 251–261; Челябинов, 2003. С. 169). При этом керамика подольского поселения обладает определенным своеобразием и в сравнении с позднепоздняковской посудой (Попова, 1985. С. 163–185), и в сравнении с посудой поселений конца бронзового века Средней Оки (Фоломеев, 1994. С. 147–149). Ближайшие параллели она находит южнее, в керамическом комплексе поселения Октябрьское 5 на р. Упе Окско-Донского водораздела (Екимов, 1992), что дает основание для синхронизации этих памятников.

В круге поздняяковских древностей бассейна Оки, в целом прекращающих свое существование к концу II тыс. до н. э. (Бадер, Попова, 1987. С. 135; Сулержицкий, Фоломеев, 1993б. С. 45; Челябинов, 2003. С. 169), поселения Октябрьское 5 и Подол 1 представляют собой пережиточное явление. Их территориальный отрыв от основного ядра поздняяковской культуры способствовал,

с одной стороны, консервации поздняяковских традиций, а с другой, усилению связей с носителями соседних культурных образований. Результат таких взаимодействий заметен и на октябрьских материалах, которые характеризуются более выраженными бондарихинскими чертами при отсутствии признаков влияния культур шнурового мира и сетчатой керамики, и на подольской посуде, где это влияние в той или иной мере прослеживается.

На поселении Подол 1 встречены находки, позволяющие сделать выводы о существовании здесь поселения дьяковской культуры. Было ли оно городищем или поселением, не имевшим фортификационных сооружений, каковы его площадь и планировка, точная хронология? Без проведения крупномасштабных археологических работ на эти и многие другие вопросы ответить сложно. Необходимо учитывать и тот факт, что рельеф надпойменной террасы, где расположен памятник, претерпел значительные изменения, вызванные антропогенным воздействием. В переотложенном культурном слое памятника не удалось обнаружить остатки каких-либо сооружений, которые можно было бы связать с поселением I тыс. до н. э. Незначительный по численности керамический материал (365 фрагментов) позволяет лишь в общих чертах дать характеристику памятника. Вся обнаруженная керамика лепная, с примесью крупной дресвы в тесте. 62,4 % фрагментов покрыто текстильными отпечатками (рис. 7, 3–10), у 1,4 % внешняя поверхность обработана грубыми расчесами (рис. 7, 1, 2). Венчики сосудов прямые или слегка отогнутые внутрь (рис. 7, 1, 2, 4), т. е. принадлежали слабопрофилированным сосудам баночной формы. Днища горшков плоские, с закраиной (рис. 7, 3). На донцах как с внешней, так и с внутренней стороны заметны сетчатые отпечатки. Формы сосудов, структура текстильных отпечатков на посуде (Кренке, 1987. С. 364, 396), а также обломок грузика «дьякова типа» (тип 1 по К.А. Смирнову; 1971. С. 81, 82, 92), позволяют датировать поселение серединой — третьей четвертью I тыс. до н. э.

В верхних горизонтах культурного слоя поселения Подол 1 встречено 2638 фрагментов круговой керамики, изготовленной из серо-, красно- и беложгущейся глины. К средневековому времени относятся железные черешковые ножи, фрагмент ключа от цилиндрического замка. Эти находки отражают факт существования на исследованном раскопками участке древнерусского поселения. К сожалению, из-за разрушенности культурного слоя селища не удалось выявить

следы каких-либо построек жилого или хозяйственного назначения и точно датировать памятник. Однако, более подробно изучив керамический материал, можно попытаться уточнить хронологические рамки существования средневекового селища.

Наиболее древние обломки посуды представлены курганной керамикой. Найдено ее всего 8 фрагментов, что составляет 0,3 % всей керамической коллекции. Серая грубая посуда представлена 813 фрагментами, что составляет 30,9 % от всей керамической серии. Из них 45 фрагментов украшено линейным орнаментом (рис. 8, 17), 44 — несут волнистый декор (рис. 8, 1, 13, 21, 22). Важно отметить, что часто орнаментальный пояс занимает верхнюю часть плечика и переходит на шейку сосуда (рис. 8, 1, 13, 21, 22). Венчики сероглиняных сосудов отогнуты наружу, шейка, как правило, имеет округлую форму, реже она расположена вертикально (рис. 8, 10, 18, 20). Черновой край чаще завернут внутрь, образуя округлые и уплощенные формы, а с внутренней стороны венчика прослеживается небольшая канавка (рис. 8, 1–12, 21). Довольно часто встречаются венчики горшков без утолщений (рис. 8, 13, 14, 22) или со слегка «припухлым» краем (рис. 8, 14, 16). Небольшой процент венчиков имеет отогнутый наружу край в виде утолщений или козырька (рис. 8, 17–20).

Белоглиняной керамики с примесью крупного песка в тесте обнаружено 346 фрагментов, что составляет 13,2 % всей коллекции. 26 обломков украшено линейным (рис. 9, 8, 13), 11 — волнистым орнаментом (рис. 9, 1, 5, 7, 13, 14). По профилировке венчиков эта группа керамики схожа с серой грубой посудой (рис. 9). Однако здесь чаще присутствуют вертикально поставленные или слабо отогнутые наружу венчики без утолщений чернового края (рис. 9, 5–7), а также венчики с резко отогнутым наружу краем (рис. 9, 1–4). Очень редко встречаются верхние части сосудов с канавкой (рис. 9, 15). Немногочисленны отогнутые наружу венчики, черновой край которых срезан и имеет небольшие утолщения с внешней и внутренней сторон (рис. 9, 16, 17).

Красной грубой керамики найдено 114 фрагментов (4,3 % коллекции). Только 5 обломков украшены линейным орнаментом (рис. 10, 1–5, 8–10). Все венчики красной грубой посуды отогнуты наружу, черновой край загнут внутрь сосуда (рис. 10, 1–4, 8–10). В редких случаях встречаются верхние части горшков, край которых оформлен без утолщений или имеет немного «припухлую» форму (рис. 10, 5).

Несколько чаще встречается красноглиняная керамика с примесью мелкого песка в тесте (215 фрагментов — 8,1 % всей коллекции). В 6 случаях подобная керамика украшена линейным орнаментом. Венчики горшков имеют вертикальную шейку, черновой край загнут внутрь и образует уплощенные утолщения (рис. 10, 6, 7).

Краснолощенная столовая посуда составляет всего 1,3 % — 35 фрагментов (рис. 10, 13). Как правило, это обломки кувшинов, изготовленных из красножгущейся глины с примесью мелкого песка. К ним примыкают обломки кувшинов без следов лощения (поскольку эти обломки относились к таким частям сосудов, которые не всегда не лощились — горловинам и ручкам). Венчики кувшинов имеют вертикальную или слегка отогнутую наружу горловину. Их черновой край завернут наружу в виде уплощенных или округлых наплывов (рис. 10, 11, 12). Верхняя часть тулова кувшинов украшалась линейным или ямочным орнаментом (рис. 10, 14–16). Ручки кувшинов массивные, в сечении имеют овальную форму (рис. 10, 17, 18).

Красноглиняная керамика с белым ангобом представлена всего 4 фрагментами (0,2 %).

Самой многочисленной группой керамики в рассматриваемой коллекции является белоглиняная с примесью мелкого песка в тесте — она составляет 32,7 % (863 фрагмента). В подавляющем большинстве случаев тулово у горшков не орнаментировалось, глубокие горизонтальные линии покрывали их венчики (рис. 11, 1, 2, 4–8). Сами венчики имели вертикальную или слегка изогнутую форму. Края горшков бывали немного «припухлыми» (рис. 11, 1, 2) или не иметь утолщений (рис. 11, 4, 6), но чаще черновой край завернут внутрь сосуда, имеет уплощенную форму и небольшую канавку (рис. 11, 3, 8).

Небольшим числом обломков представлена позднесредневековая мореная, чернолощенная и глазурованная керамика.

Рассмотрев достаточно представительную и выразительную керамическую серию средневековой эпохи, можно сделать следующие предварительные выводы. Наиболее ранней является посуда, изготовленная из серожгущейся и беложгущейся глины, имеющая в качестве отощителя крупный песок. На территории южного Подмосковья она появляется в начале XIII столетия и бытует до конца XIV — XV вв. Красная грубая посуда характерна для XIV — первой половины XV в. Красная гладкая керамика появляется в конце XV в. и широко бытует в XVI в. Краснолощенная посуда появляется на памятниках Под-

московья в конце XIV в. и используется как столовая весь XVI в. Белоглиняная гладкая керамика появляется в небольшом количестве в слоях городских и сельских поселений на юге Подмосковья на рубеже XV—XVI вв. В XVI—XVII вв. она занимает господствующее положение в домашнем обиходе как столовая и тарная посуда.

Находки различной по тесту, орнаментации, форме и назначению посуды, изготовленной на

гончарном круге, металлических предметов, пряслиц, вырезанных из фрагментов керамики, медной монеты XVIII в. дают возможность утверждать, что на рассмотренном участке в период с XIII по XVIII в. существовало сельское неукрепленное поселение, скорее всего, малодворная деревня, которую вряд ли можно отождествлять с селом Подол, известным по письменным источникам с XVII в.

Литература

- Бадер О.Н., 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Бадер О.Н., Попова Т.Б., 1987. Поздняя культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.
- Гоняный М.И., 1994. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в исторической части г. Подольска и Подольском районе Московской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 18404.
- Гоняный М.И., 1995. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в исторической части г. Подольска на территории историко-мемориального музея-заповедника «Подолье» и в Домодедовском районе Московской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19111.
- Гоняный М.И., 1996. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в Домодедовском и Подольском районах и в г. Подольске Московской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гольева А.А., 2006. Природно-исторический ландшафт территории Историко-мемориального музея-заповедника «Подолье»: первые результаты изучения, проблемы восстановления и музеефикации // Проблемы сохранения историко-культурного наследия Подольского края. Подольск.
- Гурина Н.Н., Крайнов Д.А., 1996. Льяловская культура // Неолит северной Евразии. Археология. М.
- Екимов Ю.Г., Беседин В.И., 1980. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж.
- Екимов Ю.Г., 1992. Поселение поздняя культура под Тулой // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.
- Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.
- Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Дисс. ... канд. ист. наук. Приложение. М.
- Малинова Р., Малина Я., 1998. Прыжок в прошлое. М.
- Попова Т.Б., 1970. Карта памятников поздняя культура // Тр. ГИМ. Вып. 44. М.
- Попова Т.Б., 1985. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняя культура на Средней Оке // Тр. ГИМ. Вып. 60. М.
- Смирнов К.А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дыжка типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М.
- Ставицкий В.В., Челяпов В.П., 1997. Керамика с ямчато-жемчужной орнаментацией на Верхней Суре и Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань.
- Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А., 1993а. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола.
- Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А., 1993б. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.
- Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман М.А., 1988. Климентовская стоянка // Тр. ГИМ, вып. 68. М.
- Фоломеев Б.А., 1994. Шишкинское городище // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М.
- Челяпов В.П., 2003. Поздняя культура — проблема происхождения, хронология, территория распространения, дальнейшая судьба // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конференции. Ч. I. М.

Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье*

Коломенское Поочье является частью Среднего Поочья в районе впадения в Оку реки Москвы. Этот регион долгое время оставался белым пятном на карте памятников эпохи бронзы, хотя здесь известны как более ранние (палеолит, мезолит, неолит), так и более поздние памятники (раннего железного века). До начала 1990-х годов здесь были зафиксированы только 3 случайные находки изделий, относившихся к эпохе бронзы:

1) ромбический усеченный (хордовый) сверленный топор-молоток (хранится в ГИМ), найденный на берегу Оки у дер. Спиридоново (Свиридоново);

2) каменные молот и топор, найденные у дер. Власьево (в Зарайском районе, к востоку от р. Осетр), место хранения которых неизвестно (Крайнов, 1963. С. 40, 42);

3) обломок керамики эпохи бронзы (?), найденный на берегу р. Осетр у дер. Бебихово (Розенфельдт, 1976. С. 23).

Создавалось впечатление о почти полной незаселенности этого края в III–II тыс. до н. э. При этом территориально ближайшие поселения и могильники средней и поздней бронзы располагались около Рязани (поздняковская культура), в Подесенье (сосницкая культура) и в Верхнем Подонье (бондарихинская и абашевская культуры).

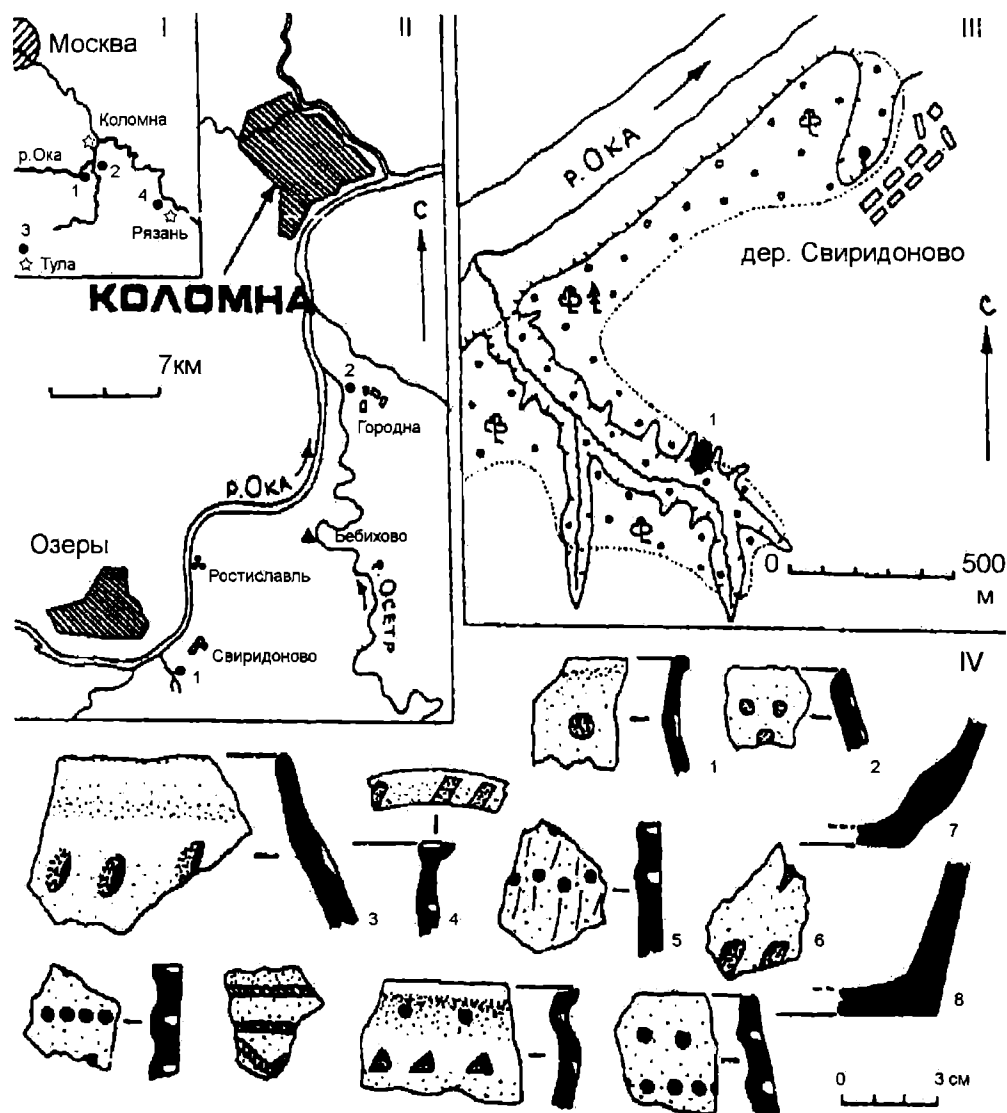
Работы Ростиславльской экспедиции ИА РАН, проводившиеся в этом регионе с 1991 г. до настоящего времени, позволили скорректировать прежние представления. Список случайных находок пополнился находками с городища Ростиславль и его ближайших окрестностей, где были обнаружены (в переотложенном состоянии в слоях эпохи средневековья) 3 обломка каменных сверленных боевых топоров, обломок каменной сверленной булавы и своеобразный по форме каменный топор без сверлины, интер-

претированный как церемониальное навершие (Коваль, 1995. С. 90–93). Неподалеку от Ростиславля, близ села Сосновка, также при случайных обстоятельствах местным жителем Ф.П. Шайдровым был найден и передан экспедиции клиновидный топор, изготовленный из красного песчаника. Наконец, на площади городища Ростиславль найдены разрозненные обломки керамики, близкой посуде примокшанской культуры (определение В.П. Челяпова).

При проведении археологических разведок в регионе были обнаружены также 2 поселения эпохи поздней бронзы — Свиридоново 1 и Городна 4 (АКР, 1997. № 2306, 2235. С. 130, 110). Топография этих поселений различна: если первое располагается на мысовидном выступе платообразной равнины, составляющей высокий коренной правый берег р. Оки, и находится в верховье глубокого оврага с ручьем (в 0,7 км от Оки, на высоте 40 м над уровнем воды в реке), то второе размещается на пологом склоне первой надпойменной террасы р. Осетр, при впадении в нее крупной балки (рис. I; рис. II). Хотя культурный слой обоих поселений почти полностью уничтожен современной распашкой, на них удалось собрать схожую лепную керамику. Наиболее представлен комплекс этой керамики с поселения Свиридоново 1, менее поврежденного пашней (рис. IV).

Практически вся керамика, за исключением одного мелкого обломка сетчатой («мелкорябчатой») керамики и одного обломка сосуда с отпечатками шнура (рис. IV, 10), относилась к ряду гладкостенной посуды, изготовленной из слабожелезненной глины с примесью мелкой или средней (не более 2 мм в поперечнике зерен) кварцитной дресвы и иногда — мелкого песка. Вероятно, использовались два сорта глин — естественно-жирные и запесоченные, в которые в обязательном порядке добавлялась калибро-

* Статья является расширенным и переработанным вариантом работы, опубликованной в малодоступном издании (Коваль, 1997. С. 14–16).

I. Схема расположения поселений эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье и на сопредельных территориях. II. Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье. III. Местоположение поселения Свиридиново 1 (план-схема). IV. Керамика поселения Свиридиново 1. 1 — Свиридиново 1; 2 — Городна; 3 — Октябрьское 5; 4 — Логинов хутор, Фефелов Бор

ванная дресва. Посуда изготавливалась с использованием неполного (кострового) окислительного обжига: поверхность сосудов получалась черной или желтой (реже — розовой), а излом, как правило, двухслойным. Характерной особенностью являлось быстрое размокание керамики в воде (черепок мягкий, мажется), что было следствием недостаточно высокой температуры обжига. При всей очевидной непрочности этих сосудов они отличались тонкостенностью (как правило, не более 0,5 см). Все обломки принадлежали сосудам баночных или закрытых близких шарообразных форм (насколько возможно определение формы сосудов по мелким обломкам) с наклонными внутрь краями (рис. IV, 2, 3, 12), хотя встречены и

обломки горшков с профилированными (изогнутыми) венчиками (рис. IV, 11). Днища горшков плоские, без следов подсыпок или каких-либо закраин (рис. IV, 7, 8). Преобладавшим типом орнамента был ямочный (глубокие вдавления параллельными рядами по верхней части тулова), но не менее часто встречались и треугольные, прямоугольные, полукруглые вдавления, нанесенные плоской палочкой, располагавшейся под углом к поверхности сосуда. В одном случае декор состоял из ногтевых вдавлений (рис. IV, 3).

Представленный керамический комплекс не может быть связан с материалом поздняяковской культуры, господствовавшей в эпоху поздней бронзы в соседнем Рязанском Поочье. В то же

время, он имеет заметное сходство по морфологии и орнаментике с керамикой поселения Октябрьское 5, исследованном на окраине г. Тулы (примерно в 100 км к юго-западу отсюда), т. е. в бассейне Верхнего Дона, которое признано относящимся к поздняяковской культуре при наличии ряда черт, характерных для бондарихинской культуры (Екимов, 1992. С. 71, 73. Рис. 3).

На наш взгляд, керамика поселений, открытых в Коломенском Поочье, имеет значительно большее сходство с комплексами поздней стадии бондарихинской культуры (Артеменко, 1987. С. 116–118. Рис. 54), чем с керамикой поздняяковской культуры. Присутствие в материалах поселения Свиридоново 1 раннесетчатой керамики, появляющейся в Поочье именно в эпо-

ху поздней бронзы, позволяет высказать предположение о датировке всего поселения в рамках конца II — начала I тыс. до н. э. Кроме керамических аналогий, на такую датировку (по крайней мере, в отношении поселения Свиридоново 1) указывает интересное наблюдение Б.А. Фоломеева об активном освоении высоких террас и водоразделов в Среднем Поочье именно в этот период, что связывалось им с изменениями климатических условий (Фоломеев, 1992. С. 82).

Новые открытия в Коломенском Поочье показывают, что эта территория была заселена на всем протяжении эпохи бронзы, в том числе и на ее позднем этапе, хотя плотность населения в то время была невелика.

Литература

- АКР. Московская область. М., 1997. Ч. 4.
- Артеменко И.И., 1987. Бондарихинская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Екимов Ю.Г., 1992. Поселение поздняяковской культуры под Тулой // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.
- Коваль В.Ю., 1992. Отчет об археологических разведках в Озерском районе Московской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Коваль В.Ю., 1995. Каменный топор из Ростиславля Рязанского // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 1997. Первые поселения эпохи бронзы в Коломенском Поочье // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Коломна.
- Крайнов Д.А., 1962. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. Вып. В1-19. М.
- Розенфельдт Р.Л., 1976. Отчет об обследовании археологических памятников Московской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5876.
- Фоломеев Б.А., 1992. Ландшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне Средней Оки в эпоху раннего металла // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

Археологические работы А.В. Чаянова в долине Москвы-реки в 1928—1929 годах

Личность Александра Васильевича Чаянова — выдающегося ученого-экономиста, литератора, московеда «вышла из тени» после снятия политического табу в конце 1980-х годов. О нем стали писать книги (Балязин, 1990), посвящать страницы интернета, а одна из улиц Москвы была названа в его честь.

Тем не менее результаты археологических исследований ученого по-прежнему оставались малоизвестными широкому кругу специалистов. Их нигде не публиковали. Судя по вложенному в архивное дело вкладышу, с отчетами А.В. Чаянова смогли ознакомиться лишь немногие археологи, среди которых были М.Г. Рабинович (1950 г.), П.А. Раппопорт и М.В. Фехнер (1955 г.), В.В. Седов (1961 г.), И.Г. Розенфельдт (1969 г.), Т.В. Равдина (1970 г.), И.О. Гавритухин (1986 г.) и Г.А. Новикова (1987 г.).

В книгах А.А. Формозова, посвященных историографии археологии, фамилия Чаянова даже не упоминалась (Формозов, 1989; 2004). Редким исключением стали слова, адресованные в 1987 г. академиком Б.А. Рыбаковым С.З. Чернову, возглавившему Московскую экспедицию: «Вам надо обязательно познакомиться с картой церкви Москвы А.В. Чаянова» (устное сообщение С.З. Чернова). Но и это последнее замечание касалось в первую очередь исторической «москвоведческой» работы ученого, а не его археологических полевых исследований в долине Москвы-реки.

Полевые археологические работы А.В. Чаянова, несмотря на сгушавшуюся вокруг него атмосферу политической травли, продолжались два сезона. В июле 1930 г. они были прерваны арестом ученого, последовавшим за сфабрикованным НКВД обвинением в организации «Трудовой крестьянской партии». Нелепость обвинения казалась настолько очевидной, что находившемуся в заключении Чаянову в одиночку удалось «разбить» аргументы следственной комиссии. В 1932 г. его признали невиновным. Однако уже в 1937 г., после повторного ареста,

А.В. Чаянов был приговорен к расстрелу. Он мужественно разделил судьбу основного объекта своих научных исследований — кооперативной крестьянской экономики.

Первые удары «грома» прогремели над головой Александра Васильевича Чаянова в 1928 г., когда он был снят с поста директора Института сельскохозяйственной экономики. Лишенный возможности полноценно работать по своей основной специальности, Чаянов решил посвятить летние месяцы археологии и в короткие сроки добился на этом поприще существенных успехов, внося ряд новаторских предложений не только в формулирование целей исследований, но и в саму методику полевых работ (подробнее об этом будет сказано далее).

По результатам двух сезонов полевых работ им были написаны 2 отчета и разработана программа дальнейших исследований. Эти документы и сопровождающая их переписка сохранились в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге. Утраченными (или найденными) оказались рукопись неоконченной историко-археологической монографии, разработанная типология керамики, дневники раскопок и коллекции.

Нужно сказать, что знакомство с биографией и фотографиями Александра Васильевича Чаянова создает впечатление удивительно светлой личности, излучавшей разум, оптимизм, порядочность и стойкость.

Архивная переписка рисует весьма выразительную картину обстоятельств археологической работы А.В. Чаянова. В 1928—1929 гг. за ним еще сохранялась должность преподавателя историко-археологического отделения 1-го МГУ, что позволило ему набрать рабочих для археологической экспедиции из числа студентов университета и научных работников, состоявших в краеведческой комиссии кооперативного дачного поселка ученых на Николиной Горе. В первый же сезон работ (1928) проявился новый подход Чаянова к археологическим иссле-

Рис. 1. Аэрофотоснимок участка, на котором располагалось Успенское городище. 1998 г. Место городища показано стрелкой.

дованиям, как минимум, на 50 лет опередивший свое время. Им были заложены основы комплексного историко-археологического направления в изучении русских средневековых поселений. Однако при подготовке отчета он допустил ряд свойственных «новичкам» огрехов. Рецензентом первого археологического отчета А.В. Чаянова выступил один из «патриархов» русской археологии А.А. Спицын. Дав общую положительную оценку, он отметил очевидные недостатки работы (отсутствие чертежей погребений), так и не сумев по достоинству оценить всей ее новизны. Напротив, комплексность научного подхода и детальное описание археологического контекста были расценены рецензентом как «излишняя многословность» (Архив ИИМК. Ф. 2/1929, ед. хр. 178, л. 39).

В следующем, 1929 году, А.В. Чаянов, четко следуя заранее продуманному плану, расширил фронт работ. Он снял инструментальный план ключевого памятника — Успенского (Молоденковского, Иславского) городища и, ориентируясь на ранее полученные данные бурения культурного слоя, приступил к его шурфовке. Им также была улучшена и применена на практике методика раскопок курганов, начат поиск селищ по эффективной системе.

В декабре того же года над головой ученого прогремел новый раскат «грома». Выступая на конференции аграрников-марксистов, И.В. Сталин произнес: «Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати». Эта фраза прозвучала как при-

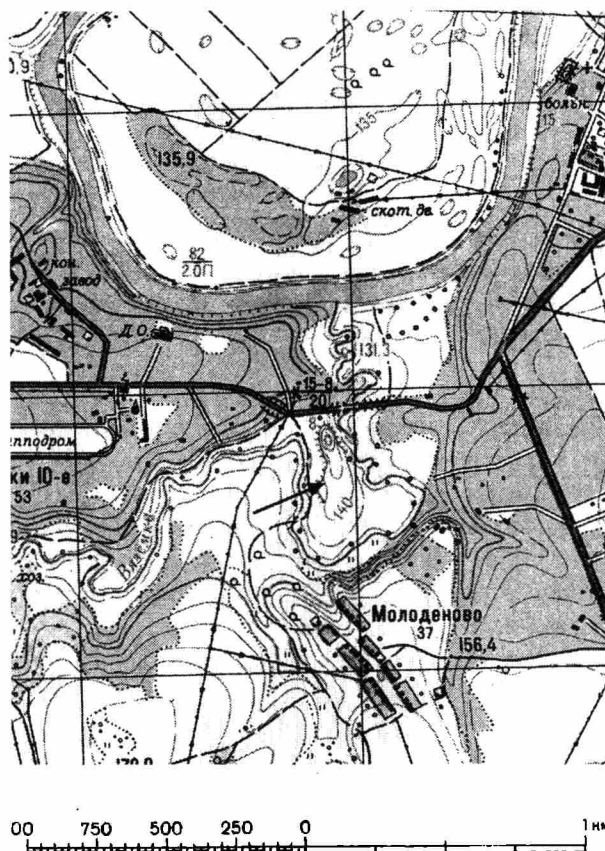

Рис. 2. Успенское городище на карте начала 1970-х годов. Место городища показано стрелкой.

говор. Но и в такой непростой ситуации Александр Васильевич Чаянов нашел в себе мужество достойно ответить «вождю». В январе 1930 г. в «Сельскохозяйственной газете» была опубликована статья, в которой он писал: «...ни у кого нет и не может быть оснований для того, чтобы отнять у меня звание сов. работника безо всяких кавычек».

На протяжении зимы-весны 1930 г. А.В. Чаянов продолжал работать над отчетом по результатам археологических работ 1929 г. Однако в марте 1930 г. в музейный отдел Главнауки на него поступил донос за подписью К.Я. Виноградова, в котором ученый обвинялся в небрежном проведении полевых работ. Основанием для подобного обвинения послужило то, что на месте раскопок А.В. Чаянова на Николиной Горе, в отвале, автор доноса обнаружил фрагменты керамики (Архив ИИМК. Ф. 2/1929, ед. хр. 178, л. 42). Главнаука препроводила донос в Ленинград, в Академию материальной культуры, присовокупив к нему рекомендацию не выдавать А.В. Чаянову, которому уже было отказано в выдаче денежных средств, разрешение на раскопки 1930 г. (Архив ИИМК. Ф. 2/1929, ед. хр. 178, л. 41). К чести сотрудников Академии нужно

сказать, что они решились дезавуировать донос, указав в ответе, что керамика происходила из «окружающей почвы, откуда бралась земля для насыпи» и «не связана с самим памятником» (Архив ИИМК. Ф. 2/1929, ед. хр. 178, л. 43). Однако из черновика ответа Академии следует, что в открытом листе на раскопки Успенского городища в 1930 г. А.В. Чаянову было отказано.

Ниже перечислены позиции, которые, на мой взгляд, наиболее ярко характеризовали новаторство А.В. Чаянова в археологии.

1. Комплексный подход к историко-археологическому изучению территории (изучение исторических источников, опросы старожилов, проведение археологических разведок и раскопок). Введение в 1928 г. понятия «археологический комплекс» применительно к разновременным памятникам одного микрорегиона.

2. Точность географической локализации памятников, использование в отчете не схем, а настоящих топографических карт.

3. Строгая последовательность в проведении работ (движение от изучения исторических источников и данных устной традиции к разведкам и раскопкам).

4. Выявление не только видимых объектов (городищ, курганов), но и мест залегания культурного слоя при отсутствии видимых признаков (селищ) методом частой шурфовки. Обоснование археологической ценности территорий современных сел и деревень, возникновение которых относилось к эпохе средневековья.

5. Применение щадящих, неdestructивных методов археологической разведки (использование полутораметрового бура-щупа для определения мощности культурного слоя и его состава).

6. Проведение инструментальной съемки местности, предваряющей раскопки, и изготовление модели (в этом отчасти проявились забытые традиции XVIII в., такие как изготовление моделей дворцов в Коломенском перед их разборкой).

7. Детальное описание сложной стратиграфии культурного слоя городища железного века на основании разреза периферийной части площадки. Правильное определение наиболее перспективного места для изучения стратиграфии культурного слоя городища.

8. Выделение 22 типов керамики железного века на основании различий в орнаментации и фактуре поверхности. Проведение сравнительного анализа особенностей керамики памятников одного микрорегиона (городища Успенское, Знаменское, Барвиха).

9. Новые методические приемы раскопок. Исследование Успенского городища по сетке квадратов со стороной 1 м. Нивелировка насыпи кургана с вычерчиванием горизонталей через каждые 10 см. Фиксация на плане и профиле насыпи кургана всех находок, включая керамику.

Помимо вышеперечисленных пунктов, ценность отчетов А.В. Чаянова состояла в том, что они содержали важные сведения об уже безвозвратно утраченном памятнике — Успенском городище. По мощности культурных напластований, насыщенности находками и площади это городище, возможно, превосходило даже знаменитое Дьяково городище. Но по стечению обстоятельств на Успенском городище были проведены только разведочные раскопки (Успенская, 1957; Краснов, 1964; Лазукин, 2005). В настоящее время этот памятник практически не существует. Он скрыт карьером и застроен дачами (рис. 1). Судить о рельефе городища остается только по картам (рис. 2).

Литература

АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1994.

Балязин В.Н., 1990. Профессор Александр Чаянов. М.

Краснов Ю.А., 1964. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг. // КСИИМК. Вып. 102.

Кренке Н.А., Нефедова Е.С., 1994. Краткая биография Константина Яковлевича Виноградова // Макариевские чтения. Вып. 2. Ч. 2. Можайск.

Лазукин А.В., 2005. Новые находки на Успенском городище // АП. Вып. 2.

Успенская А.В., 1957. Успенское городище // КСИИМК. Вып. 68.

Формозов А.А., 1988. Следопыты земли Московской. М.

Формозов А.А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. М.

Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг.¹

Отчет за 1928 г.

(Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1929, ед. хр. 178,
лл. 32—38)²

*Отчет обследования «Исловского городища»³,
что у деревни Молодёнова Звенигородского уезда
Московской губернии.*

1. Название памятника «Исловское городище», по имени близлежащего села Исловского, направление установлено Ходаковским⁴ в начале XIX в.

2. Географическое положение. Городище находится в Звенигородском уезде, Московской губернии, на реке Вяземке, в полуверсте от впадения этой реки в Москва-реку, на старой, ныне заброшенной звенигородской дороге, ныне являющейся дорожкой от совхоза «Красный луч» к станции «Жаворонки».

3. Топографическое положение. Городище расположено, как это показано на прилагаемом плане, в узком горле петли, образуемой рекою Вяземкой, и закрывает собой вход во внутреннюю часть этой петли. В окрестностях городища целый ряд археологических памятников, так, например, около версты выше, по Вяземке, в месте, отмеченном на военно-топографической карте, под названием «Городище», расположены 4 кургана, окруженные с западной стороны остатками рва, а еще выше по реке, у деревни Горышкино расположены двумя группами несколько десятков курганов (рис. 1).

4. Описание памятника. Городище представляло собой высокий, очевидно, естественного происхождения холм, подвергшийся сильной искусственной обработке. Прилагаемый план и разрез его сделаны на основании грубых промеров рулеткой без всяких угломерных инстру-

ментов, поэтому не могут претендовать на какую-либо точность, но они достаточны для ориентировочного описания городища.

Взбираясь на городище, со стороны Москва-реки, мы, прежде всего, поднимаемся на площадку, находящуюся на половине высоты городища (рис. 2). Совершенно плоская площадка *a* имеет 30 метров длины и 18 ширины и лежит на высоте около 8 метров от подошвы, поднимаясь с него, мы выходим на верхнюю, главную, площадку городища *b*, овальную, неправильной формы, размером около 80 × 84 в диаметрах, она также совершенно плоская и, по всем вероятностям, была основанием укрепленного стенами главного города; идя по ней, по линии АВ, на 80 метре от края, мы достигнем ее конца. Здесь можно отметить нечто вроде остатков законченного рва в 3–4 метра шириною, за которым поверхность городища идет уже под уклон, сходящий по направлению к точке «В» на нет, к пойменному лугу.

Помимо этого главного холма городища, оно имеет малый холм «с», поднимающийся овальной насыпью со стороны реки, к западу и так же на нет сходящий в направлении к той же точке «В», взятой нами у дальнего берега Вяземки.

Между холмами «b» и «с» лежит насыпь вогнутого контура. На эту насыпь ведут со стороны реки два ясно обозначенных въезда *d* и *d1*. Эта насыпь так же, как и холмы «b» и «с», постепенно сходит на нет в точке «В».

Таковы основные топографические элементы городища. При начале работ, весной 1929 г., мы ставим, в первую очередь, задачу точной инструментальной съемки городища и изготовление его модели.

5. Степень сохранности. Дать окончательное суждение о сохранности культурных слоев городища и его контуров судить еще преждевре-

¹ Публикация подготовлена Н.А. Кренке.

² Первые четыре страницы — машинописный текст. Заключительные две страницы написаны от руки. — *Здесь и далее прим. Н.А. Кренке.*

³ Вероятно, следует читать «Иславское» (опечатка машинистки?).

⁴ Подразумевается публикация: Ходаковский, 1844. С. 287.

Рис. 1. Карта из отчета А.В. Чаянова 1928 г. (лист 33). Масштаб 2 версты в дюйме. Археологический комплекс Иславского городища. Перечень обнаруженных в 1928 г. археологических памятников.

№ 1 — городище «Ясли»; № 2 — 4 кургана; № 3 — 2 группы курганов; № 4 — Никологорский могильник; № 5 — селище на взлобье Николиной Горы; № 6 — Курганы Черной Грязи. Из окрестных селений упомянуты в документах Вяземец-Успенское — 1328 г. Завещание Иоанна Калины, завещание Иоанна Иоанновича. Иславское (Войславское), Аксиньино и Никола на песку (Николина Гора) — 1440-е гг. дарственная Игнатия Васильевича Минина

менно. Перекопок и следов каких-либо больших раскопок, кроме грубой ямы, отмеченной нами знаком g, мы при осмотре не обнаружили. Однако, по архивным данным и показаниям старожилов, в XVII веке на городище стояла церковь, и было кладбище, что, несомненно, должно было сильно разрушить культурный слой. Кроме того, можно отметить значитель-

ное сползание культурного слоя с холма к точке «К».

6. Состояние поверхности. Площадки А, В и С — покрыты мощным культурным слоем, превышающим толщиной один метр. Весь этот культурный слой насыщен углем, золой и обломками керамики, которая обильно попадает уже в кротовниках.

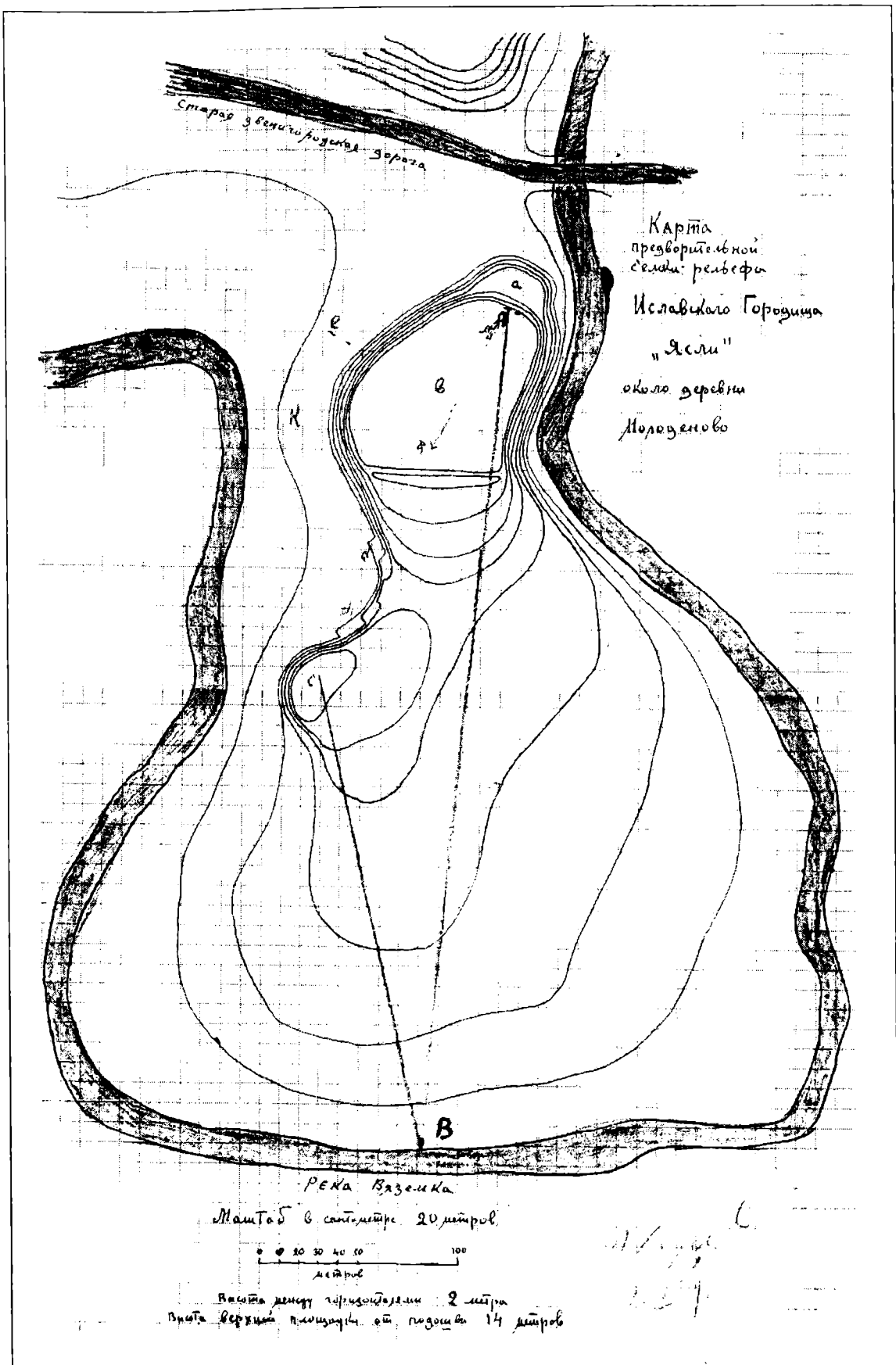

Рис. 2. Карта предварительной съемки рельефа Иславского городища
(Рисунок А.В. Чаянова из отчета 1928 г., л. 36).

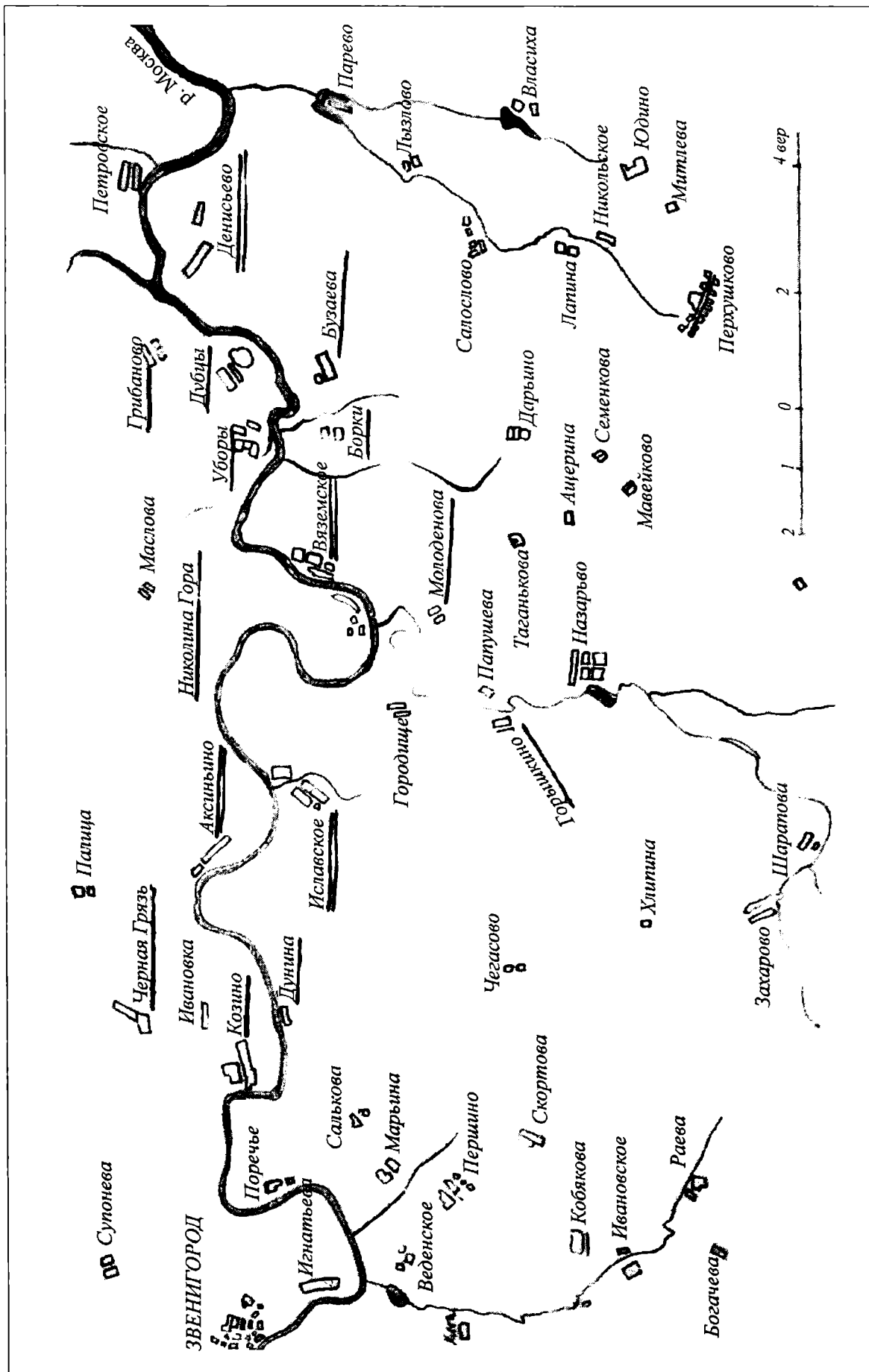

Рис. 3. Карта с выделенными древнейшими населенными пунктами в долине Москвы-реки ниже г. Звенигорода (из отчета А.В. Чаянова за 1929 г., л. 47).

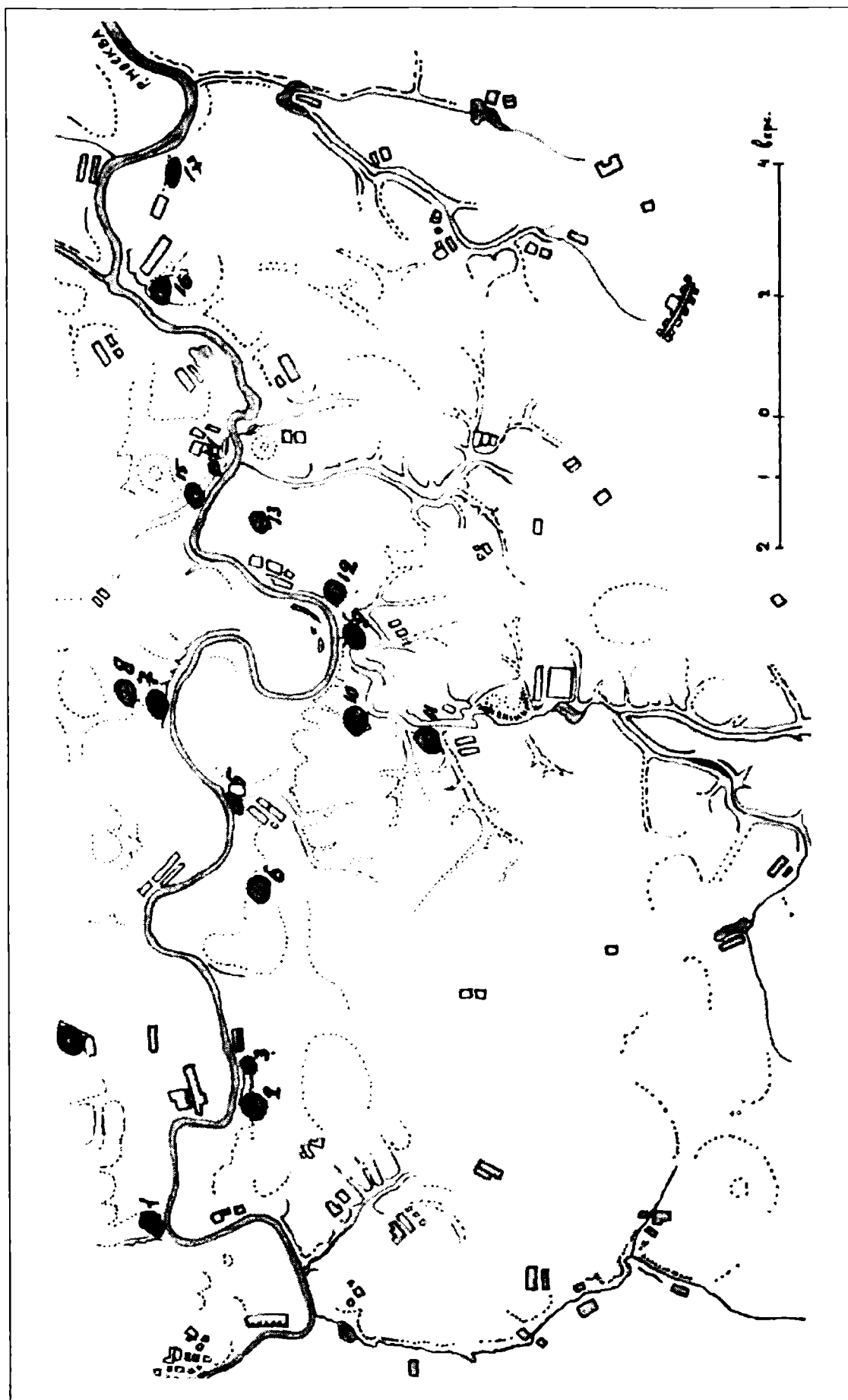

Рис. 4. Археологическая карта (из отчета А.В. Чайнова за 1929 г., л. 49. Экспликация в тексте отчета).

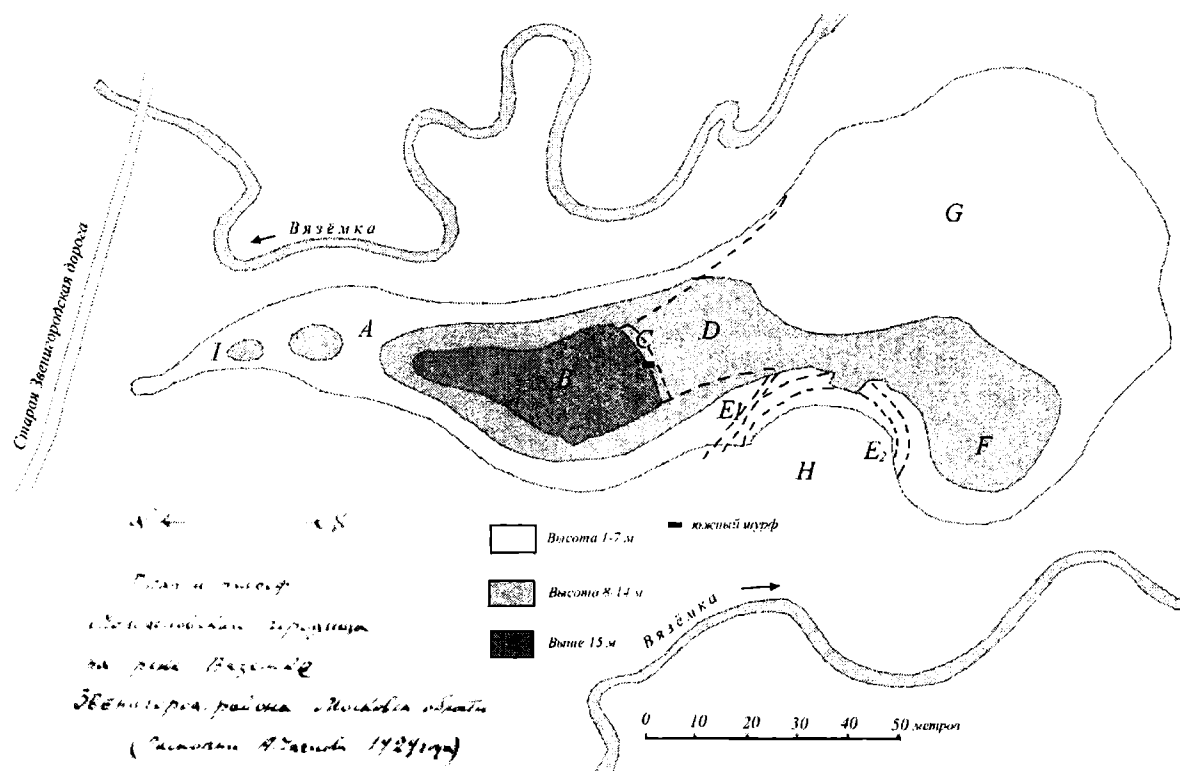

Рис. 5. План Успенского городища (из отчета А.В. Чаинова за 1929 г., л. 53).

7. Понимание памятника населением. Население единодушно признает городище древним памятником и помнит церковь на нем, когда-то воздвигавшуюся.

8. Исторические сведения. Первое упоминание о «городище» мы встречаем в грамоте Ивана III сыну Юрию на Звенигородское княжество от 1504 года. Затем упоминание о нем мы встречаем в грамотах XVII века у строителя Саввозвенигородского монастыря Патрикеева. Ходаковский отметил его в своем перечне городищ во время знаменитого путешествия своего.

Арх. Леонид описывает городище под названием «Яслей».

9. Данные рекогносцировочного обследования. На верхней площадке городища «в» нами было заложено 5 буровых скважин в следующих расстояниях от края по линии A1 — B1. № 1 — 8,5 м, № 2 — 26 м, № 3 — 47 м, № 4 67,5 м, № 5 — 91 м.

Предельный захват нашего бура был 1,20 метра, и во всех пяти буровых скважинах бур не вышел за пределы культурного слоя и нигде не достиг подстилающей породы.

Во всех скважинах керамика и уголь начинали находиться на глубине 20–30 см и далее шли до конца действия бура, как это видно из приложенной таблицы.

Во всех скважинах на глубине от 60–80 см начинали находить человеческие кости, иногда пе-

ремешанные с гнилым деревом. Залегание этих костей уходило до глубины 110 см. Это обстоятельство могло указывать на существование именно в этой части городища кладбища XVII века, которое конечно нарушило строение древнего культурного слоя. Все образцы керамики из этих скважин за исключением одного полированного куска, очень грубы и лишены орнаментации, если не считать насечки на края сосуда и полосы на горле сосуда.

Далее нами был обследован оползень культурного слоя к точке К. Взятая на нем керамика дала много крупных кусков тонкостенной красной керамики, в большинстве также без орнамента за исключением нескольких кусков, украшенных едва заметными параллельными линиями, и одного куска с прекрасно выраженным «ногтевым» орнаментом.

В заключение нами были заложены 4 буровые скважины на площадке «с», которые и дали нам наиболее интересные образцы керамики. Эти скважины на площадке «с» отметили мощность культурного слоя также более 1 м, но в них не попало ни человеческих костей, ни дерева. Возможно, что эта часть городища не была затронута кладбищем.

Из керамики отметим горлышко большого сосуда, украшенное по боку сосуда многочисленными параллельными бороздками и обло-

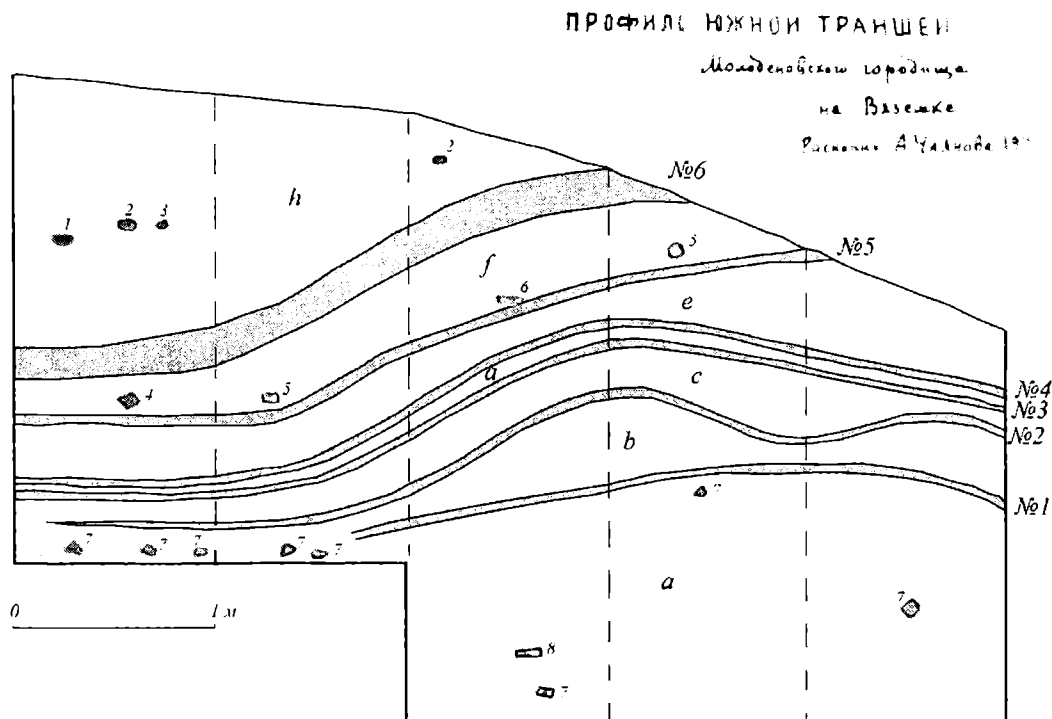

Рис. 6. Профиль южной траншеи Молоденовского (Успенского) городища
(из отчета А.В. Чаянова за 1929 г., л. 10а)

мок тонкостенной керамики с двумя желобками 0,2 см шириной, легшими друг от друга на расстоянии 0,7 см. Необходимо отметить, что керамика Никологорского могильника дала более разнообразные образцы (также волнистый орнамент).

Таковы первые результаты нашего обследования.

**Отчет о работах, выполненных в
Звенигородском районе Московского округа
и области на основании открытого листа
№ 7 от 1 IV 29.**

(Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1929, ед. хр. 178,
лл. 44—70)⁵.

1. Общее описание хода работ.

Работы по археологическому исследованию москворецкой долины от Козина до Знаменского (впадение реки Истры) были предприняты мной, как руководителем краеведческой комиссии поселка РАНИС на Николиной Горе (кооперативный поселок «Работники Науки и Искусства при ЦЕКУБУ» в связи с обширной моно-

графией по истории района, которая мной составляется.

Непрерывный ряд документов XVI, XV и XIV века, относящихся к истории 10 селений, составляющих этот район, подводили нас непосредственно к славянским курганам XII—XIV веков, в изобилии находящихся в этом районе. В археологическом отношении этот район явился колыбелью славянской археологии, т. к. именно в этом районе Чертков в 1838 и 1845 гг. копал курганы Черногрязья, а Бибилов в 1848⁶ году в селе Успенском-Вяземце делал раскопки большой группы курганов. Обе работы своевременно и очень хорошо были изданы⁷ и дают прекрасный набор вятических вещей. За последние годы в селе Иславском были раскопки исторического музея, находки которых выставлены в витринах музея⁸.

Кроме того, в районе на речке Вяземке, по словам Забелина, выводящей к волоку на Бутиньку и далее Пахру, находится огромное городище, как нами установлено, дьяковского типа, а против впадения Истры у села Знаменского другое городище, малое по площади, но также

⁵ Машинописный текст. Видимо, набранный машинисткой (судя по характерным ошибкам), в который внесена авторская правка. В конце текста подпись А.В. Чаянова.

⁶ Имеются в виду раскопки Д.Г. Бибилова 1845 года. 1848 год в рукописи — опечатка машинистки.

⁷ Подразумеваются публикации: Чертков, 1838; «Древности», 1846.

⁸ Видимо, подразумеваются «Иславские курганы», исследованные Л.А. Евтюховой в 1924 г. (АКР. Московская область. Ч. 1. С. 143).

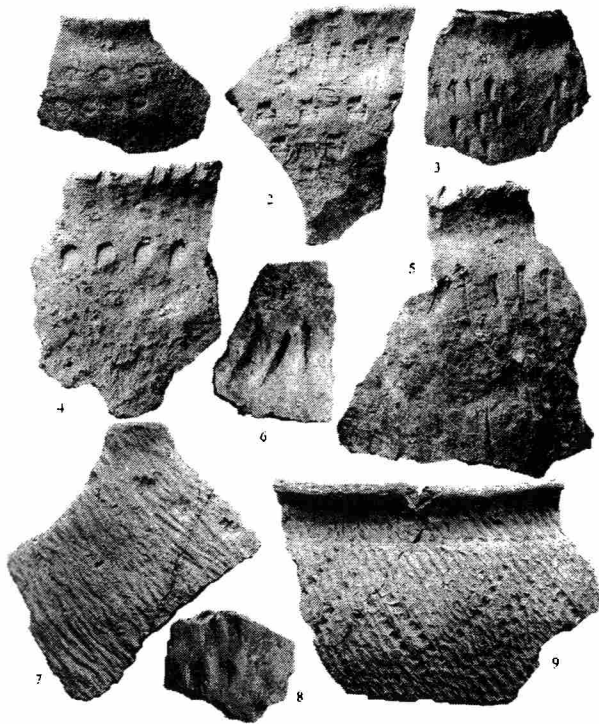

Рис. 7. Керамика из раскопок Н.И. Булычова у с. Гремячее.

1–5 — по: Булычов, 1899; 6–9 — керамика Успенского городища (сборы С. Валяева, раскопки Ю.А. Краснова и А.В. Успенской), относящаяся к финалу бронзового века — началу периода железного века. Таблица составлена Н.А. Кренке)

содержащее в своем культурном слое сетчатую керамику.

Весь этот исключительно богатый археологический комплекс и был взят нами как объект наших изысканий, причем обилие уже собранного ранее и опубликованного материала делало нашу работу более легкой и результативной.

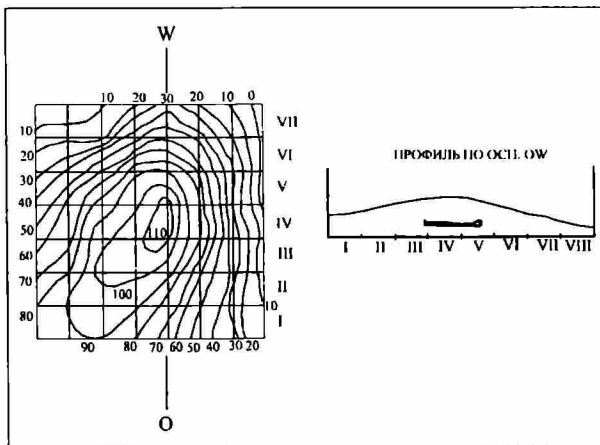

Рис. 8. План и разрез кургана «В». Никологорский могильник (из отчета Чаianoва за 1929 г., л. 63).

Сообразно этому на первые годы работы нами была принята основная директива МОНО «не столько копать, сколько регистрировать и описывать» и мы поставили своей задачей дать, прежде всего, тщательную археологическую карту района. Эта работа, в которой мы смыкались с работами Звенигородского музея по Москва-реке выше Козина и работами Воскресенского музея для Истры, — позволяли впоследствии дать полную археологическую карту верхнего Москворечья, т. е., древних речных путей, ведущих на Новгород из земли Вятчей.

Параллельно с составлением карты нами начаты опытные работы по тщательной раскопке никологорского славянского могильника и большого городища для установления стандартной методики для более широких раскопок.

Работы начались осенью 1928 года рекогносцировкой и глазомерной съемкой городища и раскопкой одного кургана на Николиной Горе. С лета 1929 г. мы произвели инструментальную съемку городища и после скоса трав начали копать профильную траншею городища с севера на юг (считаем при этом необходимым отметить случай яркого археологического браконьерства в виде заложения кем-то метрового шурфа как раз на продолжении нашего профиля, с тем же мы столкнулись и на Знаменском городище⁹).

Работы на городище вместе со съемкой и 7 метрами двухметровой по глубине траншеи отняли у нас благодаря нарочитой тщательности работы более 20 рабочих дней пяти работников в среднем, всего, следовательно, 100 человеко-дней.

Наконец, нами раскопаны за лето три кургана на Николиной горе, из которых в одном найдена керамика безо всяких следов погребения, а в других по одному погребению: в одном мужское, в другом женское.

Результаты этих работ вместе с составленной картой и старыми раскопками позволяют считать район ориентировочно обследованным и наметить, как это будет сделано в заключении отчета, план массовых работ на предстоящие годы.

В раскопках, помимо нижеподписавшегося, принимали участие В.Н. Иорданский, Ф.М. Бородовский, Д.А. Мартынов, Э.А. Криль и другие члены краеведческой комиссии РАНИС. Работы велись в контакте с Звенигородским музеем, а при разработке материалов существенную помощь нам оказал действительный член Исторического Музея Арциховский.

⁹ Возможно, это результат работы К.Я. Виноградова.

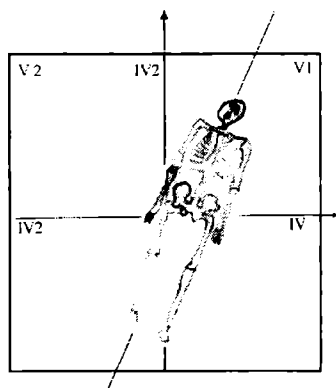

Рис. 9. Погребение в кургане «В». Никологорский могильник (из отчета А.В. Чаянова за 1929 г., л. 62).

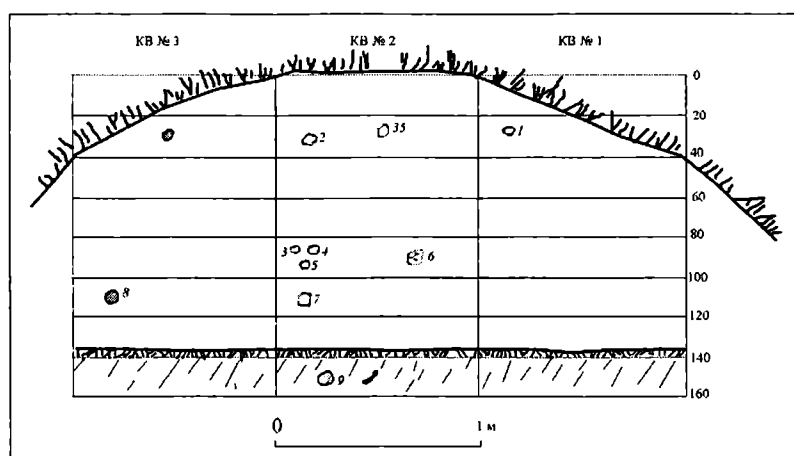
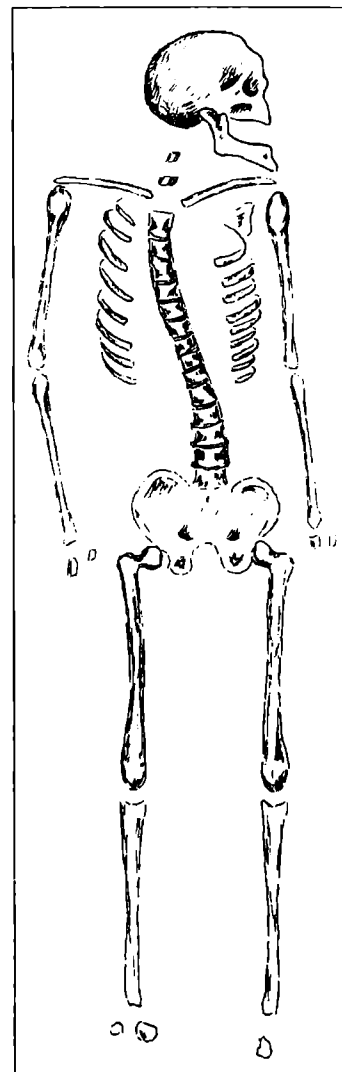

Рис. 11. Профиль кургана «Д». Никологорский могильник (Отчет А.В. Чаянова за 1929 г., л. 17а).

Рис. 10. Погребение в кургане «Д». Никологорский могильник (из отчета А.В. Чаянова за 1929 г., л. 69).

2. Археологическая карта района.

Для установления наличия археологических памятников мною был предпринят целый ряд поездок по окрестностям по маршрутам, намечаемым сообразно расспросам населения. При этом, помимо легко устанавливаемых городищ и курганных групп, нами особое внимание было обращено на обнаружение культурных слоев, не выдающихся какими-либо надземными сооружениями, в целях чего нами были обследованы десятки мест пробными шурфами, причем в пяти случаях нами найден культурный слой с залеганием в нем древней керамики. В будущем на эти работы будет обращено особое внимание.

Приступая к изложению уже полученных нами результатов, мы считаем необходимым отметить топографию существующих селений, т. к. многие из них по всем вероятностям стоят на своих местах еще с эпохи славянских курганов.

Нижеследующая карта знакомит нас с районом изучаемого археологического комплекса.

О древнейших селах этого района (рис. 3) можем сообщить следующие данные:

с. Аксиньино — принадлежало роду Дмитрия Минина, погибшего в 1373 году на Троицком озере в битве с Ольгердом. Первые документы по этому селу относятся к 1440-м годам;

с. Иславское (древнее Войславское) — впервые упомянуто в завещании Иоанна Иоанновича;

с. Вяземец-Успенское — впервые упомянуто в завещании Ивана Калиты 1328 года. В 1504 во владении рода Овцыных потомков Муромских князей;

с. Уборы — основано в 1610 г. Шереметьевым, получившим приданое за дочерью Елизавета Вилузина угодие, называвшееся в 1504 году «луг Изборск»;

с. Бузаево — в 1504 г. принадлежало дьяку И. Семенову. Вотчина дьяка Елизара Витрузина;

с. Грибаново — впервые упоминается, как деревня при селе Аксиньино в документах середины XV в.;

с. Денисьево-Знаменское — вотчина Андрея Щелкалова. В 1504 году дьяка Ермила.

Межевая грамота 1504 года на выдел Иоанном III удела своему сыну Юрию дает нам исчерпывающую по полноте топографическую картину местности в конце XV в. Грамота отмечает 1) село Войславское, 2) городище на Вяземке, 3) село Вяземец, 4) село Копилинское ныне не существующее, 5) луг Избореск, 6) луг на дубце, 7) луг Бабинский, 8) село Бузаевское, 9) село Демитровское, 10) д. Грибанова.

Наши археологические изыскания дали нам следующую топографическую картину расположения памятников славянской культуры XII—XIV вв. и финской культуры дьякова типа (рис. 4).

Описание археологических памятников мы начинаем с культурного слоя при устье реки Можженки, месте стыка наших работ с работами Звенигородского музея и продолжим вниз по течению.

1. Можженка на высоком левом размываемом берегу Москва-реки около оврага, по которому течет ручей Можженка; под современным дерном виден культурный слой мощностью 15–20 см, выходящий к берегу в трех местах и содержащий керамику грубого [пропуск в авторском экз. — Н.К.] без орнамента, аналогичную керамике молоденковского городища.

2. Козино. Курганная группа против села Козина на правом берегу Москва-реки содержит несколько десятков курганов одного типа с канавами вместо ровиков. Ни один из них не раскопан в археологических целях, хотя многие испорчены, т.к. крестьяне берут из них песок для строительных целей.

3. Дунино. Три кургана у деревни Дунина. Два сильно попорчены кладоискателями.

4. Черная Грязь (Верхогрязь), лежащее на противоположной стороне москворецкой поймы. Большая группа курганов, раскопанных Чертковым в 1838 и 1845 гг. Раскопки Черткова дали ярко выраженный вятический набор — семилепестковые привески, решетчатые перстни и пр.

5. Иславское. Культурный слой на обрыве к [пропуск в авторском экз. — Н.К.¹⁰] 10–15 см. мощностью с небольшими кусками гладкой керамики.

6. Иславское. Большая группа курганов, из которых некоторые очень большие, раскопанные историческим музеем и давшие типичный вятический набор с семилепестковыми привесками, решетчатыми перстнями и пр.

7. Николина Гора. Группа курганов (около 20) в 4-х раскопанных нами найдены решетчатые перстни и бусы (хрустальные шарики и сердоликовые), что указывает на вятичей, хотя семилепестковых привесок пока нами не найдено.

8. Николина Гора. Мощный культурный слой на взлобье горы, на месте бывшего погоста Никола, что на Песках и усадьбы Ив. Завороткова (1628), насыщенный керамикой, представляющей собой смесь славянской линейной с керамикой типа верхних слоев городища.

Вяземка и ее берега

9. Молоденово. Огромное городище, в котором найдены все три слоя Дьяковской культуры.

10. «Городище». 4 кургана и валик на высоком берегу Вяземки около мельницы, на военно-топографической карте помечено под названием «Городище».

11. Горышкино. Две больших группы курганов по несколько десятков в каждой; некоторые раскопаны неизвестно кем.

Москва-река

12. Вяземец-Успенское. Курганы, раскопанные Бибиковым в 1848 году и давшие вятический набор.

13. Вяземец-Успенское. Курганная группа по дороге на Перхушково.

14. Уборы. Культурный слой небольшой мощности, давший мелкую неопределенную керамику.

15. Уборы. Огромный курган на берегу, по мнению крестьян недавнего происхождения (XVIII в.).

16. Городище «Катюхина Гора». На правом берегу напротив впадения Истры, с 3 рядами валов и культурным слоем, содержащим сетчатую керамику.

17. Денисьево-Знаменское. 2 кургана, разрытых кем-то в 1870-х гг.

Такой состав зарегистрированных нами памятников, однако работы по регистрации следует считать далеко не законченными. В будущем мы предполагаем обратить на них особое внимание, главным образом, в области нахождения и рекогносцировок культурных слоев и селищ, не имеющих видимых наземных сооружений.

Из всех элементов вышеописанного археологического комплекса работы по раскопкам в 1929 году были нами сосредоточены, как уже

¹⁰ Вероятно, имеется в виду Москва-река.

было указано, на городище, на Вяземке и Никологорском могильнике.

Городище на Вяземке

Опираясь на вертикальную съемку рублевской геодезической партии и произведя дополнительно собственную более детальную съемку, мы получили как общий план местности, окружающий городище, так и самого городища.

Сообразно прилагаемому общему плану А (рис. 5), видно, что городище представляет собой высокий массив, изолированно стоящий посредине долины реки Вяземки в горле речной петли у старой звенигородской дороги¹¹.

Можно предположить, что основной массив Городища являлся естественным продолжением высокого массива левого берега и искусственной обработки для возведения города путем прорыва в 50 метров, по которому Звенигородская дорога, и земляных работ на самом Городище.

Городище возвышается в 300 метрах от впадения Вяземки в Москва-реку и как бы запирает ее устья (у населения есть даже легенда о какой-то цепи, лежащей будто бы на дне Вяземки у Городища).

По Забелину, Вяземка была началом пути к волоку на Пахру в обход Москвы, и стратегическое укрепление ее было целесообразно.

Во всяком случае, с верхней площадки Городища течение Москвы-реки вниз видно на несколько верст.

Съемка самого Городища дала нам следующий план и профили. Рассматривая план Городища, мы должны отметить следующие элементы:

среднюю площадку А,
верхнюю площадку В,
остатки рва С,
спуск в направлении на юг — Д,
въезд на городище с пойменного луга — Е1 и Е2,
юго-западную круглую башню F,
покатую поверхность к Молоденову G,
пойменный луг у подошвы Городища H
земляной гребень к Звенигородской дороге I
На всей средней и верхней площадке А и В, на спуске Д и на башне F лежит культурный слой, который при бурении его 1,5 метровым щупом показал глубину свыше 1,5 м.

Это бурение установило также, что приблизительно на глубине 1,00 — 1,20 см повсеместно идет слой человеческих костей и дерева, что ука-

зывает на существовавшее на Городище историческое кладбище.

Из архивных данных действительно известно, что еще в XVII веке на городище стояла церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1628), а местная помещица Лаврова в конце XIX в. свозила с Городища старинные могильные плиты со стертыми надписями. Действительно, северный шурф № С указал на полную перемешанность почвы под погребениями, смесь сетчатой и всякой иной керамики и два слоя густо положенных погребенных в гробах безо всяких остатков вещей с ярко выраженными брахицефальными черепами.

Сообразно этой обстановке мною пробная траншея была заложена на границе верхней площадки В и склона Д, через предполагаемый ров С, т.к. по топографии трудно было предположить исторические погребения на столь крутом скате (траншея Ю).

Траншея оправдала наши ожидания, и анализ получившегося среза в 5 метров длины и до 2,5 м метров глубины дал резко выраженные напластования различных культурных слоев.

Ниже следующий чертеж (рис. 6) дает возможно точное изображение этих слоев.

Анализируя эти наслоения, мы можем выделить шесть характерных слоев, которые вместе с прослойками между ними образуют 13 напластований.

Постараемся описать каждый из них.

1. Подстилающий массив «а», крупно-зернистый желтый песок, на значительной глубине (1–1,5 м), в котором залегала прослойка угля, и единично попадаются кости и керамика.

2. Слой № 1 мощностью около 7 см. Торфообразная масса, пронизанная волокнами дернины, имеющая слоистое строение, с зольными прослойками и углями.

3. Прослойка «в». Крупнозернистый песок, подобный прослойке «а».

4. Слой № 2. Торфообразный слой, аналогичный слою № 1, но несколько более темный и более рассыпчатый.

5. Прослойка «с». Крупно-зернистый песок, постепенно переходящий в сероватый тон.

6. Слой № 3. Культурный слой в основе повторяющий торфянистую массу № 1 и № 2, но насыщенный огромным количеством углей более крупных и лежащих сплошной массой.

7. Прослойка «д». Типичный культурный слой серо-черный с зольными и угольными прослойками, насыщенный разными видами сетчатой керамики и обгорелым деревом.

¹¹ Топографическое положение Городища отмечено еще в межевой грамоте Иоанна III в 1504 г. — Прим. А.В. Чайнова.

8. Слой № 4. Совершенно черный слой, как бы заканчивающий собой общее наслоение № 3, «д» и № 4, часто сливающихся между собой и имеющих общую мощность залегания в 18 см.

9. Прослойка «е». Бесструктурная прослойка ровного коричневого цвета с большим количеством керамики, разного орнамента, но не сетчатого, много углей, обугленного дерева и камней, разбитых костей рогатого скота.

10. Слой № 5. Серо-черный культурный слой 20 см мощности с большим количеством следов пожара.

11. Прослойка «ф». Прослойка ровной черной культурной почвы мощностью 23–28 см, с большим количеством керамики гладкой, зашпиганной и других орнаментов.

12. Слой № 6. Наиболее мощный слой в 27–30 см с огромным количеством почти белой золы.

13. Прослойка «h». Бесструктурная серо-черная почва с керамикой, костями животных и человека. Очевидно, сильно перекопанный слой, т. к. на его вышних слоях попадают финские вещи.

Несколько предвосхищая дальнейший анализ находок, мы можем ориентировочно предполагать следующий ход образования найденного нами вала. Население, оставившее угли и керамику в напластовании «а», население слоя № 1 не имело еще никакого вала, и сам слой № 1 являлся естественным дерном, на котором остались следы костров.

Население слоя № 2 могло возникнуть также на естественном дерне, который возник на песчаной прослойке «в» эолового происхождения, но не исключена возможность, что прослойка «в» искусственного происхождения.

Во всяком случае, несомненно, что население слоя № 3 построило первоначальный вал, засыпав слой № 2 песком прослойки «с», взятым из прослойки «в» и «а» рва населения № 3, «д» и № 4. Это древнейшее финское население 1-го дьяковского типа, создавшее в городище первые валы и жившее в них в ряде поколений, причем не исключена возможность, что валы несколько увеличивались насыпью земли той же культуры.

Далее население слоя № 5 путем привоза новой земли или земли из новых культурных слоев, накопленных между эпохой № 4 и № 5, создает новые валы, которые путем военной катастрофы или пожара уничтожаются, оставляя груды пепла.

Наконец, население слоя № 6 создает новые валы, укрепления которых погибли в жестоком пожаре, уничтожившем эту культуру.

Постепенное образование перекопанного слоя «h» не касалось уже строительства валов, которые не росли, но, может быть, не раз меняли деревянный тын, накопивший так много пепла. Наслоения возникли также в дославянские времена, т. к. они совершенно не содержат типичной линейной и волнистой керамики, по крайней мере, в пределах нашей траншеи.

Переходим к характеристике находок.

К сожалению, раскопки велись не по историческим наслоениям, а по геометрическим слоям площадью в 1 кв. м и толщиной в 20 см. Поэтому границы исторических слоев могут быть не очень точны.

Обратимся сначала к керамике.

Наш полевой журнал зарегистрировал 22 типа различной керамики. Она резко различается по типам и слоям.

Сообразно степени нашего анализа, мы различаем сейчас 4 комплекса этой керамики.

1. Первый комплекс верхней перекопанной прослойки. Во всей толще ее залегания, вместе с грузилами, шариками и погремушкой найдено 9 видов керамики, весьма скупо орнаментированных.

2. Второй комплекс — слой № 6, прослойка «е», слой 5 и прослойка «д» сужают этот набор, из которого выпадают №№ 1, 4, 5, 9, или говоря иначе, им свойственны по преимуществу 3, 6. Ни один из этих типов керамики не переходит за слой № 4.

3. Комплекс слоя № 4, прослойки «д» и слоя № 3 состоит из сетчатых, тканых, веревочных и других орнаментов нижнего Дьяковского слоя. Мы можем различить здесь целую гамму различных отпечатков, причем можно наметить, что верхним слоем идет: а) начесанный (Городцов Х14) (начало железного века), б) затем разные виды точечных, веревочных, рогожных и других, с) а ниже всех грубый сетчатый.

4. Последний комплекс лежит значительно ниже нашего первого дернового слоя в подстилающем вал массиве «а», как это отмечено на схеме разреза. Керамика этого комплекса найдена нами в редких единичных обломках трех типов, которые, следуя городцовской¹² терминологии, мы можем обозначить как 1) лунчатый, 2) ямочный чеканный, 3) грубый с двухстрочным чеканом на шейке больших сосудов. Весь этот керамический комплекс ближе всего подхо-

¹² В оригинале «городищевской» — вероятно, ошибка машинистки.

дит и почти совпадает с комплексом раскопок Н.И. Булычева в селе Гремячем на Оке¹³, который причисляют к позднему неолиту, что подтверждается и находкой в тех же горизонтах слоя обломка обделанного кремня.

Подводя итоги, мы можем сказать, что наличие этих четырех комплексов свидетельствует об исключительно длинном периоде бытования нашего городища, а обнаруженная его нетронутость слоев делает весь памятник исключительно важным для изучения последовательности культур.

Кроме керамики, мы должны отметить в верхней прослойке наличие ткацких грузил и глиняных погремушек Дьякова типа и кусков шлака, показывающего очень высокую температуру, употреблявшуюся обитателями городища. На поверхности слоя № 5 в двух местах найдена пемзообразная масса, очень легкая по своему удельному весу и имеющая форму толстостенного сосуда. По всем вероятностям, это остатки формочки для металлического литья. Наконец, в нижнем слое и найден упомянутый предмет из обделанного кремня.

Многочисленные кости животных еще не опрделены нами.

Таковы данные о полученных нами результатах ориентировочной траншеи.

Никологорский могильник

На никологорском могильнике, топографический анализ местоположения которого дан нами в предыдущем отчете, в 1929 г. раскопаны три кургана, описание находок которых ниже следует.

1. Курган «В» (рис. 8), небольшой по своим размерам и состоящий почти сплошь из черной перегнойной земли, при его раскрытии дал на небольшой глубине (50–90 см) на материке женское погребение, сравнительно хорошо сохранившееся.

Положение скелета в кургане видно из прилагаемого общего чертежа (рис. 9). Женский скелет, как видно из чертежа, лежал на спине головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, череп долихоцефального типа запрокинут и лежал шейным отверстием вверх.

Принимая его в нормальном положении, можно определить рост скелета в 160 см. В по-

гребении были обнаружены предметы: 1) шейная гривна перевитая; 2) 3 маленьких проволочных кольца около головы; 3) браслет перевитой на груди; 4) кольцо перевитое на груди; 5) браслет перевитой на руке; 6) кольца-перстни решетчатые на руках; 7) кольцо на пальце правой ноги.

Что же касается керамики, то ни в ногах, ни в голове целого сохранившегося сосуда не сохранилось, однако запрокинувшийся череп был обильно окружен однородными черепками крупного сосуда. Возможно предположить, что это остатки большого сосуда, поставленного в голове покойной. Вся керамика обычного славянского типа с линейным орнаментом разного типа, сделанная на гончарном круге.

2. Курган «С» несколько большего размера. Насыпь — песок, в котором попадались зольные прослойки и куски керамики с линейным орнаментом, которую, так же как и керамику предыдущего кургана, мы не фотографировали, так как она в точности совпадает с керамикой кургана, раскопанного в 1929 г.¹⁴, фотография которой была приложена к отчету. Никаких следов погребения или могильного пятна не было обнаружено, несмотря на то, что колодец и боковые траншеи из него были пройдены нами значительно ниже поверхности грунта.

3. Курган «Д» среднего размера, при начале раскопок которого, нами было решено главнейшее внимание уделить структуре насыпи, зольным прослойкам и керамике. Поэтому раскопка кургана велась послойно метровыми в длину и 20-сантиметровыми по толщине пластами. Курган имел шаровидную форму высотой около 1,5 метра и диаметром около 5 метров. Курган находился на небольшом склоне, соответственно скелет лежал наклонно и череп находился на 5 см ниже пяточных костей.

Ввиду того, что примененная на этом кургане методика раскопок предположена, как типовая для раскопок 1930 года, приводим ее полностью по полемому журналу.

Раскапывался курган колодцем. 3 × 3 метра квадрат был разбит на 9 меньших квадратов по 1 кв. метру. При раскопке снимался сначала весь первый слой толщиной 20 см по отдельным квадратам, затем второй и т. д.

Счет слоям велся сверху, от середины большого квадрата. Начиная со второго слоя, все время попадают куски угля и зола.

¹³ Имеется в виду публикация Н.И. Булычева «Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки». М., 1899. Керамика, обнаруженная Н.И. Булычевым в урочище «Городец» у с. Гремячее, относится не к неолиту, а к финальному бронзовому веку — начальному этапу железного века. Именно такая керамика, видимо, находилась в основании культурного слоя Успенского городища. Судя по описанию А.В. Чайнова, в основании разреза была обнаружена керамика, сходная с той, которая известна нам по сохранившимся коллекциям с Успенского городища (рис. 7).

¹⁴ Видимо, опечатка, следует читать — 1928 г.

1-й слой 0—20 см. В этом слое ничего не обнаружено. Земля «лесная». Встречается местами довольно крупная галька.

2-й слой 20—40 см. Квадрат № 1 — керамика без орнамента (1). Квадрат № 2 — керамика без орнамента 2 куса (2, 35). Квадрат № 3—5 — ничего не обнаружено. Квадрат № 6 — керамика без орнамента (10). Квадрат № 7 — ничего не обнаружено. Квадрат № 8 — керамика (26). Квадрат № 9 — ничего не обнаружено.

Характер земли этого слоя: мягкий, рассыпчатый песок, местами имеется наличие в песке золы и более темной земли. Иногда попадает буро-красный крупный песок (небольшие куски). Пак. № 26.

3-й слой 40—60 см. Квадрат № 1 — ничего не обнаружено. Квадрат № 2 — угли (пак. № 5). Квадрат № 3 — ничего не обнаружено, кроме углей. Квадрат № 4 — керамика без орнамента (12). Керамика с сетчатым орнаментом (11). Квадрат № 5 — попадает только очень много золы. Квадрат № 6 — ничего не обнаружено. Квадрат № 7 — угли, зола (пак. № 7). Квадрат № 9 — керамика без орнамента.

Характер земли: песок, смешанный с золой. Часто попадает галька различных размеров. Такая земля будет идти до 7-го слоя.

4-й слой 60—80 см. Квадрат № 1 — угли. Квадраты № 2, 3 — зола, угли (пак. № 9 бур. крупн. песок). Квадрат № 4 — керамика с прямолинейным орнаментом, характерным для славян (13). Квадрат № 5 — ничего не обнаружено. Квадраты № 6—8 — зола. Квадрат № 9 — ничего не обнаружено.

5-й слой 80—100 см. Квадрат № 2 — керамика (6), 3 куса керамики без орнамента (3, 4, 5). Квадраты 3, 4 — зола. Квадрат № 5 — ничего не обнаружено. Квадраты № 6—8 — зола.

6-й слой 100—120 см. Квадрат 2 — керамика без орнамента (край сосуда рубчатый, 7). Квадрат № 3 — керамика без орнамента. Квадрат № 4 — зола. Квадрат № 5 — угли. Квадрат № 6 — керамика с ямочным орнаментом (14). Квадрат № 7 — низ почти всего квадрата представляет из себя слой золы толщиной в 1,5—2 см. Квадрат № 8 — часть квадрата — зольное пятно, толщиной в 1,5—2 см.

7-й слой 120—140 см. Квадрат 2 — на глубине 135 см идет сплошной слой углей (2—3 см толщиной). Далее идет черная земля с массой мелких уголков и золы. Квадраты 3 и 4 — ничего не обнаружено. Квадрат № 5 — керамика с волнообразным орнаментом, характерным для славян (15). Внизу этого слоя обнаружена берцовая кость. Квадрат № 6 — керамика с тонкотканым

орнаментом (18); «куски керамики без орнамента» (16, 17). Квадрат № 7 — керамика с прямолинейным орнаментом, характерным для славян (28). Квадрат № 8 — керамика с волнообразным орнаментом характерным для славян (край и шея — 30). Керамика с прямолинейным орнаментом (29).

8-й слой 140—160 см. Квадрат 2 — кости (не человека), пак. № 19, крупные угли, много золы, часть днища сосуда (9). Квадрат № 3 — ничего не обнаружено. Квадрат № 4 — керамика с сетчатым орнаментом (пак. № 21). Квадрат № 5 — угли, зола, 2 куса керамики без орнамента (19, 20), керамика с прямолинейным орнаментом (21). Квадрат № 6 — 2 куса керамики без орнамента (22, 23), керамика с зацепным орнаментом (24), керамика с сетчатым орнаментом (25). Квадрат № 7 — керамика без орнамента. Квадрат № 8 — керамика с прямолинейным орнаментом (32), 2 куса керамики без орнамента (33, 34), кусок дерева, железная пряжка.

Скелет был обнаружен на глубине 140—145 см. Так как курган находился на скате, то пятки (140) на 5 см выше головы (145). Направление скелета СЗ — 56°. Длина — от брегмы до нижней поверхности пяточной кости — 167 см.

Сохранность скелета плохая. Кости рассыпаются. Кости конечностей истлели совершенно. Все кости хрупкие. Лежит скелет на спине, в вытянутом положении. Голова повернута на левую щеку. Нижняя челюсть сильно отвисла к левому плечу, почти его касается. Нижняя челюсть немного сдвинута на левую сторону, что могло произойти под давлением земли. Позвоночный столб немного изогнут (см. рис. 10). Руки лежат по швам. Правая немного отставлена в сторону. Ноги лежат вытянутыми.

Наноса расположение керамики и зольного слоя в проекции на сечение кургана (см. рис. 11), мы получаем следующее расположение зарегистрированной орнаментированной керамики (см. таблицы).

Рассматривая состав и расположение керамики, мы можем сделать следующие выводы:

1. Славянская керамика (волнистая и линейная) расположена по преимуществу в непосредственной близости костяка.

2. Состав славянской керамики не позволяет склеить из нее ни одного целого сосуда, а так как раскопки велись с исключительной тщательностью, из этого вытекает вывод, что часть черепков была унесена из погребения до засыпки его.

3. Наибольший зольный слой был равномерно расположен на высоте 20—25 см над головой костяка, что представляет место костра на тризне.

4. Керамика более древнего орнамента (тонкотканного, сетчатого, ямочного и пр.) беспорядочно разбросана по всей насыпи кургана и особенно на востоке его, что убеждает нас в том, что она не современна погребению, а взята со стороны вместе с привозной почвой для насыпи (с соседнего древнего селища).

Заключение и программа дальнейших работ

Приведенные сводки полученных материалов дают уже довольно полный круг общих сведений об исследуемом археологическом комплексе, что позволяет нам уточнить и детализировать наши задачи в дальнейших работах.

На кампанию 1930 года мы предполагаем:

1. Сосредоточить работу на молоденковском городище, вести ее в более обширном захвате, стро-

го по установленным нами слоям, уделяя особенно большое внимание наслоениям 3–5 слоя (ранние дьяковские слои) и углубляя траншеи в поиске неолита.

2. Произвести раскопки на Катюхиной горе и установить связь ее керамики с Молоденковским и Барвихинским городищами.

3. Добиться на николюгорском могильнике раскрытия минимум двух женских погребений для выяснения типа височных привесок.

4. Вести курганные раскопки с исключительным выяснением к залеганию керамики и зольных прослоек, дабы иметь возможность восстановить процесс погребения.

5. Продолжить рекогносцировку археологических памятников и пробные раскопки на всей территории исследования, особенно налегая на обследование селищ.

А. Чаянов

Литература

АКР. Московская область. М., 1994. Ч. 1.

Булычев Н.И., 1899. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М.

Древности, издаваемые временною комиссиею для разбора древних актов. Т. 1. Вып. 1—3. Киев, 1846.

Ходаковский З.Я., 1844. Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского // РИБ. Т. 7.

Чертков А.Д., 1838. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н.А. Толстого // РИБ. Т. 3.

Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры¹

Жилые постройки носителей дьяковской археологической культуры практически с момента открытия первых городищ железного века стали одной из постоянно обсуждаемых сторон материальной культуры. Общеизвестно, что еще первооткрыватели остатков укрепленных поселков Центральной России развернули дискуссию об их назначении: З.Я. Доленга-Ходаковский (1837; 1844) настаивал на их культовой принадлежности, К.Ф. Калайдович (1823) видел в них остатки укрепленных жилых поселков. Ряд исследователей в течение XIX столетия возвращались к этой теме, однако к началу XX века мнение о городищах как об остатках святилищ фактически стало общепризнанным. Многие исследователи подчеркивали обилие находок из разряда «культового инвентаря» (Гендуне, 1906), отрицалось и военное назначение валов городищ (Спицын, 1903). Однако в результате раскопок В.А. Городцова на Огубском и Старшем Каширском городищах научная парадигма сменилась коренным образом: результаты раскопок расценивались под новым углом зрения (сыграло свою роль и стремление представителей старой школы освоить марксизм). Демонстрировалось преобладание на памятниках остатков бытовой и хозяйственной деятельности (Городцов, 1926; 1933). В.А. Городцовым на обоих памятниках были раскопаны остатки заглубленных в землю объектов, круглых и прямоугольных в плане, реконструированных как землянки с коническими крышами.

Работы В.А. Городцова перевернули представления о дьяковской культуре (да и о других культурах лесной полосы РЖВ). Значение этих работ оказалось велико — десятилетиями выводы корифея отечественной науки не ставились под сомнение. Землянки довольно быстро обнаружались и на других памятниках — городищах Бородинском, Протопоповском, Горо-

щенском, Успенском, Мамоновом и др. И хотя со временем будут открыты и другие типы жилых построек, наличие у дьяковцев землянок продолжало оставаться признанным фактом (Смирнов, 1974; 1989).

Этапными можно назвать также работы П.Н. Третьякова на городищах Березняки и Тушемля. Были обнаружены наземные постройки, своеобразная альтернатива землянкам — срубные, каркасно-столбовые дома, а также «жилые стены» (Третьяков, 1941; Третьяков, Шмидт, 1963). Огромной заслугой П.Н. Третьякова стало именно выделение новых типов построек, безотносительно к работам предшественников. Позже, после крупномасштабных раскопок, проведенных коллективом исследователей под руководством А.Ф. Дубынина, представления о приемах дьяковского домостроительства значительно расширились: на Троицком, Щербинском городищах, городищах Кузнечики, Михайловском и др. были обнаружены новые жилые постройки, причем не заглубленных, а наземных (Дубынин, 1970а-б; 1974; Смирнов, 1964; 1992). Таковыми оказались «жилые стены» Троицкого и Лесничино, «длинные дома» Щербинского и небольшие постройки Троицкого, Михайловского и других городищ. Новые детали были выявлены Н.А. Кренке при раскопках на Дьяковом городище — отчетливо были прослежены ряды кольев внутри небольших канавок, интерпретированных как остатки плетня, в ряде случаев с глиняной обмазкой (Кренке, 1987).

Однако начиная с 1990-х годов новые материалы по дьяковской культуре стали накапливаться особенно интенсивно, причем не за счет вскрытых площадей, а по объему и качеству извлекаемой из раскопов информации. И целый ряд новых фактов заставляет нас по-иному взглянуть на традиционные интерпретации археологических объектов, исследуемых на дьяковских городищах.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-50108а/ц.

Землянки

Обратимся сначала к землянкам. Заметим, что нет ничего необычного в том, что на исследователей, особенно начинающих и провинциальных, огромное влияние в 1930-х гг. оказывал авторитет профессора Городцова. Интерпретация открываемого объекта в качестве землянки, как нам кажется, порой становилась результатом инерции мышления. Так, например, опубликованный М.В. Талицким профиль «землянки» на Протопоповском городище, в принципе, мог быть объяснен по-разному, особенно если учесть, что вскрытая площадь составляла всего 8 кв. м (Талицкий, 1948). Любопытен и другой пример — работы Н.П. Милонова в Городищах, где была обнаружена «землянка» квадратной формы (Милонов, 1948). Мы уже высказывали предположение, что раскоп Н.П. Милонова, вероятно, попал на линию укрепления и им был исследован участок древнейшего рва с развалом глинобитной конструкции (Сыроватко, 2001). Примечательно сходство чертежей Н.П. Милонова и его описание «землянки» с той картиной, с которой столкнулись мы при исследовании оборонительных сооружений Городищенского городища: развалы прокаленной глины и угля, покрывавшие, в том числе, склоны рва, а также ряды столбов, глубина котлована и т.д. Анализ полевых чертежей и наши собственные наблюдения заставляют усомниться в правильности предложенной Н.П. Милоновым интерпретации. Вероятно, в этом случае имели место упомянутая инерция мышления и «давление авторитета». Заметим, что и мы сами, исследовав первоначально только часть раскопа и сравнив его с описанием Н.П. Милонова, также посчитали, что имеем дело с «землянкой» (Сыроватко, 1997). На Шуровском селище шурфовка выявила объект, также интерпретированный как полуземлянка, и этот вывод попал в литературу. Только планомерные раскопки установили, что в действительности обнаружены были погребальные конструкции, не имеющие отношения к землянкам (Сыроватко, 2005). Другим примером воздействия традиции может быть Настасьинское (Мячковское) городище — после первоначальной шурфовки памятника также предполагалось на нем наличие землянок (Сыроватко, 1999), и только широкомасштабные раскопки установили, что все постройки на этом поселении были наземными. Упомянем также и довольно противоречивую оценку

реконструкциям землянок Огубского городища, данную И.В. Белоцерковской (1994).

Однако наиболее сильным ударом по «землянкам» стали результаты работ В.В. Сидорова и К.А. Смирнова на Старшем Каширском городище — вскрыв значительную площадь, а также доисследовав траншеи Городцова, исследователи не встретили землянок — на поселении существовали наземные дома, вероятно, срубной конструкции. «Землянки» же посчитали ошибкой В.А. Городцова. Это был довольно неожиданный поворот — первый из открытых типов жилых построек на дьяковских памятниках оказался результатом несовершенства методики раскопок.

Для того чтобы понять, как такое могло произойти, следует вернуться к самой методике поиска и исследования землянок. Она достаточно подробно описана В.А. Городцовым в опубликованных дневниках (Городцов, 1928. С. 13–14). В.А. Городцовым была также написана отдельная работа по методике исследования землянок, оставшаяся неопубликованной (Шелов, 1991. С. 186). Вначале, при обнаружении в траншее прослойки углистой почвы или скопления камней, которые принимались за очаг, это место определялось как предполагаемый центр землянки, после чего производилась выкружка — выбор слоя по очерченному кругу. Складывается ощущение, что исследователь заранее был уверен, что жилища дьяковской культуры — именно землянки, причем, как правило, круглой формы. Сомнения в правильности применения траншейного метода и «выкружек» при проведении раскопок высказывались уже при публикации первых материалов (Городцов, 1933. Редакторское предисловие; Третьяков, 1934).

Могут ли приведенные нами примеры поставить под сомнение существование землянок у дьяковского населения вообще? Окончательного ответа быть не может, особенно потому, что эти сомнения не всегда можно подтвердить — ведь для доказательства потребуется ревизия результатов работ на многих других городищах, повторение раскопок на которых, например Успенском или Протопоповском, зачастую невозможно. Кроме того, обнаружение землянок в будущем возможно, и если это произойдет, то это будет происходить уже на совершенно ином методическом уровне работ. Однако вряд ли будущие открытия «реанимируют» землянки Старшего Каширского, Огубского, Мячковского или Городищенского городищ. В любом случае, следует более критично относиться к описаниям «землянок», сделанным в прежние годы.

Каркасно-столбовые постройки

Троицкое городище было первым памятником, на котором были крупной серией исследованы наземные постройки каркасно-столбовой конструкции. Однако и в данном случае перед коллективом исследователей уже был пример — это работы П.Н. Третьякова на Березняках, и — особенно — на Тушемлинском городище. Пример заключался не только в том, что на Березняковском городище были открыты наземные дома — альтернатива землянкам. Это была еще и иная интерпретация объектов — групп столбовых ямок — в качестве следов построек. Постройки Тушемли маркировались регулярно расположенными столбовыми ямками. Именно на выявление столбовых ямок будет впоследствии направлено внимание исследователей. Столбовые ямки стали одним из важнейших признаков постройки, а их поиск и последующая группировка — основой методики обнаружения и выделения жилищ. По воспоминаниям М.Г. Гусакова, участвовавшего в раскопках Троицкого и Щербинского городищ, впечатление от работ П.Н. Третьякова у коллектива А.Ф. Дубынина было велико, вплоть до пробуждения чувства соперничества.

Постройкам Троицкого городища была посвящена специальная работа А.Ф. Дубынина и И.Г. Розенфельдт. Кроме того, реконструкция устройства жилищ дана А.Ф. Дубыниным отдельно (*Дубынин, Розенфельдт, 1970; Дубынин, 1970. С. 24*). По мнению автора раскопок, под постройки выравнивалась и подсыпалась площадка, под углы дополнительно подсыпались «глиняные подушки» или подкладывались камни и куски дерева. Крыши были двускатными, укрепленными дополнительными столбами. Столбы, державшие крышу, располагались обычно двумя продольными и тремя поперечными рядами. Жилища (речь в данном случае идет о небольших, «коротких домах») часто имели тамбур при входе.

Конструкция стен осталась невыясненной. Предполагалось, что стены укреплялись вбитыми кольями, расположенными по углам и по стенам, иногда попарно — с наружной и внутренней стороны. При такой реконструкции опоры стен являлись своеобразным фахверком, а перекрытие имело самостоятельные опоры.

Однако публикация чертежей построек у нас вызывает вопросы. Во-первых, основным критерием выделения постройки являлись пятна подсыпок полов, очажные пятна и собственно

столбовые ямы. Приведенные в публикации чертежи наглядно продемонстрировали несоответствие пятен «полов» очерченным границам построек. Таковы постройки 56, 54, 53, 41–49, 30, 31, 25, 22, 23, 24, 18–21, 5. Фактически только постройки 3, 4, 8, 9, 27, 34, 35 и 38 соответствуют этому критерию. Но и столбовые ямы также далеко не всегда достоверно очерчивают границы построек: зачастую они маркируют только одну или две стены предполагаемой постройки, и в таких случаях недостающие просто «реконструируются» авторами публикации. Таковы постройки 53, 54, 41, 36, 35, 34, 30, 22, 25, 18, 19, 20, 21, 5, 6, 2, 4. Во всех перечисленных случаях постройки не имели столбов в тех местах, где им, согласно реконструкции, следовало бы быть. Строго говоря, только постройки 1, 3, 10, 24, имели столбы по периметру стен или хотя бы по углам, да и то не везде. И уж совсем непонятно, как были прослежены внутренние перегородки: «увидеть» их можно в лучшем случае только в постройках 48, 34, 24, 8 и 9, но и это будет только умозрительной реконструкцией, а не фактом. К этому следует добавить особенности подачи материала: пятна культурного слоя даны только те, которые, по мнению авторов раскопок, соответствуют постройкам, без контекста. Столбовые ямы также представлены только выделенными для каждой прослойки, а не всеми, которые фиксировались на каждом из уровней или в материке. Попросту говоря, публикация построек Троицкого городища фактически является авторской интерпретацией, выводы остаются непроверяемыми. Но приведенное нами описание построек, данное А.Ф. Дубыниным, строго говоря, не соответствует даже этим чертежам, и является «реконструкцией второго уровня»: в этих чертежах нельзя увидеть двускатных крыш, неочевидны внутренние перегородки, единичен случай тамбура. Отметим, что в отчетах постройки представлены даже с меньшими, чем в публикации, деталями.

Наземные дома плетневой конструкции

В последние десятилетия особенно часто при исследованиях дьяковских поселений стал обнаруживаться тип постройки, стены которой оставляли в материке или культурном слое следы в виде канавок, внутри которых располагались ямки от столбов или кольев. Самым ярким примером такого типа жилищ является, безусловно, Настасьинское городище, хотя этот памятник был не первым, где подобные постройки

ки были обнаружены. Несомненно, работы на Дьяковом городище стали определенным рубежом в изучении жилых построек. В нижнем слое Дьякова городища были обнаружены остатки длинных домов, следы стен которых представляли собой неглубокие канавки со следами кольев на дне. Нижний слой вообще, благодаря своей хорошей сохранности, позволил проследить многие детали — планировку, конструкции очагов, следы ремонта и перестроек и т. п., но одним из самых важных результатов (при общей неразрешенности принципиальных вопросов домостроительства) следует признать достоверные свидетельства плетневой конструкции стен (Кренке, 1987; 2004. С. 176–177). Дома с подобной конструкцией стен, оставляющие следы в виде канавок со столбовыми ямками стали самым полно реконструированным типом дьяковской постройки. Позднее К.А. Смирнов обнаружил постройку на городище Лесничино, стены которой имели аналогичную конструкцию (Смирнов, 1992). При публикации исследователем были привлечены аналогии с памятников лесной зоны и скифских городищ, указывающие на довольно широкое распространение плетневой конструкции в железном веке (Смирнов, 1992. С. 52).

Настасьинское городище обладало слоем, в котором детали построек сохранялись особенно хорошо. Четко читаемые детали конструкций — канавки и столбовые ямы, прекрасно фиксируемая планировка всего поселка, и, наконец, крупная серия радиоуглеродных дат, позволившая установить порядок сооружения жилищ — все это в настоящее время позволяет считать материалы раскопок Настасьинского городища одним из самых качественных источников по дьяковскому домостроительству (Энговатова, 2004). Однако именно работы на Дьяковом городище в значительной степени облегчили понимание природы обнаруженных в Настасьино объектов. Вслед за раскопками Настасьинского городища развернулись работы на Каширской группе памятников (Лопатина, Сидоров, 2003; Сидоров, 2004). И хотя абсолютного тождества в конструкции стен с Настасьинскими постройками там нет, в немалой степени аккуратному разбору построек на Мутенковском, Корыстовском и Старшем Каширском городищах способствовал настасьинский опыт. Нельзя обойти и еще одно поселение — Ростиславльское городище, на котором также обнаружены постройки с кон-

струкцией стен «канавки + столбовые ямки». Во всех случаях срабатывал тот же принцип, что и в других, описанных выше, сюжетах: исследователи знали, что искать². Это «знание» может давать совершенно разные результаты. О том, как это проявилось в вопросах «землянок» и каркасно-столовых постройках, мы уже говорили. В последнем же случае «заранее заданное видение» построек позволило обнаружить и правильно исследовать эти объекты.

Постройки с конструкцией стен «канавки + столбовые ямки» были обнаружены значительно раньше, чем на Дьяковом городище, и не только в пределах дьяковского ареала.

1) Городище «Круглица», исследованное Л.И. Пимакиным, продемонстрировало хорошую сохранность остатков построек в самом нижнем слое (Пимакин, 1957. С. 8–9). Остатки построек проступили в виде полос более темного грунта, шириной 10–20 см, в ряде случаев в материк они врезались канавками. Исследователь ничего не говорит о наличии кольев внутри, считая постройки срубными, но планировка домов, следы ремонтов — все это имеет прямые аналогии на памятниках, исследованных позднее. Мы вправе предположить, что постройки «Круглицы» аналогичны Настасьинским, тем более что оба городища расположены в одном регионе.

2) К.А. Смирнов при раскопках на городище Дьяков Лоб обнаружил несколько построек. Постройки нижнего горизонта оставили в материке след в виде канавок, шириной 15–20 см. В одной постройке (№ 6) были прослежены столбовые ямки на дне (Смирнов, 1973. С. 104–105).

3) Боршевское городище, на котором открыты своеобразные «платформы» (Крис, Чернай, Данильченко, 1984. С. 134–135). Описание этих платформ, с прослойками, напоминающими полы дьяковского жилища (с глиняной обмазкой и очагами), с «опалубкой» из горизонтально лежащих бревен, укрепленных кольями-раскрепами, больше соответствует, на наш взгляд, жилищам с конструкцией стен, аналогичной Настасьинской, хотя авторы раскопок считали их сооружениями производственного назначения (Крис, Чернай, 1980. С. 76). К слову, авторы публикации аналогии «платформам» видели в первую очередь на Старшем Каширском городище и все той же «Круглице».

4) Аналогичны Настасьинским и постройки на городище Николо-Ленивец, исследованном

² Разумеется, сказанное не означает, что «знали» до начала работ или до открытия первого объекта. И в Настасьино, и в Ростиславле, насколько нам известно, поиск аналогий велся уже в процессе раскопок.

Т.Н. Никольской. Фотографии и описание построек не оставляют сомнения, что перед нами постройки абсолютно такого же типа (Никольская, 1959. С. 33–34. Рис. 10).

Как видим, многие из перечисленных примеров продемонстрировали ситуацию, когда объекты зафиксировать удалось, но отсутствие заготовленной интерпретации порой мешало не только правильно объяснить увиденное, но и — что важнее — до конца исследовать (за исключением раскопок Т.Н. Никольской). Именно в этом причина того, что столбовые ямки были прослежены не во всех канавках в перечисленных случаях³. Мы вправе также предположить, что в тех случаях, когда фиксируются контуры стен построек, речь идет о конструкции стен «канавка + столбовые ямки», хотя, как правило, раньше такие следы интерпретировались как отпечатки срубов.

Каковы же основные выводы? Во-первых, и это следует из приведенных примеров, огром-

ная роль в выявлении и интерпретации жилых построек принадлежит не только методике раскопок, но и тем вариантам реконструкций, которыми исследователь может располагать *заранее*. Это может иметь и отрицательные, и положительные последствия и является скорее особенностью человеческого мышления вообще, чем достоинством или недостатком отдельного исследователя.

Во-вторых, и это, пожалуй, главный вывод, кажущееся разнообразие типов построек и вообще изобилие материала по дьяковскому домостроительству в действительности таковыми не являются. Реальная источниковая база гораздо уже. Особенно это заметно при попытке коснуться социальных вопросов или, например, реконструкции внутреннего устройства жилищ. Остается надеяться на разрешение этой ситуации в ближайшие годы — за счет исследований, проведенных на новом методическом уровне.

Литература

- Белоцерковская И.В., 1988. Огубское городище // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Тр. ГИМ. Вып. 68. М.
- Гендуне Ю.Г., 1906. Городище Топорок. Тверь.
- Городцов В.А., 1926. Болотное Огубское городище // Тр. ГИМ. Вып. 1.
- Городцов В.А., 1928. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах. // Тр. Археолого-этнографического музея 1-го МГУ. Вып. 4.
- Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // ИГА-ИМК. Вып. 85.
- Дубынин А.Ф., 1970а. Троицкое городище // МИА. № 156.
- Дубынин А.Ф., 1970б. Городище Кузнечики в Подмоскowie // СА. № 1.
- Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г., 1970. Постройки Троицкого городища // МИА. № 156.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Калайдович К.Ф., 1823. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.
- Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железный век и раннее средневековье // Дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. 2392.
- Кренке Н.А., 2004. Дьяково городище: методы исследований (по материалам раскопок 1981—1987 гг.) // Восточная Европа в Средневековье. М.
- Крис Х.И., Чернай И.Л., 1980. Городища Дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. Вып. 162. М.
- Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П., 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Лопатина О.А., Сидоров В.В., 2003. Старшее Каширское городище и каширская группа памятников // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.
- Милонов Н.П., 1948. Историко-археологический очерк г. Коломны // Историко-археологический сборник НИИМКР. М.
- Никольская Т.Н., 1959. Культура племен верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. № 72. М.
- Пимакин Л.И., 1957. Отчет об археологических раскопках городища «Круглица» в Раменском районе Московской области. 1957 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2144.
- Сидоров В.В., 2004. Мутенковское городище // АП. М.
- Смирнов К.А., 1964. Новые городища дьякова типа в бассейне реки Москвы // КСИА. Вып. 102. М.
- Смирнов К.А., 1973. Городище Дьяков Лоб // КСИА. Вып. 133.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К.А., 1989. Жилища у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М.
- Смирнов К.А., 1992. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // РА. № 1.
- Спицын А.А., 1903. Городища дьякова типа // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.
- Сыроватко А.С., 1997. Раскопки на дьяковских городищах г. Коломны // АО 1996 г. М.

³ Конечно, большинству исследователей распознать постройки в открытых объектах удалось — без реконструкции способа сооружения стен и, как правило, не прослеживая столбовые ямки внутри канавок.

- Сыроватко А.С., 1999. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья (Предварительное обобщение) // РА. № 2.
- Сыроватко А.С., 2001. О познедьяковских памятниках в устье р. Москвы // Краеведческие записки. Сборник научных трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна.
- Сыроватко А.С., 2005. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М.
- Талицкий М.В., 1948. Керамика Протопоповского городища // СА. Т. X.
- Третьяков П.Н., 1934. В.А. Городцов. Старшее Каширское городище // СЭ. № 4. Л.
- Третьяков П.Н., 1941. К истории племен верхнего Поволжья в I тыс. н.э. // МИА. № 5.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М., Л.
- Ходаковский З.Я., 1837. Историческая система Ходаковского // РИС. Т. I Кн. 1—3. М.
- Ходаковский З.Я., 1844. Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Доленга-Ходаковского из Москвы 13-го липца 1822 года // РИС. Кн. 3.
- Шелов Д.Б., 1991. Василий Алексеевич Городцов и полевая археология // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.
- Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // АП. М.

Некоторые особенности дьяковского керамического комплекса городища Ростиславль¹

Данная статья не является публикацией материалов Ростиславльского городища. Эта работа будет выполнена авторами раскопок после завершения полевых исследований и детального анализа собранного материала². Мне же хотелось бы остановиться на том, что представляет собой названный памятник в контексте окружающих его дьяковских городищ. Эта проблема особенно актуальна в связи с тем, что раскопки Ростиславльского городища заполнили вакуум, образовавшийся между исследованными в последние годы коломенскими городищами и довольно своеобразными памятниками окрестностей Каширы (Сыроватко, 2001; Лопатина, Сидоров, 2003).

Ростиславльское городище — известный памятник дьяковской культуры и русского средневековья (Коваль, 2004). Несколько лет подряд на нем идет целенаправленное исследование дьяковского слоя, главным образом, сосредоточенного в пределах городища раннего железного века. Вещевые находки из раскопок постепенно вводятся в научный оборот (Коваль, 2001; 2005). Особого внимания заслуживает статистика керамики, приведенная в полевых отчетах.

Прежде чем перейти к описанию материала, хотелось бы коснуться терминов, которые будут употребляться в тексте статьи.

Со времен работ В.А. Городцова сетчатую керамику принято подразделять на два основных типа — «нитчатый» и «рябчатый» (Городцов, 1910, С. 373). Все последующие классификации и системы терминов в конечном итоге не отрицали того, что по-настоящему объективно могут быть выделены именно эти два типа (как варианты названий — «текстильная» и «ложно-текстильная» керамика). На нижней Москве-реке и среднем течении р. Оки в пределах «рябчатого» типа также выделяются (не отража-

ющие, впрочем, всего разнообразия) отпечатки «мелкоячеистого рябчатого» (отпечатки с тонким, вытянутым, часто выгнутым в виде скобки элементом) и «крупноячеистого рябчатого» (широкие, глубоко врезанные отпечатки) типов.

В статистических таблицах отчетов, собранных за время раскопок памятника, употреблялись самые разнообразные термины. «Мелко-крапчатая», «крапчатая», «ложнотекстильная штамповая», «ложносетчатая», «нитчато-сетчатая», «штамповая мелкоячеистая», «ранненитчатая» и многие другие термины при обобщении показателей были сведены нами (при активной консультации с В.Ю. Ковалем) к двум, названным в предыдущем абзаце. Что позволило сопоставить их не только с обработанным нами ранее материалом, но и с материалом, полученным нашими коллегами на других памятниках (Смирнов, 1991).

Отметим, что по имеющимся типам керамики Ростиславльское городище ничем не отличается от остальных дьяковских городищ. Неожиданное своеобразие памятника демонстрирует лишь в том, как эти типы распределяются в слое (табл. 1).

Приведенные в таблице 1 цифры не являются абсолютными, прежде всего, из-за упомянутой выше разницы в терминологии.

В культурном слое жилой площадки городища В.Ю. Ковалем и Е.Ю. Тавлинцевой выделено два условных слоя: верхний слой 1 с горизонтами А и Б и нижний слой 2. Слой 1 представляет собой темно-серый гумусированный суглинок, содержащий материалы конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н. э., позднедьяковского времени и эпохи средневековья. От слоя 2, в основном представленного прослойками полов построек, относящихся к более раннему времени, слой 1 отличается своей сильной деструктурированностью.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-50108а/ц).

² Благодарю В.Ю. Ковалю, Е.Ю. Тавлинцеву и весь состав Ростиславльской экспедиции за предоставленный для исследования неопубликованный материал.

Таблица 1

Год	Гладкостенная				Нитчатая				Рябчатая всех типов			
	Слой 1а	Слой 1б	Слой 2	Слой 3	Слой 1а	Слой 1б	Слой 2	Слой 3	Слой 1а	Слой 1б	Слой 2	Слой 3
1998	53		69,1		2		0,2		34,7	29,5		
1999	39	18	53	25	6,3	9,6	31,6	32,1	40,2	64,8	5,1	2,8
2000	34,7	43,2	65,9	менее 1	11,27	,6	ок. 0,8	менее 1	32,7	23,9	менее 1	
2001	57,5	63,6	ок. 70		8,3	менее 1	12,3		19,6	23	0,9	
2002	58,1	57,7	ок. 80		6,3	12,5	11,4		25,4	25	14,3	
2003	62,3	62,4	85		8,8	6	8		19	15	20	

Из таблицы 1 видно, что распределение керамики по типам в слоях заметно различается: доля гладкостенной керамики в слое 1 колеблется в пределах 50–60 %, в то время как в слое 2 ее количество возрастает до 80 %, при наличии керамики с «нитчатой» и «мелкоячеистой рябчатой» отпечатком.

То, что доля гладкой керамики, преобладавая в нижних слоях, в более позднее время уменьшается, было известно и ранее. Собственно, утверждение того, что гладкостенная керамика в комплексах имеет тенденцию в течении дьяковского периода увеличиваться в объеме, чтобы в позднедьяковский вытеснить сетчатую керамику совсем, является мифом, возникшим в результате излишне прямолинейной, не учитывающей реальности формирования слоя, трактовки (Сыроватко, 2005). При сопоставлении этих данных с материалами других дьяковских поселений Окского бассейна — Городище, Протопопово, Погоста Красно, Мутенковского, Настасьинского (Мячковского) — становится понятно, что, в

частности на коломенских городищах (Городище, Протопопово, Коробчеево 1, Погост Красно, Настасьино) доля гладкой керамики даже в нижних слоях составляет около 35 % (Сыроватко, 2000). На Мутенковском — 87 % (Смирнов, 1991. С. 19), а на каширских городищах в среднем около 90 % (Лопатина, 2005. С. 99).

Аналогию керамическому набору Ростиславля (слой 2) можно проследить на памятниках Каширской группы, выделяемых В.В. Сидоровым даже в Каширскую культуру (Лопатина, Сидоров, 2003; Сидоров, 2004. С. 126). Именно на этих памятниках — Старшем Каширском, Корыстовском, Мутенковском городищах — столь значительна доля гладкостенной керамики в нижних слоях (около 90 %). В связи с этим нижние слои Ростиславля, по всей видимости, стоит отнести к городищам этой же группы.

Как распределяются другие типы керамики?

В слое 2 доля «мелкоячеистой рябчатой» и «нитчатой» керамики примерно одинакова: по 9–10 %. Исключение составляет только учас-

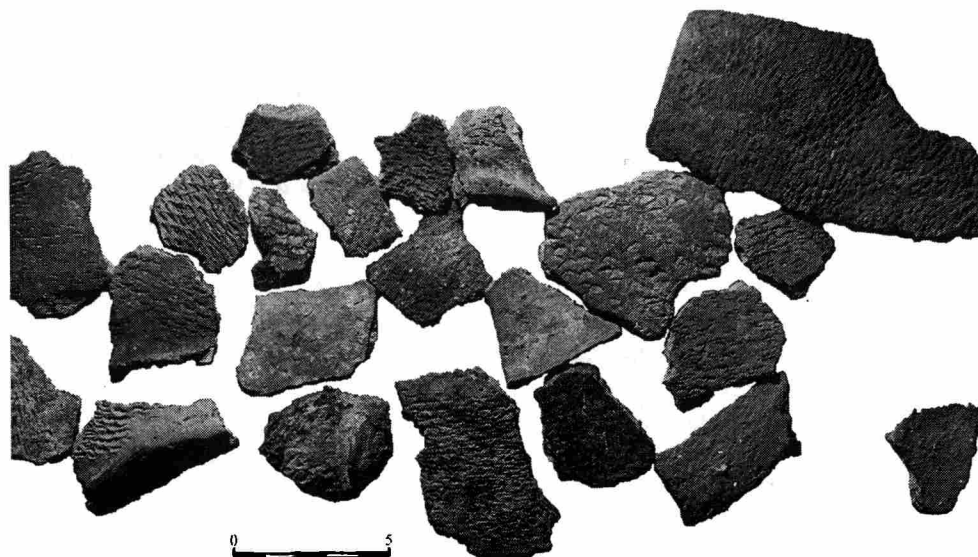

Рис. 1. Керамика из раскопок в Ростиславле.

ток «Б» раскопа V 1999 г., где доля «нитчатой» керамики в слоях 2 и 3 аномально высока — около 32 %. Объяснения этому явлению пока нет. Что же касается слоя 1, то «нитчатой» керамики в нем 7–8 %, в то время как количество «рябчатой» керамики всех типов возрастает до 28 %, причем в основном за счет еще одного типа — «крупночешуйчатой рябчатой». Керамика этого типа характерна для поздних дьяковских слоев Городищенского, Протопоповского, Настасьинского городищ. Она так же доминирует в коллекциях небольших селищ Белый Колодец, Сосновка 4, Щурово. Из всех типов сетчатой керамики этот, по всей видимости, является хронологически наиболее поздним (данный факт еще раз был подтвержден на Ростиславле). Что же касается нижнего слоя, то на городищах коломенской группы для нижних слоев характерным является тип «мелкочешуйчатых рябчатых» отпечатков, при заметной доле гладкостенной керамики. И в этом Ростиславль больше соответствует каширским памятникам.

Можно было бы ограничиться простой констатацией соответствия Ростиславля каширской, а не коломенской группе памятников, если бы общая картина не была настолько сложной и неоднозначной. Между Ростиславлем и коломенскими городищами левого берега Оки в устье р. Осетр располагается еще одно крупное городище — Городна 1. Расстояние между Городной и Ростиславлем составляет по прямой всего около 14 км (соседние памятники). Однако слой жилой площадки Городны демонстрирует третий вариант распределения керамики — заметное, в несколько раз, преобладание «мелкочешуйчатой рябчатой» керамики как над «нитчатой», так, в особенности, и над гладкостенной. Радиоуглеродных дат для жилой площадки из слоя, откуда был получен материал, две: нижняя — ГИН 13293 (258060 л. н.) и верхняя — ГИН 12721с (2040 ± 25 л. н.). В целом, эти даты соответствуют периоду слоя 2 Ростиславля, насыпям валов и нижним слоям коломенских городищ. Таким образом, если каширские и коломенские группы памятников между собой демонстрируют схожие традиции, то Городна 1 полностью не соответствует ни одной из них. Конечно, одним из объяснений этому явлению могут служить все те же педотурбационные процессы, на недооценку которых мы обращали внимание в прежних публикациях. Но даже в этом случае Городна 1 имеет сходство с коломенскими памятниками, что свидетельствует об ощущаемом разграничении двух керамических традиций (и, по всей видимости, групп памятников).

В 2005 г. коллективу, проводящему раскопки на Ростиславле, посчастливилось начать грандиозную работу по исследованию насыпей валов городища. Керамика, происходящая из нижних слоев насыпи (горизонты 8 и 9), достоверно соотносимая с раннедьяковским периодом, продемонстрировала довольно любопытное распределение фрагментов по типам фактуры поверхности. В насыпи вала, как видно из таблицы 2, доля «нитчатой» керамики составляет около 34 %, что почти равняется доле гладкостенной керамики. Выше и содержание «мелкочешуйчатой рябчатой» керамики: 21–24 %. А общее количество сетчатых фрагментов преобладает над количеством гладкостенных, чего не наблюдается на жилой площадке ни в слое 1, ни в слое 2 (за исключением все того же участка «Б» 1999 г.).

Таблица 2. Распределение типов керамики по горизонтам 8 и 9

Комплекс	Нитчатая	Рябчатая	Гладкая	Неопредел.	Всего
Горизонт 8	39 (36,7 %)	23 (21,6 %)	38 (35,8 %)	6	106 (100 %)
Горизонт 9	125 (33,9 %)	90 (24,4 %)	133 (35,1 %)	20	348 (100 %)
Всего	164 (33,8 %)	113 (23,3 %)	171 (35,3 %)	26	484 (100 %)

Интересно, что примерно таким же образом распределяется керамика в насыпях валов коломенских городищ — Протопопово, Коробчеево I, Городищи (верхний слой). Отличие коломенских памятников состоит только в более высоком проценте «нитчатой» керамики, но общая тенденция — резкое возрастание этого типа отпечатка именно в насыпях валов — такая же, и именно она легла в основу наших хронологических построений (Сыроватко, 2000). Как ни странно, по составу керамики из насыпи вала Ростиславль на этот раз ближе коломенским памятникам, хотя сходство нельзя назвать полным. Сопоставить этот материал с синхронными слоями или комплексами каширских городищ у нас нет возможности. Кроме того, «рябчатая» керамика, представленная в насыпи вала Ростиславля, относится исключительно к типу так называемыми мелкочешуйчатыми или скобчатыми (в прошлом употреблялись также термины «ногтевые», «полулунчатые») отпечатками.

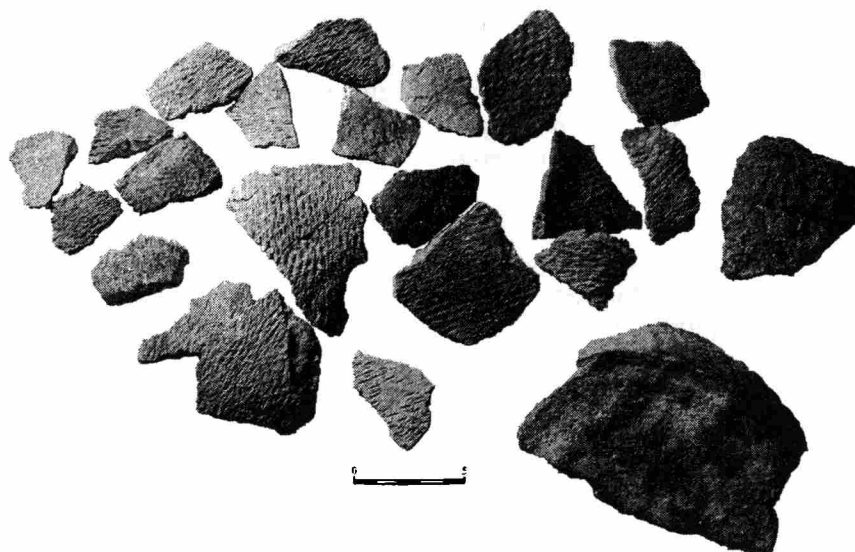

Рис. 2. Керамика из раскопок в Ростиславле

Достаточно одного взгляда, чтобы понять, как сильно эта керамика отличается от «крупнорыбчатой» керамики позднего периода дьяковских городищ (в качестве примера см.: Сыроватко, 2000. Рис. 5–7; 2005а. С. 239; 2005б. Рис. 1). Этот факт лишний раз подтверждает нижнюю дату существования поздней сетчатой керамики, широко распространенной по Оке и Москве-реке.

Насыпи валов дьяковских городищ обладают рядом важных особенностей, которые необходимо учитывать, анализируя состав керамических комплексов. Выстроив хронологическую схему именно на основе состава керамики в насыпях валов, мы в свое время лишь вскользь коснулись одного важного момента — насыпи валов насыщены материалом. Таковы городища Городищи, Протопоповское, Коробчеевское 1, Городна 1, а теперь, после работ В.Ю. Коваля, еще и Ростиславль. Но при этом (и это подтверждается специальными палинологическими исследованиями — Сыроватко, Спиридонова, 2002; Спиридонова, Сыроватко, 2003) в насыпях валов нет грунта, который можно было бы интерпретировать как культурный слой, взятый с жилой площадки. В насыпях использован материковый суглинок с примесью гумусированного суглинка, который насыщен материалом совершенно непропорционально литологическому составу. До раскопок на Ростиславле мы не касались этого момента, решив для себя, что керамика, как следовало и из стратиграфических, и

из палинологических наблюдений, по большей части синхронна времени сооружения насыпи. Но сейчас следует признать, что механизм попадания сравнительно большого количества керамики (включая развалы крупных частей сосудов) в насыпь, основу которой составляет материковый суглинок, нуждается в объяснении, которого у нас пока нет.

Наряду с этим важным фактором следует отметить многочисленные следы прокаливания суглинка в валах. Мы не раз подчеркивали широту этого явления — на городецких, дьяковских, верхнеокских городищах, хотя, вероятно, оно охватывает весь железный век. В.А. Городцов, как известно, полагал, что это специальное и довольно сложное по технологии действие, служило для укрепления валов (Городцов, 1910. С. 377). Я неоднократно сталкивался с возражениями различных оппонентов, в частности, В.В. Сидорова, утверждавших, что такой экзотический способ не может способствовать укреплению валов³. К тому же вал, полностью сложенный из прокаленной глины, нам известен только на Казарском городище (Монгайт, 1961. С. 59–60, рис. 27). На остальных памятниках это либо достаточно мощные (Городна 1, Городищи), либо очень тонкие (Протопопово) прослойки. Однако, само по себе, это явление настолько общее, что не может не быть отмеченным⁴.

Не менее важным фактором является и состав находок из насыпей. А.И. Пузикова первой обратила внимание на то, что к насыпям валов тя-

³ Аргументы как «за», так и «против» базируются исключительно на житейском опыте и не могут считаться корректными. По настоящему необходима экспериментальная реконструкция, заняться которой в пока, вероятно, никому.

⁴ Прокаливание характерно для валов, сложенных глиной. На городищах Коробчеевское 1 и Погост Красно, стоящих на выходах известняка, валы сложены обломками известняка пополам с грунтом, и следов прокаливания в них не наблюдается.

гоतेют т.н. «рогатые кирпичи». Это наблюдение подтверждается на Городищенском городище (Пузикова, 1997. С. 79–80; Сыроватко, 2003). Ростиславль вновь продемонстрировал закономерность данного обстоятельства: в его насыпи присутствовали многочисленные обломки и развалы крупных частей «кирпичей». Отметим также повторявшиеся в Ростиславле и Городищах тигли, тесто которых, пористое, с примесью органики, во многом сходно с тестом «рогатых кирпичей». Не хотелось бы затрагивать весьма непростую тему, связанную с проблемой культа, но само собой напрашивается предположение о преднамеренном помещении в насыпи со следами прокаливания «кирпичей», керамики и, возможно, тиглей. Если допустить, что прокаливание грунта в насыпи является отражением обряда, а не технологии, то, соответственно, и состав артефактов, в свою очередь, может являться следствием того же самого обряда. Это лишь предварительное наблюдение, но остановиться на нем было необходимо хотя бы для того, чтобы подчеркнуть необычность данного явления — скопления керамики в насыпях валов.

Из сказанного можно заключить, насколько велика вероятность того, что состав керамики из насыпей отражает реальный состав ее в комплексах, синхронных времени сооружения насыпей. Это весьма любопытное заключение, поскольку в последнее время нам приходилось анализировать материалы, свидетельствующие об обособленном существовании различных ти-

пов отпечатков (Сыроватко, 2005а; 2005б). Для археологии железного века было бы крайне важно получить дополнительные подтверждения такой вероятности. К сожалению, предварительные результаты раскопок Ростиславльского городища таковых пока не предоставили.

Керамические комплексы Ростиславля показали нам столь важными по следующим причинам.

1. Различия в керамических комплексах близко расположенных памятников, имеющих к тому же несомненное единство вещевого инвентаря, заставляет обратить особое внимание на керамику, как на возможный источник выделения локальных групп памятников (или вариантов культуры).

2. Они же (различия) помогают проследить границы выделения таких групп⁵.

3. У локальных групп памятников или на отдельных поселениях наблюдаются не только «периоды различий», но и очевидные «периоды сходства», такие, как распространение «нитчатой» керамики на Оке и нижней Москве-реке, или появление в первых веках н. э. «крупночешистой рябчатой» керамики. Из этого следует, что «локальные варианты» не являлись чем-то неизменным, их границы могли меняться. В то же время различия между ними следует объяснять не столько постоянным набором признаков, сколько сменяющейся последовательностью исторических событий, оставивших после себя разнообразный материальный след⁶.

Литература

- Городищев В.А., 1910. Бытовая археология. М.
- Лопатина О.А., Сидоров В.В., 2003. Старшее Каширское городище и каширская группа памятников // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.
- Лопатина О.А., 2005. Технологические особенности древнейшей керамики каширских городищ раннего железного века // РА. № 3.
- Коваль В.Ю., 2001. Ростиславльское городище раннего железного века // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.
- Коваль В.Ю., 2004. Ростиславлю Рязанскому — 850 лет (10 лет работы Ростиславльской археологической экспедиции) // АП. М.
- Пузикова А.И., 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.
- Сидоров В.В., 2004. Мутенковское городище // АП. М.
- Смирнов К.А., 1991. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Спиридонова Е.А., Сыроватко А.С., 2003. Применение палинологического метода для реконструкции укреплений и окружающих ландшафтов Протопоповского городища // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень.
- Сыроватко А.С., 2000. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. № 4.
- Сыроватко А.С., 2001. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья: автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М.
- Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А., 2002. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Сыроватко А.С., 2003. Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Москворечья // РА. № 2.
- Сыроватко А.С., 2005а. Сетчатая керамика селища Щурово и ее археологический контекст // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Колмна.
- Сыроватко А.С., 2005б. Сетчатая керамика селища Сосновка IV, Мякинино I и ее археологический контекст // АП. Вып. 2. М.

⁵ Объяснений должно быть много, но все они выходят за рамки нашей статьи. Подчеркнем только, что за отмеченными выше фактами может скрываться не только историческая реальность, но и реальность самого источника, т. е. состояние коллекций.

⁶ Если угодно — разной очередностью проявления (разной датировкой) одних и тех же признаков.

Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль

Археологическое изучение городища раннего железного века на территории летописного русского города Ростиславля Рязанского (в Озерском районе Московской области) ведутся с 1998 г. (руководитель раскопок В.Ю. Коваль). Проведенные исследования позволили установить принадлежность памятника дьяковской культуре и датировать его I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э. (Коваль, 2001). За годы раскопок собрана репрезентативная и постоянно пополняющаяся коллекция находок, вскрыты остатки жилых и оборонительных сооружений. Среди разнообразных находок раннего железного века на ростиславльском городище стрелы — самая многочисленная группа. Всего обнаружено 64 наконечников стрел, их обломков и заготовок.

Попытаемся ответить на следующие вопросы:

— насколько отличается датировка тех или иных типов стрел от общепринятой хронологии стрел, найденных на других дьяковских городищах;

— можно ли выделить зоны наибольшей концентрации находок стрел и какие выводы можно сделать из этого выделения.

Прежде чем приступить к рассмотрению находок, отметим, что наилучшая сохранность слоев раннего железного века на Ростиславле отмечена на участке площадки городища, вплотную примыкающем к валу. Именно в этом месте в 1998 г. и был заложен раскоп V, исследования на котором непрерывно продолжаются до сегодняшнего дня. Большинство наконечников стрел происходит именно с этого раскопа. Менее объемный материал происходит с раскопов IV (траншея прорезки вала) и VI (в мысовой части городища) (рис. 1).

На ростиславльском городище встречено два типа *железных наконечников стрел*, характерных для дьяковской культуры.

1. Двухшипные наконечники стрел, относящиеся к типу 1 по классификации К.А. Смирнова (1974. С. 33). Такие наконечники, имевшие плоское сечение пера, изготовлялись из листа железа путем вырубki зубилом, затем обтачивались (рис. 2, а). Наконечники имеют среднюю длину 6–6,5 см, ширину — 1,2–1,5 см, толщину пера — 0,2–0,4 см. Черешки наконечников в большинстве случаев обломаны. Подобные наконечники часто встречаются на ряде дьяковских городищ (Щербинском, Троицком, Бородинском, Кузнечиках, Дьяковом, Огубском и др.) и в могильниках (Андреевском кургане, Кошибеевском могильнике). Датируются они первой половиной I тыс. н. э. (Дубынин, 1974. Табл. IX, 1, 2; Белоцерковская, 1994. С. 86). По наблюдению Н.А. Кренке, стрелы этого типа характерны для верхнего слоя «А» Дьякова городища, где они бытуют длительное время (Кренке, 1987, с. 41, 43, 47). Всего на Ростиславле обнаружено 8 наконечников типа 1, причем все они встречены в верхнем слое (слое 1)¹, состоявшем из однородного темно-серого гумусированного грунта с включениями угля. Массовый материал, происходящий из данного слоя, вполне однороден и может быть датирован II–V вв. н. э. Таким образом, датировка стрел типа 1, которая была предложена К.А. Смирновым (первая половина I тыс. н. э.) на основании аналогий с других археологических памятников дьяковской культуры, совпадает с их стратиграфической датировкой на городище Ростиславль.

2. Наконечники с ланцетовидным пером, изготовленные из листа железа путем вырубki зубилом с последующей проковкой — 2 экземпляра (рис. 2, б). Средняя длина наконечников — 6,5–7 см, ширина пера — 1,5 см, толщина пера 0,4 см. Ланцетовидное перо наконечников (в одном случае с зазубринкой) имеет линзовидное сечение, что сближает его со стрелами типа 3 по К.А. Смирнову. Вместе с тем по форме оконча-

¹ Стратиграфия культурного слоя городища раннего железа описана в работе В.Ю. Ковалья (2000. С. 52–54).

ния черешка (в виде ласточкиного хвоста) данный наконечник близок к типу 5 (Смирнов, 1974. С. 34). Наконечники с таким окончанием черешка были обнаружены на городищах Кузнечики, Топорок, в кургане у с. Мастюгино и в кургане у с. Ново-Никольское. Датируются они IV—III вв. до н. э. На Ростиславле один из этих наконечников был обнаружен в насыпи вала городища раннего железного века (раскоп IV, 2005 г.), а другой обнаружен в одной из построек, которая по массовому материалу датируется второй половиной I тыс. до н. э.

Номенклатура железных наконечников на Ростиславле пока ограничивается этими двумя типами. Гораздо разнообразнее ассортимент найденных здесь *костяных наконечников*.

1. Черешковые наконечники с ромбическим сечением короткого массивного пера и лопаточкой на конце черешка (рис. 2, в). Их длина колеблется в диапазоне от 3,5 до 6 см, толщина пера различна — от 0,5 см до 0,8 см. На внутренней стороне наконечника обычно фиксируется углубление от внутренней полости трубчатой кости, служившей сырьем для его изготовления, поверхность наконечника залощена. Такие наконечники относятся к типу 10 по К.А. Смирнову (Смирнов, 1974. С. 31), они характерны для дьяковской культуры и найдены на Щербинском, Барвихинском, Кропотовском, Старшем Каширском городищах. А.Ф. Дубынин отмечал, что подобные наконечники были найдены в нижнем слое городища Николо-Ленивец, который датировался им III—II вв. до н. э. (Дубынин, 1974. С. 220).

Возможно, к этому же типу относился конический наконечник с заостренным круглым в сечении пером и плоским черешком: длина — 5,5 см, диаметр — 0,6 см (рис. 2, м), принадлежавший к типу 11 по К.А. Смирнову, характерному для начального этапа дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 31, табл. I, 18). На Дьяковом городище подобный наконечник (типа 4 по Н.А. Кренке) встречен в слое «В», датированном V—III вв. до н. э. (Кренке, 1987, С. 219. Рис. 19, 11). На Ростиславле этот наконечник обнаружен в верхнем перемешанном горизонт А верхнего слоя (слоя 1).

2. Одношипные черешковые наконечники, имеющие линзовидное сечение (рис. 2, г) и относящиеся к типу 14 по К.А. Смирнову (Смир-

нов, 1974. С. 31). Всего было обнаружено 7 таких наконечников. Длина сохранившейся части этих наконечников — 4–5,5 см (большинство из них сохранилось во фрагментарном состоянии), ширина пера — 1 см, толщина — 0,3–0,5 см. Исследователи отмечают, что наконечники подобного типа обнаруживались в ранних слоях ряда дьяковских городищ — Щербинского, Старшего Каширского, Свинуховского и Одоевского городищ, датируемых IV — III вв. до н. э. (Смирнов, 1974. С. 31), а на Мамоновом, Моисеевском и Тушемлинском городищах подобные наконечники датируются V—IV вв. до н. э. (Дубынин, 1974. С. 220). На Дьяковом городище подобный наконечник обнаружен в слое «В» (V—III вв. до н. э.)² (Кренке, 1987. С. 219). Обнаружен на Ростиславле и одношипный наконечник с уступом на противоположной части (рис. 2, д). Его длина — 4 см, ширина пера — 1,5 см, толщина — 0,4 см. Одношипные наконечники с ростиславльского городища имеют качественное лощение, что косвенно может указывать на их раннее происхождение³. Встречен один экземпляр одношипного наконечника довольно большого размера (рис. 2, е) — его длина составила 10 см, ширина пера — 1 см, толщина пера — 0,3 см. Похожий наконечник был обнаружен в слое «В» Дьякова городища (Кренке, 1987. Рис. 18, 23). Все одношипные наконечники относятся к нижнему слою (слою 2) ростиславльского городища, датируемому второй половиной I тыс. до н. э.

3. Трехгранные наконечники с уплощенным черешком (рис. 2, ж). Длина их — 4–6 см, ширина пера — около 0,8 см, толщина пера — около 0,5 см. По форме пера они близки к типу 1 (по К.А. Смирнову). Подобные стрелы найдены в нижней и средней части культурного слоя Троицкого городища (Смирнов, 1974. С. 30), датируются они IV в. до н. э. — II в. н. э. (Крис, 1970. С. 169).

4. Четырехгранные в сечении наконечники (рис. 2, з, и) — 3 экз. Средняя длина таких наконечников — 7–7,5 см, сторона каждой из граней — 0,6–0,8 см.

5. Один наконечник, не вписывающийся в существующие классификации стрел (рис. 2, н) имел овальное сечение и парные выступы по бокам. Цвет кости черный, поверхность зашлифована. Длина сохранившейся части около 6 см

² Н.А. Кренке относит подобные наконечники к типу 1, причем одношипные стрелы с Ростиславля относятся к редким для Дьякова городища одношипным наконечникам без скоса на противоположной от шипа стороне с плавным переходом к черешку (Кренке, 1987. С. 219).

³ К.А. Смирнов отметил, что «по мере развития железных орудий стрелы из кости делались все более грубо», тогда как наиболее ранние костяные стрелы отличаются очень качественной полировкой (Смирнов, 1974. С. 30).

(черешковая часть обломана), толщина пера — 0,6 см. По форме пера он близок так называемым пламевидным наконечникам (тип 30 по К.А. Смирнову; 1974. С. 33), имевшим плоское сечение. Наконечник обнаружен на VI раскопе (северо-восточный край мысовой площадки городища) в слое 3, залегавшем на склоне площадки городища и представлявшем собой сброшенный в древности с площадки грунт. По керамическому материалу этот слой датировался VIII—VI вв. до н. э., однако сам характер отложения позволяет допускать присутствие в нем и более поздних вещей, попавших на склон площадки при планировочных работах.

6. Втульчатый наконечник представлен лишь одним экземпляром (рис. 2, о): он имеет цилиндрическую форму (длина 3,7 см, диаметр 3,7 см, диаметр сквозного отверстия — 0,5 см). Данный наконечник близок к типу 7 по К.А. Смирнову (Смирнов, 1974. С. 29). Кроме того, обнаружена заготовка такого же наконечника с несквозным отверстием глубиной 12 мм.

7. Небольшую группу составляют миниатюрные наконечники. Например, черешковый ланцетовидный наконечник, имеющий уплощенное сечение и очень небольшие размеры (рис. 2, к) — длина 3 см, ширина пера — 1,5 см, толщина пера — 0,2 см. Поверхность залощена, что может указывать на раннее происхождение находки. Относится к типу 21 по К.А. Смирнову (Смирнов, 1974. С. 32). Еще один миниатюрный наконечник изготовлен из ребра крупного копытного животного⁴ и имеет размеры всего 3,5 см в длину, толщина же его не превышает 4 мм (рис. 2, л).

Номенклатура костяных стрел позволяет сделать некоторые (сугубо предварительные) выводы о назначении ряда наконечников. Крупные наконечники можно использовать лишь для ограниченного круга целей — птица, не очень крупная рыба, мелкие млекопитающие (Гусаков, 2005. С. 215). При этом некоторые наконечники (например, втульчатый) предназначались не для протыкания жертвы, а для нанесения ушиба или оглушения. Ряд наконечников вообще не применялся на охоте — мы имеем в виду миниатюрные наконечники, маленькие размеры которых, хрупкость материала делали их совершенно неэффективными как орудие нанесения серьезных повреждений или убийства. Скорее всего, миниатюрные наконечники это либо игрушки, либо «учебное» оружие, наконец, они могли быть сакральными предметами.

В целом большая часть наконечников стрел, найденных на Ростиславле и относящихся к раннему железному веку, характерна для памятников дьяковской археологической культуры, однако встречены наконечники, выходящие за ее рамки. Из числа необычных для поселения раннего железного века находок надо упомянуть железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. Один из таких наконечников был обнаружен в верхнем перемешанном слое на поверхности вала, поэтому соотнести его с каким-либо четко ограниченным хронологически комплексом невозможно (рис. 3, а). Этот наконечник имеет длину 5,7 см, ширина пера — 0,9 см. У наконечника имеется слабо выраженный упор. Наконечник относится к типу 2 (вариант а) по классификации И.П. Засецкой (Засецкая, 1994. Рис. 4, 7). Второй трехлопастной черешковый наконечник (рис. 3, б) найден непосредственно в нижнем горизонте «Б» верхнего слоя городища, содержащем следы пожара, который можно относить к финальному этапу существования дьяковского городища (во второй четверти I тыс. н. э.). Он несколько длиннее предыдущего (6,2 см), ширина — 1 см. Этот наконечник относится к типу 1 (подтип В, вариант а) по классификации И.П. Засецкой. И тип 1, тип 2 наконечников, рассматривавшихся И.П. Засецкой, датируются концом IV—V вв. н. э., а их происхождение связывается с наконечниками хуннской культуры и культур Средней Азии (Засецкая, 1994. С. 39). Кроме описанных двух наконечников, упомянем также обломок трехлопастного железного наконечника, который был обнаружен на раскопе II в сильно перемешанном слое. В силу его плохой сохранности, трудно определить, к какой культуре и какому периоду он относится, но не исключено, что он принадлежал к рассматриваемой здесь группе раннесредневековых «постгуннских» древностей.

Еще одной неожиданной находкой стал бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы с несколько поврежденным шипом на втулке (рис. 3, в), относящийся к скифским древностям второй половины VII — первой половины VI вв. до н. э. (Мелюкова, 1964. Табл. 5. С. 16–19; Таланина, 1977. С. 32, 38. Табл. 15, 9, 21; 19, 14). Наконечник имеет длину 4,6 см, ширина его пера — 1,2 см. Обнаружен он был на участке средневекового кладбища в заполнении канавки, возникшей до появления этого кладбища, возможно, еще в дьяковскую эпоху. В ареале дьяковской культуры аналогичные наконечни-

⁴ Определение Е.Е. Антипиной.

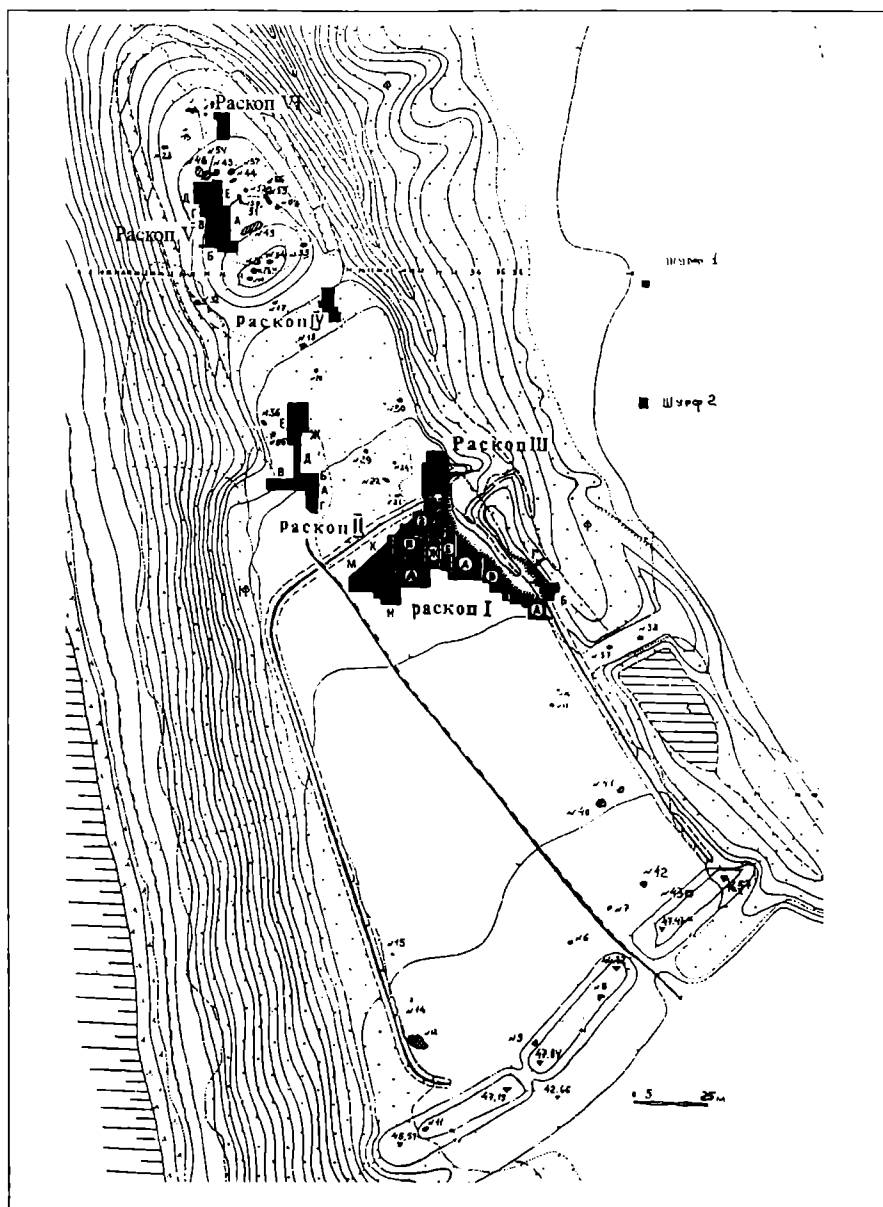

Рис. 1. Городище Ростиславль

ки не известны. Близкий наконечник был найден лишь в составе «клада» у д. Заборье (Городцов, 1933), который вызывает у исследователей ряд вопросов и называется иногда «археологическим фантомом», т.к. следы этого клада по сей день не обнаружены (Гусаков, 2005. С. 213). Отчасти с такой оценкой можно согласиться, — анализировать артефакты нужно, либо имея их непосредственно на руках, либо точно зная об их местонахождении (музейные коллекции, частные собрания и т. п.). Ни того, ни другого о заборском кладе мы сказать не можем. Исходя из «фантомности» заборского клада, М.Г. Гусаков оставляет открытым вопрос о дьяковских подражаниях скифским стрелам с шипом, отмечая, что неясно «где и когда дьяковские мастера мог-

ли видеть скифские образцы» (Гусаков, 2005. С. 213). Находка скифского наконечника на Ростиславле, возможно, является свидетельством того, что жители этого городища раннего железного века все же были знакомы со скифскими образцами вооружения. К сожалению, ростиславльский наконечник не может решить вопрос о том, как, а главное, когда он попал на Ростиславль.

Несколько слов о стратиграфической соотнесенности находок стрел. Здесь наблюдается картина, характерная для большинства дьяковских памятников — в верхних слоях преобладают железные наконечники стрел (представленные на Ростиславле исключительно типом 1), в нижних — костяные наконечники. Примечательно,

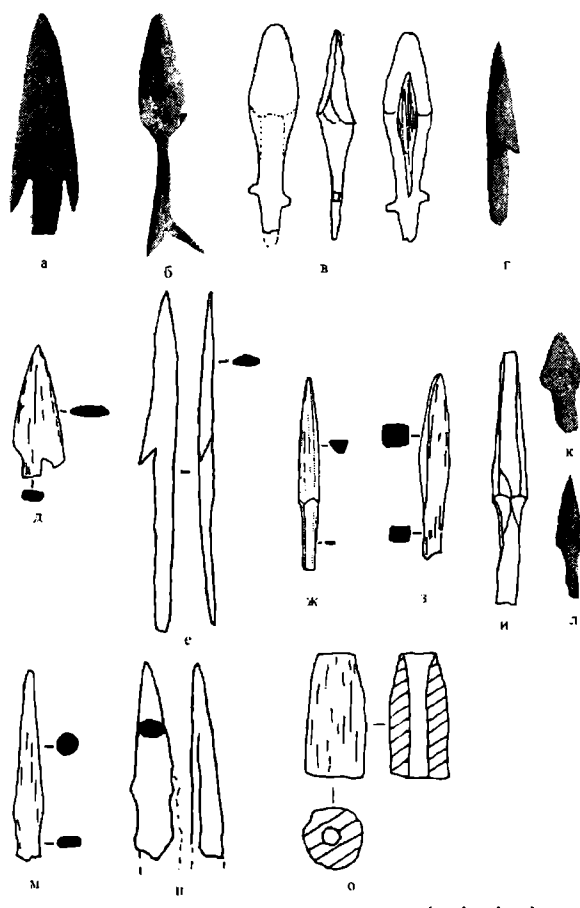

Рис. 2. Стрелы из раскопок городища Ростиславль

что в нижних, более древних, слоях встречен только один железный наконечник, который имеет аналогии середины I тыс. до н. э. и существенно отличается от поздних (двушипных). Таким образом, в целом хронология наконечников стрел на ростиславльском городище вполне вписывается в общую хронологию наконечников стрел дьяковских городищ.

Надо сказать, что большая часть железных стрел обнаружена вне каких-либо построек, но в слое пожара с прослойками сгоревшего зерна. Находки, происходящие из этого слоя, датируются в достаточно широком диапазоне первой половины I тыс. н. э. Можно предположить, что большое количество железных стрел в слое пожара связано с ведением боевых действий в позднедьяковское время. Возможно, этот слой

⁵ Определение М.М. Казанского, который так охарактеризовал ситуацию в лесной зоне Восточной Европы, начавшую складываться в IV — сер. V в. Примечательно, что на балтских городищах в слоях пожаров, некоторые из которых датируются V—VI вв. н. э., также обнаружено довольно большое количество трехлопастных железных наконечников (Казанский, 1999. С. 414).

⁶ М.М. Казанский сделал важное замечание, что в V в. трехлопастные наконечники уже не являлись исключительно гуннским оружием, а были распространены у многих народов не только Восточной, но и Западной Европы (Казанский, 1999. С. 414).

⁷ Сборы А.К. Станюковича. Выражаю благодарность сотруднику Звенигородского музея-заповедника А.А. Лазукину за предоставленную информацию и изображения находок.

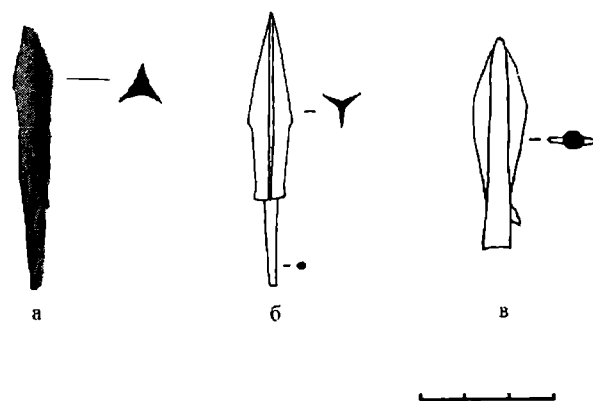

Рис. 3. Стрелы из раскопок городища Ростиславль

можно соотнести с эпохой «смутного времени»⁵ в лесной зоне Восточной Европы (V—VI вв. н. э.). Отметим, что мы далеки от мысли связывать наличие трехлопастных наконечников с присутствием в этих местах гуннов⁶. Трехлопастные наконечники не редкость среди древностей раннего железного века Волго-Окского междуречья и Москворецкого бассейна. Например, такие наконечники встречены на городище Луковня, неподалеку от городища близ Саввино-Сторожевского монастыря⁷.

Раскоп	Бронзовые наконечники	Железные наконечники	Костяные наконечники	Заготовки костяных наконечников
Раскоп II	1	1		
Раскоп IV		3		
Раскоп V		11	29	16
Раскоп VI			1	
Отвалы грабительских ям			2	

Размещение находок наконечников стрел и их обломков по раскопам, где они были обнаружены, отображено в таблице.

Наибольшая концентрация стрел наблюдается в южной части раскопа V (16 из 29 костяных и 8 из 11 железных наконечников), что связано с размещением этой части раскопа в непосредственной близости к валу городища раннего железного века. В удалении от вала концентрация

находок стрел резко уменьшается. Большое количество железных стрел типа 1-А на «предвальном» участке отчасти объясняется относительно хорошей сохранностью здесь позднедьяковского слоя (этому способствовала естественная «консервация» слоя оползанием вала). На остальных участках данный слой сильно разрушен либо средневековыми комплексами (в основном подпольными ямами), либо грабительскими перекопами. Можно также высказать крайне осторожное предположение, что находки большого количества стрел вблизи вала — свидетельство боевых действий, происходивших на этом поселении.

Находки стрел дополняют наши представления об истории ростиславльского городища

раннего железного века. Видна довольно большая разница между ранним периодом существования городища, для которого характерно наличие костяных стрел преимущественно охотничьего назначения, и поздним периодом жизни этого поселения, когда жители использовали уже в основном железные стрелы совершенно иных типов. Возможно, это свидетельствует о смене населения на ростиславльском городище в первые века нашей эры, повлекшей к изменениям в материальной культуре. Находки стрел, связанных с иными культурами, указывают на то, что это городище было затронуто сложными этническими и социальными процессами, происходившими в Поочье в эпоху Великого переселения народов.

Литература

- Белоцерковская И.В., 1994. Культурная принадлежность Огубского городища // Древности Оки. М.
- Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. Вып. 5.
- Гусаков М.Г., 2005. Дьяковская культура: об интерпретации одного вида источников // Городцовские чтения. Вып. II. М.
- Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху кон. IV—V вв. СПб.
- Казанский М.М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести. № 6.
- Коваль В.Ю., 2001. Ростиславльское городище раннего железного века // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4. Т. 2.
- Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Дисс. ... канд. ист. наук. Архив МИГМ. ВФ 15916/10. М.
- Крис Х.И., 1970. Костяные и железные наконечники стрел // Древнее поселение в Подмоскowie. МИА. № 156. М.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Таланина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья // САИ. Вып. Д1-33. М.

Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси

При изучении планировки и застройки средневековых поселений древнерусской эпохи с «сухим» культурным слоем исследователи сталкиваются с многочисленными проблемами хронологического и интерпретационного характера. Некоторые из этих проблем были поставлены и рассмотрены на научном семинаре «Тверь, тверская земля и сопредельные территории», проведенном в марте 2006 г. в Твери¹ (Коваль, в печати).

Несмотря на то, что изучению архитектуры русского жилища на базе данных археологии были посвящены многочисленные работы, в том числе монографические, подавляющее большинство из них рассматривало деревянные постройки, сохранившиеся в севернорусских городах с «мокрым» культурным слоем, позволявшим проследить многие детали конструктивного устройства этих построек (Засурцев, 1963; Спегальский, 1972). Однако большая часть средневековых поселений средней полосы Восточной Европы (в том числе многие города и практически все сельские поселения) не имеют «мокрого» слоя и, соответственно, сохранившихся остатков конструктивных деталей древних построек. К этому прибавляется фактор различий в севернорусском и южнорусском домостроительстве, реальность которого сегодня, уже, кажется, никем не оспаривается. Главными отличиями южнорусских жилищ от севернорусских эпохи развитого средневековья являются:

- использование различных столбовых конструкций при возведении жилых и хозяйственных построек (в северном зодчестве такие конструкции встречаются, но существенно реже);

- существование в постройках заглубленных частей (погребов, подклетов и т. п.), которые во влажном климате севернорусских областей были нецелесообразны, а иногда и невозможны;

- влияние строительных традиций южных соседей Руси (прежде всего, оседлого алаано-бол-

гарского населения Хазарского каганата и их потомков в XI—XIII вв.) в отличие от североевропейских (скандинавских) навыков домостроительства, наиболее ощутимых в северных районах Руси, традиционно связанных с северобалтийскими странами.

Изучением особенностей южнорусского домостроительства наиболее плодотворно занимался П.А. Раппопорт (1975), обращавшийся, в том числе, к сравнению северных и южнорусских традиций. Однако при рассмотрении этой проблемы долгое время акцент делался на различиях между наземными и (полу)земляночными жилищами, за которые часто принимались погребки и подполья наземных домов. Впервые эту «серийную» ошибку выявил Г.В. Борисевич (Борисевич, 1978. С. 284, 286; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 119). В результате стало формироваться представление о том, что жилые постройки были несколько больше тех углублений, которые фиксируются в грунте.

Интерпретация жилищ в качестве землянок (или полуземлянок) ведет свое происхождение из практики археологов, исследовавших поселения раннего средневековья, не всегда обеспеченные качественными фиксационными материалами и опирающиеся на реальные остатки заглубленных построек, в которых размещались печи. Правда, никем из авторов реконструкций этих построек не были представлены ни этнографические параллели подобным «полуземлянкам», ни основания для того, чтобы считать внешний периметр здания равным периметру заглубленной его части. Данный вопрос выходит за рамки исследуемой здесь проблемы, касающейся домостроительства более поздней эпохи развитого средневековья, но обращение к нему было важно для уяснения истоков некоторых стереотипов, господствующих в археологии.

Итак, до недавнего времени для памятников с «сухим» культурным слоем не было разработано никаких норм или хотя бы сколько-нибудь

¹ Этим же проблемам был посвящен доклад руководителя семинара А.Н. Хохлова.

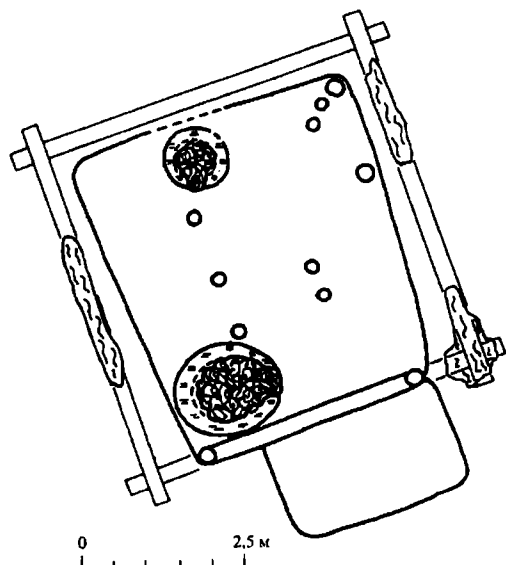

Рис. 1. Постройка С-6 поселения Сампсониев Остров (Моргунов, 2003. Рис. 61).

обоснованных гипотез, опирающихся на данные теоретической архитектуры и этнографии с одной стороны и археологии — с другой, которые отвечали бы на несколько базовых вопросов:

а) какова пространственная зависимость между размерами подпольных ям и погребов, находившихся внутри построек, и стеновыми конструкциями этих построек, т.е. как далеко стены построек отстояли от краев этих ям;

б) каков порядок размещения подпольных и подпечных ям, погребов и т.п. углублений под постройками и существовал ли вообще этот порядок;

в) существовал ли у наземных построек с подпольными ямами горизонтальный пол или они имели в своем интерьере центральную яму, в которой зачастую размещалась печь;

г) каковы признаки жилых построек, если отопительное сооружение (печь) не сохранилось, т.е. в каких случаях постройку без печи следует считать жилой;

д) каковы критерии для определения многоэтажности построек и конструкции кровель.

В результате авторы раскопок подходят к решению этих вопросов чисто интуитивно, опираясь на свои индивидуальные представления, которые, как правило, никак не разъясняются печатно. Сегодня разработка данной проблемы стала весьма актуальной, поскольку число предлагаемых реконструкций растет, но их достоверность остается весьма сомнительной.

Главная проблема здесь состоит в том, что недостаточно просто предложить тот или иной ва-

риант реконструкции постройки — необходимо понять и суметь объяснить, какие конкретно археологические реалии являлись остатками тех или иных частей, конструкций, деталей этой постройки. Несомненно, должны существовать определенные закономерности реконструкций, т.е. постоянно повторяющиеся следы схожих конструкций. Подобно тому, как бревенчатые стены оставляют продавленные их тяжестью следы в подстилающем грунте, очаги и печи (даже полностью разрушенные) — пятна прокаленного грунта, а столбовые опечки — ямки от вкапывавшихся в землю столбов, другие конструкции также оставляли те или иные следы. Однако каждая такая закономерность (следы — конструкция) требует развернутого доказательства на серийно повторявшихся реалиях, зафиксированных с максимально возможной точностью.

Рассмотрим некоторые из перечисленных выше вопросов, возникающих при проведении реконструкции средневековых построек.

Кажется, первым исследователем, специально обратившим внимание на то, что деревянные стены жилищ не совпадали с контурами обшивок котлованов подполий в этих постройках, но несколько отступали от краев котлованов, был Ю.Ю. Моргунов, опубликовавший конкретный объект XII в. на южнорусском памятнике, где стены наземного сруба отстояли от материковых стенок котлована на 0,3–0,5 м (рис. 1). Это позволило определить и приблизительный коэффициент превышения площади дома над площадью котлована в 25 % (Моргунов, 2003. С. 125. Рис. 61). Надо заметить, что котлован постройки, приведенной в качестве данного примера, был подпрямоугольным (т.е. идентичным раннесредневековым полуземлянкам), имел глубину 0,5 м и включал 2 печи. Наблюдения Ю.Ю. Моргунова получили подтверждение на материалах раскопок других южнорусских памятников — Ратского и Липинского городищ под Курском. На первом из них стена сруба отступала от котлована постройки примерно на 0,6 м, а на втором — на 0,8 м (Енукова, 2005. С. 75), причем в обоих случаях речь идет о постройках довольно раннего времени (X — начала XI в.), т.е. тех самых построек, которые еще недавно трактовались в качестве полуземлянок.

Все приведенные выше примеры касались построек с прямоугольными котлованами, включавшими печи, сохранившиеся *in situ*. Для построек с подпольными ямами без следов отопительных устройств, имеющих разнообразную конфигурацию (округлую, овальную, неправильную), также предпринимались попытки

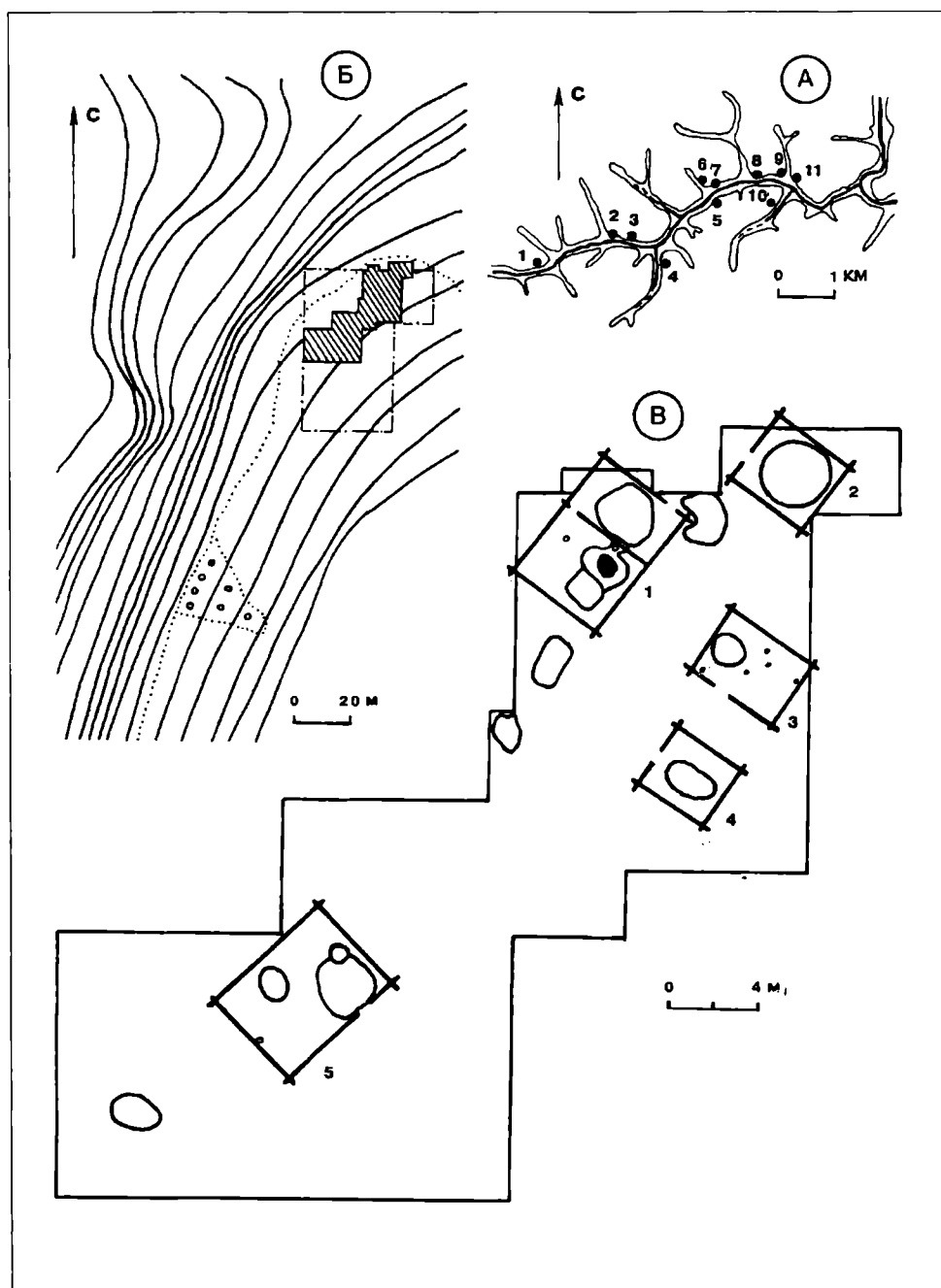

Рис. 2. Вариант реконструкции селища Щапово 4 в Подмосковье по М.И. Гоняному и В.С. Лапутину (Гоняный, 1998. Рис. 1, В).

реконструкции их облика, однако они ограничивались представлением варианта пространственного размещения реконструируемой постройки без каких-либо обоснований. Таковы интересные реконструкции М.И. Гоняного и В.С. Лапутина (Гоняный, 1998. Рис. 1, 2), для которых, к сожалению, не представлены даже в кратком виде объяснения применявшихся принципов пространственного конструиро-

вания реконструктивных планов построек² (рис. 2). Остается предполагать, что эти реконструкции основаны на интуитивных воззрениях авторов. Очевидно, реальных следов стен построек на этом памятнике не сохранилось.

Действительно, отпечатки стен построек очень редко сохраняются в подстилающем грунте. В нашем распоряжении имеется пока только один подобный пример — остатки постройки

² Лишь для одной из них было указано, что ее контуры установлены по пятну культурного слоя, составлявшего заполнение постройки.

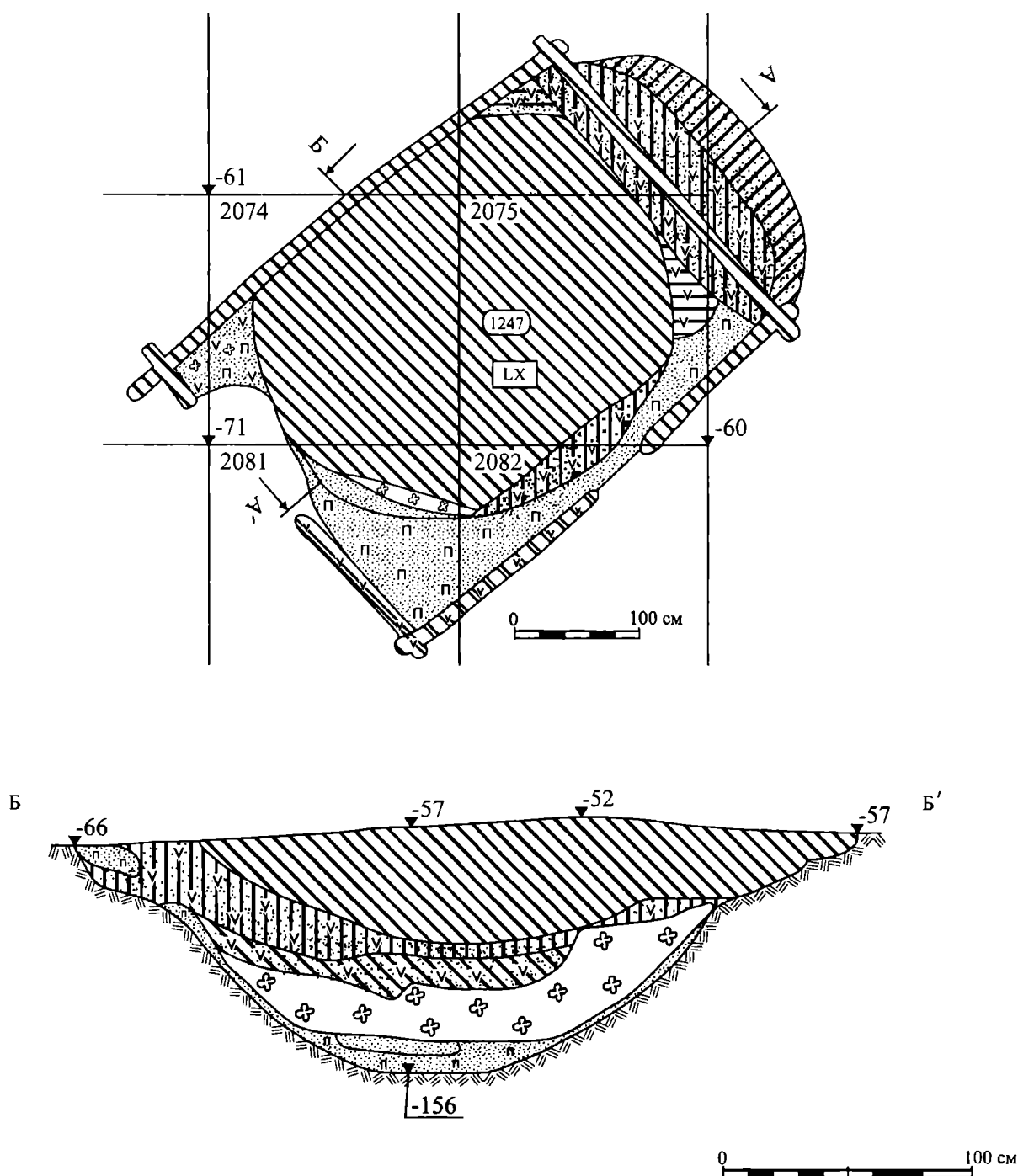

Рис. 3. Сооружение 60 селища Мякинино-2 (раскопки А.В. Энговатовой и В.Ю. Коваля 2004–2005 гг.).

первой половины XVI в. с подпольной ямой полукруглого сечения из раскопок селища Мякинино II в Подмоскowie (яма 1247 в сооружении 60)³. Стены этой постройки, рубленой «в обло», фиксировавшиеся по четким отпечаткам в материке, отступали на 0,2–0,5 м от краев ямы (рис. 3). Это расстояние удивительно точно

совпадает с указывавшимся Ю.Ю. Моргуновым для постройки XII в. в Посулье. Возможно, такое расстояние и было той самой нормой, которая устанавливалась строителями исходя из здравого смысла (дабы, с одной стороны, стены постройки покоились на твердом основании, а с другой — чтобы при осыпании стенок ямы ее края

³ Это единственный случай подобного рода на памятнике, содержавшем остатки около 100 жилых и хозяйственных построек XIII–XVI вв.

не вышли за пределы контура стен, что повлекло бы за собой попадание наружной влаги внутрь ямы). Однако именно описываемая здесь постройка как раз способна опровергнуть только что приведенные логические построения, поскольку северо-восточный край находившейся внутри нее ямы 1247 выходил за пределы стен постройки. И хотя глубина этой части ямы была крайне невелика, объяснение этому факту мы пока дать затрудняемся. Для нашей темы он важен тем, что ярко демонстрирует невысокую степень достоверности реконструкций размеров построек в случае отсутствия реальных следов стен. Он показывает, что иногда контуры ям могут выходить за пределы стен построек, хотя логически такие случаи остаются труднообъяснимыми.

Не менее сложно определение числа ям, размещавшихся внутри одной наземной постройки. Обычно авторы реконструкций исходят из того, что близкорасположенные друг к другу ямы (особенно если они ориентированы одинаково) как раз и принадлежали одной постройке (хотя этот методический момент практически никем не оговаривается). Кроме того, априорно допускается, что под полом одного дома могло размещаться более одной ямы, если они имели различное назначение: например, подпечная, подпольная, несколько столбовых, а иногда и еще какие-то ямы неизвестного назначения, которые называют расплывчатым термином «хозяйственные». Само по себе это логическое допущение не вызывает принципиальных возражений, однако оно должно быть подкреплено конкретными объектами с четко фиксируемыми линиями стен, аналогичными представленному выше сооружению Мякининского селища (а таковые нам пока не известны). Без таких доказательств эта гипотеза может приниматься только в одном случае — если есть полная уверенность в синхронном бытовании и заполнении всех этих ям, а такая «уверенность» может базироваться минимум на двух признаках:

- близкой стратиграфии таких объектов;
- присутствии в них обломков от одних и тех же предметов (прежде всего, керамических сосудов, как самых массовых изделий), свидетельствующем о заполнении этих объектов в одно и то же время одним и тем же грунтом (мусором).

Действительно, если какие-то углубления под домом функционировали одновременно, то велика вероятность того, что и засыпались они

также совместно, в один и тот же временной отрезок, а значит — схожим грунтом, содержащим обломки от одних и тех же предметов, выброшенных в момент нивелировки этих ям.

К сожалению, до сих пор не предпринималось попыток систематизировать сведения о взаимном положении подпольных и иных ям внутри одной постройки. Неизвестно даже, существовала ли хоть какая-то система в их размещении и если существовала, то от чего она зависела. Данные этнографии для решения этого вопроса также не привлекались.

Вопрос о размещении подпольных ям связан с еще одной проблемой — определения конструкции пола построек, включавших такие ямы. Признание отступа стен срубного дома от краев подпольной ямы породило гипотезу о существовании построек, в центре которых размещалось углубление, обшитое досками (при столбовой конструкции крепежа) или дополнительным срубом, включавшее также печь, а вокруг него, между ямой и бревенчатыми стенами — уступ, облицованный досками и использовавшийся в качестве лавок (рис. 4). В наиболее полном виде эта концепция разрабатывается О.Н. Енуковой (2005б. С. 75, 76. Рис. 1; 2). Эта интересная гипотеза имеет только 2 недостатка:

1. Нет бесспорных свидетельств наличия деревянной обшивки таких «лавок» сверху.
2. Неясна цель устройства «лавок» с грунтовым заполнением. Ведь тогда «лавки» постоянно отсыревали бы от находившегося в них грунта. Без такого заполнения они были бы теплее, суше, а, главное, под «лавками» появился бы дополнительный объем для хранения там вещей или запасов.

Сказанное вовсе не значит, что предложенная гипотеза не имеет права на существование — напротив, она выглядит гораздо более обоснованной, нежели предлагавшиеся ранее реконструкции, но она требует более тщательного объяснения всех деталей, поскольку вызывает много вопросов. Кроме того, без этнографических параллелей она останется не вполне доказанной⁴. Поэтому, на наш взгляд, в этом смысле большее доверие вызывает реконструкция постройки, исследованной тем же автором в 1996 г. на Липинском селище, где заглубленное в материк помещение рассматривалось в качестве высокого хозяйственного подклета, над которым размещался жилой ярус с полом, находившимся выше уровня земли (Енукова, 2006. С. 321–323.

⁴ Указание Ю.Ю. Моргунова на стационарное крепление лавок в крестьянских избах, известное по данным этнографии (Моргунов, 2003. С. 130), нельзя не учитывать, но оно не объясняет, зачем были нужны холодные земляные «лавки».

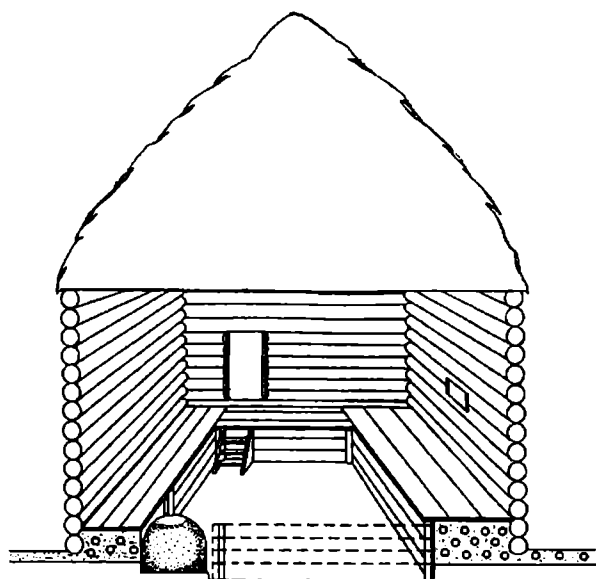

Рис. 4. Реконструкция жилой постройки Шуклинского городища (Енукова, 2005. Рис. 2).

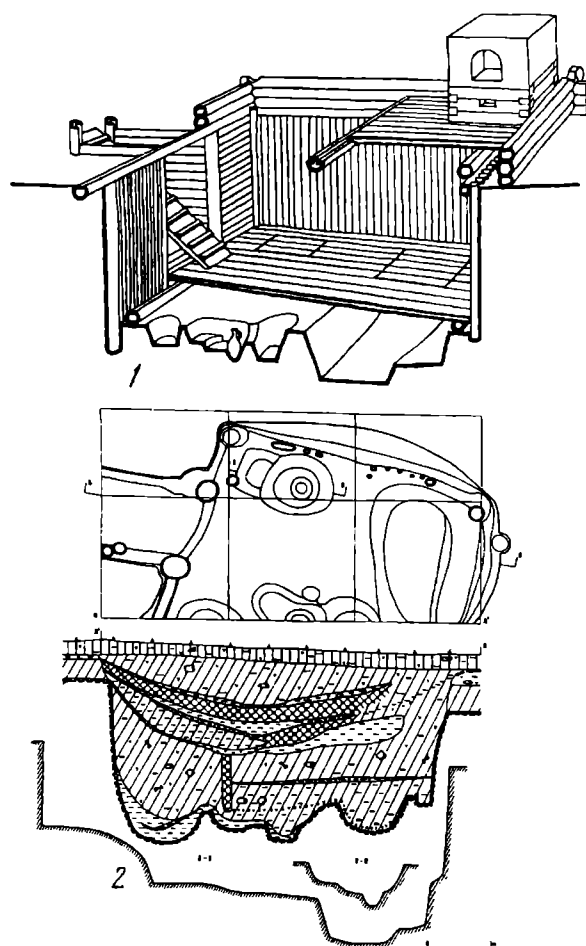

Рис. 6. Постройка Б-1 раскопа 20 Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 80).

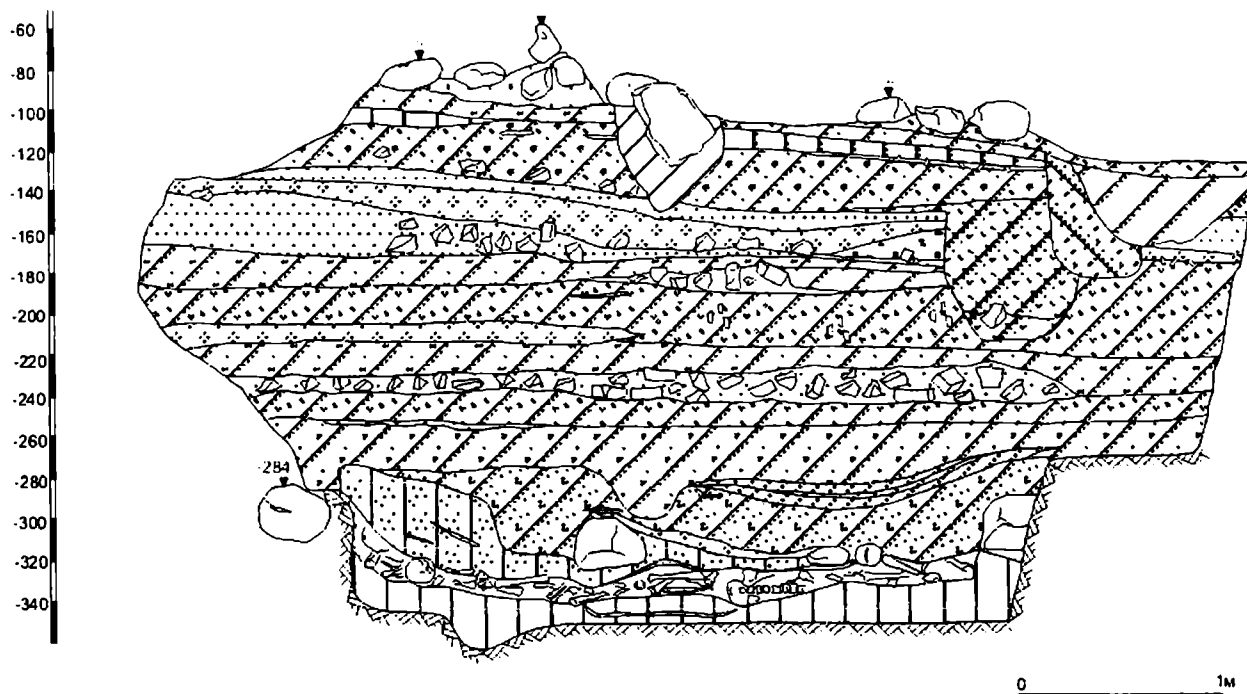

Рис. 5. Разрез сооружения 9 (Ярославль, раскопки 2005 г.).

Рис. 2). В этой реконструкции «лавки» по краям котлована превращаются в «стеллажи» для хранения запасов и в такой роли выглядят значительно убедительнее: сырость им вряд ли могла повредить. Правда, в постройке из Липино не сохранилось следов печи, т. е. она относилась к несколько иному типу построек — с холодным подклетом.

Последний пример позволяет выдвинуть в самой осторожной пока форме гипотезу о том, что подпольные ямы без отопительных устройств являлись остатками подсобных помещений, перекрытых горизонтальными полами жилых построек. Спускаться в такие подполья можно было как по специальным коридорам (как в доме из Липино), так и по лестницам из верхнего жилого помещения (как в позднейших избах). Остается выяснить вопрос, когда и под действием каких факторов произошел переход от жилищ с углубленной центральной частью и печью в этом углублении к домам с горизонтальным полом, печами, поднятыми на опечек и аморфными подпольными ямами, которые распространились в среднерусской зоне в XII—XIII вв.

Отдельную проблему составляют произвольные (т. е. не базирующиеся ни на каких фактических данных) толкования стратиграфии заполнения ям и других углубленных сооружений. Эти проблемы являются, пожалуй, наиболее важными, поскольку ошибки в таких интерпретациях неизбежно приводят к далеко идущему археологическому мифотворчеству, результатом которого становятся фантастические реконструкции построек. На этих фантастических реконструкциях пытаются строить изучение планировки и застройки поселений, которое, разумеется, лишь увеличивает степень фантастичности получаемых результатов.

Существует тенденция рассматривать заполнения подпольных ям в качестве остатков некогда перекрывавших их наземных сооружений, причем в толще этого заполнения ищут отдельные конструктивные элементы такого сооружения (остатки стен, кровли, печи), забывая о том, что органический материал, из которого слагалась постройка, вовсе не обязательно должен был обрушиваться внутрь ямы (это могло происходить только во время пожара или после истлевания деревянной постройки, если она была надолго заброшена. Но такие катастрофические случаи не являлись правилом в археологизации построек (если речь не идет о поселениях, погибших в результате военных действий,

например, печально известного Батыева нашествия). В условиях постоянно функционирующего поселения (будь то город или деревня) гораздо чаще постройки приходили в негодность по иным, куда более обыденным причинам и, соответственно, заранее (до обрушения) разбирались. При этом разборка могла касаться и углубленных в грунт конструкций (крепеза стен подполий, погребов и т. п.). Но даже в том случае, когда последние оставались в земле, это вовсе не означало, что туда обязательно попадали и наземные конструкции. Скорее наоборот, как правило, эти конструкции разбирались (например, на дрова). Следовательно, если заполнения ям формировались не в результате катастроф, а как следствие целенаправленной их ликвидации самими жителями усадеб для избавления от ставших ненужными (и даже опасными для жизни и здоровья этих самых жителей) углублений, то в них бесполезно искать следы стен и кровель домов.

Но какова же могла быть мощность завалов, образовавшихся в подпольях домов в результате их катастрофического разрушения? Одним из ярких примеров такого рода является заполнение подполья постройки (сооружения 9) из раскопок 2005 г. в Ярославле⁵. После гибели этой постройки в пожаре, следами которого были древесный уголь и прокал материкового дна ямы от еще тлевших бревен, рухнувших в него сверху, в нее были беспорядочно свалены останки около 100 человек (в основном это были старики, женщины и дети) со следами насильственной смерти (травмы от поражения стрелами, копьями, сабельными ударами и т. п.), гибель которых по целому ряду датирующих признаков предположительно связывается руководителями раскопок с трагическим событием зимы 1237/38 гг. Согласно данным антропологических исследований, останки погибших попали в заполнение подполья уже в частично разложившемся виде, т. е., скорее всего, весной 1238 г. Следовательно, между пожаром, уничтожившим постройку (зимой 1238 г.?), и сооружением в ней импровизированной братской могилы (весной того же года) прошло несколько месяцев, когда яма находилась под открытым небом. Теперь обратимся к главному факту стратиграфии данного объекта: мощность прослойки, насыщенной продуктами горения («слоя пожара» в привычном для археологов понимании этого термина) и отделявшей дно ямы (пол подполья) от завала костей, составляла всего

⁵ Благодарю Д.О. Осипова за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал.

около 20 см (!). Это и есть толщина слоя, образовавшегося исключительно в силу естественных причин, в результате гибели наземной постройки от внезапного пожара и обрушения части ее внутрь подполья (рис. 5). У нас нет пока данных для того, чтобы делать выводы о том, является ли такая мощность отложений в результате катастрофической гибели одноэтажной деревянной постройки «нормальной». Разумеется, отклонения от этого значения возможны и, прежде всего, в сторону увеличения мощности — в том случае, если, кроме естественного обрушения части постройки, в яму могли целенаправленно сбрасываться *все* ее остатки (или даже остатки других сгоревших построек) для скорейшей расчистки площадки двора от последствий пожара. В таком случае мощность заполнения, включавшего «пожарные остатки», могла увеличиваться весьма существенно (вплоть до полного заполнения объема ямы). Однако и очень малая толщина отложений, образовавшихся в результате гибели постройки, является, как мы видим, вполне возможной и, вероятно, часто повторявшейся.

Напомним, однако, что следы гибели построек в результате катастрофических событий встречаются исключительно редко (по нашим подсчетам, в среднем в 1 из 100 археологизированных объектов). Как же заполнялись остальные 99 % ям и сохранялись ли в них следы конструкций наземных построек?

Во многих работах весьма уважаемых исследователей можно встретить такие прочтения стратиграфии заполнения ям, в которых нижняя часть этого заполнения рассматривается в качестве слоя, отложившегося «при жизни» постройки, причем часто толщина такого слоя оказывается достигающей 0,5 м и даже более. При этом никем и никогда не было дано удовлетворительного объяснения, каким образом внутри постройки, да еще в ее подпольной части, посещаемой относительно редко, мог отлагаться культурный слой, по мощности сопоставимый с напластованиями, возникающими во дворах усадеб, где скапливается разнообразный бытовой и строительный мусор. Можно только предполагать, что здесь имеет место логическая контаминация, когда закономерности, характерные для одних контекстов (для которых характерно ускоренное накопление культурных остатков), механически переносятся на другие, совершенно иной природы. Гораздо более обоснованным представляется совершенно иной сценарий формирования заполнения ям внутри построек (имеем в виду подполья и погреба):

— в процессе жизни постройки эти углубления не заполнялись культурным слоем или этот слой отлагался в них в минимальном объеме, а в случае его накопления хозяевами проводилась очистка таких ям от излишнего мусора (грунта);

— после разборки изношенной постройки и выноса из подпольных ее частей всех ценных вещей образовавшиеся на месте дома ямы становились препятствием для передвижения по двору и нового строительства, что вызывало стремление к их скорейшей засыпке;

— засыпка ставших ненужными котлованов могла производиться следующими видами грунтов:

а) бытовым мусором (зола, уголь, грязь, щепа, навоз, трупы павших животных, пищевые отходы, материал от разбивавшихся или поновлявшихся печей, обломки посуды и т. п.), т. е. подземная часть постройки превращалась в резервуар для мусора, продолжительность использования которого определялась объемом отходов и волей владельцев усадьбы ускорять или не ускорять подобный процесс;

б) культурным слоем, снятым со всей площади двора на небольшую глубину (результат планировки территории);

в) культурным слоем, снятым на части дворовладения, но на значительную глубину. Эти три вида засыпок в разрезах ям фиксируются по темноокрашенным грунтам, зачастую включающим угли, линзы золы, обугленные плахи, кости животных, вещевые находки и керамику;

г) материковым грунтом, полученным в результате вырывания на площади усадьбы какой-либо новой ямы — фиксируется в разрезах ям по светлоокрашенным грунтам (стерильный песок, глина и т. п., в зависимости от состава материка);

д) грунтом, составлявшим заполнение какой-либо старой ямы, попавшей в пределы новоотрываемого котлована, земля из которого шла на засыпку той ямы, которая в тот момент ликвидировалась (такой грунт мог относиться к любому из видов а–г, в зависимости от состава заполнения ямы).

В зависимости от того, проводилась ли такая засыпка грунтом одного состава или комбинацией грунтов видов а–д, заполнение ямы могло быть однослойным или многослойным. В зависимости от плотности использовавшихся грунтов и механической нагрузки на вновь образованную дневную поверхность (постройками, дорогами и т. п.) уплотнение заполнения ямы происходило с различной скоростью и могло

вызывать просадки грунта, за которыми следовали новые подсыпки грунта для нивелировки образовывавшейся западины или ее постепенное затягивание грунтом под действием естественных причин.

Все сказанное кажется очевидным, но, к сожалению, при проведении многих интерпретаций и реконструкций эта «очевидность» забывается, уступая место совершенно иным гипотезам. В качестве характерного примера рассмотрим реконструкцию жилого дома, основанную на интерпретации заполнения глубокого погребца из раскопок Старой Рязани (постройка Б-1 раскопа 20) (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 80), глубина которого составляла около 2,5 м. В средней части заполнения этого котлована, на высоте около 1 м над уровнем очень неровного «пола» этого погребца, был зафиксирован массив печины. В предложенной реконструкции здания этот массив был интерпретирован в качестве остатков глинобитной печи, что дало основание авторам реконструировать в составе данного дома размещение печи непосредственно над погребом (рис. 6). Принять такую реконструкцию за достоверную невозможно, поскольку нет объяснения, откуда в заполнении погребца под остатками печи появилось грунтовое заполнение толщиной в 1 м. Независимо от того, сгорел ли перекрывавший погреб дом или он разрушился от ветхости в период запустения города (вопрос о конкретном времени этого разрушения в данном случае не имеет значения и рассматриваться нами не будет), печь, если бы она размещалась над полостью погребца, должна была бы рухнуть на его пол, т. е. оказалась бы в самом нижнем горизонте заполнения котлована. Засыпать погреб без разборки его перекрытия, на которое опиралась печь (в рассматриваемой реконструкции), очевидно, невозможно. Следовательно, неверна сама реконструкция. Сегодня, имея перед собой только один разрез погребца, при отсутствии данных о материалах из его заполнения, трудно делать какие-либо уверенные выводы, однако три заключения сделать все же можно:

1) если в данном жилище и стояла печь, то она находилась не над полостью этого погребца, а в стороне от него и поэтому в заполнение котлована она не попала (и не могла попасть);

2) массив печины, зафиксированный в средней части заполнения погребца, вполне мог быть остатками глинобитной печи, не имевшей никакого отношения к погребу, т. е. он представлял собой продукт разрушения отопительного устройства, размещавшегося в другом здании (ви-

димо, более позднем по времени) и попавшем в заполнение погребца в виде мусора, использовавшегося для засыпки этого котлована;

3) судя по отсутствию на дне ямы следов разрушения постройки, она была своевременно разобрана, а котлован погребца был засыпан разнородным грунтом, в состав которого входила и печина.

К сожалению, представленный пример не только не является изолированным, напротив — это типичное явление в современной российской археологии. Приведем другой подобный же пример из раскопок в Рыльске. Здесь на основании вскрытия двух размещавшихся рядом ям, интерпретированных в качестве смежных погребов, была сделана реконструкция двухэтажного дома с глинобитными печами на обоих этажах (Енукова, 2005а. С. 145–153. Рис. 1, 4). Следы печей первого этажа были расценены массивы печины на высоте около 80 см над полом одного из погребов (причем это пространство было заполнено гумусированным грунтом), а следами печи второго этажа дома — массив печины, залегающий на высоте 60–150 см от дна второго погребца (рис. 7). В тексте публикации эти моменты не оговорены, но в описании заполнения сделаны соответствующие выводы. Автор реконструкции не нашла нужным объяснить, каким образом смог отложиться под этими развалами мощный слой земли. Не могла же вся эта масса земли «просочиться» сквозь рухнувшие полы, «зависшие» почему-то на высоте более полуметра от пола. Следовательно, предлагаемое в публикации развитие событий не могло иметь место в реальной действительности и массивы печины в заполнениях ям являются материалом их засыпки, бравшимся со стороны (можно даже примерно указать — с какой именно стороны — в пространственном размещении). Более того, анализ представленной документации убеждает в том, что два исследованных погребца были не одновременны, т. к. отметки дна у обеих ям серьезно отличаются, а перегородка между ними включала, кроме остатков древесины, тонкую прослойку материка. В реальном строительстве подобные конструктивные сложности были не только излишни, но и прямо невозможны. В случае же смены одного погребца другим, вырытым рядом с первым сразу после его засыпки, все отмеченные несоответствия (разная глубина ям, наличие материковой «стенки» между ними) получают ясное логическое объяснение. Но в таком случае вместо одного дома данные объекты маркируют существование двух разновременных домов, внеш-

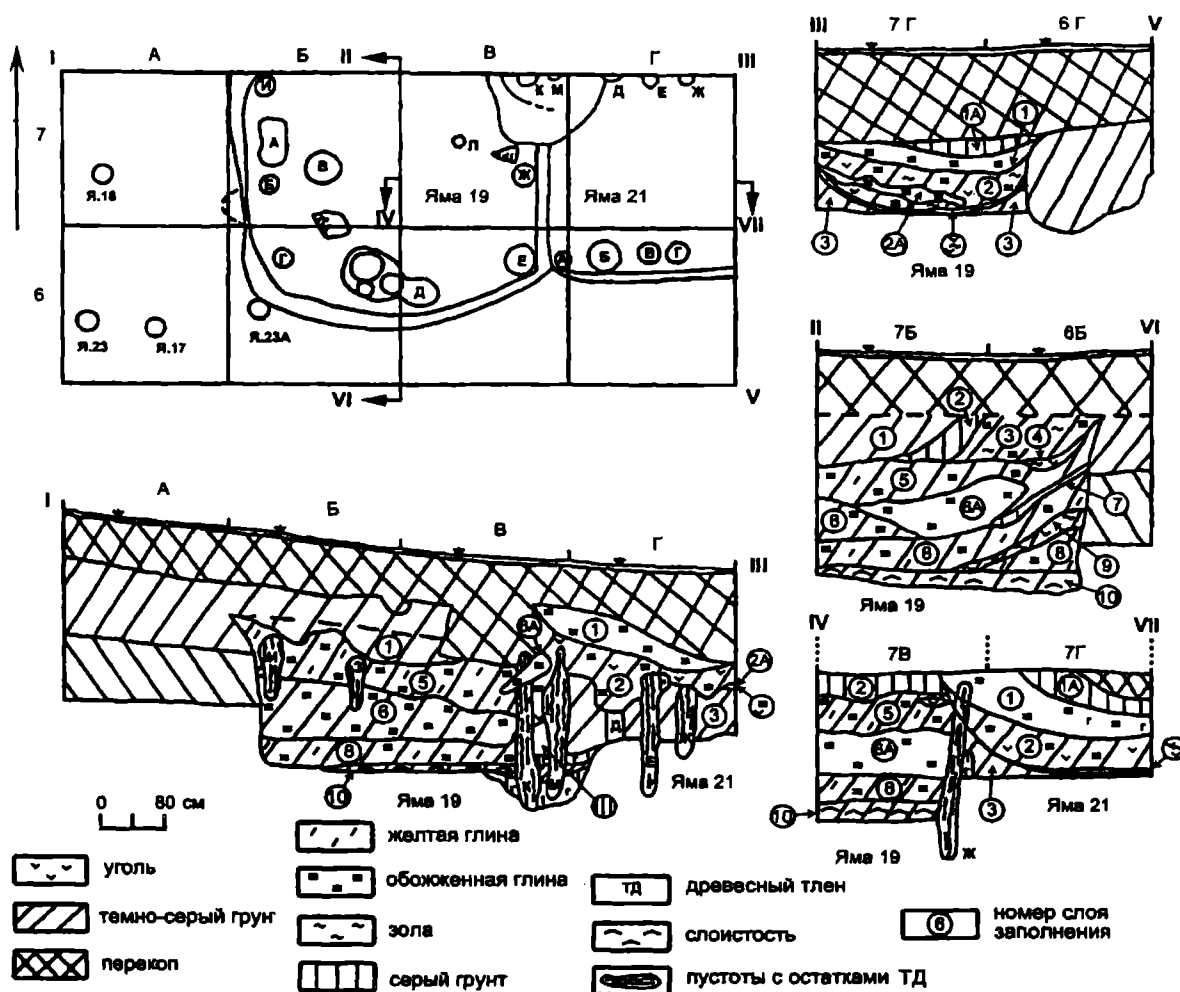

Рис. 7. Реконструкция постройки из Рыльска (Енукова, 2005а. Рис. 1, 4).

ний вид которых вряд ли был таким, как на представленной реконструкции.

Вообще, большинство из опубликованных реконструкций двухэтажных⁶ зданий древнерусской эпохи представляются нам сомнительными или, в лучшем случае, слабо доказанными. Доказательством существования двух этажей в постройках чаще всего считают наличие в заполнениях подпольных ям горизонтов, включающих «развалы печей», т. е. компактные (или не очень) скопления обожженной глины, размещающиеся на середине высоты заполнения такой ямы. Мелкомасштабные иллюстрации часто не всегда позволяют точно определить, на какой высоте от дна подполья залегают такие массивы. Но в тех случаях, когда такое измерение оказывается возможным, обнаруживается, что зачастую остатки «верхних ярусов с печами» залегали на высоте 0,5 м и более от дна подклета (Моргу-

нов, 2003. Рис. 62, 3). К таким реконструкциям обращен тот же вопрос, что задавался ранее: как такой мощный слой грунта мог отложиться до (или во время) гибели постройки. Второй вариант кажется совершенно невозможным. Что касается первого варианта (накопления грунта в подклете в период жизни постройки), то он также представляется весьма сомнительным или, по крайней мере, исключительным случаем. Трудно себе представить, что хозяева дома позволили бы накопиться в его подклете полуметровому слою грязи. И дело тут вовсе не в особой опрятности наших предков, а в том, что при накоплении такого слоя земли высота и полезный объем подклета сократились бы почти вдвое, а передвигаться по нему стало бы невозможно.

Следовательно, мощные отложения грунта, обнаруживаемого на дне подполий и погребов, как правило, свидетельствуют о том, что стояв-

⁶ Под двухэтажными мы понимаем здесь, прежде всего, постройки с холодным подпольем или снабженным печью подклетом и расположенным выше жилым этажом, отделенным от нижнего дощатым полом.

шие над ними здания не были уничтожены пожарами или иными бедствиями, а были разобраны хозяевами, подполья же засыпаны «в рабочем порядке». Тогда все прослойки угля и массивы печины, выявляемые в толще заполнения этих подполий, являются не остатками стоявших на этом месте зданий, а бытовым мусором, в состав которого могли входить как угли из бытовых печей, продукты ремонта этих печей и т. п. Верным признаком обратного (т. е. того, что подполье погибло в условиях катастрофы) являются вещи и сосуды, оставшиеся *in situ* на полу этого подполья (но не те, которые рассеяны в толще его заполнения!). Отсутствие же таких вещей, соответственно, свидетельствует об ином, более прозаическом, сценарии развития событий.

Другой важной проблемой, вокруг которой долгое время ведутся дискуссии, является вопрос о наличии в древнерусских жилищах кровель с грунтовой внешней облицовкой⁷. Подобные кровли, известные по данным этнографии (прежде всего, скандинавской) предполагались еще недавно многими исследователями, в том числе такими крупными учеными, как Ю.П. Спегальский (1972. С. 37), правда, в основном для севернорусских жилищ (Новгорода, Пскова и др.). И хотя достоверных археологических фактов существования таких кровель в том же Новгороде не получено, специалисты в области средневековой архитектуры в целом допускают широкое распространение таких кровель в городах Северо-Западной Руси (Засурицев, Янин, 1975. С. 265, 266). Земляные кровли реконструировались и для ряда домов, обнаруженных на территории Северо-Восточной Руси (в частности, в Суздале) (Томсинский, 1991. С. 101–112. Рис. 1), причем основаниями для такой реконструкции были не столько археологические реалии (в публикации не приведены разрезы сооружений, а даны только их краткие описания), сколько комплекс находок, указывавший на то, что, возможно, владельцами этих домов были выходцы из Скандинавии (княжеские дружинники).

Архитекторы и историки архитектуры, допускающие широкое распространение в Древней Руси земляных кровель, опираются не столько на трудные для однозначной интерпретации данные археологии, сколько на 3 письменных источника, прямо называющих такие кровли.

Наиболее ранним из таких источников является сочинение арабского ученого Ибн Русте «ал-А'лак ан-нафиса» («Драгоценности»), написанное в первой половине X в., где при описании страны славян рассказывается об углубленных в землю постройках (землянках), у которых «на крышу накладывают землю» (Новосельцев и др., 1965. С. 388). Из последующего текста, где говорится о том, как славяне в таких домах льют на раскаленные камни воду и согреваются в пару, ясно, что здесь описывается баня. Видимо, именно имевшееся в распоряжении Ибн Русте описание какого-то конкретного строения, использовавшегося в качестве бани, и стало источником для далеко идущего обобщения.

Второе свидетельство о земляных кровлях имеется в летописном материале под 1095 г. при описании обстоятельств убийства в Переяславле (Южном) хана Итларя. Пришедшего в город для заключения мира хана с дружиной пригласили в «истобку», где он был заперт. Далее, согласно Лаврентьевской летописи, дружинники князя «възлезше на истобку, прокопаша [курсив мой. — В.К.] и верх» (ПСРЛ, 1962. Стб. 228), после чего один из них выстрелом из лука поразил Итларя. Собственно, упоминание о «прокапывании» верха избы и выставляется в качестве аргумента в пользу насыпки на кровлях слоев земли. Однако описанный случай еще не может служить бесспорным свидетельством широкого распространения такого конструктивного решения. Прежде всего, неясно, что представляла собой «истобка» — теплую избу с земляной кровлей (Маковецкий, 1962. С. 17) или опять же баню. Более того, нельзя исключать, что выражение «прокопали» было употреблено фигурально: изба, в которой поместили Итларя, могла иметь соломенную кровлю, которую нападающим также надо было по сути дела «прокапывать», поскольку слежавшаяся и частично перегнившая солома составляла достаточно плотную массу. Ясно, что нападение на хана готовились провести тайно (ведь он и его дружина были вооружены), а для этого нужно было тихо разобрать («раскопать») часть кровли, чтобы потом вести прицельную стрельбу.

Третье свидетельство о существовании земляных облицовок кровель относится к значительно более позднему времени — 1633–1639 гг. Именно в это время неоднократно побывавший в Москве и других городах Руси секретарь Голштинского посольства Адам Олеарий в своем опи-

⁷ То, что в этих жилищах не было земляных потолочных засыпок, кажется, уже ни у кого не вызывает сомнений (Спегальский, 1972. С. 13; Ратнопорт, 1975. С. 136).

сании Москвы упомянул, что там «крыши на домах делаются из тесу, поверх которого настилается березовая кора, а иногда и дерн» (*Олеарий*, 1870. С. 107).

Однако применение дерна в московском строительстве было обусловлено не столько древними традициями, сколько заботами правительства о пожарной безопасности в столице, часто страдавшей от опустошительных пожаров. Именно с этой целью в царском указе 1681 г. предусматривалось, чтобы при строительстве деревянных домов в столице на крышах «сверхъ тесу усыпали землею и укладывали дерном» (СГД, 1828. С. 390; *Раппопорт*, 1975. С. 136).

Таким образом, все три письменных свидетельства о земляных покрытиях кровли не относятся к числу бесспорных. Наибольшей достоверностью из них обладает самое раннее, но и оно, возможно, относилось только к части славянских построек — баням. Второе свидетельство можно трактовать и таким образом, что в нем не остается места для земляных кровельных засыпок, а последнее говорит скорее о противопожарных мероприятиях, а не о традициях народного домостроительства.

Вопрос о кровлях средневековых русских построек вообще относится к самым сложным, поскольку именно кровли прежде всего страдали от пожаров, а в археологизированном виде (как стратиграфически самые верхние горизонты объектов) — от действия природных факторов, позднейших перекопов и т.п. Подавляющее большинство археологически зафиксированных остатков кровель представляется сомнительными с точки зрения правильности их интерпретации. К попыткам рассматривать разнообразные слои грунта, встречаемые в заполнении углубленных частей построек, в качестве следов земляных кровель, применима приводившаяся выше критика подобных же интерпретаций грунтов в виде остатков междуэтажных перекрытий. Прежде чем решаться на подобные интерпретации, следовало бы доказать, что эти грунтовые прослойки не могли образоваться в результате засыпок котлованов посторонним грунтом. В большинстве случаев именно этот последний вариант и является наиболее вероятным.

Почему же кровли домов не обнаруживаются методами археологии? Для ответа на этот вопрос необходимо вначале выяснить, из какого материала эти кровли изготавливались. Разумеется, могли использоваться земляные кровли, однако мы не располагаем сейчас данными о том, насколько широко такой вид кровли был рас-

пространен. Тёс (доски), видимо, применялся редко, преимущественно в городах и только состоятельными жителями. То же можно сказать о лемехах (деревянной «черепице»), известной, например, по раскопкам в Новгороде. Остается еще один материал, широко применявшийся в русских деревнях до самого недавнего времени, — солома. Именно данные этнографии позволяют предполагать, что соломенные кровли были одним из самых распространенных видов покрытий жилищ в средневековой Руси (*Зубков*, 2005. С. 78–81). О возможности использования соломы в кровлях писал и П.А. Раппопорт (1975. С. 136). Правда, он полагал, что этот материал использовался в сочетании с глиняно-земляной обмазкой, но опирался не на этнографические материалы, а на некоторые археологические данные, в частности, на сообщение Н.П. Милонова о раскопках в Пронске. Однако к таким сообщениям следует относиться с большой осторожностью, поскольку солома могла попадать в заполнения подпольев жилищ не только из перекрывавших дома кровель, но и как бытовой мусор. Методический же уровень фиксации при раскопках Н.П. Милонова был недостаточен для доверия его выводам и сообщениям.

Если признать, что археологизация кровель происходила почти исключительно в результате пожаров, причем большинство крыш изготавливалось без применения земли и дерна — из дерева или соломы, то такой материал мог сгорать без остатка (единственным остатком являлся уголь, рассыпавшийся на мелкие куски). Именно по этой причине обнаружить следы кровли или хотя бы стропил от нее чрезвычайно трудно, а может быть, и невозможно в условиях «сухого» культурного слоя. Спрессованные всего в несколько сантиметров руины сгоревшей постройки в большинстве случаев практически не могут быть «стратифицированы» на пол, стены и кровлю.

Результатом предпринятого нами экскурса в проблемы, возникающие при попытках реконструкции тех или иных конструкций в археологизированных постройках является вывод о необходимости взвешенного и крайне осторожного подхода к интерпретации любых остатков таких построек. Нам представляется, что при интерпретации археологических объектов необходимо строго придерживаться следующих правил.

1. Необходимо четко разделять в составе заполнения объектов горизонты, сформировав-

шиеся в результате катастрофических причин, и слои различных засыпок, причем первые могут констатироваться только на основе целой системы доказательств, а не исходя из какого-то одного, к тому же сомнительного, признака (например, наличия углей или обгорелых плах в заполнении). При этом материал из всех остальных слоев заполнения, явно более поздний, недопустимо смешивать с материалом из горизонта гибели постройки.

2. Большинство из исследуемых при раскопках углубленных объектов являются остатками построек, но их заполнение чаще всего не связано с этими постройками. Задачей археолога является «расшифровка» этого ребуса и определение, откуда мог быть взят грунт для засыпки, как он датируется и как долго происходила засыпка ямы. Результаты такой расшифровки, если они базируются не на допущениях, а на строгой системе доказательств, могут дать бесценный материал по истории материальной культуры конкретной усадьбы и поселения в целом.

3. Присутствие в заполнениях ям развалов печей не может автоматически вести за собой вывод о размещении этих печей в постройке над ямой. Этот вывод необходимо доказывать. Наибольшей достоверностью он обладает в том случае, когда остатки печи обнаруживаются на дне

ямы. В остальных случаях допустимо говорить лишь об искусственном сбросе в яму печного материала, относящегося к отопительным устройствам из совершенно иных (во времени и пространстве) построек.

4. Интерпретация археологического объекта (в качестве погреба, подполья, столбовой ямы и т. п.) должна основываться на целом комплексе признаков: размерах объекта, особенностях его заполнения, иногда — находках из этого заполнения. Такая интерпретация очень редко может расцениваться как однозначная и полностью достоверная. Необходимо отдавать себе отчет в том, что недостаток фактических данных снижает достоверность наших выводов и повышает их вариативность.

5. Прослойки грунтов над остатками сгоревших частей построек далеко не всегда являются остатками междуэтажных перекрытий или земляных кровель этих построек. Как правило, такая интерпретация неверна, если подобные прослойки фиксируются в толще заполнения заглубленного объекта, высоко над дном (полом) постройки. При отсутствии явно выраженных следов катастрофической гибели постройки, ее заполнение (включая керамику и вещевые находки) следует рассматривать в качестве горизонтов засыпки посторонним (по отношению к данной постройке) грунтом.

Литература

- Борисевич Г.В., 1978. Рецензия на монографию П.А. Раппопорта «Древнерусское жилище» // СА. № 4.
- Гоняный М.И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII—XIV вв. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской волости // Тр. ГИМ. Вып. 96. М.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Енукова О.Н., 2005а. Жилая постройка средневекового Рыльска // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV вв. Тула.
- Енукова О.Н., 2005б. К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск.
- Енукова О.Н., 2006. Новое о домах на подклетах на территории Курского княжества // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
- Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. М. Вып. 123.
- Засурцев П.И., Янин В.Л., 1975. Рецензия на книгу Ю.П. Спегальского «Жилище Северо-Западной Руси в IX—XIII вв.» // СА. № 3.
- Зубков А.В., 2005. Уточнения к реконструкции роменских жилищ // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск.
- Коваль В.Ю., в печати. Проблемы интерпретации археологических объектов при изучении планировки и застройки поселений средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь.
- Маковецкий И.В., 1962. Архитектура русского народного жилища (Север и Верхнее Поволжье). М.
- Моргунов Ю.Ю., 2003. Сампсониев остров. Пограничная крепость на Посульской окраине Южной Руси в XI—XIII вв. М.
- Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др., 1965. Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Олеарий А., 1870. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1635 и 1639 гг. М.
- ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.
- Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е1-32. Л.
- СГД. Ч. IV. М., 1828.
- Спегальский Ю.П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л.

Мякининский комплекс памятников археологии

Мякининский комплекс памятников археологии размещается близ северо-западной границы г. Москвы, неподалеку от дер. Мякинино, на излучине правого берега Москвы-реки. Он включает 4 средневековых селища (1, 2, 4 и 6 Мякининские селища), курганный могильник, 3 селища раннего железного века¹ и остатки поздне-средневекового полевого стана (рис. 1). Все эти памятники изучены на широкой площади в процессе проводившихся с 2002 по 2006 г. Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок Института археологии РАН широкомасштабных охранных археологических исследований (начальник экспедиции Энговатова А.В.). На селищах Мякинино-1 и 2 вскрыто по 10 000 кв. м (рис. 2). Раскопки этих памятников были начаты Центром археологических исследований г. Москвы под руководством А.Г. Векслера, которым в 1994—1998 гг. на селище Мякинино-1 было вскрыто 120 кв. м, а на селище Мякинино-2 — более 5000 кв. м площади². После возобновления работ на этих памятниках Подмосковной экспедицией ИА РАН в 2002—2006 гг. первое селище было исследовано полностью, а изучение второго — завершено (на площади около 5000 кв. м). На Мякининском курганном могильнике за три года раскопок (2004—2006 гг.) была исследована площадь 3100 кв. м, на которой были полностью изучены 23 курганных насыпи. Селище Мякинино-1 существовало в XII—XV вв., Мякинино-2 — в XIII—XVI вв., Мякининский курганный могильник — в XII — первой половине XIII в.

Уникальность исследованного комплекса обусловлена следующими факторами:

— полное вскрытие площади крупных средневековых сельских поселений.

— исследование поселений совместно с принадлежавшим им курганным могильником.

— комплексный характер проведенных исследований с привлечением широкого спектра естественно-научных методов

— полное изучение поселений раннего железного века, размещавшихся на площадках средневековых селищ.

На сегодняшний день Мякининские 1 и 2 селища занимают второе и третье места в Восточной Европе среди средневековых сельских поселений по размерам изученной археологическими раскопками площади (первое место остается за селищем Автуничи на Украине, где вскрыто более 30 000 кв. м). При этом оба этих памятника исследованы практически полностью — на всей доступной для раскопок площади³.

На селище Мякинино-1 исследовано около 700 заглубленных в материк объектов (из них более 200 принадлежали различным постройкам) XII—XV вв., собрано более 1900 вещевых находок и более 30 000 фрагментов керамики, из которых удалось собрать более 40 археологически целых форм сосудов.

На селище Мякинино-2 исследовано более 1260 заглубленных в материк объектов (из них более 300 принадлежали различным постройкам и сооружениям) XIII—XVI вв., обнаружено более 2000 вещевых находок и более 40 000 фрагментов керамики.

Мякининский курганный могильник также относится к числу наиболее полно исследованных в Подмосковном регионе. Кроме 23 курганов, вскрытых широкой площадью Подмосковной экспедицией, еще 15 курганов здесь были раскопаны «колодцем» В.А. и М.В. Городцовыми в 1924 и 1927 гг. (Городцов, 1928), а 4 кургана

¹ Два из этих селищ размещались на площади средневековых памятников (Мякинино-1 и 2), от третьего (Мякинино-3) сохранилась лишь периферийная зона, тогда как большая часть памятника оказалась уничтожена руслом р. Москвы.

² См. статью О.И. Хижнякова в этом сборнике.

³ В частности, общая площадь селища Мякинино-1 составляла 30 000 кв. м, но 1/3 этой площади оказалась уничтоженной в процессе строительства без согласования с археологами, а еще 1/4 приходилась на межузаконные пространства и периферийные зоны, где археологические объекты отсутствовали.

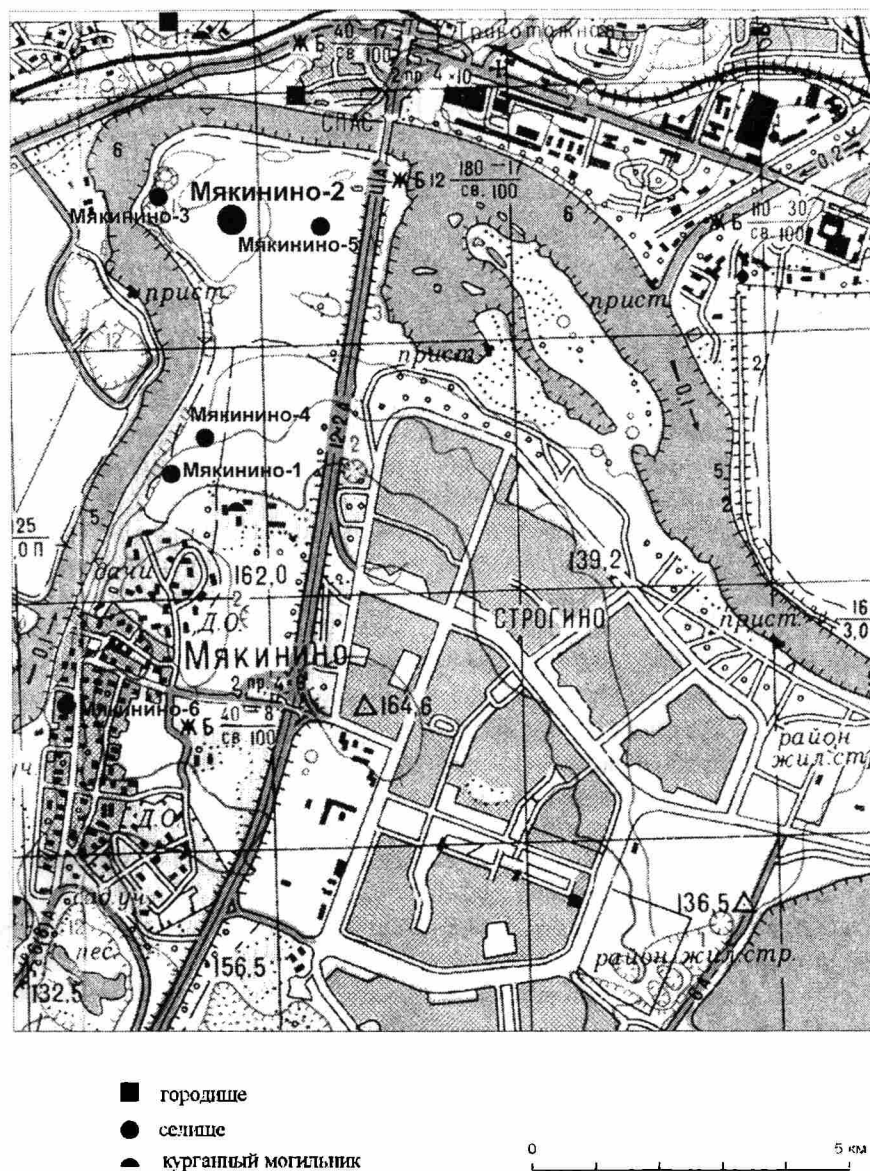

Рис. 1. Схема размещения памятников Мякининского комплекса

(методом «на снос») в 1948 г. М.Г. Рабиновичем (1964. С. 75, 76). Следовательно, всего в могильнике исследовано 42 кургана. При этом первоначальная численность курганов в могильнике составляла, вероятно, около 100 насыпей, следы которых еще недавно прослеживались на местности. Таким образом, археологическими раскопками было изучено около половины насыпей этого некрополя.

Исследования Мякининского комплекса проводилось коллективом специалистов Института археологии РАН: О.И. Хижняковым, П.Е. Русаковым, А.М. Смирновым, К.И. Панченко, А.В. Алексеевым, Е.П. Захаровой, Д.Ю. Бадеевым. В разные годы в работах принимали также участие А.М. Обломский, И.Е. Зайцева, С.Б. Вальчак, Р.А. Мимоход.

В результате этих работ впервые в истории археологического изучения русского средневековья практически полностью исследованы 2 рядом расположенных селища (расстояние между ними не превышает 1,5 км) и синхронный им курганный могильник, который, очевидно, выполнял функцию кладбища как минимум для одного из этих селищ — Мякининского 1 (оно размещается в 200 м от курганного могильника).

Вещевой инвентарь женских погребений разделяется на 2 неравные по численности группы погребений:

— к числу ранних (первой половины — середины XII в.) принадлежали несколько захоронений, содержавших вещи, бытовавшие как в XI в. (завязанные браслетообразные височные кольца и перстень, золотостеклянные бусы, бисер),

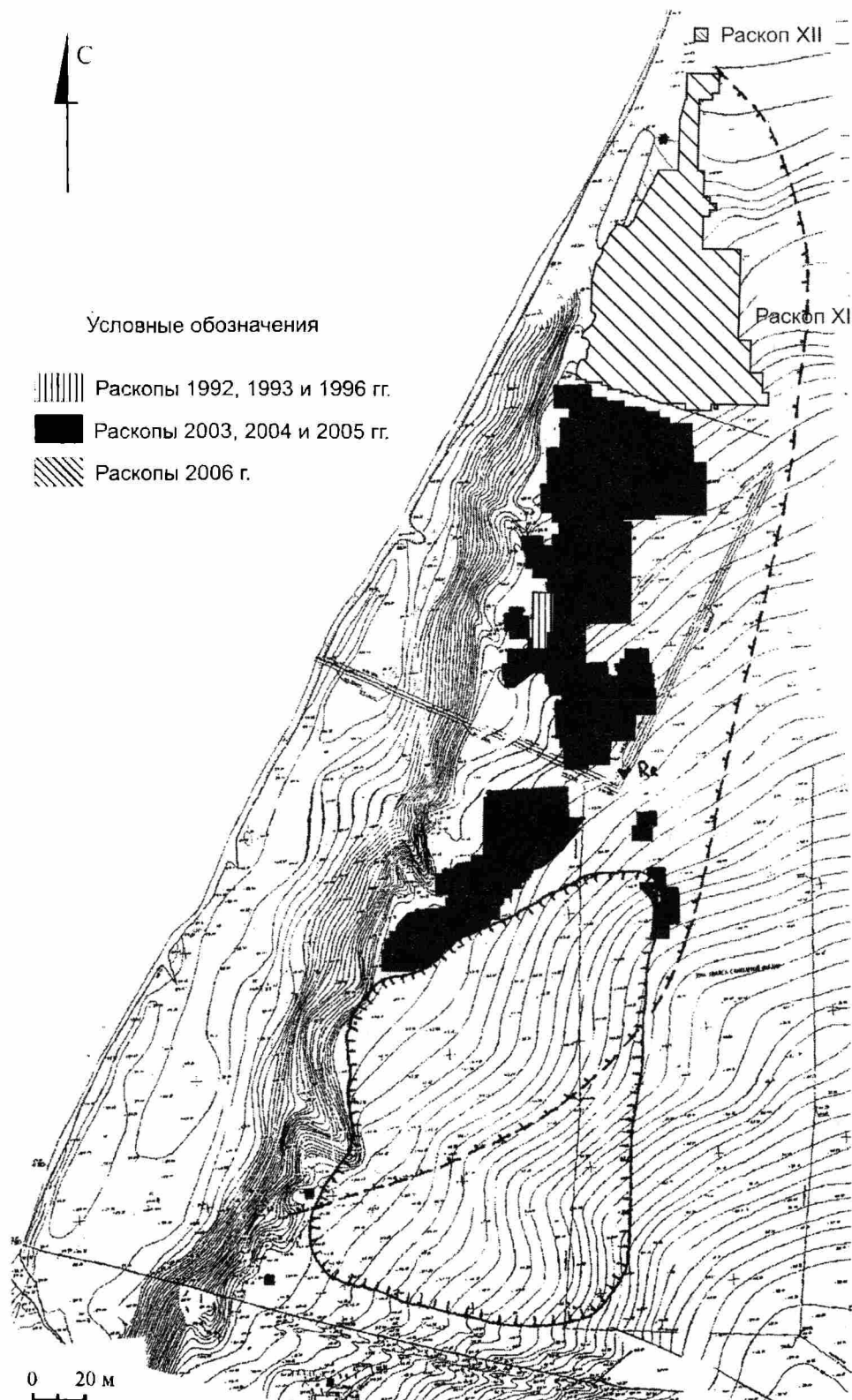

Рис. 2. Селище Мякинино-1. Ситуационный план

так и в XII в. (сердоликовые и хрустальные бусы);

— все остальные погребения явно относятся к более позднему периоду — ожерелья в них состоят только из сердоликовых и хрустальных

бус, либо с разновидностями стеклянных бус, бытовавших в XII—XIII вв. (зонные, рыбовидные, винтообразные).

Таким образом, все погребения, совершенные в курганах, полностью синхронны селищу

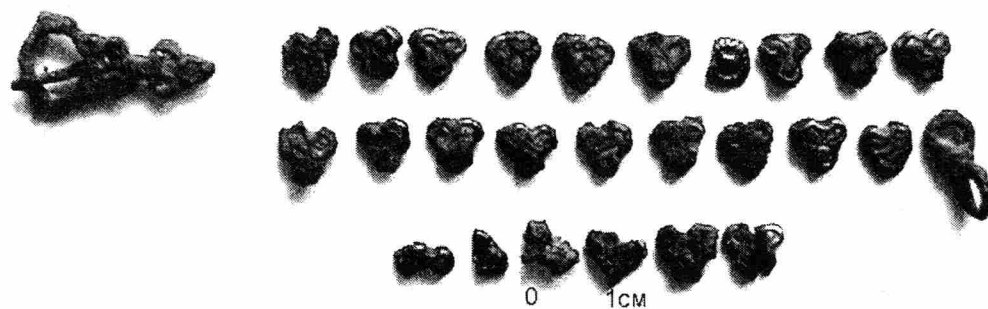

Рис. 3. Части пояса из погребения в Мякипинских курганах (раскопки В.А. Городцова 1924 г.).

Мякинино-1, возникшему в первой половине XII в. и активно функционировавшему в середине XII — первой трети XIII в. Очевидно, похороненные в курганах люди и были жителями этого селища. В противном случае трудно было бы объяснить синхронное функционирование этих двух объектов, размещавшихся практически вплотную друг к другу.

Особенный интерес вызывает погребение пожилой (старше 55 лет) женщины в берестяном гробу (всего в могильнике были встречены 3 погребения в берестяных гробах), ожерелье которой состояло из сердоликовых бипирамидальных стеклянных бус и 8 бронзовых лунниц.

Раскопки всех памятников Мякининского микрорегиона проводились в комплексе с широким спектром естественно-научных исследований, охватывавших все стороны археологических исследований: начиная от полевых работ, сопровождавшихся предварительным геофизическим обследованием территории будущих раскопок (эти работы проводились с использованием георадаров П.А. Морозовым), почвоведческими исследованиями (включая фосфатный и биоморфный анализы) (А.А. Гольева⁴), геоморфологическим обследованием района (Ю.А. Лаврушин) и заканчивая камеральным этапом, на котором проводилось изучение образцов, отобранных в процессе полевых работ (палинологический, карпологический и радиоуглеродный анализы⁵), массового археологического материала (в частности, остеологический анализ, выполнявшийся Е.Е. Антипиной), вещевых находок (спектральный анализ изделий из стекла выполнялся в ИИМК РАН А.Н. Егорьковым, цветных металлов — в МГУ Р.А. Митояном, металлографический анализ изделий из черных металлов — в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН

Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой), антропологического материала (Н.Н. Гончарова). Комплексность исследований достигалась также привлечением специалистов в области изучения изделий из тканей (О.В. Орфинская), стекла (Е.К. Столярова), цветных металлов (Т.Г. Сарачева), нумизматики (В.В. Зайцев), древностей каменного века (А.В. Трусков). В результате получено комплексное и всестороннее представление о памятнике и оставившем его населении.

Карпологические исследования (Е.Ю. Лебедева) показали, что в домонгольскую эпоху основной сельскохозяйственной культурой на селище Мякинино-1 было просо, доля которого достигала 40 % (по числу зерновок), на втором месте шла рожь и овес. В золотоордынскую эпоху ситуация резко изменилась, и рожь выдвинулась на первое место среди зерновых, а количество проса резко снизилось. По этим показателям Мякининские селища близки другим изученным поселениям средневековой Руси, как городским, так и сельским.

Впервые при археологических исследованиях сельского поселения, на Мякинино-1 был проведен комплекс палинологических исследований образцов, взятых из заполнения ям (Е.А. Спиридонова). Проведение таких исследований показало, что в тех случаях, когда засыпка ямы проводилась однородным грунтом (например, взятым поблизости культурным слоем), датировка этого заполнения по данным археологии и по палинологическим признакам оказывалась идентичной или близкой. В случаях же многослойного заполнения ям, засыпанного разным грунтом, бравшимся из разных мест и имевшим различное происхождение (материковый грунт, культурный слой различных периодов) датировки имели тенденцию к существенному расхождению (до двух столетий).

⁴ См. статью А.А. Гольевой в настоящем сборнике.

⁵ Радиоуглеродный анализ проводился в лаборатории ИГАН О.А. Чичаговой.

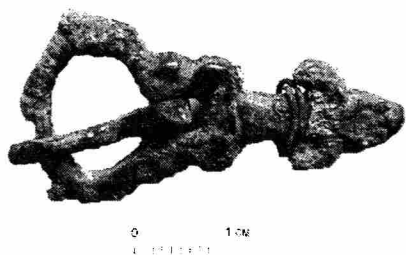

Рис. 4. Бляшки из состава поясного набора (1, 2), бляшка (3) и бусина (4) из белого металла с селища Мякинино-1

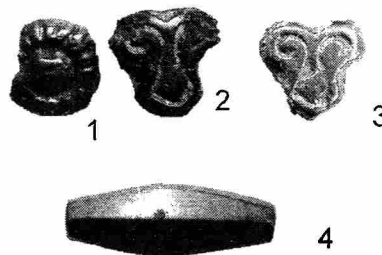

Рис. 5. Пряжка пояса (курган 1924 г.)

Интересным результатом палинологического анализа было обнаружение в заполнении ям домонгольской эпохи спор мха и плаунов. Плауны, по мнению Е.А. Спиридоновой, могли использоваться для изготовления красителей или плетения циновок, а мхи — при проконопачивании стен бревенчатых изб.

Изучение металлографии железных изделий (Л.С. Розанова и Н.Н. Терехова) показало широкое применение простых технологических схем, характерных для южнорусского кузнечества, что указывает на вхождение Москворечья в сферу южнорусских традиций железообрабатывающего ремесла, связанное, вероятно, с высокой долей переселенцев из районов Поочья или Днепровского Левобережья.

Важно отметить, что на селище Мякинино 1 и в курганах найдены не просто одинаковые или синхронно бытовавшие вещи, но встречены также изделия, специфичные именно для этих конкретных памятников и не известные на соседних. В частности, это бипирамидальные бусы, отлитые из свинцово-оловянного сплава, имитирующие форму таких же горнохрустальных и сердоликовых бус (рис. 5, 4).

Особенно интересна находка в одном из курганов, раскопанных в 1924 г. В.А. Городцовым, мужского погребения с поясом (Городцов, 1928), включавшим бронзовую пряжку и украшенным своеобразными серебряными накладками подтреугольной формы (25 экз.) (рис. 3, 4, 5, 2). Точно такая же накладка была найдена на площади селища Мякинино-1 (рис. 5, 3). А поскольку на поясе вместо одной подтреугольной накладки присутствовала круглая (она была 26-й по счету), резко выпадавшая из всего набора по форме и декору (рис. 5, 1), не будет большой смелостью предположить, что она заменила утерянную на селище владельцем пояса (еще при его жизни) подтреугольную наладку, найденную при раскопках спустя 800 лет после потери. Следовательно, хозяин этого пояса, обладавший

высоким социальным статусом (возможно, представитель воинского сословия, принадлежавший к сельской администрации), мог проживать на территории поселения, археологические остатки которого представлены селищем Мякинино-1.

О присутствии на селище лиц с высоким социальным статусом говорят и иные находки как домонгольской эпохи: створка креста-энколпиона (рис. 6, 3) и тельные кресты, украшенные желтой эмалью (рис. 6, 8), вероятно, киевского производства; амулет-змеевик; каменные иконки (рис. 6, 6, 7), в том числе одна предположительно византийского происхождения; обломки византийских амфор, в которых на Русь ввозилось виноградное вино, так и золотоордынского времени (обломки золотоордынской кашинной поливной посуды; бронзовый перстень с гравированной тамгой Джучидов на щитке).

Предметов вооружения и воинского снаряжения (наконечники стрел и копий, стремена, шпоры, удила) здесь найдено немного, но даже эти немногочисленные находки определенно свидетельствуют о пребывании в селе тяжеловооруженных воинов, некоторые из которых могли выполнять здесь и административные функции.

Все эти находки позволяют предполагать, что селище Мякинино-1 является археологизированными остатками княжеского либо частновладельческого села, на котором постоянно присутствовали представители администрации, относившиеся к аристократическому (военному) сословию. Поэтому нам представляется возможным предполагать, что селище Мякинино-1 могло принадлежать к числу известных по летописям в XII в. «красных сел московских», ставших причиной захвата Москворечья суздальскими князьями и гибели их прежнего владельца боярина Кучки.

Остатками другого крупного подмосковного села являлось селище Мякинино-2, располо-

жившееся в 2 км от первого селища, на пойменном участке правого берега р. Москвы. Возникло оно, правда, уже существенно позже эпохи боярина Кучки — не ранее конца XII в. — и сосуществовало с первым селищем на протяжении почти 300 лет, причем по размерам вначале заметно уступало ему. Однако, динамично развиваясь, к XV в. оно стало не только крупнее первого, но и по уровню экономического развития заметно преобладать над ним. Такое положение прослеживается как по числу вскрытых на памятниках остатков построек, так и по количеству статусных находок. Так, если на Мякинино-1 найдено 3 золотоордынских монеты XIV в., то на Мякинино-2 — более 30 монет русской чеканки XV—XVI вв., но среди них совсем нет золотоордынских монет. Следовательно, на рубеже XIV—XV вв. лидирующее положение в микрорегионе перешло от Мякининского 1 к Мякининскому 2 селищу. Статус первого резко понизился (к концу XV в. оно вообще перестало существовать), а статус второго — вырос. Многочисленные монетные находки на нем свидетельствуют о развитых товарно-денежных отношениях. Прекратило же свое существование это поселение во второй половине XVI или самом начале XVII в.

Оба селища (Мякинино-1 и 2) имели усадебную застройку, а все постройки относились к числу наземных (срубных). Поскольку распашкой были уничтожены почти все следы наземных частей зданий, сохранились только подземные части этих построек — погреба, подпольные и подпечные ямы. По этой причине восстановить размеры и конфигурацию этих построек можно только с большой мерой условности. По той же причине практически не сохранились и остатки отопительных устройств (печей), которые, видимо, размещались не над подпольями, а в стороне от них — в углах зданий.

Представляется важным отметить 2 обстоятельства:

1) подавляющее большинство исследованных углубленных частей построек не содержали никаких свидетельств их внезапной гибели (из-за пожаров или иных стихийных бедствий). Следовательно, при вражеских набегах и феодальных войнах эти поселения не сжигались (или такие случаи были крайне редки), а смена жилых и хозяйственных построек происходила в обыденном режиме, т. е. после прихода их в негодность по естественным причинам. В таких случаях засыпка углублений, остававшихся от погребов и подполий происходила в спокойных условиях и диктовалась желанием ликвидиро-

вать оставшиеся после разборки наземных домов ямы путем их засыпки грунтом, бравшимся со стороны. Поэтому все ценные вещи из таких подпольных углублений заранее изымались, а попадавшие в ямы при их засыпке вещи и керамика не имели никакого отношения к тем постройкам, которые некогда стояли на этом месте;

2) размеры углубленных частей построек домонгольской эпохи имели в целом меньшие размеры (как правило, не более чем 2×2 м, при глубине не более 0,5 м), чем в постройках XV—XVI вв. Среди последних часто встречались погребки размерами до 5×5 м, при глубине до 2 м. Все это свидетельствует о смене традиции домостроительства, а возможно, и о каких-то экономических условиях развития сельской общины.

Вещевой комплекс из объектов домонгольской эпохи в целом мало отличался от синхронного городского (известного, например, по раскопкам Москвы) и включал, кроме бытовых вещей (железных ножей, топоров, шиферных пряслиц, оселков из песчаника, цилиндрических замков и ключей к ним) и инструментария домашнего ремесла (железные шилья, резцы, кочедыки, тесла, скобели) и сельскохозяйственного труда (железные косы, серпы, сошники, жернова из известняка и кварцита), различные украшения из цветных металлов (перстни, браслеты, височные кольца) и стекла (браслеты, бусы) (Седова, 1997; Равдина, 1975). В частности, на селище Мякинино-1 найдено около 80 обломков стеклянных браслетов, принадлежавших различным изделиям, среди которых преобладала продукция, традиционно приписываемая киевскому производству. Следует заметить, что обломки стеклянных браслетов отсутствовали в комплексах середины и второй половины XII в., но присутствовали в подавляющем большинстве объектов, заполнявшихся в первой половине XIII в. Вероятно, это свидетельствует о том, что в окрестностях Москвы такие украшения стали общедоступными (распространившимися как в городах, так и в селах) не ранее начала XIII в.

Вещевой комплекс из объектов золотоордынской эпохи характеризуется исчезновением стеклянных браслетов и бус, нагрудных металлических украшений, резким уменьшением числа бронзовых браслетов, но увеличением количества перстней, крестов-тельников и появлением разнообразных накладок из железа и цветных металлов, предназначавшихся для украшения конской упряжи.

Керамический комплекс домонгольской эпохи обоих селищ и курганного могильника в целом имеет сходство с материалами Москвы и

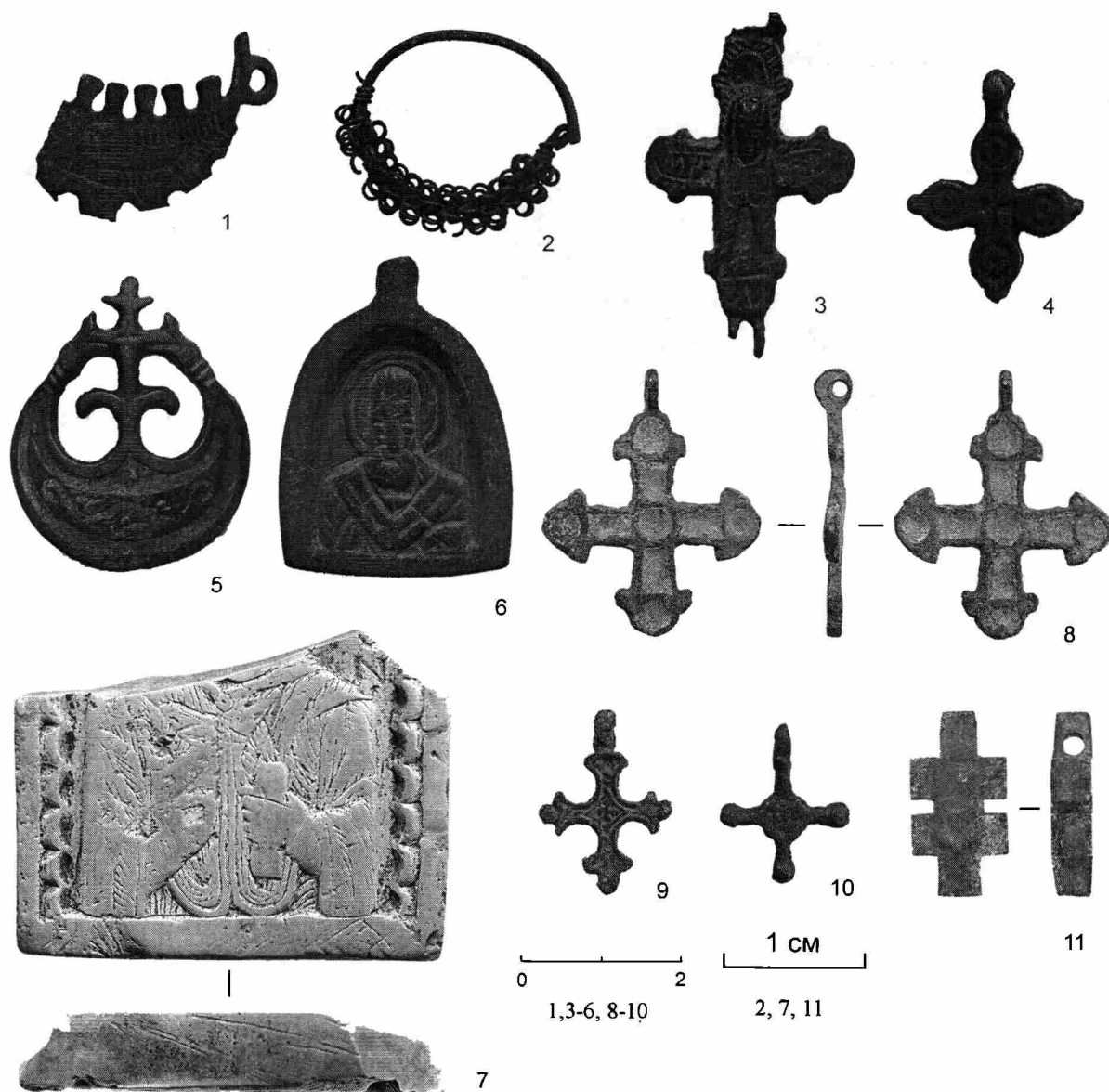

Рис. 6. Находки из раскопок на селище Мякинино-1.

1, 2 — височные кольца (белый металл); 3 — крест-энколпион (белый металл); 4, 9, 10 — кресты-тельники (белый металл); 5 — накладка (бронза, желтая эмаль). 6 — иконка (темно-серый камень); 7 — иконки обломок (стеатит?); 8 — крест (бронза, желтая эмаль); 11 — крест (янтарь)

всего вятичского Москворчья. Единственным, но зато существенным, отличием является присутствие в комплексах середины и второй половины XII в. большого количества белоглиняной посуды (до 30–50 % в отдельных комплексах), изготовленной в южнорусских традициях и характеризующейся более высокой технологией производства (отсутствием дресвы в формовочной массе, полным горновым обжигом) и рядом морфологических отличий, по сравнению с красноглиняной керамикой, бытовавшей в это же самое время в Москве и Москворечье (зоне расселения вятичей). В Москве и районах ниже

по течению р. Москвы белоглиняная керамика «южнорусской» традиции почти неизвестна, тогда как в верхнем Москворечье она получила достаточно широкое распространение, правда, на протяжении относительно непродолжительного отрезка времени — в середине XII в. (Коваль, Хижняков, 2005). Центр (центры?) производства такой керамики пока не выявлены, но наиболее вероятно их размещение в верхнем течении р. Москвы (между Можайском и Москвой), возможно, в окрестностях Звенигорода, само название которого имеет южнорусское происхождение.

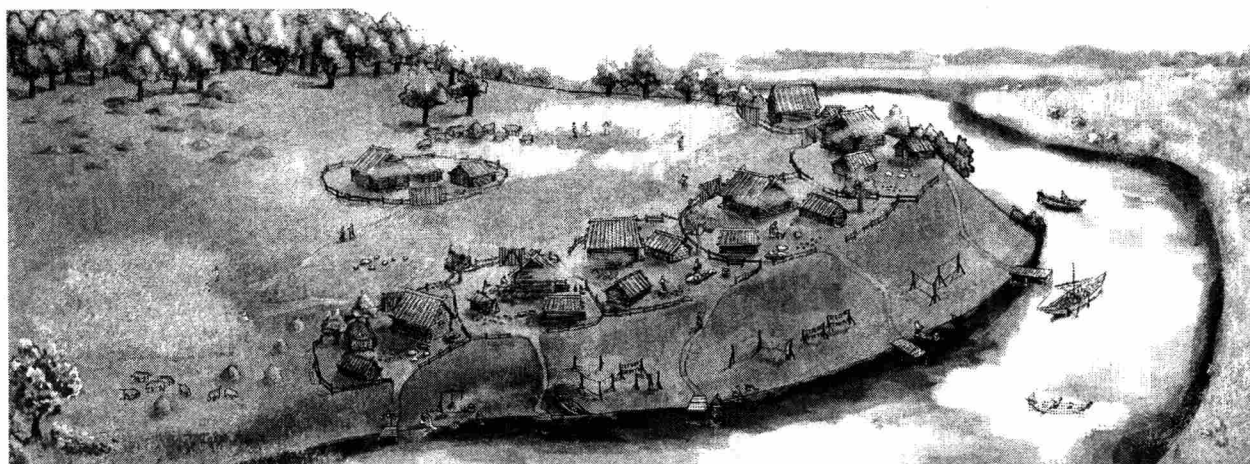

Рис. 7. Художественная реконструкция селища Мякинино-1 в XII в.

Появление в Москворечье керамики «южнорусского» типа можно связывать с переселением сюда в первой половине или середине XII в. группы населения, происходившего из региона Днепровского Левобережья (или Поочья?), где подобная керамика производилась с начала XII в. Прекращение же ее производства во второй половине XII в. могло быть связано либо с уходом южнорусских переселенцев в иные места, либо, что представляется более вероятным, их растворением в среде москворецких вятичей.

В связи с данным обстоятельством возникает вопрос о «племенной» принадлежности насельников Мякининского микрорегиона в эпоху начала его формирования (XII в.). До сих пор материалы раскопок курганов в Подмоскovie давали исследователям основания рассматривать население долины р. Москвы в ее среднем и нижнем течении в качестве потомков «вятичей» (Арциховский, 1930; Седов, 1982). Границу между зонами расселения «вятичей» и «кривичей» М.Г. Рабинович, опирающийся на те же курганные древности, проводил севернее Звенигорода и Москвы (Рабинович, 1964. Рис. 73). Разумеется, такая граница не могла быть жесткой, и взаимная инфильтрация «племен» могла быть очень глубокой. Однако мякининские материалы существенно усложняют картину, рисовавшуюся предшествующими исследователями, и дополняют данные, полученные ранее при исследовании соседних москворецких курганов, где также обнаруживалось присутствие украшений потомков кривичей (Векслер, 1970. С. 122).

Несмотря на расположение могильника в центре зоны расселения москворецких вятичей, лопастные височные кольца потомков этого племени (с 7 и 5 лопастями) были обнаружены только в одном из 19 женских погребений могильника (исследованных за все время его изу-

чения — с 1924 по 2006 г.). В 4 погребениях встречены серебряные браслетообразные кольца (в том числе, в одном кургане — вместе с 5-бусинным кольцом, а в другом — совместно с ромбоштитковым), в 11 — перстнеобразные (в том числе в 1 кургане — вместе с трехбусинным), а еще в 4 — трехбусинные (как с ажурными, так и с шарообразными полыми бусинами). Таким образом, по крайней мере, женская часть населения селища Мякинино-1 в основной своей массе не принадлежала к потомкам вятичей, а была связана своим происхождением с южнорусскими и верхневолжскими областями. Южнорусское происхождение могло иметь население, оставившее погребения с перстнеобразными и трехбусинными височными кольцами. В то же время погребения с браслетообразными (кривичскими) височными кольцами, скорее всего, были связаны с населением, происходившим из регионов Верхнего Поволжья и Северо-Запада Руси. Это предположение подкрепляет использование вместе с браслетообразными кольцами многобусинного и ромбоштиткового колец, характерных прежде всего для зоны расселения новгородских словен и соседних с ними финно-угорских племен. Разумеется, речь следует вести не о прямых, а скорее о довольно сложных (опосредованных) связях погребенных с населением Северо-Запада.

«Северное» (по отношению к Москворечью) происхождение имели и «коньковые» привески, обнаруженные в 2 женских погребениях; аналогии таким привескам известны в Костромском Поволжье. Количество подобных вещей в Мякининском комплексе невелико, так что потомки кривичей и переселенцы из иных севернорусских областей явно не составляли здесь большинства. Возможно также, что «северные» элементы в материальной культуре

Мякинина относились к раннему этапу заселения микрорегиона первой половине XII в.), когда население здесь было еще весьма немногочисленным.

Вещевой материал курганов в целом коррелирует с находками, происходившими из раскопок мякининских селищ. Среди височных колец, найденных на их территории, абсолютно преобладают обломки перстнеобразных и бусиных колец, к которым примыкают и так называемые «кудрявые» кольца (рис. 6, 2). Лопастные кольца потомков вятичей встречаются здесь реже (рис. 6, 1), причем ранние (первой половины XII в.) образцы таких колец единичны, тогда как более поздние (второй половины XII — первой половины XIII в.) (Равдина, 1968) распространены гораздо шире (особенно это заметно по материалам селища Мякинино-2, возникшего не ранее конца XII в.). Браслетообразные височные кольца потомков «кривичей» на селищах микрорегиона не встречены вовсе, что еще раз указывает на незначительную долю переселенцев с севера в населении микрорегиона (либо на их участие в этом процессе только на самом раннем этапе его заселения).

Все эти данные свидетельствуют о том, что заселение Мякининского микрорегиона проходило в несколько этапов с участием вначале славян Верхневолжья и вятичей, а с середины XII в. — переселенцев из более южных районов, в результате чего сформировался смешанный состав населения микрорегиона, причем потомки москворецких вятичей составляли в нем меньшую часть. И это при том, что, по данным раскопок москворецких курганов, население окружающих данный микрорегион районов состояло в основном именно из вятичей. Такая пестрота населения микрорегиона в сочетании с приводившимися выше свидетельствами проживания на его территории представителей администрации (похороненный в Мякининских курганах владелец наборного пояса) и других лиц высокого социального статуса, указывает на то, что Мякинино-1, скорее всего, выступало в роли центра небольшой административно-податной единицы XII—XIII вв. Население этого центра, вероятно, сформировалось из переселенцев, прибывавших в Подмоскovie из различных районов Руси, причем заметная их часть происходила из южнорусских земель. Судя по всему, Мякининский микрорегион демонстрирует яркий пример давно декларируемого, но ранее почти не прослеженного археологически заселения Северо-Восточной Руси в

XII—XIV вв. волной переселенцев из Южной Руси. Однако исследования в Мякинино показали, что этот процесс был значительно более сложным, нежели это представлялось ранее, и протекал в условиях противоположно направленных линий движения славянского населения. Нельзя также исключать того, что богатый набор находок с поселений Мякининского комплекса является результатом их размещения на крупном торговом пути, проходившем по р. Москве и связывавшем южнорусские земли с Верхним Поволжьем и Новгородом.

При проведении раскопок на 1 и 2 Мякининских селищах выяснилось, что в раннем железном веке (второй половине I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на их месте размещались поселения, принадлежавшие дьяковской культуре. Эти поселения размещались напротив нескольких городищ того же времени, расположенных на левобережье р. Москвы в радиусе 1–3 км (первое и второе Спас-Тушинские, а также Пенягинское городища), т. е. они входили в зону хозяйственного освоения этих городищ. Дьяковские поселения Мякинской поймы оказались сильно повреждены средневековыми постройками, культурный слой того времени не сохранился, но в средневековом культурном слое было обнаружено достаточное количество соответствующего материала — керамических грузиков Дьякова типа, характерных бронзовых украшений (фибула, нашивные бляшки), железных серповидных ножей, «утюжков» из кварцита, бронзовых бусин, двушипных наконечников стрел, гладкостенной и «сетчатой» керамики. Число таких находок невелико, а зона их распространения оказалась достаточно широка. Следов построек раннего железного века не сохранилось, однако выявлено несколько десятков столбовых ямок и канавок, которые могли относиться к конструкции таких построек, а также отдельные более крупные ямы (размеры которых никогда не превышали 1 м при глубине до 0,5 м). Особо следует отметить полное отсутствие каких бы то ни было костяных орудий, столь характерных для культурного слоя дьяковских городищ. Возможно, это связано с тем, что исследованные поселения существовали недолгое время, что не привело к формированию мощного культурного слоя и привело к быстрому разрушению изделий из органических материалов. Кроме того, мы не исключаем сезонный характер исследованных поселений, которые могли служить своеобразными «полевыми станами», куда люди приходили только в летний период, а это неиз-

бежно снижало количество вещей, присутствовавших и археологизировавшихся на таких поселениях.

Раскопки на Мякининском комплексе позволили обнаружить и еще более ранние материалы, свидетельствующие об использовании ряда территорий в эпоху неолита (с ней связаны отдельные находки кремневых наконечников стрел на площади средневековых селищ Мякинино-2 и 3) и мезолита. Наибольший интерес представляют остатки мезолитической стоянки, открытой А.В. Трусковым на территории селища Мякинино-1, на высоте около 15 м над уровнем воды в р. Москве. Из 59 кремневых изделий, найденных на памятнике, 46 происходили из двух скоплений (где обнаружены отщепы с ретушью и нуклеусы).

Результаты раскопок Мякининского комплекса столь обширны, что не могут быть представлены полностью в одной статье. За ее рамками остались очень многие важные аспекты, требующие освещения и тщательного изучения. В частности, остается не вполне ясным вопрос о статусе сельских поселений, представленных селищами Мякинино-1 и 2. Скорее всего, вплоть до XV—XVI вв. они представляли собой «села»,

однако отсутствие на их территории церквей, констатируемое по результатам раскопок, оставляет почву для дискуссии в этой области, по крайней мере, по отношению к позднему этапу их существования.

Неясно также, где совершались захоронения жителей этих поселений после завершения функционирования курганного могильника. Не исключено, что кладбище XIV—XV вв. могло размещаться на территории Первого Спас-Тушинского городища (исторического Спаса на Восточной), где зафиксирован некрополь XVI—XVII вв. Однако слабая изученность этого интереснейшего памятника, находящегося сейчас в черте г. Москвы и постепенно разрушаемого строительными работами, оставляет данный вопрос открытым.

Таковы первые итоги многолетних раскопок в Мякининской пойме. Исследования Мякининского комплекса памятников показали, что при правильной организации и изначальной направленности на комплексный характер исследований охранные (спасательные) раскопки могут давать ценную информацию, полно освещающую историю материальной культуры древнего населения.

Литература

- Арициховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
 Векслер А.Г., 1970. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой // Древние славяне и их соседи. М.
 Городцов М.В., 1928. Вятические курганные погребения близ деревни Мякининой, Московской губернии и уезда // Труды секции археологии РАНИОН. IV. М.
 Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике Верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.
 Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.
 Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.
 Равдина Т.В., 1975. Хронология «вятичских» древностей. Дисс. ... канд ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.
 Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.
 Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.

К вопросу о планировочной структуре и границах селища Мякинино-2

Селище Мякинино-2 входит в комплекс археологических памятников, расположенных на правом берегу р. Москвы неподалеку от современной д. Мякинино, на границе Красногорского и Одинцовского районов Московской области. Комплекс состоит из 6 поселений и курганного могильника (см. рис. 1 к статье А.В. Энговатовой и В.Ю. Коваля в настоящем сборнике). Наиболее крупными поселениями являются средневековые селища Мякинино-1 и Мякинино-2.

Селище Мякинино-2 находится в 500 м к западу-юго-западу от моста МКАД, выше по течению реки, на невысоком всхолмлении на северо-западном краю Мякининской поймы. Высота площадки селища от уровня воды в р. Москве составляла 3–3,5 м (129–129,5 м в Балтийской высотной системе). К северо-западу от площадки селища прослеживались остатки старицы р. Москвы в виде понижения, где еще в XIX — первой половине XX в. существовали небольшие озера и заболоченные участки.

Селище было открыто в 1993 г. разведками Центра археологических исследований г. Москвы. В 1994–1998 гг. оно было частично исследовано раскопками (под руководством А.Г. Векслера), площадь которых составила 5235 кв. м. В 2002 г. раскопки селища возобновила Подмосковная экспедиция ИА РАН (под руководством А.В. Энговатовой и В.Ю. Коваля). В 2002, 2004 и 2005 гг. было раскопано в общей сложности 4363 кв. м (рис. 1). Раскопками охватили в основном юго-западную часть площадки селища и прилегающую к ней территорию. Общая площадь, вскрытая на памятнике за все годы его исследования, составила 598 кв. м. Таким образом, селище Мякинино-2 стало первым средневековым сельским поселением на территории Московской области, изученным раскопками на столь значительной площади. Была исследована почти вся площадка селища (за исключением участков,

уничтоженных при строительных работах). Раскопки позволили установить, что общая площадь селища составляла около 10 000–12 000 кв. м.

При раскопках были встречены кремневые орудия, отщепы и пластины, свидетельствующие о посещении людьми площадки селища уже в период мезолита и неолита. Также были найдены отдельные предметы и фрагменты керамики дьяковской культуры, по-видимому, связанные с существовавшим здесь поселением раннего железного века.

Наиболее ранние находки, относящиеся к средневековому селищу, датируются концом XII — началом XIII в. Что касается верхней хронологической границы поселения, то в ходе исследований 1994–1998 гг. было высказано предположение о прекращении жизни на селище в начале XVII в. Это связывалось с событиями Смутного времени: известно, что на противоположном берегу р. Москвы располагался Тушинский лагерь Лжедмитрия II. Вместе с тем, на участке, исследованном в 2002–2005 гг. наиболее поздние находки монет относились к 60–70-м гг. XVI в., т. е. к периоду правления Ивана Грозного. Ни одной монеты, датируемой рубежом XVI—XVII вв., найдено не было. Анализ нумизматического материала привел исследовавшего его В.В. Зайцева к выводу об окончании жизни на селище во второй половине XVI в.

Проведенные исследования позволяют сделать ряд выводов о планировочной структуре селища и ее изменениях в разные периоды существования поселения.

Селище было вытянуто вдоль линии гряды, проходившей параллельно старице р. Москвы, в направлении северо-восток — юго-запад (рис. 1). Так же было ориентировано и большинство построек. Вполне вероятно, что постройки располагались в линию вдоль центрального уличного проезда, проходившего через всю площадку поселения (рис. 2¹). Некоторые постройки, ориен-

¹ Рисунок 2 и экспликацию к нему см. на вкладыше.

тированные в направлении северо-запад — юго-восток, стояли торцом к этому проезду.

При раскопках не было выявлено следов оград, разделявших отдельные усадьбы. В некоторых местах были фрагментарно прослежены небольшие канавки, вытянутые в направлениях северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток. Какие-либо следы от вкопанных или вбитых в них столбов отсутствовали. Выделяются несколько скоплений значительных по размерам ям, существовавших одновременно и являвшихся остатками построек (рис. 2). Рядом с ними расположены более мелкие ямы, вероятно, хозяйственного назначения. Возможно, эти скопления можно рассматривать в качестве отдельных дворов, которые были отделены друг от друга пространствами, на которых размещались только мелкие хозяйственные и столбовые ямы.

К сожалению, большая часть ям не поддается сколько-нибудь точной датировке из-за отсутствия в их заполнении вещевых находок и незначительного количества керамического материала, представленного к тому же мелкими фрагментами. Все нижеследующие выводы сделаны на основании исследования тех комплексов, которые оказалось возможным датировать.

Наиболее ранние объекты, исследованные при раскопках 1994–1998 гг., относятся к концу XII—XIII в. На участке, исследованном в 2002–2005 гг., объекты, датируемые XIII в., встречены в небольшом количестве. К той же группе комплексов можно отнести ямы, датированные в более широких пределах — XIII—XIV вв. Все они расположены в северной части исследованного участка. Объекты, датированные строго в пределах XIV в., были прослежены и далее к юго-западу, что связано с расширением территории поселения (рис. 2). Некоторые из них образуют комплексы, включающие достаточно крупные постройки.

Наибольшее количество исследованных объектов относятся к XV — первой половине XVI в. Они располагались на всей площади исследованного участка (рис. 2). Этим временем датируются наиболее значительные по размерам постройки, часть которых с определенной долей вероятности можно интерпретировать как жилые. Рядом с ними находились крупные хозяйственные постройки, в том числе погреба. В 2002 г. был исследован погреб-ледник, стенки которого были обложены крупными валунами (подобные сооружения были вскрыты и при раскопках 1994–1998 гг.).

На юго-западной окраине поселения постройки были отделены друг от друга значитель-

ными свободными пространствами (рис. 2). Именно здесь впервые за все время исследования селища были выявлены две постройки, в которых находились развалы печей *in situ*. До этого в заполнении ям прослеживались только отдельные фрагменты печной обмазки, попадавшие туда при засыпке котлованов. Одна из построек с развалом печи может быть интерпретирована как наземное жилое сооружение с неглубокой подпольной ямой. Во втором случае на поверхности материка прослеживались следы нижнего венца сруба наземной постройки, что позволило определить ее размеры. Печь в ней располагалась по центру и занимала почти все пространство небольшого сооружения. Вероятно, данная постройка являлась хозяйственной и использовалась в качестве риги — сооружения для сушки снопов.

Постройки этого периода образуют несколько комплексов, которые, возможно, составляли отдельные усадьбы, отделявшиеся одна от другой незастроенными пространствами. Встреченные в заполнении ям XV — первой половины XVI в. и в пахотном слое отдельные предметы более раннего времени могут свидетельствовать о хозяйственном освоении этого участка уже в XIII—XIV вв.

На территории юго-западной окраины селища материалы раннего периода (XIII—XIV вв.) были представлены единичными предметами и небольшим количеством фрагментов керамики. В то же время здесь было найдено крайне незначительное количество керамики середины — второй половины XVI в. — финального периода существования поселения. Объекты этого времени здесь полностью отсутствовали. Небольшие ямы, относящиеся к данному периоду, были прослежены только в северной части исследованного участка (рис. 2). Основная их часть расположена на участке, исследованном в 1994–1998 гг.

Таким образом, проведенные исследования позволяют проследить изменение юго-западной границы поселения на протяжении его существования. В период XIII—XV вв. размеры поселения постепенно увеличивались в юго-западном направлении. Максимального размера селище достигло в первой половине XVI в. После этого поселение начало сокращаться в размерах. В финальный период своего существования, приходящийся на середину — вторую половину XVI в., оно имело значительно меньшие размеры, вероятно, близкие к первоначальным. В этот период происходит засыпка котлованов всех крупных построек XV — первой половины XVI в.

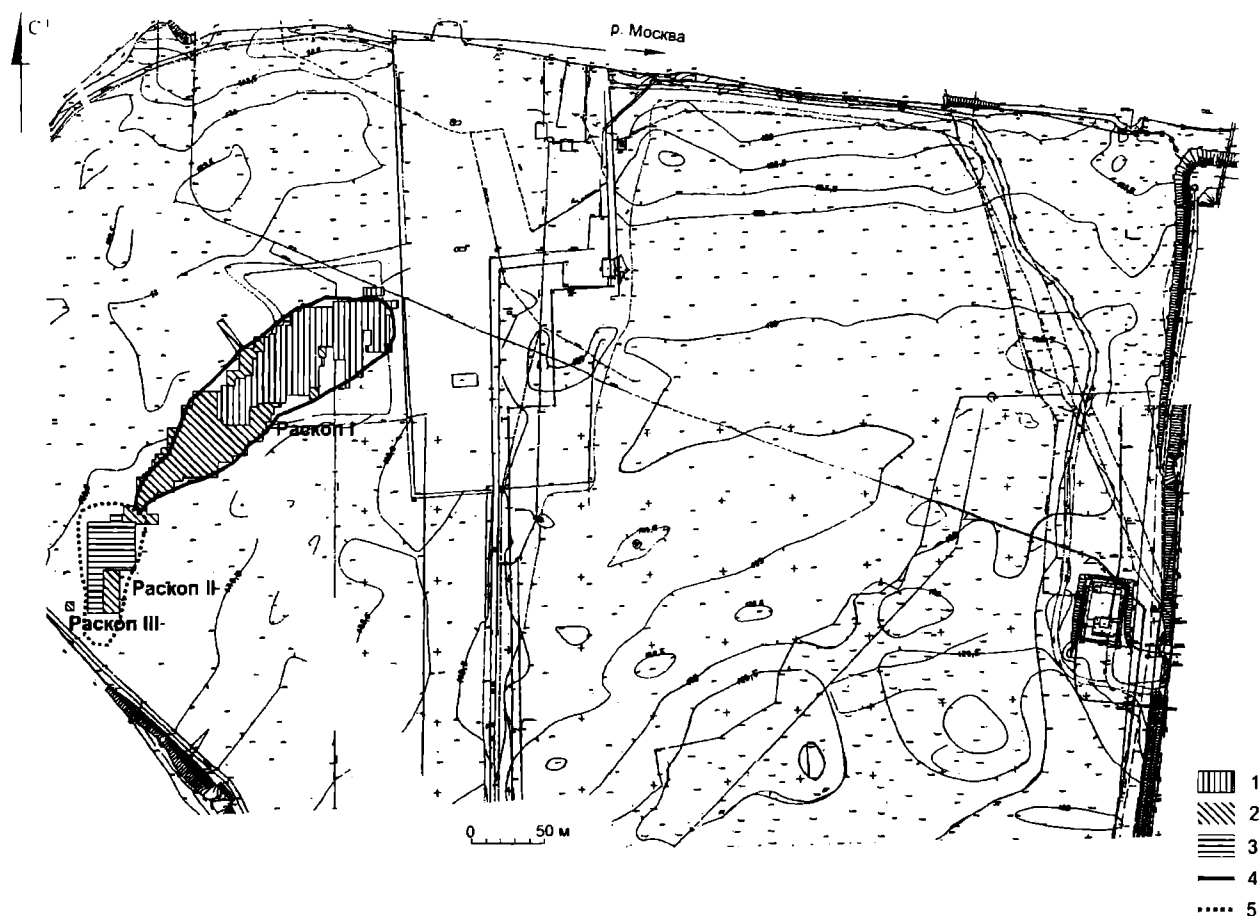

Рис. 1. Селище Мякинино-2. Ситуационный план с обозначением раскопов.

1 — раскопы 1994–1998 гг.; 2 — раскопы 2002, 2004 и 2005 гг.; 3 — зона наблюдений 2005 г.;
4 — общая граница селища; 5 — зона хозяйственного освоения XV–XVI вв.

Вероятно, сокращение зоны застройки было связано с уменьшением численности населения.

В юго-западной части раскопа I какие-либо углубленные в материк объекты полностью отсутствовали (рис. 2). Таким образом, была выявлена граница зоны застройки селища. Однако на территории к югу-юго-западу от этой границы встречались отдельные предметы и фрагменты керамики, найденные в переотложенном пахотном слое. Находки представлены в основном железными предметами, имеющими широкую дату бытования, однако встречались также монеты и ювелирные изделия. Все датированные вещевые находки и фрагменты керамики, найденные здесь, относятся к XV–XVI вв., в том числе к середине — второй половине XVI в. Материал более раннего времени здесь полностью отсутствовал. Область распространения археологического материала была выявлена исследованиями на раскопе II, а также при проведении наблюдений на участке площадью 1160 кв. м между раскопами I и II (рис. 1). На раскопе III, расположенном к западу от раскопа II, археоло-

гический материал отсутствовал (рис. 1). Данный участок занимает территорию между юго-западной границей зоны застройки селища и современным берегом р. Москвы. Какие-либо долговременные строения здесь отсутствовали, но, возможно, существовали легкие временные наземные постройки, о чем могут свидетельствовать 3 небольших столбовых ямки, выявленные на раскопе II. Вероятно, данный участок представляет собой зону хозяйственного освоения XV–XVI вв. (рис. 1). К тому же именно здесь находится наиболее удобный подход к берегу реки. Наличие археологического материала может указывать на располагавшуюся здесь дорогу, которой население пользовалось для прохода к реке.

Таким образом, история существования средневекового поселения в Мякининской пойме представляется в следующем виде. Возникнув на рубеже XII–XIII вв., оно постепенно увеличивается в размерах на протяжении XIII — первой половины XVI в. (рис. 1). На XV — начало XVI в. приходится период расцвета поселения,

когда оно достигло своих максимальных размеров и, вероятно, имело наибольшее количество населения за все время своего существования. К этому периоду относятся все наиболее крупные постройки. Зона хозяйственного освоения на юго-западе от границы застройки селища простиралась в это время до берега р. Москвы. В течение XVI в. поселение постепенно приходит в упадок. Значительно уменьшается его территория, которая в юго-западной части селища приближается к границе поселения XIII в. (рис. 2). Вероятно, сокращается также и количество населения.

На поселении отсутствуют следы большого пожара или военного разгрома. Выявлены лишь отдельные разновременные постройки, погибшие в результате локальных пожаров, которые не были редкостью на средневековых поселениях. Вероятно, прекращение жизни на селище было обусловлено какими-то экономическими причинами либо изменениями природных условий, например, расширением зоны затопления в период весенних паводков. Возможно, запустение поселения связано с общим социально-экономическим положением, сложившимся в русском государстве в 70-х годах XVI в.

Почвенные исследования археологических памятников Мякинино

На территории Мякининского комплекса памятников археологии исследовались культурные слои (КС) разновозрастных поселений, а также погребения и погребенные почвы курганного комплекса (см. рис. 1 к статье А.В. Энговатовой и В.Ю. Коваля в настоящем сборнике). Это очень разноплановые объекты, поэтому описания, результаты и выводы по проведенным исследованиям приведены двумя блоками. Внутри первого блока описание проводится согласно археологической хронологии поселений: от наиболее древних к молодым.

Учитывая охранный характер раскопок, то есть полное уничтожение памятников последующими строительными работами, проводился максимально возможный объем естественнонаучных исследований — был применен многокомпонентный комплексный подход, включающий разноуровневые морфологические исследования, физико-химические и радиоуглеродный анализы, комплекс палеоботанических исследований (микробиоморфный и определение пород древесины и углей). Все виды исследований проводились в Институте географии РАН. Определенный радиоуглеродный возраст калибровался с помощью калибровочных программ для получения календарного возраста. Результаты всех анализов представлены в виде серии таблиц.

Среди большой группы почвенных химических анализов одним из наиболее результативных и информативных в археологии является определение содержания валового фосфора. Валовой фосфор — устойчивый биофильный элемент, накопление которого в грунтах (почвах, культурных слоях и других отложениях) связано с органическим веществом. В почвах распределение валового фосфора по профилю убывает сверху вниз до минеральных горизонтов, не связанных с органическим веществом, где его содержание стабильно низкое. В верхних горизонтах естественно-развитых почв содержание валового фосфора не превышает 0,23 %, а в

нижних — 0,09–0,11 %. Если в почвы вносились фосфорные удобрения, то в границах пахотного горизонта величины валового фосфора могут быть большими, но они резко уменьшаются сразу под пахотой.

Наибольшие величины валового фосфора характерны для животной органики (кости, кожа, шкуры, шерсть), а также семян и зерен. Основная масса органики растительного происхождения и молоко имеют промежуточные значения. Соединения фосфора устойчивы к процессам иллювиирования, минерализации, то есть не разрушаются со временем и не вымываются из горизонта накопления. Это позволяет использовать данные по содержанию и распределению валового фосфора при работе с культурными слоями поселений или отдельными объектами, связанными с деятельностью человека, например разнообразными ямами.

Культурные слои поселений Мякинино-1

*Раскоп IV, квадраты 1, 5, 9
55°49'04,4" с. ш.; 37°22'55,5" в. д.
(западная стенка участка 1)*

Геоморфологическое положение участка — верхняя терраса р. Москва.

Раскоп расположен на краю крутого склона к реке. Почвообразующая порода — песок. Вся исследуемая песчаная толща производит впечатление переотложенного материала. Выше по склону — следы сильной агрогенной эрозии: за счет распахки уничтожена вся верхняя толща до бурого горизонта почвообразующей породы.

Морфологическое описание раскопа

0–0,5 см — рыхлая дернина с обилием тонких корней трав. Переход к следующему горизонту резкий, заметный по плотности и цвету;

0,5–15 см — современный пахотный горизонт светло-серого цвета, уплотнен. Нижняя граница

ровная, заметная по цвету. В горизонте много червоходов, остатков корней;

15–27 см — серо-бурый переходный горизонт АВ. Плотнее предыдущего, наблюдается постепенное нарастание бурой окраски горизонта сверху вниз. Граница перехода к следующему горизонту постепенная, диффузная, выражена по цвету и появлению крупного неокатанного щебня;

27–43 см — иллювиальный горизонт В. Самый плотный в профиле, бурый по окраске. Переход книзу постепенный, заметный по цвету — нарастанию серого. Нижняя граница диффузная, не резкая;

43–59 см — делювий. Переотложенный гумусовый горизонт. Цвет меняется от серовато-бурого до буровато-серого. Нижняя граница постепенная, диффузная, заметная по цвету и появлению углистых включений;

59–76 см — КС? $A_{\text{огор}}^?$ Темно-серый, обилие мелкого угля. Встречены артефакты XII—XIII вв. Верхняя граница диффузная, нижняя — четкая, фиксируется по цвету. Рисунок нижней границы неровный, языковатый. Для горизонта характерно обилие червоходов и кротовин;

76–80 см — погребенный переходный горизонт АВ. Цвет горизонта неоднородный. Преобладает серый, с буроватыми пятнами. Переход постепенный, заметный по цвету. Вниз по профилю наблюдается изменение окраски к бурому;

80–100 см — погребенный горизонт В. Однородный бурый песок.

Выводы на основе морфологического описания

Исходная погребенная почва не имеет признаков периода развития по типу подзолистого почвы, чем выделяется среди других погребенных почв района исследования. Не исключено, что фиксируемое интенсивное антропогенное преобразование верхней толщи исходной почвы — внесение высоких доз органических удобрений — способствовало интенсивной прокраске подзолистого горизонта. Иными словами, подзолистый горизонт визуально не определяется, поскольку он покрашен более темным органическим веществом, привнесенным людьми.

Обилие червоходов и кротовин указывает на характер формирования слоя *in situ* и некоторый период покоя после затухания хозяйственной деятельности человека.

Развитие участка шло при преобладании склоновых делювиальных процессов. Фиксируется постоянный привнос органоминерального материала, то есть можно говорить о длительной агрогенной эрозии. На современном этапе почва распаивалась, сформирован типичный пахотный горизонт.

Таким образом, участок развивался под действием двух различных процессов: стабильного, когда преобладали процессы почвообразования, и динамичного, с развитием интенсивных эрозийных процессов. Наиболее вероятно, что переход от одной стадии развития к другой связан с антропогенной деятельностью — вырубкой лесов и распашкой.

Раскоп III (участок 3)

55°49'01,1" с. ш.; 37°22'48,4" в. д.

Современной растительности нет.

Вверху — современный строительный нанос плотного серого грунта.

Почвообразующая порода — песок.

Морфологическое описание

0–10 см — плотный нанос темно-серого (0–5 см) и светло-желтого (5–10 см) песчаного материала. Нижняя граница ровная, резкая, прямая, заметная по цвету и плотности;

10–36 см — делювиальный песчаный нанос однородного серовато-бурого цвета;

36–38 см — серия тонких горизонтальных прослоев светло-бурого песка и гумуса, которая четко отделяет выше- и нижележащие песчаные толщи;

38–48 см — КС. Темно-серый слой с артефактами домонгольского времени (печина, керамика, мелкие угольки). Нижняя граница языковатая, со множеством червоходов, заметная по цвету;

48–69 см — погребенный переходный к породе горизонт ВС. Бурый охристый песок с редкими темными вертикальными червоходами.

Выводы на основе морфологического описания

Интенсивная проработка человеком данного участка проявилась в полном уничтожении верхних горизонтов исходной почвы. Темно-серый культурный слой залегает непосредственно на горизонте, переходном к породе. Учитывая цвет КС, большое количество червоходов, можно предположить, что участок использовался в качестве огорода, который хорошо удобрялся органическим и минеральным материалом (например, навозом и золой). В дальнейшем начались интенсивные делювиальные процессы, скорее всего, из-за распашки земель, расположенных выше по склону.

Данные радиоуглеродного датирования

В раскопах III и IV для уточнения хронологических параметров было проведено радиоуглеродное датирование почв, культурных слоев и гумусированного делювиального наноса, перекрывшего поселенческий материал. Как видно

из таблицы 5, полученные данные совпали с имеющимися археологическими датировками, независимо подтвердив их. Можно уверенно говорить, что оба участка наиболее интенсивно осваивались в XII—XIII вв. В то же время получены даты, позволяющие считать, что начальные этапы освоения территории (сведение леса, распашка) могли иметь место уже в X в., но их интенсивность была незначительной, поселений, скорее всего, не было. Склоновые делювиальные процессы начались позже, вероятнее всего, в XIV в. Не исключено, что это связано с агрогенным освоением вышележащих земель.

Раскоп VII, квадрат 1, южная стенка

55°49'04,8" с. ш.; 37°22'51,1" в. д.

Морфологическое описание

0–10 см — светло-серый пахотный горизонт A1. Нижняя граница ровная, заметная по цвету, прямая;

10–50 см — светло-бурый иллювиальный горизонт B;

50–61 см — светло-серый делювий;

61–70 см — серый делювиальный горизонт — переотложенный горизонт A1;

71–80 см — погребенный серый гумусовый горизонт, содержащий средневековую керамику;

80–87 см — погребенный переходный горизонт AB;

87–117 см — погребенный бурый иллювиальный горизонт B;

117–123 см — погребенный подзолистый горизонт второй погребенной почвы;

123–140 см — погребенный переходный подзолисто-иллювиальный горизонт A2B второй погребенной почвы;

140–150 см — погребенный иллювиальный горизонт B с мелкими охристыми округлыми железистыми стяжениями.

Выводы на основе морфологического описания

В раскопе выделены современная и две погребенные почвы. Вторая, нижняя, погребенная почва (117–140 см) имеет хорошо выраженный подзолистый горизонт, что позволяет говорить о доминировании хвойных лесов в период функционирования данной почвы.

Первая, верхняя, погребенная почва (71–87 см) выглядит как типичная луговая почва, но наличие в ней керамики позволяет определять ее как КС. Обе почвы разделяются различными по цвету и мощности делювиальными наносами.

Современная почва является пахотой по делювиальному наносу.

Данные химических анализов

Профиль почвы имеет нейтральную — слабнокислую реакцию среды, что отражает длительное по времени антропогенное воздействие на исследуемую территорию. При этом имеется в виду антропогенное воздействие не только на данный участок, но и на окружающие земли, особенно находившиеся выше по рельефу и перемещенные агрогенной эрозией. Вскрытый в нижней части профиля подзолистый горизонт также имеет нейтральную кислотность, что может быть связано как с диагенетическим изменением кислотности после погребения почвы, так и с тем, что на данном месте ранее жили люди, что всегда влияет на кислотность почв, нейтрализуя ее.

Значения величин органического углерода наибольшие сверху, постепенно уменьшаются вниз по профилю, с небольшим пиком в переотложенном гумусовом горизонте. Первая погребенная почва содержит гораздо больше органического углерода по сравнению со второй. Это связано как с разным возрастом почв (поскольку органика разрушается со временем, более древние почвы всегда содержат ее меньше, чем более молодые), так и с различиями в природной обстановке периода формирования почв. Более древняя почва, судя по сохранившемуся подзолистому горизонту, формировалась под пологом таежной растительности, а вышележащая — под пологом луговой, что отражено в профиле этой почвы.

Результаты анализа по определению валового фосфора выявили различия данных по глубинам и горизонтам. В верхних горизонтах (0–10 и 10–50 см) эти параметры (0,21 и 0,20 % соответственно) типичны для природных, в том числе пахотных, почв. Ниже, в переотложенном слое гумусированного делювия (50–61 см), полученные величины (0,28 %) не характерны для почв, это — переотложенный культурный слой поселения, располагавшегося выше по рельефу. Следующий слой гумусированного делювия (61–70 см) по содержанию валового фосфора (0,24 %) характерен для начальных этапов поселенческой деятельности, периферийности поселения. Поскольку именно этот слой перекрыл существовавшую длительное время дерновую почву, можно предположить, что формирование и функционирование поселения выше по рельефу сопровождалось интенсификацией склоновых делювиальных процессов. Таким образом,

различия по содержанию валового фосфора в делювиальных наносах отражают этапы развития поселения, существовавшего выше по склону. Непосредственно первая погребенная почва (71–80 и 80–87 см) содержит валового фосфора немного (0,17 и 0,15 % соответственно), что типично для почв. Наличие в верхнем горизонте средневековой керамики не сопровождается повышенным содержанием валового фосфора. То есть керамика привнесена, переотложена, а поселенческого культурного слоя на данном месте не было. Залегающий ниже, определенный в поле как погребенный бурый иллювиальный горизонт (87–117 см), выделяется высоким содержанием фосфора (0,25 %). Это абсолютно не характерно для минеральных иллювиальных почвенных горизонтов, а также несколько выше типичных органогенных (гумусовых) горизонтов почв. Подобные величины возможны для культурных слоев поселений (периферийная зона). Ниже — в подзолистой почве — значения валового фосфора малы и соответствуют природным значениям.

Выводы по раскопу VII

В данном разрезе выявлены две погребенные почвы — исходная (нижняя) хорошо развитая подзолистая и средневековая дерновая (верхняя). Верхняя почва функционировала длительное время, поскольку ее профиль хорошо выражен — сформировалась серия горизонтов, значительных по мощности. Вероятно, формирование и функционирование поселения выше по склону интенсифицировали склоновые процессы, что привело к погребению этой почвы серией гумусированного делювия — переотложенного культурного слоя поселения.

Нижняя почва — типичная подзолистая, то есть исходно формировалась под пологом таежной растительности. Мощность подзолистого горизонта позволяет предположить, что данная почва, как и вышележащая, функционировала длительное время. Ряд свойств древней почвы, в первую очередь повышенное содержание значений валового фосфора в верхнем слое, а также общая нейтральность почвенных растворов, позволяют предположить, что на заключительных этапах она развивалась под действием не только природных, но и антропогенных факторов. Не исключено, что поблизости было поселение.

Пространственное варьирование величин валового фосфора

Результаты раскопок позволили определить, где находилась центральная часть селища Мяки-

нино 1. При этом культурный слой селища выражен слабо, сильно эродирован за счет возвышенного положения в рельефе. С целью уточнения полученных археологических выводов было проведено определение пространственного варьирования содержания валового фосфора по площади раскопа 10, своего рода «картирование» квадратов раскопа по фосфору. Для этого образцы на анализ отбирались в центре каждого вскрытого квадрата на одной плоскости раскопа. Были исследованы 34 квадрата (рис. 1).

Согласно полученным данным, вся изученная площадь раскопа является культурным слоем, поскольку во всех квадратах выявлены повышенные величины валового фосфора. Различия по количественным значениям — от 0,32 % (кв. 72) до 0,76 % (кв. 101). Безусловно, это связано с различиями в использовании территории, интенсивности антропогенного преобразования участка.

Таким образом, проведенное определение величин и характера пространственного варьирования валового фосфора по площади раскопа на одной глубине независимо подтвердило археологический вывод о том, что на данном месте было селище, показало высокую информационную значимость метода «картирования» по валовому фосфору. Даже слабо выраженные, плохо сохранившиеся КС, сформированные *in situ*, содержат и сохраняют высокие количества фосфора.

Исследование заполнения хозяйственных ям

Кроме культурных слоев и погребенных почв раскопов, исследовалась серия хозяйственных ям, вскрытых при раскопках Мякинино 1, с целью определения типа их заполнения и времени формирования.

Анализ по определению валового фосфора проведен в 12 образцах из заполнения ям (табл. 3). Практически везде содержание элемента превышает параметры, характерные для естественных объектов. Лишь для образцов из ямы 5 раскопа 8 можно говорить о том, что содержание валового фосфора близко к поверхностному природному. Но с учетом глубин взятия проб, эти величины также выше нормы. Возможно, данная яма засыпалась материалом из верхнего гумусированного горизонта почвы.

Данные для образцов из ям 22 (участок 4 раскопа 3) и 23 (участок 5 того же раскопа) позволяют предположить, что в заполнении ям основную массу составляли растительные остатки.

Яма 26 участка 8 раскопа 3 (образец № 5) характеризуется максимальным содержанием валового фосфора. Можно уверенно говорить, что

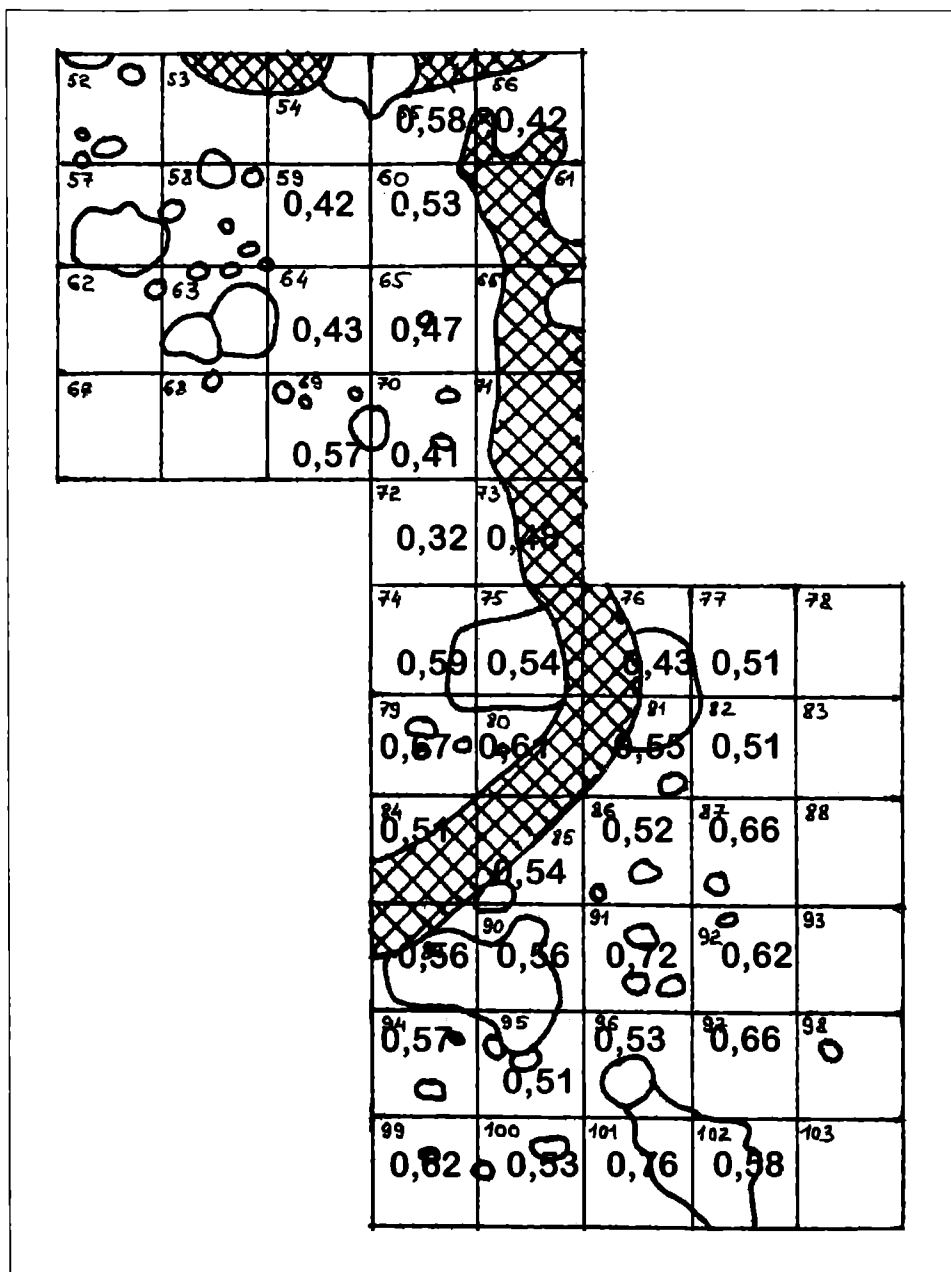

Рис. 1. Распределение валового фосфора по квадратам раскопа Мякинино-1.

слой взятия пробы состоял из органики животного происхождения, не исключается наличие скоплений зерна.

Образец из ямы 29 (участок 8 раскопа 3, образец № 2) показывает высокие значения фосфора, но они существенно ниже зафиксированных для ямы 26. Это указывает на то, что слой, где отбиралась проба, формировался за счет смешанной органики (животной и растительной).

Яма 1 раскопа 8 представлена колонкой образцов. Это позволяет проследить изменения в составе материала заполнения ямы. Следует отметить, что во всех образцах содержание фосфора выше нормы для субстратов естественного

генезиса, следовательно, вся исследуемая толща имеет искусственное происхождение, то есть заполнялась различным по составу органическим материалом. Количество валового фосфора нарастает к образцу 3 (310 см — 1,38 %) и затем постепенно снижается. Очевидно, определена дифференциация заполнения ямы. В нижней части заполнения, возможно, преобладал растительный материал, в средней же части значительно возросла доля животной органики. Не исключено, что это был какой-то разовый сброс материала в яму, поскольку по образцам из верхней части заполнения можно говорить о растительной органике как заполнителе ямы.

Таблица 1. Данные химических анализов Мякинино-2 и Мякинино-5

№	Образец	Глубина (см)	pH водн.	C _{орг.} (%)	P ₂ O ₅ вал (%)	CO ₂ карб.
Мякинино 2, участок 78, квадрат 18–70						
1	A пах.	0–24	7,05	1,32	0,26	0,03
2	BA del	24–41	7,25	0,99	0,14	0,03
3	Del 1 + KC1	41–73	7,30	1,05	0,21	0,03
4	Del 2	73–132	7,40	0,58	0,18	0,03
5	Del 2 + KC2	132–144	6,85	0,71	0,14	0,03
6	[A]	144–151	6,80	0,37	0,07	0,04
7	[BA]	151–162	7,00	0,17	0,04	0,03
8	[BC]	162–192	7,75	–	–	0,03
Мякинино 5, участок 3, квадрат 34						
9	KC	90–100	7,85	0,73	0,10	0,01
10	KC + угли	100–110	7,45	0,88	0,08	0,03
11	KC + угли + [EL]	100–115	7,40	0,41	0,06	0,03
12	[EL]	115–120	7,50	0,24	0,04	0,03
13	[E1]+[ELB]	120–125	7,50	0,13	0,03	
Мякинино 1, раскоп VII, квадрат 1						
14	A пах.	0–10	7,00	2,71	0,21	не опр.
15	BA	10–50	6,10	1,02	0,2	
16	Del 1	50–61	5,95	1,12	0,28	
17	Del 2	61–70	6,20	1,39	0,24	
18	I [A]	71–80	6,10	0,79	0,17	
19	I [AB]	80–87	6,25	0,36	0,15	
20	I [B] + KC	87–117	6,55	0,27	0,25	
21	II [A]	117–123	6,70	0,15	0,11	
22	II [AB]	123–140	6,85	0,13	0,08	
23	II [B]	140–150	6,80	0,12	0,08	

Итак, данные анализа валового фосфора показали, что в большинстве ям заполнение имеет четко выраженный искусственный генезис. Лишь для ямы 5 возможна засыпка гумусированным почвенным материалом. Яма 26 и средняя часть ямы 1 содержат обилие животной органики, в то время как остальные образцы созданы преимущественно за счет привноса растительного материала.

Уголь всех исследованных ям имеет существенно различный возраст. Это указывает на гетерохронность поступления древесного угля в ямы. Можно сделать вывод о различном времени создания и заполнения ям. То есть, вероятно, ямы создавались и заполнялись в разное время без всякой связи друг с другом.

Выводы по объектам Мякинино 1

Исходно на данном месте были хвойные леса с большими полянами, развивались подзолы и дерново-подзолистые почвы.

Приход людей повсеместно сопровождался вырубкой лесов, распашкой почв, формированием КС.

Домонгольский период характеризуется преобладанием стабильных процессов почвообразования и формирования культурных слоев *in situ*. Интенсивные склоновые процессы перемещения мелкозема во всех разрезах характерны для последующего этапа. Это может быть связано с иным, более эрозионно-опасным способом обработки почвы (например, более глубоким рыхлением, созданием паров, что на песчаных почвах способствует интенсификации эрозии). Не исключено также, что на первых этапах развития (домонгольское время) человеком осваивались только низкие участки, и лишь позже началась распашка вышележащего массива.

Мякинино-2

Поселение расположено на месте современной поймы р. Москва.

Исследован квадрат 18–70 участка 78 (северо-западный угол). Географическое положение участка: 55°49'38,6" с. ш. и 37°22'58,4" в. д.

Современная растительность — сорный луг по заброшенной пашне. Современный рельеф —

2. Гранулометрический состав Мякинино-2 и Мякинино-5 (пирофосфатный метод)

№	Горизонт	Гигроскопич. влага	Содержание фракции в % (размер частиц, мм)					
			1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	Менее 0,001
Мякинино II, участок 78, квадрат 18–70								
1	A пах.	1,43	6,62	45,74	26,21	6,09	7,14	8,20
2	BAdel	1,33	3,83	44,52	34,79	4,54	4,06	7,86
3	Dell +KC1	1,27	7,06	39,30	33,87	6,16	6,14	6,97
4	Del 2	1,83	1,32	33,08	37,24	4,81		17,03
5	Del2 + KC2	1,26	24,50	38,27	15,48	3,68	7,21	10,86
6	[A]	0,64	35,54	43,08	11,11	0,93	4,47	4,87
7	[BA]	0,29	42,07	45,29	6,5	1,37	1,8	2,97
8	[BC]	0,16	60,81	35,02	1,09	0,76	0,68	1,64
Мякинино V, участок 3, квадрат 34								
12	KC	0,84	60,33	6,51	15,98	4,07	5,85	7,26
13	KC + угли	0,88	61,65	5,22	15,37	3,60	5,77	8,39
14	KC + угли +[EL]	0,59	71,07	4,51	10,46	2,69	4,01	7,16
15	[EL]	0,26	82,26	5,71	6,13	0,97	1,58	3,25
16	[E1]+[ELB]	0,23	83,16	5,21	5,90	1,40	1,44	2,89

слабоволнистая ровная поверхность, нарушенная предыдущими раскопками, имеющая уклон к реке.

Морфологическое описание раскопа

0–24 см — пашня. Светло-серый, плотный, непрочно-комковатый суглинок. В верхней части — обилие корней трав. Нижняя граница ровная, прямая по цвету и плотности;

24–41 см — BA + KC XV—XVI вв. Буро-сероватый суглинок, бесструктурный, очень плотный, гораздо плотнее предыдущего. Обилие червоходов. Присутствуют артефакты XV—XVI вв. Нижняя граница постепенная, диффузная, выражена по цвету;

41–73 см — KC XII—XV вв. + del. Цвет слоя темно-серый с буроватым оттенком, во влажном состоянии буроватый оттенок исчезает. Рыхлый суглинок с хорошей структурой, много гнезд дождевых червей с копролитами внутри. Слой переотложен, его мощность неоднородна — максимальна в северо-западном углу, постепенно уменьшается на восток и юг, иногда полностью выклинивается. В слое наблюдается неясная стратиграфия по хронологии выявленных артефактов. Вверху — керамика XV—XVI вв., внизу — XII—XIV вв. Это позволяет предположить, что слой формировался не одномоментно, а в течение определенного времени (порядка 100–150 лет). Образец содержит обилие керамики и мелких углистых частиц. Нижняя граница постепенная, диффузная, выражена по цвету;

73–132 см — del. Горизонт суглинистый, плотный, бурый, сухой, неясно комковатый. При высыхании — светло-бурый. Редко встречаются угольки и червоходы из верхнего слоя. Нижняя граница диффузная, постепенная, выражена по цвету;

132–144 см — KC (?) + del. Слой сухой темный, серовато-бурый, суглинистый, мелко-комковатый, плотный. Мелкие комки собраны в крупные призмы. При высыхании края и грани комков светлеют. Много мелких углей. Слой переотложен, его мощность неоднородна — максимальна в северо-западном углу, постепенно уменьшается на восток и юг, где он смыкается с верхним KC. В 8 м на СВ от описываемой стенки раскопа под данным слоем (на контакте с нижележащим горизонтом) обнаружен артефакт — обработанный осколок кремня. Нижняя граница четкая по гранулометрическому составу;

144–151 см — [A]. Песок. Цвет серый, во влажном состоянии — темный, серо-бурый, в сухом — серый без бурого. Слой ровный, однородный по цвету и мощности вдоль всей стенки раскопа. Нижняя граница постепенная по цвету;

151–162 см — [BA]. Серовато-белесоватый с бурым однородный песок, во влажном состоянии — бурый. Нижняя граница постепенная по цвету;

162–192 см — [BC]. Белесый однородный отмытый сухой песок. Встречаются кротовины, заполненные серым песчаным материалом из

Таблица 3. Содержание и распределение валового фосфора из заполнения хозяйственных ям Мякинино 1.

Участок	Яма	Номер образца (глубина, см)	P ₂ O ₅ (%)
<i>Раскоп III</i>			
4	22	—	0,31
5	23	—	0,44
<i>Раскоп V</i>			
8	26	№ 5 (163)	1,61
	29	№ 2 (183)	0,73
<i>Раскоп VIII</i>			
	1	№ 1 (338)	0,3
		№ 2 (318)	0,47
		№ 3 (301)	1,38
		№ 4 (286)	0,63
		№ 5 (245)	0,43
		№ 6 (210)	0,34
	5	№ 1 (233)	0,22
		№ 2 (230)	0,25

погребенного гумусового горизонта. Нижняя граница определена по цвету и влажности;

192–212 см — [С]. Бурый влажный однородный песок. Много темных мелких Fe-Mn стяжений, рыхлых примазок, разводов. Нижняя граница резкая, ровная по гранулометрическому составу, влажности;

212–225 см — D. Сырая бурая супесь (легкий суглинок?) — подстилающая порода.

Выводы на основе морфологического описания

Оба погребенных слоя темного суглинистого материала сходны по морфологии, близки по мощности. Следовательно, оба слоя формировались под действием одних и тех же процессов.

Слои не имеют типичных признаков аллювиального генезиса. Скорее всего, их формирование шло за счет делювиального, склонового переноса материала с более высоких позиций рельефа.

Нижний слой залегает на маломощной песчаной почве. Очевидно, это — исходная почва, существовавшая до начала интенсивных делювиальных процессов.

Данная песчаная почва имеет ровное простираание (одинаковую мощность) по всей стенке раскопа независимо от палеорельефа. Это указывает на стабильное развитие почвообразовательных процессов, отсутствие склоновой эрозии. Подобное ровное простираание горизонтов независимо от мезорельефа обусловлено развитием хорошего растительного покрова на поверхности почвы, который резко ослабляет эрозионный снос.

Учитывая цвет верхнего горизонта исходной песчаной почвы, можно предположить, что почва развивалась под пологом луговой, лугово-лесной, лесной растительности, причем в составе древостоя были только лиственные породы деревьев, хвойных не было.

Характер развития и простираания горизонтов исходной песчаной почвы, наличие кротовин указывают на отсутствие аллювиальных процессов в период формирования и развития данной почвы.

Микробиоморфный анализ

Для погребенного гумусового горизонта (144–151 см) был проведен микробиоморфный анализ (Гольева, 2006. С. 1–48) с целью реконструкции исходной природно-ландшафтной обстановки. Микробиоморфная фракция имеет черный цвет за счет обугленности всех ее компонентов.

Образец содержит небольшое количество древесного (не хвойного) и травянистого детрита и фитолиты. Детрит имеет мелкую размерность, то есть он переотложен, а не сформирован на месте. Все фитолиты, как и детрит, обуглены, то есть отражают растительный состав сгоревшей флоры. Состав фитолитного комплекса — лугово-лесной, с преобладанием луговых форм.

Таким образом, результаты микробиоморфного анализа показали переотложенный генезис исследуемой толщи, ее пирогенный характер. Следовательно, в период функционирования древней почвы в окрестностях был крупный пожар, уничтоживший растительный покров и вызвавший интенсификацию эрозионных склоновых процессов. Исходно, до пожара, здесь были луга, местами росли лиственные деревья. Признаков водного перемещения мелкозема не обнаружено — образец не содержит водную микрофауну, то есть имели место делювиальные (склоновые), а не аллювиальные (водные) процессы.

Мякинино-5

Исследован квадрат 37 участка 3 раскопа (западная стенка).

Уровень погребенной исходной почвы не горизонтальный. Он имеет наклонный характер и выклинивается, выходя на поверхность в 20 м от описываемой стенки раскопа. На участке выклинивания древней почвы мощных культурных слоев нет.

Верхние 30–40 см раскопа отсутствуют — они были сняты в процессе строительных работ. По-

этому нет описания растительного покрова и верхних горизонтов современной почвы.

Морфологическое описание раскопа

30(35)–45 см — КС. Светло-светло-серый, рыхлый. Сухой крупнозернистый песок, нижняя граница ровная, определяется по цвету, сильно проработана червоходами. В слое обнаружена в небольшом количестве керамика XVI в.;

45–65 см — КС. Светло-серо-бурый, во влажном состоянии серый, однородный крупнозернистый песок с большим количеством червоходов из верхнего и нижнего слоев. Это старопашотный горизонт. Содержит керамику XVI в. Нижняя граница ровная, определяется по цвету;

65–100 см — КС. Бурый с сероватым, во влажном состоянии серый, крупнозернистый песок. Содержит небольшое количество керамики XVI в. Нижняя граница ровная, хорошо выражена по цвету и появлению включений;

100–112 см — КС. Слой темно-серый, к черному, песок насыщен мелкими углями, которые и придают слою темную окраску. Нижняя граница ровная, четко выражена по цвету, исчезновению углей;

112–124 см — [E1]. Светлый, белесый, рыхлый крупнозернистый песок без артефактов и углистых частиц — погребенный элювиальный горизонт исходного железистого подзола. Нижняя граница хорошо выражена по цвету и нарастающей плотности горизонта;

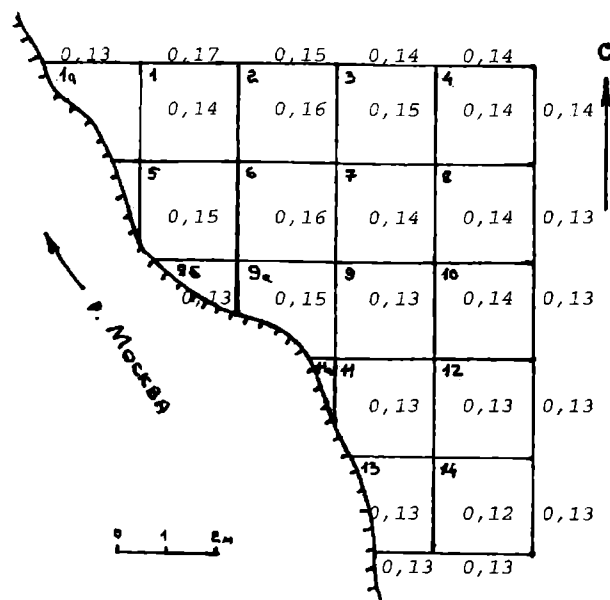

Рис. 2. Распределение валового фосфора по квадратам раскопа на Мякинино-3.

124–130 см — [E1B]. Погребенный элювиально-иллювиальный горизонт. Белесовато-бурый крупнозернистый песок, плотнее предыдущего. Нижняя граница постепенная, выражена по цвету и плотности. Через оба верхних почвенных горизонта проходит вертикальная кротовина, содержащая материал из обогащенного углестым материалом КС;

130–150 см — [Bf]. Погребенный иллювиально-железистый почвенный горизонт. Охристо-

Таблица 4. Валовый фосфор в вертикальной колонке образцов (Мякинино-3).

Квадрат	Валовой фосфор (%)	Описание объекта	Комментарий, предварительные выводы
Почва 1			
1	0,13	Почва	
Колонка образцов, начиная с почвы 2			
10–20	0,17	Верхняя часть почвы 2,	Нормальное для почвы количество и распределение значений – постепенное убывание вниз (верхнего горизонта нет)
20–30	0,15	темно-серого цвета	
30–40	0,13	Бурый нанос	
55–60	0,18	Нижняя часть почвы 2 темно-серого цвета	Величины, характерные для самых верхних почвенных горизонтов. Возможно, шел постоянный нанос гумусированного материала с более высоких позиций рельефа
60–70	0,19		
70–80	0,18		
80–90	0,19		
90–100	0,20		
100–110	0,17	Переходный серовато-бурый горизонт	Типичные значения для переходных горизонтов
110–120	0,16	Нижний почвенный горизонт бурого цвета	Нормальное распределение значений – постепенное убывание вниз
130–140	0,14		
150–160	0,19	Темная серо-бурая погребенная почва 3	Нормальное для верхнего горизонта почвы содержание элемента
160–170	0,18	Бурый слой	Нормальные величины для низа почв
180–190	0,15		

Таблица 5. Радиоуглеродный и калиброванный возраст образцов

Лаб. № ИГАН	Раскоп, образец, глубина, тип датированного материала*	Радиоуглеродный возраст (л. н., BP)	Интервал калиброванного возраста и калиброванный возраст (в скобках), на 1s : Cal BC – л. до н.э., Cal BP – л.н., Cal AD – г. н.э.
2937	Мякинино I, раскоп IV, уч. 1, кв. 5, западная стенка. Делювий над КС, глубина 49–59 см (ГК)	610 ± 110	Cal AD 1288 (1322, 1340, 1393) 1431 Cal BP 662 (628, 610, 557) 519
2935	Почва – КС, глубина 60–70 см (ГК)	850 ± 50	Cal AD 1165 (1218) 1255 Cal BP 785 (732) 695
2934	Почва (КС – огород?), глубина 76–86 см (ГК)	1110 ± 50	Cal AD 888 (967) 998 Cal BP 1062 (983), 952
2933	Мякинино I, раскоп III, уч. 3, почва–КС. Глубина 49–59 см (ГК)	860 ± 50	Cal AD 1162 (1214) 1248 Cal BP 788 (736) 702
3026	Мякинино I, уч. 4, яма 2 (уголь)	880 ± 50	[1048 AD:1086 AD] 0,295248, [1123 AD:1138 AD] 0,103483, [1150 AD:1217 AD] 0,601269 , [733 BP:800 BP] 0,601269, [812 BP:827 BP] 0,103483, [864 BP:902 BP] 0,295248
3027	Мякинино I, раскоп V, яма 1 (уголь)	390 + 124	Образец не калибруется; дата определена по формуле Черкинского, Бровкина (1993)
2626	Мякинино II, погребенный КС, 132–144 см – верх	5240 + 90	Cal BC 4222 (4035, 4020, 4002) 3965 Cal BP 6172 (5984, 5969, 5951) 5915
2625	Погребенный КС, 132–144 см – центр (ГК + угли)	5440 + 100	Cal BC 4358 (4327, 4275, 4267) 4159 Cal BP 6308 (6276, 6224, 6216) 6109
2624	Погребенный КС, 132–144 см – низ (ГК + КС)	4930 + 70	Cal BC 3783 (3702) 3647 Cal BP 5733 (5651) 5597
2623	Глубина 144–151 см (ГК)	5580 + 90	Cal BC 4498 (4451, 4420, 4396, 4373, 4369) 4342 Cal BP 6448 (6400, 6369, 6345, 6322, 6318) 6292
3024	Мякинино II, раскоп I, яма 1220, уч. 85, СЗ сектор (уголь)	590 ± 30	[1313 AD:1357 AD] 0,752656 , [1388 AD:1403 AD] 0,247344, [547 BP:562 BP] 0,247344, [593 BP:637 BP] 0,752656
2627	Мякинино V, Погребенная почва + КС (ГК + угли)	1492 + 60	Cal AD 541 (600) 641 Cal BP 1409 (1350) 1309
3119	Мякинино III, образец 1, почва 2 часть 1, верхние 0–5 см гумусового слоя	1600 ± 140	[1350 BP:1623 BP] 0,951269 , [1671 BP:1688 BP] 0,048731, [262 AD:279 AD] 0,048731, [327 AD:600 AD] 0,951269
3120	Мякинино III, образец 2, почва 2 часть 1, нижние 5 см гумусового слоя	1770 ± 100	[1569 BP:1584 BP] 0,052822, [1596 BP:1816 BP] 0,947178 , [134 AD:354 AD] 0,947178, [366 AD:381 AD] 0,052822
3121	Мякинино III, образец 3, почва 2 часть 2, верхние 0–5 см гумусового слоя	1880 ± 120	[1632 BP:1651 BP] 0,046547, [1693 BP:1950 BP] 0,936841 , [1961 BP:1969 BP] 0,016612, [20 BC:12 BC] 0,016612, [1 BC:257 AD] 0,936841, [299 AD:318 AD] 0,046547
3122	Мякинино III, образец 4, почва 2 часть 2, нижние 5 см гумусового слоя	2480 ± 90	[2378 BP:2382 BP] 0,010197, [2460 BP:2716 BP] 0,989803 , [767 BC:511 BC] 0,989803, [433 BC:429 BC] 0,010197
3131	Мякинино III, образец 5, почва 3 верхние 0–5 см гумусового слоя	3130 ± 130	[3161 BP:3481 BP] 0,980802 , [3540 BP:3551 BP] 0,019198, [1602 BC:1591 BC] 0,019198, [1532 BC:1212 BC] 0,980802

*Примечания: в скобках указан датированный материал — ГК (гуминовые кислоты почв); КС (культурный слой).

бурый плотный песок. Нижняя граница постепенная, диффузная, выражена по цвету;

150–174 см — [B]. Иллювиальный горизонт погребенного железистого подзола. Бурый песок, менее плотный, чем предыдущий слой.

Выводы на основе морфологического описания

Исходной породой являются крупнозернистые пески аллювиального генезиса. То есть на данном месте до начала развития процессов почвообразования было речное русло.

После выхода территории из режима поймы начались процессы почвообразования, сформировался железистый подзол — типичная почва на песчаных породах под пологом хвойных лесов. Следовательно, на данном участке росли хвойные деревья, например сосна или ель.

Обилие углистых частиц на поверхности подзолистого горизонта почвы связано с крупными пожарами, а также может отражать этап освоения территории человеком. Наличие кротовин, идущих из этого слоя, свидетельствует о том, что слой был поверхностным, целинным.

Верхняя пачка разнообразных КС является пахотными или огородными горизонтами. Учитывая то, что вся толща содержит керамику одного времени — XVI в. — можно сделать вывод, что верхние 100 см профиля сформировались в течение короткого времени в процессе сельскохозяйственного использования земли.

Данные почвенной кислотности ($pH_{\text{водн.}}$) показали, что оба профиля (Мякинино 2 и Мякинино 5) имеют нейтральную кислотность. Слабокислая (менее 7) реакция среды выявлена лишь в верхнем горизонте погребенной почвы Мякинино II. Подобная нейтральная среда нетипична для почв нашей природной зоны, особенно для элювиальных (подзолистых) горизонтов, описанных в Мякинино 5. Известно, что одним из следствий антропогенной деятельности является подщелачивание почвенной толщи на значительную глубину. Очевидно, нейтральная кислотность отражает антропогенный, а не природный фактор преобразования ландшафта.

По содержанию и распределению органического углерода, четко фиксируется его повышенное количество в темноокрашенных переотложенных культурных слоях и существенно меньшее — в погребенных почвах, даже в гумусовых горизонтах. Подобное различие типично для почв и органических наносов, культурных слоев, кроме того, почвенные горизонты более легкого гранулометрического состава всегда содержат меньше органического углерода, чем суглинистые. В данном случае погребенные почвы —

пески, а над ними — супеси и суглинки. Это, очевидно, объясняет различия по содержанию органического углерода.

В обоих профилях количество валового фосфора соответствует фоновым нормам. Несколько повышенное содержание элемента выявлено лишь в верхнем пахотном горизонте Мякинино 2. Возможно, в почву вносили фосфорсодержащие удобрения. Количество фосфора в слое 41–73 см (Мякинино II) соответствует нормам для верхних горизонтов почв. Вероятно, данный слой был поверхностным почвенным горизонтом и росшая на поверхности почвы растительность за счет ежегодного опада обогащала почву фосфором.

Оба разреза практически не содержат карбонатов (значения — в пределах ошибки метода), что типично для почв данной природной зоны. В культурных слоях поселений, как правило, содержание карбонатов повышено. Выявленное незначительное количество карбонатов можно рассматривать как дополнительный, косвенный, показатель отсутствия в обоих исследованных местах стационарных поселений.

Участок Мякинино 2 по гранулометрическому анализу хорошо разделяется на две части: нижнюю — погребенную почву и верхнюю — серию наносов. Исходная почва была песчаной, причем содержание фракции крупного и среднего песка (размер фракции 1–0,25 мм) возрастает с глубиной. Это характерно для почв — развитых на аллювии. Верхний горизонт почвы — мелкопесчаная супесь; ее перекрывает легкосуглинистый нанос (суммарное количество фракции менее 0,01 мм — более 20 %). Плотность наноса нарастает вверх по профилю. Слой 73–132 см — это крупнопылеватый средний суглинок. Выше вновь грунт становится песчаным, абсолютно доминирует мелкопесчаная фракция (размер 0,25–0,05 мм), что отличает нанос от исходной почвы. Верхний горизонт почвы — опесчаненный легкий суглинок.

Участок Мякинино 5 содержит совсем иной состав гранулометрических фракций. Нижние горизонты — исходная почва — крупнозернистый рыхлый песок, перекрывающие их культурные слои — крупнопесчаная супесь. Во всех образцах абсолютно доминирует фракция крупного и среднего песка. Содержание фракции мелкого песка очень мало. Очевидно, исследуемые участки формировались за счет привноса различного материала. Мякинино 5 создано наносами, где преобладал крупный песок. Это типично для речных отложений. Мякинино 2 перекрыто наносами, где преобладали мелкий пе-

сок и крупная пыль (размер фракции 0,05—0,01 мм). Данный гранулометрический состав характерен не столько для аллювиальных, сколько для делювиально-пролювиальных отложений. Вероятно, на месте Мякинино 5 долгое время было русло реки, в то время как участок Мякинино 2 был более сухим, например, высокой поймой. Возможно, он перекрывался не столько аллювиальными, сколько эрозионно-склоновыми процессами.

Результаты радиоуглеродного датирования участков Мякинино 2 и Мякинино 5

Радиоуглеродное датирование гуминовых кислот из погребенной почвы Мякинино 2 и культурных слоев из обоих раскопов позволило получить серию временных параметров (табл. 5). Возраст КС Мякинино 5 оказался 1490 ± 60 л., что древнее археологического возраста поселения. Поскольку при радиоуглеродном датировании мы определяем возраст датируемого материала, то, скорее всего, люди использовали в качестве удобрения более древний органический субстрат, например сапрпель или торф, который имел самостоятельный возраст. Это и вызвало удревнение полученной даты.

В Мякинино II были отобраны колонкой образцы из верхнего горизонта погребенной песчаной почвы и прилегающего к ней гумусированного суглинистого наноса. Возраст исходной погребенной почвы оказался равен 5580 ± 90 л. Это не время погребения почвы, а время ее функционирования. То есть в это время данная почва уже существовала и развивалась в экспонированном режиме. Время погребения почвы наиболее точно отражает следующая дата — 4930 ± 70 л. н. Это возраст самой нижней части наноса, прилегающей к верху почвы. Таким образом, обе даты позволяют говорить о том, что исходная почва развивалась в экспонированном режиме не менее 600 лет. Дата из средней части наноса составляет 5440 ± 100 л. Она древнее нижележащей (явление инверсии дат). Подобное явление характерно для наносов, когда вначале перемещается верхний, более молодой материал, а по мере развития эрозии перемещается и осаждается материал, который залегал ниже, то есть был древнее. Выявленная инверсия дат является доказательством того, что в данном случае мы имеем дело с переотложенным материалом. Самая верхняя дата — 5240 ± 90 л. — получена для верхней части этого наноса. Дата моложе предыдущей. Это указывает на то, что верхняя часть наноса некоторое время функционировала в экспонированном режиме, не была

сразу же перекрыта новым материалом. На поверхности начались процессы почвообразования, поселилась растительность, и в процессе разложения опада стал формироваться новый гумусовый горизонт. То есть в верхний горизонт стало поступать новое, более молодое органическое вещество, которое и вызвало омоложение гумуса слоя. Но стабильный этап был кратковременный, поскольку разница в возрастах образцов из верхней и средней частей культурного слоя невелика.

Таким образом, проведенное радиоуглеродное датирование органического вещества из погребенной почвы и культурных слоев позволило определить временные рамки функционирования исходной почвы, время ее погребения. Скорее всего, перекрывший исходную почву суглинистый нанос некоторое время функционировал в качестве почвообразующей породы, но этот период был непродолжительным.

Выводы по Мякинино-2 и Мякинино-5

Несмотря на близкое расположение двух исследованных памятников, они формировались в различных условиях: автоморфных — Мякинино 2 — и гидроморфных — Мякинино 5. Это проявляется в различиях по гранулометрическому составу, общих свойств объектов, их морфологического облика и возраста. Участок Мякинино 2 существенно древнее, чем Мякинино 5. На основании данных по содержанию и распределению валового фосфора на обоих участках (Мякинино 2 и Мякинино 5) можно уверенно сделать вывод, что на них никаких стационарных поселений (построек) не было. Скорее всего, здесь были кратковременные стоянки, или это — периферия поселения.

Вся вскрытая в раскопе Мякинино 2 толща — исходная песчаная почва и два темных суглинистых делювиальных наноса — не развивалась в пойменном режиме и не заливалась водами при разливе реки. Это позволяет считать, что исследуемый участок не является (и не являлся) пойменным. Скорее всего, это нижняя терраса, притеррасный склон. Согласно данным радиоуглеродного датирования, участок развивался в экспонированном автономном режиме с середины голоцена. Этапы стабильности и почвообразования сменялись динамичными этапами с преобладанием склоновых делювиальных процессов и формированием толщи наносов. Вероятнее всего, верхняя пачка наносов имеет антропогенное происхождение и связана с агрогенной эрозией.

На месте участка Мякинино 5 исходно располагалось речное русло, о чем свидетельствует

состав гранулометрической фракции нижней части раскопа. Изменение состава преобладающей фракции с крупного песка на опесчаненную супесь свидетельствует, что формирование мощного КС происходило не только за счет привнесения извне органического материала в качестве удобрения, но и за счет бокового сноса супесчаных пахотных (огородных) слоев — боковой агрогенной эрозии. В результате произошла нивелировка (выравнивание) современной поверхности — мезозападина оказалась полностью засыпанной органогенным КС, в то время как на возвышенном участке КС слоя практически нет.

Мякинино-3

Участок исследования расположен на обрывистом берегу высокой поймы. Современная растительность — сорный луг.

Морфологическое описание стенки раскопа

На глубине 40 см от современной маломощной старопашотной дерновой почвы выделяется диффузный темно-серый, на границах серый, прослой. В толще прослоя встречена керамика XVI в., что может указывать на время его формирования. Этот прослой практически по всему простиранию по стенкам раскопа четко подразделяется на две части, между которыми нахо-

дится светло-бурый слой. Границы всех прослоев постепенные, диффузные, что свидетельствует о переотложенном генезисе всех слоев за счет эрозионных процессов. Наблюдаемые в верхней части темного прослоя более тонкие светлые и темные слои могут иметь аллювиальный генезис, то есть отражать периоды высокого стояния паводковых вод в современное время.

Наиболее интересными для исследования являлись нижние погребенные почвы, поскольку их морфологический облик позволял считать, что, кроме аллювиально-делювиальных процессов, были и почвенные. То есть были стабильные периоды развития ландшафта, когда шли процессы почвообразования и могли жить люди.

Нижележащая толща имеет более интенсивную темную окраску и большую мощность. В вертикальной стенке раскопа эта толща разделяется на два темных прослоя, но по мере ее простирания вглубь слои смыкаются, что позволяет говорить об этих двух слоях как об исходно одной почве, названной «почва 2». Точкой отсчета для описания горизонтов и отбора образцов явилась верхняя часть почвы 2.

0–31 см — верхняя часть почвы 2, темно-серого цвета, однородный гумусированный песок, с обилием червоходов во всей темной толще. В нижней части наблюдается очень постепенное уменьшение серого и усиление бурого цветов;

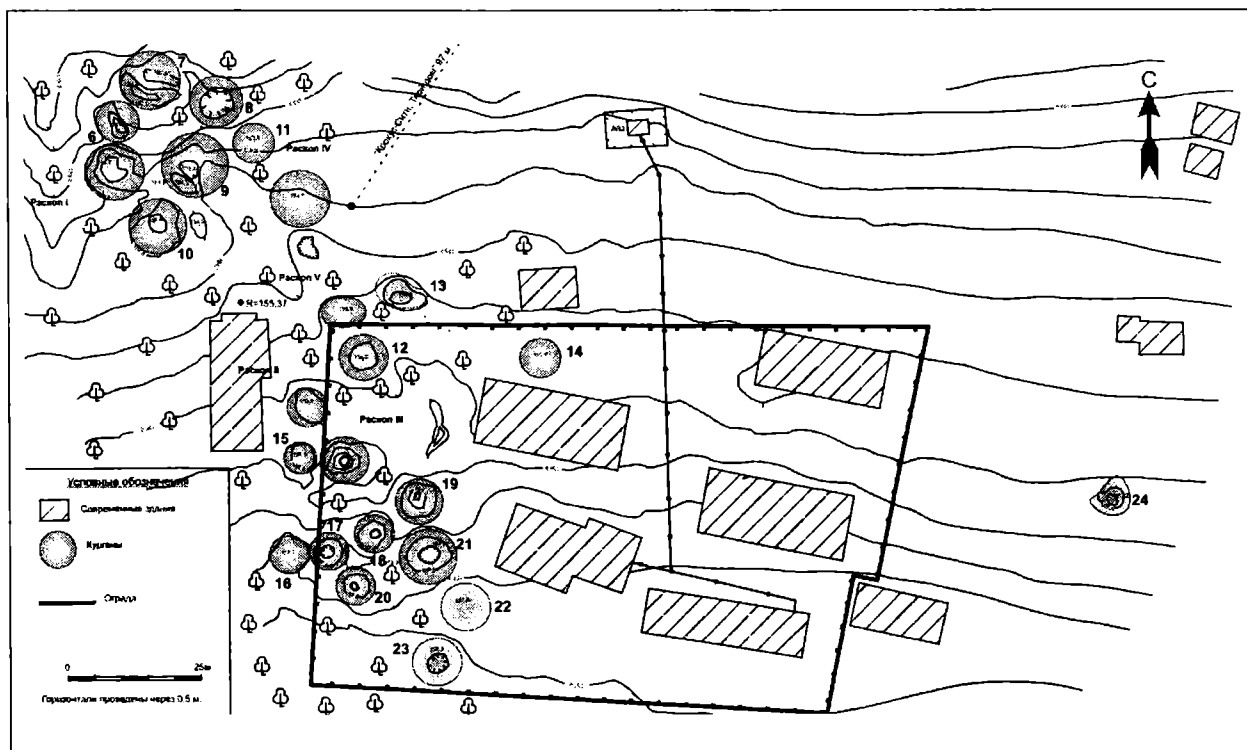

Рис. 3. Расположение курганов Мякинино

Таблица 6. Данные химических анализов курганов Мякинино

Глубина (см)	Горизонт, слой	pH _{водн.}	C _{орг.} (%)
<i>Курган 1</i>			
0–3	Современный дерновый горизонт	4,75	2,22
3–40	Бурая плотная насыпь с щебнем	4,35	0,92
40–67	Белесая насыпь	5,2	0,23
67–128	Серая насыпь	4,8	0,26
128–134	Бурий нанос	5	0,23
134–136	Погребенный дерновый горизонт	5,1	0,18
136–140	Погребенный подзолистый горизонт	5,2	0,15
140–150	Погребенный переходный горизонт	5,4	0,12
150–180	Почвообразующая порода	5,75	0,08
<i>Курган 2</i>			
0–4	Современный дерновый горизонт	6,5	2,99
4–14	Современный переходный горизонт в насыпи	6,7	2,26
14–74	Современный переходный горизонт в насыпи	5	0,3
74–75	Бурий железистый прослой	4,6	0,28
75–82	Погребенный гумусово-подзолистый горизонт	4,75	0,43
82–87	Погребенный переходный горизонт	4,25	0,32
87–110	Иллювиальный горизонт	4,2	0,33
<i>Курган 6</i>			
0–10	Совр. гумусовый горизонт с перех. в бурую насыпь	5,2	0,83
40–45	Бурая толща основной насыпи	5	0,21
90–95	Пятнистая толща насыпи	4,75	0,25
97–100	Погребенный органоминеральный горизонт	4,8	0,26
104–109	Погребенный органоминеральный горизонт	4,9	0,26
<i>Курган 9</i>			
30–35	Бурая с сероватым насыпь	5,1	0,29
58–62	Бурая с серым насыпь	4,85	0,34
66–70	Светло-серый погребенный органоминеральный	4,8	0,33
72–75	Погребенный переходный горизонт	4,8	0,32
80–85	Иллювиальный горизонт	4,75	0,22
<i>Курган 10</i>			
100–105	Серовато-бурая насыпь	4,6	0,45
110–115	Предполагаемая погребенная поверхность	4,55	0,37
120–125	Иллювиальный горизонт	4,7	0,29
130–135	Бурий однородный песок	4,85	0,21
<i>Курган 15</i>			
0–18	Современный гумусовый горизонт	не опр.	2,33
18–25	Современный переходный горизонт		0,59
25–48	Основная толща насыпи		0,27
48–53	Погребенный гумусовый горизонт		0,28
55–65	Погребенный иллювиальный горизонт		0,27
65–79	Погребенный иллювиальный горизонт		0,19
79–99	Погребенный иллювиально-железистый горизонт		0,08
<i>Курган 16</i>			
0–15	Современный гумусовый горизонт	не опр.	1,04
16–20	Светло-бурая насыпь		0,72
20–31	Погребенный гумусовый горизонт первоначальной		0,71
31–71	Насыпь кургана		0,33
72–75	Погребенный гумусовый горизонт исходной почвы		0,34
75–78	Погребенный гумусовый горизонт исходной почвы		0,32
78–82 (85)	Погребенный гумусовый горизонт исходной почвы		0,27
85–95	Погребенный переходный горизонт		0,27
95–105	Погребенный переходный горизонт		0,18
105–115	Иллювиальный горизонт		0,13
115–125	Почвообразующая порода		0,09

Таблица 7. Гранулометрический состав насыпей и почв курганов Мякинино

Глубина (см)	Содержание фракций в % (размер частиц в мм)					
	1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001
	песок		пыль			ил
Курган 1						
0–3	42,57	20,43	22,99	3,08	5,20	5,73
3–40	41,57	23,00	22,13	3,71	4,56	5,03
40–67	51,13	24,97	12,55	3,04	2,37	5,94
67–128	37,10	17,8	30,07	6,11	4,84	4,06
128–134	27,49	14,59	40,30	5,59	7,65	4,38
134–136	30,38	13,81	38,69	7,27	5,20	4,65
136–140	37,97	7,69	32,21	4,53	4,67	4,25
140–150	57,82	15,96	16,93	0,76	3,17	5,36
150–180	45,41	38,29	7,28	0,89	2,21	5,92
Курган 2						
0–4	43,39	20,92	23,52	2,4	5,15	4,62
14–74	43,11	16,79	25,11	4,11	5,44	5,44
74–75	34,50	20,23	27,92	5,08	4,61	7,66
75–82	34,50	19,97	30,72	4,32	6,60	3,89
82–87	29,76	18,89	33,98	6,21	5,72	5,44
87–110	22,51	13,74	43,08	6,80	7,43	6,44

31–54 см — бурый песчаный прослой, постепенно внизу переходящий в темно-серый;

54–100 см — буровато-темно-серая толща, нижняя часть почвы 2. Цвет в основном темный, в нижней части интенсивность темно-серых тонов несколько возрастает. Вся толща представляет собой уплотненный песок; червоходов нет. Нижняя граница ровная, фиксируется по усилению бурого цвета;

100–110 см — переходный серовато-бурый песчаный горизонт, вниз постепенно уменьшается доля серого и возрастает доля бурого тона в окраске горизонта;

110–141 см — нижний почвенный горизонт однородного бурого цвета; плотный песок. Нижняя граница ровная, резкая, хорошо заметная по цвету;

141–175 см — темно-серый с бурым песок, являющийся верхним горизонтом погребенной почвы 3. Вся толща содержит вкрапления мелких черных древесных углей. Нижняя граница постепенная, заметная по усилению бурого цвета;

175–200 см — бурый плотный однородный песок с редкими темными вкраплениями железисто-марганцовистых точечных стяжений. Их генезис связан с переувлажнением слоя за счет вод капиллярной каймы.

Выводы на основе морфологического описания

В стенке раскопа хорошо выделяются не менее трех погребенных почв. Погребенные почвы имеют различные мощность и степень выра-

женности. Самой маломощной является первая (верхняя) погребенная почва. Она имеет наименее интенсивную окраску и диффузные, постепенные верхнюю и нижнюю границы. То есть верхняя почва формировалась на делювиальном наносе непродолжительное время и была погребена очередным органоминеральным делювиальным наносом, скорее всего агрогенного происхождения.

Вторая погребенная почва более мощная, хорошо выражена по цвету. Выявленная морфологическая особенность второй погребенной почвы свидетельствует о чередовании в тот временной период процессов различной направленности — почвообразования (стабильности) и осадконакопления (динамичности) ландшафтов. Во время стабильного периода шло формирование почв, при динамичном — их погребение, переотложение, формирование толщи наносов. Раздвоение верхнего горизонта погребенной почвы, ее развитие в теле более раннего наноса и последующее погребение указывают на периодичность, своего рода ритмичность, этих процессов. В динамичный период формируется исходный нанос, на последующем, стабильном, этапе идет формирование почвы (нижней ее части). Стабильный период сменяется динамичным, и происходит погребение этой почвы. Во время наступившего далее стабильного этапа вновь идет формирование гумусового горизонта почвы. Заключительной стадией развития данной почвы можно считать новый

этап динамичного периода, когда произошло ее полное и глубокое погребение.

Более ранняя, третья, погребенная почва имеет мощный, хорошо выраженный гумусовый и переходный горизонты, что указывает на длительный этап ее функционирования.

У всех погребенных почв фиксируются гумусовые горизонты, в то время как подзолистый горизонт не выявлен ни в одной из них. Это позволяет предположить отсутствие хвойных деревьев на данном участке на протяжении всего периода формирования и функционирования почв. Скорее всего, они формировались под луговой растительностью, не исключается наличие лиственных деревьев.

Данные по содержанию и распределению валового фосфора

На поверхности второй погребенной почвы во время раскопок были обнаружены фрагменты керамики дьяковской культуры (РЖВ). Невыразительность найденного материала, небольшая размерность фрагментов вызвали сомнение в

том, что на данном месте было какое-либо поселение. Высказывалось предположение о перемещенном, переотложенном характере найденного материала. Для решения этого вопроса было проведено определение содержания валового фосфора. Образцы на анализ отбирались таким образом, чтобы максимально охарактеризовать пространственную и временную динамику изучаемого раскопа. Для определения пространственной динамики образцы отбирались с одной поверхности раскопа по периметру и в центре квадратов, то есть проводилось «картирование» по фосфору, как и для раскопа Мякинино I. Всего было исследовано 26 образцов (рис. 2).

Временную динамику, позволяющую определить возможные периоды усиления или затухания антропогенной активности, можно определить с помощью анализа изменений содержания элемента в вертикальной колонке образцов, равномерно отобранных через всю толщу раскопа. Было изучено 15 образцов.

Результаты горизонтального (пространственного) анализа не выявили повышенных значе-

Таблица 8. Содержание валового фосфора в образцах из курганов и основные выводы

Образец	Валовой фосфор (%)	Комментарий, выводы на основе данных анализа
<i>Курган 1, погребение 1</i>		
Тлен между черепом и кольцами	0,66	Было что-то из животной органики (шерсть, кожа), объемы небольшие
Гумусированный песок восточной части. Пятно под костяком и вещами на дне	0,07	Минеральный горизонт
Грунт из подсыпки на дне могильной ямы под костяком, глубина 250 см	0,06	Минеральный горизонт
<i>Курган 2, погребение 1</i>		
Проба дна	0,06	Минеральный горизонт
Тлен серого цвета со дна ямы	0,71	Возможно, что-то из шерсти или кожи. Объемы небольшие
Тлен серый (Г)	3,75	Разложившаяся кожа в больших объемах
Изделие из кожи (?) (Б)	4,33	Разложившаяся кожа в больших объемах
Гумусированный слой (тлен) в центре гробовища	0,1	Почва, нижняя часть
Грунт из гробовища № 2	0,03	Минеральный горизонт
Грунт из белой полосы в гробовище № 1	0,06	Минеральный горизонт
Грунт из гробовища № 3	0,04	Минеральный горизонт
<i>Курган 3, погребение 1</i>		
Тлен (подстилка) со дна могилы	0,31	Подстилка, скорее всего из растительного сырья или смеси животного и растительного
<i>Курган 4, погребение 1</i>		
Зеленоватый тлен у черепа	0,55	Что-то из шерсти или кожи (головной убор?)
Тлен на месте черепа	0,26	Если погребение женское – это разложившиеся волосы, если мужское – что-то из шерсти
Тлен по дну могилы (подстилка?)	0,18	Скорее всего, подстилка из растительного сырья

ний валового фосфора ни в одном из образцов. Все полученные величины соответствуют природным значениям. Более того, они характерны даже не для поверхностных, а для подповерхностных глубин, например 5–15 см ниже поверхности. Подобные величины типичны и для переотложенных гумусовых горизонтов.

Данные вертикального (хронологического) исследования также не показали наличия КС на каком-либо временном этапе формирования погребенных почв. Более того, низкие величины валового фосфора (0,13 %) в первой погребенной почве позволяют предположить, что это не почва, а перемещенный гумусированный материал. В верхней части второй погребенной почвы наблюдается постепенное уменьшение количества валового фосфора с глубиной, что типично для почв и свидетельствует о протекании процессов почвообразования в толще этой части почвы. Но сами величины небольшие, они более соответствуют данным для перемещенного материала. Очевидно, процессы почвообразования были непродолжительными и формирование почвы шло в толще перемещенного материала. Распределение валового фосфора в нижней части второй погребенной почвы ровное во всей темно-серой гумусированной толще, даже с незначительным увеличением в самой нижней части. Это не типично для почв и свидетельствует о постоянном привносе, переотложении поверхностного гумусированного материала. Таким образом, обе темноцветные части второй погребенной почвы — это, в первую очередь, перемещенный органический материал. Непосредственно почвообразование *in situ* выявлено лишь для верхней толщи почвы 2.

Нижняя — третья — погребенная почва показывает нормальные величины валового фосфора, типичен и тренд его распределения.

В целом, проведенное многоплановое исследование содержания и распределения валового фосфора на участке Мякинино III не выявило признаков проживания людей на данном участке в РЖВ, что независимо подтвердило предположение о перемещенном генезисе встреченных артефактов.

Результаты радиоуглеродного датирования

Отбор проб проводился в защищенном естественном обнажении берега на краю раскопа Мякинино 3. При морфологическом исследовании была выявлена серия погребенных почв, причем вторая из них (если считать от современной поверхности) отчетливо разделялась на два мощных гумусированных прослоя, разде-

ленных бурым минеральным материалом. На датирование были отобраны образцы из нижней и верхней границ гумусовых горизонтов обоих слоев почвы 2 и верхняя часть гумусового горизонта нижележащей погребенной почвы 3. Из погребенной почвы 1 материал на радиоуглеродное датирование не отбирался, поскольку слабая прокраска гумусового горизонта указывала на незначительное количество органического углерода. Это уменьшает точность определяемого возраста за счет очень широкого доверительного интервала.

Следует особо подчеркнуть, что на радиоуглеродное датирование образец брался не из средней части горизонта, как это было принято ранее, а строго из верхней и нижней частей, общей мощностью не более 5 см для каждой. Такая детализация метода отбора проб позволяет определять время начала перемещения гумусированной массы и время ее погребения минеральным наносом. То есть становится возможным выявлять блоки относительно стабильных и резких, динамичных процессов. В первом случае перемещался лишь верхний гумусированный материал, а нижние минеральные горизонты не затрагивались. Во втором — процессы осадконакопления были мощными, резкими, поскольку перемещался не только верхний гумусированный, но и нижний минеральный слой.

Результаты датирования ясно показали, что эрозионные процессы были не постоянны, они сменялись различными по длительности процессами, когда почвообразование преобладало над осадконакоплением.

Можно уверенно считать, что очередной относительно стабильный этап закончился порядка 3160–3480 л. н. Не исключено, что интенсивные склоновые процессы не только привнесли мелкозем, но и уничтожили часть исходного материала. То есть полученная дата может быть удревнена. Но в любом случае, вновь процессы относительной стабильности и формирования темноокрашенных гумусовых горизонтов начались спустя несколько сотен лет — около 2460–2720 л. н. Этот этап был довольно продолжительным — вплоть до 1350–1623 л. н. Он прерывался кратковременными динамичными периодами в интервале 1596–1950 л. н. Затем вновь наступает этап преобладания динамичных процессов перемещения и переотложения значительных объемов мелкозема, когда затрагиваются не только верхние, но и нижние почвенные горизонты вплоть до подстилающей породы. Не исключено, что менялся и водный

Таблица 9. Микробиоморфный анализ материала из курганов Мякинино*

Образец	Детрит	Аморфная органика	Фитолиты	Другие микробио-морфы
<i>Курган 1, погребение 1</i>				
Тлен между черепом и кольцами	—	+++	—	Грибные гифы, корни трав
Гумусированный песок восточной части. Пятно под костяком и вещами на дне	+++ трав.	++	—	Грибные гифы
Грунт из подсыпки на дне могильной ямы под костяком, глубина 250 см	—	—	—	—
<i>Курган 2, погребение 1</i>				
Проба дна	—	+	—	—
Тлен серого цвета со дна ямы	+++ трав.	+	—	Гифы грибов
Тлен серый (Г)	—	+++	—	Корни, гифы
Изделие из кожи (?) (Б)	—	+++	—	Корни, гифы
Гумусированный слой (тлен) в центре гробовища	+++ трав.	—	+ травы	Грибные гифы
Грунт из гробовища (№ 2)	+ трав.	—	—	Грибные гифы
Грунт из белой полосы в гробовище (№ 1)	+ трав.	—	—	Грибные гифы
Грунт из гробовища (№ 3)	+ трав.	—	—	Грибные гифы
<i>Курган 3, погребение 1</i>				
Тлен (подстилка) со дна могилы	+++ трав.	—	—	Грибные гифы
<i>Курган 4, погребение 1</i>				
Зеленоватый тлен у черепа	—	+++	—	—
Тлен на месте черепа	ед. трав.	+++	—	Корни, гифы
Тлен по дну могилы (подстилка?)	—	+++	—	Грибные гифы

*Примечание. Крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф: +++ — много; ++ — среднее; + — мало; ед. — единично; — отсутствуют.

режим — вслед за относительной стабильностью наступил этап высокого стояния вод, и пойма стала регулярно заливаться паводковыми водами.

Выводы по участку Мякинино 3

Если полученные временные параметры рассматривать с позиций археологии — определения хронологических периодов возможного обживания данной территории, то явно выделяются два этапа, когда участок был относительно стабильным. Первый этап — эпоха бронзы, второй — ранний железный век. В промежутке между этими этапами происходила динамичная перестройка ландшафта, поэтому каких-либо поселений быть не могло.

Период относительной стабильности в конце РЖВ сменился интенсивным осадконакоплением. Не исключено, что часть артефактов (кость, керамика и пр.), выявленных на границе верхней части второй погребенной почвы и мине-

рального наноса, не *in situ*, а переотложена, перенесена склоновыми или водными потоками из других мест, на что указывает низкое содержание валового фосфора. Таким образом, скорее всего, на данном месте поселения не было.

Общие выводы по исследованным поселениям

Проведенные исследования культурных слоев поселений выявили значительные различия в истории их формирования и функционирования. Самым крупным по площади и, в соответствии с этим, по масштабам преобразования исходного ландшафта в средневековье было поселение Мякинино 1. Остальные имели подчиненное положение, были развиты существенно слабее. На участках Мякинино 3 и Мякинино 5, скорее всего, поселений не было. Исследования выявили причину, по которой на месте Мякинино 5 не могло быть жилья. Этот участок был руслом реки или прирусловой отмелью.

Участок Мякинино 2 располагался на сухом месте, признаков регулярных и значительных аллювиальных отложений не имеет. Исследованная территория была периферией поселения или же само поселение было незначимым.

Курганный комплекс

Почвенные исследования

При работе на раскопках в окрестностях д. Мякинино были исследованы почвы под курганами (рис. 3). Помимо морфологического описания, в поле отбирались образцы для серии анализов с целью получения более детальной характеристики объектов исследования.

Курган 1

Южная половина бровки Север — Юг
(западная стенка).

55°48'59,3" с. ш.; 37°23'02,5" в. д.

Современная растительность — широколиственный лес с сорной луговой растительностью в нижнем ярусе. Современная почва на поверхности кургана — дерновая без признаков подзолообразования.

Насыпь кургана состоит из нескольких слоев, различающихся по цвету, плотности, наличию включений:

0–3 см — современная дернина. Рыхлый темно-серый горизонт с обилием корней. Переход резкий по цвету, плотности, исчезновению основной массы корней;

3–40 см — бурая плотная насыпь кургана, созданная из моренного песка с включениями щебня. Встречаются только магистральные корни. Нижняя граница ровная, резкая, заметная по цвету и плотности;

40–67 см — белесый рыхлый прослой, созданный из подзолистого горизонта исходной почвы. Переход ясный, ровный, выражен по цвету;

67–128 см — серый прослой курганный насыпи (дернина с окрестных мест?);

128–134 см — буроватый прослой (нанос на исходную почву?);

134–136 см — светло-серый горизонт — исходный дерновый горизонт погребенной почвы. Рыхлый, однородный, без включений. Граница постепенная, диффузная;

136–140 (142) см — белесый горизонт (подзол?). Горизонт маломощный, на другой стороне бровки выражен фрагментарно;

140 (142) — 150 см — переходный горизонт, состоящий из белесых и бурых пятен. Переход

резкий, ясный, выражен по цвету, плотности, наличию включений щебня;

150–180 см — ярко-бурая плотная морена с щебнем.

Почва кислая по всему профилю, что типично для почв данной природной зоны, при этом наиболее низкие значения pH выявлены в дерновых горизонтах и моренном щебнистом материале. Очевидно, подвижные органические компоненты, формирующиеся в процессе разложения опада, мигрируя вниз по профилю, вызывают сильное подкисление нижележащего слоя. Для данного профиля несколько странной является относительно слабая кислотность в погребенном подзолистом горизонте. Обычно данный горизонт содержит наименьшие значения pH. Выявленное несоответствие может быть связано с особенностью строения кургана — использованием плотного моренного оглиненного песка с щебнем в качестве верхней части насыпи. Этот прослой стал своеобразным панцирем, который не пропускал почвенные растворы вниз по профилю, при этом миграции боковых и вертикальных потоков почвенных и грунтовых вод происходили в полном объеме. В результате произошли диагенетические (после погребения почвы) изменения ряда химических характеристик погребенной почвы, включая и уменьшение кислотности.

По содержанию органического углерода наблюдается постепенное уменьшение значений вниз по профилю. Фиксируется лишь незначительное увеличение данных в переотложенном дерновом слое в нижней части насыпи, что естественно для дерновых горизонтов. С течением времени содержание органического углерода в погребенных почвах уменьшается, происходит минерализация органических соединений, и погребенные почвы всегда содержат лишь некоторую часть от исходного количества. Поэтому в погребенных гумусовых горизонтах величины органического углерода небольшие. В то же время следует отметить, что в данной погребенной почве эти значения слишком малы, что трудно объяснить исключительно диагенезом за время погребения. Вероятнее всего, большое значение имело наличие «панциря» из моренного материала над почвой.

Исходная почва — маломощный подзол, сформированный на моренном песке. Насыпь кургана создана из генетически различных горизонтов исходной почвы: на поверхность почвы был насыпан слой дернины, затем материал подзолистого горизонта, и самый верхний слой сформирован из моренного материала — насыпь имеет

облик перевернутого профиля исходной почвы. Современная почва формировалась на моренном песке.

Использование плотного моренного материала для создания насыпи сформировало своеобразный барьер для нисходящих органоминеральных почвенных растворов, что привело к диагенетическим изменениям отдельных химических свойств погребенной почвы — уменьшению кислотности и значительной минерализации органических соединений.

Наличие светло-серого гумусированного дернового горизонта у погребенной почвы позволяет предположить, что незадолго до создания кургана лес был сведен, поверхность заросла лугом. Основным процессом почвообразования стал дерновый.

Курган 2

55°48'50,0" с. ш.; 37°23'04,1" в. д.

Западный фас бровки север — юг

Современная растительность — та же, что и для кургана 1: широколиственный лес с сорной травянистой растительностью в нижнем ярусе. Современная почва — дерновая.

Строение насыпи отличается от строения насыпи кургана 1. В насыпи исследуемого кургана нет бурого плотного прослоя из моренного материала.

0–4 см — современная дернина. Рыхлый темно-серый горизонт с обилием корней. Переход постепенный, диффузный, заметный по уменьшению серой окраски и количества корней;

4–14 см — АВ. Переходный органоминеральный горизонт светло-серого цвета. Переход постепенный, расплывчатый;

14–74 см — насыпь кургана из серовато-белесоватого рыхлого материала без включений щебня. Обилие корней;

58–70 см — в толще насыпи в одном из бортов бровки встречаются пятнистые линзы выкида из могильной ямы;

74–75 см — ровная тонкая рыхлая бурая ожелезненная прослойка;

75–82 см — погребенный рыхлый серовато-белесый слабо гумусированный подзолистый горизонт исходной почвы. Нижняя граница постепенная, заметная по цвету и плотности;

82–87 см — А2В. Погребенный переходный элювиально-иллювиальный горизонт. Плотнее предыдущего. В горизонте наблюдается постепенный диффузный переход окраски от белесого к светло-бурому;

87–110 см — погребенный иллювиальный светло-бурый горизонт В исходной почвы. Нижняя

граница ровная, заметная по цвету и появлению включений щебня;

110–180 см — ярко-бурая плотная песчаная морена с большим количеством щебня.

По химическим свойствам почва отличается от описанной для кургана 1. Вся толща хорошо подразделяется на два блока — современную почву на насыпи кургана и погребенную под насыпью. Тонкий железистый прослой в нижней части насыпи является своеобразной границей между обеими почвами. Данный прослой имеет диагенетическое происхождение — он сформировался после создания кургана за счет оседания железистых растворов из насыпи на границе контакта между насыпью и погребенной почвой, то есть исходно его не было. Малая мощность прослоя (1 см) не является значимым препятствием для нисходящих почвенных растворов, поэтому рассматривать этот прослой в качестве какого-либо панциря (преграды) нельзя.

Современная дерновая почва имеет нейтральную — слабокислую реакцию среды, высокое содержание органического углерода. Погребенная почва — кислая по всему профилю, сильнокислая начиная с переходного горизонта (82–87 см). Такая сильная кислотность часто встречается в песчаных подзолах таежной зоны, поэтому данные значения в погребенной почве нормальные и указывают на то, что исходно почва формировалась под пологом хвойного леса. Содержание органического углерода максимально в верхнем погребенном горизонте и постепенно убывает вниз по профилю. Количественные различия между двумя нижними горизонтами незначительны, в пределах ошибки метода, поэтому ими можно пренебречь. Учитывая диагенетическое разрушение органики с течением времени в погребенной почве, очевидно, что исходно почва содержала органического углерода больше, чем определено сейчас. Более высокие значения элемента характерны не столько для подзолов (почв под хвойными лесами), сколько для дерновых почв (почв под луговыми сообществами).

Данные гранулометрического анализа подтверждают результаты исследования морфологического облика почвы — материал из нижнего уплотненного моренного горизонта не использовался при создании насыпи кургана. Вся верхняя толща, включая железистую прослойку, содержит песчаной фракции больше 50 %, в то время как в нижнем уплотненном горизонте абсолютно преобладает пылеватая фракция. Распределение илистой фракции в верхней толще (до погребенной поверхности) и в погребенной

почве сходно — наблюдается увеличение содержания ила вниз по профилю. Это типично для почв промывного водного режима. Обогащение железистой прослойки пылевато-илистым материалом за счет вымывания частиц сверху формирует уплотненный облик слоя. Таким образом, курган 2 был насыпан на исходный песчаный подзол, сформированный на моренном песке, первично под пологом хвойного леса. Скорее всего, непосредственно перед созданием кургана почва развивалась не под таежной, а под луговой растительностью, что обусловило сероватую прокраску подзолистого горизонта, обогащение органическим углеродом. Возможно, безлесная стадия развития почвы имеет не природную, а антропогенную основу, то есть леса были сведены людьми для хозяйственных нужд.

Насыпь кургана создавалась из верхних горизонтов исходной почвы — гумусированного и подзолистого. Моренный материал не использовался. С течением времени за счет миграции из насыпи кургана на границе насыпи и погребенной почвы сформировался маломощный железистый прослой, который не являлся препятствием для нисходящих почвенных растворов.

Курган 5 Бровка Восток — Запад

Курган 5, так же как и курганы 1 и 2, насыпан на маломощном подзоле. Некоторым отличием является то, что подзолистый горизонт местами нарушен и фрагментарен, имеет серовато-белесый цвет. Скорее всего, это связано с большой нарушенностью окружающего пространства в период строительства курганов и постоянным скальпированием верхних горизонтов почвы для создания насыпей. Следовательно, курган 5 по времени создания не является одним из первых. Он был создан, когда поблизости уже были другие курганы, для создания насыпей которых использовался почвенный материал. Почвообразующая порода та же — плотный щебнистый моренный оглиненный песок.

Насыпь кургана 5 аналогична насыпи кургана 2, то есть она также создана из подзолистого горизонта. Морена для создания насыпи не использовалась. Образцы на химические анализы не отбирались.

Курган 6

Описан восточный профиль бровки север — юг, к северу от погребальной ямы. В этой части профиля выявлен темноцветный гумусовый горизонт погребенной почвы.

0–6 см — современный гумусовый горизонт темно-серого цвета, рыхлый, содержит обилие крупных древесных и тонких травянистых корней, копролитов почвенной мезофауны. Нижняя граница ровная, постепенная, заметная по цвету, плотности, сокращению количества корней;

6–10 см — бурый уплотненный ожеженный горизонт курганной насыпи. Нижняя граница ровная, постепенная, хорошо фиксируемая по цвету и плотности;

10–28 см — серый рыхлый гумусированный горизонт. Возможно, ранее курган был ниже современного уровня и фиксируемый гумусовый прослой является отражением исходной древней поверхности кургана. Нижняя граница ровная, постепенная, заметная по цвету и плотности;

28–77 см — бурая плотная толща основной насыпи. Содержит большое количество включений щебнистого материала разной степени окатанности. Нижняя граница ровная, заметная по цвету и плотности;

77–97 см — цвет слоя неоднородный: наблюдается чередование сероватых и бурых пятен с железистыми и белесыми прослоями между ними. Слой отражает современный процесс перераспределения железистых частиц и формирование ожеженных прослоев за счет контрастных окислительно-восстановительных процессов в песчаной толще. Эти явления типичны для песчаных почв таежной природной зоны. Нижняя граница резкая, ровная, хорошо фиксируемая по цвету, появлению углистых включений и исчезновению железистых прослоев;

97–109 см — погребенный органоминеральный горизонт. Погребенная почва имеет темно-серую окраску, с большим количеством включений мелких древесных угольков в своей толще. Простирается горизонт составляет порядка 70 см в обе стороны от могильной ямы. Подзолистый горизонт под гумусированной толщей не выявлен. Можно отметить неясное осветление в нижней части гумусового горизонта, но маломощное и диффузное. Нижняя граница волнистая, заметная по цвету.

Согласно данным химических анализов, вся толща имеет кислую, в нижней части сильно-кислую, реакцию водных растворов. Наименее кислая верхняя часть — современная почва и насыпь под ней, что типично для лиственных лесных насаждений с богатым разнотравно-злаковым травянистым покровом под ними. Содержание органического углерода невелико. Это типично для песчаных почв. Максимальное ко-

личество органического углерода отмечено в современном гумусовом горизонте, далее оно резко падает. Погребенный гумусовый горизонт не выделяется по содержанию органического углерода. Это может быть связано как с исходно малыми запасами органики в данном горизонте, так и с диагенетическим уменьшением (минерализацией) углерода со временем при погребении. Очевидно, в данном случае имели место оба фактора. Некоторое возрастание количества углерода в нижнем из исследованных горизонтов отражает потечный характер органических соединений, что типично для фульватного гумуса кислых песчаных почв.

Курган 9

Исследован восточный профиль бровки север — юг, к югу от могильной ямы. Погребенная почва выявлена условно по бурому горизонтальному прослою, залегающему на сероватом слабогумусированном горизонте. Общее простираие выявленной погребенной почвы составляет порядка 50 см вдоль одной части бровки.

0–10 см — современный рыхлый светло-серый гумусовый горизонт с обилием крупных древесных корней. Нижняя граница постепенная, ровная, заметная по цвету и увеличению плотности;

10–64 см — бурый с сероватым однородный песок, несколько плотнее предыдущего. Единично встречаются окатанные камни и тонкие корни деревьев. Нижняя граница ровная, резкая, хорошо заметная по цвету;

64–66 см — бурый плотный прослой с единичными включениями окатанной гальки. Нижняя граница ровная, несколько диффузная, заметная по цвету;

66–72 см — маломощный светло-серый слабовыраженный гумусово-минеральный горизонт погребенной почвы. Фиксируется фрагментарно. В толще горизонта наблюдаются включения в виде мелких рыхлых черных углистых частиц. Нижняя граница языковатая, постепенная, заметная по цвету;

72–75 см — переходный светло-серовато-буроватый горизонт, рыхлый. Цвет неоднородный — наблюдается чередование сероватых языковатых потеков на общем буроватом фоне. Нижняя граница постепенная, диффузная, заметная по уменьшению серого цвета;

75–87 см — однородный, несколько уплотненный, бурый песчаный горизонт с резким переходом к плотному ярко-бурому моренному массиву с обилием камней различной степени окатанности.

Согласно данным химических анализов, исследованная толща кислая по всему профилю. Содержание органического углерода мало, причем погребенный гумусовый горизонт более высоким количеством органического материала не выделяется. Это может быть связано с исходной нарушенностью почвы на момент создания кургана, обедненностью ее гумусом, совместно с интенсивной минерализацией органической массы гумусового горизонта после погребения.

Курган 10

Исследован восточный фас бровки север — юг, к югу от могильной ямы.

0–64 см — современный строительный и бытовой мусор в песчаной толще;

64–110 см — насыпь кургана серовато-бурого цвета, с обилием древесных корней, на нижней границе — единичная окатанная галька;

110–115 см — предполагаемая поверхность погребенной почвы, то есть поверхность, на которую был насыпан курган. Окраска бурая со слабым сероватым оттенком. Гумусированность не выявлена. К низу постепенно нарастает интенсивность бурой окраски, что позволяет выделить следующий горизонт;

115–135 см — бурый уплотненный однородный песок со значительным количеством включений в виде камней различной степени окатанности.

Результаты химических анализов подтвердили сделанный в полевых условиях вывод об отсутствии органического гумусированного горизонта под курганной насыпью. Вся толща имеет кислую и сильноокислую реакцию среды и очень низкое содержание органического углерода. Наибольшие количества органического материала отмечаются в насыпи кургана, что подтверждает вывод об использовании органических гумусированных горизонтов окрестных мест для возведения насыпи кургана.

Курган 15

Исследован западный профиль бровки север — юг. Проведено описание стенки бровки, отобраны образцы и сделаны химические анализы — определено содержание органического углерода.

0–18 см — современный песчаный гумусовый горизонт темно-серого цвета с обилием древесных корней и копролитов почвенной фауны. Переход вниз постепенный, хорошо фиксируемый по цвету и исчезновению основной массы корней;

18–25 см — переходный органоминеральный горизонт. Смесь темно-серого и темно-бурого песков. Нижняя граница ровная, хорошо заметная по исчезновению серой окраски;

25–48 (50) см — основная насыпь кургана. Бурый однородный песок. Нижняя граница выражена слабо, диффузная, заметная по появлению светло-серой окраски;

48 (50)–53 (55) см — погребенный гумусовый горизонт. Маломощный светло-серый песок с диффузной языковатой нижней границей;

55–79 см — иллювиальный минеральный горизонт однородного светло-бурого цвета, слегка уплотнен. Нижняя граница ровная, заметная по цвету;

79–99 см — иллювиально-железистый горизонт. Неоднородный по цвету и плотности — наблюдается чередование белесых рыхлых пятен и уплотненных темно-охристых железистых ортзандовых стяжений под ними. Нижняя граница ровная, резкая, заметная по цвету и плотности;

99–108 см — однородный плотный ярко-охристый ожелезненный горизонт с большим количеством включений камня разной степени окатанности и размерности.

Содержание органического углерода в погребенном гумусовом горизонте очень невелико и не превышает значений, полученных для ниже лежащего органоминерального горизонта.

Слабая выраженность, маломощность гумусового горизонта, а также незначительное содержание органического углерода в нем, позволяют сделать вывод о нарушении ландшафта в период возведения кургана.

Курган 16

Исследован разрез южной полы курганной насыпи (в южном борту раскопа VI). Проведено описание стенки бровки, отобраны образцы и сделаны химические анализы — определено содержание органического углерода.

0–15 см — современный гумусовый горизонт. Темно-серый, влажный, рыхлый песок с обилием древесных и травянистых корней и червоходов. Нижняя граница ровная, заметная по цвету;

16–20 см — светло-бурый прослой с хорошо заметной нижней границей;

20–31 см — серый гумусовый горизонт — поверхность погребенной почвы, возможно исходной поверхности кургана. Выделяется обилием корней, червоходов. Нижняя граница постепенная, ровная, хорошо заметная по цвету;

31–71 см — основная масса насыпи кургана. Светло-желтый уплотненный песок без круп-

ных корней. Много червоходов. Нижняя граница ровная, диффузная, заметная по цвету;

71–82 (85) см — погребенный гумусовый горизонт исходной почвы. Светло-серый песок с большим количеством червоходов. Нижняя граница диффузная, языковатая, заметная по цвету;

82 (85)–101 см — переходный органоминеральный горизонт. Преобладает желтовато-буроватая окраска песчаных зерен. Нижняя граница постепенная, ровная;

101–116 см — минеральный иллювиальный горизонт — светло-бурый песок с редкими железистыми прослоями и белесыми пятнами над ними. Нижняя граница ровная, резкая, хорошо заметная по цвету, плотности, появлению включений;

116–124 см — ярко-бурый переходный к породе горизонт. Плотный песок с большим количеством включений в виде камней различной степени окатанности и размерности.

Содержание органического углерода в погребенном гумусовом горизонте невелико, но выше, чем в кургане 15. Наблюдается постепенное уменьшение содержания углерода вниз по профилю и в самой толще гумусового горизонта, что типично для нормально развитых почв.

Скорее всего, фиксируемая современная поверхность кургана не являлась исходной. Ранее курган был несколько ниже, поскольку в насыпи выделяется еще одна погребенная поверхность сразу под современной, что подтверждается и достаточно высоким содержанием органического углерода в этом горизонте.

Данные химических анализов и морфологические особенности насыпи кургана показывают, что насыпь создавалась только из верхней (гумусированной) части почвенных горизонтов, нижний ожелезненный материал не использовался.

Общие выводы по погребенным почвам курганов Мякинино

Насыпи курганов 1 и 2 создавались по-разному. Если при формировании кургана 1 использовались как почвенные (более рыхлые) горизонты, так и плотный грунт с щебнем, то курган 2 насыпался только из почвенных горизонтов без использования моренного материала.

Возможно, именно использование плотного материала способствовало лучшей сохранности кургана 1 — он не расползся с течением времени, как курган 2. Также наличие плотного прослоя над погребенной почвой изолировало ее от нисходящих почвенных растворов, при сохранении восходящих и боковых. Это привело к из-

менению отдельных химических свойств погребенной почвы при неизменном морфологическом облике. Почва стала менее кислой, подзолистый горизонт по значениям pH не выделяется, значительно сократилось содержание органического углерода (даже учитывая диагенетическую минерализацию гумуса с течением времени).

Однотипность тенденций распределения гранулометрических фракций в исходно однородной курганной насыпи и погребенной почве свидетельствует о перестройке курганной толщи. Это указывает на высокие скорости формирования песчаных почв — за 700–800 лет сформировался новый гранулометрический профиль в толще курганной насыпи.

Курган 6 сооружался на маломощной слабогумусированной почве. Основу насыпи составил ожелезненный песок с большим количеством щебня, взятый из нижних почвенных горизонтов и почвообразующей породы. Возможно, ранее курган был несколько ниже.

Курган 9 возведен на нарушенной почве, верхний гумусовый горизонт которой был частично скальпирован или вытоптан. Насыпь кургана создавалась за счет перемешивания всех почвенных горизонтов, а также подстилающей почвообразующей породы.

Курган 10 насыпался на сильно нарушенную почву, у которой не было верхней части профиля. Очевидно, незадолго поблизости был создан еще один курган, для насыпи которого была скальпирована значительная площадь. Время между созданием обоих курганов было небольшим, поскольку почвенный покров не успел восстановиться. Насыпь кургана создавалась из смеси органоминеральных горизонтов, что обусловило неоднородность ее окраски и наличие включений.

На момент создания кургана 15 почвенный покров был нарушен, эродирован, верхнего гумусового горизонта практически не было. Насыпь кургана создавалась за счет сгребания с последующим перемешиванием почвенного материала из окрестных мест. Повышенное по сравнению с породным содержание органического углерода в толще насыпи убедительно показывает, что сгребалась и перемещалась только верхняя (гумусированная) часть почвенного профиля.

В кургане 16 погребенная почва хорошо выражена, имеет значительные мощность и протяженность, что позволяет сделать вывод о ненарушенности почвенного покрова участка на момент создания кургана. Верхняя часть погребен-

ной почвы содержит повышенное количество органического углерода по сравнению с остальными горизонтами почвы, что характерно для полноразвитых (не эродированных) луговых почв. Данный курган возводился или на периферии остальной курганной группы, или же одним из первых в своей группе. Только в этих случаях возможна выявленная сохранность исходной почвы. Насыпь кургана создавалась из почвенных, преимущественно верхних, горизонтов. Плотная ожелезненная почвообразующая порода не использовалась.

Обобщение полученного материала показывает, что под курганами 1, 2, 5 целиком или фрагментарно фиксируется подзолистый горизонт под луговой дерниной различной степени выраженности. Остальные курганы (исключая 10 и 15, у которых нет верхних горизонтов) возводились на луговой почве. Выявленная изменчивость позволяет предположить, что те почвы, в которых еще сохранился белесоватый цвет подзола, были погребены раньше по сравнению с остальными, в которых белесый горизонт полностью покрашен темным органическим веществом лугового почвообразования. Другими словами, курганы 1, 2, 5 созданы раньше курганов 6, 9, 16.

Благодаря выявленной динамике почвенного облика становится возможным реконструировать природную среду следующим образом: исходно на данном месте был хвойный лес с песчаными подзолами под ним. Впоследствии лес был сведен (не исключено, что вырублен человеком), земли заросли травами, под которыми начали формироваться гумусированные луговые почвы.

Степень сохранности почв под курганами делает возможным определять последовательность создания курганов. Если для создания насыпи сгребался верхний почвенный слой, то наименее нарушенными должны быть наиболее ранние курганы или же отстоящие от основной группы на значительное расстояние. В рассмотренной группе из 8 курганов наименее нарушены почвы курганов 1 и 16, наиболее — курганов 10 и 15; верхний горизонт фиксируется фрагментарно под курганами 5 и 9. Поскольку раскопана лишь часть курганов могильника, то делать вывод о том, какой курган был самым ранним в могильнике, нельзя, но утверждать, что курганы 5, 9, 10, 15 — не самые первые, можно.

Изучение состава курганных насыпей не выявило какого-либо единообразия в технике возведения курганов. Так, при создании курганов 1, 6 и 9 использовалась плотная ожелезненная по-

рода, содержащая большое количество гальки, остальные насыпи создавались только из почвенных горизонтов. При этом если насыпь кургана 1 представляла собой практически перевернутый почвенный профиль — настолько аккуратно и последовательно были уложены почвенные горизонты и порода сверху, то насыпи курганов 6 и 9 были просто перемесом всех горизонтов и породы.

Таким образом, изучение погребенных почв средневекового курганного могильника Мякинино позволяет реконструировать этапы возведения курганов, специфику создания насыпей и изменения природной среды в процессе преобразования территории.

Химический и микробиоморфный анализы тленов из погребений курганов Мякинино

С целью определения генезиса органических тленов, обнаруженных в процессе раскопок, были проведены химический (определение содержания валового фосфора) и микробиоморфный анализы 15 образцов из различных погребений (табл. 8 и 9). Методика проведения микробиоморфного исследования и его информационные возможности при работе с курганными могильниками подробно описаны (Гольева, 2001. С. 66–70; Гольева, 2005. С. 70–86) и в данной работе не приводятся.

Курган 1, погребение 1

Тлен между черепом и кольцами. Образец содержит большое количество крупных фрагментов аморфной органической массы, корни трав и деревьев, грибные гифы. Содержание валового фосфора значительно выше нормы и характерно для животной органики.

Вывод: на данном месте находилось что-то, сделанное из животного сырья (шерсти, кожи).

Гумусированный песок в восточной части. Пятно под костяком и вещами на дне. Образец содержит крупный травянистый детрит, аморфную органическую массу, грибные гифы. Валового фосфора очень мало — 0,07%. Эти величины более характерны для минеральных, чем для органических горизонтов.

Вывод: под костяком и вещами было что-то из трав. В составе трав не было злаков (например, тростника), осок (например, камыша). Скорее всего, использовались стебли двудольных трав, поскольку основная масса этих трав не формирует фитолиты, а стебли накапливают фосфор в меньшей мере. Отсутствие пыльцевых зерен, а особенно их скоплений, свидетельствует, что

цветущие растения не использовались, то есть пятно под костяком не являлось букетом.

Грунт из подсыпки на дне могильной ямы под костяком, глубина 250 см. Образец не содержит микробиоморф, количество валового фосфора очень мало и типично для минеральных горизонтов.

Вывод: на данном месте органического материала не было.

Курган 2, погребение 1

Проба грунта со дна. Образец практически не содержит микробиоморф, количество валового фосфора очень мало, что характерно для минеральных горизонтов без органики.

Вывод: на данном месте органического материала не было.

Тлен серого цвета со дна ямы. Образец содержит большое количество крупных частиц травянистого детрита, грибные гифы. В небольшом количестве присутствует аморфная органическая масса. В то же время количество валового фосфора велико и более соответствует остаткам животной, чем растительной органики.

Вывод: на данном месте находились двудольные травы в большом количестве. Учитывая высокие величины валового фосфора, помимо трав, на дне ямы было и что-то из животной органики.

Тлен серый (Г). Образец содержит большое количество крупных фрагментов аморфной органической массы, грибные гифы, обрывки корней. Содержание валового фосфора одно из максимальных среди всех рассмотренных образцов (3,75 %). Это однозначно связано с органикой животного происхождения.

Вывод: на данном месте разлагалась органика животного происхождения (кожа, шерсть и т. п.).

Изделие из кожи (?) (Б). Образец содержит больше количество крупных фрагментов аморфной органической массы, грибные гифы, обрывки корней. Содержание валового фосфора максимально среди всех рассмотренных образцов (4,33 %). Такие высокие величины типичны для кожи.

Вывод: на данном месте было изделие из кожи.

Гумусированный слой (тлен) в центре гробовища. Образец характеризуется обилием грибных гифов, крупных частиц травянистого детрита, есть фитолиты. Все фитолиты характеризуют двудольные травы. Содержание валового фосфора невелико, типично для стеблей трав.

Вывод: на данном месте была мощная подстилка из двудольных трав.

Грунт из гробовища (№ 2). Образец содержит небольшое количество травянистого детрита и грибные гифы. Валового фосфора в образце практически нет (0,03 %).

Вывод: скорее всего, на данном месте не было органического материала.

Грунт из белой полосы в гробовище (№ 1). Образец содержит небольшое количество травянистого детрита и грибные гифы. Валового фосфора немного, но все же в два раза больше, чем в предыдущем образце — 0,06 %.

Вывод: скорее всего, на данном месте не было органического (травянистого) материала, или его мощность была очень невелика.

Грунт из гробовища (№ 3). Образец содержит большое количество травянистого детрита и грибные гифы. Валового фосфора очень мало — 0,04 %.

Вывод: скорее всего, на данном месте не было органического материала.

Курган 3, погребение 1

Тлен (подстилка) со дна могилы. Образец характеризуется обилием крупных частиц травянистого детрита и грибных гифов. Содержание валового фосфора типично для травянистых подстилок — 0,31 %.

Вывод: на дне могилы была толстая подстилка из трав, злаки или осоки не использовались.

Курган 4, погребение 1

Зеленоватый тлен у черепа. Образец содержит исключительно аморфную органическую массу. Валового фосфора много. Эти величины (0,55 %) более характерны для животной, чем для растительной органики.

Вывод: у черепа было что-то из шерсти или кожи значительных объемов.

Тлен на месте черепа. Образец характеризуется обилием аморфной органической массы. Также единично встречаются травянистый детрит, грибные гифы, корни трав и деревьев. Содержание валового фосфора невелико, хотя и выше, чем в природных объектах, — 0,26 %. В то же время большое количество аморфной органической массы свидетельствует о присутствии животной органики. Скорее всего, на данном месте не было изделий из кожи, а что-нибудь более рыхлое.

Вывод: вероятно, на подстилке из двудольных трав было что-то из шерсти или волоса.

Тлен по дну могилы (подстилка?). Образец содержит большое количество крупных фрагментов аморфной органической массы и грибные гифы. Содержание валового фосфора невелико и более типично для растительного сырья. Учитывая отсутствие растительного детрита, можно предположить наличие рыхлой животной органики.

Вывод: на данном месте была мощная по объему подстилка из шерсти.

Большое количество грибных гифов во всех образцах указывает на интенсивные процессы минерализации, разложения органического материала в погребениях, которые продолжают до сих пор.

Таким образом, проведенный комплексный анализ, в котором учитывались данные двух независимых видов исследований (химический и микробиоморфный), позволил получить достоверную информацию об особенностях погребальных комплексов вскрытых курганов.

Литература

- Гольева А.А., 2001. Фитолиты и их информационная роль при исследовании природных и археологических объектов. М.; Сыктывкар; Элиста.
Гольева А.А., 2005. Органическое сырье в погребальных обрядах Мустаевских курганов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII.

- Гольева А.А., 2006. Микробиоморфный анализ почвенно-ландшафтных систем: генезис, география, информационная роль / Автореф. дис. ... докт. геол. наук.

Находки стеклянных изделий на селище Мякинино-2 (из раскопок 1994–1995 годов)

В 1994–1998 гг. Центр археологических исследований вел раскопки на селище Мякинино II. Небольшой, но весьма интересной группой находок являются изделия из стекла (табл. 1).

Мы изучили материал из раскопок 1994–1995 гг.: 42 предмета из 682 находок, происшедших из раскопок этих двух лет. Все они относятся к украшениям и по категориям распределяются следующим образом — наиболее многочисленны браслеты (76 %), затем следуют перстни (12 %), бусы (10 %) и вставка-гемма (2 %) (табл. 2).

Нами рассмотрена морфология, техника изготовления и химический состав стекла, что позволило сделать выводы о месте и времени производства этих украшений¹. Описание, определение происхождения и хронологии изделий производилось по методике Ю.Л. Щаповой (1963; 1972; 1989). Анализ данных о химическом составе стекла — по методике Т. Ставярской (1984. С. 24–27) и Ю.Л. Щаповой (1989). Техника изготовления изучалась в соответствии с принципами, предложенными З.А. Львовой (1979) и Ю.Л. Щаповой (1989. С. 93–108).

Наиболее многочисленной категорией находок, как уже говорилось, оказались фрагменты стеклянных *браслетов* (всего 32 экз.: 18 из них имеют хорошую сохранность, позволившую установить конфигурацию и цвет; 3 сохранились плохо, но позволяют установить цвет; 11 фрагментов не сохранилось совсем). По конфигурации браслеты распределились следующим образом: 16 гладких и 3 крученых. По цвету наиболее многочисленны зеленые и коричневые (табл. 1), по одному представлены бежевый, желтый, оливковый и фиолетовый. 4 браслета (гладкие) декорированы накладной нитью: 3 — желтой (1994 г., №№ 76 94, 233) и один — белой (1995 г., № 127). Размеры следующие: диаметры браслетов — от 5 до 8 см; диаметры прута — от 0,40 до 0,58 см.

Техника изготовления браслетов стандартна — все они изготовлены вытягиванием. При изготовлении крученых браслетов добавлялся прием кручения.

Сохранность стекла браслетов различна: от коррозии во всем объеме до небольшой иризации на поверхности. Поверхность изделий даже при хорошей сохранности покрыта мелкими трещинками, что заставляет предполагать ту или иную степень выщелачивания (т. е. вымывания из стекла окиси калия). Такого рода признаки характерны для свинцово-калиевого (Ca-Pb-Si) стекла, производившегося в Киеве с 30-х годов XII в. до 1240 г. (Щапова, 1972. С. 170). В Москве они известны с 60-х годов XII в. (Столярова, 19976. С. 98). По указанным признакам к киевскому производству можно отнести 18 браслетов, т. е. подавляющее большинство определимых. Результаты анализа химического состава пяти браслетов не противоречат этому предположению (табл. 4).

Следующей по численности группой являются *перстни* (5 экз.). Все они гладкие, в двух случаях можно установить наличие щитка, у остальных этого не позволяет сделать сохранность. Цвет и прозрачность следующие: 2 непрозрачных бирюзовых и по одному — полупрозрачный темный ахроматический, прозрачный синий и многоцветный с прозрачным прутком и непрозрачными щитком и декором (1995 г., № 9). У одноцветных пруты в сечении плосковыпуклые, изготовлены навивкой вытянутой нити вокруг стержня.

Многоцветный перстень имеет смысл рассмотреть более подробно. Он со щитком, прут и щиток плоские в поперечном сечении, основа сине-фиолетовая, прозрачная; щиток желтый непрозрачный, на прут у основания щитка наложены пятна непрозрачного стекла — красно-коричневого и желтого. Изготовлен перстень

¹ Морфологический и технологический анализы проводились Ю.А. Лихтер под бинокулярным микроскопом. Анализ химического состава производился к.г.-м.н. Н.И. Чистяковой микрозондовым рентгеноспектральным методом на электронно-зондовом анализаторе «Camebax» в лаборатории физических методов анализа Российского института минерального сырья им. Н.М. Федоровского.

вытягиванием, после чего на центральную часть спирально наложили желтую нить, образовавшую щиток, который затем, вероятно, был прижат и стал плоским; на прут наложены капли цветного стекла. Химический класс стекла — Na-K-Si. Сине-фиолетовый цвет был получен благодаря добавлению окиси кобальта, желтый — окиси свинца, красно-коричневый образовался из-за частиц металлической меди, находящейся в стекле во взвешенном состоянии.

Похожий перстень с накладным желтым щитком и желтым декором на обруче найден при раскопках в Московском Кремле. Е.К. Столярова датирует его XII в. (Столярова, 1997а. С. 99).

Происхождение и время существования перстней различны — синий прозрачный и темный ахроматический — непрозрачный — киевского производства (с 70-х годов XI в. до 1240 г.), бирюзовые непрозрачные — западноевропейские, по новгородским материалам датируются XIV—XV вв. (Щапова, 1972. С. 99); многоцветный может быть отнесен к византийскому производству и датирован до 1204 г.

Бусы представлены 4 экз. Одна не сохранилась (1994 г., № 60), остальные рассмотрим индивидуально.

1. Винтообразная цилиндрическая (1994 г., № 88) из коричневого непрозрачного стекла, высота — 0,83 см, диаметр — 0,14 см. Изготовлена приемом серийной навивки, химический тип стекла — Na-K-Ca-Al-Si. Подобные бусы делались в Западной Европе в XIV—XV вв. (Щапова, 1963. С. 131–132).

2. Зонная (1994 г., № 252), из желтого непрозрачного стекла, высота — 0,28 см, диаметр — 0,4 см. Сделана навивкой, химический тип стекла Pb-Ca-Si. Близкие по форме бусы известны на Русском Севере в могильниках XI в. (Захаров, 2004. С. 145). К сожалению, отсутствие анализов химического состава не позволяет считать их надежными аналогиями для нашей бусины. От обычных древнерусских бус нашу бусину отличает присутствие в химическом составе кальция и очень малое содержание кремния (меньше 2 %). Такой состав пока затруднительно связать с известными стеклоделательными центрами.

3. Биконическая, с шейкой, из пурпурного прозрачного стекла, с зеленой полосой на шейке (1995 г., № 3). Размеры: высота — 1,3 см (сохранился только фрагмент бусины, поэтому высота реконструируется, а диаметр нельзя установить вовсе). Изготовлена навивкой с последующей обкаткой, затем на край бусины наложена полоса декора; химический тип стекла — Na-Ca-Mg-

Таблица 1. Находки из стекла

Год	селище	№ по оп.	категория		Цвет	декор
1994	II	10	браслет	гладк.	зелен.	0
1994	II	23	браслет	круч.	корич.	0
1994	II	24	браслет	гладк.	корич.	0
1994	II	28	браслет	гладк.	корич.	0
1994	II	49	браслет	гладк.	бежев.	0
1994	II	049а	браслет	гладк.	зелен.	0
1994	II	60	бусина		?	0
1994	II	63	браслет	гладк.	корич.	0
1994	II	76	браслет	гладк.	олив.	1
1994	II	82	вставка		бирюз.	1
1994	II	88	бусина		корич.	0
1994	II	93	браслет	гладк.	зелен.	0
1994	II	94	браслет	гладк.	зелен.	1
1994	II	96	браслет	?	желт.	0
1994	II	174	браслет	гладк.	зелен.	0
1994	II	233	браслет	гладк.	корич.	1
1994	II	235	браслет	гладк.	зелен.	0
1994	II	242	браслет	гладк.	зелен.	0
1994	II	252	бусина		желт.	0
1994	II	254	браслет	?	корич.	0
1994	II	258	браслет	гладк.	корич.	0
1994	II	266	браслет	гладк.	зелен.	0
1994	II	321	перстень	гладк.	темный	0
1994	II	322	перстень	гладк.	синий	0
1995	II	2	перстень	гладк.	бирюз.	0
1995	II	3	бусина		пурпур.	1
1995	II	8	браслет	круч.	фиол.	0
1995	II	9	перстень	гладк.	син.-фиол.	1
1995	II	9	перстень	гладк.	желт.	1
1995	II	9	перстень	гладк.	син.-фиол.	1
1995	II	9	перстень	гладк.	красн.	1
1995	II	47	перстень	гладк.	бирюз.	0
1995	II	127	браслет	гладк.	корич.	1
1995	II	292	браслет	круч.	зелен.	0
1996	I-1	6	бусина			0
1996	I-1	11	браслет			0
1996	I-1	14	бусина			0
1996	I-1	26	браслет	круч.		0
1996	II	137	браслет	круч.		0
1997	II	69	бусина			0
1997	II	84	?			0
1997	II	160	браслет			0
1998	II	97	браслет	гладк.	жел.-зел.?	0

Si, место производства, вероятно, Византия (до 1204 г.).

Особенно интересна последняя категория, представленная единичной находкой — *вставка*

Таблица 2. Состав находок

Категория	Количество	%
Браслет	32	0,76
Бусина	4	0,10
Гемма	1	0,02
Перстень	5	0,12
Всего	42	

(гемма) (1994 г., № 82). Сохранность полная. На плоском, эллипсоидном тулове помещено выпуклое изображение головы человека, вероятно, мужчины (см. рис.).

Стеклянная гемма из раскопок в Мякинино

Стекло непрозрачное, бирюзового цвета с белыми и красно-коричневыми прожилками. Размеры: длина — 0,89 см, ширина — 0,78 см, толщина — 0,16 см, высота изображения — 0,14 см. Изготовлена из бусины, сделанной из тянутой трубочки. Бусину подвергли вторичному разогреву, после размягчения стекла на ней штампом отпечатали изображение. В результате этого объемная бусина сплюснулась и получилась плоская таблетка с рельефным изображением² (о прессовании стекла в размягченном состоянии свидетельствуют мягкие контуры изображения). Нагревание и прессование штампом привело к неравномерному прогреву стекла в разных частях предмета, поэтому в некоторых местах стекло кристаллизовалось, что привело к образованию белых вкраплений, а в других медь восстановилась до металлического состояния, что дало красно-коричневые прожилки.

В целом можно сказать, что большая часть рассматриваемых в этой работе вещей из стекла относится к домонгольскому периоду. Интересно сравнить набор изделий из Мякинина с московским набором, изученным Е.К. Столяровой (Столярова, 1997а. С. 229). Из выявленных ею в Москве 5 категорий (браслеты, бусы, вставки, перстни и сосуды) в нашей выборке, несмотря

Таблица 3. Химический состав (Щапова, 1989. С. 95, 107; Stawiarska, 1984. S. 24–27)

Год	Раскоп	№ по оп.	Категория	№ ан.	Тип стекла	Анализ. элем.	Краситель	Источник щелочи
1994	II	24	браслет	18	(K ⁰)*-Pb-Si	основа	—	зола континентальных растений
1994	II	88	бусина	19	(Na-K)-Ca-Al-Si	основа	Fe+Co	Calidium casp. Наземные части
1994	II	93	браслет	17	(K)-Ca-Pb-Si	основа	Cu	зола континентальных растений
1994	II	233	браслет	12	K-Pb-Si	торец	Fe	зола континентальных растений
1994	II	233	браслет	11	(K)-Pb-Si	декор	Pb	зола континентальных растений
1994	II	233	браслет	10	(K)-Pb-Si	основа	Fe	зола континентальных растений
1994	II	252	бусина	15	Pb-Si	основа	Pb	—
1995	II	3	бусина	41	Na-K(?)-Ca-Mg-Si	основа	Mn	Calidium casp. Наземные части
1995	II	8	браслет	42	K-Pb-Si	прут	Mn	зола континентальных растений
1995	II	9	перстень	45	Na-K-Ca-Si	щиток, декор	Pb	Salicornia herb. Наземные части
1995	II	9	перстень	43	Na-K-Ca-Si	декор	Cu	Salicornia herb. наземные части
1995	II	9	перстень	44	(Na-K)-Ca-Al-Si	основа	Co	Salicornia herb корни
1995	II	127	браслет	47	(K)-Pb-Si	основа	Fe	?
1995	II	127	браслет	48	(K)-Pb-Si	декор	Sn	?

* Примечание: пониженное содержание калия, возможно из-за выщелачивания.

² Приносим благодарность Ю.Л. Щаповой за консультацию.

на значительно меньшие размеры, присутствуют все, за исключением сосудов. Московский набор также характеризуется абсолютным преобладанием браслетов над прочими категориями (636 экз. из 789), небольшим количеством перстней (47 экз.) и бус (78 экз.) и единичными находками вставок (8 экз.). Большинство браслетов киевского производства (74 %). Однако среди браслетов Москвы значительно больше крученых (54,9 %) и несколько отличается на-

бор цветов — зеленые составляют лишь 1,3 %, а коричневые — 20,4 %. Уменьшение процентной доли коричневых, вероятно, связано с большим разнообразием цветов браслетов, но, тем не менее, и в Москве коричневый — самый популярный цвет. Чем вызвано расхождение в количестве зеленых, сказать трудно. Возможно, при большей выборке эта разница сгладилась бы. В любом случае, рассмотренный нами набор достаточно близок к московскому.

Таблица 5. Результаты химического анализа*

Год	Раскоп	№ по оп.	Категория	№ ан.	Na	K	Ca	Mg	Pb	Al	Fe	Mg	Cu	Co
1994	II	24	браслет	18	0.00	0.57	1.33	0.00	29.63	0.57	0.27	0.00	1.00	0.0000
1994	II	88	бусина	19	1.06	0.27	3.00	0.000	.24	2.30	1.68	1.32	0.00	0.6000
1994	II	93	браслет	16	0.00	0.10	1.10	0.400	.00	1.50	0.00	0.00	7.13	0.0000
1994	II	93	браслет	17	0.00	0.17	1.93	0.17	24.03	0.20	2.37	0.00	0.00	0.0000
1994	II	233	браслет	12	0.00	13.73	0.43	0.00	27.70	0.00	3.93	0.00	0.00	0.0000
1994	II	233	браслет	10	0.00	0.53	1.08	0.00	12.95	1.15	4.88	0.00	0.00	0.0000
1994	II	233	браслет	11	0.00	0.53	9.43	0.00	50.60	1.13	0.90	0.00	0.00	0.0000
1994	II	252	бусина	15	0.00	0.13	3.63	0.00	78.18	0.00	0.48	0.00	0.00	0.0000
1995	II	3	бусина	41	9.13	1.20	4.90	2.550	.00	0.00	0.00	3.23	0.00	0.0000
1995	II	8	браслет	42	0.00	15.87	0.63	0.00	25.77	0.00	0.53	1.30	0.00	0.0000
1995	II	9	перстень	45	5.67	2.20	2.37	0.90	24.37	1.90	1.00	0.00	0.00	0.0000
1995	II	9	перстень	43	8.90	2.90	5.57	1.63	12.70	2.17	2.93	0.00	2.37	0.0000
1995	II	9	перстень	44	0.77	0.97	3.80	1.270	.00	3.70	3.63	0.00	0.00	0.1000
1995	II	127	браслет	48	0.33	0.60	1.85	0.005	.60	1.80	1.10	0.00	0.00	0.0000
1995	II	127	браслет	47	0.00	0.73	0.95	0.006	.00	0.50	5.88	0.00	0.00	0.0000

* *Примечание.* Рентгеновский микрозондовый анализ химического состава производился в Институте минерального сырья Н.И. Чистяковой.

Литература

- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
 Львова З.А., 1979. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. № 20.
 Столярова Е.К., 1997а. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII—XIV вв. // РА. № 4.
 Столярова Е.К., 1997б. Стеклянные браслеты московского Кремля // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.
 Щапова Ю.Л., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117.
 Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
 Щапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.
 Stawiarska T., 1984. Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum. Wrocław.

Естественнонаучные исследования археологических памятников Подмосковья

Основным методологическим подходом при работе представителей естественных наук на археологических памятниках является комплексность. Это понятие включает большой спектр разноуровневных исследований — морфологические: от макроморфологического описания культурных слоев, современных и погребенных почв непосредственно в поле до микроскопического (а в ряде случаев субмикроскопического) исследования мельчайших частиц под световым или электронным сканирующим микроскопами; аналитические (проведение разнообразных химических и физических анализов); радиоуглеродные (определение возраста по гуминовым кислотам почв и культурных слоев, углю, древесине, костям); палеоботанические (определение пород деревьев по древесным или угольным фрагментам) и многие другие.

За последние годы проведен большой объем естественнонаучных исследований разновозрастных археологических памятников Подмосковья. Полученные результаты частично опубликованы (Гольева, 2004. С. 24–34; 2005. С. 300–309). Предлагаемая работа включает материал, полученный на новых объектах (Дунино, Сосновка), и дополнительные данные по уже известным по предыдущим публикациям памятникам (Дмитров), которые расширяют и дополняют результаты исследований.

Следует отметить, что конкретный набор видов исследований, позволяющий получить интересную и значимую информацию, может сильно варьировать для каждого изучаемого объекта, поскольку любой вид анализа может «работать» для решения одного ряда задач и быть абсолютно бесполезным в других случаях. Именно этим объясняется некоторый кажущийся разноречивостью в проведенных исследованиях: где-то использовалось больше анализов, где-то меньше. Различия связаны исключительно с уровнем задач, поставленных перед исследованием. Анализы проводились по стандартным методикам, принятым в почвоведении.

Перечень используемых в археологии естественнонаучных методов с указанием их инфор-

мационных возможностей опубликован («Естественно-научные методы...», 2004. С. 1–161) и поэтому в данной работе не приводится. Характеристика использованных в работе анализов дается обобщенно.

Наиболее информативными и чаще используемыми в современных исследованиях при работе с культурными слоями поселений являются определения содержания биофильных элементов — углерода и фосфора. Каждый из этих элементов напрямую связан с органическим веществом и отражает его содержание в образце.

Углерод и его соединения составляют основу жизнедеятельности автотрофных организмов. Он является основным компонентом почвенного гумуса. Таким образом, содержание углерода в образце отражает содержание в нем органического вещества. Как правило, образцы, содержащие повышенные количества углерода, являются погребенными поверхностными горизонтами почв или связаны с накоплением органики за счет деятельности человека. Основным недостатком соединений углерода является их минерализация со временем, то есть разложение и разрушение, что ведет к уменьшению их количества.

Соединения другого биофильного элемента — фосфора — устойчивее соединений углерода, они менее подвижны в почвах и культурных слоях. Таким образом, повышенные концентрации данного химического элемента напрямую связаны с содержанием в образце органических веществ в прошлом. Среднее содержание фосфора в земной коре не превышает 0,25% (Ковда, 1985. С. 159–180), в то время как в культурных слоях поселений может достигать значительно более высоких величин (Гольева, 2005. С. 28; Гольева, Малышев, 2003. С. 27–31).

Дмитров

Работы в Дмитровском Кремле проводились несколько сезонов, что позволило собрать и обобщить большой и разноплановый материал.

Для ряда раскопов было определено содержание и распределение валового фосфора, органического углерода и, в отдельных случаях, почвенной кислотности и карбонатов (минерального углерода). Основные результаты представлены в таблице 1.

Культурные слои, морфологическое описание

Раскоп 1 (квадрат В2), южная стенка

0–15 см — современная парковая почва;
15–18 см — бурый прослой с включениями глины и битого кирпича;
18–20 см — черный углистый прослой;
20–98 см — серовато-бурый культурный слой XVI—XIX вв. Содержит строительный мусор, древесные угли, обломки кирпичей, камни;
98–102 см — бурый прослой без артефактов;
102–119 см — культурный слой XVI в., серого цвета;
119–127 см — светло-бурый песчаный прослой без артефактов;
127–150 см — темно-серый культурный слой XII в. Содержит включения в виде мелких древесных углей;
150–161 см — светло-бурый песчаный прослой;
161–170 см — белесый подзолистый песчаный горизонт;

170–184 см — иллювиальный горизонт исходного песчаного подзола.

Согласно данным морфологического исследования стенки раскопа, исходной почвой был железистый подзол — типичная зональная почва региона, а исходным растительным покровом — сосновый лес. С приходом людей лес был вырублен, земли начали осваиваться и развиваться как культурные слои различной степени проработки и интенсивности. В процессе функционирования поселения были пожары, которые хорошо определяются по черным углистым прослоям или скоплениям древесных углей в толще культурного слоя.

Раскоп 1 (квадрат Г12), южная стенка

0–31 см — современный строительный мусор;
31–52 см — однородный серый гумусированный прослой;
52–60 см — слой, содержащий песчаные зерна, обожженную глину и древесные угли (слой пожара);
60–65 см — серый прослой с небольшим количеством древесных углей. Предположительно культурный слой домонгольского времени.
65–77 см — однородный светло-серый прослой, возможно, начального периода застройки территории;

Таблица 1. Данные химических анализов по Дмитрову

Образец, глубина (см)	P ₂ O ₅	pH _{водн.}	CO ₂ , % (по Козлов.)	С орг. (по Тюрину)
Раскоп 1, квадрат Г12, южная стенка, отсчет глубин сверху вниз				
КС, 31—38	0,26	не опр.	не опр.	1,95
КС, 38—45	0,27			1,81
КС, 45—52	0,25			1,83
Песок с обожженной глиной, XVII в., 52—57	0,28			0,62
КС XII—XIII вв., 60—65	0,26			1,31
КС, 70—75	0,36			0,75
Погребенный гумусовый горизонт [A1], 77—80	0,49			0,78
Погребенный элювиальный горизонт [E1], 80—90	0,13			0,12
Раскоп 11, квадрат Д1				
Гумусированный подзол, 53—72	0,12	8,15	0,04	0,12

77–80 см — темно-серый прослой (предположительно огород или пашня);

80–87 см — нижняя часть оставшегося от исходной почвы подзолистого горизонта.

Характер распределения валового фосфора подтверждает сделанное во время раскопок деление исследуемой толщи на природные (самый нижний образец, 80–87 см) и преобразованные

человеком грунты (вся остальная толща). Лишь в остаточном подзолистом горизонте количество валового фосфора соответствует значениям, типичным для природных объектов (0,13 %). В остальных образцах фосфора больше, что указывает на антропогенное преобразование и искусственный генезис верхних 80 см грунта на раскопе. При этом наблюдается различие по со-

держанию элемента — в нижних образцах (70–75 и 77–80 см) его почти в два раза больше, чем в верхних. Можно предположить, что выявленные различия отражают интенсивность антропогенного воздействия — максимального на начальных этапах освоения и обживания территории и стабильного неинтенсивного в последующем.

Содержание и распределение в исследованной колонке образцов органического углерода также позволяет хорошо разделять природную и антропогенную составляющие раскопа. Минимальные значения (0,12%) соответствуют сохранившимся фрагментам исходного подзолистого горизонта, в то время как культурные слои поселения обогащены органическим веществом.

На основании проведенного комплексного исследования можно реконструировать следующие начальные стадии преобразования участка. Исходный хвойный (хвойно-лиственный) лес был вырублен, почва распахана под огород, который хорошо удобрялся. Затем участок стал использоваться как хозяйственный двор. В истории участка фиксируются следы пожаров, каких-то катастроф. Это приводило к уменьшению интенсивности антропогенного воздействия, запустению, но люди возвращались, земли вновь застраивались. Периоды полного восстановления природных процессов, формирования зональных почв на участке не выявлены, то есть этапы запустения не были длительными.

Раскоп 11 (квадрат Д 1)

0–19 см — строительная подсыпка из гальки;

19–28 см — темно-серый культурный слой XVI—XVII вв. с углистыми линзами и обилием корней трав и деревьев;

28–40 см — обожженная бурая глина и куски битого кирпича (развал печи);

40–53 см — темно-серый слой, содержащий древесные угли, обломки кирпичей, обожженную кость, древесный детрит — остатки истлевших досок. Слой является уровнем пола жилища;

53–72 см — светлый серовато-буроватый песок, содержащий керамику XII в. Слой является гумусированным подзолистым горизонтом, то есть антропогенно преобразованным верхним горизонтом исходного песчаного подзола;

72–80 см — охристый иллювиально-железистый горизонт — нижняя часть профиля исходного песчаного подзола. Содержит щебень в небольшом количестве, имеет редкие червоходы. В нижней части горизонта начинается щебнистый слой.

В гумусированном подзолистом горизонте (53–72 см) был сделан ряд химических анализов с целью определить степень антропогенного преобразования этого горизонта, то есть выяснить, насколько был преобразован участок перед постройкой жилища. Результаты исследования (табл. 1) соответствуют природным параметрам. Исключением является лишь величина почвенной кислотности (рН). Горизонт характеризуется щелочным значением рН, что не типично для нашей природной зоны. При этом карбонатов в образце практически нет (0,04 %), то есть известь в почву не вносилась. Возможно, сильное подщелачивание горизонта связано с вымыванием сверху из культурных слоев других солей (например, сульфидов), образующихся при разложении строительных материалов (например, гипса). В данном случае щелочные значения рН имеют диагенетический характер, то есть вторичны и созданы значительно позже.

Содержание органического углерода в этом горизонте мало, что не характерно для гумусированных горизонтов. Это связано с диагенетическим преобразованием органических соединений углерода — их разрушением (минерализацией) со временем.

Валового фосфора в образце мало, что типично для природных почвенных горизонтов, особенно песчаных подзолов.

С целью уточнения типа антропогенного воздействия на ландшафт был проведен биоморфный анализ верхнего почвенного образца (гумусированный подзолистый горизонт на глубине 53–72 см). Анализ показал наличие большого количества травянистых корней и детрита, а также единичные фитолиты культурных злаков. Вероятно, данный слой распахивался, но непродолжительное время, поскольку пахотный горизонт не успел сформироваться.

Таким образом, можно реконструировать следующие начальные стадии развития участка. Исходный хвойно-лиственный лес был вырублен, и на данном месте некоторое время был луг. Участок короткое время распахивался, удобрения в почву не вносились. Впоследствии земля заросла травами. Затем было построено жилище, и участок стал развиваться как урбоседимент, то есть искусственно созданный объект.

Раскоп 13 (квадрат Ш9), северо-восточная стенка

0–16 см — однородный темно-серый слой с углями, обломками кирпича и иным строительным мусором XVIII—XIX—XX вв.;

16–30 см — светло-серый слой с включениями древесных углей. Культурный слой XVI—

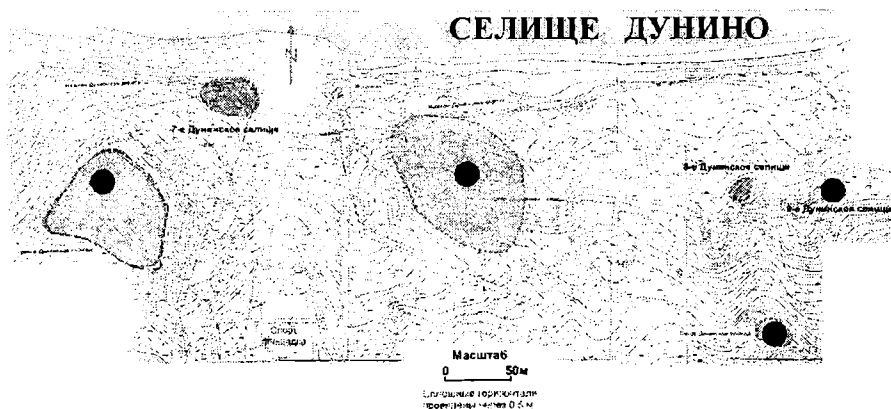

Рис. 1. Расположение раскопов селища Дунино (черным выделены исследованные участки)

XVII вв. Встречается керамика этого времени (предположительно двор и пустырь);

30–41 см — светло-серый рыхлый песчаный слой. Присутствует в небольшом количестве древесный уголь, керамика. Культурный слой XV—XVI вв. (предположительно хозяйственный двор);

41–44 см — слой плотный, бурый с сероватым оттенком, однородный. Песок. Редко встречаются артефакты. Культурный слой XIII—XIV вв. (предположительно огород);

44–52 см — слой темно-серого, практически черного, цвета с высокой долей древесных углей, рыхлый, песчаный. Нижняя граница слабо-волнистая. Единично встречаются артефакты, характерные для XII—XIII вв. (предположительно хорошо удобряемый огород);

52–64 см — погребенный белесый песчаный подзолистый горизонт с обилием червоходов из верхнего темного слоя. Нижняя граница — язычковатая, четко фиксируется за счет различий в цветности;

64–86 см — погребенный песчаный иллювиально-железистый горизонт исходной почвы ярко-бурого цвета с точечными мягкими черными марганцовистыми примазками. Однородный, плотный;

86–103 см — однородный песчаный бурый иллювиальный горизонт — нижняя часть исходной почвы — железистого подзола.

Анализ особенностей морфологического облика раскопа показал, что исходно на данном месте был сосняк с железистым подзолом — типичной зональной почвой песчаных пород. Затем лес был вырублен, почва распахана под огород. По мере развития города участок начали использовать как хозяйственный двор. Фиксируются периоды запустения, забрасывания территории, когда восстанавливались природные зональные процессы почвообразования.

Общие выводы по изученным культурным слоям Дмитрова

В эпоху средневековья, до прихода людей, на исследуемой территории произрастала типичная зональная растительность — сосновый лес, под которым формировался железистый подзол — характерная зональная почва.

Освоение территории сопровождалось вырубкой сосен, которые использовались для строительства жилищ (Гольева, 2005. С. 300–309). Возводились дома, земли распахивались под огороды, куда в больших количествах вносились удобрения (например, зола). Поселение развивалось с периодами запустения, забрасывания, когда земли зарастали сорной растительностью и возобновлялись процессы почвообразования. Затем люди возвращались, на участке вновь формировались серии культурных слоев.

Дунино

Исследования проводились на 4 раскопах (культурные слои дьяковского времени) поселения Дунино (в окрестностях Звенигорода) (рис. 1). Основной задачей исследования было решение вопроса о наличии или отсутствии в местах раскопов культурных слоев *in situ*. Также решался вопрос определения исходного почвенного и растительного покровов (на момент создания поселения и начала антропогенного преобразования ландшафта).

Комплексный анализ включал морфологическое исследование профилей и определение содержания валового фосфора. Образцы на анализ отбирались последовательной колонкой друг под другом, чтобы определить период формирования и проследить динамику развития участка. Результаты этого анализа с краткими выводами по каждому слою представлены в таблице 2.

Раскоп III

55°43'20,1"с.ш.; 36°55'20,0"в.д.

Зачистка стенки грабительского раскопа.

Современная растительность — липняк с примесью клена. В подросте бересклет, клен. Травянистый ярус широко представлен ландышем, мятликом, вороньим глазом и другими неморальными видами. Общее проективное покрытие — 100%.

0–8 см — темная рыхлая дернина с обилием травянистых и древесных корней. Нижняя граница ровная, хорошо заметная по цвету, уменьшению массы корней;

8–28 см — темная серовато-бурая однородная песчаная масса с редкими включениями мелких углистых частиц. Нижняя граница диффузная, постепенная, заметная по нарастанию темно-серой окраски;

28–80 см — однородная темно-серая масса песка с большим количеством крупных древесных корней. В верхней части — мощные темные линзы от погребенных фрагментов дернины. Нижняя граница заметна по цвету;

80–90 см — в общей интенсивно бурой песчаной толще встречаются более темные пятна. Переход постепенный, заметный по цвету;

90–100 см — однородный бурый песок.

Вывод. Вся толща переотложена и перекопана на значительную глубину (не менее 80 см), причем относительно недавно, поскольку погребенные фрагменты дернины не успели разложиться. В основании лежит песчаная порода. Погребенной исходной почвы или ее фрагментов нет.

Раскоп IV

55°43'20,7"с.ш.; 36°55'35,1"в.д.

Раскоп расположен на небольшой по ширине, выровненной террасе, ограниченной с обеих сторон резкими крутыми склонами.

Современная растительность парковая — посадки вязов и липы. В подросте присутствует лещина. Травянистый покров развит хорошо, богатый видовой состав, типичный для неморальной флоры (аконит, ландыш, глухая крапива, вероника, вороний глаз, сныть).

0–5 см — темная рыхлая современная дернина с обилием травянистых и древесных корней. Нижняя граница ровная, хорошо заметная по цвету, уменьшению массы корней;

5–40 см — темно-серый, к черному, песчаный материал с большим количеством органических включений в виде тонких корней, копролитов почвенной фауны. Темный цвет создан за счет добавления золы и, скорее всего, торфа. Нижняя

граница резкая, ровная, хорошо заметная по цвету;

40–52 см — бурый оглиненный песок с мелкой дресвой — почвообразующая порода. В толще видны белесоватые, хорошо очерченные горизонтальные прослои с более плотными интенсивно бурыми тонкими границами. Это не почвенные, а типичные геологические процессы снятия железистых пленок с зерен первичных минералов и формирования плотных железистых прослоек.

Вывод. Верхние 40 см профиля (исключая дернину) однозначно не связаны с почвенными процессами. Они имеют искусственный генезис, причем высока вероятность того, что в толщу добавлялся торф или иной темноцветный органический материал. Вся толща лежит на почвообразующей породе. Исходной почвы или фрагментов почвенных горизонтов нет.

Раскоп V

55°43'16,5"с.ш.; 36°55'47,8"в.д.

Раскоп расположен в верхней части водораздельного склона.

Современная растительность — хвойный лес. На месте раскопа в травянистом ярусе преобладали злаки.

0–6 см — современная темно-серая дернина с обилием тонких корней трав и деревьев. Нижняя граница ровная, неясно волнистая, заметная по цвету, уменьшению массы корней;

6–30 см — однородная темно-бурая песчаная толща с разбросанными в ней более темными органическими включениями из верхнего горизонта.

Вывод. Малая мощность профиля с учетом его геоморфологического положения позволяет предположить, что полноразвитой зрелой почвы как таковой на данном месте нет. На каком-то органоминеральном переотложенном субстрате успела лишь сформироваться дернина.

Раскоп IX

55°43'19,4"с.ш.; 36°55'51,6"в.д.

Раскоп расположен неподалеку от небольшого ручья, на небольшом всхолмлении.

Современная растительность — широколиственный лес. В древесном ярусе — в основном клены, в подросте — черемуха, ель, рябина, липа. В травянистом ярусе — папоротники, кислица, копытень, иван-да-марья, злаки. Общая площадь проективного покрытия — 80 %.

0–5 см — современная темно-серая дернина с обилием тонких корней трав и деревьев. Ниж-

ная граница постепенная, неясная, заметная по уменьшению массы корней;

5–28 см — темно-серый песчаный культурный слой с большим количеством углистых частиц. Их интенсивность нарастает с глубиной, формируя в нижних 8 см черные углистые скопления. Нижняя граница ровная, заметная по цвету;

28–30 см — светлая, буровато-белесая прослойка, местами покрашенная вышележащим гумусированным материалом. Ровное простираание осветленной прослойки вдоль всей изученной толщи свидетельствует, что это нижняя часть исходного подзолистого горизонта. В нижней части прослойки хорошо видны осветленные вертикальные вытянутые языковатые участки, характерные для магистральных корней хвойных. Нижняя граница постепенная, заметная по цвету;

30–50 см — однородный бурый песок.

Вывод. Возможно, исходно на данном месте росли хвойные и формировались почвы подзолистого ряда. Затем, благодаря человеку, лес был сведен, почвенный покров кардинально переработан. На современном этапе наблюдается возобновление в подросте и в травянистом ярусе зональной флоры. Этот факт служит дополнительным подтверждением неизбежности развития почв по подзолистому типу в нашей природной зоне.

Проведенная серия химических анализов (определение содержания валового фосфора) показала следующее. В раскопе III практически все величины валового фосфора типичны для природных, почвенных объектов. Исключением является лишь слой с глубины 80–90 см, который можно охарактеризовать как культурный слой. В толще выявлено повышенное содержание элемента на глубине 55–65 см, что, очевидно, связано с погребенной почвенной поверхностью (дерниной). Самый нижний из исследованных образцов является типичным минеральным горизонтом без примеси органического материала.

Раскоп IV содержит фосфор в пределах естественных норм. Обращает на себя внимание ровное распределение валового фосфора с глубиной и некоторое увеличение его содержания на глубине 45–55 см. Это не типично для моногенетичного почвенного профиля, свидетельствует о регулярных перемешиваниях почвенного мелкозема на значительную глубину. Не исключается искусственный генезис всей толщи, но без формирования культурного слоя поселения.

Содержание валового фосфора в раскопе V не превышает природных значений. Распределение количественных данных нетипично для почв — содержание фосфора не уменьшается с глубиной, его можно охарактеризовать как ров-

Таблица 2. Определение содержания валового фосфора в культурных слоях Дунино

Участок	Глубина (см)	P ₂ O ₅ (%)	Выводы по результатам анализа
Раскоп III	0–5	0,17	Распределение характерно для почв — равномерное убывание с глубиной
	5–55	0,13	
	55–65	0,18	
	65–70	0,14	Погребенная почва, или органоминеральный нанос
	75–80	0,13	
	80–90	0,28	
	90–100	0,09	Культурный слой
Раскоп IV	0–5	0,18	Минеральная порода
	5–15	0,19	Верхний горизонт почвы
	15–25	0,18	Делювиальный склоновый нанос органоминеральной массы
	25–35	0,18	
	35–45	0,1	
	45–55	0,14	Минеральная толща
Раскоп V	0–5	0,17	Органоминеральная толща
	5–10	0,15	
	10–15	0,17	
Раскоп IX	0–5	0,2	Вся толща — это делювиальный склоновый нанос органоминеральной массы
	5–15	0,21	
	15–25	0,49	
	25–30	0,36	
	30–40	0,06	

ное по всему исследованному профилю. Подобный тип распределения характерен для наносов, турбированных (перемешанных) или искусственно созданных почвоподобных тел, например, вследствие рекультивации земель при создании паркового ансамбля.

Раскоп IX выделяется высокими значениями валового фосфора практически по всей толще. Лишь данные по самому верхнему (0–5 см) и самому нижнему (30–40 см) слоям характерны для природных объектов. Очевидно, нижний слой — это минеральный субстрат, не затронутый антропогенной деятельностью, а верхний слой — это дернина, выросшая на поверхности культурного слоя. Вся остальная толща, начинающаяся непосредственно сразу под дерниной, — культурный слой поселения.

Обсуждение результатов

Согласно полученным результатам, из всех изученных участков непосредственно культурный слой поселения фиксируется на раскопе IX и, частично, на раскопе III.

Раскоп IX представлен культурным слоем толщиной 30 см, залегающим непосредственно на остатках почвенного профиля. Культурный слой экспонирован, то есть начинается с поверхности, поскольку уже на глубине 5 см содержание валового фосфора превышает естественные природные значения.

В раскопе III повышенные содержания валового фосфора отмечены лишь на глубине 80–90 см. Вышележащая толща — переотложенная органо-минеральная масса. Ниже — минеральная порода.

Остальные исследованные раскопы (IV и V) не содержат культурных слоев или почв, а лишь переотложенную органо-минеральную массу. Об этом убедительно свидетельствуют данные мор-

фологического исследования (характер границ, наличие прослоев) и валового фосфора (характер распределения по профилю, количественные параметры). Даже маломощный профиль раскопа V сформирован на перемещенном мелкозем. Учитывая сильно пересеченный характер рельефа исследованных участков, их привершинное или промежуточное положение в рельефе, полученные выводы не удивительны.

Все выявленные наносы лежат непосредственно на почвообразующей породе, фрагментов исходных почв под ними нет, — то есть эрозийными или иными процессами почвы были уничтожены полностью.

Таким образом, среди четырех исследованных объектов культурным слоем, сформированным *in situ*, является лишь профиль из раскопа IX. В связи с этим детальный морфологический анализ нижней части этой толщи может быть единственным источником информации об исходных природно-климатических условиях.

Выявленная белесая тонкая прослойка сразу под культурным слоем является нижней частью исходного подзолистого горизонта. Местами прослеживается даже осветление по магистральным ходам корней. Более того, после снятия антропогенной нагрузки (регулируемого паркового хозяйства) в подросте появились хвойные, а в травянистом ярусе сопутствующие им травы (например, кислица), мхи — естественные растения нашей природной зоны.

Итоговые выводы по раскопам Дунино

До прихода людей на данном месте были хвойные или хвойно-лиственные леса, под пологом которых формировались подзолы. В период освоения и заселения территории вся исследуемая толща была практически полностью

Таблица 3. Основные химические свойства поселения Сосновка IV (раскопки 2005 г.)

Образец	P ₂ O ₅ (%)	pH _{водн.}	C орг. (%)
Раскоп 1			
№ 4 Дерн	0,13	6,75	2,03
Слой 1 (органическая часть с камнями)	0,92	8,2	2,41
Слой 1 (нижняя часть на материке)	0,22	8,4	1,08
№ 5 Материк	0,02	8,4	0,11
Яма 23	0,44	не опр.	не опр.
Раскоп 2			
№ 5 Дерн	0,07	6	1,53
№ 4	0,07	6,25	0,93
№ 3	0,04	6,1	0,4
№ 2	0,02	5,95	0,19
№ 1	0,02	5,85	0,23

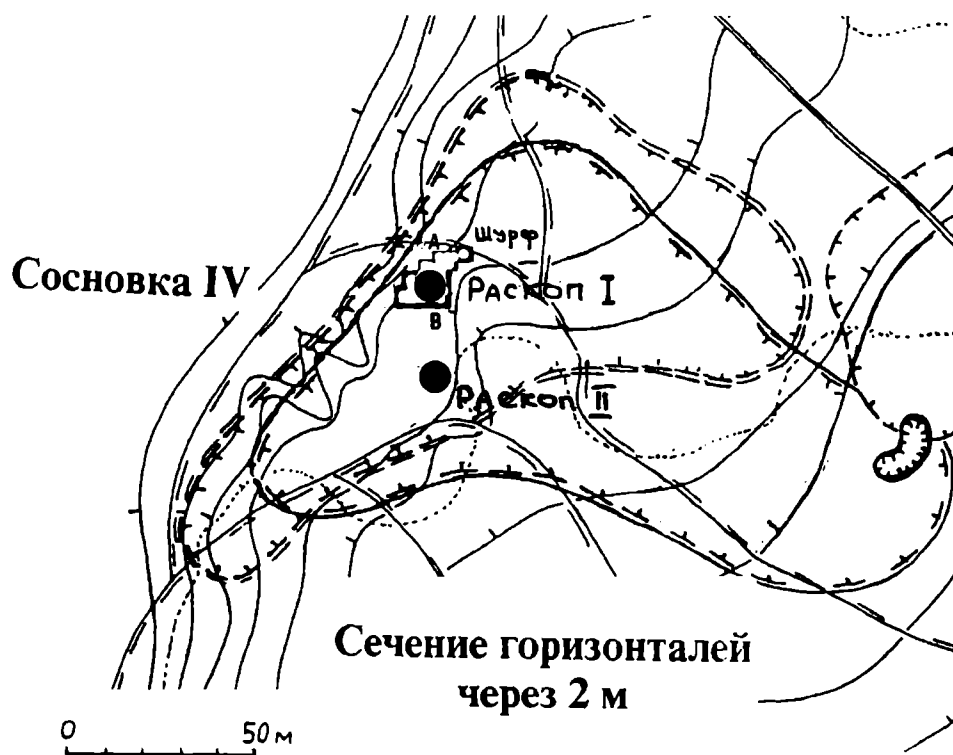

Рис. 2. Расположение раскопов на участке Сосновка IV

преобразована. Во время функционирования поселения (поселений) почвенный покров был замещен на культурный слой. Местами сохранились лишь нижние фрагменты исходного подзолистого горизонта. В процессе создания регулярной парковой зоны огромные массы органоминерального материала были перемещены и переотложены, что на больших площадях уничтожило как исходные почвы, так и культурные слои на них. При этом не исключается и привнесение иных органических компонентов, например торфа, поскольку песчаные почвы исходно малоплодородны.

После снятия интенсивного антропогенного прессинга наблюдается восстановление зональной таежной флоры. Очевидно, что через 20—30 лет широколиственные породы заместятся хвойными, на органоминеральных наносах и культурном слое будут формироваться почвы подзолистого ряда.

Сосновка IV

Очень интересные результаты получены по селищу Сосновка IV в Озерском районе Московской области (Коваль, 2004. С. 154—166). Были отобраны две колонки образцов из раскопов 1 и 2, расположенных неподалеку друг от друга в центре археологически фиксируемого поселе-

ния (рис. 2). Как хорошо видно из таблицы 3, результаты анализов двух колонок значительно различаются.

Данные серии образцов раскопа 2 типичны для почв нашей природной зоны: кислые значения pH, низкие и очень низкие значения органического углерода и валового фосфора и, что очень важно, уменьшение величин вниз по профилю.

Образцы из раскопа 1 характеризуются иными параметрами. Согласно результатам по почвенной кислотности, вся толща сильно щелочная, что абсолютно не характерно для природных объектов Подмосковья. Исключением является лишь дернина, которая имеет нейтральные значения pH. Это однозначно связано с подкисляющим действием современной растительности. По содержанию валового фосфора природным значениям соответствуют данные для дернины и материка. В остальных образцах фосфора больше нормы. Особенно выделяется слой 1 со скоплением камней (от развала печикаменки). Очевидно, в период формирования данного слоя антропогенное воздействие на участок было значительно. Нижняя часть слоя 1 (контактировавшая с материком), скорее всего, отражает период освоения участка, начало его преобразования. Данные по содержанию и распределению органического углерода хорошо кор-

релируют с динамикой фосфора. Некоторым отличием является обогащенность углеродом самого верхнего горизонта — дернины, что нормально для природных объектов.

Яма 23 содержит типичное для хозяйственных ям высокое количество валового фосфора.

Выводы по раскопам на селище Сосновка IV

Получение совершенно различных данных для двух, близко расположенных раскопов очень интересно, особенно учитывая археологически выявленное центральное положение раскопов на плане селища. Можно предположить, что исследования выявили различия в использовании земель жителями селища. На месте раскопа 2 было что-то вроде пустыря (площади?), где ант-

ропогенное преобразование было минимальным, практически отсутствовало, в то время как в районе раскопа 1 было жилище или иное хозяйственное строение с интенсивным воздействием человека на участок. Дальнейшие исследования, с использованием более широкого спектра анализов, возможно, позволят уточнить первоначальные выводы.

Таким образом, широкий спектр естественнонаучных исследований позволяет получать ответы на многие вопросы, касающиеся месторасположения поселения, этапов его функционирования, интенсивности преобразования исходного ландшафта, технических особенностей возведения отдельных сооружений. Становится возможным делать выводы, как по всему поселению, так и по его отдельным участкам.

Литература

- Гольева А.А., 2004. Комплексные естественнонаучные исследования на городище Ростиславль Рязанский // Археология Подмосковья. М.
- Гольева А.А., 2005. Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях // Археология Подмосковья. М. Вып. 2. Естественнонаучные методы исследования культурных слоев древних поселений. М., 2004.
- Гольева А.А., Малышев А.А., 2003. Изменение содержания валового фосфора и органического углерода в почвах древнепоселенческих ландшафтов // Роль почвы в формировании ландшафтов. Казань.
- Коваль В.Ю., 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. № 1.
- Ковда В.А., 1985. Биогеохимия почвенного покрова. М.

Древнерусский могильник Каблуково в Подмосковье

Курганная группа у д. Каблуково Щелковского района Московской области, расположенная в 250 м к югу от каменной церкви деревни, на высоком правом берегу р. Вори, насчитывала в момент раскопок 50 насыпей (рис. 1)

Хотя в древности все курганное поле было, без сомнения, единым, в настоящее время грунтовой дорогой, проходящей через него из д. Каблуково в д. Сутоки, группа курганов делится на две части. Восточная ее половина поросла старыми деревьями и не может быть поэтому исследована. Западная расположена в частом кустарнике и невысоком подлеске и доступна для раскопок.

Первые сведения о Каблуковских курганах мы находим в «Материалах к археологической карте Московского края» С.К. Богоявленского (1947, С. 175), который насчитал в 1920 г. в группе всего 5 насыпей. В 1949 г. П.Г. Куделин осматривал памятник и отметил в группе 40 курганов (Розенфельдт, Юшко, 1973. С. 79). Однако никаких работ на памятнике не производилось, хотя сохранилось ошибочное мнение о том, что в 1920 г. С.К. Богоявленский раскопал здесь несколько насыпей («Очерки...», 1956. С. 224, № 763).

Только в 1967 г. Славянская археологическая экспедиция Московского государственного университета под руководством Л.Р. Кызласова и А.А. Коновалова провела здесь раскопки.

Первоначально коллекция, полученная в результате этих исследований, хранилась на кафедре археологии МГУ, и только в 1998 г. она была передана в ГИМ. (Инв. № 109543) Следует отметить, что на большинстве вещей видны сверлины — следы взятого на анализ металла. К сожалению, к этому времени часть вещей была утеряна и в Исторический музей не поступила, а материал остался неопубликованным. В 1968 г. в АО появилась лишь краткая информационная заметка, в которой изложены основ-

ные сведения об исследованных курганах, относимых авторами к XI—XII вв. (Кызласов, Коновалов, 1968. С. 50–51).

Таким образом, в настоящее время возникла необходимость ввести в научный оборот материалы, полученные в результате раскопок экспедиции МГУ 1967 г.¹

Основные работы были произведены в западной части кладбища, и только два кургана (№№ 33 и 44) исследованы в восточной его половине. Всего было раскопано 32 насыпи и одна грунтовая могила.

Все курганы имели полусферическую форму; диаметр их колебался от 4,5 до 11 м, высота — от 0,6 до 1,8 м. В ряде случаев (курган № 1, 4, 18) насыпи сооружались в два приема.

Почти все насыпи были окружены ровиками, чаще всего тремя или четырьмя (реже одним или двумя); в пяти курганах (№№ 5, 23, 25, 33, 44) ровики не прослеживались.

Все курганы копались на снос с оставлением одной бровки, ориентированной, как правило, с севера на юг, изредка — с запада на восток. Для выяснения строения ровиков они прорезались траншеями в 0,5 м шириной.

Никаких находок в ровиках обнаружено не было. Исключение составляет курган № 2, где в северном ровике сразу под дерном была обнаружена грунтовая могила с женским захоронением в гробу (рис. 2).

Многие насыпи испорчены поздними грабительскими ямами и дорогой. В 32 курганах и одной более поздней грунтовой могиле, обнаруженной в ровике кургана № 2, исследовано 37 захоронений. Из них — в 23-х случаях погребенные лежали на материке, в 10 — в ямах; 4 захоронения не сохранились и об их положении сказать ничего нельзя.

Как справедливо отмечали авторы раскопок, погребения на горизонте располагались в запад-

¹ Выражаю глубокую признательность Л.Р. Кызласову за возможность публиковать материал. В работе использован также отчет о раскопках Каблуковских курганов (Коновалов А.А. Отчет о раскопках кривических курганов у д. Каблуково Щелковского района Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 4275).

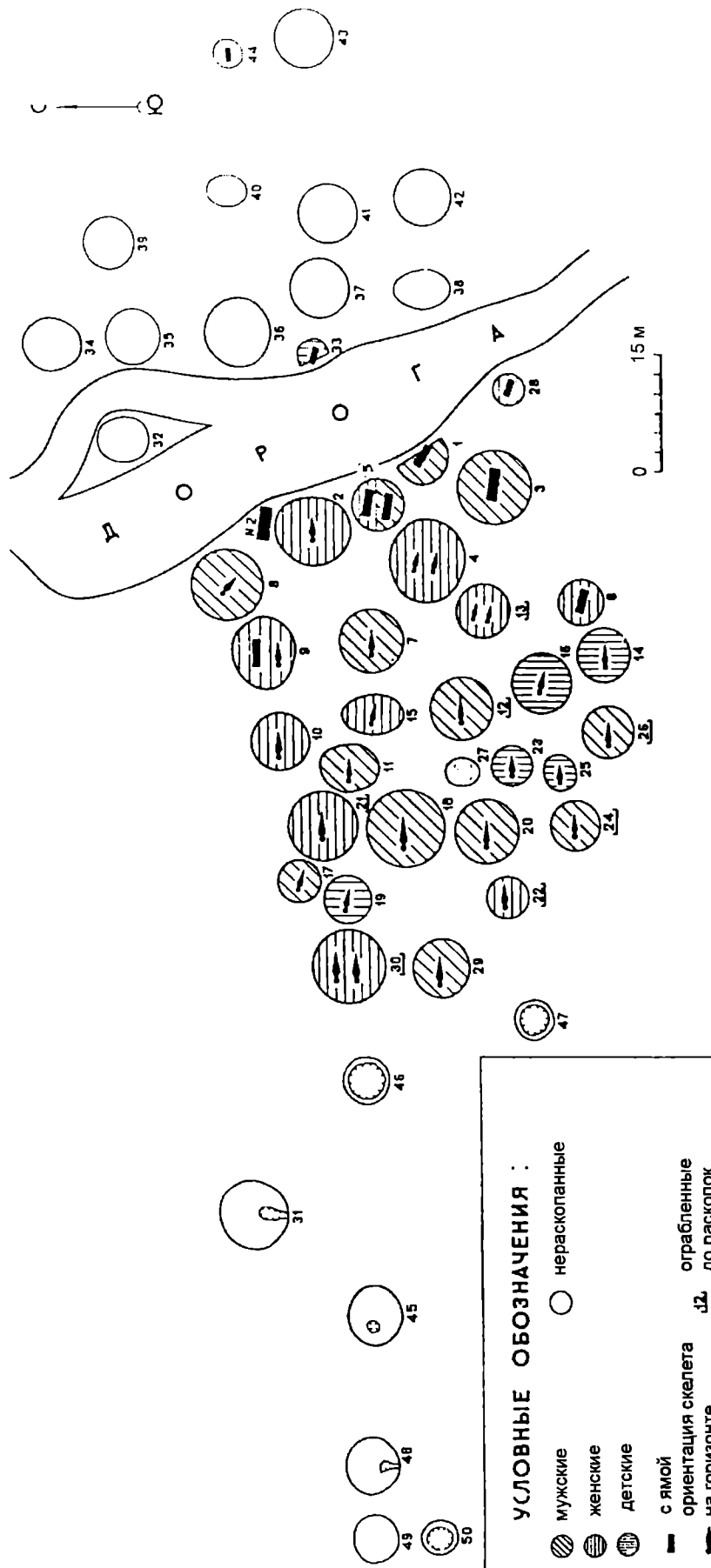

Рис. 1. Схема курганной группы Каблуково I. Составлена Л.Р. Кызласовым и А.А. Коноваловым

ной части кладбища, а захоронения в ямах — в восточной его половине. Однако в западной части также были раскопаны три насыпи (№№ 6, 9, 18), где погребенные лежали в могильных ямах. Они были вводными (и более поздними) в тех курганах, где умершие лежали на материке.

Отметим размеры погребальных ям: длина их равнялась 2,5 — 3 м, ширина — 0,6–1 м, глубина — 0,4–0,5 м. Лишь в трех курганах (№№ 1, 3, 9—II) глубина ям достигала 1,2–1,5 м.

Большинство курганов содержали одиночные захоронения, и лишь в 5-ти насыпях находилось по два погребения. Так, в кургане № 4 обнаружено два одновременных женских захоронения, находящиеся на материке в гробах и ориентированные головами на СЗ, а в кургане № 5 — парное захоронение мужчины и женщины, лежащие каждое в отдельной яме; мужское захоронение при этом располагалось южнее женского.

В кургане № 30 также было два женских погребения (судя по вещам). Одно из них располагалось на материке, о положении второго сказать ничего нельзя, т. к. оно полностью разрушено грабительской ямой, в заполнении которой найдены кости и вещи.

Два женских погребения обнаружены и в кургане № 9: основное, располагавшееся на выжженном материке, и вводное в могильной яме, прорезавшей материк. По-видимому, два погребения находились в кургане № 13. Южная половина насыпи была значительно повреждена грабительской ямой, в выбросе которой встречены кости человека, полностью разрушенного вводного захоронения. Основное женское погребение в этом кургане располагалось в центре насыпи на материке.

Пол погребенных был определен в 33 случаях. Женские захоронения (а таких насчитывается 15) определялись по инвентарю, мужские (12), в основном, по его отсутствию, а иногда по наличию в погребении чисто «мужских» вещей (пояс, коса-горбуша). Детские костяки (6) идентифицировались по размерам костяков или наличию у них молочных зубов.

Все погребенные лежат на спине, вытянуто, головой на запад или на северо-запад; лишь в кургане № 14 костяк был ориентирован головой на ЮЗ.

Положение рук в захоронениях различное: в четырех погребениях обе руки были вытянуты вдоль тела (все они лежали на материке), в 13 захоронениях одна или обе руки были положены на таз — в этом случае 7 погребенных были положены в могильные ямы.

Наличие в погребении гвоздей и остатков древесного тлена позволяет говорить о том, что в 8 курганах умершие были похоронены в гробах, а в кургане 9-I — в колоде, т. к. там присутствовал только древесный тлен, а гвоздей не найдено.

Интересная деталь обряда отмечена в кургане № 3 — в голове и ногах погребенного прослежены остатки луба, которые перегораживали погребальную яму с севера на юг; на стенках ямы при этом следы луба отсутствовали.

Лубом был перекрыт и пояс, лежащий в ногах погребенного в кургане № 20.

В погребальной обрядности Каблуковской группы большую роль играл огонь. Так, мелкие угли были разбросаны в насыпях 20 курганов. В шести случаях (курганы №№ 9, 11, 16, 20, 22, 30) костяки были положены на выжженном материке, а в кургане № 44 могильная яма была вырыта в слое прокаленного дерна.

Пятна сильно прокаленного слоя обнаружены в насыпях курганов №№ 27, 33, а в кургане № 15, где насыпь сооружалась в два приема, костер был разложен на вершине первоначального кургана, досыпанного затем до своей окончательной высоты.

Куски обожженного дерева и угля лежали поверх пояса, расположенного в ногах костяка в кургане № 20 и в кургане № 2-I вокруг горшка, стоящего в ногах погребенного.

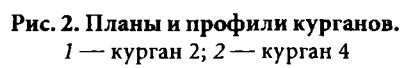
В некоторых насыпях встречаются небольшие камни, однако никаких конструкций они не образуют, а попали в насыпи, по-видимому, вместе с грунтом.

В шести курганах обнаружены кости животных (№№ 2-II, 3, 6, 8, 15, 22), однако в большинстве случаев они не определены. Известно только, что в насыпи кургана № 6 на глубине 0,8 м обнаружены кости коровы и овцы, а рядом с ними — пятно с вкраплениями угля мощностью 0,15 м. Возможно, это остатки тризны или заупокойной пищи.

В ряде случаев пища ставилась рядом с умершим в сосуде. Горшки обнаружены в 10 погребениях: в 9 они стояли в ногах и только 1 горшок находился у головы. Следует подчеркнуть, что только в одном случае горшок найден в могильной яме, все остальные сосуды были обнаружены в погребениях на материке.

В 9 случаях в насыпях курганов и рядом с костяками встречались обломки керамики. Возможно, мы имеем дело в таких случаях с обрядом, получившим название «битые посуды»².

² Возможно, это просто сосуды, бывшие ранее целыми, которые попадались в грабительских ямах вместе с вещами и костями разрушенных погребений.

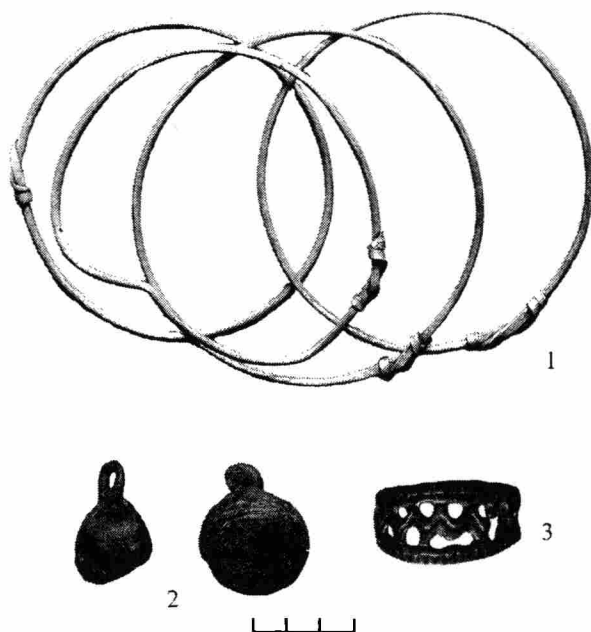

Рис. 3. Инвентарь кургана 10.

1 — височные кольца; 2 — бубенчики; 3 — перстень
(1 — серебро; 2, 3 — бронза)

В Каблуковских курганах отмечена деталь погребальной обрядности, часто встречающаяся в древнерусских курганах Подмосковья. Речь идет о так называемых «дарах» — вещах, которые клались рядом с умершим в момент погребения. «Дары» отмечены в 8 курганах, из которых только одно захоронение принадлежало мужчине, все остальные — женские.

Дары состоят из одного или нескольких предметов, расположенных в разных местах вокруг погребенного. В качестве дара использовали перстни, бубенчики, височные кольца, пояс. Под вещами нередко наблюдается темный тлен, по-видимому, от ткани, дерева, луба или бересты, т. к. дары клались рядом с умершим в берестяной туес, мешочек или деревянный ящичек.

Отметим все случаи «даров». Они найдены в курганах №№ 2-I, 4-II, 6, 9-I, 9-II, 10, 20, 33.

Чтобы завершить разговор о погребальном обряде Каблуковских курганов, отметим, что в кургане № 7 в ногах мужского захоронения лежал серп. Он был сломан еще в древности, и части его были положены крест-накрест.

Из 37 раскопанных погребений вещи найдены в 25 могилах. Мужские захоронения были, как правило, безинвентарными, однако некоторые редкие находки представляют бесспорно большой интерес. Это, прежде всего, серп из

кургана 7, а также уникальный наборный пояс, лежавший в ногах погребенного в кургане 20 мужчины.

Из женских погребений следует отметить курганы 4, 9-I и II, 10 30-I и II. В них обнаружены большие, (диаметром 8–9 см) биллоновые браслетообразные завязанные височные кольца — украшения, характерные для кривичей. Височные кольца из кургана 10 выделяются как своими размерами (диаметр — 10,5 см), так и массивной серебряной проволокой, из которой они были изготовлены (рис. 3).

Достаточно редкой находкой является набор амулетов (курган 9-II), лежавший около головы погребенной.

Остановимся подробнее на погребении II кургана 4. На груди похороненной на материке женщины были обнаружены остатки нагрудника (так в отчете. — Н.Н.), расшитого мелкими медными кольцами, и проволоочная гривна, взять которые не удалось из-за плохой сохранности, а также ожерелье из сердоликовых бипирамидальных бус и бронзовых пронизок. В разных местах около головы и на груди лежали семь связок бубенчиков на бронзовых колечках. На руках было 4 перстня и браслет (рис. 4). Исследователи могильника видят в этом погребении захоронение убитой (в черепе есть пробоина) языческой жрицы, «шаманки». После убийства «шаманки» и ее сородичей³ людей стали хоронить в ямах — на этом как бы кончается языческий период в истории поселка. Одним из «первых» христиан, по словам исследователей, был мужчина, погребенный с крестиком в яме бескурганного захоронения (Кызласов, Коновалов, 1967. С. 50–51).

Однако с этим выводом нельзя согласиться. Магическая роль бубенчиков бесспорна. Отдельные бубенчики и их связки нередки в славянских, и, прежде всего, кривичских курганах, а наличие их в погребении в кургане 4, а также богатство сопровождающего инвентаря (оно также обычно) еще не дают оснований говорить об особом статусе погребенной.

В данном конкретном случае весь набор вещей: бронзовые спиральки в ожерелье и кольца в «нагруднике», а также связки бубенчиков следует связывать с финно-угорским этносом, а никак не с особой социальной принадлежностью погребенной.

Крестик в погребении II датируется лишь XVI—XVIII вв. (Беляев, 1994. Табл. 106, с. 306), а

³ Авторы раскопок отмечают, что на многих черепках есть пробоины. Возможно, это просто результат плохо сохранившихся костяков.

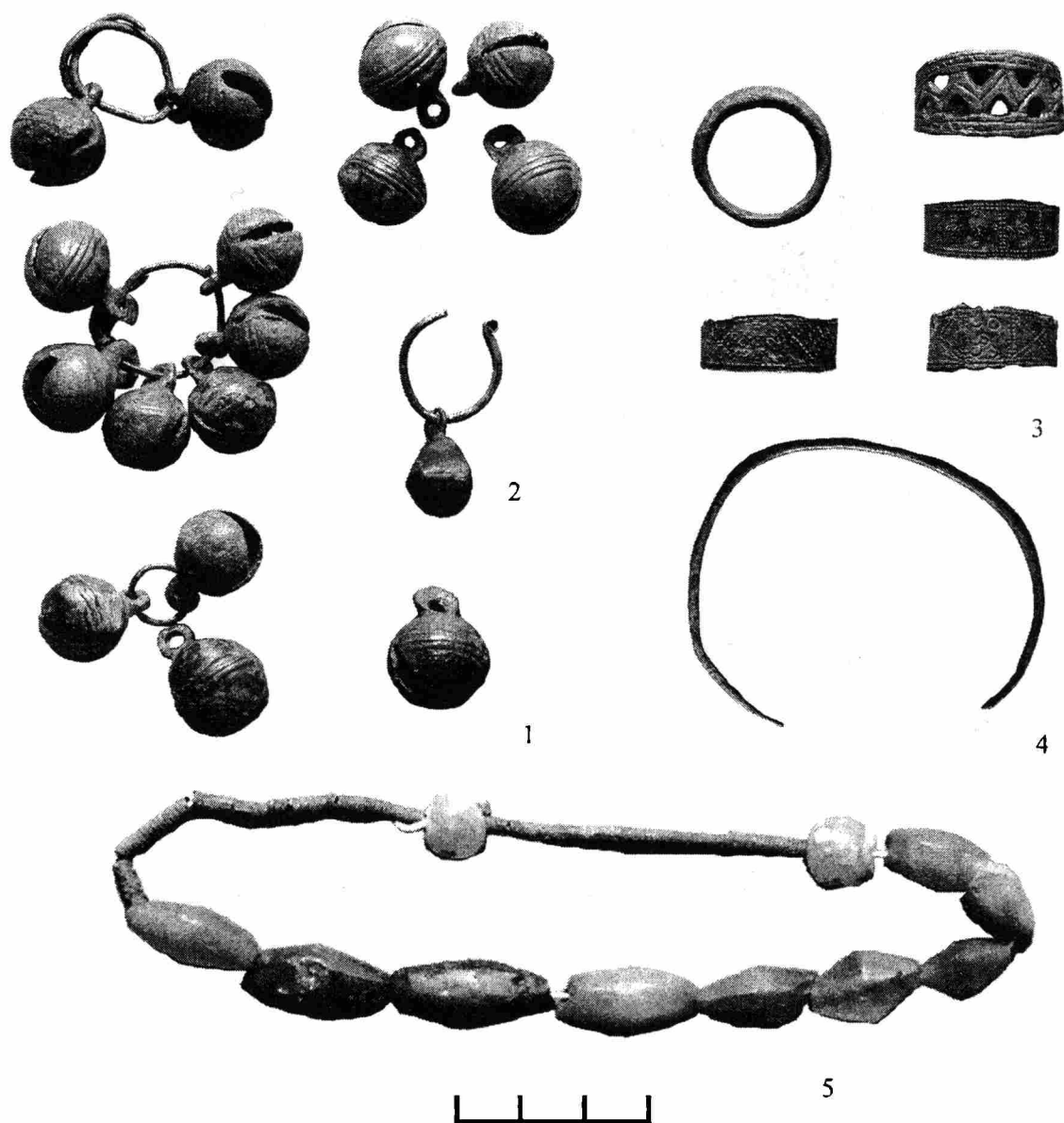

Рис. 4. — Инвентарь кургана 4 (погребение II).

1, 2 — бубенчики; 3 — перстни; 4 — браслет; 5 — бусы (1–5 — бронза; 5 — камень, стекло)

следовательно, это захоронение никак не связано с древнерусским кладбищем д. Каблуково и является вводным в ровик раннего кургана (рис. 5).

Переходим к описанию погребального инвентаря.

Височные кольца

Браслетообразные. Найлены в 7 захоронениях (№№ 2-I, 9-I, II, 10, 30-I, II), где они располагались у висков по 3, 2 или 1 кольцу. Чаще других встречены большие (d — 8–9 см) биллоновые кольца с правильной завязкой обоих концов. В кургане 6 из двух, сохранившихся в обломках колец, одно было загнутоконечным, на другом

(концы обломаны) была надета металлическая цилиндрическая бусина.

Браслетообразные височные кольца, завязанные обоими концами, исследователи относят к X — началу XII в. В Новгороде они встречены в слоях XI в. Браслетообразные завязанные кольца указывают на связь со Смоленской землей и являются этноопределяющим признаком смоленских и полоцких кривичей (Левашева, 1967а. С. 40; Седова, 1981. С. 10; 1997. С. 64).

Перстнеобразные. Небольшие (d — 2–2,5 см) колечки, сделанные, в основном, из тонкой бронзовой проволоки, найдены в 9 погребениях (№№ 5-I, 7, 9-I, II, 13, 14, 15, 25, 28). Иногда трудно сказать, были ли они височными кольцами

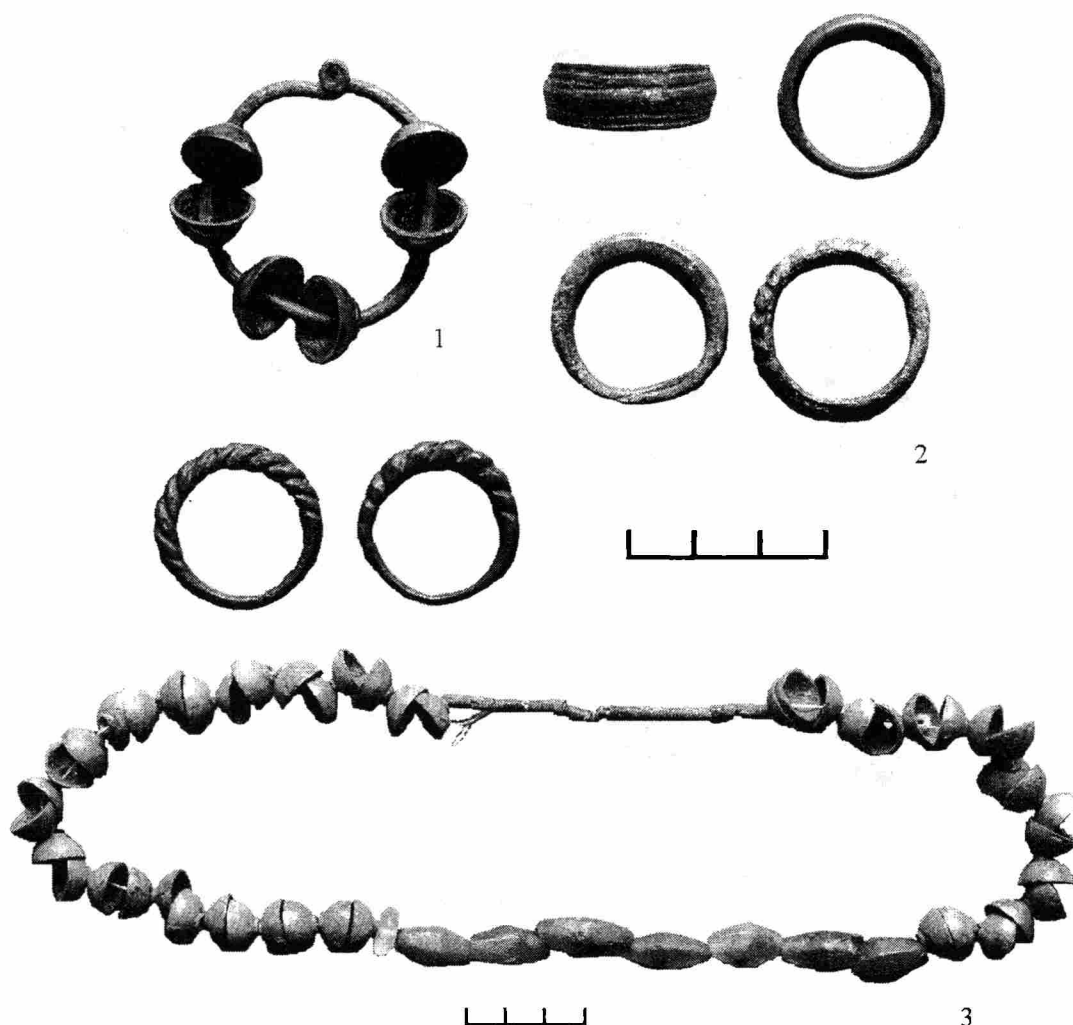

Рис. 6. Инвентарь кургана 4 (погребение I).

1 — височное кольцо; 2 — перстни; 3 — бусы (1–3 — бронза; 3 — камень, бронза)

или служили для подвешивания каких-либо предметов (например, бубенчиков). Большая часть колечек имеет сомкнутые концы, в двух погребениях (9-I, II) они были загнутоконечными, в одном (№ 13), возможно, завязанными.

Перстнеобразные кольца широко распространены по всему славянскому миру и не поддаются четкой датировке.

Трехбусинные. Одно трехбусинное кольцо найдено в кургане 4-I. Бусины гладкие, каждая состоит из двух полых половинок (рис. 6, 1).

Подобные кольца В.П. Левашева датирует X—XII вв. (Левашева, 1967а. С. 41).

Гривны шейные

Остатки шейных гривен (по-видимому, полужгутовых) в виде фрагментов пластинчатых концов обнаружены в курганах 13 и 14-II. В одном случае они были сделаны из плохо сохранившегося низкопробного серебра, в другом —

из оловянного сплава. О том, что основной дрот гривен был витым, можно судить по еле видимым остаткам проволок на концах пластин.

Браслеты

Тонкодросовые с расплюснутыми концами (по типологии В.П. Левашевой «дротовые уплощенноконечные»). Один экземпляр происходит из кургана 4-II.

Этот тип браслетов датируется XI—XII вв. (Левашева, 1967б. С. 214—215).

Пластинчатые загнутоконечные (курган 9-II и 15) (рис. 8, 2)

Браслет из кургана 9 орнаментирован зубчатым штампом, орнамент на втором не виден из-за его плохой сохранности; концы браслета связаны бронзовой проволокой.

В Новгороде браслеты этого типа датируются концом XI — серединой XIV в., однако наибольшее их распространение приходится на конец

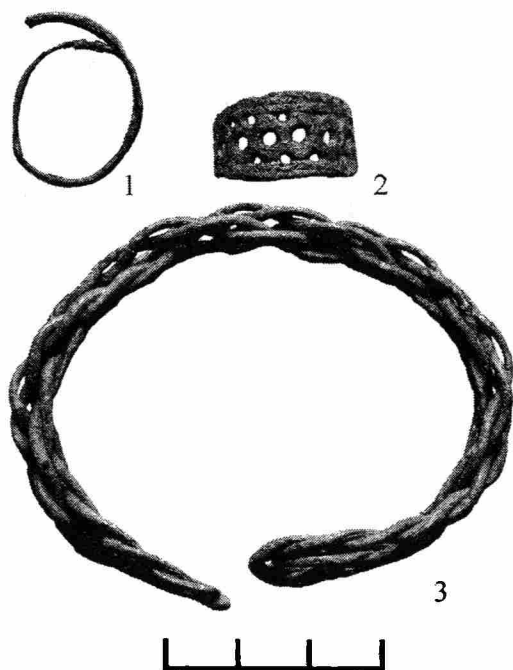

Рис. 7. Инвентарь кургана 28.

1 — височное кольцо; 2 — перстень; 3 — браслет
(1 — серебро; 2, 3 — бронза)

XII — конец XIII в. В.П. Левашева датирует их концом XI — XIII в. (Седова, 1981. С. 113; 1997. С. 76; Левашева, 19676. С. 236–237).

Пластинчатые узкоконечные с закругленными концами. Браслет из кургана 13 украшен циркульным орнаментом и треугольниками из гравированных линий. В.П. Левашева датирует подобные браслеты XI—XIII вв. (Левашева, 19676. С. 235).

Пластинчатые. Тип не ясен, т. к. в двух курганах (9-II и 30-I) сохранились лишь их обломки.

Ложновитые с расширяющимися плоскими треугольными концами. Браслет из кургана 14 повторяет форму витых браслетов с миндалевидными наконечниками. Дата их: конец XI — конец XII в. (Левашева, 19676. С. 226).

Витые (2 x 3) (курган 28) (рис. 7) Витые браслеты часты в вятичских курганах. Основываясь на типах витых браслетов, А.В. Арциховский датировал вятичские курганы XII, XIII и XIV вв. К последней группе памятников относятся те, в которых встречены сложновитые (в том числе и витые 2 x 3) браслеты. Т.В. Равдина пересмотрела даты, предложенные А.В. Арциховским, и отнесла сложновитые браслеты к XII—XIII вв. (Равдина, 1968. С. 118).

Плетеные завязанные (курган 30-I). Браслет в сечении треугольный, завязан на оба конца; между «завязками» узел в форме «улиточки».

Время бытования подобных браслетов в сельских памятниках Руси XI—XII в. (Левашева, 19676. С. 228) (рис. 9, 2).

Перстни

Рубчатые простые. В четырех погребениях (4-I, 6, 9-I, 14) найдено по одному перстню и только в кургане 2-I обнаружено 4 рубчатых кольца, лежащих на куске дерева и кожи. Этот тип украшений широко распространен в древнерусских древностях с конца XI до конца XIV в., по всей видимости, их можно считать этнически определяющим признаком славян (Седова, 1981. С. 122; 1997. С. 76) (рис. 6, 2).

Ложновитые. Отлиты в формах, сделанных по отпечаткам витых перстней. Такие кольца найдены в четырех курганах (4-I, 5-I, 9-II, 30-I). Дата их чрезвычайно широкая от XI до XV в.

Дротовые. Сплошные или с суживающимися заходящими концами, в сечении круглые или овальные. Имеют такую же широкую дату как рубчатые перстни (курган 4-I, II, 6, 22).

Плетеные. Найден один плетеный перстень в кургане 23. В основе его гладкая тонкая бронзовая проволока, вокруг которой и произведено плетение. По всей видимости, перстень был завязанным, о чем свидетельствуют остатки на конце обломанной части. Вероятная дата: XI — начало XII в.

Пластинчатые широкосрединные (рис. 4, 3):

- а) литые, с выпуклым продольным ребром (4-I, 9-I);
- б) литой с плетеным орнаментом (№ 33);
- в) тонкопластинчатые, кованые (4-I, II — 4 экз.).

Последний вариант перстней интересен тем, что орнаменты, нанесенные на них гравировкой и штампом, полностью повторяют декор вятичских литых ячейковых перстней с трехчастным или пятичастным делением, датируемые Т.В. Равдиной временем, начиная с третьей четверти XII в. (Равдина, 1978. С. 137).

Решетчатые:

- а) однозигзаговые (4-II, 10) (рис. 3, 3);
- б) двухзигзаговые (22);
- в) многозигзаговые (28).

Решетчатые перстни характерны для племени вятичей, причем первые два типа А.В. Арциховский относил к наиболее ранней группе вятичских древностей. В Новгороде двухзигзаговый перстень найден в слое 60–70-х гг. XII в.; этим временем и следует датировать каблукские находки (Арциховский, 1930. С. 73–78; Седова, 1997. С. 77).

Рис. 8. Инвентарь кургана 9 (погребение II).

1 — височные кольца; 2 — браслет; 3 — перстень; 4 — набор амулетов; 5 — бусы (1-4 — бронза; 5 — камень)

Несколько более поздними следует считать многоромбовые перстни, однако более точную дату их определить не представляется возможным.

Подвески

Бубенчики: а) грушевидные с крестообразной прорезью (4-II, 10, 14). В курганах найдено по одному бубенчику, в кургане 4-II он висел на проволочном колечке (рис. 4, 2).

б) шаровидные с щелевидной прорезью (4-II, 7, 10, 30-I). Найдены в погребениях по одному экземпляру. Исключение составляет курган 4-II, в котором на груди женского костяка и по сторонам черепа найдено 6 связок из 2-х, 3-х и 6-ти бубенчиков на колечках (рис. 4, 1).

В Новгороде грушевидные бубенчики встречаются в слоях конца X — начала XI в. В.А. Мальм и М.В. Фехнер датировали их концом X — началом XII в., а шаровидные — концом XI — XIII в., отмечая, что наибольшее распространение они получили в XII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 142, 145). Следует отметить, что в двух случаях (к. 4-II и 10) оба типа встречены вместе.

Трапецевидные. Четыре, плохо сохранившиеся подвески из тонких бронзовых пластин с отверстиями для подвешивания найдены слева у черепа женского костяка в кургане 14. Возмож-

но, они являлись деталью височного кольца, характерного для финно-угров.

Набор амулетов. В кургане 9-II справа у головы погребенной женщины в берестяном туесе, завернутый в шерстяную ткань, на цепочке из двойных и тройных спиральных бронзовых колечек находился набор ритуальных предметов. В него входят: конек «смоленского» типа, плоская прорезная уточка, подвеска в виде сдвоенного ножа, проволочное кольцо с завязанными концами и кольцо, круглое в сечении с суживающимися концами диаметром 1,7 см (возможно, детский перстень) (рис. 8, 4).

Смоленские находки плоских уточек Е.А. Рябинин датирует рубежом XI/XII и XIII вв., а коньки «смоленского» типа — XII в. (Рябинин, 1981. С. 17–18, 28) Весь набор амулетов следует отнести к началу XII в.

Бусы

Сердоликовые бипирамидальные (4-I, II, 9-I, 10, 21, 22, 30-II) (рис. 4, 5).

Сердоликовые призматические шестигранные (10).

Хрустальные шарообразные (5-I, 9-II) (рис. 8, 5).

Хрустальные кольцевидные (4-I) (рис. 6, 3).

Сердоликовые и хрустальные бусы в одном ожерелье чаще всего встречаются в курганах вятичей и прилегающих районах кривичей и датируются XI—XIII вв. Замечено, что в более поздних вятичских курганах встречаются только одни хрустальные шарообразные бусы. В Каблукове таких случаев два (№№ 5 и 9). Оба погребения совершены в могильных ямах. По-видимому, эти курганы следует датировать более поздним временем, чем основная масса насыпей (Фехнер, 1959. С. 152, 156).

Желтостеклянные шарообразные (4-II, 9-I) (рис. 4, 5). М.В. Фехнер датирует их концом XI — началом XIII в. и отмечает, что такие бусы получили наибольшее распространение в центральной части вятичской земли, где, по-видимому, был центр их изготовления (Фехнер, 1959. С. 172).

Золотостеклянные бочкообразные и цилиндрические (14, 15, 16, 23). Не всегда можно с точностью определить форму бус из-за их плохой сохранности.

Серебростеклянные ребристые (к. 15). Золото- и серебростеклянные бусы были распространены с конца X до начала XII в., но наибольшее распространение получили в XI в. (Фехнер, 1959. С. 160).

Трубочки глухого стекла с росписью желтого цвета (к. 14). М.В. Фехнер датирует их XI—XII вв.

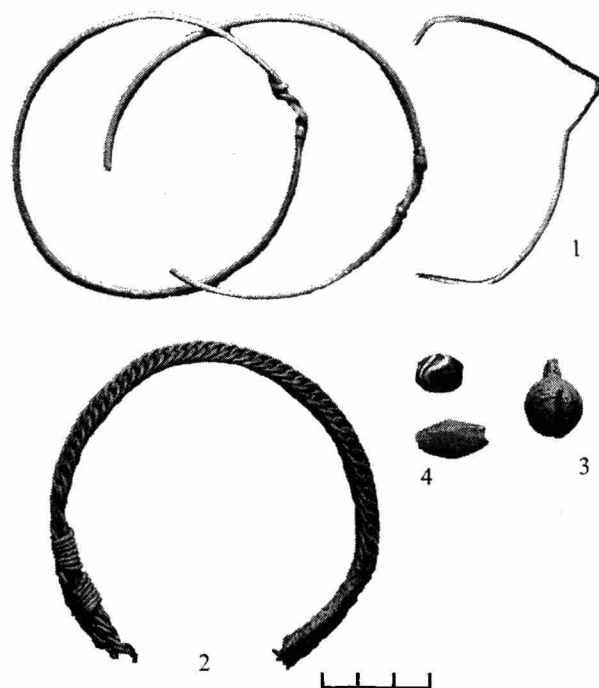

Рис. 9. Инвентарь кургана 30 (погребение I и II).

1 — височные кольца; 2 — браслет; 3 — бубенчик; 4 — бусы (1–3 — бронза; 4 — стекло, сердолик)

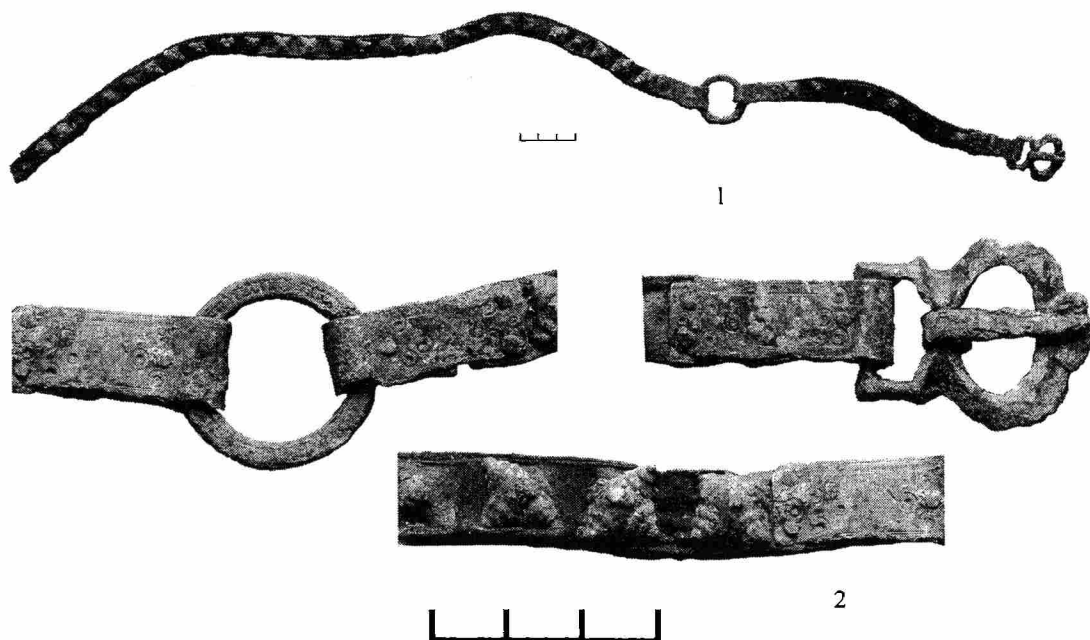

Рис. 10. Пояс (1) и детали пояса (2). Курган 20. Кожа, бронза

Стеклянные зонные, желтые и зеленые (22, 33). М.В. Фехнер отмечает, что к началу XII в. появляются русские стеклянные бусы разных форм и цвета и доживают до начала XIII в. (Фехнер, 1959. С. 171).

Стеклянная эллипсоидная с пластичным узором (к. 30-II) черного цвета с белыми и красными волнистыми линиями (рис. 9, 4). Ю.Л. Шапова датирует подобные бусы концом X — началом XI в., отмечая, что такие бусы являются византийским импортом (Шапова, 1997. С. 85).

Янтарная кольцевидная (к. 14).

Металлические полусферические (к. 4-I) (рис. 6, 3).

Бронзовые спиральки-пронизки (к. 4, II, 9-I) (рис. 4, 5).

Пояс лежал около правой ноги погребенного в кургане 20. Здесь же находилась коса-горбуша, которая не сохранилась. Над поясом и под ним — слой тлена от луба и куски обугленного дерева. По-видимому, пояс находился в берестяном туесе или деревянном ларце (рис. 10).

Длина сохранившейся части пояса — 64 см, ширина — 1,2 см. Он состоит из двух слоев кожи, скрепленных между собой бронзовыми бляшками, шпеньки которых проходили через оба слоя и закреплялись на обороте шайбочками, которые не сохранились (видны их отпечатки на коже).

Первоначально (по свидетельству раскопщиков) на поясе было 48 бляшек, к моменту

его открытия их насчитывалось 36, в настоящее время осталось 24 целых и обломанных накладки; хорошо видны на коже отпечатки еще 13 бляшек.

Бляшки имеют форму четырехлепестковой, слегка выпуклой скорлупки с вогнутыми сторонами, уголки которых орнаментированы параллельными полосами; в центре бляшки — один шпенок для прикрепления к ремню.

На конце пояса сохранилась лировидная пряжка, соединенная с кожей бронзовой обоймицей. Через 16 см от нее пояс прерывается плоским орнаментированным кольцом, которое также соединяется с ремнем с двух сторон бронзовыми обоймами.

Полную аналогию каблуковским представляют бляшки и пряжка, найденные в кургане 13 у д. Беседы Московской обл., из раскопок А.В. Арциховского в 1946 г.⁴ Близкие по форме бляшки, поясное кольцо и 2 лировидные пряжки происходят из кургана 2 у д. Матвеевская Московской обл. Оба погребения датируются XII в. (Латышева, 1954. С. 53)

Серп находился в 20 см от левой ноги мужского захоронения в кургане 7. Он был сломан в древности, части его лежали крест-накрест. А.В. Арциховский отмечал, что все серпы у вятичей найдены в женских погребениях. Однако позже выяснилось, что их находят как в женских, так и в мужских захоронениях (Арциховский, 1930. С. 96; Недошивина, 1974. С. 13) (рис. 11).

⁴ Архив ИА РАН. Р-1. № 74. Коллекция хранится в музее кафедры археологии МГУ.

Рис. 11. Серп из кургана 7

Оселок (обломок) найден в ровике кургана 19 на слое золы и угля на гл. 0,37 м.

Крест-нательник. Небольшой (3×2 см) бронзовый крест с прямыми, слегка срезанными концами. На одной стороне — распятие, на другой изображение не читается. Может быть датирован XVI—XVIII в. (Беляев, 1994. С. 306, табл. 106).

Керамика

Целые сосуды найдены в 10 погребениях. Горшки сделаны на гончарном круге, тесто — красноеглиняное с примесью большого количества песка. Горшки слабопрофилированы. Орнамент (волнистый и линейный) располагается, как правило, только под венчиком. Интерес представляет горшок из кургана 29, все тулово которого покрыто орнаментом, образованным вдавлениями треугольного штампа (рис. 12).

Слабопрофилированные горшки восходят к традиции XI в., встречаются в погребениях конца XI — начала XII в., продолжая бытовать и в XII в. Т.В. Равдина отнесла ряд сосудов Каблуковских курганов к первой половине XII в. (Равдина, 1991. С. 9).

Рассмотрев погребальный обряд и инвентарь Каблуковских курганов, приходим к заключению, что кладбище функционировало с конца XI до конца XII в. Об этом свидетельствуют не только детали погребальной обрядности: захоронения большей части умерших на материке, ритуальная роль огня, сосуды, поставленные в могилы, — черты, характерные для ранних погребений, но и инвентарь захоронений. Так, большая часть вещей может быть датирована концом XI — началом XII в. Среди них браслетообразные и трехбусинные височные кольца, плетеные, завязанные и тонкодротовые с расплюснутыми концами браслеты, бубенчики грушевидной формы с крестообразным разре-

зом, набор амулетов, бусы золото- и серебростеклянные, а также эллипсоидная с пластичным узором. К первой половине XII в. Т.В. Равдина относит и горшки из погребений.

Несколько более поздним временем может быть датирована другая группа украшений. К ним следует отнести витой (2×3) браслет, перстни решетчатые и пластинчатые широкосрединные с «вятичским» орнаментом, стеклянные зонные бусы. Однако четкую грань между двумя группами памятника провести чрезвычайно сложно.

Картинирование двух групп украшений показало, что ранние насыпи располагались в центральной части западной половины кладбища, более поздние — по ее краям и в восточной половине курганной группы. С более поздними вещами погребенные лежали в могильных ямах (курганы 28, 33).

Каблуковские курганы оставлены кривичским населением. Большие браслетообразные с двумя завязанными концами височные кольца, обнаруженные в 7 захоронениях, являются, как уже было сказано выше, этноопределяющим признаком смоленских и полоцких кривичей. В Каблукове они преобладают.

Аналогичные памятники характерны для данного региона. Достаточно назвать курганные группы в Болшеве, Пирогове, Кузнецовке, Каргашине и др., где встречен материал, идентичный каблуковскому. Во всех этих кладбищах отсутствуют семилопастные височные кольца вятчей. Однако целый ряд вещей, находимых в погребениях (решетчатые перстни, витые и пластинчатые загнутоконечные браслеты, желто-стеклянные, сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные бусы, характерные для вятчских захоронений) свидетельствует о том, что данный регион является пограничным, где происходило смешение разных этнических групп.

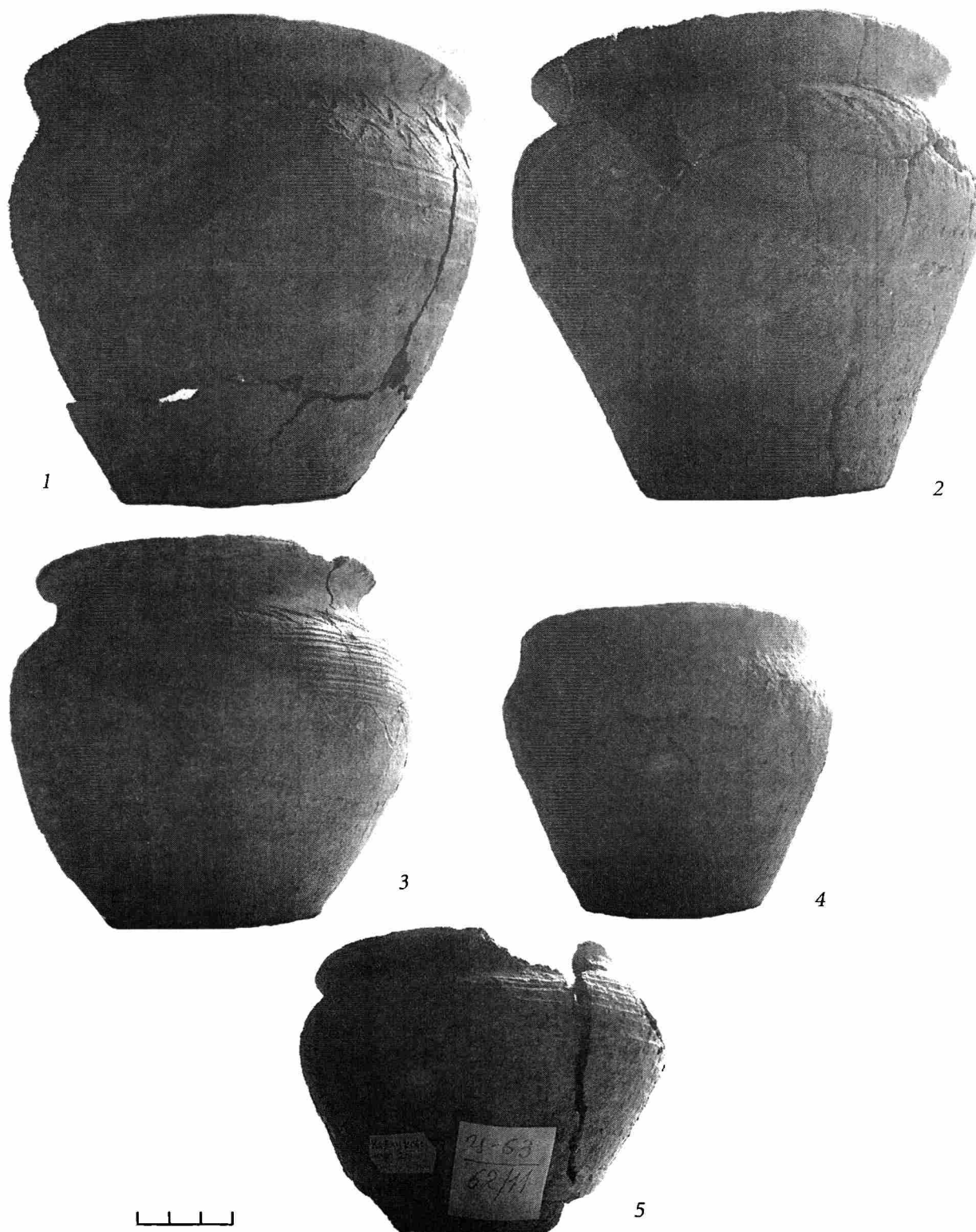

Рис. 12. Целые сосуды из погребений.

1 — курган 12; 2 — курган 29; 3 — курган 7; 4 — курган 10; 5 — курган 25

Ряд признаков, такие как: бронзовые спиральки в ожерельях, кольца в «нагруднике», связки бубенчиков и отдельные их экземпляры, лежащие по сторонам костяков, пояс в ногах по-

гребенного можно связывать с финно-угорским этносом, следы которого прослеживаются не только в Каблуковских курганах, но и в ряде сопредельных памятников.

Литература

- Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Беллев Л.А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.
- Богоявленский С.К., 1947. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. № 7.
- Кызласов Л.Р., Коновалов А.А., 1968. Работа славянской экспедиции // АО 1967. М.
- Латышева Г.П., 1954. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИРМ. Вып. 5. М.
- Левашева В.П., 1967а. Височные кольца // Очерки по истории Русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Левашева В.П., 1967б. Браслеты // Очерки по истории Русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Перстни-бубенчики // Очерки по истории Русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Недошивина Н.Г., 1974. Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв. / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 32. М., 1956.
- Равдина Т.В., 1968. О датировке витых браслетов // КСИА. № 113.
- Равдина Т.В., 1978. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне. М.
- Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // МК. М.
- Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1973. Список археологических памятников Московской области. М.
- Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.
- Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древней Руси // Очерки по истории русской деревни. Тр. ГИМ. Вып. 33. М.
- Щапова Ю.Л., 1997. Украшения из стекла // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.

Приложение

Краткое описание погребений

Курган № 1. Восточная пола срезана дорогой. Диаметр — 7,4 м, высота — 1 м.

В юго-западной части кургана — ровик. По всей площади кургана на материке — мелкие вкрапления угля.

Насыпь состояла из двух слоев: нижнего из светлого песка с включением суглинка и верхнего из песка с примесью камней и гальки. По всей видимости курган был насыпан в два приема.

Погребение мужчины 60–70 лет расположено в центре кургана в яме (3,00 × 1,3 × 1,20 м)¹. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на СЗ, череп повернут вправо. Кисть правой руки расположена на тазовых костях, левая вытянута вдоль тела. Поверх костяка следы древесного тлена, подстилающего слоя не обнаружено — по-видимому, погребенный лежал в гробу или колоде.

Вещи отсутствуют.

Курган № 2. Диаметр СЮ — 10 м, ЗВ — 9,50 м, высота — 1,1 м.

Вокруг насыпи три ровика; северный, юго-восточный и юго-западный. Курган был ранее копан — в профиле и в центре насыпи видны следы грабительской ямы, не дошедшей до материка. В насыпи отдельные фрагменты керамики.

Погребение 1. В центре кургана на материке — череп (никаких других костей не обнаружено). Погребенный лежал головой на запад (или на СЗ). У теменных костей — браслетообразные завязанные на один или оба конца височных кольца. К ЮВ от 0 — два рубчатых перстня на куске кожаного ремешка. В 0,2 м к Ю от 0 — кусок дерева и на нем один целый и половина второго рубчатого перстня.

В 0,53 м к западу от черепа — два кованых гвоздя. Еще один гвоздь², согнутый под прямым углом — в 1,25 м к СВ от 0. Рядом с ним раздавленный горшок (по-видимому, в ногах), вокруг которого мелкие куски древесного угля.

Погребение женщины в гробу.

Грунтовая могила № 2 находилась в северном ровике, сразу под дерном. Длина ее — 2,2 м, ширина — 1,00 м, глубина — 1,60 м.

В заполнении могильной ямы и в непосредственной близости от нее на разных глубинах встречаются кости животных; коровы и лошади.

За границей могильной ямы, под слоем дерна — железный кованый гвоздь. В пределах ямы еще 3 гвоздя.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к северу, череп повернут влево. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте. Длина кости — 1,58 м.

Вокруг костяка найдено 37 железных кованых гвоздей*, расположенных по периметру ямы, шляпками вверх и вниз. По находкам дерева и гвоздей можно судить о наличии гроба.

В 0,3 м от правого плеча найден небольшой медный крест и остатки кожаного мешочка, в котором он был заключен.

К северу от ног погребенного на дне могильной ямы — скопление древесных угольков.

По мнению раскопщиков, в грунтовой могиле был похоронен человек, умерший насильственной смертью, о чем говорит повреждение черепа в затылочной части.

Погребение № 2 вторичное.

Курган № 3. Диаметр СЮ — 9,4 см, ЗВ — 10 м, высота — 1,80 м. С юга, севера и востока — три ровика. В насыпи повсеместно встречались вкрапления угольков. Под дерном в северо-восточном секторе обнаружены фрагменты рубчатых костей.

В центре кургана — погребальная яма (3,25 × 1,35 × 1,50 м), вырытая в материке. Она имела прямоугольную форму с закругленными углами. Остатки луба перегораживали яму с запада и

¹ Глубины могильных ям указаны во всех случаях от материка. Размеры курганов и могильных ям указываются после измерения их на чертежах.

² Коллекция хранилась на кафедре археологии МГУ до 1998 г., когда она была передана в ГИМ (инв. № 109543). К этому времени часть вещей была утеряна и в ГИМ не поступила. Эти вещи в описаниях отмечены звездочкой.

востока в головах и ногах погребенного, не доходя до ее стенок.

Костяк лежал на спине, головой на СЗ, череп повернут вправо. Сохранность скелета плохая, кости рук не сохранились. На тазовых костях остатки луба. Вещи отсутствуют.

Курган № 4. Насыпь сооружена в два приема. Диаметр СЮ — 10,5 м, ЗВ — 11,20 м, высота — 1,80 м.

Близ нулевого кола в насыпи круглая яма (0,9×0,8, глубиной 0,4 м). С северо-востока и юга — два ровика.

В центре кургана на материке два одновременных погребения.

Погребение 1. Погребенная лежала на спине, вытянуто, головой на СЗ, череп повернут вправо. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута, кисть лежит на тазовых костях. У затылочной части черепа — трехбусинное (бусины из двух гладких половинок) височное кольцо.

На шее — ожерелье из бус; полых металлических полусферических (47), сердоликовых бипирамидальных (8), одной кольцевидной хрустальной и бронзовых пронизок. На руках — 7 перстней; 3 — на правой (рубчатый простой, пластинчатый широкосрединный и круглодротовый с утолщенной средней частью) и 4 — на левой (рубчатый простой, ложновитой, круглодротовый с утолщенной серединой и пластинчатый с продольным выпуклым ребром). Под костяком и поверх грудной клетки — следы древесного тлена от гроба или подстилки.

Погребение № 2. Расположено южнее погребения 1 и параллельно ему. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. В теменной части черепа — отверстие диаметром 1,5 см. Руки согнуты в локтях, кисти — на тазовых костях.

Остатки нагрудника, расшитого мелкими медными кольцами (взять их не удалось из-за плохой сохранности), находились под челюстью. На шее была проволоочная гривна, от которой сохранились лишь пластинчатые концы и ожерелье из сердоликовых бипирамидальных (9) и желтостеклянных шарообразных (2) бус, которое оканчивается бронзовыми спиральками-пронизками (9). На груди — привески-бубенчики; 1 грушевидный с крестовидной прорезью 4 на одном кольце* и 6 шарообразных с щелевидной прорезью на одном кольце.

На правой руке — браслет круглодротовый с расплюснутыми концами и 2 перстня; пластинчатый широкосрединный литой и решетчатый однозигзаговый. На левой руке также 2 перстня; дротовый и пластинчатый широкосрединный. У правого плеча на тлене черного цвета

(ткань?) — пластинчатый широкосрединный перстень.

В 0,12 м к СЗ от черепа на деревянной дощечке лежали шарообразные бубенчики с щелевидной прорезью; 3 — на кольце, 3 связки по два экземпляра на кольце, 1 бубенчик на кольце.

Вокруг костяка прослеживаются следы от гроба, расширяющегося к голове и имеющего в западной части выступ в южную сторону. Длина его 2,50 м, ширина в ногах 0,56 м, в головах — 1,00 м.

В ЮЗ секторе на материке остатки кострища (1,64 × 1,06 м) мощностью 0,06 м.

Курган № 5. Диаметр — 8 м, высота — 1 м. В насыпи в разных местах три фрагмента сосуда. В Центре кургана вырытые в материке две могильные ямы.

Погребение 1. Расположено в яме прямоугольной формы со скругленными углами (2,5×0,90×0,40). Близ северной стенки находились фрагменты горшка, расположенного вверх дном*.

Погребенная лежала на спине, вытянуто, головой на СЗ. Фаланги пальцев правой руки и лучевая левой лежат на тазовых костях. Длина костяка 1,60 м.

На шее погребенной — проволоочная гривна*, у затылка справа — 2 перстнеобразных с заходящими концами височных кольца. Рядом с ними сердоликовая бипирамидальная* и круглая хрустальная бусины; одна хрустальная бусина найдена у левого плеча и одна в районе грудной клетки.

Еще одна сердоликовая бусина* находилась в 1,22 см к северу и в 0,2 м к западу от 0, два проволоочные полукольца находились на грудной клетке*.

На правой руке было 2 ложновитых перстня (одного нет); кусочек медной проволоки*, согнутой крючком, лежал слева от таза.

Погребение 2. Располагалось в яме южнее погребения 1. Яма имела прямоугольную форму со скругленными углами (2,65 × 1,00 у головы и 1,15 в ногах × 0,40 м).

Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ, в теменной кости — отверстие. Правая рука согнута в локте и лежит на тазовых костях, левая вытянута вдоль тела. Длина костяка 1,70 м. Находки отсутствуют. В кургане одновременное парное погребение.

Курган № 6. Диаметр СЮ — 6,5 м, ЗВ — 6 м, высота — 1,25 м. Насыпь сооружалась в два приема. Вокруг насыпи три ровика.

На глубине 0,15–0,25 м близ центра кургана в СВ секторе обнаружено скопление камней. От-

дельные камни встречаются на всей площади восточного сектора на разных глубинах.

На глубине 0,8 м к западу от 0 обнаружены кости коровы и овцы; к западу от них — пятно с вкраплениями угольков ($0,66 \times 0,44 \times 0,15$ м).

В ЮВ секторе на глубине 0,90 м — фрагменты керамики*.

Погребение женщины находилось в могильной яме ($2,20 \times 0,70 \times 1$ м) в центре кургана. Длина костяка 1,41 м. Он лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Кости плохой сохранности, и о положении рук говорить трудно. Однако находка дротового перстня в районе тазовых костей позволяет предположить, что правая рука лежала на тазу.

Справа и слева у черепа находились браслетообразные височные кольца в обломках — одно загнутоконечное, одно с напущенной металлической цилиндрической бусиной. У затылочной части — обломки металлического предмета. Между бедренными костями лежал рубчатый перстень.

В южном ровике на глубине 2,38 м найдены кости коровы; к СЗ от них — вторая группа костей.

Курган № 7. Диаметр СЮ — 8,40 м, ЗВ — 9,08 м, высота — 1,25 м. Вокруг кургана два ровика: северный и южный.

Погребение находилось в центре кургана на материке. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Правая рука вытянута, левая не сохранилась.

У правой ступни стоял горшок с линейным и волнистым орнаментом. В 20 см от левой ноги лежал серп, сломанный в древности на две части, положенные друг на друга. На тазовых костях слева найдено перстнеобразное височное кольцо.

В южном ровике на глубине 1,90 м обнаружен бубенчик с щелевидной прорезью.

Курган № 8. Диаметр — 8,6 м, высота — 0,8 м. Вокруг насыпи — три ровика, в ней — включения мелких угольков и камней.

В СВ секторе на глубине 0,45 м найдены две трубчатые кости животных, в СЗ секторе в слое дерна — фрагменты челюсти животного.

На глубине 0,67 м в 2,8 м к западу от 0 обнаружены 3 фрагмента венчиков от сосуда.

Погребение расположено в центре кургана на материке. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль тела.

В ногах находился горшок*.

Курган № 9. Диаметр — 8,75 м, высота — 1,20 м.

В насыпи — включения мелких камней и угля. Курган окружают 4 ровика: северный, западный, юго-западный и юго-восточный.

Погребение 1. В 1 м к югу от центра кургана на выжженном материке — плохо сохранившиеся кости черепа и бедренная кость левой ноги. Погребенный лежал головой на запад.

По сторонам черепа обнаружено по 3 браслетообразных, завязанных обоими концами височных кольца и 2 перстнеобразных височных кольца. На шее было ожерелье: 4 сердоликовых бипирамидальных, обломки желтостеклянных шарообразных бус и 3 бронзовых спиральки-пронизки.

Около правой ноги лежали 2 перстня: широкосрединный с выпуклым продольным ребром и рубчатый.

Под костяком и над ним прослежены остатки дерева — по-видимому, погребенная лежала в колоде.

Курган был насыпан над этим погребением, затем насыпь была прорезана погребальной ямой второго захоронения.

Погребение 2. Совершено в могильной яме, прорезавшей насыпь с самого верха и уходящей в материк. Яма ($2,45 \times 0,88 \times 1,25$ м) находится в 1 м к северу от центра насыпи.

Погребенная лежала головой на запад. От костяка сохранились лишь кости черепа.

По сторонам черепа найдено по 3 браслетообразных, завязанных обоими концами височных кольца и по 1 перстнеобразному загнутоконечному височному кольцу; на шее — 9 хрустальных шарообразных бус. На руках было по одному пластинчатому браслету (один загнутоконечный, от второго — лишь обломки). На фаланге пальца правой руки — ложновитой перстень.

Справа у головы обнаружено донце берестяного туеса (?), в котором на остатках шерстяной ткани лежала цепочка с набором амулетов. В него входили: конек «смоленского» типа, плоская прорезная уточка, привеска в виде сдвоенного ножа, детский перстень (?) и 1 проволоочное кольцо с завязанными концами.

Бронзовая пластина найдена к северо-востоку от черепа*. На черепе — следы шерстяной ткани и луба.

Курган 10. Диаметр СЮ — 7,30 м, ЗВ — 7,60 м, высота — 1,25 м.

Вокруг насыпи три ровика: северо-восточный, юго-восточный и западный. В насыпи мелкие угольки.

Костяк находился в центре кургана на материке. Он лежал на спине, вытянуто, головой на

запад. Лучевые кости рук разбросаны, поэтому об их положении судить невозможно.

Под челюстью обнаружены 3, а к ЮЗ от черепа — 1 сердоликовые бипирамидальные бусины*, а одна сердоликовая призматическая шестигранная — к СЗ от черепа. Близ черепа — 2 браслетообразных, завязанных обоими концами височных кольца. Два аналогичных кольца лежали на берцовых костях левой ноги, рядом с ними, между ног находились два бубенчика: грушевидный и шарообразный. Под одним из них прослеживалось пятно тлена коричневого цвета (по-видимому, ткани). Возможно, бубенчик лежал в каком-то мешочке.

Близ левой ноги стоял горшок. К западу от левой плечевой кости найден решетчатый однозигаговый перстень.

Курган 11. Диаметр СЮ — 7,20 м, ЗВ — 7,65 м, высота — 1,25 м. Насыпь со всех сторон окружают четыре ровика.

Погребение расположено на материке, на котором встречаются угольки и зола. Костяк лежал на выжженном материке, на спине, вытянуто, головой на запад. Левая его рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, фаланги лежат у подбородка.

Вокруг костяка четко прослеживались следы дерева от гроба, найдены и 2 гвоздя от него (1 отсутствует).

Курган № 12. Диаметр СЮ — 9,10 м, ЗВ — 8,20 м, высота — 1,8 м.

В насыпи мелкие угольки. Почти вся насыпь с СЗ на ЮВ окружена ровиком, в ЮВ части — еще один ровик трапециевидной формы.

В западной части кургана в направлении ЮЗ-СВ проходит грабительская яма, доходящая до материка и почти полностью разрушившая погребение, от которого сохранились лишь кости ног. Остальные кости сброшены грабителями в западную часть ровика.

Погребенный лежал на материке, головой на запад, в ногах у него стоял горшок.

Курган № 13. Диаметр — 6,85 м, высота — 1,10 м.

В насыпи — мелкие угольки.

Южная половина кургана повреждена грабительской ямой, в выбросе которой встречались кости человека (по-видимому разрушенное полностью вводное погребение). С трех сторон — ровики: северо-западный, северо-восточный и юго-западный.

Погребенная лежала в центре кургана на материке, вытянуто, на спине, головой на северо-

запад. Кости грудной клетки и левая рука почти полностью отсутствуют. Правая рука согнута в локте и лежит на тазу.

Под черепом находились следующие вещи: шейная гривна (сохранились пластинчатые концы в обломках), височные кольца перстнеобразные (?). На левой руке — пластинчатый браслет с суживающимися концами.

Курган № 14. Диаметр — 7 м, высота — 1 м.

В насыпи — мелкие угольки. С северной стороны — ровик.

Погребение находилось в центре кургана на материке. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. Сохранность костей плохая. Длина костяка 1,1 м (погребение детское).

В районе шейных позвонков обнаружены бусы: 8 пастовых трубочек со следами росписью желтого цвета, 6 бочкообразных золотостеклянных, 1 янтарная кольцевидная и 38 бисеринков желтого цвета.

Слева у черепа — 6 бронзовых пластинок неправильной четырехугольной формы с пробитыми дырочками³, бубенчик с крестовидной прорезью, тонкое проволочное колечко и фрагменты металлического предмета.

Слева и справа у черепа по 2 тонких бронзовых колечка. На руках по одному браслету: один — ложновитой с миндалевидными концами, второй сохранился во фрагментах. Справа у таза — рубчатый перстень (по-видимому, с правой руки).

Курган № 15. Диаметр СЮ — 7,30 м, ЗВ — 5,30 м, высота — 1 м.

Насыпь сооружалась в два приема. Вокруг нее три ровика: северный, юго-восточный и юго-западный.

На глубине 0,42 м и 0,60 м к северу от 0 — обугленный кусок дерева (0,32 × 0,2 м), под которым слой насыпи прокален.

В СВ секторе на глубине 0,55 м обнаружены кости животных. В различных частях ЮЗ сектора найдено 10 фрагментов сосуда на материке вокруг костяка.

В центре кургана на материке, в углу ЮЗ сектора находилось погребение. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на З — СЗ. Руки вытянуты.

У затылочной кости черепа 4 перстнеобразных височных кольца; около шеи бусы: 3 золотостеклянных битрапециодных малых, 1 рубчатая серебростеклянная, а также скрученное бронзовое колечко. На левой руке пластинчатый загнутый концевой браслет.

³ Не сохранилась часть бус, 2 пластинки и 3 перстнеобразных кольца.

Курган № 16. Диаметр СЮ — 7,9 м, ЗВ — 8,5 м, высота — 1,25 м.

По всей насыпи — угольки. Вокруг насыпи два ровика: северо-западный и южный.

Погребение расположено в центре кургана на слое пережженного песка с включением большого количества угля и золы размером $3,80 \times 5,9$ находящегося на материке. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Сохранность костей плохая — кроме черепа сохранилось лишь два ребра и бедренная кость правой ноги.

Справа у головы стоял горшок*, под головой 9 золото- и серебростеклянных бус. Захоронение девочки 5-6 лет (длина костяка 0,8-0,9 м, молочные зубы).

Курган № 17. Диаметр СЮ-5,65 м, ЗВ — 6,10 м, высота 1 м.

Насыпь сооружалась в два приема.

Курган окружают три ровика: северо-восточный, западный и юго-западный.

Погребение находилось в центре кургана на материке. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на СЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и положена на таз.

Вещи отсутствовали.

Курган № 18. Диаметр — 9 м, высота — 1,20 м.

Вокруг насыпи 4 ровика: северо-восточный, юго-восточный, юго-западный и северо-западный. Насыпь сооружалась в два приема.

Под дерном в восточной половине кургана разбросано 7 камней размером от 0,2–0,8 м до 0,26–0,35 м.

В центре кургана на гл. 0,30–0,50 м прослеживались контуры могильной ямы, которая прорекает первоначальную насыпь и доходит до материка.

Размеры ямы: $3 \times 1 \times 1,25$ м (от 0). Костяк почти не сохранился.

Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на З. Вещи отсутствовали.

По-видимому, первое погребение, над которым была сооружена первоначальная насыпь, не сохранилось.

Курган № 19. Диаметр — 6 м, высота — 0,85 м.

В насыпи — угольки.

Насыпь окружают 4 ровика: С-СВ, В-ЮВ, Ю-ЮЗ, З-СЗ.

Погребение расположено в центре кургана на материке. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Кости рук отсутствуют. В ногах — развал горшка.

Длина костяка 1,08 м. По-видимому, захоронен мальчик.

В З-СЗ ровике была заложена траншея ($1,22 \times 1,75 \times 1,65 \times 1,75$).

На глубине 0,37 м от дернового слоя близ ЮЗ угла траншеи обнаружен слой золы и угля мощностью от 0,04 до 0,36 м, лежащий на материке. Под слоем дерна обнаружен обломок оселка.

Курган № 20. Диаметр СЮ — 11,6 м, ЗВ — 8,70 м, высота — 1,30 м.

В насыпи — угольки.

Насыпь окружают 4 ровика: СЗ, В, ЮВ, ЮЗ.

В СВ секторе на глубине 0,9 м — скопление древесного угля.

Погребение расположено в центре кургана на материке, по всей площади которого встречаются мелкие угольки. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Правая рука не сохранилась, левая слегка согнута в локте.

Около правой ноги находились коса-горбуша* с остатками деревянной рукоятки и кожаный наборный пояс с бронзовыми бляшками, пряжкой, кольцом и наконечником.* Первоначально на поясе было 48 бляшек, к моменту обнаружения на ремне сохранилось их 36; в настоящее время осталось 24 бляшки.

Над поясом — слой тлена от луба и небольшие кусочки обугленного дерева.

Курган № 21. Диаметр СЮ — 6,75 м, ЗВ — 7,15 м, высота — 1,15 м.

В южной половине кургана насыпь повреждена грабительской ямой овальной формы глубиной 1,16 м, в выбросе из которой встречаются человеческие кости.

Насыпь окружают три ровика: С, В и Ю.

Остатки костяка (большая его часть разбросана по грабительской яме) расположены в центре насыпи на материке. Сохранившиеся нетронутыми кости позволяют говорить о том, что погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на запад.

Вместе с костями разбросаны следующие вещи: 3 сердоликовые бусины, бронзовый дровяной перстень и 4 фрагмента керамики*, по-видимому, от одного сосуда.

Курган № 22. Диаметр СЮ — 7,20 м, ЗВ — 6,80 м, высота — 0,85 м.

В С-СВ части насыпи прослеживается ровик.

Насыпь в южной половине кургана нарушена двумя грабительскими ямами (к ЮЗ и ЮВ от 0), прорезавшими материк и частично нарушившими погребение. При зачистке этих ям были найдены кости человека, а в юго-западной яме — два куса медной проволоки*. В разных частях насыпи на глубине 0,35 м найдены два

фрагмента венчика сосуда. К юго-западу от 0 на глубине 0,8 м найден решетчатый двухзигаго-вый перстень. На глубине 0,2–0,3 м в насыпи найдены две кости животных.

Погребение совершено в центре кургана на выжженном материке. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль тела. Большая часть костей разбросана.

У костяка найдены следующие вещи: гладкий бронзовый перстень с утолщенной средней частью, 3 цилиндрических стеклянных (2 желтых, 1 зеленая) и 1 сердоликовая бипирамидальная бусины (последняя около черепа).

Курган № 23. Диаметр — 6 м, высота — 0,75 м.

В насыпи угольки, ровики отсутствуют.

В углу СЗ сектора на материке — остатки детского погребения, от которого сохранились лишь часть костей черепа и берцовая кость. Погребенный лежал головой на запад. В 90 см к западу от черепа найдены следующие вещи: фрагмент проволочного кольца*, золотостеклянная бочкообразная бусина и обломок плетеного связанного перстня.

Курган № 24. Диаметр — 7 м, высота — 1 м.

В насыпи угольки и зола. В центре насыпи прорезана грабительской ямой глубиной 0,8 м, нарушившей погребение, о чем говорит находка в ней берцовых костей человека.

Вокруг насыпи три ровика: восточный, южный и северо-восточный.

На глубине 0,95 м в углу северо-западного сектора обнаружен фрагмент стенки сосуда*.

Погребение не сохранилось.

Курган № 25. Диаметр — 9,50 м, высота 0,60 м.

Ровики отсутствуют. В насыпи повсеместно вкрапления угля.

Погребение ребенка находилось в 1 м к северу от 0 на материке, головой на запад. Сохранились лишь фрагменты черепных костей. Около них обнаружено проволочное височное кольцо. В ногах — горшок. Погребенный лежал в гробу, о чем свидетельствуют три гвоздя по сторонам костяка.

Курган № 26. Диаметр — 8,60, высота — 1,10 м.

В насыпи — угольки.

Центральная часть насыпи повреждена грабительской ямой, в которой встречены человеческие кости. Насыпь окружают два ровика: северо-западный и юго-восточный.

В центре кургана на материке обнаружены две не потревоженные берцовые кости человека — погребенный лежал вытянуто, на спине,

головой на запад. К югу от него найден фрагмент сосуда*.

Курган № 27. Диаметр СЮ — 4,75 м, ЗВ — 4,50 м, высота — 0,75 м.

В насыпи — угольки.

В центре насыпи на глубине 0,5 м — пятно прокаленного слоя (0,30 × 0,25) мощностью 0,06 м. Погребение не обнаружено, возможно оно просто не сохранилось.

Курган № 28. Диаметр СЮ — 5,20 м, ЗВ — 4,95, высота — 1 м.

С юго-запада прослеживается ровик.

Погребение расположено в центре кургана в могильной яме (1,96 × 0,6 × 0,5 м). Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль тела, кисть левой руки — на тазовых костях.

У теменной части черепа найдено проволочное кольцо с заходящими концами, по сторонам черепа обломки бронзовых колец.

На правой руке витой (2 × 3) браслет, на левой — решетчатый многоромбовый перстень.

Курган № 29. Диаметр — 9,85 м, высота — 0,75 м.

Насыпь окружают два ровика: северо-восточный и юго-восточный. Погребение расположено в центре кургана на материке. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела.

В ногах — развал горшка.

Курган № 30.

Диаметр СЮ — 9,25 м, ЗВ — 8,00 м, высота — 1,20 м.

Курган окружают два ровика: северный и юго-юго-западный. Насыпь повреждена четырьмя грабительскими ямами: три из них — по краям кургана, четвертая — в центре насыпи. В ней кости нарушенного погребения 1 и вещи: 2 сердоликовые бипирамидальные бусины*, 2 браслетообразных с разомкнутыми концами височных кольца, фрагмент пластинчатого браслета, плетеный завязанный браслет, бубенчик с щелевидной прорезью и ложновитой перстень.

Погребение 2 расположено в центре кургана к западу от 0, на выжженном материке, головой на запад. Сохранились лишь кости черепа, вокруг которых найдены следующие вещи: 2 сердоликовые бипирамидальные и 2 стеклянные бусины (одна из них эллипсоидная с пластинчатым узором черного цвета с белыми и красными разводами), 5 браслетообразных, завязанных обоими концами височных колец⁴.

* Нет пяти бус и одного височного кольца.

В 0,5 м к востоку от 0 (около ног?) найден раздавленный горшок. По сторонам от погребения — древесный тлен от гроба.

Курган № 33. Западная часть насыпи уничтожена дорогой. Диаметр сохранившейся части — 5,30 м, высота — 1 м.

В насыпи угольки, ровики не прослеживаются.

На глубине 80 см — слой прокаленной почвы.

Погребение находилось в центре кургана в могильной яме ($1,15 \times 6 \times 0,7$). Кости сохранились плохо. Судя по размерам ямы, в ней был погребен ребенок, ориентированный головой на СЗ. Около шейных позвонков — 32, а около плечевой кости левой руки — 5 зонных бусин ярко-зеленого прозрачного стекла. В 30 см от черепа

обнаружен пластинчатый широкосрединный литой перстень с плетеным орнаментом.

Курган № 44. Диаметр СЮ — 4,8 м, ЗВ — 5 м, высота — 0,70 м.

В СВ секторе кургана у края насыпи на материке найден кусок шлака и пять фрагментов керамики, возможно от двух сосудов (частично склеены). Дно сосуда с клеймом.

К северу и к югу от центра кургана на материке два зольных пятна. Погребение находилось в могильной яме ($2,3 \times 0,6 \times 0,45$), вырытой в слое прокаленного погребенного дерна. В ее заполнении — вкрапления угольков.

Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Руки согнуты в локтях и лежат на тазовых костях. Вещи отсутствуют.

Химико-технологическое изучение металлических украшений из раскопок курганов у д. Каблуково¹

Интерес к технологии изготовления и химическому составу металлических находок из подмосковных курганов возник еще в XIX в. Длительное время исследования носили эпизодический характер. С появлением обобщающего труда Б.А. Рыбакова, посвященного древнерусскому ремеслу, началось активное внедрение естественных методов изучения металлических изделий (Рыбаков, 1948). Огромные серии анализов состава металла находок с территории Подмосковья выполнил А.А. Коновалов (1969. С. 60–77; 1972. С. 152–158). Среди них — практически все украшения из раскопок каблукских курганов². К сожалению, в публикацию не вошли данные об элементном составе образцов.

Для обработки анализов состава металла каблукских изделий А.А. Коновалов использовал принятую в то время классификацию сплавов (Черных, Барцева, 1968. С. 98–99; Черных, Хоферте, Барцева, 1969. С. 109–110). В ее основу положено логарифмическое распределение концентраций легирующих элементов сплава. Однако различия в границе искусственного легирования одного и того же элемента при обработке разных выборок не позволяли объективно сравнивать полученные результаты³. В настоящее время исследователи пришли к выводу о необходимости определения единого порога легирования и для этого выбрали условную величину — 1 % (Галибин, 1990. С. 175–182; Королева, 1996. С. 229–300; Енисова и др., 2003. С. 88–103).

В 1990-е гг. все металлические украшения из раскопок Каблукова были исследованы с помощью трасологического анализа для определения технологии их изготовления. Наличие данных о химическом составе металла позволило прибегнуть в некоторых случаях к микроструктурному изучению образцов (38 экз.; Приложение 2)⁴.

В свою очередь, при микроструктурном анализе иногда удавалось уточнить процентное содержание элементов в сплаве.

Таким образом, каблукские украшения являются наиболее изученной с химико-технологической точки зрения выборкой среди подмосковных курганных древностей. Сохранившиеся в личном архиве А.А. Коновалова таблицы по составу металла позволяют полноценно представить полученные результаты. Учитывая то, что накопление знаний о свойствах древних металлов приводит к существенному изменению методики обработки данных, становится очевидным необходимость полной публикации ранее сделанных анализов.

Самой многочисленной категорией находок в каблукских курганах являются височные кольца, представленные тремя типами: браслетообразные, перстнеобразные и бусинные. Основой всех колец является проволочный обруч разной толщины (рис. 1) и диаметра (рис. 2).

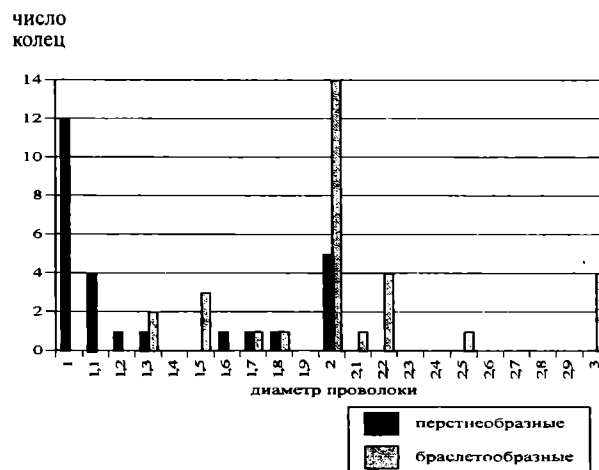

Рис. 1. Диаметр проволоки височных колец

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-00181а.

² В настоящее время сохранилось более 230 металлических украшений из каблукских курганов. А.А. Коновалов исследовал 133 находки. Такие категории, как пронизки, шаровидные бусы и поясные накладки, представлены в выборке исследователя единичными экземплярами, несмотря на их многочисленность. Визуальные и технологические особенности этих украшений говорят об их идентичности, что позволяет считать выборку А.А. Коновалова репрезентативной.

³ Подробный обзор классификаций древних металлов и их сплавов см.: Енисова и др., 2001. С. 358–371.

⁴ Изучение технологии изготовления изделий проводилось в лаборатории структурного анализа кафедры археологии исторического факультета МГУ под руководством д.и.н., профессора Н.В. Рындиной.

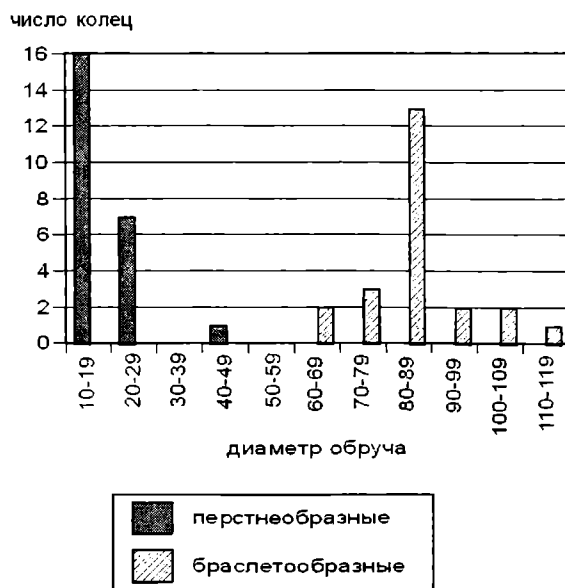

Рис. 2. Диаметр обруча височных колец

На многих кольцах заметны параллельные риски, свидетельствующие о волочении проволоки (рис. 3, 1). Микроструктурное изучение колец показало, что эта операция проводилась с промежуточными отжигами. Набор производственных приемов изготовления колец зависел от оформления краев и наличия декоративных элементов.

Десять перстнеобразных колец получены в результате одной операции — изгибания волооченой заготовки круглого поперечного сечения в обруч нужного диаметра. Иногда один край кольца делали заостренным. У двух находок один край дополнительно изогнут в виде дуги.

Пять колец сходны с браслетообразными по способу изготовления: для оформления их краев применяли ковку. Это три экземпляра, один край которых раскован в пластину и изогнут в спираль. Два перстнеобразных кольца из кургана 13, вероятно, представляют собой результат вторичного использования сломанных браслетообразных украшений. Во-первых, они изготовлены из толстой проволоки с высоким содержанием серебра, в то время как все остальные перстнеобразные кольца получены из сплавов на основе меди. Во-вторых, сохранившиеся края одного из них оформлены необычно для данного типа колец: раскованный край обмотан вокруг обруча.

Оформление конца и изгибание обруча проводили в холодном состоянии. Об этом свидетельствуют полосы скольжения, которые выявлены в структурах колец (№ 3081, 3084, 3087, 3088; рис. 4, 7, 8; 5, 5). Лишь в двух случаях изгибание проводили после предварительного нагрева (№ 3083, 3090; рис. 5, 2, 8). Правильная

форма обруча говорит о том, что эту операцию выполняли на оправке или ригеле.

Четыре перстнеобразных кольца сохранились фрагментарно, что не позволяет определить способ оформления их краев.

На некоторых кольцах обнаружен слой блестящего покрытия оловянным сплавом. Этот способ имитации серебряных украшений выявлен на многих изделиях XI—XIII вв., обнаруженных на территории Волго-Окского междуречья (Сарачева, 2001. С. 386–395).

Все браслетообразные сомкнутые кольца (30 экз.) получены по единой схеме: ковка и изгибание волооченой заготовки округлого поперечного сечения. Преобладают находки с овальным поперечным сечением обруча. Плющение заготовки применяли в двух целях: для придания заготовке необходимого профиля и оформления так называемых «завязанных» краев. В процессековки края вытягивались для того, чтобы обернуть их (завязать) вокруг обруча. При этом округлое сечение сохранялось, но их толщина уменьшалась приблизительно вдвое. Ковку и изгибание проводили с низкими степенями деформации и без промежуточных отжигов (№ 3080, 3082, 3085, 3104, 3105; рис. 4, 6; 5, 1, 3, 4; 6, 7).

Два браслетообразных и одно перстнеобразное кольцо украшены бусинами; один край обруча оформлен в виде спирали. Ковка края и изгибание в спираль перстнеобразного кольца осуществлялись с промежуточными отжигами (№ 3089; рис. 5, 7). Сохранившиеся на нем бусы аналогичны по форме и способу изготовления экземплярам, входившим в состав ожерелья в этом же погребении. На обручах браслетообразных колец сохранилась лишь проволоочная навивка, служившая для фиксации бус. В отличие от других браслетообразных колец, они получены из сплава на медной основе. На всех бусинных кольцах сохранились остатки лужения.

Перстни и браслеты из волооченой проволоки немногочисленны. Браслет из кургана 4 согнут из круглой в поперечном сечении проволоки диаметром 2 мм; края уплощены ковкой. В кургане 28 обнаружен сложновитой (2 × 3) браслет. Он скручен из одной заготовки диаметром 1,8 мм, сложенной вдвое. Полученный жгут складывали втрое и скручивали. Концы обруча оформлены по-разному: петля из двух скрученных проволок с двойной скрученной проволокой внутри и такая же петля с одинарной петлей внутри.

Обручи плетеных браслета (курган 30) и перстня (курган 23) сомкнутые. Перстень сплетен из тонкой (0,8 мм) проволоки. Один отрезок использовали в качестве основы, которую оплели

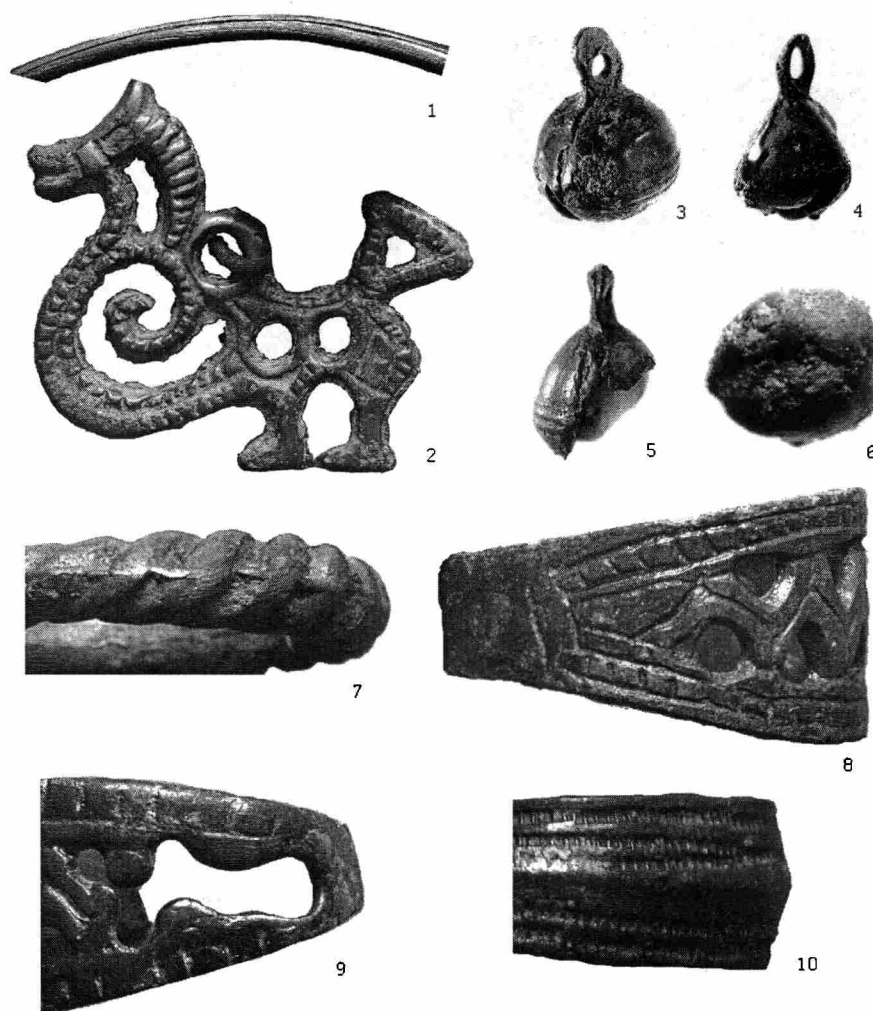

Рис. 3. Следы производственных операций.

1 — риски волочения на фрагменте обруча височного браслетообразного кольца; 2 — остатки литейных швов, сохранившиеся по контуру привески; 3, 4, 5 — следы соединения восковых моделей половинок шаровидных и грушевидного бубенчиков; 6 — литейный шов на шарике бубенчика; 7 — литейный шов на фрагменте обруча ложновитого перстня; 8 — следы исполнения декора на выплавляемой модели решетчатого перстня; 9 — недоливы металла на фрагменте обруча решетчатого перстня; 10 — следы неточного нанесения декора зубчатым колесиком на фрагменте обруча пластинчатого перстня (1, 2, 3, 4, 5 — х 2; 6 — х 7; 7–10 — х 4)

семью заготовками. Браслет получен из более толстой проволоки (1 мм). Семь отрезков скручены таким образом, что готовое изделие обладало большой пластичностью и легко надевалось на руку. Дополнительной операцией в изготовлении плетеных изделий была ковка внутренней поверхности обруча для уплощения и более прочного соединения проволок. Для этого использовали мягкую наковальню, чтобы не повредить наружную, рельефную сторону изделия. Края заготовок скреплены, «завязаны» спирально навитой проволокой.

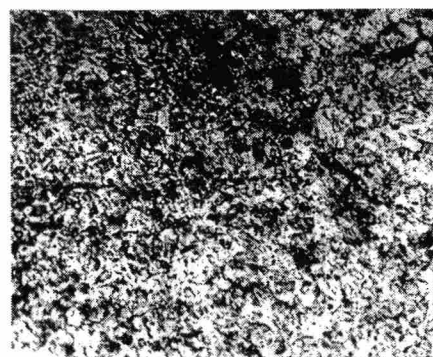
Для изготовления цепевидного украшения (курган 9) также использовали волоченую проволоку (№ 3099; рис. 6, 5). Оно состоит из расположенных во взаимно-перпендикулярных плос-

костях звеньев. Такое соединение в современном ювелирном деле называют якорным (Новиков, Павлов, 1993. С. 182). Чтобы получить звено, тонкую проволоку плотно наматывали на круглый стержень в виде двух- или трехоборотной спирали. Затем готовое звено снимали и прижимали его к стержню так, чтобы наматывание следующего звена шло через предыдущее.

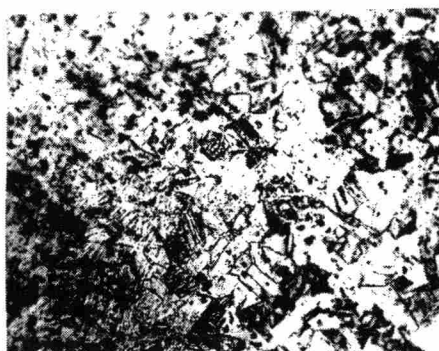
К цепи присоединены пять привесок: простой проволочный перстень, концы которого были подвергнуты сильной вытяжке и «завязаны»; проволочное кольцо, возможно фрагмент височного кольца, края которого также соединили «завязыванием»; плоские зооморфные и ножевидная привески, отлитые в двустворчатых разъёмных формах (рис. 3, 2).

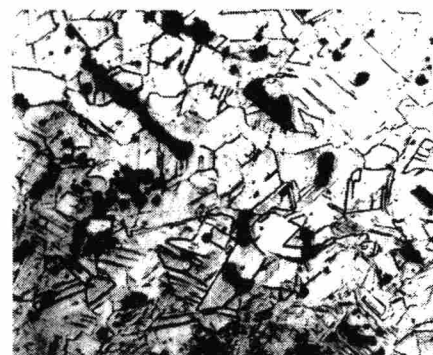
1

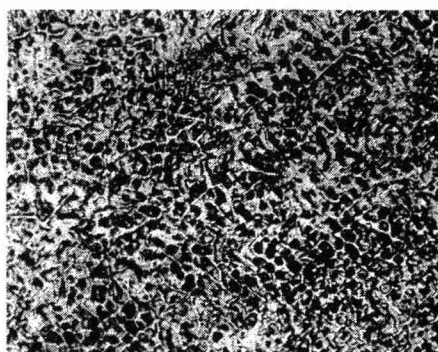
2

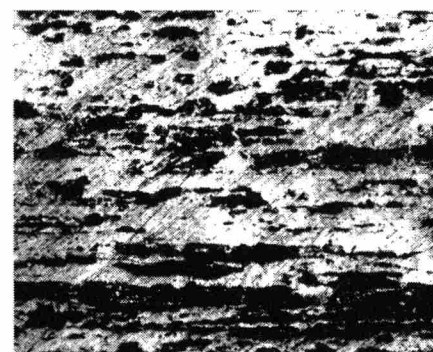
3

4

5

6

7

8

Рис. 4. Пластинчатые перстни (1–5), височные кольца: браслетообразное (6) и перстнеобразное (7, 8).

1 — № 3042 (x 120); 2 — № 3043 (x 200); 3 — № 3044 (x 200); 4 — № 3045 (x 340); 5 — № 3061 (x 200);
6 — № 3080 (x 340); 7 — № 3081 (x 120); 8 — № 3081 (x 200)

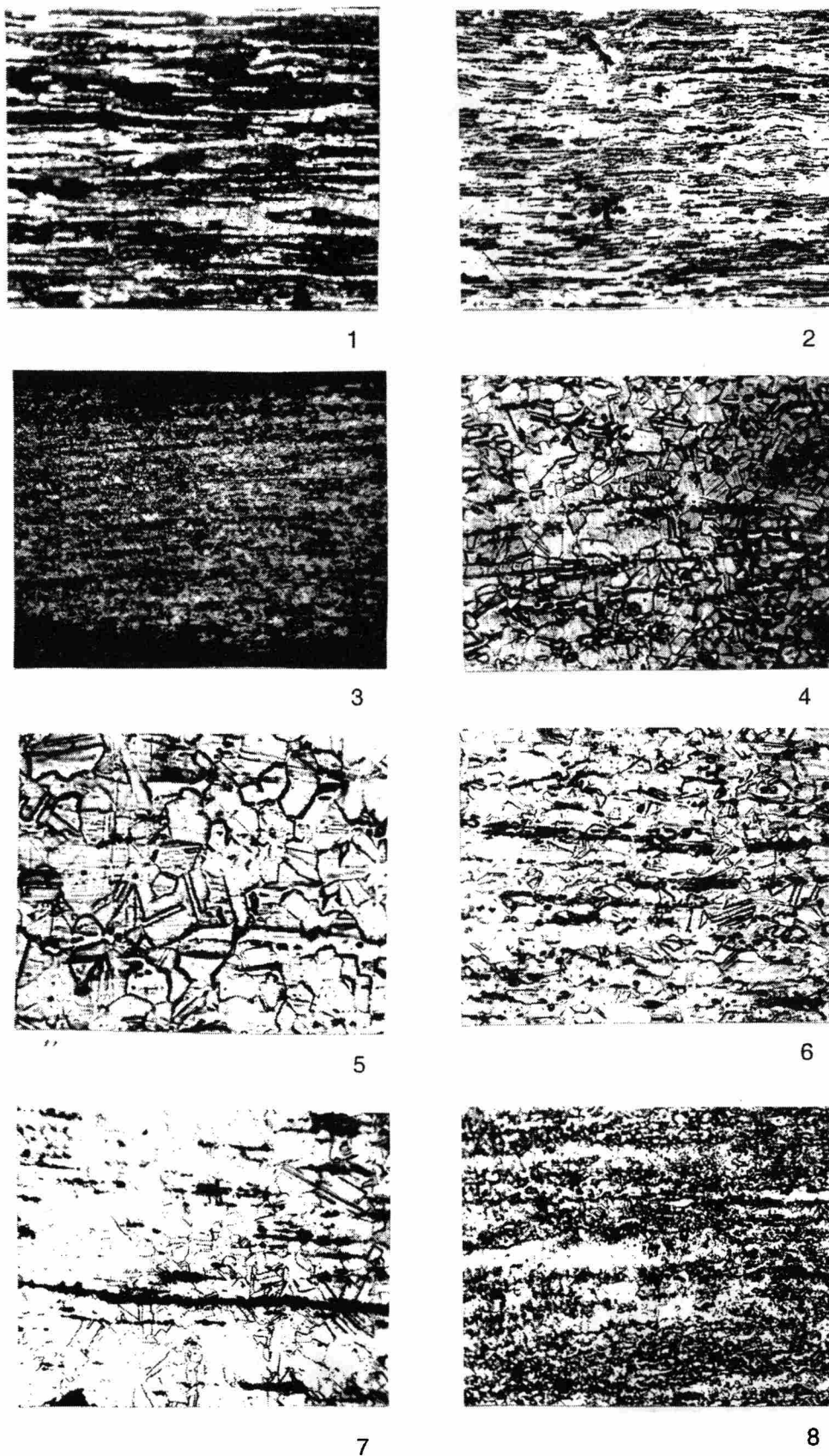

Рис. 5. Височные кольца: браслетообразные (1, 3, 4), проволочное (2), перстнеобразные (5, 8), бусинное (7), спиральная пронизка (6).

1 — № 3082 (x 340); 2 — № 3083 (x 200); 3 — № 3085 (x 70); 4 — № 3085 (x 340); 5 — № 3087 (x 340); 6 — № 3086 (x 200); 7 — № 3089 (x 200); 8 — № 3090 (x 340)

Спиральные пронизки ожерелья из кургана 4 получены навивкой на круглую основу тонкой (0,3–0,5 мм) проволоки. Толщина заготовки позволяла проводить эту операцию без предварительного нагрева, что подтверждается результатами микроструктурного анализа (№ 3086; рис. 5, б).

Согнутая в кольцо волоочная проволока использовалась для соединения бубенчиков в связки. Иногда края проволок завязывались подобно обручам височных колец. В ряде погребений (курган 10, курган 4, погребение 2, курган 28) украшения из волоочной проволоки сохранились настолько фрагментарно, что невозможно определить, к какой категории они относятся.

Грушевидные (3 экз.) и шаровидные (19 экз.) бубенчики изготовлены по единой схеме. Тулово одного грушевидного бубенчика украшено рельефной выпуклой полоской. Подобные три полоски расположены на шаровидных экземплярах, за исключением одной находки с гладкой поверхностью. Все бубенчики литые, и главная трудность в их изготовлении заключается в получении объемного тулова с металлическим шариком внутри. Известны три реконструкции отливки этого сложного украшения (Рындина, 1963. С. 246–247; Леньков, 1974. С. 154–155; Малинова, Малина, 1988. С. 172–173). Использование выплавляемых моделей очевидно для всех исследователей; существенные различия содержатся в описаниях процесса получения моделей и конструкции литейных форм.

Наиболее достоверной выглядит схема изготовления, предложенная чешскими исследователями. При проведении экспериментальных работ они опирались на технологические инструкции по изготовлению золотых и серебряных бубенчиков XVI в.: на стержень (форма стержня соответствует тулову будущего бубенчика) из смеси глины и молотого древесного угля наносится тонкий слой воска и прилепляется восковое ушко, а также стержень для образования литника; в нижней части бубенчика вырезается отверстие для того, чтобы формообразующая смесь зафиксировала положение стержня после выплавки восковой модели и во время литья; изготавливается неразъемная пластичная форма, просушивается; далее заливают металл, и после того как он остынет, разбивают оболочку формы, удаляют литник и глиняный стержень.

По мнению Н.В. Рындиной и В.Д. Ленькова, для отливки бубенчиков использовали многоразовые разъемные двусторонние формы. Глиняный стержень фиксируется внутри формы с помощью тонких проволочных перемычек, кото-

рыми протыкают восковую модель. В металлическом тулове бубенчика остаются от них дырочки, которые затем тщательно зачеканивают (Рындина, 1963. С. 247). Однако на многих бубенчиках нет ни отверстий, ни следов их заделки.

Изучение довольно представительной выборки из Каблукова позволяет предложить следующую реконструкцию отливки этого украшения, особенно хорошо прослеженную на шаровидных экземплярах: литье двух одинаковых выпуклых восковых моделей, каждая из которых соответствует половинке тулова и ушка бубенчика; заливка формообразующей массой внутреннего углубления половинок, помещение внутрь массы металлического шарика; соединение восковых половинок; прорезание нижнего отверстия; присоединение к торцу ушка воскового стержня для образования литника; изготовление верхней оболочки литейной формы, сушка; литье металла, остывание; разбивание формы, удаление внутреннего стержня; отделка бубенчика после литья.

Литье двух моделей в виде половинок предполагает и В.Д. Леньков. Для этого использовали жесткие резные формы. Нечеткие границы выпуклых полосок на тулове свидетельствуют о том, что декор получен в процессе литья моделей, а не вырезан или прилеплен впоследствии. На некоторых экземплярах декор украшает лишь одну сторону тулова. Вероятно, на другой половинке он пролился плохо и при заливке металла не был воспроизведен.

Следы соединения восковых половинок в виде неровных швов и срезания мягкого материала заметны на многих экземплярах (рис. 3, 4, 5). На швах встречается литейный дефект — сквозные недоливы неправильной формы. Они свидетельствуют о неточном совмещении восковых половинок. В некоторых случаях мастера стремились не допустить появления этого брака и накладывали на отверстия дополнительный слой воска. Соединительные швы часто нарушают декор. Иногда на плохо совмещенных половинках декоративные зоны не совпадают. Все это свидетельствует об исполнении декора до соединения половинок.

Следы неточного совмещения половинок прослеживаются не только на тулове бубенчиков, но и на ушках, что указывает на отливку восковой модели вместе с половинкой ушка.

Возможно, мастера соединяли восковые половинки без предварительной заливки внутренних углублений формообразующей массой. Готовую восковую модель могли просто обмаки-

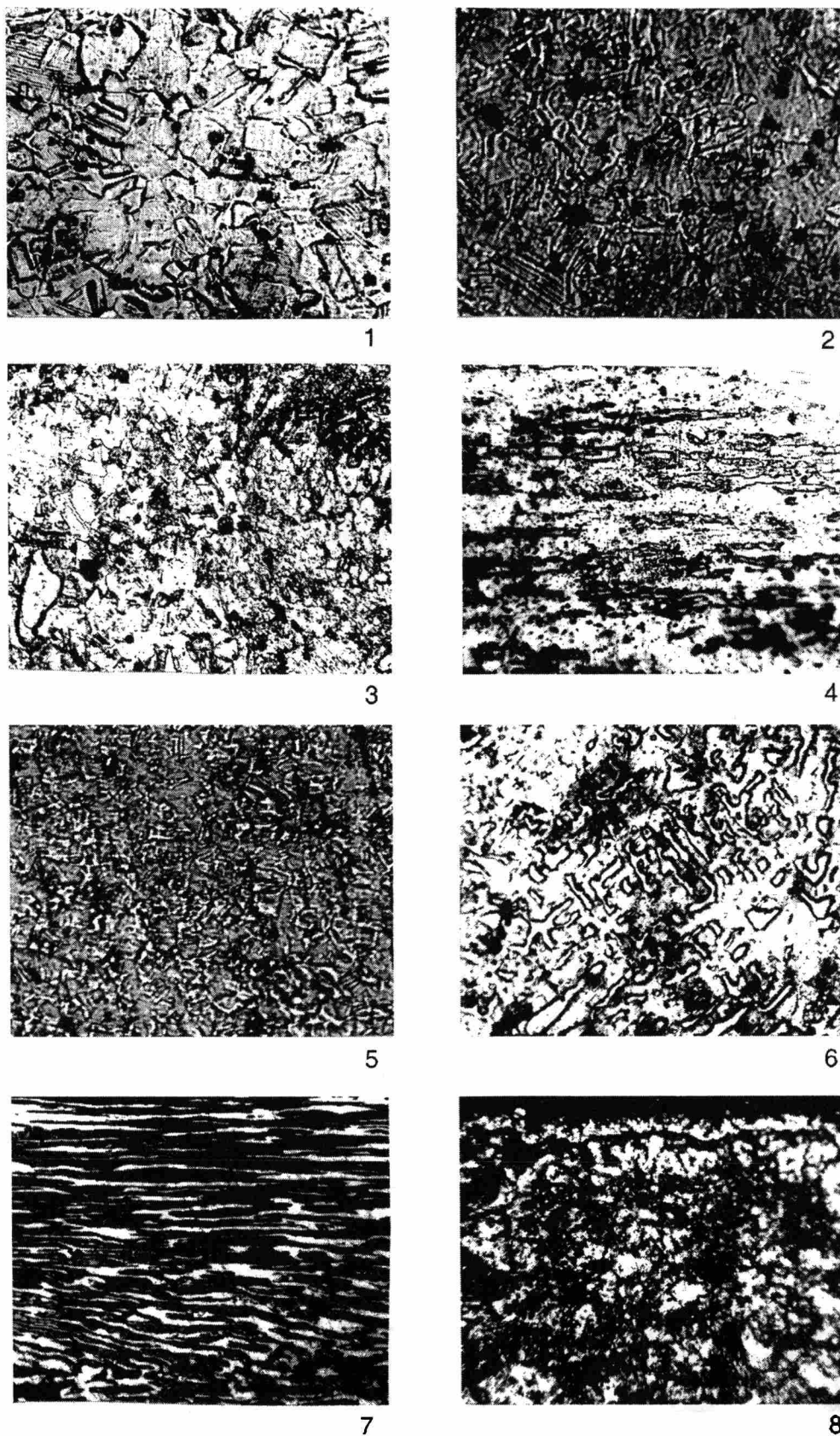

Рис. 6. Пластинчатые браслеты (1—4), цепь (5), ложновитой браслет (6), височное кольцо браслетообразное (7), шаровидная бусина (8).
 1 — № 3093 (x 340); 2 — № 3094 (x 340); 3 — № 3095 (x 200); 4 — № 3095 (x 340); 5 — № 3099 (x 200);
 6 — № 3100 (x 340); 7 — № 3105 (x 200); 8 — № 3115 (x 200)

вать в жидкую массу, которая заполняла все отверстия. Металлический шарик, который помещали внутрь бубенчика, в этом случае имел собственную глиняную обмазку. При таком способе изготовления литейной формы удаление формовочной массы из полости бубенчика после отливки было более легким.

Отверстие в нижней части восковой модели вырезали после соединения половинок, так как на многих экземплярах оно перекрывает и нарушает соединительные швы и декор.

Косвенным доказательством возможности отливки восковых половинок являются литейные формы для половинок пуговиц, которые затем соединяли паянием. Ушко таких пуговиц отливали одновременно с туловом (Воронин, 1954. С. 173. Рис. 95; Халиков, 1985. С. 98. Табл. XXXVI, 8). Кроме того, известны находки таких пуговиц и аналогичных по форме привесок (Казачков, 1991. С. 118. Рис. 40, 39–42; Шинаков, 1982. С. 94. Рис. 11). Подобные привески входили в состав ожерелий, обнаруженных при раскопках женских погребений северян (Моця, 1993. С. 120. Рис. 42). Изучение технологии изготовления 9 привесок из раскопок Глинской курганный группы (Сумская обл.)⁵ показало, что углубленный линейный декор выполнен по мягкому материалу (воску). Отсутствие литейных швов на всех привесках, а также характер декора, являются доказательством их отливки по выплавляемым моделям.

Плохая сохранность некоторых бубенчиков позволила изучить технику изготовления шариков. Как правило, они имеют овальную форму с уплощением на торце шириной около 2 мм. Это место присоединения литника, который впоследствии был удален. Иногда на месте уплощения находится небольшой выступ — остаток литника. На тулове шарика хорошо заметны грани (2 или 4), разделенные выступающими ребрами, а также неровности, углубления, наплывы. Неправильная форма и грани на шариках позволяют предположить, что они были отлиты в неразъемных формах по лепной выплавляемой модели (рис. 3, б).

Таким образом, для отливки бубенчиков ювелиры использовали одноразовые пластичные неразъемные формы, изготовленные по выплавляемым моделям.

47 половинок шаровидных бус входили в состав ожерелья, обнаруженного в кургане 4. Такие же бусы украшали височное кольцо погребенной. Способ соединения половинок не опре-

делен. Бусы имеют одинаковую форму и размеры. В результате поверхностного осмотра и микроструктурного анализа удалось установить, что тулово и шейка половинок цельнолитые, однако определить способ их литья сложно. Вероятно, восковую модель бусины получали путем отливки в специально вырезанной жесткой форме. После извлечения модели из формы к ней присоединяли литник из воска и помещали в формовочную массу. Металлографические шлифы бус (№ 3115-16, 3133; рис. 6, 8; 7, 1, 2) аналогичны по строению структуре, полученной в лабораторных условиях при литье оловянных бронз в шамотную форму (Равич, 1983. Рис. 2, л, м, р).

После отливки наружная поверхность бусин покрывалась лужением. Перед этим поверхность бусин специально подготавливали шлифовкой для более прочного сцепления основы и покрытия. На поперечном срезе бусин отчетливо видна тонкая блестящая полоса с рваными краями, идущая вдоль одного края шлифа. Краевая зона отличается от основы не только цветом, но и структурными образованиями.

Ложновитой браслет (курган 14) отлит в виде прямой заготовки в разъемной двустворчатой форме. Об этом свидетельствуют продольные литейные швы, сохранившиеся на боковых поверхностях обруча. После отливки заготовка была изогнута в нагретом состоянии (№ 3100; рис. 6, б).

По форме и способу изготовления ложновитые перстни (14 экз.) делятся на две группы. Преобладают сомкнутые экземпляры с рельефной, отчетливой имитацией виття, расположенной преимущественно в передней части обруча. Они отлиты в разъемных двустворчатых формах. Об этом свидетельствуют продольные литейные швы, нарушающие в некоторых случаях выпуклые элементы декора (рис. 3, 7). Место расположения имитации виття указывает на то, что формы для отливки металлических перстней или выплавляемых моделей получали не в процессе оттиска витых изделий, а путем вырезания в них полостей для отливки. Известны каменные резные формы для ложновитых перстней (Никольская, 1968. С. 130. Рис. 3, 1; Колчин, 1985. С. 263. Табл. 106, 4).

На некоторых экземплярах боковые поверхности обруча уплощены. Такую форму получали в процессе отливки, никаких следов деформации в изученных структурах не отмечено (№ 3127, 3128, 3130; рис. 7, 3, 4, 5).

⁵ Коллекция хранится в фондах отдела археологических памятников ГИМ. Оп. № 222, № 127.

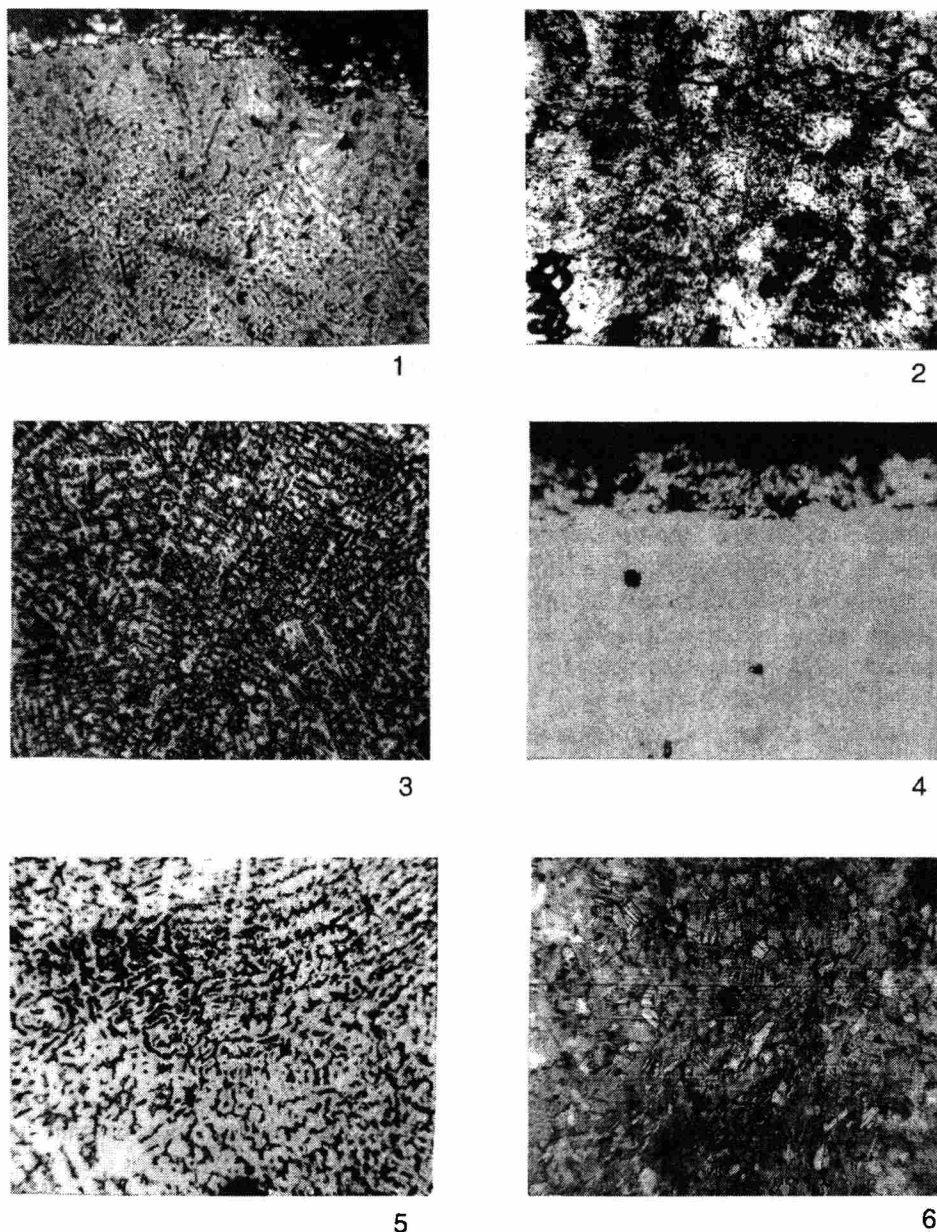

Рис. 7. Шаровидная бусина (1) и ложновитые перстни (3–6).

1 — № 3115 (x 200); 2 — № 3116 (x 200); 3 — № 3127 (x 200); 4 — № 3128 (x 340); 5 — № 3130 (x 200); 6 — № 3131 (x 200)

Четыре перстня существенно отличаются по своему внешнему виду. Они имеют разомкнутый обруч и очень плохую, низкорельефную проработку имитации виття. На двух экземплярах место расположения декора необычно: в одном случае (курган 2) углубленные линии находятся только на боковых поверхностях передней части обруча, лицевая сторона гладкая; на перстне из кургана 14 декор расположен на внутренней, скрытой при ношении поверхности передней части обруча. Вероятно, это пример производственного брака. Как показало микроструктурное изучение двух экземпляров, они получены путемковки литой заготовки в форме

прямого, расширяющегося в средней части стержня. Имитация виття сводилась к простому нанесению углубленных линий. Изгибание заготовки в обруч проводили в холодном состоянии (№ 3131, 3132; рис. 7, 6).

Пять перстней состоят из сомкнутого (3 экз.) или разомкнутого (2 экз.) округлого в поперечном сечении стержня, расширяющегося в передней части. По технологии изготовления они аналогичны ложновитым перстням; отличие заключается лишь в гладкой поверхности обруча.

Морфологическое сходство пластинчатых перстней и браслетов соответствует одинаковым производственным приемам получения об-

ручей и декорирования. Для всех находок общей операцией было изгибание прямой заготовки в обруч.

Пластинчатые широкосрединные перстни имеют разомкнутый обруч, украшенный разнообразными декоративными элементами (11 экз.). Браслеты представлены пятью находками. Четыре из них разомкнутые: загнутоконечный, с простыми округлыми краями, окончания двух экземпляров не сохранились. Изогнутые концы сомкнутого браслета скреплены проволоочной спиральной застежкой. По способу изготовления заготовки и нанесению декора выделяются три группы изделий.

Шесть перстней получены в процессе литья; декор также литой. Это четыре решетчатых перстня с треугольными отверстиями и линиями углубленного декора между ними. По технике изготовления они сходны с решетчатыми перстнями, обнаруженными в вятичских погребениях (Сарачева, 1994. С. 143–146). Расположение литейных швов на боковых поверхностях обручей указывает на отливку прямой заготовки по выплавляемым моделям (№ 3060, 3061; рис. 4, 5) или по оттиску готового изделия (№ 3062, 3069) в двустворчатых формах или в формах с плоской крышкой. На некоторых экземплярах заметно соскальзывание резца при вырезании отверстий и нанесении углубленного декора на выплавляемой модели, недоливы металла и заливки в отверстиях, возникшие от плохого соединения створок формы (рис. 3, 8, 9).

Перстень из кургана 33 украшен выпуклой косичкой. Характерные следы заглаживания воска сохранились на украшении из кургана 4. Бордюры выполнены зубчатым колесиком на модели (№ 3044; рис. 3, 10; 4, 3).

Сохранившийся фрагментарно браслет из кургана 30 также получен в процессе отливки.

Пять перстней и четыре браслета получены в результате формующейковки. В структуре некоторых экземпляров выявлены остаточные дендриты, свидетельствующие о том, что их заготовка была литой (№ 3043, 3046, 3092, 3093, 3096, 3097; рис. 4, 2; 6, 1). Вероятно, по своей форме она была далека от будущего изделия, так какковка проводилась с высокими степенями деформации и сопровождалась промежуточными отжигами.

Послековки изделия украшались геометрическим декором, выстроенным композиционно. Бордюры перстней нанесены зубчатым колесиком. Они дополнены чеканными элементами в виде кольца, кольца с точкой внутри и треугольника с тремя точками внутри. На перстне из кургана 4 есть оттиски всех трех чеканов. Три

браслета украшены декором, выполненным зубчатым колесиком, чеканом с круглой рабочей частью и штихелем.

Заключительной операцией в изготовлении пластинчатых перстней и браслетов было изгибание прямой заготовки в обруч. Поскольку литые перстни имели значительную толщину (1–1,5 мм), эта операция проводилась после нагрева заготовки (№ 3060, 3061, 3044; рис. 4, 3, 5). В то же время, кованые украшения (0,6–0,8 мм) изгибали в холодном состоянии (№ 3042, 3043, 3045, 3046, 3092, 3093, 3096, 3097; рис. 4, 1, 2, 4; 6, 1). Лишь один браслет с застежкой согнут после нагрева (№ 3095; рис. 6, 3, 4). Его отличительной чертой является наличие оловянного покрытия на лицевой поверхности обруча.

Ковкой изготовлены также семь трапециевидных накладок на головной убор из кургана 14. Они вырезаны из тонкого (десять доли миллиметра) листа. Отверстия для крепления накладок пробиты острым инструментом с круглым рабочим краем. Вокруг отверстий заметны многочисленные заусенцы металла, образовавшиеся при пробивании. На накладках сохранились остатки лужения. Кроме того, в двух погребениях (курганы 13, 4) сохранились фрагменты плоских краев гривен, обруч которых, вероятно, был проволоочным. Они получены ковкой из легкоплавкого металла.

Довольно хорошо сохранившийся пояс украшен выпуклыми ромбовидными накладками. В состав гарнитуры входили также прямоугольный наконечник, круглое в поперечном сечении кольцо и двучастная пряжка. Все накладки сделаны на одном плоско-выпуклом штампе из тонкой (0,1 мм) листовой заготовки. Их края обрезают для удаления неровных кромок, а в центре пробивали отверстие для крепления на пояс. Наконечник согнут из кованой плоской заготовки, которая крепилась с помощью круглого штифта. Кольцо и пряжка отлиты в двустворчатых разъемных формах; на них сохранились литейные швы.

Таким образом, изучение технологии изготовления украшений из каблуковских курганов позволило определить набор основных формообразующих производственных приемов: литье,ковка,штамповка,волочение. К вспомогательным приемам относятся кручение и изгибание; в некоторых случаяхковка также выступала дополнительной операцией. Число вспомогательных операций могло быть разным. Сочетание основных, формообразующих и дополнительных приемов дает 10 схем изготовления украшений выборки (табл. 1).

Таблица 1. Приемы изготовления металлических украшений

Приемы основные / вспомогательные	Вспомогательные операции	изгибание	изгибание и ковка	изгибание и кручение	изгибание, ковка и кручение
Литье	+	+	+		
Ковка	+	+			
Штамповка	+				
Волочение		+	+	+	+

Для того, чтобы определить связь между категориями украшений и способом их изготовления, обобщим полученные схемы с учетом формообразующих приемов. Большинство изделий получено с помощью одной основной операции; в редких случаях использовали несколько

формообразующих приемов (табл. 2). В выборке преобладают украшения из волоченной проволоки и литые. Эти производственные приемы относятся к наиболее экономичным способам изготовления украшений.

Как правило, литье является единственной операцией или сочетается с простыми дополнительными приемами. Мастера применяли несложные двустворчатые литейные формы, полученные с помощью оттиска модели или готового изделия. Волочение служило основной операцией для получения лишь заготовки, однако мастер, имея подобную заготовку, легко превращал ее в готовое изделие с помощью изгибания, кручения или незначительной ковки. Как показали результаты микроструктурного изучения, пластическую деформацию проводили преимущественно в холодном состоянии.

Анализ украшений выборки позволил выявить устойчивую связь между морфологическими показателями и технологией изготовления. Так, многие категории получены по единой схе-

Таблица 2. Распределение украшений по схемам изготовления

Категории украшений / основные приемы	литье	ковка	штамповка	волочение	литье + ковка	волочение + литье	Всего
Височные кольца							
перстнеобразные				19			19
браслетообразные				30			30
бусинные						1*	1
Браслеты							
дротовый							
витой				1			1
плетеный				1			1
ложновитой	1			1			1
пластинчатые	1	4					5
Перстни							
плетеный				1			1
ложновитые	10				4		14
дротовые	3				2		5
пластинчатые	6	5					11
Другие категории украшений							
Пронизки				24			24
Цепь						1	1
Бубенчики	22						22
Бусы	47						47
Накладки		7	40				47
Поясной наконечник		1					1
Поясное кольцо	1						1
Пряжка	1						1
Всего	92	17	40	77	6	2	234

* Примечание : отсутствие бус на остальных кольцах не позволяет определить набор основных операций изготовления.

Таблица 3. Типы сплавов и чистых металлов

№	Группа сплава	Тип сплава	Кол-во
1	Сплавы на основе меди	«Чистая» медь	1
2		Оловянная бронза	19
3		Свинцовая бронза	3
4		Оловянно-свинцовая бронза	37
5		Оловянно-цинковая бронза	1
6		Многокомпонентная бронза	2
7		Многокомпонентная латунь	29
8	Сплавы на основе олова	Сплав олова со свинцом	2
9		Сплав олова со свинцом и медью	2
10	Сплавы на основе или с высоким содержанием серебра	Сплавы серебра с медью, свинцом, оловом, цинком	37
	Всего		133

ме изготовления. Сходство наблюдается не только внутри одной категории, но, например, между пластинчатыми, плетеными и ложновитыми перстнями и браслетами, височными кольцами и проволочными перстнями и браслетами. Поверхность некоторых украшений покрыта оловянным сплавом для придания им сходства с более дорогими серебряными, которые составляют значительный процент выборки.

В архиве А.А. Коновалова сохранились данные об анализе химического состава металла 133 предметов (*Приложение 1*). К сожалению, паспортные данные некоторых находок не удалось установить. Височное браслетообразное кольцо из кургана 10 было повторно проанализировано в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ по методу неразрушающего рентгенофлюоресцентного энерго-дисперсного анализа (ан. № 20; аналитик Р.А. Митоян)⁶.

А.А. Коновалов подробно рассмотрел связь между металлом и отдельными категориями украшений, поэтому остановимся лишь на особенностях некоторых сплавов. Согласно принятой в настоящее время классификации, в каблуковской выборке выделено 11 типов металлов и сплавов (табл. 3).

Особенностью выборки является большое число (52 %) цинкосодержащих сплавов (больше 1 %). Как справедливо отмечал А.А. Коновалов, это характерная черта раннедревнерусской цветной металлообработки. В металле многих предметов этот легирующий элемент представлен значительной концентрацией. Характерные для вятичской металлообработки оловянно-свинцовая и оловянные бронзы зафиксированы в 56 случаях. Это выглядит закономерным, так как каблуковские курганы расположены непосредственно по соседству с вятичской зоной металлообработки и частично синхронны вятичским древностям.

Существенный процент составляют сплавы на основе меди с тремя легирующими компонентами (23 %), причем лишь в двух случаях олово незначительно преобладает над цинком. Это свидетельствует о смешивании ювелирного сырья.

Сплавы на основе или с высоким содержанием серебра использовались преимущественно для изготовления височных браслетообразных колец, характерных для кривичского костюма. Исключение составляют лишь три перстнеобразных височных кольца, сделанных, вероятно, из браслетообразных, и решетчатый перстень. К сожалению, эти сплавы относятся к плохо исследованным. Однако имеющиеся в распоряжении аналитические данные и результаты визуального наблюдения позволяют говорить о широком употреблении серебряных сплавов для изготовления браслетообразных височных колец. В более поздних вятичских погребениях серебро встречается гораздо реже.

Несмотря на то, что А.А. Коновалов выполнил более тридцати анализов серебросодержащих предметов, их можно считать лишь качественными. Во многих случаях не удастся определить даже основу сплава. Помимо серебра и меди в составе металла выявлены значительные концентрации олова, цинка и свинца, что также свидетельствует о разбавлении драгоценного металла или недостаточно тщательной его очистке. Соотношение серебра и меди в сплаве известно лишь для одного кольца, изученного по методу РФА: Cu — 70 %, Ag — 24 %. Интересно отметить, что микроструктурный анализ другого кольца (№ 3105) выявил сходную картину распределения основных элементов сплава. Даже столь малое содержание серебра придавало изделию сходство с дорогими украшениями.

⁶ О методике анализа см.: Енисова и др., 1997. С. 107–131.

Литература

- Воронин Н.Н., 1954. Древнее Гродно // МИА СССР. № 41. М.; Л.
- Галибин В.А., 1990. Древние сплавы на медной основе (основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 1997. О применении рентгенофлуоресцентного энергодисперсного анализа в археологии // Вестник МГУ. Сер. «История». № 1.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2001. О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди // Художественный металл России. Матер. конф. памяти Г.Н. Бочарова. М.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2003. Информационная система «Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья» // Вестник МГУ. Сер. «История». № 1.
- Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X—XIII вв. низовий Камы. Казань.
- Колчин Б.А., 1985. Обработка цветных металлов // Древняя Русь. Город, замок, село. М. (Археология СССР).
- Коновалов А.А., 1969. Медные сплавы подмосковных курганов // Вестник МГУ. Сер. «История». № 2.
- Коновалов А.А., 1972. Характеристика медных сплавов украшений из кривичских курганов у д. Каблуково // Новое в археологии. М.
- Королева Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 3. Т. 1.
- Леньков В.Д., 1974. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам Шайгинского городища). Новосибирск.
- Малинова Р., Малина Я., 1988. Прыжок в прошлое. М.
- Моця О.П., 1993. Населення південноруських земель IX—XIII ст. (за матеріалами некрополів). Київ.
- Никольская Т.Н., 1968. Кузнецы железу, меди, серебру от вятич // Славяне и Русь. М.
- Новиков В.П., Павлов В.С., 1993. Изготовление ювелирных украшений. СПб.
- Равич И.Г., 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. М. № 8 (38).
- Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // МИА. Вып. 117.
- Сарачева Т.Г., 1994. К вопросу о технике изготовления решетчатых перстней // Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань. (Историко-культурное наследие).
- Сарачева Т.Г., 2001. О технологии нанесения лужения на украшения вятичей XI—XIII веков // Художественный металл России. Матер. конф. памяти Г.Н. Бочарова. М.
- Халиков А.Х., 1985. Культура Биляра. М.
- Черных Е. Н., Барцева Т. Б., 1968. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры // СА. № 2.
- Черных Е. Н., Хоферте Д. Б., Барцева Т. Б., 1969. Металлургические группы цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики // КСИА. Вып. 119.
- Шинаков Е.А., 1991. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Приложение 1. Химический состав металлов находок из кабуковских курганов (для шлифов использованы травители: № 1 — $\text{Ca}_2\text{Cr}_2\text{O}_7 + \text{H}_2\text{SO}_4$, № 2 — $\text{FeCl}_3 + \text{HCl}$; № 3 — $\text{CuCl}_2 + \text{H}_2\text{O} + \text{NH}_3$; № 4 — $\text{HNO}_3 + \text{K}_2\text{Cr}_2\text{O}_7 + \text{H}_2\text{O}$; № 5 — $\text{CrO}_3 + \text{Na}_2\text{SO}_4 + \text{H}_2\text{O}$).

№ к-на	№ ш/п	Категория	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
10	4	Височное кольцо браслетообразное	20	70,26	0,001	0,63	2,5	0,001	24,1	1,47	0,001	2,31	0,001	0,001	0,001	0,001	0,001
?	?	Височное кольцо браслетообразное	400	? 50	3	1,3	3,5	0,02	50	0,08	?	0,12	0,018	—	—	> 1	—
?	?	Височное кольцо браслетообразное	401	? 50	3	2	2,5	0,015	? 50	0,1	?	0,2	0,015	0,002	—	1	—
?	?	Височное кольцо браслетообразное	402	? 50	2,5	0,9	3	0,02	? 50	0,1	0,01	0,4	0,015	—	—	> 1	—
9-2	7	Височное кольцо браслетообразное	403	? 50	1	0,9	4	0,01	? 50	0,06	0,02	0,12	0,01	—	—	3	—
10	1	Височное кольцо браслетообразное	404	? 50	0,2	0,8	1,5	0,06	? 50	0,05	0,03	0,07	0,01	—	—	> 0,1	—
10	2	Височное кольцо браслетообразное	405	? 50	0,2	0,9	2	0,06	? 50	0,05	0,04	0,1	0,006	—	—	0,1	—
10	4	Височное кольцо браслетообразное	406	? 50	0,6	0,7	2	0,06	? 50	0,06	0,025	0,18	0,007	—	—	> 0,1	—
13	3	Браслет пластинчатый	407	осн.	1	2	4	0,01	0,04	0,1	0,15	0,2	0,012	0,006	—	?	—
5-1	9	Перстень ложновитой	408	осн.	5	3	0,009	0,02	0,03	0,25	0,03	0,1	0,015	—	—	—	—
5-1	9	Перстень ложновитой	409	осн.	11	0,5	0,009	0,003	0,05	0,13	0,025	0,1	0,02	—	—	0,001	—
6	3	Перстень ложновитой	410	осн.	4	0,7	—	0,002	0,06	0,4	0,025	0,1	0,04	—	—	0,01	—
22	4	Перстень проволочный	411	осн.	2	0,8	7	0,001	0,06	0,07	0,025	0,4	0,03	0,003	—	—	—
9-1	2	Перстень пластинчатый	412	осн.	4	0,9	5	0,002	0,05	0,07	?	0,25	0,015	0,004	—	—	—
4-1	5	Перстень ложновитой	413	осн.	8	3	0,2	0,002	0,02	0,1	0,01	0,1	0,02	0,003	—	—	—
4-2	1	Перстень проволочный	414	осн.	20	0,8	—	0,01	0,07	0,16	0,17	0,03	0,03	—	—	< 0,001	—
9-2	5	Перстень ложновитой	415	осн.	3,5	1,2	—	0,003	0,06	0,15	0,025	0,02	0,035	—	0,004	—	—
4-1	7	Перстень проволочный	416	осн.	3	0,9	7	0,001	0,05	0,07	0,02	0,1	0,02	—	0,015	—	—
4-1	1	Перстень ложновитой	417	осн.	12	2,3	0,06	0,009	0,04	0,13	0,08	0,005	0,03	—	—	—	—
2-1	14	Перстень ложновитой	418	осн.	2	1,5	12	0,001	0,03	0,08	0,02	0,4	0,02	—	0,01	—	—
2-1	14	Перстень ложновитой	419	осн.	4	1,5	0,7	0,01	0,04	0,17	0,04	0,4	0,005	—	0,01	—	—
9-1	1	Перстень ложновитой	420	осн.	4,5	1	0,06	0,01	0,13	0,14	0,14	0,25	0,035	—	0,01	0,003	—
4-1	2	Перстень ложновитой	421	осн.	10	0,8	0,008	0,005	0,03	0,15	0,03	0,008	0,035	—	0,003	—	—
4-1	9	Бусина шаровидная	422	осн.	20	2	0,02	0,01	0,03	0,2	0,025	0,1	0,04	—	0,003	—	—
4-1	10	Пронизка спиральная	423	осн.	3	0,8	8	0,002	0,03	0,1	0,015	0,15	0,015	—	0,018	—	—
4-2	11	Височное кольцо перстнеобразное	424	50	1,6	1,2	4	0,03	50	0,09	0,03	0,15	0,013	?	0,006	есть	—
4-2	4	Перстень решетчатый	425	осн.	6	2,5	—	0,015	0,01	0,15	0,04	0,015	0,04	—	—	—	—
4-2	3	Перстень пластинчатый	426	осн.	3,5	2	7	0,01	0,07	0,17	0,025	0,25	0,04	0,003	0,018	—	—
4-1	6	Перстень пластинчатый	427	осн.	5,5	1,5	9	0,001	0,05	0,08	0,03	0,25	0,03	0,003	0,009	—	—
4-2	9	Пронизка спиральная	428	осн.	1,2	5	1,5	0,01	0,07	0,5	0,06	0,8	0,003	?	0,03	?	—
4-2	6	Перстень пластинчатый	429	осн.	1,5	1,7	4	0,002	0,06	0,3	0,04	0,3	0,05	< 0,003	0,01	—	—
4-2	2	Перстень пластинчатый	430	осн.	4,5	1	5	0,02	0,03	0,13	0,025	0,18	0,03	—	0,01	—	< 0,1
4-1	3	Перстень пластинчатый	431	осн.	3,5	2	6	0,04	0,05	0,08	0,015	0,4	0,025	?	0,01	—	0,1

Приложение 1 (продолжение)

№ к-на	№ п/п	Категория	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
?	?	Фрагмент предмета	432	~1	осн.	0,002	–	есть	следы	0,007	–	0,12	следы	–	мало	–	–
23	2	Перстень плетеный	433	осн.	2	2	8	0,002	0,04	0,08	0,01	0,25	0,01	–	0,015	–	< 0,1
28	1	Височное кольцо перстнеобразное	434	осн.	4	1	0,01	0,003	0,06	0,2	0,04	0,03	0,03	–	0,004	–	–
23	3	Височное кольцо перстнеобразное	435	осн.	2	0,9	0,6	0,008	0,1	0,3	0,07	0,05	0,02	–	0,002	0,001	–
7	1	Бубенчик шелевидный	436	осн.	10	2,5	0,004	0,02	0,07	0,3	0,1	0,12	0,008	–	0,012	–	0,2
28	2	Височное кольцо перстнеобразное	437	осн.	3,5	1,5	–	0,004	0,06	0,14	0,04	0,02	0,03	–	–	–	–
7	4	Височное кольцо перстнеобразное	438	3,0 - 10	0,05	мн.	мн.	есть	осн.	0,04	0,025	0,1	0,01	–	0,008	> 0,1	0,3
6	5	Фрагмент предмета	439	?1	осн.	0,008	?	есть	следы	0,03	?	0,04	мало	–	есть	–	< 0,1
28	4	Перстень решетчатый	440	осн.	6	1,5	–	0,003	0,05	0,2	0,025	0,02	0,015	–	0,005	> 0,001	> 0,1
28	3	Височное кольцо браслетообразное	441	осн.	7	0,8	–	0,002	0,1	0,16	0,04	0,15	0,018	–	0,005	–	–
28	5	Браслет витой	442	осн.	8	0,9	–	0,003	0,1	0,15	0,03	0,1	0,02	–	0,003	–	–
9-1	13	Височное кольцо перстнеобразное	443	осн.	4	1	7	0,005	0,05	0,1	0,04	1	0,015	0,002	0,02	–	0,1
9-1	14	Височное кольцо перстнеобразное	444	? 50	0,2	1	0,2	0,06	? 50	0,04	0,03	0,03	0,008	?	?	0,1	–
9-2	6	Височное кольцо перстнеобразное	445	осн.	0,5	1	0,08	0,002	0,08	0,3	0,02	0,25	0,04	–	0,01	–	–
9-2	6	Височное кольцо перстнеобразное	446	осн.	0,3	0,8	0,1	0,002	0,07	0,25	0,02	0,1	0,04	–	0,001	–	–
		Браслет витой	447	осн.	5	1	2,5	0,001	0,06	0,35	0,03	0,7	0,02	–	0,03	–	0,3
9-2	8	Височное кольцо браслетообразное	448	> 10	мн.	мн.	мн.	есть	осн.	есть	есть	есть	–	–	мало	мн.	0,1
9-2	8	Височное кольцо браслетообразное	449	> 10	мн.	мн.	мн.	есть	осн.	есть	есть	есть	–	–	мало	мн.	< 0,1
2-1	8	Перстень ложновитой	450	осн.	18	0,5	8	0,008	0,04	0,1	0,05	0,15	0,02	–	0,006	–	0,1
2-1	8	Перстень ложновитой	451	осн.	2,5	0,8	?	0,009	0,07	0,3	0,1	0,08	0,03	–	0,005	< 0,001	0,1
30-2	12	Височное кольцо браслетообразное	452	< 10	мн.	мн.	мн.	есть	осн.	есть	есть	есть	мало	–	мало	мн.	0,3
30-2	12	Височное кольцо браслетообразное	453	< 10	мн.	мн.	мн.	есть	осн.	есть	есть	есть	–	–	мало	мн.	0,3
30-2	12	Височное кольцо браслетообразное	454	< 10	мн.	мн.	мн.	есть	осн.	есть	есть	есть	–	–	мало	мн.	0,3
30-2	12	Височное кольцо браслетообразное	455	< 10	мн.	мн.	мн.	есть	осн.	есть	есть	есть	мало	–	есть	мн.	0,3
30-2	12	Височное кольцо браслетообразное	456	?30	мн.	мн.	мн.	есть	осн.	есть	есть	есть	–	–	мало	мн.	< 0,1
30-1	6	Браслет плетеный	457	осн.	1,8	1,5	3	0,01	0,07	0,1	0,03	0,4	0,01	–	0,005	–	0,3
33	1	Перстень пластинчатый	458	осн.	6	1,3	0,01	0,003	0,06	0,5	0,03	0,03	0,05	–	0,002	–	–
30-1	5	Браслет пластинчатый	459	осн.	3	0,4	8	0,005	0,08	0,1	0,02	0,25	0,04	0,007	0,006	–	–
30-1	3	Перстень ложновитой	460	осн.	> 30,0	4	0,3	0,1	0,08	0,5	0,3	0,5	0,08	–	0,01	0,003	0,3
20	4	Накладка-розетка	461	осн.	2,5	0,6	4	0,005	1	0,08	0,02	0,25	0,012	–	0,03	> 0,003	0,3
25	1	Височное кольцо перстнеобразное	462	осн.	4	1	12	0,007	0,1	0,07	0,03	0,6	0,02	0,003	0,01	?	< 0,1
25	1	Височное кольцо перстнеобразное	463	осн.	4,5	2	10	0,01	0,1	0,06	0,02	0,5	0,03	0,002	0,01	–	–
20	4	Наконечник поясной	464	осн.	6	1	10	0,004	0,1	0,08	0,02	0,4	0,012	0,004	0,003	–	0,3

Приложение 1 (продолжение)

№ к-на	№ п/п	Категория	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
5-1	10	Фрагмент проволоки	465	осн.	0,7	1	0,1	0,01	0,5	0,4	0,02	0,05	0,04	—	0,003	—	< 0,1
5-1	8	Височное кольцо браслетообразное	466	осн.	2	0,7	20	0,001	0,08	0,08	0,015	0,4	0,02	0,001	0,01	—	—
5-1	8	Височное кольцо браслетообразное	467	осн.	4	2	1,5	0,002	0,1	0,09	0,2	0,6	0,04	0,005	0,02	—	—
10	11	Перстень решетчатый	468	~50	1,7	1	2	0,06	~50	0,015	0,1	0,08	0,015	—	0,003	мн.	?
10	12	Фрагмент проволоки	469	~50	1	2	3	0,4	~50	0,1	0,1	0,2	0,015	—	0,005	мн.	< 0,1
5-1	6	Височное кольцо перстнеобразное	470	осн.	2	5	8	0,01	0,08	0,3	0,02	0,5	0,014	?	0,01	?	0,1
6	2	Перстень проволочный	471	осн.	6	1,5	7	0,002	0,08	0,1	0,04	0,5	0,01	?	0,004	—	0,1
9	5	Цепь проволочная	472	> 1	осн.	мн.	—	0,008	следы	есть	есть	есть	мало	—	0,03	—	< 0,1
14	6	Накладка трапециевидная	473	осн.	5	0,8	—	0,03	0,1	0,5	0,06	0,12	0,012	—	0,02	0,003	0,1
14	6	Накладка трапециевидная	474	осн.	2,5	2	—	0,02	0,4	0,35	0,05	0,15	0,02	—	0,02	< 0,003	> 0,1
?	?	Перстень	475	осн.	3	1	2	0,005	0,01	0,04	0,01	0,3	0,005	—	0,01	—	мн.
22	3	Перстень решетчатый	476	осн.	12	2,5	0,04	0,004	0,09	0,5	0,15	0,1	0,012	—	0,005	0,001	0,3
22	1	Височное кольцо браслетообразное	477	50	0,5	2	6	0,1	50	0,08	0,1	0,1	0,01	—	0,01	< 1	—
21	5	Височное кольцо перстнеобразное	478	осн.	5	1,5	7	0,03	0,08	0,2	0,15	0,5	0,02	0,002	0,015	?	0,1
14	1	перстень ложновитой	479	осн.	4	1	10	0,002	0,04	0,07	0,02	0,5	0,015	0,001	0,004	—	0,1
14	4	Височное кольцо перстнеобразное	480	85,07	2,5	1,5	10	0,005	0,08	0,06	0,05	0,7	0,02	0,005	0,006	—	?
13	4	Височное кольцо перстнеобразное	481	< 50	7	3	10	0,08	< 50	0,1	0,06	0,2	0,04	0,004	0,01	> 1	< 0,1
13	4	Височное кольцо перстнеобразное	482	< 50	5	2,5	2	0,08	50	0,1	0,05	0,6	0,003	—	0,005	> 1	> 0,3
14	7	Височное кольцо перстнеобразное	483	82,62	13	2	0,1	0,04	1	0,9	0,15	0,1	0,08	—	0,005	0,01	?
?	?	Височное кольцо проволочное	484	осн.	0,8	1,5	0,3	0,004	0,1	0,2	?	0,03	0,08	—	0,01	—	< 0,1
6	1	Височное кольцо бусинное (перевитые)	485	1	осн.	есть	—	0,003	0	0,04	есть	есть	мало	—	есть	—	0,1
6	1	Височное кольцо бусинное (обруч)	486	осн.	0,15	0,8	0,02	0,05	0,8	0,4	0,3	0,3	0,05	—	0,02	> 0,003	< 0,1
6	4	Височное кольцо бусинное (обруч)	487	осн.	1	1,5	0,4	0,008	0,8	0,35	0,02	0,08	0,05	—	0,002	—	< 0,1
15	7	Височное кольцо перстнеобразное	488	осн.	2	5	8	0,004	0,06	0,2	0,05	0,4	0,04	—	0,01	?	—
15	7	Височное кольцо перстнеобразное	489	осн.	3	2	10	0,003	0,1	0,2	0,03	0,5	0,07	0,005	0,02	0,001	—
15	7	Височное кольцо перстнеобразное	490	осн.	4	2,5	8	0,002	0,1	0,2	0,04	0,6	0,04	0,004	0,02	0,001	> 0,1
30-1	4	Височное кольцо браслетообразное	491	< 50	есть	мн.	мн.	есть	< 50	есть	есть	есть	—	—	мало	есть	есть
30-1	7	Бубенчик шевельный	492	осн.	5	5	?	0,01	0,06	0,25	0,06	0,6	0,015	—	0,03	0,001	0,1
30-1	8	Височное кольцо браслетообразное	493	50	мн.	мн.	—	—	> 50	есть	есть	есть	—	—	—	мн.	есть
9-2	11	Височное кольцо браслетообразное	494	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
9-1	6	Височное кольцо браслетообразное	495	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
9-1	10	Височное кольцо браслетообразное	496	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
19-2	7	Височное кольцо браслетообразное	497	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть

Приложение 1 (продолжение)

№ к-на	№ п/п	Категория	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
19-2	7	Височное кольцо браслетообразное	498	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	?	есть	мало	—	—	мн.	есть
19-2	7	Височное кольцо браслетообразное	499	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
2-1	13	Височное кольцо браслетообразное	500	< 50	есть	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
2	13	Височное кольцо проволоочное	501	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
?	?	Височное кольцо проволоочное	502	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
2-1	12	Височное кольцо браслетообразное	503	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	мало	—	мало	мн.	есть
2-1	12	Височное кольцо браслетообразное	504	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	—	—	мало	мн.	есть
2-1	12	Височное кольцо браслетообразное	505	< 50	мн.	мн.	мн.	есть	> 50	есть	есть	есть	?	—	мало	мн.	—
5-1	2	Гривна проволоочная	516	осн.	10	1,5	0,01	0,004	0,1	0,2	0,03	0,25	0,07	—	0,02	> 0,001	0,1
15	6	Браслет пластинчатый	517	осн.	4	0,8	10	0,002	0,08	0,08	0,02	0,7	0,03	0,004	0,04	—	0,1
4-2	5	Браслет проволоочный	518	осн.	2	0,9	0,2	0,003	0,5	0,1	0,02	0,6	0,04	?	0,03	—	< 0,3
14	14	Браслет ложновитой	519	осн.	2,5	2	—	0,002	0,05	0,2	0,05	0,4	0,04	?	0,02	—	0,1
4-1	8	Височное кольцо бусинное (бусина)	520	осн.	12	0,7	0,02	0,002	0,04	0,08	0,02	0,5	0,01	—	0,02	—	0,1
4-1	8	Височное кольцо бусинное (бусина)	521	осн.	11	0,6	0,03	0,003	0,01	0,07	0,01	0,15	0,01	—	0,01	—	< 0,1
4-1	8	Височное кольцо бусинное (бусина)	522	осн.	10	0,5	0,03	0,002	0,01	0,07	0,01	0,12	0,01	—	0,007	—	< 0,1
4-1	8	Височное кольцо бусинное (обруч)	523	осн.	2	1	—	0,002	0,04	0,12	0,01	0,03	0,03	—	0,007	—	0,1
4-2	17	Бубенчик шелевидный	524	осн.	2,5	2,5	0,01	0,01	0,03	0,1	0,03	0,6	0,02	—	0,04	?	0,1
4-2	12	Бубенчик шелевидный	525	осн.	5	3	—	0,006	0,03	0,2	0,05	0,3	0,03	0,005	0,01	—	< 0,1
4-2	12	Бубенчик шелевидный	526	осн.	2	1,5	—	0,008	0,05	3	0,15	0,1	0,04	—	0,005	0,001	< 0,1
4-2	12	Бубенчик шелевидный	527	осн.	2	2,5	0,02	0,02	0,05	0,25	0,2	0,2	0,04	0,002	0,005	< 0,001	< 0,1
4-2	12	Бубенчик шелевидный	528	осн.	2	4	0,02	0,005	0,05	0,12	0,02	0,02	0,01	—	0,03	—	> 0,3
4-2	12	Бубенчик шелевидный	529	осн.	5	3	0,02	0,007	0,06	0,25	0,03	0,2	0,03	—	0,02	—	0,1
4-2	12	Бубенчик шелевидный	530	осн.	2	2	—	0,005	0,02	0,3	0,02	0,12	0,01	—	0,01	—	0,1
4-2	13	Бубенчик шелевидный	531	осн.	6	3	0,06	0,003	0,4	0,15	0,02	0,2	0,015	—	0,008	—	0,1
4-2	13	Бубенчик шелевидный	532	осн.	2	2	0,02	0,04	0,05	0,2	0,15	0,15	0,05	0,002	0,005	< 0,001	< 0,1
4-2	13	Бубенчик шелевидный	533	осн.	5	3	0,04	0,003	0,05	0,2	0,06	0,2	0,03	0,003	0,01	—	0,3
4-2	16	Бубенчик шелевидный	534	осн.	3	2,5	0,008	0,008	0,1	0,2	0,04	0,5	0,012	—	0,02	?	?
4-2	16	Бубенчик шелевидный	535	осн.	2	2	0,006	0,004	0,08	0,15	0,03	0,3	0,012	—	0,003	—	< 0,1
4-2	14	Бубенчик шелевидный	536	осн.	4	0,8	—	0,003	0,1	0,2	0,03	0,3	0,012	—	0,01	—	?
4-2	14	Бубенчик шелевидный	537	осн.	2	0,8	0,04	0,01	0,1	0,18	0,03	0,12	0,015	—	0,008	—	?
10	3	Височное кольцо браслетообразное	538	осн.	~50	1	2	0,06	~50	0,05	0,02	2	0,003	—	0,03	есть	?
10	9	Бубенчик шелевидный	539	осн.	2	2	0,01	0,008	0,1	0,09	0,08	0,4	0,015	0,002	0,02	< 0,001	0,3
4-2	15	Бубенчик шелевидный	540	осн.	2,5	2	0,02	0,003	0,08	0,1	0,06	0,25	0,015	0,002	0,01	?	< 0,3

Приложение 1 (продолжение)

№ к-на	№ п/п	Категория	№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P
4-2	15	Бубенчик шпелевидный	541	осн.	6	1	0,02	0,005	0,07	0,3	0,07	0,15	0,04	?	0,01	<0,001	0,1
14	5	Бубенчик крестопрорезный	542	осн.	2	1,5	?	0,003	0,07	0,3	0,05	0,6	0,05	–	0,04	?	0,1
10	8	Бубенчик крестопрорезный	543	осн.	2	2	–	?	1	1	0,06	5	0,1	–	0,04	0,003	–
4-2	10	Бубенчик крестопрорезный	544	осн.	2,5	2	–	0,003	0,2	0,8	0,1	0,15	0,08	–	0,01	<0,003	<0,1

Приложение 2. Результаты микроструктурного изучения металлических изделий.

Паспорт, № шлифа и анализа металла, поверхностный осмотр	Описание шлифа до травления	Описание шлифа после травления ¹	Вывод, технологическая схема
К. 14, № 7; 3088/483. Височное кольцо проволоочное перстнеобразное, разомкнутое. Сечение проволоки круглое, равномерное. На поверхности замсны параллельные риски волочения	Шлиф изготовлен на продольном срезе края обруча. Увеличение – 90, 200. Видны отдельные включения эвтектоида $6\text{-Cu}_3\text{Sn}_6$ и темные включения свинца. В краевой зоне шлифа отчетливо проявился слой покрытия и участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по границам мелких полиздров	Реактив № 1. Очень мелкая полиэдрическая структура, на фоне которой отчетливо видны вытянутые параллельные темные включения, двойники отжига и полосы скольжения, особенно в краевой зоне шлифа. Размер кристаллов – 0,010–0,025 мм, коэффициент разноразности – 2,5	Проволока получена путем волочения, сопровождавшегося отжигом. После этого на нее нанесено покрытие. Обруч изогнут в холодном состоянии (наличие полос скольжения). Волочение + изгибание
К. 4, п. 2, № 3; 3042/426. Перстень пластинчатый широкосрединный, разомкнутый. Украшен декором, выполненным зубчатым колесиком, и двумя видами пуансонов	Шлиф изготовлен на поперечном срезе конца обруча. Увеличение – 90. Видны отдельные темные включения свинца	Реактив № 1. Поле заполнено полиздрами и двойниками, размером 0,015–0,065 мм, коэффициент разноразности – 4. В двух четко обозначенных зонах наблюдается сильная размытость полиздров. Они связаны с дополнительной деформацией наружной поверхности обруча	Заготовка перстня получена в процессе формующейковки (плющение, вытяжка заготовки), которая велась с промежуточными отжигами. После формовки пластины нанесен чеканный декор. Операции, связанные с декорированием и приданием окончательной формы изделию, проводили в холодном состоянии (сильная размытость структуры). Ковка + изгибание

К. 4, п. 1, № 3; 3043/431. Перстень пластинчатый широкосрединный, разомкнутый. Украшен декором, выполненным зубчатым колесиком, и тремя видами пуансонов	Шлиф изготовлен на поперечном срезе конца обруча. Увеличение – 90, 240. Видны отдельные очень мелкие включения свинца, на периферии шлица заметна межкристаллитная коррозия, которая развивалась по границам полиэдров	Реактив № 1. Поле заполнено сильно вытянутыми остаточными дендритами, на которые наложены очень мелкие полиэдры и двойники, размером 0,010–0,020 мм, коэффициент разнотерности – 0,010–0,020 мм, коэффициент разнотерности – 2. Местами полиэдры приобретают размытый, деформированный характер	Предварительно отлитая пластина подверглась сильной формующей ковке (степень деформации не менее 60–80%). Она велась с промежуточными отжигами (отсутствие следов краснотомкости, при повышенном содержании свинца). После формовки пластины на ее лицевую сторону нанесли декор. Готовую плоскую заготовку изгибали на специальном подкладном инструменте. Операции, связанные с декорированием и приданием окончательной формы изделию, проводили в холодном состоянии (сильная размытость структуры). Ковка + изгибание
К. 4, п. 2, № 2; 3044/430. Перстень пластинчатый широкосрединный, разомкнутый. Украшен декором, выполненным зубчатым колесиком. Элементы декора неотчетливы. Опылчаты. На обруче заметны продольные риски заглаживания восковой модели	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 90, 140, 240. Видны в краевых зонах участки, пораженные межкристаллитной коррозией	Реактивы № 1 и № 2. Поле заполнено остаточными дендритами, на фоне которых различимы многочисленные полиэдры и двойники. Размер кристаллов – 0,035–0,065 мм, коэффициент разнотерности – 2	Плоская заготовка перстня получена в процессе литья по выплавляемой модели. Характер элементов декора свидетельствует о том, что он был нанесен еще на восковую модель. После отливки перстень доработан механической деформацией, направленной на удаление пороков литья. Изгибание довольно толстой пластины проводили после предварительного нагрева. Литье + изгибание
К. 4, п. 2, № 6; 3045/429. Перстень пластинчатый широкосрединный, разомкнутый. Украшен декором, выполненным зубчатым колесиком и пуансоном	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 240. Видны многочисленные темные включения свинца	Реактив № 1. Поле заполнено рекристаллизованной структурой. Местами полиэдры имеют размытый характер, на их фоне заметны многочисленные полосы скольжения. Остаточные дендриты отсутствуют	Заготовка перстня получена в процессе формующейковки (плющение, вытяжка), которая велась с промежуточными отжигами (отсутствие следов краснотомкости, при высоком содержании свинца). После формовки пластины нанесли чеканный декор. Готовую плоскую заготовку изгибали на специальном подкладном инструменте. Операции, связанные с декорированием и приданием окончательной формы изделию, проводили в холодном состоянии (сильная размытость структуры). Ковка + изгибание

К. 4, п. 1. № 6. 3046/427. Перстень пластинчатый широкосредний, разомкнутой. Украшен декором, выполненным зубчатом колесиком и пуансоном	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 240. Видны отдельные темные включения свинца, в краевой зоне шлифа различима трещина, идущая в глубину металла	Реактив № 1. Поле заполнено очень мелкими полиэдрами и двойниками. Размер кристаллов – 0,015–0,025 мм, коэффициент разномасштабности – 1,5. Местами полиэдры имеют размытый, деформированный характер, на их фоне едва различимы остаточные дендриты. Еще четче выявилась трещина красномомкости, которая развилась по границам полиэдрических кристаллов	Плоская заготовка перстня была отлита и подвергнута формующей доработке ковкой. Механическая деформация велась в горячем состоянии (трещины красномомкости, при повышенном содержании свинца). Завершающие операции по нанесению декора и изгибанию изделия проводили в холодном состоянии (размытость и деформация полиэдрической структуры). Литье + ковка + изгибание
К. 4, п. 2. № 4. 3060/425. Перстень решетчатый. Отлит по выплавляемой модели (характер треугольных отверстий и углубленные линии декора, следы соскальзывания реза). На боковых поверхностях заметны литейные швы	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 140 и 240. Заметны многочисленные коррозионные пятна, а также темные включения свинца	Реактив № 1. Поле заполнено очень мелкодендритной структурой. Следов дополнительной обработки нет	Прямая плоская заготовка перстня отлита в разъемной двусторонней форме по выплавляемой модели. Изгибание заготовки в обруч на круглой оправке проводили, вероятно, после нагрева (отсутствие полос скольжения). Литье + изгибание
К. 22. № 3. 3061/476. Перстень решетчатый. Отлит по выплавляемой модели (характер треугольных отверстий и углубленные линии декора, следы соскальзывания реза). На боковых поверхностях заметны литейные швы	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 140. Заметны многочисленные коррозионные пятна, а также темные включения свинца	Реактив № 1. Поле заполнено очень мелкодендритной структурой. Следов дополнительной формующей обработки нет	Прямая плоская заготовка перстня отлита в разъемной двусторонней форме по выплавляемой модели. Изгибание заготовки в обруч на круглой оправке проводили, вероятно, после нагрева (отсутствие полос скольжения). Литье + изгибание
К. 10. № 11. 3062, 3069/468. Перстень решетчатый. Литой, отдельные элементы углубленного декора непрочны. В нескольких местах отмечены недоливы металла. Литейные швы отсутствуют	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча и на боковой поверхности обруча. Увеличение – 140. На шлифе полностью проявилась дендритная структура за счет межкристаллитной коррозии. Заметны темные включения свинца	Реактив № 2. Мелкодендритная структура стала более отчетливой. Местами на фоне структуры заметны полосы скольжения	Прямая заготовка перстня отлита, вероятно, по отпуску готового изделия (неотчетливый декор). Скорость охлаждения отливки была высокой (мелкие кристаллы). Углубленный декор получен в процессе отливки и не подвергался дополнительной кузнечной доработке. После отливки холодная заготовка согнута на специальной оправке (линии скольжения на фоне структуры). Литье + изгибание

К. 9, п. 2, № 7: 3080/496. Височное кольцо браслетообразное завязанное. Сечение проволоки овальное, равномерное. На поверхности заметны отчетливые следы волочения	Шлиф изготовлен на поперечном срезе пластинчатого конца обруча. Увеличение – 90, 240. Видны участки, на которых проявилась сильно вытянутая текстура. На фоне кристаллов заметны многочисленные полосы скольжения	Реактив № 4. Структура стала более отчетливой	Заготовка получена в процессе волочения. Проволока подверглась плоскостному сжатию с малыми степенями обжатия для придания ей овального сечения. Концы проковывали в пластину. Эти операции проводили в холодном состоянии, о чем свидетельствуют многочисленные полосы скольжения. Волочение + ковка + изгибание
К. 9, п. 1, № 13: 3081/443. Височное кольцо перстнеобразное разомкнутое, с концом в виде дуги. Сечение проволоки круглое, равномерное	Шлиф изготовлен на поперечном срезе пластинчатого конца обруча. Увеличение – 90 и 140. Видны строчечно вытянутые голубоватые включения, характер которых не вполне ясен, и участки, пораженные межкристаллитной коррозией	Реактив № 1. Поле заполнено волокнистой текстурой, на фоне которой очень хорошо видны мелкие полиэдры и двойники отжига. Местами структура приобрела размытый характер. Размер кристаллов – 0,025–0,045 мм, коэффициент разноразмерности – 1,8	Заготовка кольца получена в процессе волочения с промежуточными отжигами. Оформление конца и изгибание заготовки в кольцо производили в холодном состоянии. Об этом свидетельствуют многочисленные полосы скольжения. Волочение + изгибание
К. 2: 3082/495. Височное кольцо браслетообразное завязанное. Сечение проволоки овальное. На поверхности заметны следы волочения	Шлиф изготовлен на продольном срезе обруча. Увеличение – 90 и 240. Хорошо видна волокнистая структура	Реактив № 5. Структура стала более отчетливой	Заготовка овального сечения получена в процессе волочения. Концы проволоки проковывали для придания им пластинчатой формы. Волочение + ковка + изгибание
К. 30, № 4: 3083/491. Височное кольцо проволоочное. Оформление концов обруча неизвестно. Сечение проволоки овальное	Шлиф изготовлен на продольном срезе обруча. Увеличение – 90, 240. Видны вытянутые темные включения свинца	Реактив № 5. Волокнистая текстура. На ее фоне видны очень мелкие полиэдры. Размер кристаллов равен 0,010 мм.	Профиль проволоки получен путем волочения, с последующим плоскостным сжатием для придания ей овального сечения. Изгиб в кольцо проводили в горячем состоянии (отсутствует полос скольжения). Волочение + ковка + изгибание
К. 9, п. 2, № 6: 3084/445. Височное кольцо перстнеобразное с концом в форме спирали. Сечение проволоки круглое. На поверхности проволоки сохранились параллельные риски и места блестящее покрытие серого цвета	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 140. Видны строчечно вытянутые включения свинца, в краевых зонах – ровный слой покрытия, а также участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по следам мелких полиэдров	Реактив № 1. Полиэдрическая структура. Размер кристаллов – 0,010 – 0,015 мм, коэффициент разноразмерности – 1,5. На фоне полиэдров четко видны строчечно вытянутые темные параллельные включения, двойники отжига и многочисленные полосы скольжения	Заготовка кольца получена в процессе волочения с промежуточными отжигами. Оформление конца и изгиб заготовки в кольцо проводили в холодную. Об этом свидетельствуют многочисленные полосы скольжения. Волочение + изгибание
К. 28, № 3: 3085/441. Височное кольцо браслетообразное завязанное. Сечение проволоки круглое, равномерное. На поверхности заметны параллельные, продольные риски	Шлиф изготовлен на продольном срезе обруча. Увеличение – 90 и 240. Видны участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по границам волокон структуры. Местами заметны вытянутые в продольном направлении точечные включения.	Реактив № 1. Поле заполнено мелкими полидрами и двойниками, с наложенными на них остаточными дендритами и полосами скольжения. Размер кристаллов – 0,025 – 0,035 мм, коэффициент разноразмерности – 0,7	Проволока получена путем волочения литой заготовки. Плоскостное сжатие концов обруча и изгиб проволоки производили в холодном состоянии. Волочение + ковка + изгибание

К. 4, п. 1, № 9; 3086/423. Пронизка спиральная, изготовлена из проволоки равномерного сечения. На проволоке заметны параллельные риски	Шлиф изготовлен на продольном срезе проволоки. Увеличение – 90 и 240. Видны вытянутые в продольном направлении включения свинца. В краевой зоне видны участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по границам мелких полиздров	Реактив № 1. Поле заполнено остатками волокнистой текстуры, а также полиэдрами и двойниками. Размер кристаллов – 0,025–0,015 мм, коэффициент разноразмерности – 1,6. Местами рекристаллизованная структура приобрела размытый, деформированный характер. На фоне кристаллов заметны многочисленные полосы скольжения	Заготовка получена путем волочения (остатки волокнистой текстуры, вытянутые включения). После отжига проволока навита в холодном состоянии. Структурным отражением этой операции является размытость полиэдрической структуры и полосы скольжения. Волочение + навивка
К. 28, № 1; 3087/434. Височное кольцо перстнеобразное. Сечение проволоки круглое, равномерное. На поверхности заметны многочисленные параллельные риски и глубокая продольная трещина	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 90 и 240. Видны строчечно вытянутые темные включения свинца	Реактив № 1. Поле заполнено мелкими полиэдрами и двойниками, на фоне которых едва заметны сильно вытянутые остаточные дендриты и полосы скольжения. Размер кристаллов – 0,025–0,035 мм, коэффициент разноразмерности – 0,7	Проволока получена путем волочения литой заготовки с промежуточными отжигами. Завершающий разупрочняющий отжиг отсутствовал. Об этом свидетельствует трещина, которая образовалась в результате действия внутреннего напряжения металла. Изгиб проволоки в кольцо производился в холодном состоянии (полосы скольжения) Волочение + изгибание.
К. 4, п. 1, № 8; 3089/523. Височное кольцо перстнеобразное бусинное. Один конец обруча имеет форму спирали. Бусины круглые (3 экз.), составлены из неспаивающихся половинок. На обруче заметны параллельные риски и покрытие	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 90 и 140. Видны строчечно вытянутые параллельные включения свинца. У края шлифа проходит полоса покрытия другим металлом	Реактив № 1. Поле заполнено мелкими полиэдрами и двойниками размером 0,025–0,035 мм, коэффициент разноразмерности – 1,4. Еще четче обозначились вытянутые включения. Местами на фоне полиздров различными полосами скольжения	Заготовка кольца получена волочением. Один конец проволоки был раскован в пластину и изогнут на основе в спираль. Эти операции сопровождалась промежуточными отжигами. Окончательный изгиб проволоки производили в холодном состоянии (наличие полос скольжения). Волочение + ковка + изгибание
К. 14, № 4; 3090/480. Височное кольцо перстнеобразное. Сечение проволоки круглое, равномерное. На поверхности заметны параллельные риски	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 90 и 240. Видны темные включения свинца и строчечно вытянутые голубоватые включения	Реактив № 1. Поле заполнено волокнистой текстурой размытого характера. Она состоит из сильно вытянутых остаточных дендритов. На фоне ее видны очень мелкие полиэдры. Размер кристаллов – 0,010–0,015 мм, коэффициент разноразмерности – 1,5	Проволока получена путем волочения литой заготовки, после чего она была изогнута в горячем состоянии (отсутствие полос скольжения). Волочение + изгибание
К. 30, № 5; 3092/459. Браслет пластинчатый	Шлиф изготовлен на продольном срезе участка обруча. Увеличение – 90 и 240. Видны сероватые вытянутые включения, а также участки коррозии, которая развивалась по границам кристаллов	Реактив № 1. Поле заполнено вытянутыми остаточными дендритами, на которые наложены немногочисленные полиэдры и крупные двойники, размером 0,045–0,025 мм, коэффициент разноразмерности – 2. На фоне структуры заметны многочисленные полосы скольжения. Измельченная структура соответствует краевым зонам шлифа	Обруч браслета получен в процессе литья. Последующая ковка с отжигом не носила формообразующего характера. Браслет изогнут в холодном состоянии (полосы скольжения). Литье + изгибание

К. 9, п. 2, № 9; 3093. Браслет пластинчатый. Украшен углубленным декором, нанесенным зубчатым колесиком и чеканом с округлой рабочей частью	Шлиф № 1 изготовлен на продольном срезе участка обруча в декорированной зоне: шлиф № 2 изготовлен на поперечном срезе участка обруча. Увеличение – 90 и 240. Видны голубоватые включения эвтектоида $\delta + \text{Cu}_3\text{Sn}$	Реактив № 1. Поле заполнено сеткой остаточных дендритов, на которые наложены мелкие полиэдры и двойники, размером 0,045–0,025 мм, коэффициент разноразмерности – 2. На фоне структуры различимы многочисленные полосы скольжения. Измельченная структура соответствует краевой зоне шлифа с лицевой поверхности обруча. № 2. Более измельченные кристаллы размером 0,015–0,025 мм, коэффициент разноразмерности – 1,6. В районе декора, выполненного зубчатым колесиком, структура приобретает размытый характер	Пластинчатый обруч сформирован ковкой с промежуточными нагревами из литой заготовки. Затем на лицевую поверхность наносили декор и изгибали в холодном состоянии (многочисленные полосы скольжения, вторичная деформация рекристаллизованной структуры). Ковка + изгибание
К. 9, п. 2, № 3; 3094. Браслет пластинчатый со спиральными концами. Украшен углубленным декором, нанесенным зубчатым колесиком и чеканом с округлой рабочей частью	Шлиф изготовлен на продольном срезе обруча. Увеличение – 90 и 240. Видны темные включения свинца, расположенные по границам дендритов, а также участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по границам мелких кристаллов. Особенно четко коррозия проявилась на участке, соответствующем декорированной зоне	Реактив № 1. Поле заполнено очень мелкими полиэдрами и двойниками, размером 0,025–0,015 мм, коэффициент разноразмерности – 1,6. На фоне структуры хорошо различимы полосы скольжения. Вдоль краевой зоны шлифа, соответствующей декорированному зубчатому колесиком участку, структура приобрела более измельченный, размытый характер	Пластинчатый обруч откован из литой заготовки с промежуточными отжигами. Затем на лицевую поверхность наносили декор, изгибали в спираль концы и пластину в обруч в холодном состоянии (многочисленные полосы скольжения). Ковка + изгибание
К. 15, № 6; 3095/517. Браслет пластинчатый с изогнутыми концами, соединенными застежкой в виде спирали из проволоки	Шлиф изготовлен на продольном срезе обруча. Увеличение – 90. Видны отдельные точечные включения свинца, которые расположены по границам остаточных дендритов, а также участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по остаточным дендритам и отдельным скоплениям полиэдров и двойников	Реактивы № 1 и № 5. Две принципиально различные структурные зоны. Вдоль краевой части шлифа находится светлое поле, связанное со слоем покрытия, в которое врастают участки второго структурного поля, состоящего из сильно вытянутых дендритов и наложенных на них мелких полиэдров и двойников. Размер кристаллов – 0,015–0,025 мм, коэффициент разноразмерности – 1,6. Структура покрытия имеет более размытый характер	Обруч браслета получен в процессе литья. Последующая ковка с отжигом носила формообразующий характер. После этого нанесли покрытие. Браслет изогнут в нагретом состоянии (отсутствие полос скольжения). Ковка + изгибание
К. 13, № 3; 3096/407. Браслет пластинчатый. Украшен чеканным и гравированным декором	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 90. Видны отдельные точечные включения свинца. В краевой зоне расположены участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по границам полиэдров	Реактив № 1. Поле заполнено сеткой остаточных дендритов, на которые наложены мелкие полиэдры и двойники, размером 0,045–0,025 мм, коэффициент разноразмерности – 2. На фоне структуры различимы многочисленные полосы скольжения. Измельченная структура соответствует краевой зоне шлифа с лицевой поверхности обруча	Пластинчатый обруч откован из литой заготовки с промежуточными нагревами. Затем на лицевую поверхность наносили декор и изгибали в холодном состоянии (многочисленные полосы скольжения, вторичная деформация рекристаллизованной структуры). Ковка + изгибание

К. 9, п. 1, № 3; 3097/412. Перстень пластинчатый широкосрединный разомкнутой. Украшен декором, выполненным зубчатым колесиком	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 140. Видны темные точечные включения свинца	Реактив № 1. Поле заполнено многочисленными вытянутыми дендритами и довольно крупными полидрами и двойниками отжига размером 0,025–0,045 мм, коэффициент разноточности – 2. На фоне структуры заметны многочисленные полосы скольжения	Плоская заготовка перстня получена в процессе отливки. После чего была подвергнута ковке с промежуточными отжигами. Затем нанесли декор. Готовую плоскую заготовку изгибали на специальном подкладном инструменте. Эти операции проводили в холодном состоянии (сильная размытость структуры). Литье + ковка + изгибание
К. 9, п. 2, № 4; 3099. Цепевидное украшение состоит из спиральных проволоочных звеньев	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца проволоки звена. Увеличение – 90 и 120. Видны темные включения, вытянутые в продольном направлении	Реактив № 1. Поле заполнено очень мелкой полидрической структурой, размер полидров – 0,015–0,025 мм, коэффициент разноточности – 1,6. На фоне структуры хорошо видны двойники отжига и многочисленные полосы скольжения. Отчетливо стали видны вытянутые параллельно включения	Заготовка для звеньев цепи получена в процессе волочения с промежуточными отжигами. Звенья изготовлены плотной навивкой в виде спирали на округлую основу в холодном состоянии (наличие полос скольжения). Волочение + изгибание
К. 14, № 3; 3100/519. Браслет ложновитой разомкнутой. На боковых поверхностях обруча расположены продольные литые швы	Шлиф изготовлен на поперечном срезе обруча. Увеличение – 90. Видны отдельные точечные включения свинца и многочисленные пятна коррозии, которая развивалась по границам дендритов	Реактив № 1. Поле заполнено очень мелкой дендритной структурой. Никаких следов дополнительной обработки нет. Полосы скольжения отсутствуют	Обруч браслета отлит в виде прямой заготовки (наличие литых швов) и изогнут в нагретом состоянии (отсутствие полос скольжения). Литье + изгибание
К. 9, п. 2, № 8; 3104. Височное кольцо браслетообразное связанное. Сечение проволоки круглое, равномерное. Вся поверхность покрыта продольными рисками, свидетельствующими о волочении	Шлиф изготовлен на продольном срезе пластинчатого конца обруча. Увеличение – 140. Видны участки, пораженные коррозией, которая выявила сильно вытянутую текстуру металла	Реактив № 4. Поле заполнено структурой, состоящей из светлых (Ag – около 60%) и темных сильно вытянутых кристаллов (Cu). На их фоне заметны многочисленные полосы скольжения. В краевой зоне шлифа заметны мелкие полидры с двойниками отжига	Заготовка кольца получена в процессе волочения. После этого проволоку отжидали для снятия внутреннего напряжения. Плющение концов и изгибание заготовки в кольцо производили в холодном состоянии (полосы скольжения). Волочение + изгибание
К. 2, п. 1, № 12; 3105. Височное кольцо браслетообразное связанное. Сечение проволоки овальное, равномерное. На поверхности проволоки – отчетливые следы волочения	Шлиф изготовлен на продольном срезе середины обруча. Увеличение – 140. Видны участки волоченой структуры. Она состоит из темных (Cu – около 70–75%) и светлых кристаллов (Ag). На фоне кристаллов заметны многочисленные полосы скольжения	Реактив № 4. Структура стала более отчетливой	Заготовка получена в процессе волочения. После этого проволока подвергалась плющению с малыми степенями обжатия для придания ей овального сечения. Концы проволоки также проковывали для придания им пластичной формы. Ковку проводили в холодном состоянии, о чем свидетельствуют многочисленные полосы скольжения. Волочение + ковка + изгибание

К. 4, п. 1, № 1; 3115-3116/422. Бусина шаровидная. Состоит из двух половинок. Наружная поверхность бусины покрыта рисками шлифования, идущими в различных направлениях	Шлиф № 3115 изготовлен на поперечном срезе тулова бусины. Увеличение – 90 и 120. Видны отдельные точечные включения свинца. Шлиф № 3116 изготовлен на продольном срезе тулова бусины. Увеличение – 90 и 120. Видны отдельные точечные включения свинца и едва различимые точечные включения мелкодисперсной фазы. По центру шлифа прослежена межкристаллитная коррозия, которая развивалась по контурам крупных дендритов. На фоне темных, покрытых коррозией, дендритов различимы зоны обогащенной медистой составляющей сплава, которая отличается красноватым окрасом. На ней различимы полосы скопления. Тонкая трещина частично затрагивает продольный край шлифа	Реактив № 1. № 3115. Поле заполнено мелкодисперсной структурой. Вдоль одного края шлифа, который соответствует наружной поверхности тулова, заметна тонкая блестящая полоса с равными краями, состоящая из мельчайших кристаллов. Она связана с нанесением покрытия на изделие. № 3116. Поле заполнено мелкодисперсной структурой. Она аналогична структуре, наблюдаемой на модельном образце при литье в шмотную форму оловянной бронзы с 25% Sn. Еще четче проявилась трещина и контуры коррозионных дендритов	Половинки бусины получены в процессе литья, вероятно в глиняную форму (мелкодисперсная структура). После отливки на наружную поверхность бусины нанесли покрытие и изделие подвергли шлифованию. Литье
К. 2, № 8; 3127/450. Перстень ложновитой сомкнутой. Рельефные элементы, имитирующие витые, невыразительны. Боковые поверхности обруча уплощены	Шлиф изготовлен на поперечном срезе обруча. Увеличение – 140. Видны точечные включения свинца, мелкие и едва различимые извилистые включения эвтектики $6\text{-Cu}_{21}\text{Sn}_8$, по расположению которых угадываются контуры дендритов. Местами различимы участки межкристаллитной коррозии, которая развивалась по границам крупных дендритов.	Реактивы № 3 и № 1. Поле заполнено дендритной структурой. Включения эвтектики стали более отчетливыми. Никаких следов деформационного воздействия на литую структуру не отмечено. Вдоль краевой зоны шлифа следов покрытия не обнаружено	Перстень полностью сформован в процессе литья. Литье
К. 30, п. 1, № 3; 3128/460. Перстень ложновитой сомкнутой. Продольные литейные швы видны на наружной и внутренней поверхностях обруча. Рельефные элементы, имитирующие витые, проработаны хорошо	Шлиф изготовлен на поперечном срезе обруча. Увеличение – 140. Видны крупные глобулы свинца, вдоль края идут участки межкристаллитной коррозии	Реактив № 1. Поле заполнено светлыми дендритообразными кристаллами на фоне мелкодисперсных голубоватых частиц. Местами кристаллы приобретают игольчатые очертания. Наружный слой шлифа на некоторых участках отличается от основного поля серым матовым цветом и не имеет светлых пятен – кристаллов меди. Он обогащен оловом в результате обратной ликвации и последующей коррозии. Слой не имеет четких границ	Перстень отлит из высокоокованного сплава и механической деформации не подвергался. Литье

К. 6, № 2; 3129/471. Перстень проволоочный сомкнутый. Боковые поверхности обруча уплощены	Шлиф изготовлен на поперечном срезе обруча. Увеличение – 140. Видны круглые темные включения свинца и голубоватые включения эвтектики $\delta + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$	Реактивы № 3 и № 1. Поле заполнено дендритной структурой. Видны многочисленные полиэдры с округленными границами. Размер полиэдров – 0,025–0,035 мм, коэффициент разноразмерности – 1,5. Местами различимы многочисленные полосы скольжения	Обруч перстня отлит и подвергнут незначительной ковке, которая велась в холодном состоянии (полосы скольжения). Механическая деформация была направлена на окончательное оформление профиля обруча. Литье + ковка
К. 5, п. 1, № 9; 3130/409. Перстень ложновитой сомкнутый. Элементы вития неотчетливые. Их разделяет продольный литейный шов. Он хорошо виден и на внутренней поверхности обруча	Шлиф изготовлен на поперечном срезе обруча. Увеличение – 140. Видны отдельные точечные включения свинца и голубоватые извилистые включения эвтектики $\delta + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$. В краевой зоне шлифа видны столбчатые кристаллы, выявленные межкристаллитной коррозией	Реактив № 1. Поле заполнено разветвленными осями дендритов с отдельными включениями эвтектоида в межосных пространствах. Местами на фоне дендритной структуры видны мелкие полосы скольжения	Перстень отлит и слегка доработан холодной деформацией, имевшей косметический характер. Она была направлена на шлифование поверхности изделия. Литье
К. 2, п. 1, № 8; 3131/451. Перстень ложновитой разомкнутый. Имитация вития находится только в передней части обруча. Рельефные элементы проработаны плохо	Шлиф изготовлен на поперечном срезе обруча. Увеличение – 140. Видны очень измельченные точечные включения свинца, в краевой зоне – следы межкристаллитной коррозии, которая развивалась по границам мелких кристаллов	Реактивы № 3 и № 1. Поле заполнено полидрами и двойниками. На фоне структуры видны многочисленные полосы скольжения. Местами различимы оси разнонаправленных остаточных дендритов	Вначале отливалась прямая заготовка изделия. После отливки изделие было подвергнуто ковке. Наличие остаточных дендритов говорит о том, что степень обжатия была невысокой. Отсутствие трещин красномолкости свидетельствует о том, что ковка была холодной и сопровождалась промежуточными отжигами при t 600–800°. Ковка была направлена на удаление пороков литья, уплощение боковых поверхностей обруча. Неотчетливые элементы, имитирующие витье, были получены послековки. Завершающий цикл обработки сводился к холодному изгибанию заготовки в обруч. После этого изделие не подвергалось разупрочняющему отжигу (наличие полос скольжения). Литье + ковка + изгибание

К. 2, п. 1, № 14; 3132/418. Перстень ложновитой разомкнутой. Имитация витя расположена в передней части обруча. Боковые поверхности имеют отчетливые углубления	Шлиф изготовлен на продольном срезе конца обруча. Увеличение – 140. Видны темные включения свинца, расположенные по границам остаточных дендритов, и включения эвтектики $\delta + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_9$	Реактивы № 3 и № 1. Поле заполнено мелкой полиздрической структурой. Размер кристаллов – 0,01–0,02 мм, коэффициент разнотерности – 2. На фоне полиздров различимы полосы скольжения	Перстень получен в процессе механической обработки литой заготовки со степенью деформации 60%. Ковка связана с удалением литейных дефектов первоначальной заготовки. Она велась с промежуточными отжигами. Линии для имитации витя нанесены после ковки. Заключительная операция изгибания заготовки проводилась в холодном состоянии. После этого изделие не было подвергнуто разупрочняющему отжигу (наличие полос скольжения на фоне структуры). Литые + ковка + изгибание
К. 4, п. 1, № 1; 3133. Бусина шаровидная (обнаружена в составе ожерелья). Состоит из двух неслабых полых половинок, которые имеют блестящую светло-серую поверхность с многочисленными рисками	Шлиф изготовлен на поперечном срезе края тулова бусины. Увеличение – 140. До травления на шлифе видны отдельные точечные включения свинца, расположенные по границам кристаллов	Реактив № 1. Поле заполнено мелкодисперсной структурой. Вдоль одного из краев шлифа расположен тонкий слой блестящего светло-серого покрытия	Половинки бусин отлиты, вероятно, в шамотную форму. После отливки на наружную поверхность бусины было нанесено покрытие, которому предшествовала шлифовка поверхности. О ней свидетельствуют полосы скольжения на фоне структуры. Литые

Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение

Клейма на донцах сосудов, являясь неременным атрибутом древнерусского гончарного производства начиная со второй половины X в., привлекают внимание исследователей уже не один десяток лет. Особо популярными стали следующие проблемы: исследование семиотики клейм, выявление мотивации клеймения сосудов и создание классификации клейм. Эти вопросы и сейчас продолжают интересовать специалистов, анализирующих оттиски на посуде. Между тем существует не менее интересный аспект, связанный с этой проблематикой, а именно: определение хронологии различных клейменных изображений как для отдельно взятых памятников, так и для целых регионов. Выявление на основе этого, например, эволюционных цепочек оттисков одного вида, а также связей исследуемой территории с другими областями.

Интересным в этом отношении является центр Северо-Восточной Руси. Располагаясь между Северо-Западным регионом (где оттиски на посуде не получили значительного распространения) и южными землями (где традиции клеймения были довольно устойчивы) данная территория могла подвергнуться влиянию и тех, и других. Насколько сильно было это влияние и существовало ли оно вообще? Ответы на заданные вопросы можно получить, рассмотрев хронологию и распространение клейм исследуемого региона.

Всего в процессе обработки учтено 773 клейма¹. Из них 271 клеймо дошло до нас целиком, 502 — фрагментарно. При этом последние учитывались при обработке лишь в случае их сохранности не менее чем на одну четверть (в противном случае изображение, как правило, их невозможно атрибутировать, даже если речь идет о простых клеймах).

При установлении времени бытования клейм с определенными рисунками особое внимание

было обращено на два момента: во-первых, на степень сохранности культурного слоя, из которого происходил тот или иной знак; во-вторых, на технологические характеристики клейменных донцов. Следует отметить, что за последние 15–20 лет в результате проведения масштабных раскопок на целом ряде памятников центральных районов Северо-Восточной Руси были выявлены хорошо датируемые комплексы, позволившие получить интереснейший керамический материал, включающий не только одиночные клейма, но и целые серии². В этом отношении уникальными являются раскопки во Владимире, проведенные Ю.Э. Жарновым в 1990-е годы. В 1993–1998 гг. он исследовал усадьбу священнослужителя в квартале 22 (кон. XII — 1238 г.), а в 1999 г. — усадьбу с мастерскими костореза и ювелира на ул. Чехова (рубеж XII/XIII — середина XIII в.). Интересные комплексы открыты в результате работ А.Е. Леонтьева и Н.Г. Самойлович в Ростове Великом: четкие дендродаты получены при раскопках двора башни у Часовона в Кремле в 1988 г. (далее РЧ-88), довольно хорошо датируется также и материал Григорьевского раскопа 1990–1994 гг. в Митрополищем саду Кремля (РГ), раскопок на территории Гостиного двора 1998 г. (РГД-98) и Конюшенного двора 2003–2004 гг. (РК). Несколько построек, имеющих узкие рамки существования, были выявлены М.В. Седовой в Суздале при раскопках Кремля в конце 1970–1980-х годов, а также в раскопе у церкви Скорбящей Божьей Матери (ЦСБМ) в середине 1970-х. Ряд поздних клейм (вторая половина XIII в.) обнаружен в 1993 г. Ярославле, в раскопе у церкви Николы Рубленого. Информативным оказался материал курганных групп Киучер, Бутриха, Вельского (конца XI — первой половины XII в.), расположенных в Переславском районе Ярославской области, а также могильников Ярослав-

¹ Имеются в виду клейма, просмотренные и описанные нами лично во время полевой или камеральной работы.

² Выражаю глубокую благодарность Ю.Э. Жарнову, Н.Н. Мошениной, Т.Ф. Мухиной за предоставленную возможность работы с керамическими коллекциями Владимира; А.Е. Леонтьеву и Н.Г. Самойлович за возможность работы с коллекциями Ростова Великого; А.Н. и И.И. Рыкуновым за возможность работы с коллекциями Усть-Шексны.

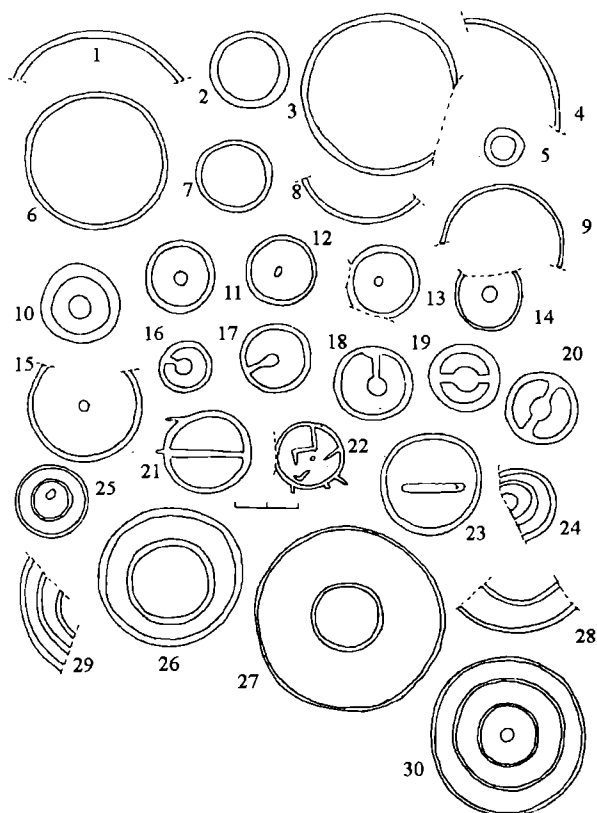

Рис. 1. Геометрические изображения (окружности)

ского Поволжья (середины XI — рубежа XI/XII вв.).

Более расплывчатую датировку дали материалы Ярополча Залесского, Семьинского городища, поселения Усть-Шексна, селищ Весь (Суздальский р-н Владимирской обл.) и Введенского (Некрасовский р-н Ярославской обл.). На данных памятниках клейменные донца, как правило, или не входят в материал комплексов с узкими рамками бытования или сами комплексы (например, на селищах) датируются достаточно широко (в пределах полутора — двух столетий).

Некоторым образом сузить временные рамки существования клейменных донц помогали их технологические характеристики. Установлено, что более ранние клейма (до середины XIII в.) отпечатаны на днищах сосудов, изготовленных на ручном круге легкого типа, а более поздние (середины XIII — первой половины XIV в.) на донцах горшков, сформованных уже на ручном круге тяжелого типа. Определенным хронологическим показателем выступил и способ обжига:

например, посуда (в том числе и с клейменными донцами) окислительно-восстановительного обжига (звонкий черепок) появляется на памятниках исследуемого региона только на рубеже XII/XIII вв., а доминировать начинает с конца века. Следует добавить, что на всех исследованных клейменных донцах выявлена лишь песчаная подсыпка³, поэтому в качестве датирующего признака характер подсыпки в данном случае выступать не может (другая картина прослеживается, например, в Ростиславле Рязанском, где в качестве подсыпки использовались помимо песка дресва и зола) (Коваль, 2002. С. 131).

При описании клейм была использована (с некоторыми изменениями) классификационная схема, предложенная В.Ю. Ковалем (2002. С. 129). По характеру рисунка все оттиски центра Северо-Восточной Руси были разделены на четыре основные группы:

- геометрические;
- геральдические;
- буквенные;
- предметные.

Они подразделяются на типы (табл. 1), которые, в свою очередь делятся на варианты.

I. Геометрические клейма

648 клейм (83,7 % от всей исследованной выборки): 180 целых, 468 фрагментов.

Самая многочисленная группа клейм. В культурном слое памятников центра Северо-Восточной Руси наиболее распространены были следующие геометрические знаки на донцах сосудов: окружность, колесо, крест, розетка, свастика; треугольники, соединенные вершинами; окружность с вписанными в нее дугами и хордами; прямоугольник⁴. Остальные фигуры, как-то: ромб, звезда, овал и некоторые другие, — встречаются в незначительном количестве.

1. Окружность — 173 клейма (26,7 % геометрических клейм): 34 целых, 139 фрагментов (табл. 2)⁵.

К данным оттискам отнесены как изображения одной окружности (простые), так и знаки, где окружность является основным смысловым элементом (сложные), а именно: окружность с точкой посередине, окружность с линией, концентрические окружности.

³ Исключение составляет лишь один сосуд (горшок эсвидного профиля) из Владимира, у которого на клейменном донце была отмечена подсыпка крупной дресвы. Однако горшок был обнаружен на территории усадьбы квартала 22 вместе с большим количеством донц с песчаной подсыпкой в хорошо датируемом слое (1214(27) — 1238 гг.).

⁴ Такое деление в известной мере субъективно, но, на наш взгляд, пока не создана единая классификация клейм Древней Руси, вполне оправданно.

⁵ Таблицы 2–7 приведены в конце статьи после списка литературы.

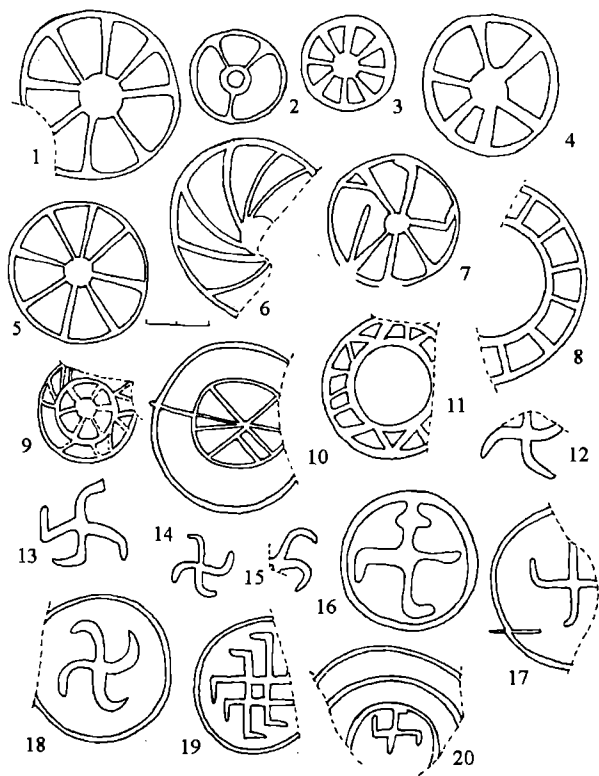

Рис. 2. Геометрические изображения
(колеса и свастика)

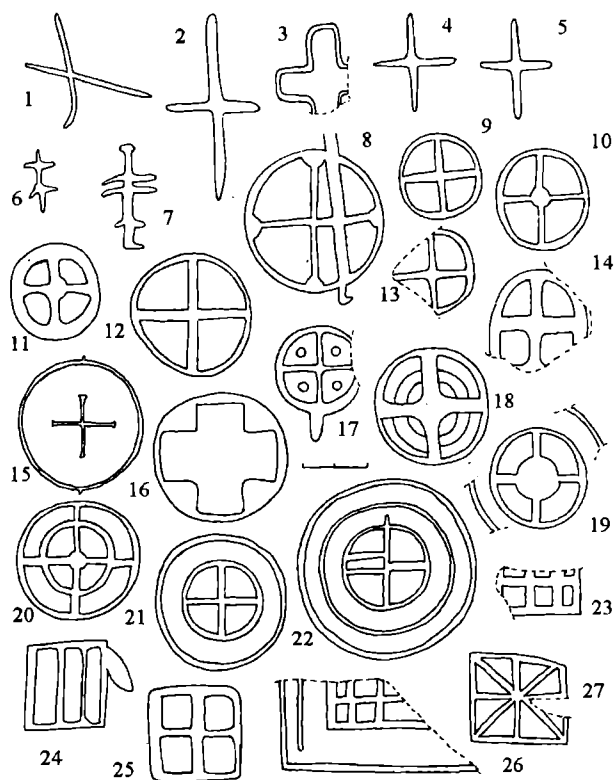

Рис. 3. Геометрические изображения
(кресты и прямоугольники)

1.1. *Простая окружность*. (94 клейма: 7 целых, 87 фрагментов⁶) (рис. 1, 1–9). Клейма с таким знаком встречены в Ростове Великом (25 клейм) в слоях и комплексах первой половины XI — середины XIII в.; в Суздале (7 клейм) в контекстах конца XI — начала XIII в.; во Владимире (5 клейм) в комплексах конца XII — начала XIII в.; на Семиинском городище (21 клеймо), в Ярополче Залесском (15 клейм), на поселении Усть-Шексна (12 клейм), на селищах Введенское (4 клейма) и Шурскол (Ростовский р-н Ярославской обл.) (3 клейма) — в слоях XII — середины XIII в.

Кроме этого, по одному клейму с изображением окружности выявлено в Ярославле и на Богоявленском селище (Угличский р-н Ярославской обл.) (конец XII — первая половина XIII в.).

Таким образом, оттиски с рисунком в виде окружности на территории центра Северо-Восточной Руси бытовали с первой половины XI до середины XIII в.

1.2. *Окружность с точкой внутри* (15 клейм: 7 целых, 8 фрагментов) (рис. 1, 10–15). Данные изображения отмечены на донцах сосудов, происходящих из курганных групп Ярославского Поволжья, относящихся ко второй половине XI в. —

Евчаково, Прошево и Тутаево. На каждом памятнике было обнаружено по одному целому клеймену горшку эсвидного профиля. Кроме этого, знаки — окружности с точкой выявлены в Ростове (6 клейм) и на поселении Усть-Шексна (3 клейма) в слоях конца XII — первой половины XIII в. По одному клейму найдено в Ярославле и Владимире в слоях середины — второй половины XIII в., а также на Вознесенском селище (Тутаевский район Ярославской области) (XI/XII вв.).

Итак, данные клейма имеют также достаточно широкие хронологические рамки: от второй половины XI до второй половины XIII в. Однако следует отметить, что изображения окружности с точкой в основном встречаются на рубеже XI/XII вв. Вероятно, это можно объяснить тем, что такой элемент, как точка, в составе данного знака, как правило, фиксируется лишь, когда клеймо сохраняется целиком или в крайнем случае на три четверти. Ранние же клейма этой серии дошли до нас именно в целом виде, поскольку выявлены в основном на горшках, происходивших из курганных групп. В дальнейшем (с начала XII в.) в исследуемом регионе обычай

⁶ Реальная цифра вполне может быть меньше, т. к. некоторые клейма имели дополнительные элементы, не дошедшие до нас вследствие фрагментарной сохранности знаков.

ставить в погребения сосуды отмирает, с чем и связано «исчезновение» точки на клеймах с изображением окружности (из культурного слоя поселений клейма извлекаются в основном во фрагментах).

1.3. *Окружность с линией* (15 клейм: 11 целых, 4 фрагмента) (рис. 1, 16–23). Отмечены следующие варианты.

1.3.1. Окружность с радиусом (7 клейм). Два клейма с таким рисунком обнаружены на селище Введенском и по одному клейму найдено в Ростове, Суздале, Владимире, на поселении Усть-Шексна и на Пировом селище (конец XII — первая половина XIII в.).

1.3.2. Окружность с диаметром (5 клейм). Такие знаки обнаружены во Владимире (3 клейма), в Ростове и на Семьинском городище (слои конца XII — середины XIII вв.).

1.3.3. Окружность с лучами (2 клейма). Клейма выявлены на Пировом селище и на Усть-Шексне (в слоях второй половины XII — середины XIII в.).

1.3.4. Окружность с отрезком внутри (1 клеймо). Знак встречен в курганный группе Вельского (Переславский р-н Ярославской обл.) на донце горшка эсвидного профиля (конец XI — начало XII в.).

Таким образом, клейма данной серии бытовали на исследуемой территории с конца XI — до середины XIII в.

1.4. *Концентрические окружности* (49 клейм: 9 целых, 40 фрагментов). (рис. 1, 24–30). Выявлены следующие варианты.

1.4.1. Две концентрические окружности (31 клеймо). Клейма с таким изображением встречены на Семьинском городище в слоях первой половины XIII в. (11 клейм); в Ростове в слоях первой половины XII — конца XIII в. (9 клейм); во Владимире в слоях конца XII — начала XIII в. (4 клейма); в Усть-Шексне в слоях конца XII — середины XIII в. (3 клейма). Кроме этого, по одному клейму с двумя окружностями выявлено в Суздале, на Введенском селище, на Пировом селище (слои середины XII — начала XIII в.) а также в курганном могильнике Оленино (Мышкинский р-н Ярославской обл.; погребение второй половины XI в.).

Хронологические рамки бытования клейм с двумя концентрическими окружностями определяются в пределах второй половины XI — третьей четверти XIII в. Заметим, что клейма с таким рисунком были наряду с изображениями простой окружности довольно распространены в центре Северо-Восточной Руси. Особо стоит выделить Ростов и Семьинское городище.

1.4.2. Три концентрические окружности (19 клейм). Обнаружены на городище Семьинском (16 клейм), в Ростове (1 клеймо) и во Владимире (1 клеймо) в слоях конца XII — первой половины XIII в.

Таким образом, знаки этого типа не получили на исследуемой территории значительного распространения.

Итак, в целом про клейма, основным элементом которых является окружность, можно сказать следующее:

1) данные оттиски на территории центра Северо-Восточной Руси бытовали с первой половины XI до конца XIII в. Причем наибольшее их количество отмечено в слоях середины XII — начала XIII в.;

2) знаки с окружностью были в большей степени распространены на территории Ярославского Поволжья и особенно в Ростове, где, кстати, найдены наиболее ранние клейма с таким изображением, однако достаточно часто они встречаются и на поселениях Владимиро-Суздальского региона, например, на Семьинском городище. А в раскопе В.В. Седова 1958 г. на ул. Пушкина во Владимире, в комплексе полуземлянки начала XIII в., окружность являлась основным элементом изображения у 60% клейм;

3) сравнив хронологические рамки существования знаков с одной, двумя и тремя окружностями, можно сделать вывод, что с течением времени происходило усложнение рисунков данных серий клейм. Это особенно заметно на примере Ростова, где клейма хорошо датируются.

2. **Колесо** — 114 клейм (17,6 % геометрических клейм): 19 целых, 95 фрагментов (табл. 3).

К знаку колеса отнесены следующие изображения: простые, включающие, во-первых, колеса с прямыми спицами (от трех до восьми), во-вторых — «вращающиеся» колеса с загнутыми в одном направлении спицами; сложные — двойные колеса (две концентрические окружности со спицами).

2.1. *Колесо с прямыми спицами* (74 клейма: 14 целых, 60 фрагментов) (рис. 2, 1–5). Клейма с таким рисунком зафиксированы на Семьинском городище (45 клейм), во Владимире (5 клейм), в Усть-Шексне (5 клейм), на Пировом городище (3 клейма), на селище Введенское (2 клейма) — в слоях второй половины XII — начала XIII в.; в Суздале (7 клейм) и Ростове (3 клейма) — в контекстах конца XI — начала XIII в.; в Ярославле (3 клейма) в слое XIII в.; в курганном могильнике Оленино (1 клеймо) (вторая половина XI в.).

Итак, подобные клейма бытовали на исследованной территории со второй половины XI до середины XIII в., получив большее распространение во Владимиро-Суздальской земле, чем в Ростовской округе и Ярославском Поволжье.

2.2. «Вращающееся» колесо (18 клейм: 2 целых, 16 фрагментов) (рис. 2, 6, 7). 15 знаков отмечено на городище Семьинском и 3 клейма — в Суздале в слоях XII — первой половины XIII в.

2.3. Двойное колесо (20 клейм: 4 целых, 16 фрагментов) (рис. 2, 8–11). Такие знаки отмечены в Суздале (3 клейма), на городищах Семьинском (3 клейма) и Пировом (3 клейма), Пировом селище (2 клейма), на поселении Введенском (2 клейма), в Усть-Шексне (1 клеймо), на селище Весь (1 клеймо) — в слоях второй половины XII — начала XIII в.; в Ростове (2 клейма) в слоях XIII — начала XIV в. Кроме того, по 1 клейму с рисунком двойного колеса выявлено во Владимире, Ярославле и на урочище «гора Святой Марии» (Ростовский р-н Ярославской обл.) в контекстах второй половины XIII в.

Следовательно, такие клейма бытовали в центре Северо-Восточной Руси со второй половины XII до начала XIV в. Сравнив данную датировку с хронологическими рамками существования знаков серии 2.1., можно сделать вывод о постепенном усложнении клейм с рисунком колеса.

3. Крест — 110 клейм (16,8 % геометрических клейм): 40 целых, 70 фрагментов (табл. 3).

Среди клейм с изображением креста выделяются:

— простые: рисунки четырех-, шести- и восьмиконечного крестов;

— сложные, включающие, во-первых, клейма с изображением креста, вписанного в одну или несколько концентрических окружностей.

3.1. Крест без окружности (12 клейм: 8 целых, 4 фрагмента) (рис. 3, 1–7). Отмечены варианты:

3.1.1. Четырехконечный крест (8 клейм). 4 клейма зафиксировано на поселении Усть-Шексна, 2 клейма — на городище Семьинском (слои первой половины XIII в.). По одному клейму отмечено во Владимире, в Ярославле (конец XII — первая половина XIII в.), а также на селище Введенском (примерная датировка — середина XII — середина XIII в.) и в курганном могильнике Киучер на донце горшка с короткой вертикальной шейкой (конец XI — начало XII в.).

3.1.2. Шестиконечный крест проставлен на донце горшка с раструбовидной шейкой, обнаруженном в курганном могильнике (?) у д. Еремейцево (Мышкинский р-н Ярославской обл.) (возможно, конец XI — XII в.).

3.1.3. Восьмиконечный крест отмечен на донце горшка эсовидного профиля, обнаруженного на поселении Введенском (XII в.).

Таким образом, данные клейма бытовали на исследуемой территории с конца XI до середины XIII в.

3.2. Крест в окружности (83 клейма: 25 целых, 58 фрагментов) (рис. 3, 8–17). Выделены следующие варианты оттисков:

3.2.1. Простой крест в окружности (80 экз.). Клейма с таким рисунком найдены на Пировом городище (5 экз.) и Пировом селище (29 экз.) в слоях середины XII — первой половины XIII в. Интересно, что одно клеймо с Пирова городища и 23 клейма с Пирова селища выглядят совершенно идентичными и имеют длинную диагональную линию, которая смещена к краю изображения и выходит за пределы окружности (трещина на матрице?). Кроме того, знаки такой конфигурации отмечены на городище Семьинском (8 экз.), во Владимире (5 экз.), на селище Введенском (5 экз.), поселении Усть-Шексна (3 экз.), селище Шурскол (1 экз.) в слоях конца XII — первой половины XIII в.; в Суздале (7 экз.) и Ростове (7 экз.) в контекстах второй половины XI — начала XIII в.; в Ярославле (6 экз.) в слоях XIII в.; в курганных могильниках Оленино (2 экз.), Киучер (1 экз.) и Веськово (1 экз.).

3.2.2. Широколопастный крест в окружности (2 экз.; рис. 3, 16). Данные знаки выявлены в Суздале в слое второй половины XI в. и на селище Весь (примерная датировка — XII — начало XIII в.).

3.2.3. Крест с точками в окружности (рис. 3, 17). На знаке, происходящем из Суздаля (перекопанный слой), в каждом секторе, образованном пересечениями линий креста и окружности, расположено по выпуклой точке. Возможно, гончар пытался симитировать одну из сторон денария.

Клейма с рисунком креста в окружности датируются второй половиной XI — первой половиной XIV в. Они были распространены на всей территории центра Северо-Восточной Руси, но все же чаще во Владимиро-Суздальском ополье.

3.3. Крест, вписанный в концентрические окружности (15 клейм: 8 целых, 7 фрагментов; рис. 3, 18–22). Выявлены следующие варианты оттисков:

3.3.1. Крест, вписанный в две окружности (13 экз.). Такие клейма отмечены в Ростове (5 экз.) в слоях второй половины XI — начала XIII в.; в Ярополче Залесском (4 экз.) в контекстах первой половины XII — начала XIII в.; в

Ярославле (2 экз.) в слоях второй половины XIII в. По одному клейму найдено в Суздале (вторая половина XI в.) и на городище Семьинском (первая половина — середина XIII в.).

3.3.2. Крест в трех concentрических окружностях (2 экз.). Клейма с таким изображением встречены лишь на городище Семьинском в слое конца XII — начала XIII в.

Знаки серии 3 имеют широкие хронологические рамки: от второй половины XI до второй половины XIII в., однако в исследуемом регионе они встречаются довольно редко. Интересно, что наиболее ранние изображения (второй половины XI в.) выявлены в Суздале и Ростове, где клейма и более простой конфигурации (серии 2 — крест в окружности) начинают бытовать примерно в это же время. Вероятно, в данном случае следует говорить о привнесенных традициях в клеймении сосудов. Если добавить к этому, что в Ростове, в комплексе постройки 3 раскопа 1988 г., из которой и извлечено большинство ранних клейм, обнаружены не характерные для Северо-Востока фрагменты горшков высоких пропорций, имеющие прямые аналогии с посудой южных территорий, то можно предположить, что в Ростове и Суздале в 60–80-е годы XI в. появилась небольшая группа переселенцев с юга. Рискнем указать даже точный район эмиграции — Переяславль Русский, который наряду с Ростовым, Суздалем, Белоозером и Поволжскими территориями как раз в то время (1054–1077 гг.) находился во владении сына Ярослава Мудрого — Всеволода.

4. Розетка — 105 клейм (16,2 % геометрических клейм): 26 целых, 79 фрагментов (табл. 4).

Розеткой предложено называть изображения, включающие в себя два основных элемента — прямые или слегка изогнутые линии и окружности (реже овалы), которыми эти линии заканчиваются⁷. Соответственно, среди знаков-розеток выделяются следующие:

— простые: изображения трехсторонних, четырехсторонних и многосторонних розеток;

— сложные: розетка внутри окружности.

4.1. Трехсторонняя розетка — 74 клейма: 23 целых, 51 фрагмент (рис. 4, 1–10). Данные знаки выявлены во Владимире (55 клейм) в контекстах второй половины XII — начала XIII в.; в Суздале (16 клейм) в слоях второй половины XI — XII в. и в Ярополче Залесском (3 клейма) в слоях XII — начала XIII в.

Итак, клейма с изображением трехсторонней розетки появляются в исследуемом регионе во

второй половине XI в. и исчезают во второй четверти XIII в. Интересно, что данные знаки зафиксированы лишь во Владимиро-Суздальской земле, при этом наиболее распространены они были во Владимире, где обнаружено 70 % подобных клейм.

4.2. Четырехсторонняя розетка — 26 клейм: 1 целое, 25 фрагментов (рис. 4, 11–18). Выявлено несколько вариантов клейм данной серии, а именно:

4.2.1. Розетка с расходящимися линиями (две слегка изогнутые линии, несколько расходящиеся по краям, с окружностями на концах) — 20 клейм (рис. 4, 11–16). Такие знаки выявлены в Суздале (17 клейм), в слоях середины XI — первой половины XII вв.; во Владимире (2 клейма) в контексте начала XIII в.; на Пировом городище (1 клеймо) в слое второй половины XII — начала XIII в.

4.2.2. Крестообразная розетка (линии с окружностями на концах пересекаются под прямым углом) — 5 клейм (рис. 4, 17). Такие изображения обнаружены лишь в Суздале (4 клейма) в слоях второй половины XI — середины XIII в.) и во Владимире (1 клеймо) в слое начала XIII в.

4.2.3. Розетка с ломаными линиями (две ломанные линии, расположенные параллельно, с окружностями на концах) — 1 клеймо, обнаруженное в Суздале в контексте второй половины XI в. (рис. 4, 18).

Таким образом, данные клейма, бытовавшие во второй половине XI — начале XIII в., встречены лишь во Владимиро-Суздальском ополье. Особой популярностью они пользовались в Суздале, где их доля составляет 84 % от всех обнаруженных знаков.

4.3. Многосторонняя розетка — 4 клейма: 1 целое, 3 фрагмента (рис. 4, 19, 20). Шестисторонняя розетка (три линии с окружностями на концах пересекаются в центре) встречена в одном экземпляре на Пировом городище в слое первой половины XII — начала XIII вв. (Седова, 1978. С. 42–140. Табл. 11, 5). Остальные многосторонние розетки дошли до нас во фрагментарном виде, поэтому точно определить их форму невозможно. По одному такому знаку найдено на Пировом городище, в Суздале и Владимире (в последнем — в слое начала XIII в.).

4.4. Розетка в окружности — 1 клеймо (рис. 4, 21). Во Владимире в слое начала XIII в. обнаружен один экземпляр клейма с изображением трехсторонней розетки в окружности.

⁷ Название «розетка» в данном случае является условным, хотя, на наш взгляд, оно в значительной мере отражает специфику рисунка.

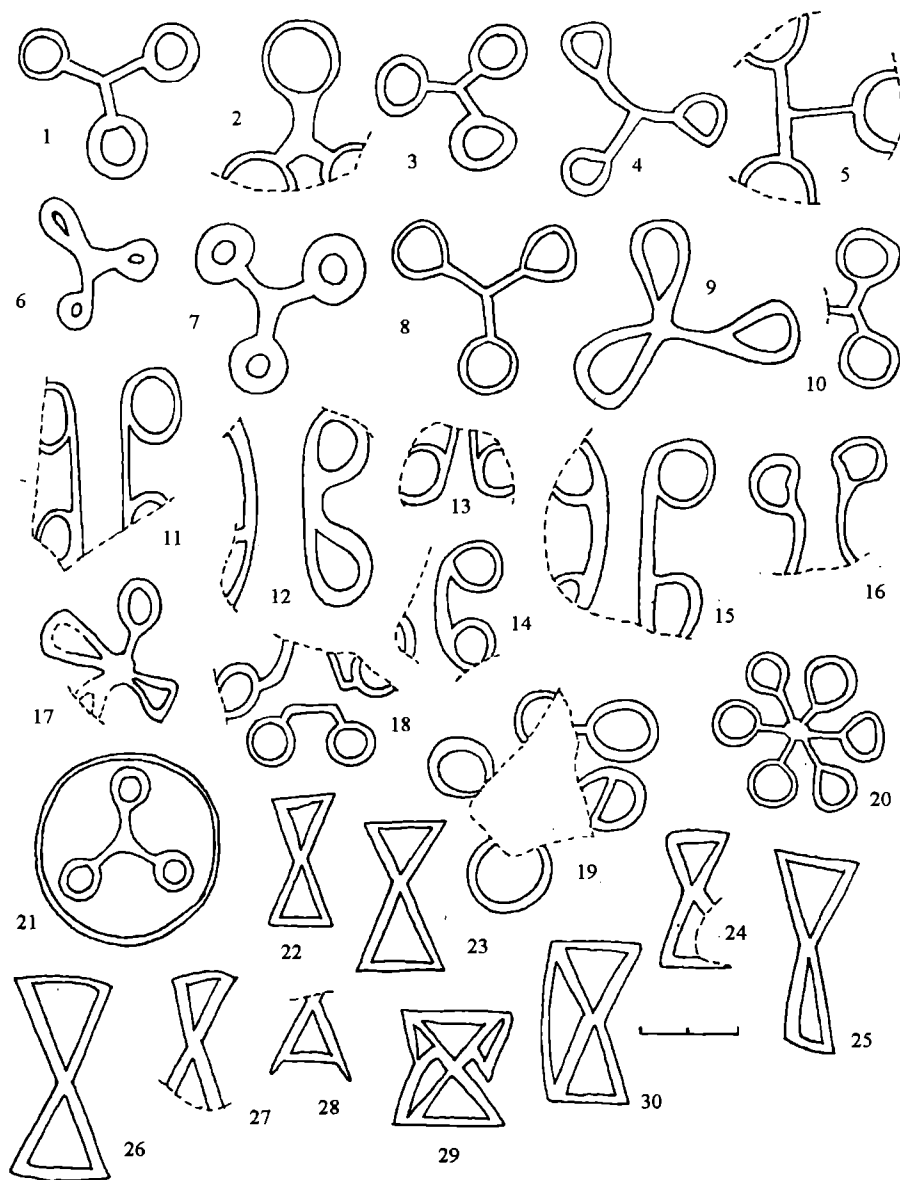

Рис. 4. Геометрические изображения (розетки и треугольники, соединенные вершинами)

Итак, клейма с рисунками розеток бытовали со второй половины XI в. до середины XIII в., а точ — до 1238 г., т. е. до монгольского нашествия. В целом про данные геометрические знаки можно сказать следующее:

— они встречены только на территории Владимиро-Суздальского ополья и лишь на трех памятниках — во Владимире, Суздале и Ярополче Залесском (Пировом городище и селище), бывших в древности крупными городскими центрами. При этом во Владимире и Суздале существовали свои характерные варианты розеток. В первом случае это трехсторонняя розетка, во втором — четырехсторонняя розетка с расходящимися линиями;

— в Суздале клейма-розетки, появившись во второй половине XI в., получили наибольшее

распространение в конце XI — XII в. Во Владимире же данные оттиски вошли в употребление лишь в конце XII века. Вероятно, в данном случае можно говорить о некоей преемственности традиций клеймения посуды, перешедшей от суздальских гончаров к владимирским. Откуда же, в свою очередь, могли позаимствовать данное изображение суздальские мастера? Вообще, рисунки розеток в таком виде, в каком они отпечатаны на донцах сосудов во Владимиро-Суздальской земле, нами не встречены нигде. Правда, похожие оттиски выявлены в Старой Рязани в слоях XI — начала XIII в. (Монгайт, 1955. С. 118—119. Рис. 80, 53, 59), однако там они не были столь популярны. Таким образом, несмотря на то, что появление знаков-розеток на донцах сосудов во Владимиро-Суздальской округе,

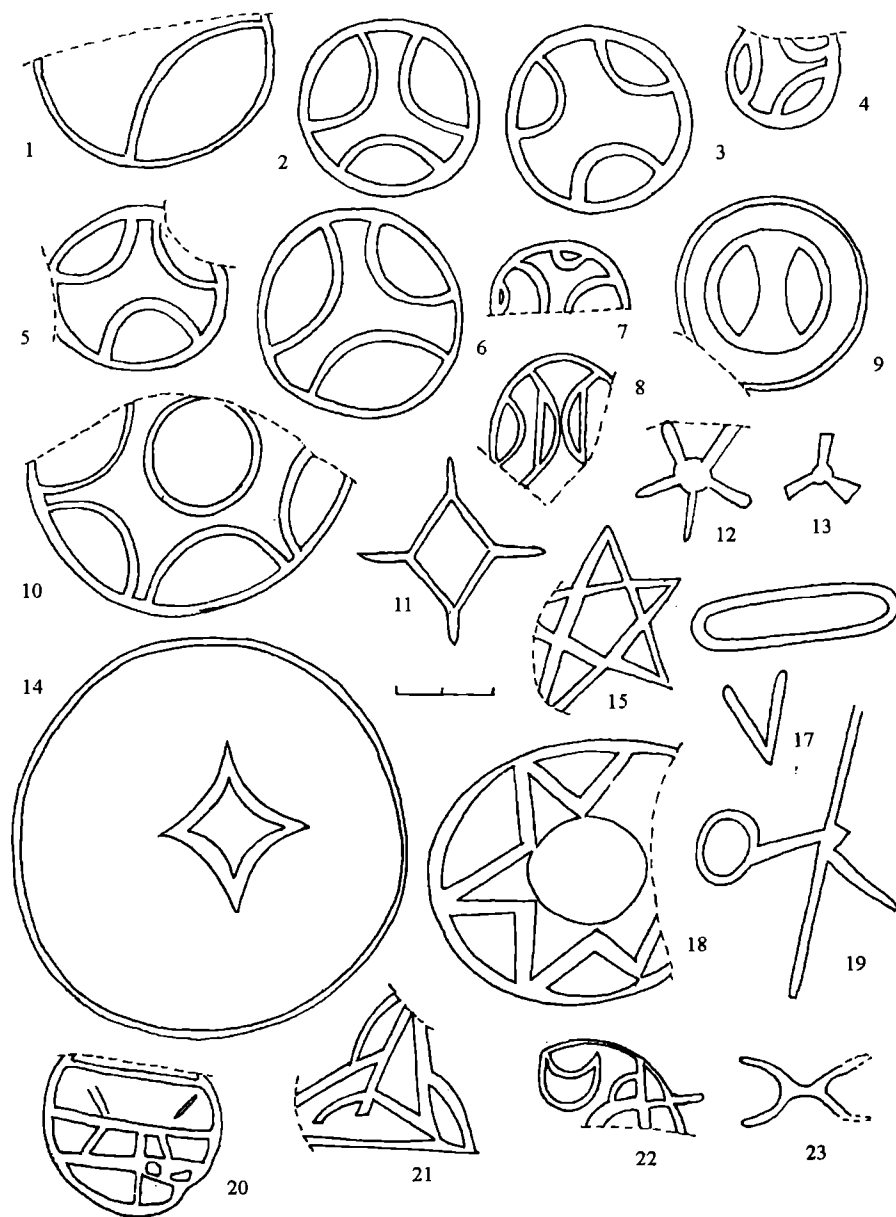

Рис. 5. Геометрические изображения (окружности с дугами и хордами, другие знаки)

вероятнее всего, связано с усилением влияния керамических традиций земель Среднего Почья на процесс изготовления посуды в исследуемом регионе, клейма с изображениями розеток следует считать специфичными и характерными лишь для территории Владимиро-Суздальского ополья;

— по материалам комплексов двух усадеб Владимира (а именно усадьбы в квартале 22 и усадьбы на ул. Чехова), датируемых первой половиной XIII в., довольно четко прослеживается связь данных знаков с так называемыми «геральдическими» клеймами (см. описание ниже). Так, в усадьбе квартала 22 к знакам Рюриковичей относится 46 %, а в усадьбе на ул. Чехова —

половина всех обнаруженных клейм. Доля же клейм с трехсторонними розетками составляет 27 % и 25 % соответственно. Обитатели и первой, и второй усадеб всю посуду или большую ее часть получали скорее всего из одного места — княжеской мастерской. Получается, что излюбленными знаками княжеских мастеров, помимо геральдических, являлись розетки. Случайной или закономерной была такая связь, в данный момент сказать точно, к сожалению, не представляется возможным, поскольку комплексы Владимира являются уникальными. Однако клейма со знаками Рюриковичей, кроме Владимира, достаточно часто встречаются только в Суздале и Ярополче.

5. Треугольники, соединенные вершинами — 25 клейм (3,9 % геометрических клейм): 14 целых, 11 фрагментов (табл. 4).

Простой вариант данного знака напоминает песочные часы или стилизованную цифру «восемь». Однако выявлены также и сложные клейма, где к основному изображению добавлены различные дополнительные элементы — «отпятныши» (?).

5.1. Простые треугольники — 22 клейма: 12 целых, 10 фрагментов (рис. 4, 22–27). Клейма с таким рисунком выявлены на селище Веси (7 клейм), на Пировом городище (3 клейма), на городище Семьинское (2 клейма), на селище Гнездилово-2 в Суздальском районе Владимирской области (1 клеймо) (Лапшин, 1988. Табл. 56) в слоях середины XII — начала XIII в. Также данные клейма встречены во Владимире (4 клейма) в слое начала XIII в., и в Суздале (5 клейм) в слоях второй половины XI — начала XIII в.

Таким образом, данные изображения датируются второй половиной XI — началом XIII в.

5.2. Треугольники с отпятнышами — 3 клейма: 2 целых, 1 фрагмент (рис. 4, 28–30). Встречены всего на двух памятниках: на Семьинском городище (2 клейма) в слоях XII — начала XIII вв. и во Владимире (1 клеймо) в слое начала XIII в.

Клейма в виде треугольников, соприкасающихся вершинами, так же как и клейма-розетки, зафиксированы исключительно на поселениях Владимиро-Суздальской земли. Если принять во внимание, что изображение треугольников на донцах сосудов было наиболее популярным на селище Веси (их доля составляет примерно 63% от общего количества обнаруженных оттисков), то эти рисунки можно признать характерными именно для керамики Веси.

Клейма с отпятнышами выявлены в очень малом количестве и лишь в крупных городских центрах. Возможно, городские гончары таким образом хотели «усовершенствовать» довольно расхожий рисунок.

6. Окружность с вписанными в нее дугами и хордами — 17 клейм (2,6 % геометрических клейм): 8 целых, 9 фрагментов (табл. 5).

Встречены следующие изображения:

— простые: рисунки одной окружности с включенными в нее дугами;

— сложные, к которым отнесены, во-первых, клейма с изображением окружности, в которую помимо дуг вписаны еще и хорды; во-вторых, клейма в основе которых лежит не одна, а две концентрические окружности.

6.1. Окружность с вписанными в нее дугами — 12 клейм: 5 целых, 7 фрагментов (рис. 5, 1–7).

Отмечено несколько вариантов знаков данной серии, а именно:

6.1.1. Окружность с вписанной в нее одной дугой (1 клеймо). Данный оттиск выявлен лишь в курганный группе на р. Мжаре (г. Суздаль) конца XI — первой половины XII в.

6.1.2. Окружность с тремя дугами (10 клейм). Такие клейма встречены в Суздале (4 экз.) в слоях середины XI — XII вв.; во Владимире (4 экз.) и на селище Веси (2 экз.) в слоях середины XII — начала XIII в.

6.1.3. Окружность с шестью дугами (?) — одно клеймо выявлено в Ростове в слоях конца XII — начала XIII в.

6.2. Окружность с дугами и хордами — 3 клейма (рис. 5, 8). Два клейма обнаружены в Суздале в комплексах второй половины XI в. и одно — в Ростове в слое первой половины XII в.

6.3. Концентрические окружности с дугами — 2 клейма (рис. 5, 9, 10). Данные знаки найдены на Пировом городище и на поселении Усть-Шексна, в слоях второй половины XII — начала XIII в. Правда, донце с клеймом из Усть-Шексны было белоглиняным, т. е. не исключена возможность того, что сосуд с данным оттиском был привозным.

Итак, клейма с подобными изображениями бытовали с середины XI до середины XIII в. Наиболее распространенным рисунком следует признать окружность с тремя дугами. Этот знак, как и некоторые другие изображения (розетки, треугольники, соединенные вершинами), встречен только на территории Владимиро-Суздальского ополья.

7. Свастика — 12 клейм (1,9 % геометрических клейм): 3 целых, 9 фрагментов (табл. 5).

К данным клеймам отнесены изображения знака свастики со сторонами, повернутыми как по, так и против часовой стрелки (простые), а также клейма со свастикой, заключенной в окружность (сложные).

7.1. Простая свастика — 7 клейм: 2 целых, 5 фрагментов (рис. 2, 12–15). По два клейма с таким рисунком зафиксированы в Суздале в слоях второй половины XI — начала XIII в. и на поселении Усть-Шексна в слое середины XIII в.. По одному клейму обнаружено во Владимире в слое начала XIII в.; в Ярославле в слое второй половины XIII в. и на селище Введенском (вторая половина XII — середина XIII в.).

Таким образом, данные знаки существовали в исследуемом регионе примерно со второй половины XI до конца XIII в.

7.2. Свастика, заключенная в окружность — 5 клейм: 1 целое, 4 фрагмента (рис. 2, 16–20). Выявлены следующие варианты:

7.2.1. Свастика, вписанная в одну окружность (3 клейма). Данные знаки найдены в Ростове (конец XII — начало XIII в.); на поселении Усть-Шексна (первая половина XIII в.) и на селище Введенском (вторая половина XII в.).

7.2.2. Двойная свастика в окружности (рис. 2, 19). Один знак происходит из Усть-Шексны (начало XIII в.).

7.2.3. Свастика, заключенная в три окружности (рис. 2, 20). Одно клеймо обнаружено в Суздале в слое XII в.

Все эти оттиски могут датироваться XII — началом XIII в. Хотя клейма в виде свастики и встречены как на памятниках Ярославского Поволжья, так и во Владимиро-Суздальской земле, здесь они не пользовались популярностью. Впрочем, данные изображения и на других территориях Древней Руси выявлены, как правило, в незначительном количестве.

8. Прямоугольник — 11 клейм (1,7 % геометрических клейм): 3 целых, 10 фрагментов (табл. 5).

К данным оттискам отнесены прямоугольники с прямыми (чуть изогнутыми) линиями внутри, расположенными по диагонали, параллельно или перпендикулярно друг другу (простые рисунки), а также прямоугольники, вписанные в фигуру большего периметра (сложные).

8.1. *Прямоугольник с линиями внутри* — 10 клейм: 3 целых, 7 фрагментов (рис. 3, 23–25, 27). По три клейма с таким изображением найдены на городище Семьинском и на поселении Усть-Шексна в слоях конца XII — середины XIII в.; по одному клейму обнаружено в Суздале, во Владимире, на селище Введенском (в контекстах конца XII — начала XIII в.) и в Ярославле (в слое второй половины XIII в.).

8.2. *Прямоугольник, вписанный в фигуру большего диаметра* — 1 клеймо (рис. 3, 26), сохранившееся фрагментарно, найдено в Ярославле и датируется второй половиной XIII в.

Таким образом, знаки в виде прямоугольника встречены в незначительном количестве на территории центра Северо-Восточной Руси в слоях второй половины XII — XIII в.

Количество клейм с другими геометрическими изображениями в исследуемом регионе исчисляется единицами (табл. 5). Среди них интересны следующие.

9. Ромб — 2 клейма (рис. 5, 11, 14). Оттиск ромба с отходящими наружу от каждого угла лучами зафиксирован на Пировом городище в слоях второй половины XII — начала XIII в.; ромб в окружности отмечен на селище Новосел-

ки (Суздальский район Владимирской области) в слоях конца XI — середины XII в.

10. Лопасты — 2 клейма (рис. 5, 12, 13). Клеймо с тремя лопастями обнаружено в Ростове (середина XIII в.), знак с пятью лопастями найден на селище Введенском (XII в.).

11. Звезда — 2 клейма: 1 целое, 1 фрагмент (рис. 5, 15, 18). Оба клейма (одно из них в виде звезды в круге) найдены во Владимире в слое первой половины XIII в.

12. Овал — 1 экз. (рис. 5, 16) обнаружен на городище Семьинском в слоях конца XII — первой половины XIII в.

13. Угол — 1 целое клеймо (рис. 5, 17) обнаружено на городище Семьинском.

Кроме того, известны также знаки, не поддающиеся точной атрибуции. Всего отмечено 73 таких клейма: 26 из них сохранились целиком, 47 — фрагментарно (рис. 5, 19–23).

II. Геральдические клейма

116 клейм (15 % всех клейм): 85 целых, 31 фрагмент.

На исследованной территории выявлено значительное количество клейм, могущих расцениваться как княжеские тамги или «знаки Рюриковичей». Наиболее распространенными были двузубцы, так называемые птички и трезубцы. Кроме данных оттисков, к геральдическим клеймам отнесены также «багровидные» и «тобразные» знаки и клейма в виде птичьей лапы.

1. Двузубец — 52 клейма (44,8 % от всего количества геральдических клейм): 33 целых, 19 фрагментов (табл. 6).

К двузубцам отнесены «знаки рюриковичей» прямоугольных или колоколовидных очертаний с двумя зубцами и отрогом в основании фигуры. Среди данных клейм выделяются следующие:

— простые: рисунки двузубцев разных видов;

— сложные: изображения двузубца, вписанного в окружность.

1.1. *Двузубец прямоугольных очертаний* — 43 клейма: 25 целых, 18 фрагментов (рис. 6, 1–13). Отмечены следующие варианты данных геральдических знаков:

1.1.1. Двузубец прямоугольных очертаний с прямыми зубцами — 1 клеймо (рис. 6, 1), обнаруженное в Ярополче Залесском (на Пировом городище). Датировка возможна в пределах XII — середины XIII в.

1.1.2. Двузубец прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу вершинами зубцов —

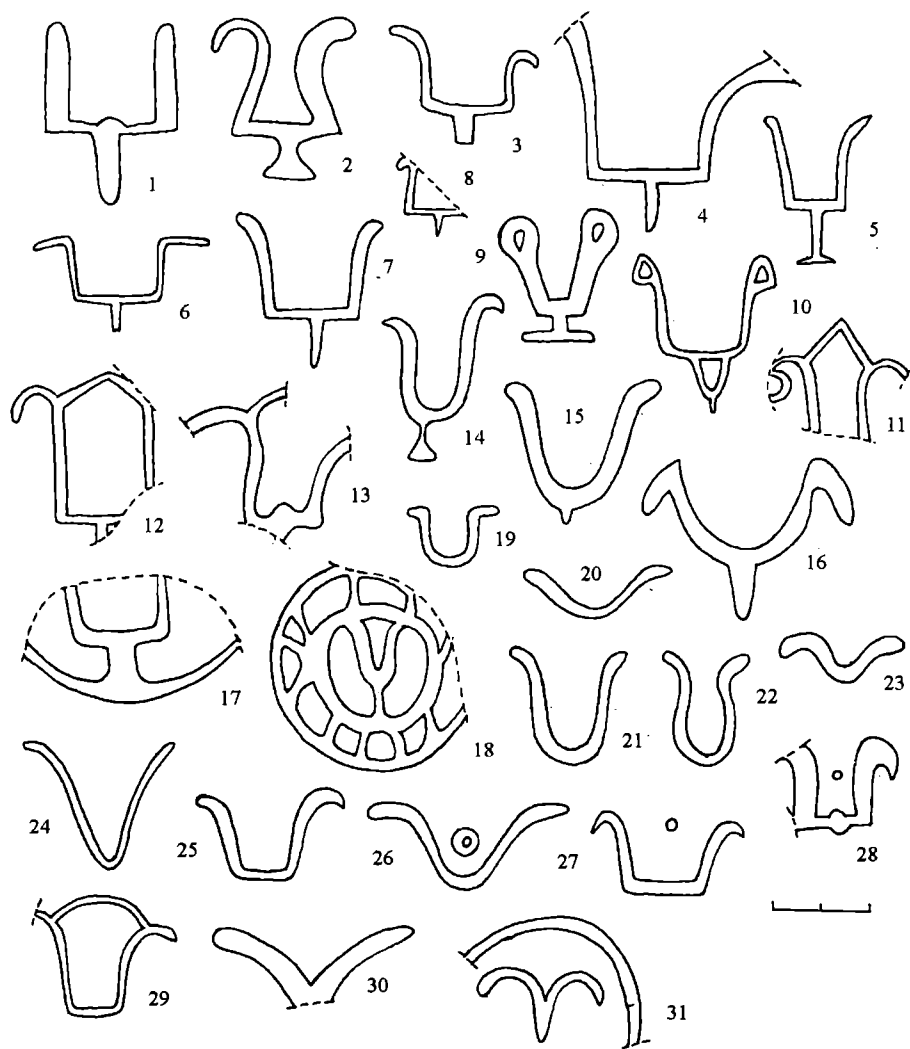

Рис. 6. Геральдические клейма (двузубцы и «птички»)

37 экз. (рис. 6, 2–8). Наиболее распространенный вариант. Такие оттиски найдены во Владимире (32 клейма) в слоях конца XII — первой половины XIII в.; в домонгольских слоях Ярополча Залесского (4 экз.) и Суздаля (1 экз.). Интересно, что знак, происходящий из Суздаля, был отпечатан на массивном днище диаметром 20 см (вероятно, от корчаги), при этом смещен к краю, а в центре располагался оттиск «птичьей лапы» (ВСМЗ. Суздаль. В-39975/50).

1.1.3. Двузубец прямоугольных очертаний с зубцами, заканчивающимися окружностями — 2 клейма (рис. 6, 9, 10) найдены во Владимире в слоях начала XIII в.

1.1.4. Двузубец прямоугольных очертаний с зубцами, заканчивающимися отрогами — одно фрагментированное клеймо найдено во Владимире в слое первой половины XIII в. (рис. 6, 13).

1.1.5. Двузубец прямоугольных очертаний с «перекрытием» — 2 клейма (рис. 6, 11, 12) найдены во Владимире (слой начала XIII в.) и на

Пировом городище (слой середины XII — первой половины XIII в.).

1.2. Двузубец колоколовидных очертаний — 7 клейм, сохранившихся целиком (рис. 6, 14–16). Все оттиски происходят из домонгольских слоев Владимира.

1.3. Двузубец в окружности — 2 клейма: 1 целое, 1 фрагмент (рис. 6, 17, 18).

1.3.1. Двузубец прямоугольных очертаний в одной окружности (1 экз.) — клеймо найдено в Суздале в слое второй половины XII в.

1.3.2. колоколовидный двузубец в колесе (?) — 1 клеймо, обнаружено во Владимире в слое начала XIII в.

Клейма с рисунком двузубца имеют довольно узкую датировку: на исследованной территории они встречаются в слоях середины XII — первой половины XIII в. Особенно распространены были такие оттиски во Владимире, где они составляют 85% от всех обнаруженных знаков такого типа.

2. «Птичка» — 29 клейм (24,1 % геральдических клейм): 17 целых, 12 фрагментов (табл. 6). В эту группу включены как знаки в виде перевернутого колокола без отрога в основании фигуры, так и галочковидные изображения (простые). Кроме этого, выявлены оттиски «птички» в окружности (сложные).

2.1. «Птичка» колоколовидная — 27 клейм: 17 целых, 10 фрагментов. (рис. 6, 19–24). Выделено несколько вариантов клейм такого типа:

2.1.1. «Птичка» простая — 23 клейма. Найдены во Владимире (14 экз.) в слоях первой половины XIII в.; на городище Семьинском (5 экз.) и на поселении Усть-Шексна (3 экз.), в слоях второй половины XII — середины XIII вв.

2.1.2. «Птичка» с точкой сверху — 3 клейма. Такие знаки обнаружены во Владимире (2 экз.) в слоях конца XII — начала XIII в. и на Пировом городище (1 экз.) в слое середины XII — начала XIII в.

2.1.3. «Птичка» с «перекрытием» — один знак найден во Владимире в слое начала XIII в.

2.2. «Птичка» галочковидная — 1 клеймо (рис. 6, 30) известно во Владимире (слой второй половины XII — начала XIII в.)

2.3. «Птичка» в окружности — 1 клеймо (рис. 6, 31) происходит из Владимира (слой начала XIII в.).

Таким образом, клейма в виде «птички» бытовали в исследуемом регионе со второй половины XII до середины XIII в., а точнее до 1238 г. В основном такие знаки, как и двузубцы, были распространены во Владимиро-Суздальской земле, особенно — во Владимире (71 % от всего количества обнаруженных оттисков).

3. **Трезубец** — 24 клейма (21,6 % геральдических клейм): 16 целых, 8 фрагментов (табл. 7). К трезубцам причислены знаки прямоугольных или колоколовидных очертаний с тремя зубцами. Среди клейм с такими изображениями выделяются простые, куда входят трезубцы разных видов, и сложные — трезубцы в окружности.

3.1. *Трезубец прямоугольных очертаний* — 9 клейм: 6 целых, 3 фрагмента (рис. 7, 1–6). Отмечены следующие варианты данных оттисков:

3.1.1. Трезубец с прямыми зубцами — 1 клеймо (рис. 7, 1) — обнаружено на поселении Усть-Шексна в слое первой половины — середины XIII в.

3.1.2. Трезубец с отогнутыми наружу вершинами боковых зубцов — 6 клейм (рис. 7, 2–5). Такие изображения выявлены во Владимире (5 экз.) в слое начала XIII в. и в Суздале (1 экз.) в слое конца XI — начала XII в.

3.1.3. Трезубец с «перекрытием» — 2 клейма (рис. 7, 6). От центрального короткого зубца от-

ходят в разные стороны два отрога, соединяющиеся с двумя боковыми зубцами, в результате чего в верхней части знака получается своеобразное «перекрытие». Данные клейма обнаружены в Суздале в слоях конца XI — начала XII в. и во Владимире в слоях второй половины XII — начала XIII в.

3.2. *Трезубец колоколовидных очертаний* — 8 клейм: 4 целых, 4 фрагмента (рис. 7, 7–10). Пять знаков таких очертаний выявлены в домонгольских слоях Владимира, по одному изображению обнаружено в Ростове (слой конца XIII в.), Ярославле и на Усть-Шексне (слой первой половины XIII в.).

3.3. *Трезубец в окружности* — 7 клейм: 6 целых, 1 фрагмент (рис. 7, 11–15). Выявлены следующие варианты:

3.3.1. Трезубец прямоугольных очертаний в окружности — 4 клейма. По одному клейму найдено в Ростове (слой второй половины XII в.), во Владимире (вторая половина XII — начало XIII в.), на Пировом селище и на поселении Усть-Шексна (вторая половина XII — середина XIII в.).

3.3.2. Колоколовидный трезубец в окружности — 3 клейма. Знаки обнаружены в Суздале в слое второй половины XII в., во Владимире и на Пировом городище в слоях середины XII — начала XIII в.

Как видно из представленных материалов, клейма-трезубцы имеют более широкую датировку, чем знаки в виде двузубцев и «птичек». Они бытовали с конца XI до конца XIII вв. и встречены, помимо Владимиро-Суздальского ополья, в Ростове и Ярославском Поволжье (Ярославль, Усть-Шексна), правда, в малом количестве.

4. **Геральдические знаки специфических форм** — 11 клейм (9,5 % геральдических клейм): 10 целых, 1 фрагмент (табл. 7), которые также были причислены к княжеским тамгам.

4.1. «Птичья лапа» — 6 клейм, сохранившихся целиком (рис. 7, 16–21).

К геральдическим знакам мы относим изображения, которые принято называть «птичья лапа». Вообще, по поводу принадлежности данных оттисков к той или иной группе клейм, среди исследователей существуют различные точки зрения. Так, В.Ю. Коваль предлагает причислить подобные изображения к силуэтным зооморфным (Коваль, 2002. С. 129), а О.И. Хижняков относит их к «княжеским знакам» — стилизованным трезубцам (Хижняков, 2002. С. 140–141). Мы склонны разделить вторую версию, поскольку в Суздале в 1972 г. (раскоп у б. Дмитриевского монастыря середины XII — начала XIII в.) было обнаружено

днище с двумя клеймами: «птичьей лапой», расположенной в центре, и двузубцем, смещенным влево и вверх. Вероятно, сосуд, к которому относилось донце, был изготовлен княжеским мастером, а «птичью лапу», в таком случае, можно считать стилизованным трезубцем. Кроме Суздаля, подобные оттиски найдены в Ярославле (1 экз. в слое середины XIII в.), Ростове (1 клеймо) и на поселении Усть-Шексна (3 клейма: одно — в круге, одно — с расширенной нижней частью) в слоях второй половины XII — середины XIII в.

4.2. Багровидный знак (?) — 3 клейма: 2 целых, 1 фрагмент (рис. 7, 24, 25), которые, возможно, следует расценивать как геральдические знаки, имеющие по два отроста, расположенных посередине. У всех клейм левый отросток отогнут к низу, а правый отросток у двух клейм идет вверх, а у третьего изображения загнут вниз. Все они обнаружены в Суздале: одно клеймо происходит из слоя конца XI в., два других относятся к первой половине XII в.

4.3. Т-образный знак — 2 клейма, сохранившиеся целиком (рис. 7, 22, 23). Клейма данного вида несколько похожи на изображения галочкоподобных «птичек», однако имеют длинный отросток в основании фигуры. Оттиски встречены только в Ярополче Залесском (одно клеймо — на городище, второе — на селище, в слоях середины XII — первой половины XIII в.) (ВСМЗ. В-7718/350, 2820).

Княжеские знаки, представленные на памятниках центра Северо-Восточной Руси достаточно широко, бытовали на данной территории с конца XI до конца XIII в. Исследовав данные оттиски, можно сделать следующие выводы:

— знаки рюриковичей найдены, как правило, в культурном слое поселений, бывших в древности крупными городскими центрами: в Суздале, Владимире, Ярополче Залесском, Ростове, Ярославле. Именно здесь работали княжеские гончарные мастерские, помечавшие свою продукцию княжескими клеймами. Достаточно интересен памятник Усть-Шексна, где обнаружено 9 прекрасно сохранившихся клейм, могущих считаться геральдическими (3 «птички», 3 трезубца и 3 «птичьи лапы»). Подобные находки вместе с большим количеством стеклянных браслетов и импортных изделий, выявленных в культурном слое поселения, а также значительная по площади территория (15 га) позволяют определить статус Усть-Шексны как достаточно высокий (поселение торгово-рыболовецкого типа?) (Рыкунова, Рыкунов, Иванов. 2004. С. 212–213);

— наиболее ранние знаки рюриковичей (конца XI — середины XII в.), правда, в незначительном количестве (5 клейм), выявлены в Суздале. С середины XII в. княжеские знаки, также немногочисленные, появляются в Ростове и Ярополче и, вероятно, лишь на рубеже XII/XIII в. — в Ярославле и в Усть-Шексне. Исключение в данном случае составляет Владимир, из культурного слоя которого происходит более 70 % всех найденных геральдических изображений. При этом особенно распространены были двузубцы (85 %), «птички» (71 %) и трезубцы (59 %). Пик распространения данных оттисков приходится на начало XIII в. Это в первую очередь следует связать с тем, что Владимир в конце XII в. становится столицей Владимиро-Суздальского княжества. Кроме того, нужно учесть и специфический характер владимирских комплексов, а именно усадеб, расположенных в квартале 22 и на ул. Чехова (оттуда извлечено подавляющее количество княжеских знаков): огромное количество ювелирных украшений, культовых предметов (усадебный квартал 22), а также уникальная коллекция предметов из кости и многочисленные обломки тиглей с каплями золота, серебра и бронзы на внутренней поверхности (усадебная на ул. Чехова) свидетельствовали о высоком социальном статусе их владельцев (Жарнов, 1997. С. 86–92; 2003. С. 54–57), что, в свою очередь, предполагало тесную связь усадеб с княжеским двором. Видимо, посуда для жителей усадеб изготавливалась в княжеской мастерской, отсюда и такое значительное количество знаков Рюриковичей на донцах сосудов;

— княжеские клейма точно не атрибутируются. Довольно интересны оттиски багровидных очертаний, обнаруженные в Суздале, в слоях конца XI — первой половины XII в. Их можно было бы отнести к знакам потомков Всеволода Большое Гнездо, которые пользовались багровидными тамгами (Молчанов, 1985. С. 82. Табл. II), если бы не расхождения во времени. Знаки колоколовидной формы (двузубцы, трезубцы и «птички») исследователи связывают с суздальскими Юрьевичами (потомками Юрия Долгорукого), а изображения прямоугольных очертаний (двузубцы и трезубцы) или со смоленскими Мстиславичами (Молчанов, 1985. С. 70) или с черниговскими Святославичами (Ершевский, 1994. С. 109). Однако оттисков прямоугольной формы на исследованной территории выявлено почти в два раза больше, чем колоколовидных (78 и 42 соответственно), при этом и те и другие клейма в основном происходят из слоев начала XIII в. Очевидно, гончары в

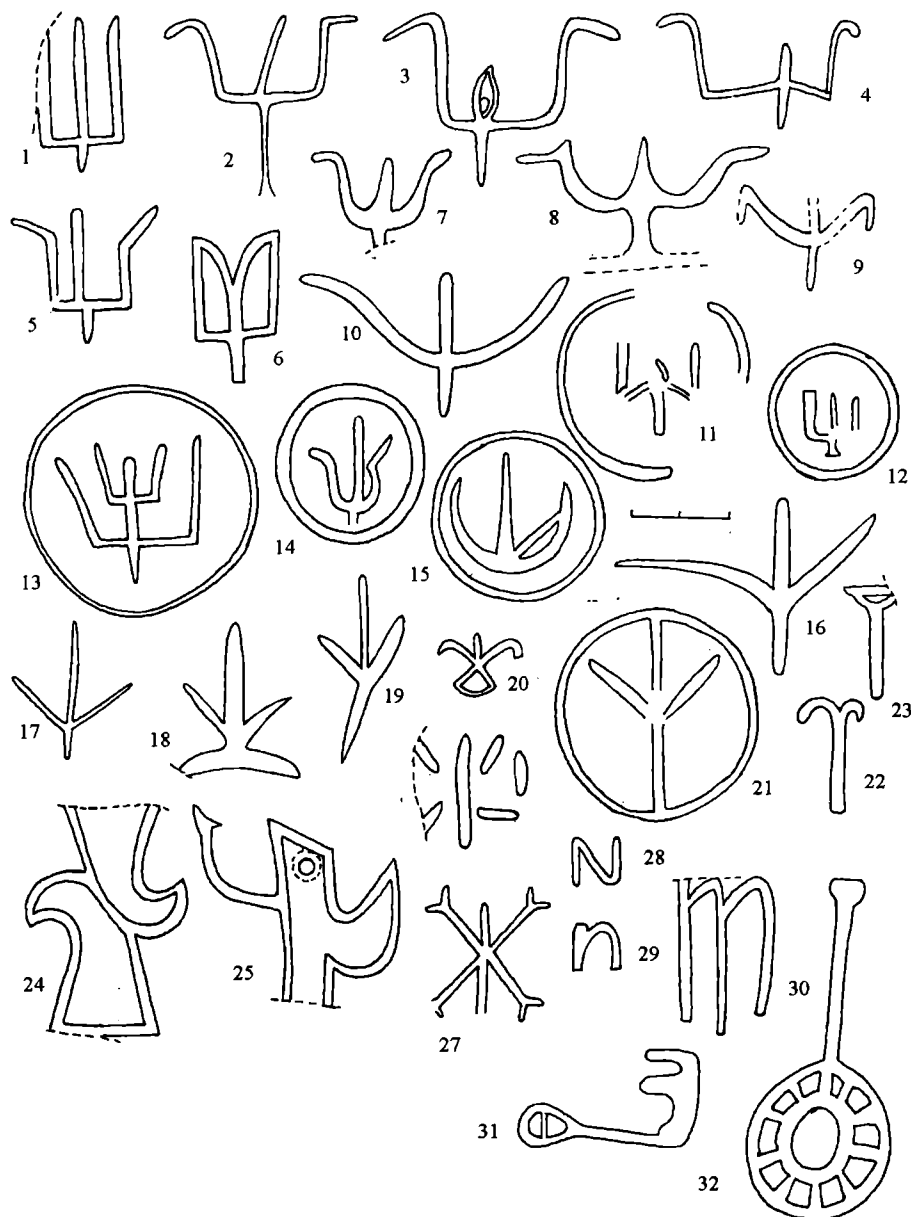

Рис. 7. Геральдические изображения (трезубцы и знаки специфических очертаний). Буквенные и предметные изображения

это время уже просто копировали княжеские знаки с различных документов (булл, печатей и т. п.), не учитывая их родовую принадлежность.

III. Буквенные клейма

7 клейм (1% всех клейм): 3 целых, 4 фрагмента (табл. 7). К данной группе отнесены оттиски, по виду напоминающие буквы кириллического алфавита. Выявлены знаки, похожие на буквы «живете» («Ж»), «наш» («N») и «мыслете» («М»)⁸.

1. Буква «живете» («Ж») — 4 клейма: 1 целое, 3 фрагмента (рис. 7, 26, 27). Обнаружены в Суздале (2 экз.) в слоях второй половины XI — XII вв. и на селище Весь (1 экз.) (середина XII — середина XIII вв.). Рисунок буквы «живете» в окружности найден в Ростове в слое начала XIII в.

2. Буква «наш» («N») — 2 клейма: 1 целое, 2 фрагмента (рис. 7, 28, 29). Такие оттиски выявлены в Суздале в слое середины XI в., а также на Пировом селище (XII — начало XIII в.). Аналогичные знаки, правда, в виде граффити, зафик-

⁸ Атрибуция того или иного знака как буквенного очень субъективна: так, например, буква «люди» может расцениваться как изображение острого угла, буква «червь» похожа на двузубец колоколовидных очертаний, буква «пси» напоминает трезубец и т. д.

сированы на стенках керамических сосудов (горшок с раструбовидной шейкой и византийская амфора), найденных на территории усадьбы священнослужителя во Владимире, в слое первой трети XIII в. (Жарнов, 1996. С. 30). Там эти знаки явно оставлены собственником данных сосудов. Возможно, горшки с такими клеймами гончары также могли изготавливать для собственных нужд.

3. Буква «мыслете» («М»). Клеймо в виде стилизованной буквы «М» (рис. 7, 30) найдено в Усть-Шексне в слоях конца XII — начала XIII в. Интересно, что почти такой же знак встречен на двух свинцовых товарных пломбах (на другой стороне их изображен трезубец), также обнаруженных на поселении. Рисунок клейм мог быть скопирован с этих пломб.

Клейма в виде букв встречены на территории центра Северо-Восточной Руси в единичных экземплярах. В основном они были распространены во Владимиро-Суздальском ополье, где клейма были более разнообразными и многочисленными, чем в Ярославском Поволжье или Ростовской округе.

IV. Предметные клейма

2 клейма (0,3 % всех клейм), сохранившихся целиком (табл. 7). Все они представлены изображениями ключей (рис. 7, 31, 32), встреченными в курганном могильнике Бутриха (конец XI — начало XII в.) и на поселении Усть-Шексна в слое первой половины XIII в.

Еще два клейма с рисунком ключа приводят М.В. Седовой в монографии «Ярополч Залеский» (Седова, 1978. Табл. 11, 4, 29), однако среди клейм Пирова городища и Пирова селища, хранящихся в Суздале (ВСМЗ. В-5848, 6005, 7938, 7718, 7717) таких оттисков не оказалось.

Таким образом, клейма с изображениями предметов были совершенно не характерны для исследуемого региона. В целом на территории Древней Руси предметные клейма также встречаются редко. Исключение составляет, пожалуй, лишь район Среднего Поочья. Например, клейма с изображением ключей выявлены в Старой Рязани (Монгайт, 1955. Рис. 80, 23–34) и Муроме (ММЗ. ММ-26547) в слоях второй половины XII — начала XIII в.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

— клейма на территории центральных районов Северо-Восточной Руси появляются в первой половине XI в.: в Ростове, в комплексе пост-

ройки 7 (РЧ-88) выявлено изображение окружности. Однако в XI столетии клеймение посуды в Ростово-Суздальской земле, в отличие от более южных регионов, не получает значительного распространения. Исключение составляет, пожалуй, лишь Суздаль: подавляющее большинство оттисков второй половины — конца XI в. происходит именно отсюда. В XII в., причем во второй его половине, донца с клеймами появляются уже на многих памятниках центра Северо-Восточной Руси: во Владимире, Ярославле, Ярополче Залесском, Семьинском городище, Усть-Шексне, на селищах. А вот пик популярности клейменной посуды в данном регионе приходится на конец XII — первую треть XIII в. Именно в этот период бытует наибольшее количество различных вариантов знаков всех выделенных групп. После монгольского нашествия клейма во Владимиро-Суздальской Руси продолжают встречаться, но не так часто: они выявлены в Ростове, Ярославле, Владимире. Однако, к началу XIV в. клеймение посуды постепенно сходит на нет;

— наиболее распространены на исследованной территории были геометрические клейма и знаки рюриковичей. Среди первых следует выделить окружность и ее разновидности (первая половина XI — конец XIII в.), колесо (вторая половина XI — середина XIII в.), крест (вторая половина XI — вторая половина XIII в.), розетку (вторая половина XI — первая треть XIII вв.). Среди геральдических изображений — двузубец (середина XII — первая треть XIII в.), «птичку» (вторая половина XII — первая треть XIII в.) и трезубец (конец XI — конец XIII в.). Однако если клейма геометрических форм доминируют практически на любом памятнике Древней Руси, то геральдические знаки встречаются существенно реже. Данную особенность исследованного региона следует связывать, без сомнения, со специфическими комплексами усадеб Владимира, откуда и происходит подавляющее большинство знаков рюриковичей;

— традиции клеймения были наиболее развиты на территории Владимиро-Суздальского ополья. Об этом свидетельствует то, что, с одной стороны, доля клейм, обнаруженных в данном регионе, составила 72 % от всего количества оттисков, найденных в целом на памятниках центра Северо-Восточной Руси, с другой стороны, знаки на донцах сосудов, происходящих из Владимиро-Суздальского ополья, были намного разнообразнее (всего здесь выявлено 83 вариантов клейм, тогда как на остальной территории — 47). Кроме того, достаточно легко выяв-

ляются клейма, характерные как для региона в целом (розетка; треугольники, соединенные вершинами; двузубец), так и для отдельных его памятников (Суздаль — четырехсторонняя розетка; Владимир — трехсторонняя розетка, двузубец, «птичка»; Ярополч Залесский — крест в круге; городище Семьинское — колесо; селище Весь — треугольники, соединенные вершинами);

— по степени распространенности и морфологическим особенностям рисунков клейм мож-

но проследить некоторые связи изучаемой территории с другими землями Древней Руси, а именно: с южными княжествами (Киев, Переяславль Русский) во второй половине XI в., со Средним и Верхним Поочьем (Рязань, Муром) в XII — начале XIII вв.

Нами проанализирована хронология клейм одного из достаточно крупных регионов Древней Руси — центра Северо-Востока. Надеемся, что с поступлением нового материала она будет дополняться и совершенствоваться.

Литература

- Ершневский Б.Д., 1994. Об атрибуции знаков багровидной формы по материалам Михаило-Архангельского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Жарнов Ю.Э., 1996. Отчет о раскопках в 22-м квартале города Владимира в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19135.
- Жарнов Ю.Э., 1997. Усадьба первой трети XIII в. «Ветчаного города» Владимира-на-Клязьме // Славянский средневековый город. Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. М.
- Жарнов Ю.Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Коваль В.Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.4. Тверь.
- Лапишин В.А., 1988. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12076.
- Молчанов А.А., 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // ВИД. Вып. XVI.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М. 2004. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск.
- Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
- Хижняков О.И., 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып.4. Тверь.

Таблица 2. Распределение по комплексам геометрических клейм группы 1

Комплексы	Окружн. 1.1	Окружн. с точкой 1.2	Окружность с линией. 1.3				Концентрическая	
			с радиусом 1.3.1	с диаметром 1.3.2	с лучами 1.3.3	с отрезком 1.3.4	2 конц. окр. 1.4.1	3 конц. окр. 1.4.2
Ростов								
РЧ-88 постройка 7 (1-я пол. XI)	2							
постройка 3 (4-я четв. XI)	1							
постройка 1 (XII/XIII)								1
РГ-93 постройка 6 (3-я четв. XI)	1							
РГ-92 постройка 3 (1-я пол. XII)								1
пласт 8 (XI/XII)	2							
РГ-91 пласт 6 (кон. XII - нач. XIII)		2						
РГ-90 пласт 4 (кон. XIII)								1
РГД-98 постройка 7 (кон. XII)	1		1					1
(кон. XII - нач. XIII)	4							
(сер. XIII)	1							
РК-04 пласт 13 (нач. XIII)	1	1						
пласт 12 (2-я четв. XIII)	5	3						3
пласт 11 (сер. XIII)	3							2
Гор. вал-99 (кон. XII - нач. XIII(?))	4							
Шурф 3 (1984) (нач. XIII)				1				
Шурф 4 (1984) (нач. XIII)								1
Владимир								
усадьба в кварт.22 (1214 (27)-38)	1		1					
усадьба на ул. Чехова (нач. XIII)	3							
усадьба на ул. Чехова (2-я пол. XIII)		1						
полуземлянка на ул.Пушкина-58 (нач. XIII)				3				
Детинец -36-39 (XII/XIII(?))	1							2
раск.у д.6 на ул.Воровского-75 (кон. XII - 1-я пол. XIII)								2
Суздаль, Кремль-58,78-79,89 (перекопы)	7		1					1
Ярославль								
Митрополичья палаты-94								
яма 6 (кон XII-нач XIII)	1							
церковь Николы Рубленого-93 (сер. XIII)		1						

Таблица 2. Окончание

Семьинское - 75-79 гг. (сер. XII - сер. XIII)	21				1				11	16
Пирово городище (сер. XII - нач. XIII)	6									
Пирово селище (сер. XII - нач. XIII)	9			1				1	1	
Усть-Шексна (сер. XII - сер. XIII)	12	3		1				1	3	
Введенское (сер. XII - сер. XIII)	4			2					1	
Богоявленское (сер. XII - сер. XIII)	1									
Шурск (XII - сер. XIII)	3									
Вознесенское (кон. XI - XII?)		1								
Евчаковские курганы (2-я пол. XI)		1								
Прошевские курганы (2-я пол. XI)		1								
Тутаевские курганы (2-я пол. XI)		1							1	
Курганы Оленино (2-я пол. XI)										
Курганы Вельского (кон. XI - нач. XII)								1		

Таблица 3. Распределение по комплексам геометрических клейм групп 2 и 3

Комплексы (дата)	Колесо с прям. спиц.2.1	Вращ. Колесо. 2.2	Двойн. Колесо. 2.3	Крест без окружности 3.1			Крест в окружности 3.2			Крест в двойной	
				3.1.1	3.1.2.	3.1.3	3.2.1	3.2.2	3.2.3	3.3.1	3.3.2
Ростов											
РЧ-88 постройка 3 (4-я четв. XI)	1						1			2	
постройка 1 (XII/XIII)										1	
РГ-93 постройка 6 (3-я четв. XI)										1	
РГ-92 пласт 8 (XI/XII)										1	
РГ-90 пласт 4 (кон. XIII)							1				
РГД-98 постройка 8 (кон. XII)	1										
постройка 7 (кон. XII)							1				
РК-04 пласт 15 (XII/XIII)	1		1								
пласт 14 (1-я пол. XIII)							1				
РК-03 пласт 9 (2-я пол. XIII)							1				
пласт 8 (XIII/XIV)			1								
РК-02 пласт 5 (1-я пол. XIV)							1				

Таблица 3. Продолжение

Владимир											
Гор. вал-99 (кон. XII - нач. XIII(?))										1	
усадьба в кварт. 22 (1214 (27)-1238) (2-я пол. XIII)	4					1				3	
полуземлянка на ул.Пушкина-58 (нач. XIII)										1	
шурф у Торговых рядов-95 (кон. XII - I-я пол. XIII)										1	
раск. у д.3 на ул.Столетовых-8 (кон. XII - I-я пол. XIII)	1										
Суздаль											
Кремль-79 постройка 9 (2-я пол. XI) постройка 8 (кон. XI)										1	1
Кремль-79, 81, 86 (перекопы)	6	2	3							5	1
Кремль-83 постройка 37 (XII/XIII)	1										
ЦСБМ-76 (сер. XII - I-я пол. XIII)			1								
Семинское-75-79 (сер. XII - сер. XIII)	45	15	3	2						8	1
Пирогово городище (сер. XII - нач. XIII)	3		3							5	2
полуземлянка 11 усадьба Г (I-я пол. XII)											1
жилище 6 усадьба А (XII - нач. XIII)											1
Пирогово селище (сер. XII - нач. XIII)			2							29	2
Ярославль											
Мирополичьи палаты-94, яма 6 (кон. XII - нач. XIII)	1										
церковь Николы Рубленого-93 (сер. XIII)	2									1	1
раск. на ул.Максимова-92 (сер. - 2-я пол. XIII)			1								
раск. на ул.Революционной-92 (I-я пол. - сер. XIII)										1	
Стрелка-37 (перекопы)						1					

Таблица 6. Распределение по комплексам геральдических клейм групп I и 2

Комплексы	Двузубец прямоугольных очертаний 1.1						Двузубец колокол. очерт.1.2	Двузубец в окружности 1.3			Птичка колоколовидная 2.1			Птичка галочковидная 2.2	Птичка в окружности 2.3	
	1.1							1.3			2.1					
	1.1.1.	1.1.2.	1.1.3.	1.1.4.	1.1.5.	1.1.6.		1.3.1.	1.3.2.	1.3.3.	2.1.1.	2.1.2.	2.1.3.			
Владимир																
усадьба в кварт. 22 (1214 (27)-1238)		15	1	1			7				14	1	1			1
усадьба на ул. Чехова (нач. XIII)		14			1				1		1					
раск. у д.3 на ул.Столетовых-85															1	
(кон. XII – 1-я пол. XIII)																
шурф у Торговых рядов-95		1														
(кон. XII – 1-я пол. XIII)																
раск. на ул.III Интернационала-95		1														
(кон. XII – 1-я пол. XIII)																
раск. у д.5 на ул.Столетовых-74		1														
(кон. XII – 1-я пол. XIII)																
полуземлянка на ул. Пушкина-58			1													
(нач. XIII)																
раск. у д.16 на ул.Кремлевской-82												1				
(кон. XII – 1-я пол. XIII)																
Суздаль																
Кремль-81 (2-я пол. XII?)										1						
раск. у б. Дмитровского монастыря-72		1														
(сер. XII – нач. XIII)																
Пирогово-городище	1	2			1							1				
(сер. XII – нач. XIII)																
Пирогово-селище (сер. XII – нач. XIII)		2														
Семьинское-75-79 (сер. XII - сер. XIII)												4				
яма 4 (1978) (кон. XII – нач. XIII)															1	
Усть-Шексна (сер. XII – сер. XIII)															3	

Клейма XII—XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове

За период с 1992 по 2003 г. при раскопках на территории г. Дмитрова (Московская область) были обнаружены 110 днищ с клеймами, из них: 24 клейма сохранились полностью, 40 клейм достоверно реконструируются, 35 — реконструируются с различной долей вероятности, на 11 клеймах рисунок восстановить невозможно. 20 днищ с клеймами датируются по условно закрытым комплексам (ямам), в которых они были найдены. Оставшаяся часть датирована по слою и технологическим признакам керамики. По хронологии клейма разделены на 4 группы:

1) клейма второй половины XII — первой половины XIII в. (в эту группу входит 50 клейм; 10 из ям);

2) вторая половина XIII—XIV в. (25 клейм; в ямах не встречены);

3) XV—XVI вв. (21 клеймо; 8 из ям);

4) XVIII—XIX вв. (14 клейм; 3 из ям).

Статистическая ситуация представлена на графике (рис. 1) и в таблицах 1 и 2, где показано, что на домонгольский период приходится наибольшее количество днищ с клеймами — 46 % от общего количества. При этом в среднем клейменные днища составляли в комплексах того времени 7,6 % всех обнаруженных днищ. Такие высокие показатели свидетельствуют, по нашему мнению, о влиянии на дмитровское гончарство керамических традиций южных регионов древней Руси, где клеймение днищ было широко распространено (Пряхин, Цыбин, 1986. С. 120; Дьяченко, 1985. С. 110; Ивакин, Степаненко, 1985. С. 87). Наибольшее сходство прослеживается между Дмитровом и Киевом, где в домон-

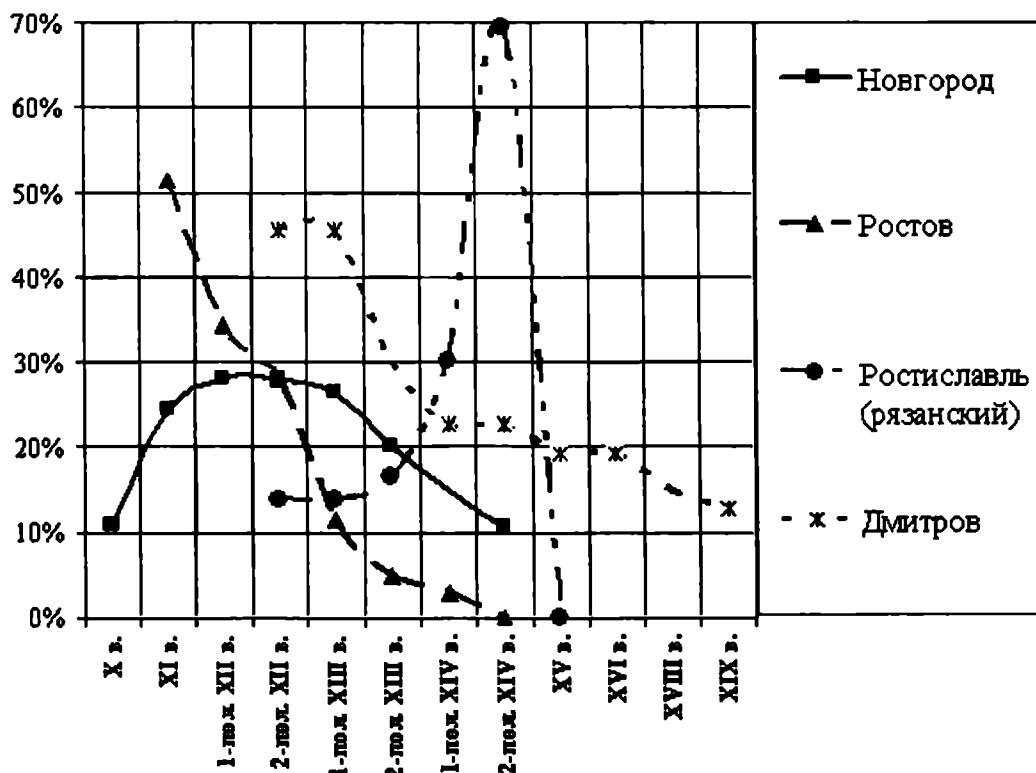

Рис. 1. Частота встречаемости клейм на донцах керамических сосудов в X—XIX вв.

гольских слоях клейма стояли на 7,5% днищ. Однако, на северо-западе Руси в домонгольское время также отмечен пик распространения клейменных днищ (см. рис. 1, *Новгород*). К сожалению, ни в одной публикации по этому региону не приводится данных о соотношении донец с клеймами и без них, поэтому пока невозможно выяснить, какая традиция клеймения оказывала большее влияние на дмитровских гончаров.

Однако связь гончарства Дмитрова в XII — первой половине XIII в. с севером Руси представляется несомненной, т. к. здесь найдены сосуды, близкие по морфологическим и технологическим характеристикам посуде северных регионов.

Во второй половине XIII — XIV в. количество клейм снижается вдвое — до 23 % от общего количества, а средний процент клейменных днищ

Таблица 1

Дата	сер. XII – сер. XIII в.				сер. XIII – XIV в.			XV – XVI в.			XVIII – XIX в.	
Комплексы	Р. 1, я. 5	Р. 5, я. 25	Р. 5, я. 24	Р. 5, я. 18	Р. 1, пл. 6, кв. 8–14	Р. 1, пл. 5, кв. 2–4	Р. 1, пл. 5, кв. 8–11	Р. 1, я. 2	Р. 4, я. 7/17	Р. 11, постр. 1	Р. 10, я. 3	Р. 18, гориз. II до -170
всего донец	32	15	32	39	73	77	14	52	92	47	48	65
с клейми	3	1	3	2	3	3	1	1	6	1	2	1
% в комплексе	9,4	6,7	9,4	5,1	4,1	3,9	7,1	1,9	6,5	2,1	4,2	1,5
средний %	7,6				5			3,5			2,9	

составляет в это время около 5 %. Следует отметить, что статистические данные по этому периоду недостаточно достоверны, т. к. основное количество клейм этого времени происходит из открытых комплексов (слоев, пластов), куда мог попасть более ранний керамический материал, имеющий в большинстве случаев такие же технологические характеристики, как и керамика второй половины XIII—XIV в. На последующих временных этапах количество клейм продолжает уменьшаться, однако без такого резкого снижения как во втором периоде — уменьшение на этот раз происходит постепенно: 19 % от общего количества клейм в XV—XVI вв. и 13 % в XVIII—XIX вв. Интересным для Дмитрова является тот факт, что даже в XVIII—XIX вв. доля клейменных днищ остается довольно высокой — 2,9 %.

Для сравнения на рисунке 1 отражено, как происходило распределение количества клейм по времени в других городах Руси: Новгороде, Ростове, Ростиславле Рязанском. Очевидно, что Новгородский график полностью соответствует теории нормального распределения и может считаться эталонным. Дмитровский, как и Ростовский, начинается с пиковых точек распределения. Это свидетельствует о том, что на момент образования этих городов, население уже имело свои развитые и полностью сложившиеся традиции

гончарства. Однако если в Ростове график продолжает и дальше соответствовать теории нормального распределения, то в Дмитрове с XV—XVI вв. спад клеймения значительно снижается. Такое несоответствие связано, возможно, с притоком в Дмитров в конце XV в. нового населения из Вятки (*Тихомиров*, 2006. С. 19), у которого, вероятно, еще были сильны традиции клеймения керамических сосудов. Этой же причиной отчасти можно объяснить сохранение клейм на сосудах в XVIII—XIX вв., так как после польского разорения в начале XVII в. население г. Дмитрова почти полностью сменилось. При всем этом архаичные традиции гончарства сохранялись в Дмитровском уезде вплоть до первой трети XX в., когда они были описаны в работе Б.А. Куфтина и А.М. Россовой (*Куфтин, Россова*, 1928. С. 9–23).

Дмитровские клейма представлены оттиснутыми рельефными знаками (высота рельефа от 0,8 до 1,5 мм.) с матриц, вырезанных на деревянной плоскости, относящихся к группам 1–3 по А.А. Бобринскому (1972. С. 183–190). Распределение днищ по типу подсыпки показывает (рис. 2), что в домонгольскую эпоху клейма ставились почти всегда на днища с зольной подсыпкой. В XIII—XIV вв. зольная подсыпка остается доминирующей, но появляются клейменные донца с подсыпкой песка. В XV—XVI вв. доля днищ с зольной подсыпкой снижается в три

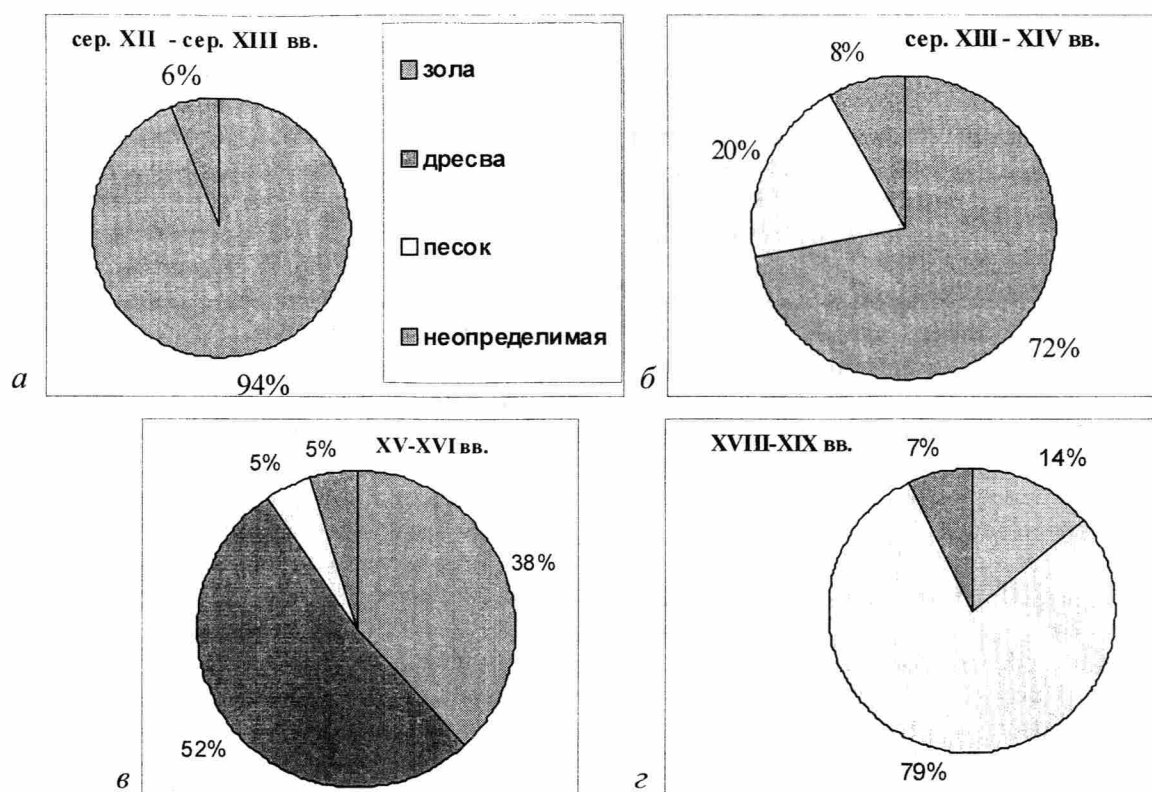

Рис. 2. Встречаемость типов подсыпок в X—XIX вв.

раза, а на половине всех донцов с клеймами используют подсыпку дресвы, и лишь однажды было отмечено клеймо на днище с подсыпкой песка. В XVIII—XIX вв. ситуация резко меняется: доминирующими становятся клейменные донца с подсыпкой песка, зольная подсыпка встречается на единичных экземплярах, а клейменные днища с подсыпкой дресвы полностью исчезают. Здесь необходимо сделать пояснение по поводу днищ с неопределимой подсыпкой (из-за их сильной затертости): по мнению А.А. Бобринского и Ю.Б. Цетлина, скорее всего, в большинстве случаев эти донца имели подсыпку золы (реже мелкозернистого песка), но подсыпка дресвы на них полностью исключена. Изменение в типах подсыпки, вероятно, связано со сменой населения в г. Дмитрове и, соответственно, гончарных традиций, о чем говорилось выше. Важно отметить, что на 79 клейменных донцах зафиксированы следы нагара. Это свидетельствует о том, что клейма ставились преимущественно на кухонной утвари. Описанные технологические признаки имеют большое значение при датировке клейм и керамических комплексов г. Дмитрова.

В отношении рисунков клейм практически каждый исследователь использует свою систему

классификации, общепринятой схемы до сих пор не существует. Отдельными исследователями делались попытки разработать универсальные классификационные системы (Коваль, 2002. С. 129; Гупало, 1985), основанные на характере рисунка клейма, степени его сложности, количестве составляющих геометрических элементов. Однако, во-первых, эти классификации разрабатывались только с учетом клейм отдельно взятого региона (или микрорегиона). Во-вторых, в предлагаемых схемах клейма группируются только на основе геометрических данных, а символика и семантика клейм не учитываются совсем. Обычно исследователь берет за основу классификации какой-нибудь графический элемент, который кажется ему важным, вследствие чего близкие по одним геометрическим характеристикам, клейма оказываются в совершенно противоположных группах или типах на основании других характеристик. В-третьих, объединение при статистическом учете в одном типе даже двух видов¹ клейм не позволяет точно зафиксировать статистические и хронологические изменения, которые происходят с каждым отдельным видом как на всей территории их бытования, так и на отдельном памятнике археологии, где они были найдены. Например, самое

¹ Под видом нами понимаются полностью одинаковые рисунки клейм, отличающиеся только размерами.

распространенное клеймо в виде одного круга в Ростове встречается только в слоях XI — первой четверти XII в., в Новгороде же оно бытует с X по XIV в., но наиболее распространено в XII—XIII вв. (Кадиева, 1996. С. 244; Хижняков, 2002. С. 146). Поэтому при обработке клейм из Дмитрова учет велся по каждому виду на всех хронологических этапах.

Всего в Дмитрове на данный момент зафиксировано 39 видов клейм, наибольшее их разнообразие приходится на домонгольский период (21 вид). Доминирующими в этот период были клейма простого типа в виде одного круга или двух, трех концентрических кругов (табл. 2, № 1, 3, 5). Причем чаще встречались клейма в виде двух концентрических кругов, а реже других — клейма с одним кругом. Эти клейма являются самыми распространенными на территории древней Руси. Наиболее близкой к Дмитрову аналогией по количеству и одновременному сочетанию этих видов клейм является ситуация в Новгороде, однако на первом месте там стоит одинарный круг, а три концентрических круга — на последнем (Хижняков, 2002. С. 147). В тоже время, необходимо отметить доминирование двойных кругов в первой половине XIII в. на селище Монастырщина-5, расположенном на Верхнем Дону, в районе Куликова поля (Гоняний, Кокорина, Свирина, 1993. С. 155).

Клейма с точкой в центре круга или двух концентрических кругов (табл. 2, № 2, 4), встречались только в домонгольское время, они также распространены повсеместно. В Ростове, как и в Дмитрове эти два вида бытовали одновременно во второй половине XII — начале XIII в. (Кадиева, 1996. С. 244). Кресты в круге (табл. 2, № 22, 23), имеющие аналогии на большинстве памятников, найдены в домонгольских слоях Дмитрова. К сожалению, нельзя сравнить эти виды клейм по степени распространенности с другими регионами из-за отсутствия статистических данных. К еще одному распространенному типу можно отнести клейма с изображением двузубцев, в Дмитрове этот тип представлен редким видом (табл. 2, № 18). Полностью аналогичные клейма найдены в Тверском Поволжье также в единичных экземплярах и датируются XI—XII вв. (Олейников, 2002. С. 64).

К менее распространенным клеймам, встречающимся в домонгольское время можно отнести виды 6, 13, 21 (табл. 2). Клейма видов 6 и 13 найдены во многих регионах, но опять же из-за

отсутствия статистических данных неясно, для какого региона они наиболее характерны. Для вида 21 наиболее близкой аналогией является новгородское клеймо XII в. (Хижняков, 2002. Рис. 1, 31). Остальные клейма домонгольского периода с большой долей вероятности можно считать исключительно дмитровскими. Среди них наиболее популярными являются стилизованные изображения солнца — виды 12, 13², 15, 16, 17, причем виды 15 и 16 имеют сходство с клеймом из Звенигорода (Гупало, 2001. С. 29, № 11), но нарисованы они в более упрощенном виде. Необходимо также отметить, что в этот период клейма со сложными рисунками по сумме превышают количество простых клейм.

В целом домонгольский период характеризуется наибольшим разнообразием клейм, но основой всех изображений в это время является круг³.

В следующий период количество видов уменьшается вдвое (10 видов). Из предыдущих видов сохраняется только 4 и появляется 7 новых, но доминирующим остается тот же тип клейм, что и в домонгольское время. На первое место (по численности) выходят клейма с тремя концентрическими окружностями. На их основе появляются два новых вида — 9 и 10 (табл. 2). Рисунок клейма вида 9 невозможно восстановить полностью, в таблице предложен один из вариантов. В качестве альтернативы возможно клеймо из Прикарпатья: три концентрических окружности с тремя радиусами (Гупало, 1985. Рис. 4. Табл. 2, 4). Достаточно близким по сюжету к юго-западному региону является и клеймо вида 30 (Гупало, 2001. С. 29. № 25). К видам, имеющим широкое распространение, но новым для Дмитрова относится 26. Остальные клейма не имеют аналогий.

Таким образом, с одной стороны для раннезолотоордынского периода в Дмитрове характерно сохранение традиций клеймения, существовавших с домонгольского времени, а с другой — появление новых видов клейм, что связано, скорее всего, с притоком населения из более разоренных монголо-татарским нашествием регионов Руси. В тоже время, нельзя не отметить значительное уменьшение количества видов клейм по сравнению с предыдущим и последующим периодами. В Дмитрове это можно связывать не только с общей тенденцией выхода клейм из употребления, но и с многочисленными разорениями города монголо-татарами в это время.

² Этот вид встречается и в других регионах.

³ Единственным исключением является клеймо № 38, но его изображение нельзя реконструировать, поэтому, возможно, сохранившийся рисунок тоже был вписан в круг.

[illegible]

Таблица 2 (продолжение)

Типы клейм	Дата	сер. XII – сер. XIII в.				сер. XIII – XIV в.				XV–XVI вв.				XVIII–XIX вв.			
	Изображение	Типы подсыпок															
		Зола	Дресва	Песок	Неопр.	Зола	Дресва	Песок	Неопр.	Зола	Дресва	Песок	Неопр.	Зола	Дресва	Песок	Неопр.
19								1									
20					1												
21		1															
22		1			1												
23		3									1			2		7	1
24																1	
25													1				
26						1				1	6	1					
27											1						
28											1						
29																1	
30						1				3							
31											1						
32										1							
33																1	
34						1											
35										1							
36													1				

Таблица 2 (окончание)

Типы клейм	Дата	сер. XII – сер. XIII в.				сер. XIII – XIV в.				XV–XVI вв.				XVIII–XIX вв.			
	Изображение	Типы подсыпок															
		Зола	Дресва	Песок	Неопр.	Зола	Дресва	Песок	Неопр.	Зола	Дресва	Песок	Неопр.	Зола	Дресва	Песок	Неопр.
37																1	
38		1															
39										1							
Неопределенные		7				3		1									
Всего		47			3	18		5	2	8	10	1	2	2		11	1

В XV—XVI вв. ситуация резко изменяется: количество видов клейм увеличивается до 12, причем из предыдущих сохраняется только 3. Среди них только клейма с изображением одного круга бытуют со второй половины XII до XVI в., но количество их постоянно уменьшается, доходя к XV—XVI вв. до одного экземпляра. Доминирующими становятся клейма с изображением восьмилучевых «колес» (табл. 2, № 26) и появляются различные новые виды, близкие по сюжету к основному — видов 23⁴, 25, 27. Можно отметить, что такого рода клейма становятся популярными в это время во всем дмитровском регионе, например, они найдены к юго-западу от Дмитрова на селищах Михайловское-2 и у часовни мученика Никиты (Чернов, 1991. Табл. 71, № 149; 129, № 459). На втором месте по распространенности в Дмитрове стоят клейма с использованием квадрата в качестве одного из элементов изображения (табл. 2, № 28, 30, 31, 32). Таким образом, в это время в Дмитрове появляются две основных новых схемы рисунков клейм, относящихся к разным традициям: первая (доминирующая) базируется на изображениях в виде «колес» (на подсыпках дресвы), вторая — на изображениях квадратов (на подсыпке золы). Своеобразным и новым для Дмитрова является схематически-зооморфное клеймо № 39, скорее всего относящееся ко второй традиции.

В целом, на данном этапе практически полностью сменяются бытовавшие ранее традиции клеймения в связи с притоком нового населения, скорее всего, из разных областей. Более того, благодаря этому в Дмитрове немного расширился ассортимент клейм, тогда как в большинстве регионов Руси к XV в. клеймение кера-

мической посуды было почти полностью прекращено.

К XVIII—XIX вв. в Дмитрове бытовало всего 5 видов клейм, причем из них 4 новых. Основным видом в этот период становится крест в круге (табл. 2, № 23, 24). Интересными находками для этого времени являются клейма с изображениями квадратов (табл. 2, № 29, 33), они выделяются на фоне других изображений, имеющих христианский подтекст. Возможно, квадратные клейма стали продолжением традиции предыдущей эпохи. Об очень длительном бытовании древних технологий в дмитровском гончарстве свидетельствует факт сохранения доли клейменных днищ в XVIII—XIX вв. практически на том же уровне, что и в предыдущий период (табл. 1), хотя сам смысл клеймения горшков был давно забыт (Куфтин, Россова, 1928. С. 14).

В целом, этот этап похож на предыдущий: снова наблюдается смена в традиции клеймения и типе подсыпки, что можно связать только с притоком нового населения в Дмитров после польского разорения и мора 1656 г. (Тихомиров, 2006. С. 29–39).

В результате проведенного исследования удалось сделать несколько важных выводов:

1. Керамические сосуды клеймили в Дмитрове в течение всего периода существования гончарства в этом городе и близлежащих окрестностях (с середины XII — до первой трети XX в.), в то время как клеймение керамических сосудов в большинстве городов Руси прекращается уже в XIV в. и лишь в некоторых доживает до XV в. Столь долгое бытование клейм связано с сохранением Дмитровскими гончарами архаических технологий и традиций. Это свидетельствует о

⁴ Для Дмитрова это не новый вид — в домонгольское время такие клейма ставились на донца с подсыпкой золы (табл. 2), однако в предшествующий период они не встречались.

том, что Дмитров, скорее всего, не единственное исключение и в городах, где долго сохраняются устаревшие технологии, также велика вероятность долгого бытования клейм.

2. Удалось установить хронологию отдельных видов клейм, а для клейм, бытовавших в течение долгого времени, выявить периоды их наибольшего распространения на территории Дмитрова (табл. 2).

3. Выявлена хронология технологических особенностей клеймения в сочетании с каждым видом клейм. До XV в. клейма ставились преимущественно на днища с зольной подсыпкой, в XV—XVI вв. доминировала посыпка дресвы, на втором месте стояла зольная подсыпка, причем каждому типу подсыпки соответствовала определенная группа клейм, в XVIII—XIX вв. преобладали клейменные донца с песчаной подсыпкой.

4. В Дмитрове полностью отсутствуют некоторые типы клейм, известные в большинстве других городов, например, такие как свастикки, звезды, буквы, трезубцы или птичьи лапки.

5. Установлено, что каждому периоду соответствует определенный набор клейм, отличный от предыдущего и последующего периодов и характерный только для Дмитрова. Эволюционные изменения в наборе клейм прослеживаются только на протяжении XII—XIV вв., на

следующих этапах все изменения связаны с притоком нового населения, приносившего свои особые традиции керамического производства. Многие виды клейм имеют аналогии как в южных, так и в северных регионах Руси, однако недостаток публикаций, отсутствие хронологических и статистических данных, несопоставимость выборок не позволяет пока выяснить, чье влияние оказывало наибольшее воздействие на формирование дмитровских клейм в разные периоды. В то же время, выявлены отдельные виды клейм, характерные только для Дмитрова.

В заключение хотелось бы сказать, что к изучению клейм необходимо подходить на основе комплексного подхода, который включает изучение хронологии, технологии, статистику, типологию, трасологию. Отдельное внимание хотелось бы обратить на то, что при таком подходе совершенно неприемлемо ограничивать хронологические рамки исследования (это касается, прежде всего, XVIII—XIX вв., которые часто не берутся в расчет вообще). В результате комплексного изучения клейм появляется возможность понять характер изменений в традициях на локальном, региональном и государственном уровне, определить направление миграций носителей этих традиций и, наконец, понять смысл клеймения, основываясь на динамике этого процесса.

Литература

- Бобринский А.А., 1972. О некоторых результатах трасологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии. М.
- Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б., 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Тр. ГИМ. Вып. 82.
- Гупало В.Д., 2001. Раннесредневековые гончарные клейма // РА. № 1.
- Гупало В.Д., 1985. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни // СА. № 4.
- Дьяченко А.Г., 1985. Гончарное ремесло древнерусского города Донца // Археологические памятники юго-восточной Европы. Курск.
- Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я., 1985. Раскопки в Северо-Западной части подола в 1980—1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев.
- Кадиева Е.К., 1996. Клейма на круговых сосудах из Ростова Великого как источник по истории развития города (XI — начало XIV вв.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. I.
- Коваль В.Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.
- Куфтин Б.А., Россова А.М., 1928. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. М. Вып. 5.
- Олейников О.М., 2002. Круговая керамика Тверского Поволжья конца X — начала XIII вв.: классификация, орнаментация, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1986. Раскопки многослойного Семилюкского городища // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Тихомиров М.Н., 2006. Город Дмитров от основания города до половины XIX века. Дмитров.
- Хижняков О.И., 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.
- Чернов С.З., 1991. К хронологии Московской керамики конца XV—XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале

В 2003–2005 гг. экспедиция Госцентра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области проводила спасательные исследования в г. Суздале на участках земельного отвода под строительство по ул. Теремки, д. 26, и на ул. Пушкарской, у входа в Музей деревянного зодчества Владимиро-Суздальского музея-заповедника (рис. 1).

Раскоп на улице Теремки, 26

«Теремками» в Суздале называется территория в северо-западной части Окольного города, ограниченная с северо-запада оборонительным валом, спускающимся к ул. Крупской (проходящей по рву между Теремками и Ризоположенским монастырем), с запада и юга отрезанная вторым оборонительным валом, а с севера и востока ограниченная улицей Старой (рис. 1; рис. 2).

Исследования Окольного города (ostroga) Суздаля начались в 1851 г. с раскопок А.С. Уварова в местности «Теремки», где были заложены несколько траншей. Вдоль улицы Теремки была зафиксирована мостовая из рваного камня и обнаружены шахматная фигура, ключ, замок, серьга и др. К западу от Лазаревской церкви, по ул. Старая, были обнаружены остатки кирпичного подвала, горелого сруба и бревенчатого погребца, здесь же был найден клад серебряных монет Ивана III, Василия III, Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Бориса Годунова (история исследований приводится по данным М.В. Седовой — 1997. С. 36, 121–134). В 1939 г. в восточной части Окольного города (двор Райлесхоза) А.Д. Варгановым был исследован ненарушенный участок горизонта XII—XIII вв. с остатками наземных жилищ. В 1973 г. к северу от церкви Скорбящей Божьей Матери (Торговая площадь) П.И. Куглюковский исследовал две полуземлянки конца XII — начала XIII в., одна из которых была сгоревшей.

В 1974–1976 гг. экспедиция ИА АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника под

руководством М.В. Седовой исследовала участок Торговой площади размерами до 600 кв. м, примыкавший к раскопу 1973 г. Особой интенсивностью переотложения культурного слоя отличался горизонт XVII—XVIII вв.; напластования XIV—XV вв. были незначительными; в южной и юго-восточной частях раскопа исследован участок городского некрополя XV — начала XVIII в. (около 100 захоронений). Горизонт домонгольского времени был представлен тремя строительными периодами: зафиксирован отрезок немощенной радиальной улицы, на плане дорегулярной застройки города (1779 г.) носившей название «Цареконстантиновский заулок» — выезд на Нижний Новгород. К самому раннему периоду относились две полуземлянки и наземная постройка начала XII в., ко второму строительному периоду — наземные постройки середины — второй половины XII в., третий строительный период был представлен остатками деревянной церкви конца XII — начала XIII в. — единственного подобного храма того времени на северо-востоке Руси.

В 1977 г. работы экспедиции были продолжены закладкой раскопов площадью 52 и 250 кв. м у церкви Иоанна Предтечи, в непосредственной близости от Ильинских ворот кремля, у «мытного» рва. Первый домонгольский строительный период был представлен двухкамерной полуземлянкой второй половины XII в., ко второму периоду относились наземные сооружения — две печи и хозяйственная яма. Исследования выявили следующую динамику развития посада Суздаля: в конце XI — начале XII в. за стенами детинца существовали поселения из 2–3 усадеб, которые при строительстве валов объединились в единую городскую территорию; к середине XII в. посад был уже плотно застроен переселенцами из окрестных сел и деревень; период XII — начала XIII в. характеризовался наибольшей интенсивностью хозяйственной деятельности. После разрушения города монголами в 1238 г. последовали разорения в 1239 и 1382 гг. и моры

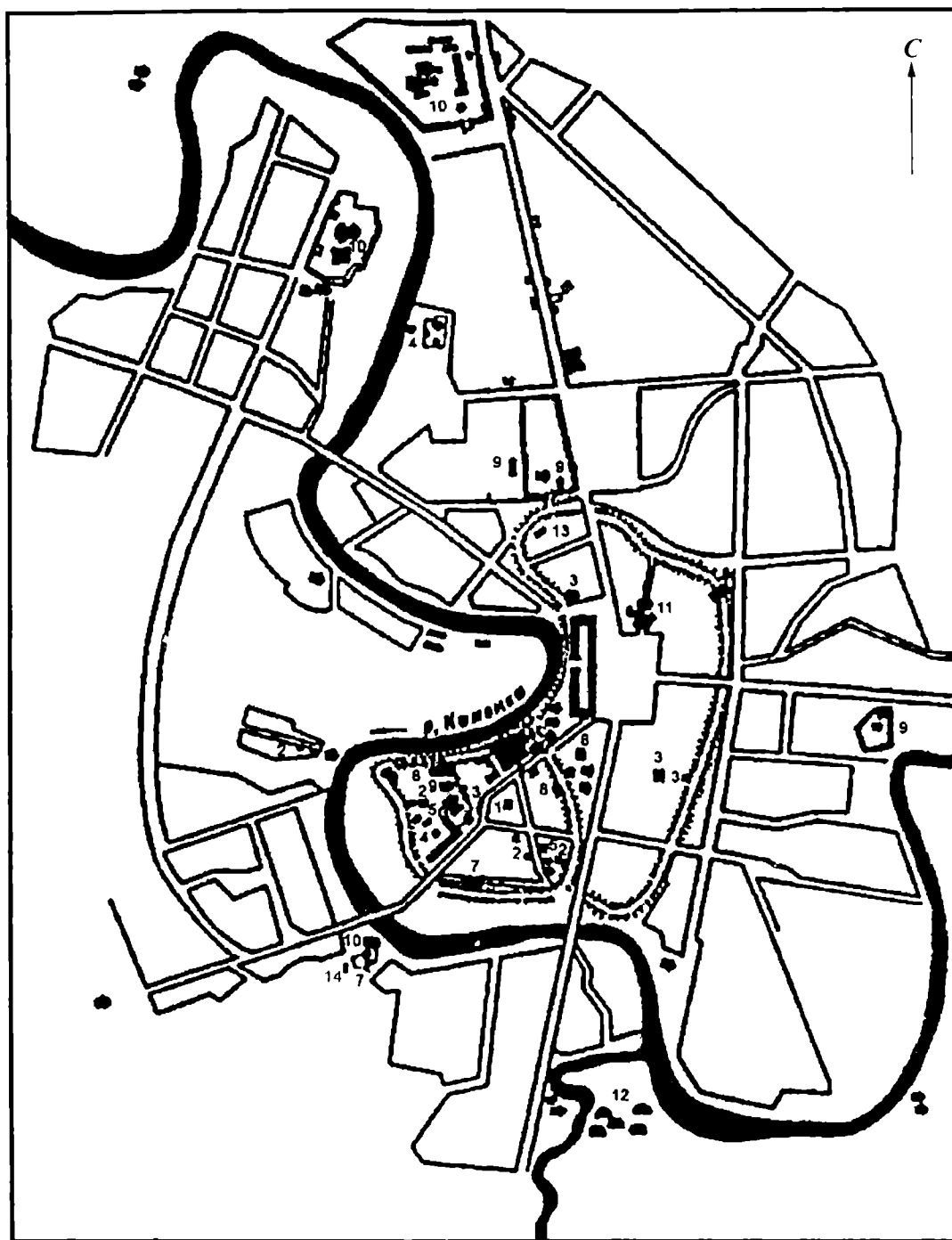

Рис. 1. План г. Суздаля с местами раскопок (по М.В. Седовой)

в 1352 и 1410 гг., вследствие которых напластования XIV—XV вв. на посаде непредставительны. Строительная активность отмечается для слоев XVII—XVIII вв. — периода бурного расцвета и застройки города. Таким образом, раскопки 2003 г. на Теремках можно считать продолжением изысканий А.С. Уварова в 1851 г., точное место проведения которых, к сожалению, не известно.

Усадьба дома по адресу ул. Теремки, 26, находится в 50 м к востоку от западной оконечности

северо-западного рва Окольного города; участок раскопа примыкал к котловану разобранного дома XIX в., частично врезанного в подошву вала, следы насыпи которого в раскопе не зафиксированы. Будущее строение должно было включить в себя котлован от прежнего дома, а также участок огорода, непосредственно примыкающий к нему с юго-юго-востока. Раскоп представлял собой прямоугольник размерами 11 × 8 м, ориентированный длинной стороной по линии восток-северо-восток — запад-юго-запад (рис. 2).

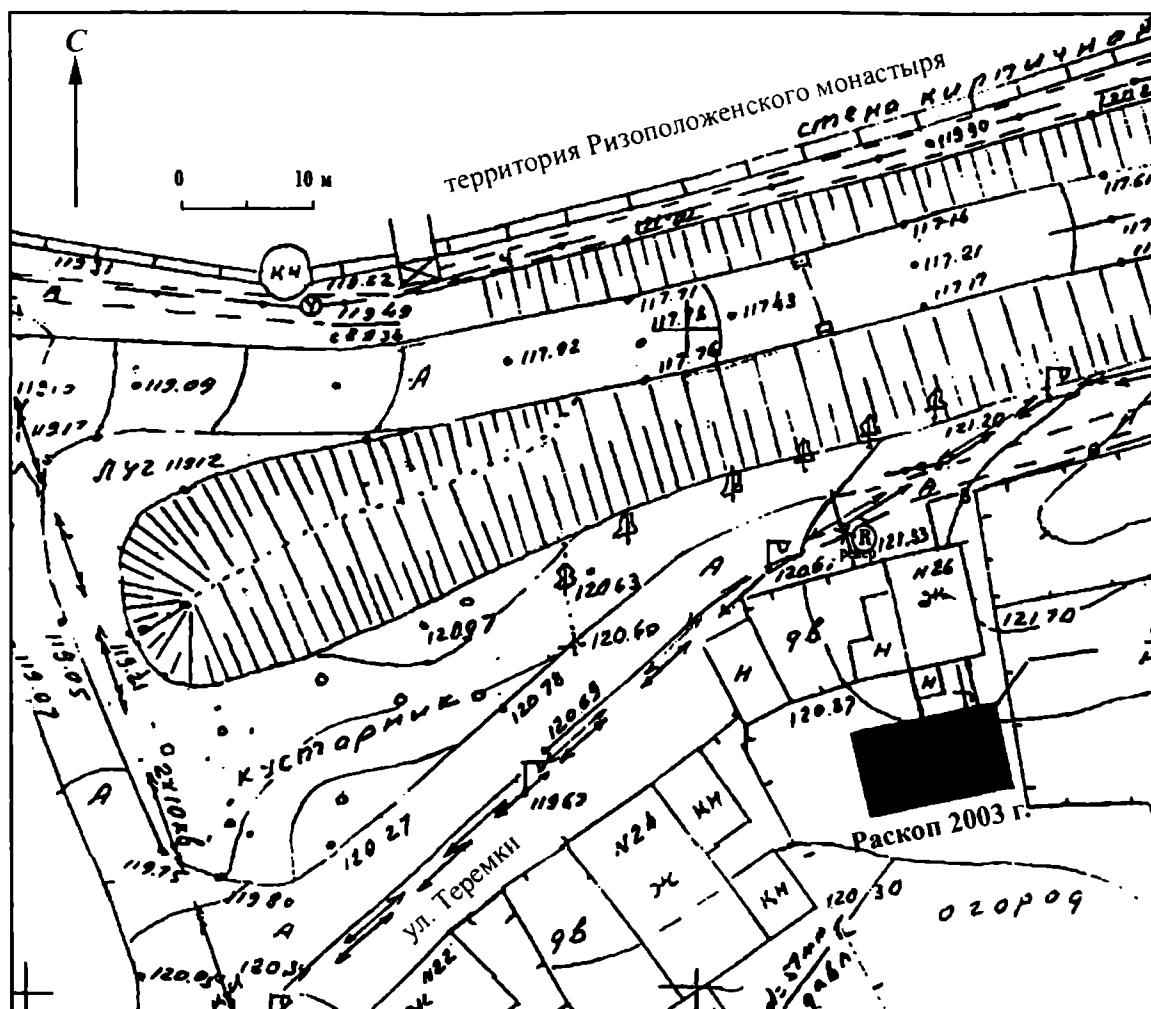

Рис. 2. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. Ситуационный план.

Культурные напластования на площади раскопа достигали мощности 0,8–1,5 м, а в углубленных в материк сооружениях — до 2,6 м. В раскопе были изучены три строительных горизонта, выделявшихся по коренным отличиям грунтов, иллюстрируемых профилями раскопа (рис. 4; рис. 5), а также по сооружениям, выявленным в слое и на поверхности материка (рис. 3, 13). Изменения характера грунтов были вызваны историческими событиями и хозяйственной деятельностью населения, проживавшего в период с XII в. до сегодняшнего дня практически непрерывно. Материалы более ранних исторических периодов в раскопе встречены не были. Описание горизонтов приводится снизу вверх, от самого раннего к позднему.

Горизонт XII—XIII вв. (рис. 3)

На поверхности материковой желто-коричневой слабо запесоченной глины залегал слой древней погребенной почвы — сильно гумусированного вязкого грунта, мощностью до 0,15 м, — перекрытой грунтом первого горизонта — темно-

серым, рыхлым, пестроцветным гумусом, насыщенным угольками, мощностью 0,2–0,5 м (рис. 4; рис. 5). К этому горизонту относятся индивидуальные находки и массовый материал из слоя, а также следующие сооружения: объекты 1–3, канавки 3–4 и ямы 1, 2, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 14, 18, 19, 27, 30, 35, 41.

Переотложенные находки горизонта (рис. 6). Зонная одинарная и двучастная бусины синего стекла (рис. 6, 1; рис. 6, 2), относящиеся к типу II виду 5 по М.Д. Полубояриновой (XII—XIII вв.), а также две бусины ярко-синего стекла (рис. 6, 3) с той же датировкой (Полубояринова, 1988. С. 165; Щапова, 1956. С. 167); бронзовое тонкопроволочное перстнеобразное плоскоушковое височное кольцо (рис. 6, 4) с одним заостренным и загнутым концом, с уплощенной и насеченной средней частью, и вторым концом, оформленным в виде выпуклого восьмерковидного щитка, орнаментированного в виде стилизованного листика с прожилками (на оконечности имеется отверстие для крючка), аналогии

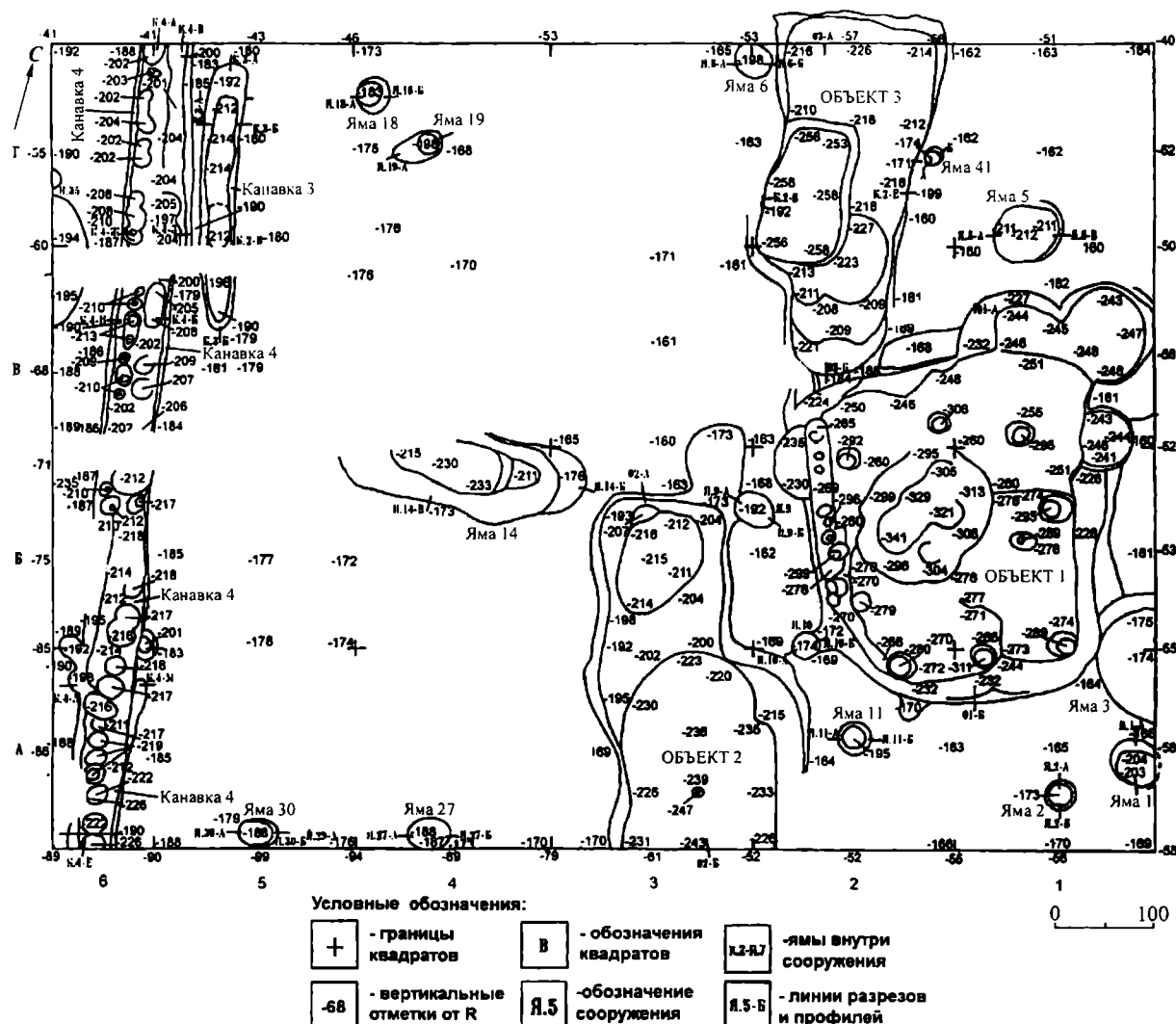

Рис. 3. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. План донной части; сооружения домонгольского горизонта

которому не найдены. Это кольцо было найдено в яме 29 вместе с железной булавкой с кольцевидной головкой и кольцом круглого сечения (рис. 6, 7), с тремя невысокими рельефными валиками под головкой, датирующей XII—XIII вв. (Седова, 1997. С. 93; Рис. 29, 15, 18; Колчин, 1959. Рис. 94, 10). К предметам вооружения относится железный лавролистный наконечник стрелы (рис. 6, 8) с упором для древка, с шейкой и граненым черешком, относящийся к типу 63 (IX—XIV вв.) по А.Ф. Медведеву (1966. С. 74, 75; Рис. 18, 29. Рис. 21, 10). Снаряжение коня представлено подковой (рис. 6, 6), относящейся к типу 2 по А.Н. Кирпичникову (XII—XIII вв.) (1973. С. 84; Рис. 49, 2). Из слоя переотложения также происходят усеченно-биконическое с плоскими основаниями шиферное пряслице (рис. 6, 5) и фрагмент домонгольской красноглиняной половой плитки с бирюзовой поливой (Седова, 1997. С. 74).

Находки из слоя (рис. 7). Обнаружены фрагменты круглых гладких браслетов желтого и бирюзового стекла (рис. 7, 5, 7, 3), обломок крученого браслета коричневого стекла (рис. 7, 4) и обломок мелкокрученого браслета зеленого стекла (рис. 7, 6), общая датировка которых лежит в пределах XII—XIII вв. (Щапова, 1972. С. 174). Среди железных изделий выделяются малые пружинные ножницы (рис. 7, 10), датируемые концом XII в., а также универсальные железные ножи с прямой спинкой (рис. 7, 11, 16) (Колчин, 1959. С. 59; Рис. 46. 9). Каменные изделия представлены усеченно-биконическими шиферными пряслицами (рис. 7, 8, 9, 12, 13). Найдены также неопределенные железные предметы и спилы козьего и оленьих рогов.

Объект 1 (рис. 8; рис. 9). От уровня погребенной почвы фиксировалась мощная линза материкового выброса из объекта 1, уходившего в северо-восточный профиль раскопа. Объект

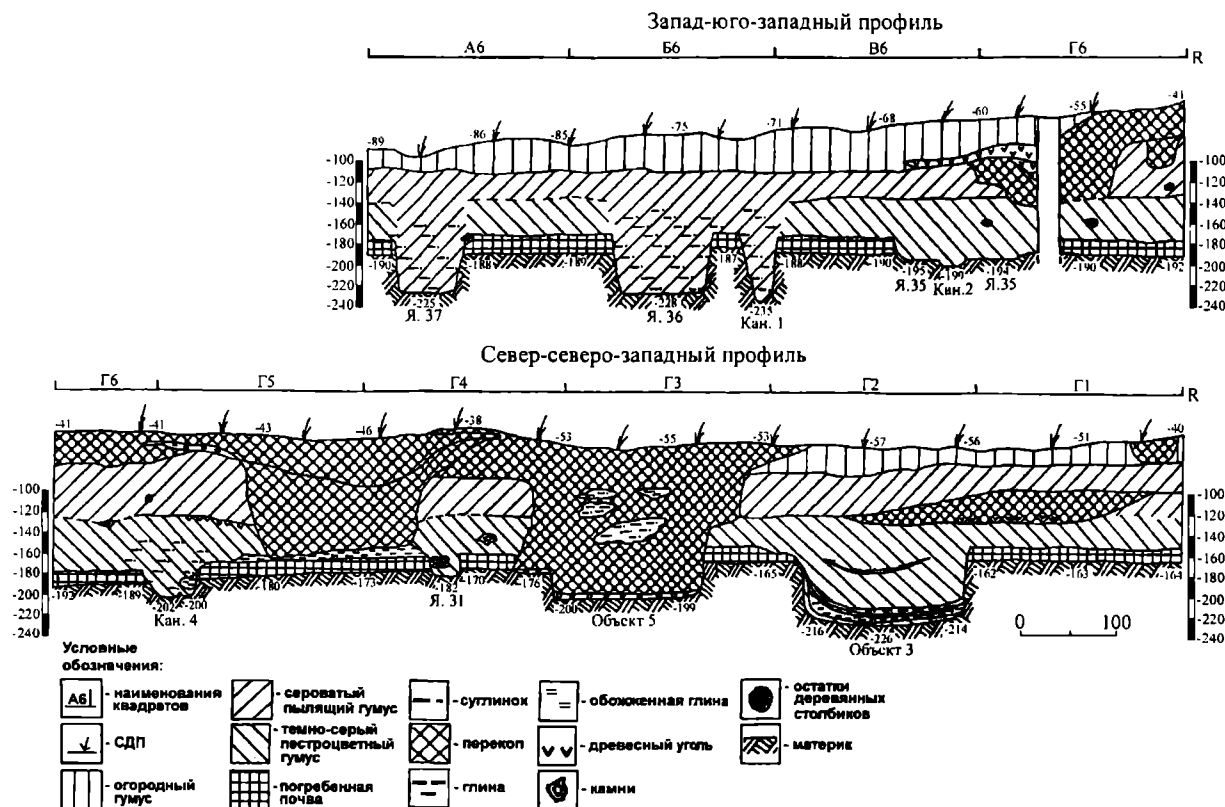

Рис. 4. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Профили раскопа 1

был впущен с уровня верха первого горизонта культурного слоя и представлял собой подпольную яму наземного срубного дома, сгоревшего в пожаре. Котлован в плане имел подпрямоугольную (с сильно скругленными углами и выпуклыми сторонами) форму, размерами до 3,46 × 3,2 м, был ориентирован в целом по линии север-северо-запад — юго-юго-восток; в северо-западном углу и с северо-восточной стороны котлована были вырыты 4 округлые ниши. Донная часть котлована была достаточно сложна: в центре выделялась яма-«ледник», у западной, южной и восточной стен в полу расчищены 9 ям для столбовой опоры настила пола, расположение которых фиксирует расширение котлована в северную сторону — там столбы значительно отстояли от стен; кроме этого вдоль западной стены была вырыта канавка, в которую для укрепления стены (?) был вбит ряд небольших столбиков. На материковом дне котлована был зафиксирован толстый слой глины, пробитый столбами и центральной ямой, что может свидетельствовать о затеке (или гидроизоляции?) дна первоначального котлована, в котором не устанавливались столбы; в дальнейшем в дно были вбиты столбы и впущена центральная яма-«ледник», затем первоначальный подпол претерпел расширение в северную сторону и оборудование стенных ниш. В лю-

бом случае, можно говорить как минимум о двух строительных периодах функционирования данного сооружения. После пожара подпол дома затекал окрестным грунтом, и поверхность западины над подполом к началу второго хронологического периода раскопа была снивелирована.

Из заполнения постройки происходят: обломок круглого гладкого пережженного браслета (рис. 10, 1), датируемого XII—XIII вв., железная дуговидная с фигурной двухчастной пряжкой и заклепкой оковка поясной сумочки (?) (рис. 10, 9), плоский изогнутый коленчатый ключ (рис. 10, 5) от замка типа В по Б.А. Колчину (середина XII — XIV в.), универсальные ножи с прямой спинкой (рис. 10, 3, 4, 8), железное кольцо от удила (рис. 10, 2), оселок с недосверленным отверстием (рис. 10, 7), фрагмент домонгольской красноглиняной половой плитки с желтой поливой (рис. 10, 6) (Щанова, 1972. С. 174; Колчин, 1959. С. 82; Рис. 70; Седова, 1997. С. 74; Рис. 68. 5). Массовый керамический материал из заполнения постройки следующий: 1262 фрагмента сероглиняной, 27 — красноглиняной грубой, 1 — красноглиняной лощеной, 3 — сероглиняной поздней, 2 — поливной керамики. Основным типом посуды являлась сероглиняная домонгольская керамика, все другие типы были представлены в верхнем затеке котлована.

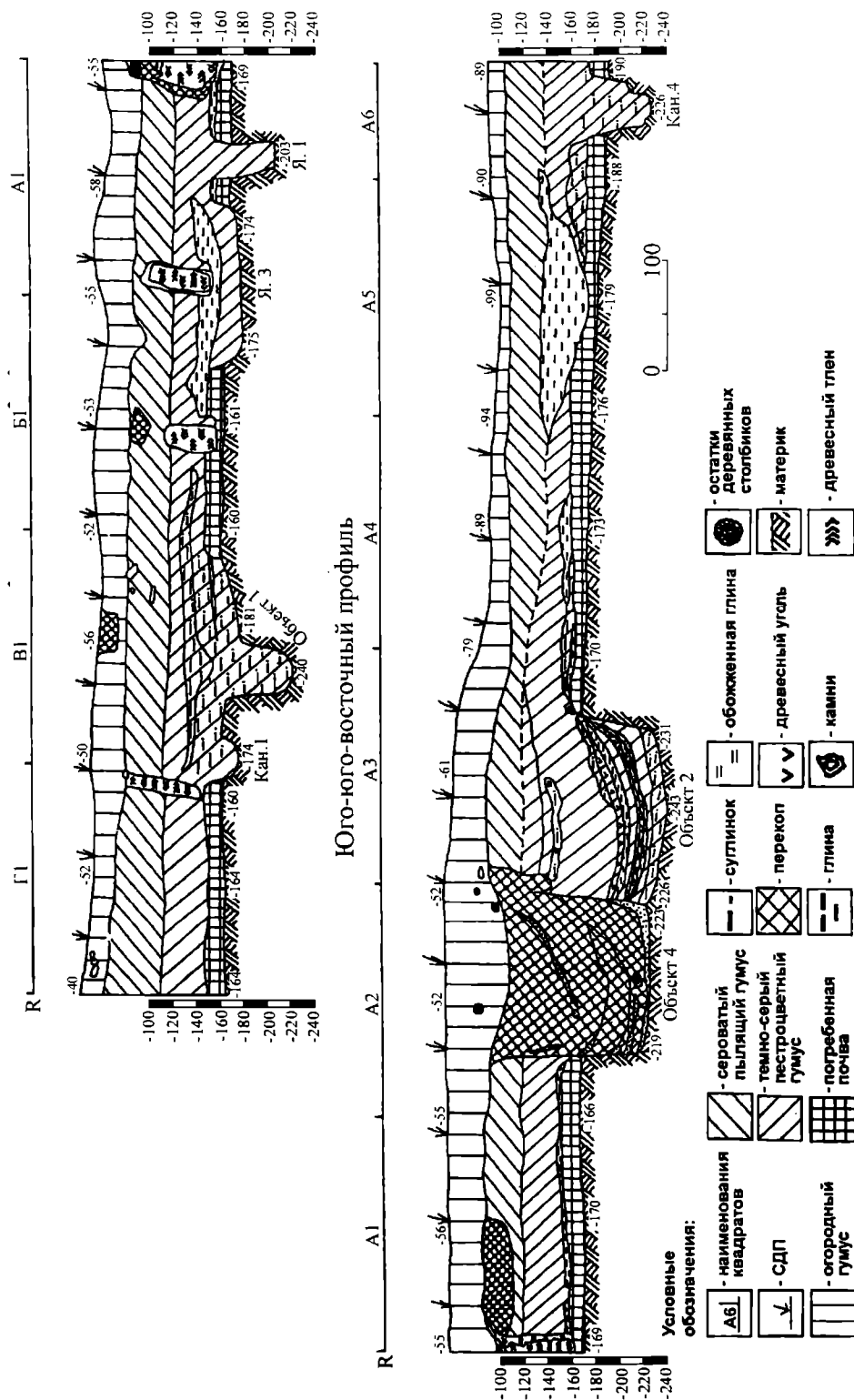

Рис. 5. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Профили раскопа 1

На материковом выкиде из объекта 1 в полуметре от контура котлована были обнаружены две находки: железный наконечник копья (рис. 7, 1) с пером лавролистной формы, линзовидного сечения, с согнутым концом, близкий типу 4А по А.Н. Кирпичникову (XII—XIII вв.), а также

два обломка рамки и язычок пряжки (рис. 7, 14)
(Кирпичников, 1966. С. 15; Табл. VI, 2).

В непосредственной близости объекта 1 (рис. 3) располагались столбовые ямы 1, 2, 11, а яма 10, оставшаяся от вбитого заостренного столба, входила с ним в один контур; в связи с этим мы

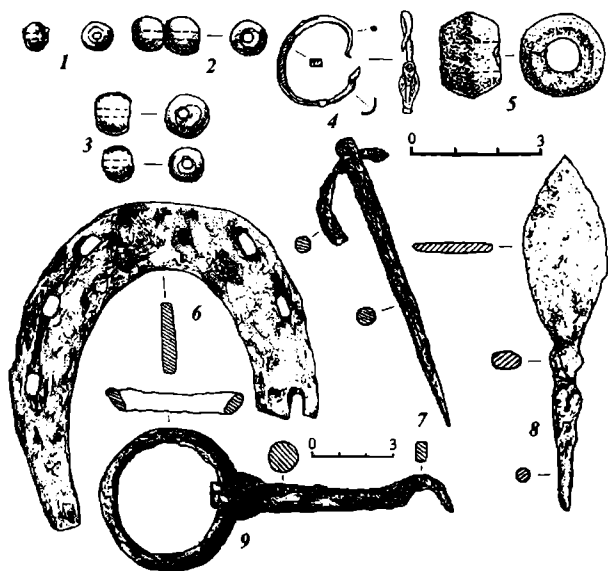

Рис. 6. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1.
Переотложенные находки домонгольского горизонта.

1–3 — бусины; 4 — кольцо височное; 5 — пряслице;
6 — подкова; 7 — булава с подвижным кольцом;
8 — наконечник стрелы; 9 — половина гризла с
кольцом (1–3 — стекло; 4 — бронза; 5 — шифер;
6–9 — железо)

связываем данные ямы с Объектом 1, как опоры столбов его наземной конструкции. У дна Ямы 11 был обнаружен ключ (рис. 12, б) от висячего Типа В по Б.А. Колчину (сер. XII — XIV в.) (Колчин, 1959. С. 82. Рис. 67, 4; 1982. С. 162). Эта находка, возможно, определяет нахождение входа в постройку.

Яма 3 (рис. 3), уходящая в северо-восточный профиль и прорезанная объектом 1, в плане имела полуовальную форму, вытянутую вдоль профиля на 1,3 м, при ширине до 0,58 м, стенки ее были сильно покатыми.

Яма 5 (рис. 3) подовальной в плане формы, с покатыми стенками, размерами до 0,6 × 0,7 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, не содержала датирующего материала.

Объект 2 (рис. 3, 5). На погребенной почве к северу и северо-востоку от контура сооружения были выявлены два крупных пятна материкового выброса из его котлована. Объект был впущен с уровня верха первого горизонта, частично уходил в юго-восточный профиль раскопа, был прорезан подпрямоугольной ямой XIX—XX вв. Представлял собой, вероятно, подпольную яму наземного срубного дома, сгоревшего в пожаре. Котлован в плане имел подпрямоугольную с сильно скругленными углами форму и размеры до 3,52 м × 1,43–2,12 м, был ориентирован по линии север-северо-запад — юго-юго-во-

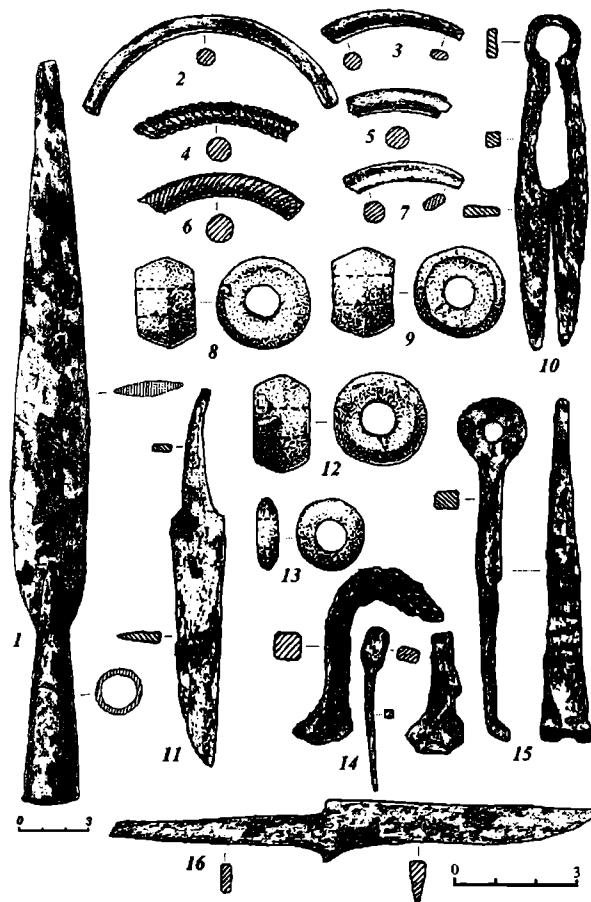

Рис. 7. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1.
Индивидуальные находки домонгольского времени из слоя.

1 — наконечник копья; 2–7 — фрагменты браслетов;
8, 9, 12, 13 — пряслица; 10 — ножницы; 11, 16 — ножи;
14 — обломки пряжки; 15 — ключ (1, 10, 11, 14–16 —
железо; 2–7 — стекло; 8, 9, 12, 13 — шифер)

сток, в северной части в контур котлована входила столбовая яма 9 (рис. 3). Северная часть котлована была менее углубленной, вероятно здесь располагался вход в подпол, южная же часть имела вогнутое дно с одной столбовой ямой в центре. При пожаре дом обрушился, западина затекала окрестным грунтом, к началу второго хронологического периода раскопа поверхность западины над подполом была сnivelирована.

Среди находок из сооружения выделяются обломки фиолетового крученого с перевитием желтой нитью браслета (рис. 11, 10) и мелкокрученого зеленого браслета (рис. 11, 10, 9), датируемые сер. XII — XIII в. (Щанова, 1972. С. 174). Типичны универсальные железные ножи (рис. 11, 1–4, 8). Наиболее интересны изделия из кости и рога: грубо обработанное писало (?) из грифельной кости (рис. 11, 5), близкое к новгородским писалам Типа 1 (X—XI вв.) по А.А. Медын-

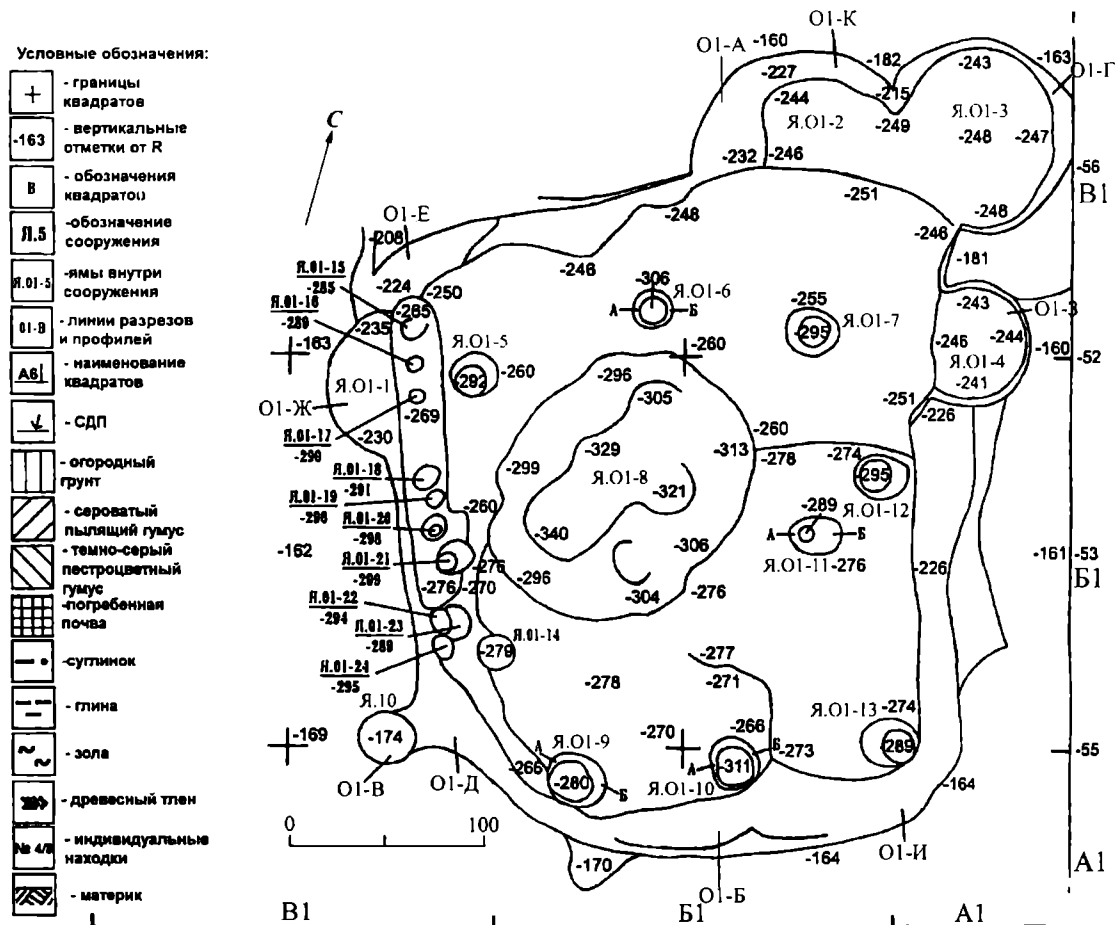

Рис. 8. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. План донной части объекта 1 и профиль его заполнения по линии О.1-А — О.1-Б

цевой; гребень роговой прямоугольный двусторонний (рис. 11, 6), с двумя поясами орнамента у основания зубцов, типа М (конца X — середины XII в.); цилиндрический костяной штифт от вертлюга (рис. 11, 11) с грибовидной

шляпкой и подпрямоугольным отверстием; костяное трубчатое сверло по мягким материалам (?) (рис. 11, 7); цилиндрическое костяное пряслице (рис. 11, 12) (Медынцева, 1997. С. 150; Седова, 1997. С. 89; Рис. 24, 20; Колчин, 1958.

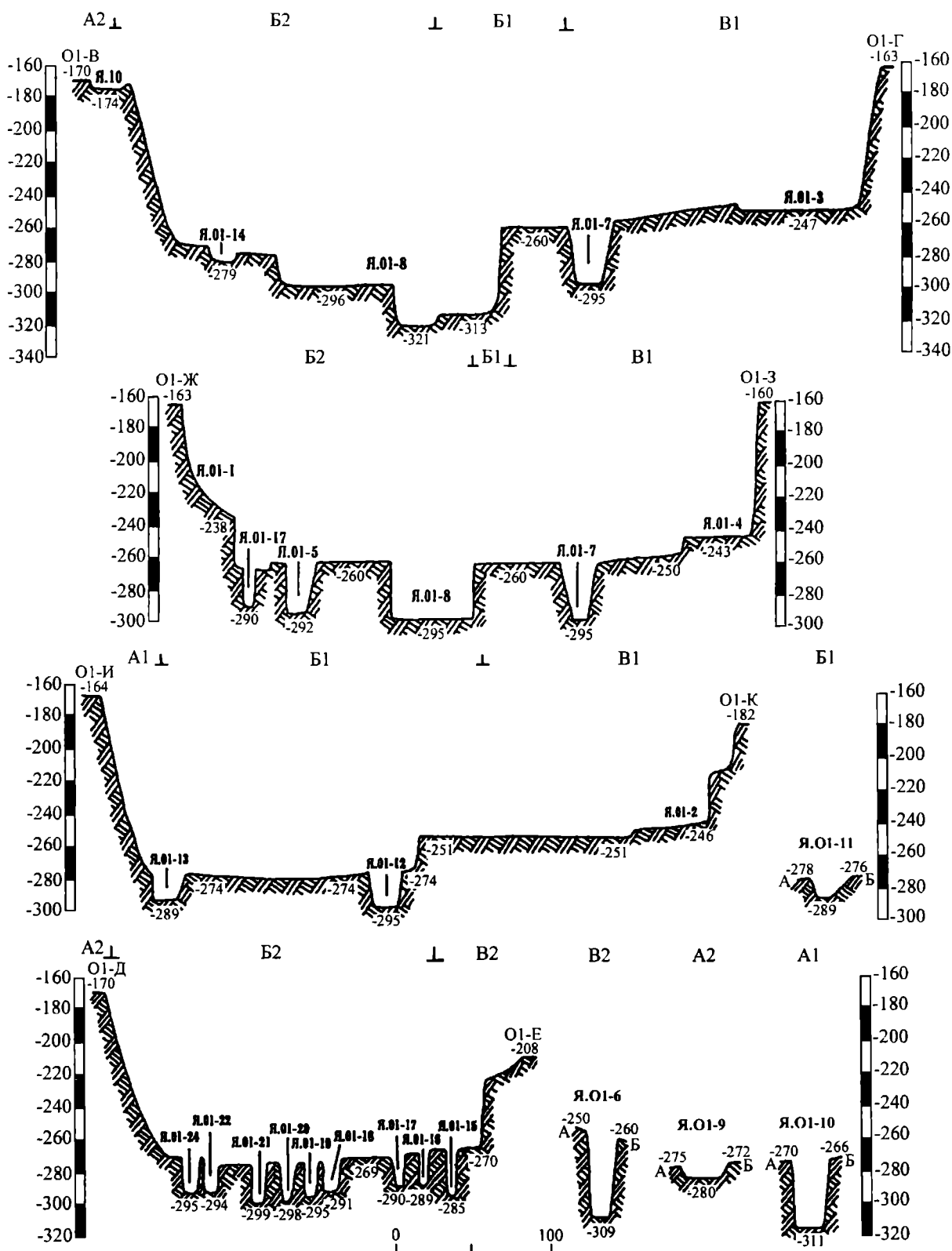

Рис. 9. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. Разрезы объекта 1 и интерьерных ям

С. 101). Керамический материал из котлована представлен следующими типами: 715 фрагментов сероглиняной, 39 — красноглиняной грубой, 2 — красноглиняной лощеной, 13 — сероглиняной поздней, 7 — красноглиняной гладкой

ранней, 3 — красноглиняной гладкой, 13 — чернолощенной и мореной, 2 — поливной керамики. Основным типом посуды являлась сероглиняная домонгольская керамика, все другие типы происходили из верхнего затека котлована.

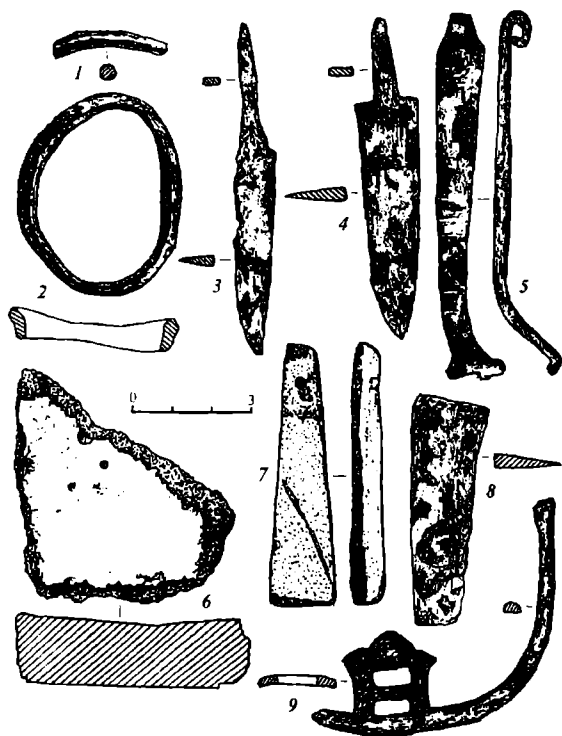

Рис. 10. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. Индивидуальные находки из объекта 1 домонгольского времени.
1 — фрагмент браслета; 2 — кольцо от упряжи; 3, 4, 8 — ножи; 5 — ключ; 6 — фрагмент половой поливной плитки; 7 — оселок; 9 — оковка поясной сумочки (?) (1 — стекло; 2-5, 8, 9 — железо; 6 — глина, желтая полива; 7 — сланец)

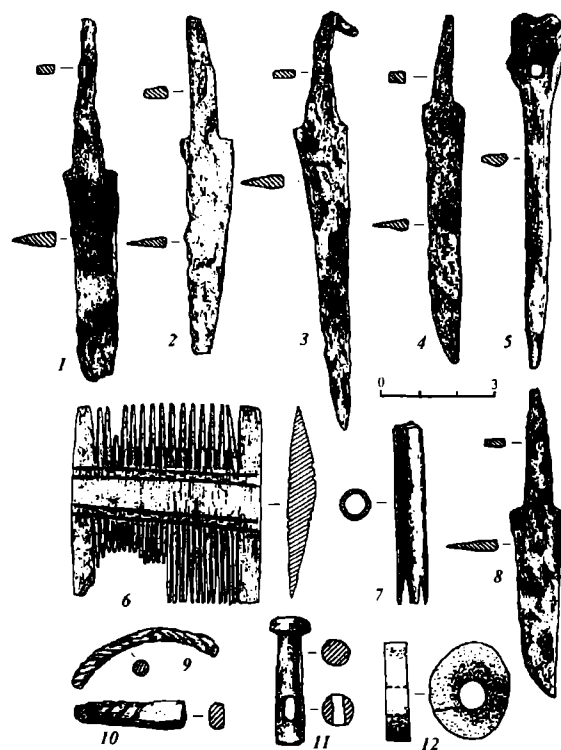

Рис. 11. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. Индивидуальные находки из объекта 2 домонгольского времени.
1-4, 8 — ножи; 5 — писало; 6 — гребень; 7 — инструмент; 9, 10 — фрагменты браслетов; 11 — штифт от вертлюга; 12 — пряслице (1-4, 8 — железо; 5, 7 — кость; 6, 11, 12 — рог; 9, 10 — стекло)

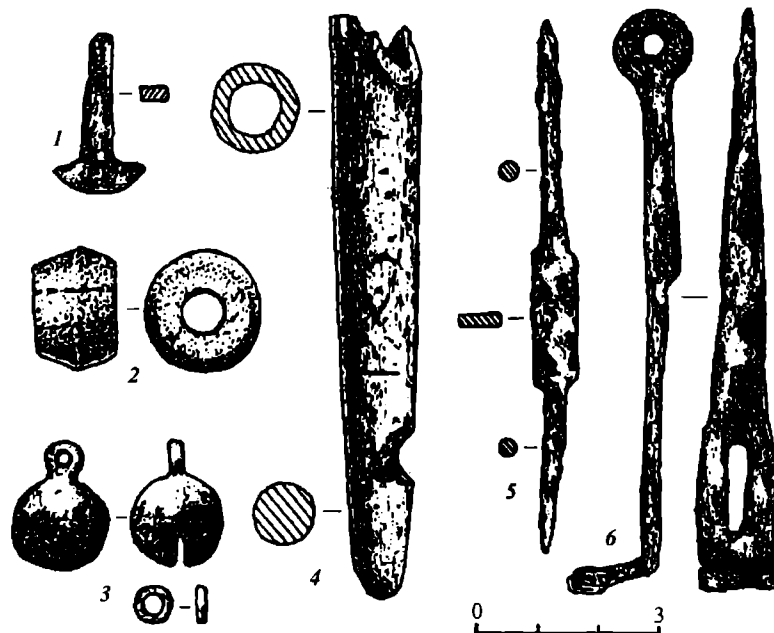

Рис. 12. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. Индивидуальные находки из сооружений домонгольского горизонта.
1 — гвоздь подковный (объект 3); 2 — пряслице (канавка 3); 3 — бубенчик и звено цепочки (яма 30); 4 — игольник (объект 3); 5 — сверло (канавка 4); 6 — ключ (яма 11)
(1, 5, 6 — железо; 2 — шифер; 3 — бронза; 4 — рог)

Яма 14 (рис. 3), вытянутой подовальной в плане формы, размерами $2,52 \times 1,06$ м, ориентированная по линии восток-запад, с покатыми стенками — самая крупная яма раскопа — располагалась в непосредственной близости от объекта 2. Конфигурация ее, отсутствие следов столбов, а также золисто-углистое заполнение с относительно высоким содержанием массового материала позволяет определить ее как хозяйственную, возможно относившуюся к постройке с объектом 2. Из заполнения происходят 122 фрагмента сероглиняной и 29 обломков красноглиняной грубой керамики.

Объект 3 (рис. 3; рис. 4). Был впущен с уровня верха первого горизонта, представлял собой, скорее всего, подпольную яму наземного срубного дома, сгоревшего в пожаре. Котлован в плане имел вытянутую подпрямоугольную с сильно скругленными углами форму и размеры

до $3,07 \times 1,1-1,68$ м, был ориентирован по линии север — юг, стенки его были сильно покаты в южной части. Дно котлована было желобообразным; в средней части сооружения у западной стенки котлована располагалась подпрямоугольная яма-«ледник». При пожаре дом обрушился, западина затекала окрестным грунтом, к началу второго хронологического периода раскопа поверхность западины была снивелирована.

В котловане были найдены железный подковный гвоздь (рис. 12, 1) и орнаментированный роговой игольник(?) с отверстием для ношения (рис. 12, 4). Массовый материал был представлен 220 фрагментами сероглиняной, 6 — красноглиняной грубой, 3 — чернолощеной и морской, 1 — белоглиняной и 2 — поливной керамики. Основным типом посуды являлась сероглиняная домонгольская керамика, все другие типы

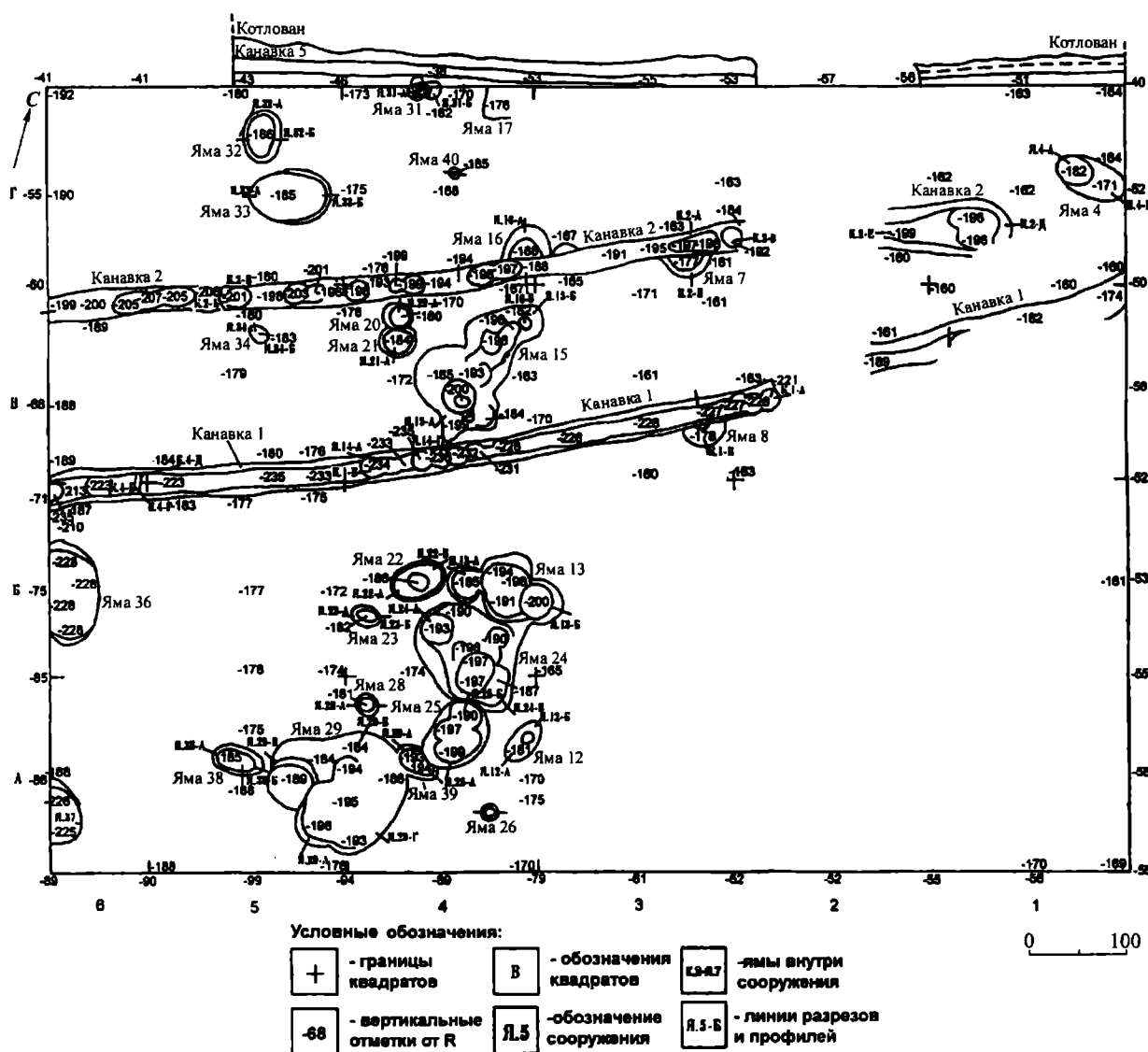

Рис. 13. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. План донной части раскопа; сооружения XIV—XVIII вв.

были представлены в верхнем затеке котлована.

Столбовые ямы 6 и 41 (рис. 3) располагались в непосредственной близости от объекта 3 и могут быть отнесены к той же постройке.

Канавка 3 (рис. 3) имела закругленные оконечности, проходила почти по линии север-юг на 2,6 м (ширина 0,28–0,38 м), была впущена с уровня верха первого горизонта и углублена в материк. Она пролежала параллельно канавке 4. В нее устанавливались ровно обрубленные столбы частокола диаметром до 0,23 м; назначение данной канавки, располагавшейся по соседству с двухрядным частоколом, неясно, можно только предполагать разное время функционирования канавки 3 и канавки 4 в пределах XII–XIII вв. В заполнении было найдено усеченно-биконическое шиферное пряслице (рис. 12, 2).

Канавка 4 (рис. 3; рис. 4). Начиная с уровня верха первого горизонта вплоть до поверхности погребенной почвы к юго-востоку от канавки 4 (зафиксированной только на уровне материка), залегал слой материкового выкида из нее. Канавка пересекала раскоп по линии север-юг на протяжении 8,1 м, при ширине 0,46–0,7 м. Она была впущена в грунт первого горизонта и материк с невыясненного уровня. В канавку вплотную друг к другу устанавливались и вколачивались ровно обрезанные и заостренные снизу столбы диаметрами не более 0,3 м. Северная часть канавки выявила двухрядную конструкцию частокола, южная же часть была однорядной; в западном ряду насчитывалось не менее 13, в восточном — не менее 17 ямок, действительное же число столбов частокола на данном отрезке канавки установить трудно. В заполнении были найдены железное лучковое сверло по кости (рис. 12, 5), датируемое XII–XIII вв. по Б.А. Колчину, а также 92 фрагмента сероглиняной, 4 обломка красноглиняной грубой и 1 фрагмент красноглиняной гладкой ранней керамики (Колчин, 1959. С. 67; Рис. 53, 3, 4).

Яма 35 (рис. 3), в основном уходившая в юго-западный профиль, размерами до 1,28 × 0,34 м. Определить ее назначение затруднительно.

Ямы 18, 19, 27 и 30 (рис. 3) были выкопаны для установки столбов; связь их с какими-либо сооружениями раскопа неясна. Из ямы 30 происходят бронзовый линейнопрорезной шаровидный бубенчик, датируемый XI — началом XIV в., и круглое звено бронзовой цепочки (рис. 12, 3) (Седова, 1981. С. 156; Рис. 62, 8; по мнению Н.В. Рындиной — новгородское изделие).

Горизонты XIV–XV и XVI–XVIII вв. (рис. 13).

Второй горизонт состоял из сероватого рассыпчатого гумусированного грунта, залегавше-

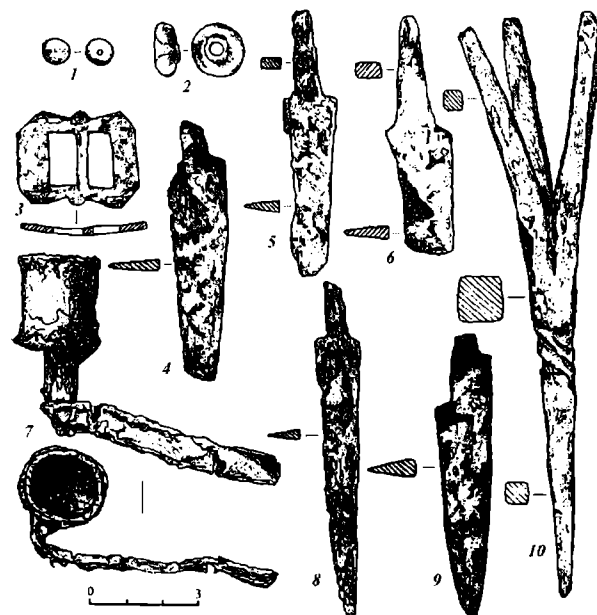

Рис. 14. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. Индивидуальные находки горизонта XIV–XVIII вв.

1, 2 — бусины; 3 — заготовка пряжки;
4–6, 8, 9 — ножи; 7 — подсвечник; 10 — светец
(1, 2 — стекло; 3–10 — железо)

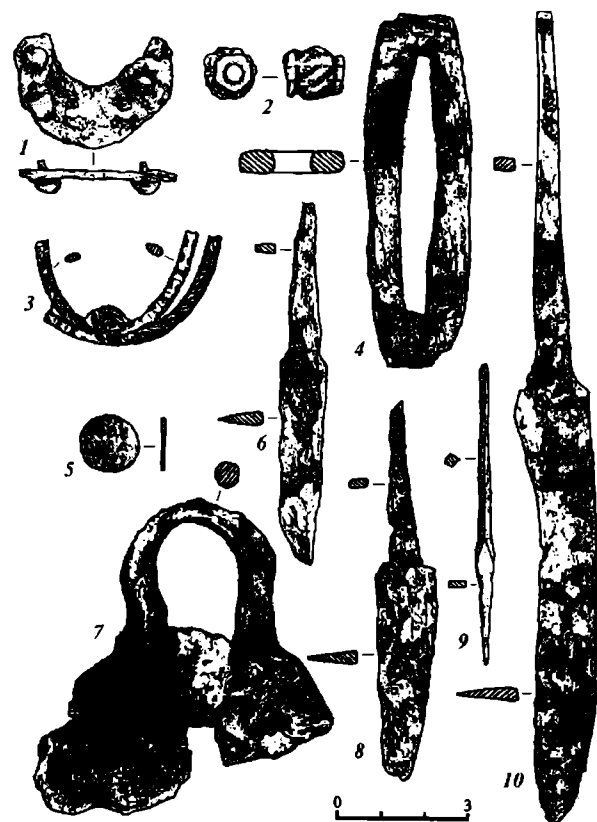

Рис. 15. Суздаль, 2003, ул. Теремки, 26. Раскоп 1. Индивидуальные находки горизонта XIV–XVIII вв.

1 — подковка обувная; 2 — бусина; 3 — обломок украшения; 4 — кресало; 5 — монета-полушка 1722 г.;
6, 8, 10 — ножи; 7 — ушко котла; 9 — шило
(1, 4, 6–10 — железо; 2 — стекло; 3 — олово; 5 — медь)

го поверх первого горизонта: мощность второго горизонта составляла 0,3–0,5 м, он по большей части был переотложен поздними перекопами (рис. 4, 5, 13). Однородный цвет грунта и минимум находок делали невозможным разделение отложений периодов XIV—XV вв. и XVI—XVIII вв.

К данному горизонту относятся *остатки деревянных конструкций, ямы перекопов* и следующие сооружения раскопа: *сооружение с ямами 12, 13, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 38, 39, канавки 1, 2, 5, а также ямы 4, 7, 8, 15, 16, 17, 20, 21, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 40.*

Находки из слоя (рис. 14; рис. 15). Стекланные изделия были представлены шарообразной молочно-белого цвета бусиной (рис. 14, 1) типа I вида 12 по М.Д. Полубояриновой, крупной кольцевидной зеленоватой бусиной (рис. 14, 2) и крупной оплавленной (?) бусиной¹ (рис. 15, 2) (Полубояринова, 1988. С. 165). Железные изделия: заготовка обувной пряжки (рис. 14, 3), обувная подковка (рис. 15, 1) типа 1 по Б.А. Колчину (XV в.) (1959. С. 108; Рис. 96, 19, 20), овальное кресало (рис. 15, 4) типа 3 по Б.А. Колчину (XIII—XV вв.), сапожное шило (рис. 15, 9), универсальные ножи (рис. 14, 4–6, 8, 9), ножи для деревообработки (рис. 15, 8, 10) (Колчин, 1959. С. 101; Рис. 84, 10, 11; 85), втульчатый подсвечник (рис. 14, 7) и светец (рис. 14, 10). Самыми поздними находками горизонта являлись медная полушка 1722 г. (рис. 15, 5) и обломок декоративной оловянной обкладки посуды (рис. 15, 3).

Остатки деревянных конструкций.

У северо-восточного профиля в грунте второго горизонта были выявлены остатки 4 вертикальных столбиков, стоявших в ряд, видимо — остатки какой-то ограды, которые были впущены с уровня поверхности второго горизонта; у южного угла раскопа были зафиксированы обломок истлевшего вертикального столбика и остатки 3 примыкавших к нему плах.

Сооружение с ямами 12, 13, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 38, 39 (рис. 13).

Было зафиксировано на уровне поверхности домонгольского горизонта в виде мощной прослойки грунта с примесью суглинка и угольков; на уровне материка здесь были выявлены ямы 12, 13, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 38, 39, заполненные грунтом второго горизонта. На уровне фиксации пятно заполнения в плане приближалось к подпрямоугольной форме, в соответствии с чем можно полагать наличие на данном участке сгоревшего наземного или слабо углубленного сооружения сложной столбовой конструкции. Из числа ям этого сооружения отдельно стоявшие ямы 12, 22, 23, 26, 28, 38 и 39 можно отнести

к столбовым; в крупных ямах 13, 24 и 25 столбы по несколько раз меняли место; самую же крупную яму сооружения — яму 29 — можно отнести к хозяйственным. В заполнении этой ямы были найдены переотложенные булава с кольцевидной подвижной головкой (см. выше), универсальный железный нож с прямой спинкой (рис. 15, 6), 46 фрагментов сероглиняной и 3 обломка красноглиняной грубой керамики. Минимальное количество инвентаря не позволяет определить время постройки сооружения.

Канавка 1 (рис. 4; рис. 5; рис. 13). В толще грунта второго горизонта было зафиксировано крупное пятно гумуса первого горизонта с примесью суглинка и угольков, представлявшее собой легшие друг на друга выкиды с обратным переотложением грунтов из канавок 1 и 2. Канавка 1 была впущена с уровня второго горизонта и углублена в материк, в ней вплотную друг к другу устанавливались ровно обрезанные снизу столбы; на дне канавки зафиксированы ямки от 12 столбов диаметром до 0,2 м. В заполнении были найдены: 58 фрагментов сероглиняной, 9 обломков красноглиняной грубой, 6 фрагментов сероглиняной поздней, 1 обломок красноглиняной гладкой ранней и 1 фрагмент поливной керамики.

Канавка 2 (рис. 4, 13) проходила почти параллельно канавке 1, имела отвесные стенки, была впущена с уровня второго горизонта и углублена в материк, в нее вплотную друг к другу устанавливались ровно обрезанные снизу столбы; на дне канавки зафиксированы ямки от 12 столбов диаметром до 0,3 м. В заполнении найдено ушко железного котла (рис. 15, 7).

Канавка 5 (рис. 13) была слабо углублена в материк.

Столбовая яма 8 была прорезана канавкой 1, столбовые ямы 7 и 16 были прорезаны канавкой 2 (рис. 13), что позволяет в пределах второго хронологического горизонта предполагать более раннее происхождение этих ям.

Не вполне ясно назначение ямы 15, на дне которой — следы нескольких столбов.

К ямам, копавшимся под столбы, можно отнести ямы 4, 20, 21, 31 и 32, а ямы 34 и 40 остались от вколотенных столбов (рис. 13).

Горизонт XIX—XX вв.

Третий горизонт на участке раскопа был связан со строительством жилого дома и использованием приусадебного участка. Отложения этого времени составляли верхний, сильно переотложенный очень темный и сильно гумусированный огородный слой, мощностью от 0,3 м до 0,5 м, с уровня которого были впущены 5 круп-

ных ям, исследованных в толще культурного слоя, 2 крупные подпрямоугольные ямы со строительным и бытовым мусором — объекты 4 и 5, врезанные в материк, и остатки кирпичной ограды участка.

В раскопе по ул. Теремки, 26, было обнаружено 116 (4 разрушились до консервации) индивидуальных находок из цветных и черных металлов, стекла, камня, кости, в основном бытового характера, а также 10 362 фрагментов глиняной посуды, обломки поздней фаянсовой и стеклянной посуды, кованые гвозди и остеологический материал. Статистическое определение керамики проводилось с учетом работ по керамике средневековой Москвы (Розенфельдт, 1968; МК, 1991; Коваль, 1999; 2000; 2001).

Таблица 1. Соотношение типов керамики.
Раскоп на ул. Теремки

Типы керамики	Дата	Кол-во (фр.)	%
Сероглиняная (домонгольская)	XI–XIII вв.	6824	65,9
Красноглиняная грубая	XIV–XV вв.	1395	13,50
Сероглиняная (поздняя)	XIV–XV вв.	563	5,40
Красноглиняная лощенная	XIV–XVI вв.	25	0,24
Красноглиняная гладкая ранняя	1-я пол. XV в.	333	3,20
Чернолощенная и мореная	2-я п. XV – XVIII в.	842	8,20
Красноглиняная гладкая	к. XV – XVII в.	153	1,50
Белоглиняная расписная поливная	XV–XVI вв.	1	0,01
Красноглиняная ангобированная	XV–XVI вв.	3	0,03
Белоглиняная	XVI–XX вв.	33	0,30
Белоглиняная лощенная	XV–XVI вв.	1	0,01
Красноглиняная поливная	XVI–XX вв.	190	1,80
Всего		10362	100

Данный район суздальского посада при высокой степени переотложенности культурного слоя представил практически нетронутые углубленные сооружения домонгольского периода. Можно предполагать, что строения первого горизонта на участке раскопа были возведены в XII в. и сожжены в 1238 г. во время монголо-татарского штурма Суздаля; к этому же историческому событию, видимо, относится залежав-

ший возле объекта 1 наконечник копья с боевой деформацией (Седова, 1997. С. 22, 23). Сооружения и находки второго горизонта раскопа мало-выразительны; можно свидетельствовать, что некоторая активность на данном участке наблюдалась в XIV–XV вв. — была сnivelирована поверхность, вкопаны частоколы и возведено наземное столбовое сооружение хозяйственного назначения, сторевшее затем в пожаре. После этого строительная активность на данном участке затихает, и вероятнее всего, он переходит в огородное использование вплоть до строительства дома в XIX в. В целом можно отметить, что ни в один из периодов исследованный участок посада не входил в производственную зону, а все находки иллюстрируют очень средний материальный уровень обывателей этой части города.

Раскоп на улице Пушкарской

В 2004–2005 гг. были проведены спасательные раскопки на участке под строительство кассового домика Музея деревянного зодчества Владимиро-Суздальского государственного музея-заповедника по ул. Пушкарской. Участок располагается в юго-западной части города, за пределами укреплений кремля и окольного города Суздаля, на расстоянии около 500 м к юго-западу от кремля, на высоком коренном берегу р. Каменка, в излучине которой находится кремль (рис. 1, 16). Исторически территория Музея деревянного зодчества принадлежит к так называемой «Дмитриевской стороне», на которой располагался самый ранний в Суздале Дмитриевский монастырь.

Исследование Дмитриевской стороны началось с раскопок В.В. Седова в 1968 г. и было продолжено работами В.П. Глазова в 1971–1972 гг. (Седова, 1997. С. 138, 139). Раскоп 1968 г. площадью 52 кв. м располагался в 124 м от юго-восточного угла деревянной Преображенской церкви XVIII в. Мощность культурного слоя достигала 0,3–0,4 м, в слое были найдены древнерусские стеклянные браслеты, шиферные пряслица, ножи и ключи. Была исследована полуземлянка XII в., размерами 3,5 × 3,5 м, глубиной 0,5 м, столбовой конструкции, со входом с западной стороны, глинобитная печь располагалась напротив входа. В раскопе 1971 г. была исследована еще одна полуземлянка и большая домница с кузней. От кузницы сохранились столбовые ямы, скопления шлаков и крицы. Домница, с основанием, вырезанным в материке и столбовыми ямами от навеса, была устьем ориентирована на север, размеры составляли 4,2 × 4 м, к загруз-

зочной ее части подходили 3 ступени. В слое здесь были найдены обломки стеклянных браслетов, зубильце, кузнечная просадка, ножи, каменный молот, болотная руда и крицы, древнерусская керамика XII—XIII вв. В северной части раскопа был выявлен ров глубиной до 2,36 м, а домница стояла на краю рва глубиной в 3 м. В 1972 г. продолжалось изучение этого производственного комплекса XII—XIII вв., было выявлено также производственное помещение с горном. В раскопе найдены лепешковидные крицы в горшках, а также зооморфная привеска-петушок, оселок с рисунком, донца горшков с клеймами. По заключению исследователей, опирающемуся на летописные данные, весь производственный комплекс связан с монастырской слободой, располагавшейся у стен Дмитриевского монастыря. При установке деревянной Преображенской церкви на глубине 0,6–0,8 м был найден трапециевидный с полукруглым оголовьем белокаменный саркофаг, не содержащий захоронения; аналогии данному саркофагу из Рождественского собора Суздаля и из Боголюбова могли принадлежать только знати, они были новшеством для XII в.

Участок непосредственно примыкал к калитке входных деревянных ворот Музея со стороны ул. Пушкарской, ориентирован длинной стороной по странам света, частично входил в пределы музейной бревенчатой ограды (рис. 16). Рас-

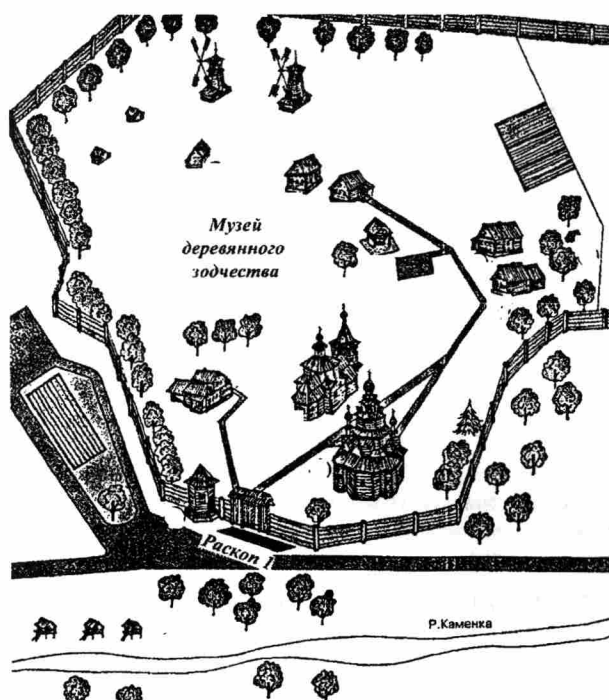

Рис. 16. Суздаль, 2004–2005, ул. Пушкарская. Музей деревянного зодчества. Раскоп I.

коп представлял собой прямоугольник размерами 9×7 м, ориентированный длинной стороной почти по линии север-юг (азимут 354°). Культурные напластования на площади раскопа от современной дневной поверхности до поверхности материковой глины имели мощность 1,3–1,65 м, а в углубленных в материк сооружениях достигали 2,05 м; культурный слой составляли следующие строительные горизонты (снизу вверх) (рис. 18; рис. 19).

Горизонт домонгольского времени (рис. 17–19).

Был представлен в раскопе слоем темно-серого рыхлого гумусированного грунта мощностью 0,15–0,25 м, залегавшим на поверхности более темного слоя — древней погребенной почвы, подстилаемой коричневатым предматериковым суглинком и желтовато-коричневой материковой глиной (рис. 18, 19). К этому горизонту относился сегмент уходящего в северный профиль углубленного в материк сооружения 1.

Переотложенные находки горизонта (рис. 20).

Железный наконечник стрелы (рис. 20, 7), близкий типу 43 по А.Ф. Медведеву (ромбовидным наконечникам с пропорциями пера 1 : 4, с крутыми плечиками, длинной шейкой и упором для древка), распространенному с IX до середины XIII в. и особенно характерным для периода XII—первой половины XIII в. (Медведев, 1966. С. 66, 67; Табл. 16, 2, 30Б, 39). Не восстанавливается форма бронзового тонкопроволочного перстнеобразного (?) височного кольца (рис. 20, 8). Очень интересны обломки керамической половой храмовой плитки с зеленой (рис. 20, 1, 2), желтой (рис. 20, 3, 6) и светлой (рис. 20, 4) поливами (см. ниже), а также небольшой обломок плинфы (рис. 20, 5).

Находки из горизонта (рис. 21; 22). Уникальна медная фигурная пластина из тонкого листа с пуансонным выпуклым и чеканным орнаментом (рис. 21, 11), вероятно — оковка сундука или ларца. Выделяется железный наконечник копья с нераскованным пером (рис. 21, 7), тип которого определить невозможно, но судя по соотношению длин втулки и пера, наконечник — домонгольский, поскольку после XIII в. пропорции наконечников русских копий эволюционировали в сторону уменьшения длины втулки (Киричников, 1976. Табл. 1, 2). Из других железных находок интересны подпружная или обувная прямоугольная пряжка с вогнутыми сторонами (рис. 21, 1) и железный пластинчатый ключ (рис. 21, 9) с обломленной бородкой, от навесного замка типа В по Б.А. Колчину (сер. XII — XIV в.) (Колчин, 1959. С. 82; Рис. 67, 4; 1982. С. 162), а также универсальные железные

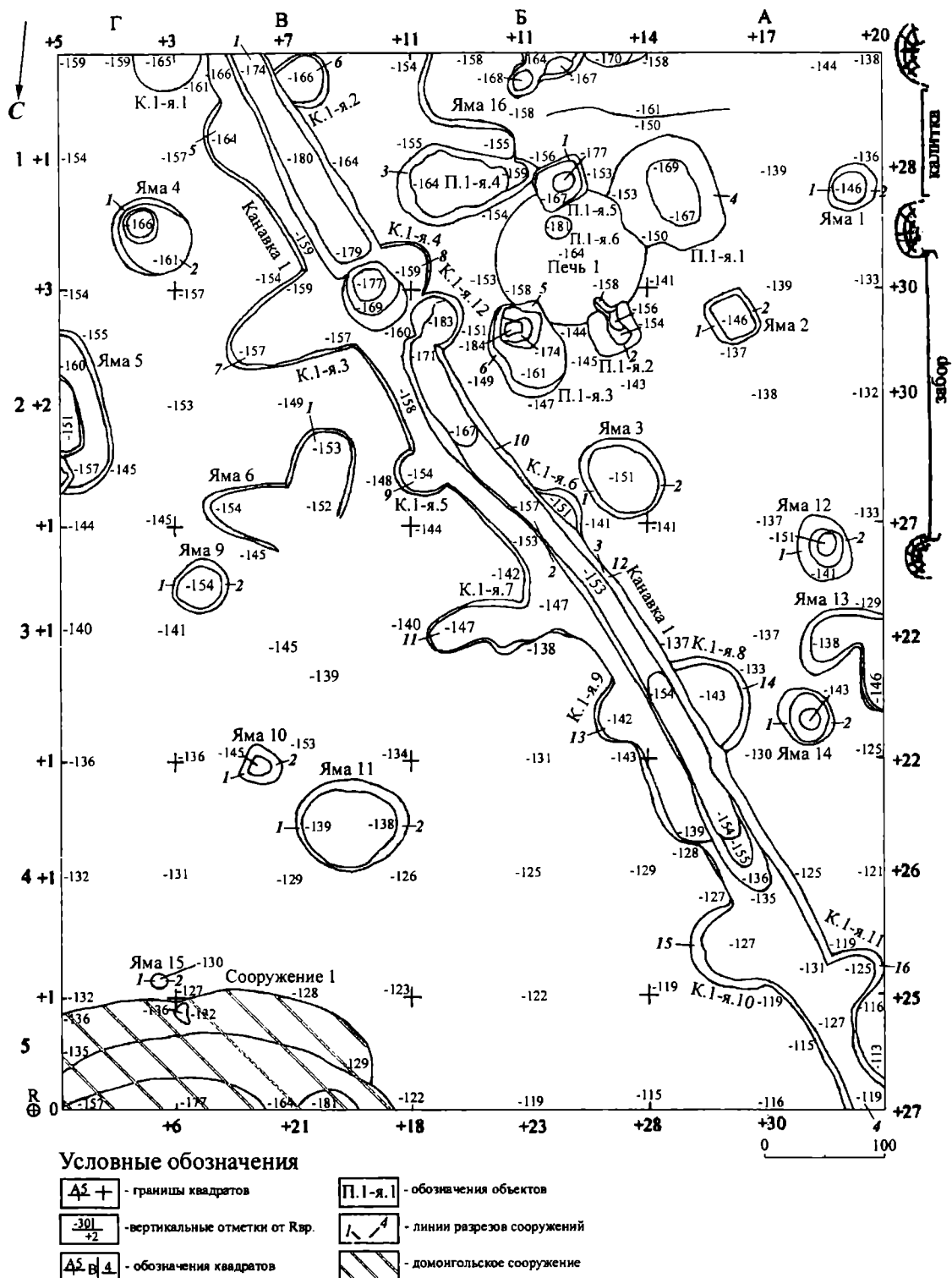

Рис. 17. Суздаль, 2004–2005, ул. Пушкинская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. План донной части. Штриховкой показано домонгольское сооружение 1; остальные объекты относятся к XIV—XVII вв.

ножи с прямой спинкой (рис. 21, 2, 3) и звено железного грызла удил с концевыми кольцами в одной плоскости (рис. 21, 5). Типичны для Суздаля усеченно-биконические и бочонковидные шиферные пряслица (рис. 21, 6, 8, 4); редкая находка — бочонковидное шиферное пряслице с

двумя группами по 7 нарезов и 2 отдельными резами (рис. 21, 10). Из слоя также происходят обломки керамической половой плитки с темной (рис. 22, 1), зеленой (рис. 22, 2), светлой (рис. 22, 3) и бледно-желтой (рис. 22, 5) поливами. В тесте много крупной дровины, обжиг не-

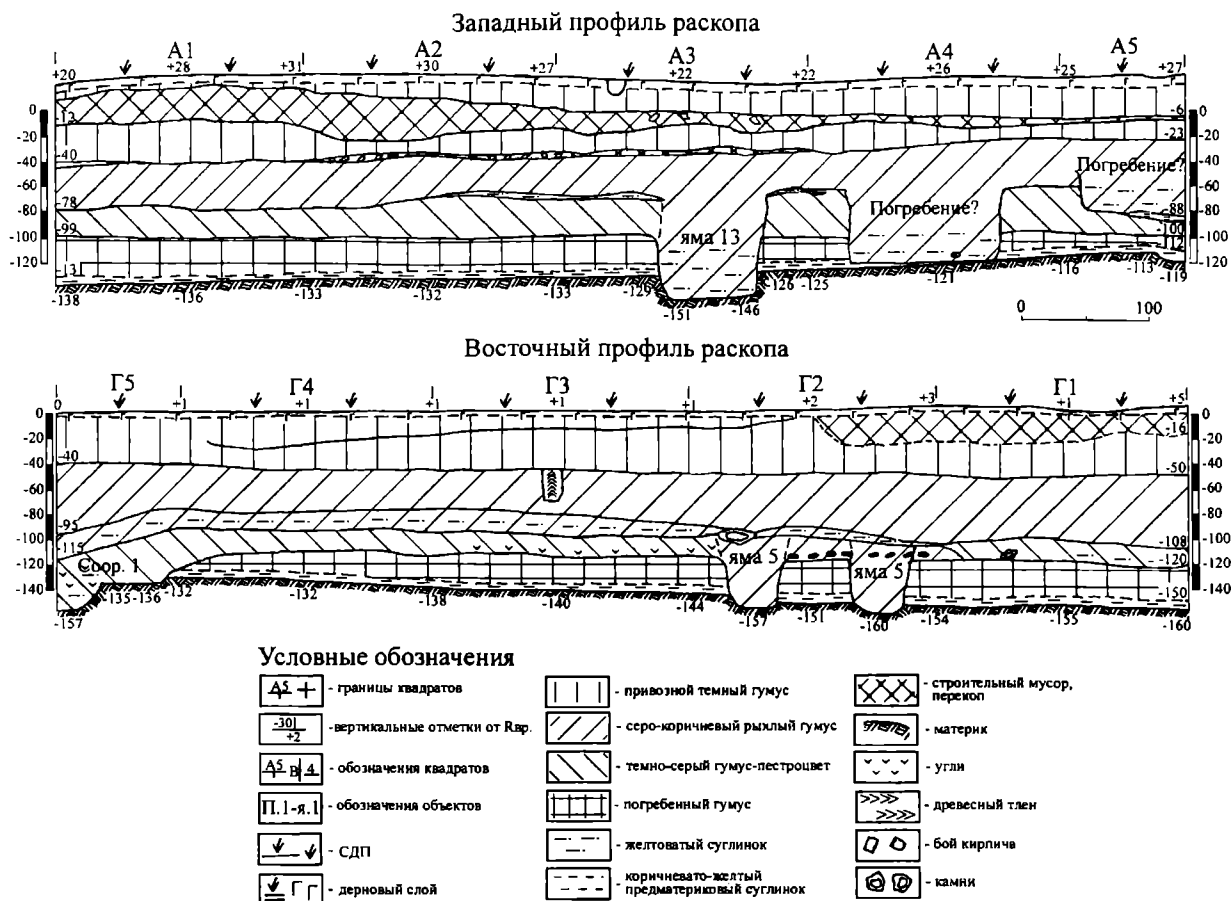

Рис. 18. Суздаль, 2004–2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. Восточный и западный профили

полный — черепок в изломе трехслойный, но равномерный, поверхность заглажена. Боковые грани скошены. На всех фрагментах глазурь глухая; темный цвет поливы на половой плитке достаточно редок, зеленая и желтая полива были широко распространены во Владимиро-Суздальской земле, а светлая (кремоватая) полива встречена в Суздале впервые. По классификации В.А. Александровского, плитка раскопа наиболее близка к группе Г плиток Владимира конца XII в. по подготовке грубого и непромятого керамического теста, по его плотности, отощению песком, по наличию в слоистом тесте пустот и трещин (Александровский, 1947. С. 241). В отличие от владимирской плитки, суздальские находки неравномерно обожжены, не имеют на нижней стороне бортиков, толщина плиток 18–22 мм (владимирские этой группы 23–28 мм), а максимальный сохранившийся размер одной из плиток составляет 177 мм (владимирские — не более 170 × 170 мм) (Александровский, 1947. С. 240–243). Обнаружены несколько фрагментов плинфы (рис. 22, 4, 6, 7). Тесто плинфы хорошо промешано, с большой примесью мелко-

го и среднего песка, выгоревшей органики, обжиг почти сквозной и равномерный, цвет поверхности темно-оранжевый. Поверхность хорошо заглажена, форма — правильный параллелепипед. Толщина обломков плинфы колеблется в пределах 45–46 мм; единственный крупный обломок имеет толщину 50 мм, максимальная ширина — 125 мм, максимальная сохранившаяся длина — 125 мм.

Сооружение 1 (рис. 17–19). Было выявлено на уровне материка, представляло собой сегмент уходящего в восточный и северный профили раскопа котлована с покатыми стенками, заполнение которого было насыщено суглинком и угольками, сверху запыло грунтом второго горизонта. Здесь найдены 6 фрагментов лепной, 6 — сероглиняной, 5 — белоглиняной керамики.

Горизонты XIV–XV и XVI–XVIII вв. (рис. 17–19; рис. 23; рис. 24).

Разделить эти горизонты в условиях однородного грунта (рыхлого серо-коричневого гумуса, общей мощностью 0,25–0,6 м) не представлялось возможным (рис. 18; рис. 19). К го-

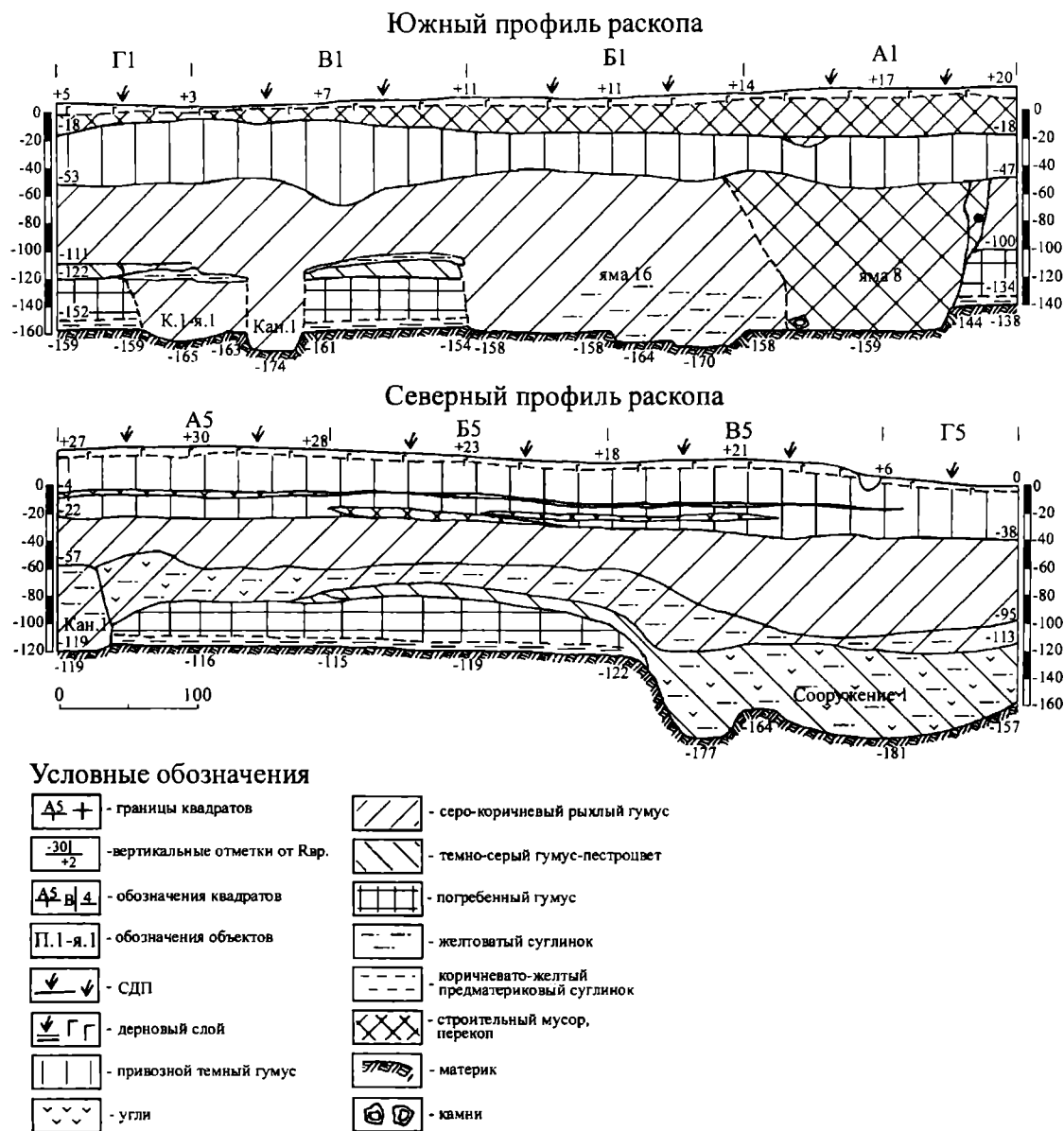

Рис. 19. Суздаль, 2004–2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. Южный и северный профили

ризонту относились 2 погребения взрослых людей, захороненных по христианскому обряду и множество человеческих костей из разрушенных захоронений, остатки слабо углубленной в материк столбовой постройки с глинобитной печью 1, канавка 1 в материке от ограды и отдельные столбовые ямы 9–14.

Находки из слоя (рис. 25; рис. 26). Фрагменты медного украшения, возможно — шейного (рис. 25, 5), состоявшего из круглопроволочной основы, обвитой плотной тонкопроволочной оплеткой, с восьмерковидной застежкой, а также половина двухпроволочного железного витого браслета (рис. 25, 2), аналогии которому не найдены (трехпроволочные медные витые брас-

леты в Новгороде датируются сер. XIII — сер. XIV вв.) (Седова, 1997. С. 75). Интересны обломки железных застежек — кольцевидных фибул (?) (рис. 25, 4; рис. 26, 8), бронзовые аналоги которых имели максимальное распространение в XIII—XIV вв., и недокованное железное перекрестье кинжала (?) (рис. 25, 6) (Седова, 1997а. С. 73). Бытовые предметы представлены 2 звеньями железной цепи (рис. 25, 1), универсальными ножами (рис. 26, 2–4), ножом для работ по дереву (рис. 26, 6), сапожным шилом (рис. 26, 5), железным ушком от деревянного ведра (рис. 26, 7). Сложно определить назначение железной планки с загнутыми краями и центральным отверстием (рис. 26, 1). Рваный обломок

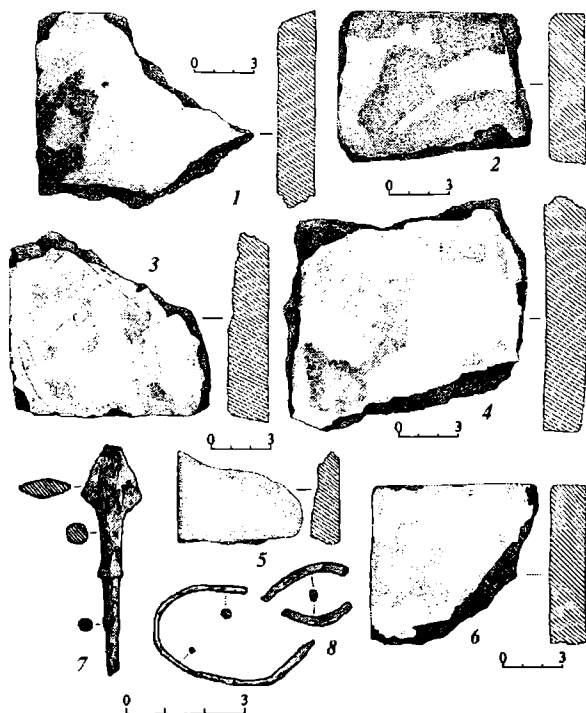

Рис. 20. Суздаль, 2004—2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. Переотложенные находки домонгольского горизонта.

1–4, 6 — плитка половая поливная; 5 — плинфа; 7 — наконечник стрелы; 8 — обломки височного кольца (1,2 — глина, зеленая полива; 3, 6 — глина, желтая полива; 4 — глина, светлая полива; 5 — глина; 7 — железо; 8 — медь)

толстой железной пластины (рис. 26, 9) относится к кузнечным поковкам. Обнаружен также обломок керамического яйца-писанки (?) без следов росписи (рис. 25, 3).

Погребение 1 (рис. 23). Было выявлено в погребенной почве, могильная яма не прослеживалась. Захороненный мужчина 35–45 лет был уложен на спину, головой к запад-северо-западу, с вытянутыми ногами (Малеев, Сегада, 1988. С. 43. Рис. 25). Череп погребенного был повернут лицевой частью к юго-востоку, нижняя челюсть была перевернута, лежала у смещенных шейных позвонков. Часть ребер правой стороны, почти все ребра левой стороны грудной клетки, лучевые кости и кисти рук, основная часть позвоночника, таз и верх бедренных костей истлели. Правая рука погребенного, вероятно, лежала вдоль туловища, а левая, судя по остаткам фаланг пальцев у правого реберного отсека, лежала кистью в районе живота. Находки при расчистке костяка не выявлены.

Погребение 2 (рис. 23). Было обнаружено в затеке грунта второго горизонта в Сооружении 1 на отметках поверхности материка, могильная яма не прослеживалась. Захороненный мужчи-

на 17–25 лет был уложен на спину, головой к западу, с вытянутыми ногами (Малеев, Сегада, 1988. С. 43, Рис. 25). Череп погребенного был повернут лицевой частью к северу, нижняя челюсть отвалилась. Все кости позвоночника, плечевого, реберного и тазового отделов костяка, плечевая кость правой руки, фаланги пальцев рук и правой ноги истлели. Правая рука погребенного, видимо, была уложена вдоль туловища, а левая лежала кистью на тазе. Под черепом погребенного лежал обломок керамической половой плитки с бледно-желтой поливой (рис. 22, 5), что фиксирует обряд положения на каменную «подушку» (Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 85). С южной стороны захороненного в одной линии обнаружены 3 кованых гвоздя, с северной стороны — также 3 гвоздя, описывающие в плане прямоугольное пространство гроба.

Западный профиль раскопа (рис. 18) позволяет прояснить стратиграфическую ситуацию впуска погребений 1 и 2 в грунт: линия западной

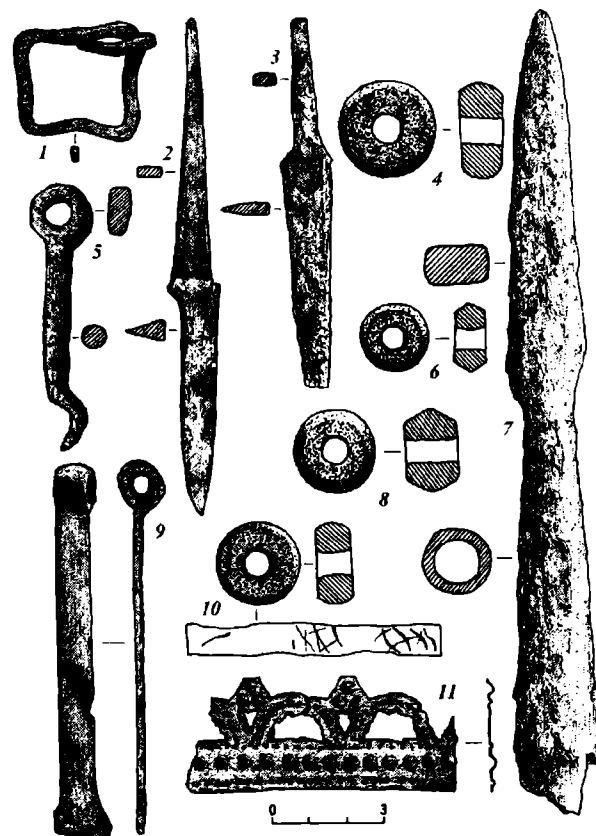

Рис. 21. Суздаль, 2004—2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. Индивидуальные находки домонгольского горизонта.

1 — пряжка; 2, 3 — ножи; 4, 6, 8 — пряслица; 5 — половина грызла удила; 7 — нераскованный наконечник копья; 9 — ключ; 10 — пряслице с резами; 11 — пластина фигурная (1–3, 5, 7, 9 — железо; 11 — медь; 4, 6, 8, 10 — шифер)

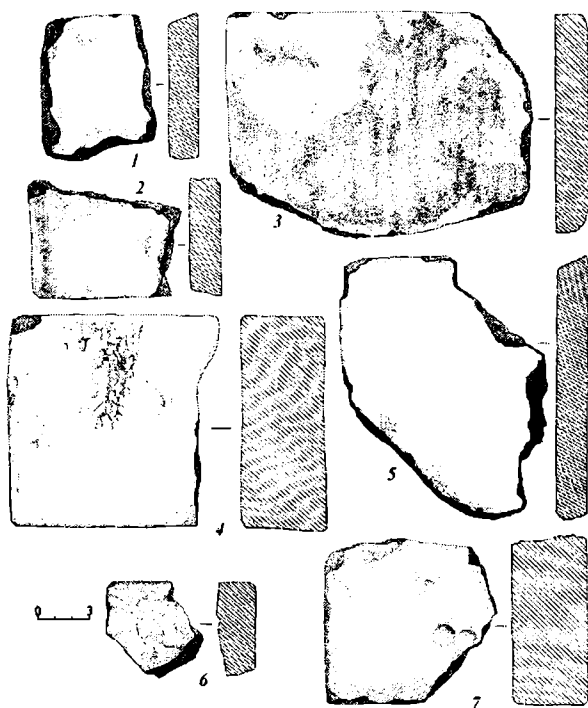

Рис. 22. Суздаль, 2004—2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. Индивидуальные находки домонгольского горизонта.

1, 2, 3, 5 — плитка половая поливная; 4, 6, 7 — плинфа (1 — глина, синяя полива; 2 — глина, зеленая полива; 3 — глина, светлая полива; 5 — глина, желтая полива; 4, 6, 7 — глина)

границы раскопа прорезала края еще 2 захоронений, основные контуры которых лежали за пределами раскопа; угловая северо-западная могильная яма, впущенная в грунт первого горизонта и не достигшая погребенной почвы, берет свое начало почти в середине слоя второго горизонта. Если считать Погребения 1 и 2 синхронными или близкими по датировке к указанным могилам в профиле, можно предположительно отнести время их захоронения к XV—XVI вв. Керамический материал в нижней части заполнения Погребения 2 и обломок половой плитки XII в. под черепом захороненного происходят из сильно переотложенного древнерусского горизонта.

Сооружение с печью 1 и ямами 1–3, 4, 6 (рис. 17, 24). Было зафиксировано на фоне грунта первого горизонта и погребенной почвы в виде частично ушедшего в южный профиль раскопа подтрапециевидного в плане пятна размерами 3,6 × 1,7 м, вытянутого по линии северо-запад — юго-восток, заполненного смесью грунта второго горизонта с суглинком, обожженной глиной и угольками. На уровне материка оконтурилась печь 1 с прилегающими ямами и гра-

ницы крупных подовальных в плане столбовых ям 1, 3, 4, 6 (двойной), а также подпрямоугольной ямы 2. Печь 1 (рис. 24) представляла собой остатки нижней части овальной в плане купольной(?) глинобитной печи, диаметрами 1,5 × 1,6 м, оборудованной в неглубокой материковой яме линзовидного сечения, дно которой — под печи толщиной до 5 см состоял из глины; толщина насквозь обожженных глинобитных стенков печи не превышала 8–10 см. Устье печи, у которого располагалась небольшая столбовая ямка в поде, было направлено к юго-востоку, перед ним находилась подпрямоугольная предпечная яма со столбиком. С северо-западной стороны напротив устья печи в небольшой ямке был оборудован сквозной продух в подовой части. С северной стороны у задка печи, у восточной и западной стенок переда печи находились 3 столбовые ямы. С южной стороны к печи примыкало обширное углубление в материке, уходившее в южный профиль раскопа. Столбовые ямы 1–3, 4, 6 описывали в плане вокруг печи контуры сооружения — слабо углубленной в материк столбовой постройки с производственной(?) печью. В заполнении печи были найдены 4 фрагмента красноглиняной грубой, 1 — красноглиняной лощеной, 8 — сероглиняной поздней, 2 — красноглиняной лощеной и 1 — белоглиняной керамики, что дает возможность отнести печь и постройку к XV—XVI (?) вв.

Канавка 1 (рис. 17, 19) была выявлена на уровне материка; пересекала раскоп по линии северо-запад — юго-восток на протяжении около 10,5 м, ширина ее составляла 0,35–0,6 м. Судя по расположению объединенных общим контуром прилегавших к канавке ям, и особенно — по столбовой яме посреди трассы дна, бревенчатая ограда состояла из горизонтально уложенных бревен, часть которых упиралась торцами в несущие столбы, а остальные поддерживались столбами, вкопанными по бокам канавки. В заполнении канавки и прилегающих ям находки отсутствовали, однако в квадратах пролегания ее трассы в смешанном керамическом материале вышележащих двух пластов присутствовали фрагменты чернолощеной посуды с полосчатым лощением, характерным для XVIII в. Вероятно, эту датировку можно распространить и на описанную ограду.

Отдельно стоявшие ямы 9–14 (рис. 17) были выкопаны под столбы, материала они не дали, и датировать их не представляется возможным.

Горизонт XX в. Мощность его достигала 0,4–0,7 м, был представлен дерном, слоями переот-

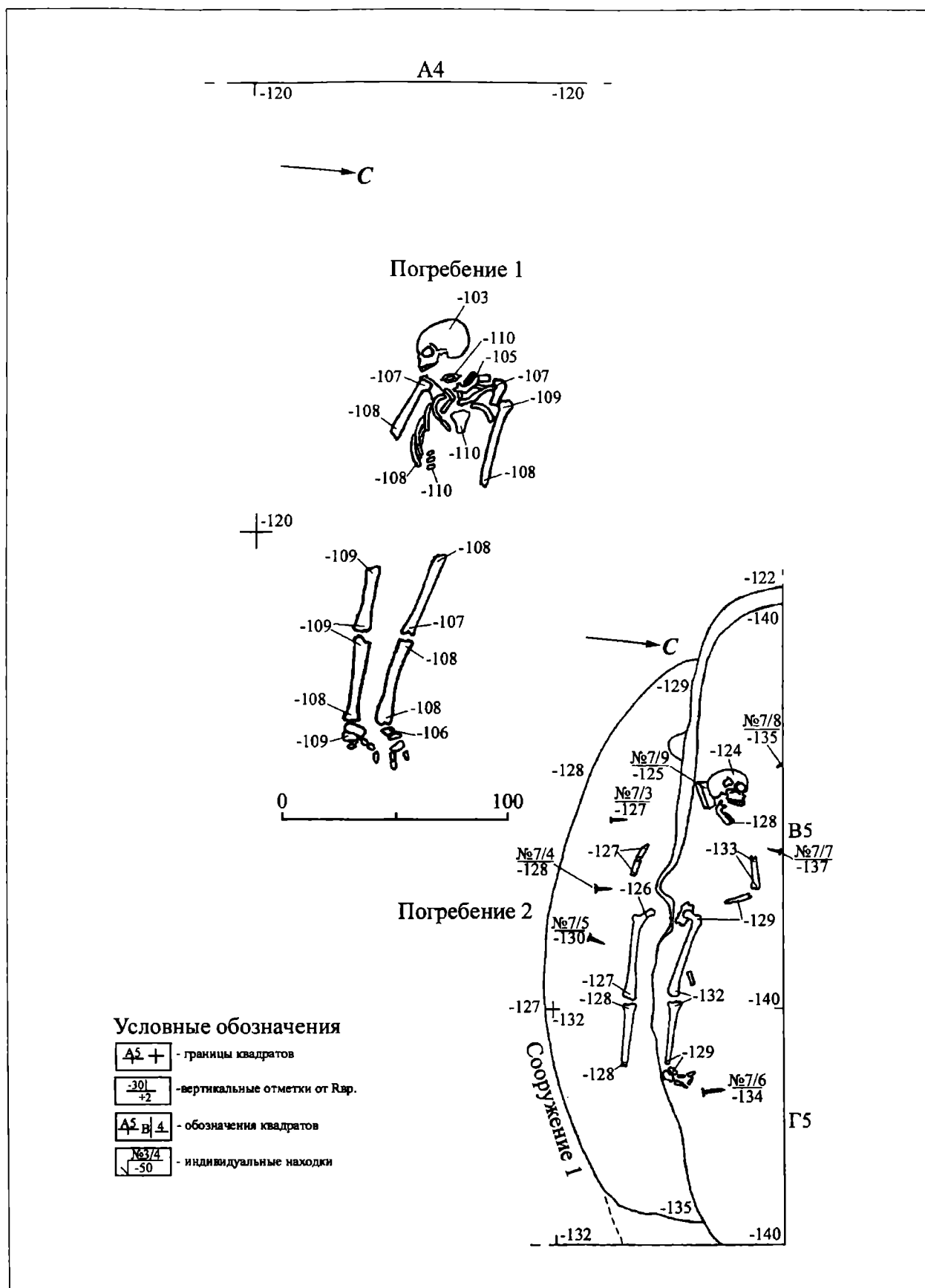

Рис. 23. Суздаль, 2004—2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. План погребения 1 на уровне расчистки (нижняя отметка — 120 см от Рзр.). План погребения 2 на уровне расчистки (нижняя отметка — 140 см от Рзр.)

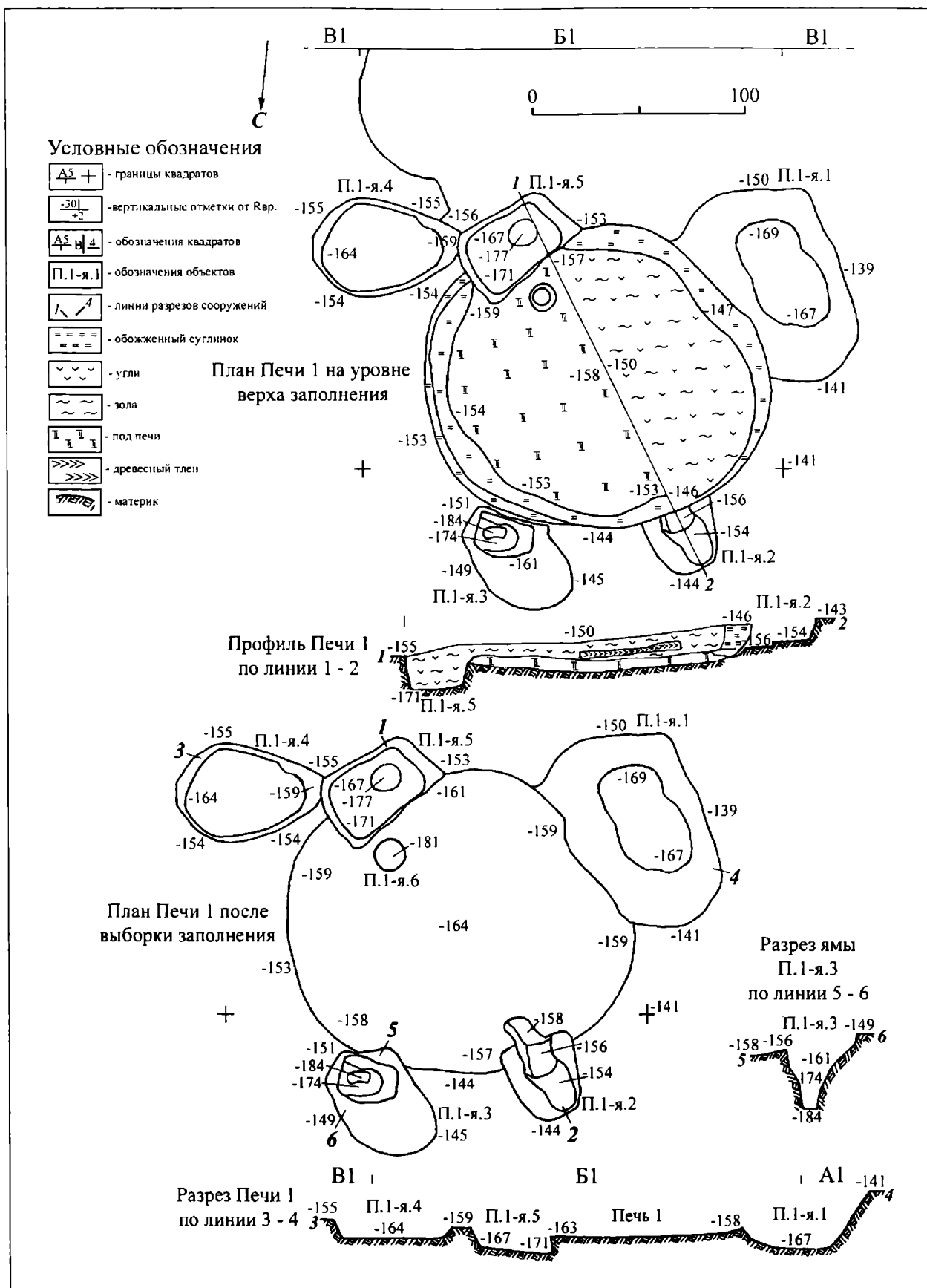

Рис. 24. Суздаль, 2004–2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1.
План печи 1 на уровне верха заполнения; профиль печи 1 по линии 1–2; план печи 1 после выборки заполнения;
разрез печи 1 по линии 3–4; разрез ямы П.1-я.3 по линии 5.

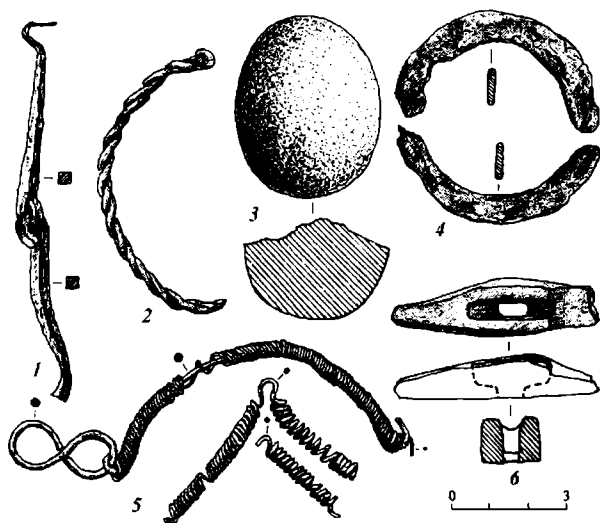

Рис. 25. Суздаль, 2004–2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. Индивидуальные находки горизонта XIV–XVII вв.

1 — фрагмент цепи; 2 — половина браслета;
3 — яйцо-писанка; 4 — застёжка (?); 5 — фрагменты украшения; 6 — недокованное перекрестье кинжала (1, 2, 4, 6 — железо; 3 — глина; 5 — медь)

ложения гумусированного грунта и подсыпками из строительного мусора, состоящего из извести, камня, суглинка и обломков обычного и фигурного кирпича XVII–XVIII вв., происходящего из руин какой-то постройки. Данный участок в советское время неоднократно подвергался завозу грунта и последующей его планировке. К этому горизонту относятся также 2 подквадратные ямы со столбами (видимо — от прежней ограды Музея) и экскаваторная траншея под кабель связи, пересекавшая участок по диагонали и прорезавшая всю толщу культурного слоя.

В раскопе на ул. Пушкарской были обнаружены 93 индивидуальные находки из цветных и черных металлов, камня, глины, в основном бытового характера, а также 3469 фрагментов глиняной посуды (табл. 2), немногочисленные обломки поздней фаянсовой и стеклянной посуды, поздних изразцов, кованые гвозди, неопределенные железные предметы, мелкие фрагменты железного шлака и остеологический материал.

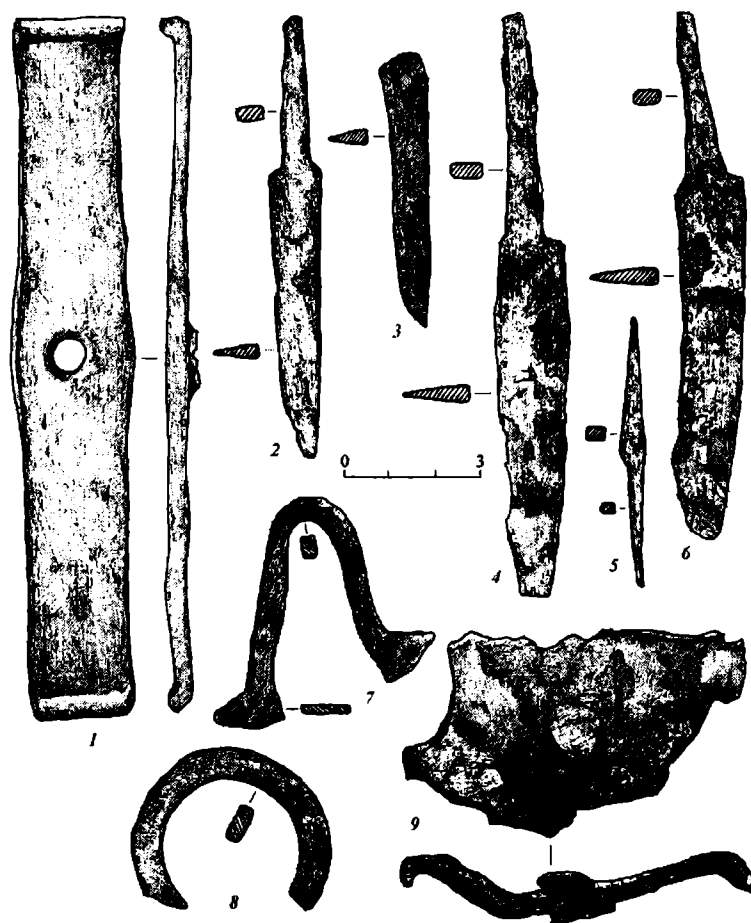

Рис. 26. Суздаль, 2004–2005, ул. Пушкарская, Музей деревянного зодчества. Раскоп 1. Индивидуальные находки горизонта XIV–XVII вв.

1, 9 — пластины; 2–4, 6 — ножи; 5 — шило; 7 — ушко ведерное; 8 — застёжка (?) (1–9 — железо)

Таблица 2. Керамика из раскопа на ул. Пушкарской

Типы керамики	Дата	Кол-во (фр.)	%
Лепная		12	0,3
Сероглиняная (домонгольская)	XI—XIII вв.	370	10,7
Красноглиняная грубая	XIV—XV вв.	878	25,4
Сероглиняная (поздняя)	XIV—XV вв.	154	4,4
Красноглиняная лощеная	XIV—XVI вв.	70	2
Красноглиняная гладкая ранняя	1-я п. XV в.	477	13,8
Чернолощенная и мореная	2-я п. XV — XVIII в.	1156	33,3
Красноглиняная гладкая	к. XV — XVII в.	159	4,6
Белоглиняная	XVI—XX вв.	168	4,8
Белоглиняная поливная	XVI—XX вв.	7	0,2
Красноглиняная поливная	XVI—XX вв.	18	0,5
Всего		3469	100

В коллекции находок раскопа не представлены обычные для Суздаля домонгольские и более поздние бусы, стеклянные браслеты, костяные и роговые изделия, что свидетельствует о периферийности данного участка для «обжитой» территории, и одновременно является косвенным доказательством его принадлежности к традиционно монастырской зоне. Древнерусское вре-

мя на участке раскопа оставило одно углубленное сооружение и массу битой половой храмовой плитки, аналоги которой не встречены в известных науке постройках Суздаля. Как и на большей части территорий города, древнерусский горизонт содержал в себе следы мощного пожара, возможно — времен монгольского штурма 1238 г. О продолжении жизнедеятельности на исследованном участке в XIV—XV вв. можно судить только по керамическому материалу слоя. К XV—XVI вв., вероятно, относятся два погребения взрослых людей, захороненных по христианскому обряду (одно захоронение — в гробу) и переотложенные человеческие кости; эти погребения, видимо, принадлежали погосту располагавшегося неподалеку храма. Столбовая постройка с глинобитной печью, возможно, предшествовала началу захоронения людей на этой территории. К этому же времени можно отнести масштабное выравнивание поверхности, иллюстрируемое профилями раскопа. Не позднее XVIII в. исследованный участок пересекла бревенчатая ограда. Отложения XIX — первой половины XX в. здесь, видимо, были снесены при благоустройстве территории Музея деревянного зодчества в советское время.

В заключение можно отметить, что раскопки впервые дали материал, свидетельствующий о близости к исследованному участку какого-то разрушенного храма из комплекса Дмитриевского монастыря, известного по летописному сообщению 1096 г. (Седова, 1997. С. 11, 12).

Литература

- Александровский В.А., 1947. Поливные половые плитки из раскопок детинца во Владимире // МИА. № 11.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX—XIII вв. // САИ Е1-36. М.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Е1-36. Л.
- Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.
- Коваль В.Ю., 1999. Статистическая обработка средневековой керамики средневековой Москвы // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.
- Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65. Т. II. М.
- Колчин Б.А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2.
- Малеев Ю.Н., Сегеда С.П., 1988. Методические указания по изучению антропологических материалов при археологических исследованиях для студентов исторического факультета. Киев.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. САИ. Вып. Е1-36. М.
- Медынцева А.А., 1997. Эпиграфика, писала (стили) и церы // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. // САИ Е1-39. М.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.,
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X — XV веках. М.
- Седова М.В., 1997а. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
- Щапова Ю.Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. Т. I. М.
- Эндоватова А.В., Зеленцова О.В., 2005. Исследование участка кладбища XVI — XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // АП. Вып. 2. М.

Фигурки настольных игр из Ростиславля Рязанского

Неотъемлемой частью человеческой культуры вот уже на протяжении многих веков являются настольные игры. Наибольшее распространение среди подобных забав в Древней Руси получили игры на досках, т. е. «тавляях» («велеях»), такие как шахматы и шашки, а с XVI—XVII вв. «тавляями» стали называть пришедшую на Русь с Востока игру в кости (Линдер. 1975. С. 142). Популярность этих развлечений была настолько велика, что сведения о них содержатся в былинах о Ставре Годиновиче, Михайло Потыке, Илье Муромце, а в народных песнях и сказаниях часто употребляется выражение «играть в шашки-шахматы». Описываемые в былинах и песнях сражения за доской отличаются своим накалом и азартом. Неслучайно во всех русских церковных произведениях шахматы фигурируют рядом с игрой в кости. Однако былины и сказания не позволяют нам извлечь сведения ни о путях распространения настольных игр на Руси, ни о формах фигур.

Археологических находок средневековых игральных фигурок, фишек и т. д. становится с каждым годом все больше и больше. Зачастую подобного рода находки не привлекают должного внимания и фиксируются в отчетах как «предмет костяной (или деревянный) неизвестного назначения». И напротив, многие сомнительные находки, не поддающиеся четкому атрибутированию, пытаются вписать в рамки игральных фигурок (фишек). В данной статье вводятся в научный оборот последние находки фигурок настольных игр, сделанные в результате археологических исследований Ростиславля Рязанского, осуществляется попытка их интерпретации.

С 2002 по 2006 г. на территории городища Ростиславль в ходе археологических раскопок был обнаружен ряд фигурок настольных игр (рис. 1): игральная шашка (рис. 5, 1), 4 шахматные

фигуры (рис. 3, 1, 4) и ряд предметов из рыбьих позвонков (рис. 5, 2), предположительно интерпретированные как игральные фишки¹ (Коваль, 2002. С. 28). Хотя на сегодняшний день шахматные фигурки не являются такой уж редкостью (рис. 2), каждая подобная находка вызывает интерес, так как собранный материал пока не дает оснований для окончательных выводов о времени появления этой игры на Руси и уж тем более о конкретных путях ее распространения (Рыбина, 1991. С. 90). На данный момент в коллекцию шахматных фигур Ростиславля Рязанского входят: 1 «король» и 1 «ферзь» (рис. 3, 1), 1 «слон» и 1 «ладья» (?) (пешка?) (рис. 4, 1, 2). Все ростиславльские шахматные фигуры относятся к абстрактным фигурам арабского типа и выполнены из кости (или рога).

Ферзь. Шахматная фигура в виде усеченного конуса, выточенная из рога на токарном станке и украшенная двумя поясами концентрических линий. На верхней плоскости — небольшое углубление. Эта фигура имеет сходство с рядом шахматных фигур арабского типа (по Е.А. Рыбиной), причем как с новгородскими деревянными «королями» и «ферзями» (XIV в.) (рис. 3, 3), так и с новгородской костяной пешкой (Рыбина, 1991. Рис. 4, 9, 10, 36), а также с костяной фигурой из Смоленска (2-я пол. XIII в.) (рис. 3, 2). Для нашей фигуры возможны обе интерпретации: в пользу первой говорит тот факт, что отверстие на вершине фигуры могло применяться для вставки отличительного знака (навершия), характерного для ряда шахматных ферзей; в пользу второй — небольшие размеры самой фигуры (высота около 2,2 см), так по И. М. Линдеру высота пешек от 1,2 до 2,6 см, а «ферзей» — 3–4 см (Линдер, 1975. С. 77–81).

Король. Шахматная фигура в виде усеченного конуса с выступом (навершием) на верхней плоскости, (высотой около 2,5 см), также как и первая, выточена из рога на токарном станке и

¹ Благодарю В.Ю. Ковалю за предоставленный для исследования неопубликованный материал.

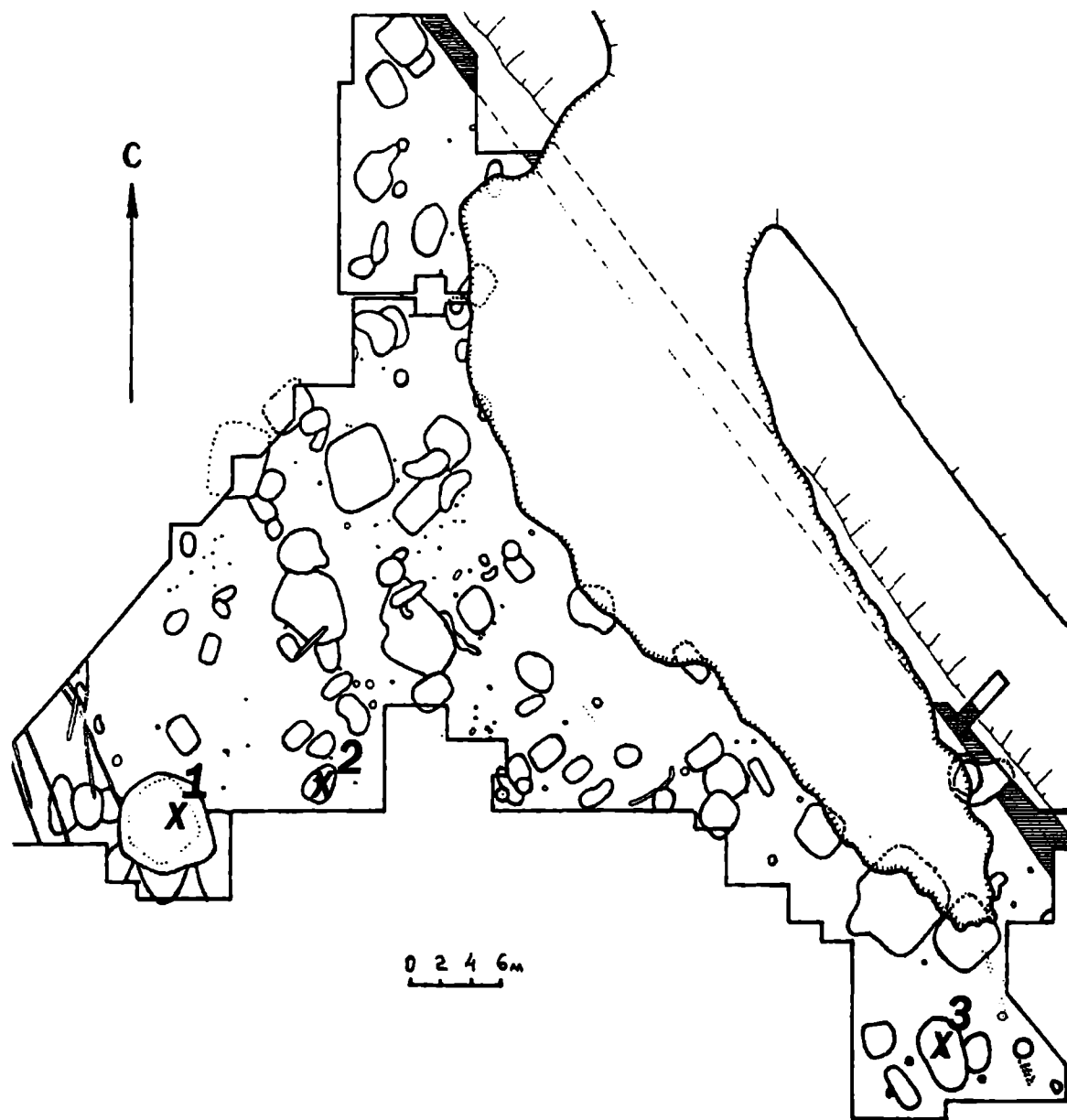

Рис. 1. План находок фигурок настольных игр на Ростиславльском городище.

1 — шашка игральная; предмет из позвонка сома (игральная фишка?). Раскоп 1. Уч. Н, я. 350; 2 — шахматные фигуры (король, ферзь); игральные фишки (?) из рыбьих позвонков. Раскоп 1. Уч. Л, я. 324; 3 — шахматная фигура (слон). Раскоп — 1. Уч. О, я. 377

украшена тремя поясами концентрических линий. Эта фигура имеет почти полную аналогию среди деревянных «королей» из Новгорода (Рыбина, 1991. Рис. 4, 9).

Вероятно, ростиславльские «король» и «ферзь» являются фигурами из одного шахматного набора. Они были найдены в одном и том же комплексе (рис. 1), имели сходные формы и орнамент. Это позволяет нам интерпретировать фигуры именно как «короля» и «ферзя», поскольку «арабские абстрактные фигуры короля и ферзя были одинаковой формы, отличить их друг от друга можно только в полном комплекте шах-

матных фигур или в частичном, но сохранившем фигуры и короля и ферзя» (Рыбина, 1991. С. 93). Кроме того, обе фигуры имеют определенное сходство с «королем» и «ферзем» из почти полного (без трех пешек) сandomирского шахматного набора, продатированного началом XII в. (Gassowska, 1964. S. 167; Линдер, 1975. С. 80. Рис. 1, 2). У «короля» из Сandomира (Польша) имеется небольшое навершие, а у «ферзя» — небольшое углубление. Сandomирские «король» и «ферзь» имеют высоту около 2,5 см, что сопоставимо с ростиславльскими фигурами. Любопытно, что главные фигуры двух «лагерей» сан-

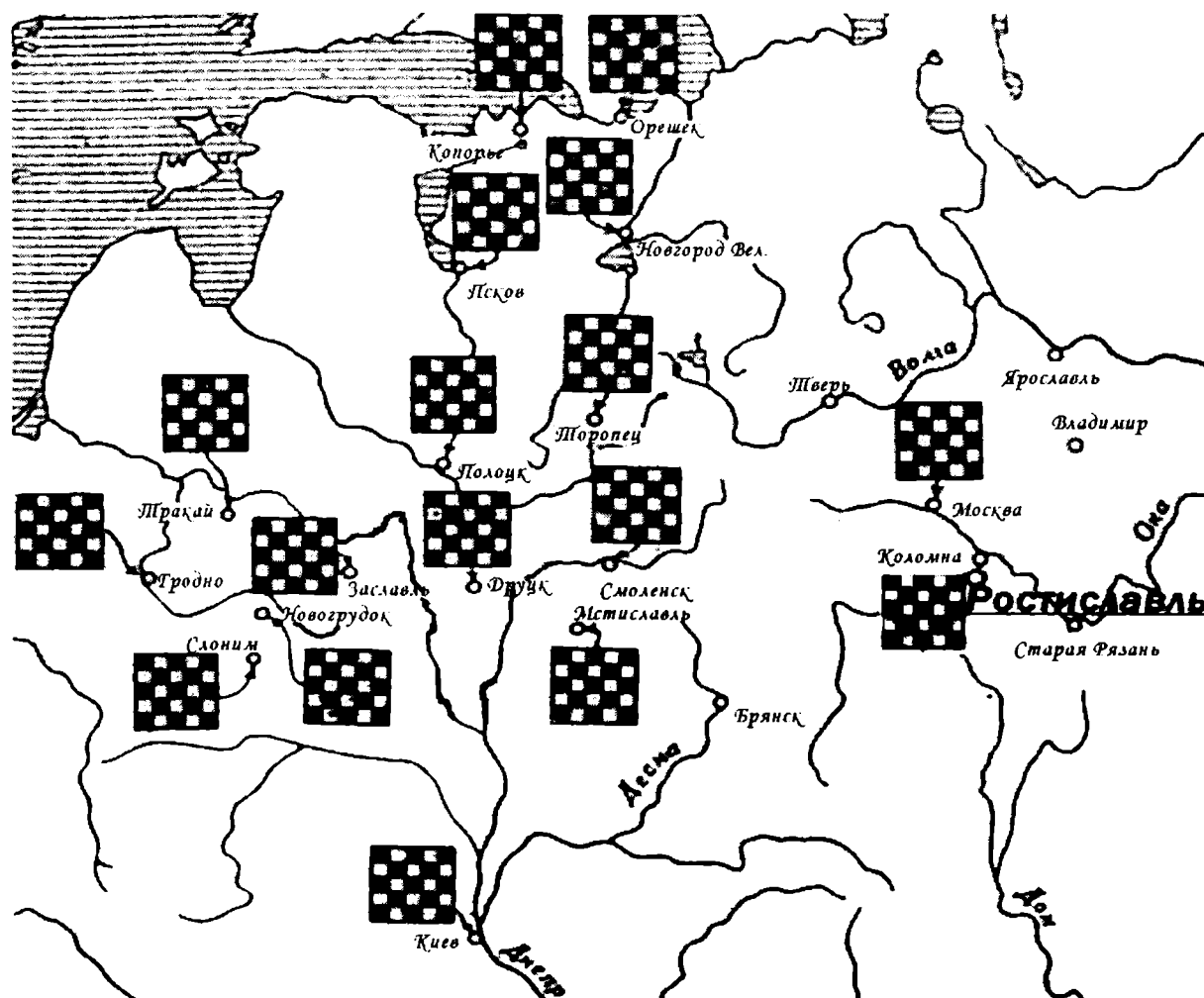

Рис. 2. Карта археологических находок шахматных фигур XIII—XV вв.

домирских шахмат различались между собой лишь орнаментом. Это может относиться и к ростиславльским фигурам, т. к. они орнаментированы различным количеством поясов концентрических линий. Однако если сандомирские шахматы имеют символическую (абстрактную) форму, более близкую к восточной традиции, то форма «короля» и «ферзя» с Ростиславля является характерной для «королей» и «ферзей» XIV—XV вв. и знаменует зарождение местного русского варианта абстрактных фигур. Керамика, входившая в состав комплекса (Коваль, 2002. С. 30), позволяет дать более точную датировку — вторая половина XIV в. Особенностью ростиславльских шахмат являются процарапанные перекрещивающиеся линии на нижней плоскости фигур. На «ферзе» они напоминают букву «Е», а на «короле» — перекрещенный ромб (рис. 3, 1). Возможно, к нижней поверхности фигур (как и в некоторых современных шахматных наборах) крепился какой-либо материал с

целью не повредить игральную доску, а процарапанные полоски являются технологическим элементом, улучшавшим склеивание материалов.

Слон. Шахматная фигура, выточенная из оленьего рога, в форме небольшого конуса (высота около 3 см) с закругленным верхом, который переходит в частично сохранившийся выступ сбоку (рис. 4, 1). Скол, повредивший верхнюю часть фигуры, затрудняет ее определение, так как подобные формы были присущи и «слонам», и «коням», различие между которыми и заключалось в оформлении верхней части (выступа): у «коней» — выступ один (олицетворяет конскую голову) и в большинстве случаев возвышается над верхней поверхностью фигуры; у «слонов» выступов два (имитируют бивни слона), хотя есть экземпляры и с одним выступом, но обязательно раздвоенным (Рыбина, 1991. Рис. 4, 16, 17). Несмотря на плохую сохранность, фигура «слона» из Ростиславля имеет сходство с

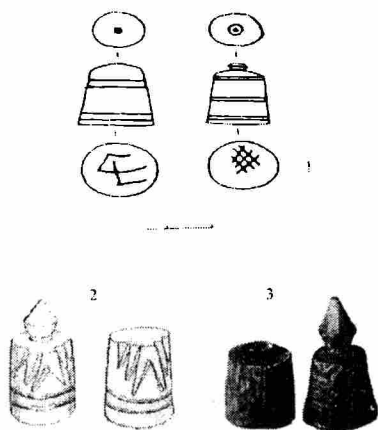

Рис. 3. Шахматные фигуры. Король и ферзь.

1 — король и ферзь из Ростиславля Рязанского (кость) — конец XIV в.; 2 — король и ферзь из Смоленска (кость) — вторая пол. XIII в.; 3 — король и ферзь из Новгорода Великого (дерево) — XIV в.

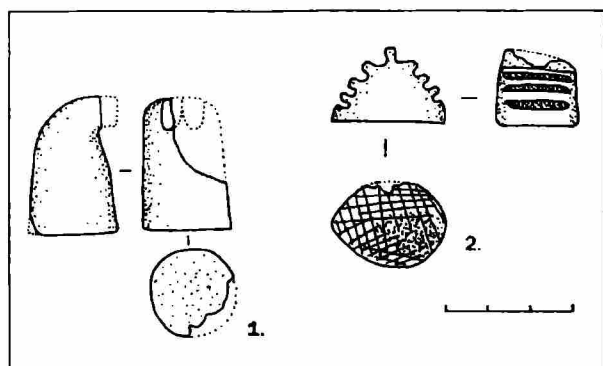

Рис. 4. Шахматные фигуры из Ростиславля Рязанского.

1 — слон (?) (кость); 2 — ладья (?) (кость)

абстрактными новгородскими шахматными слонами арабского типа, выполненными как из кости, так и из дерева (Линдер, 1975. Рис. 1. С. 113; Рыбина, 1991. Рис. 4, 13, 16). Шахматные фигуры подобной формы датируются XIV—XV вв. (Рыбина, 1991. С. 93).

Ладья (пешка?). Предмет, выточенный из рога, который можно также определить как шахматную фигуру (рис. 4, 2), имеет цилиндрическую форму с овальным основанием и верхом, оформленным в виде зубчатых уступов, верхний из которых поврежден небольшим сколом. По всей нижней плоскости фигуры небрежно процарапаны пересекающиеся линии (подобно присутствовавшим на выше упомянутых «ферзе» и «короле»). Среди опубликованных шахматных фигур прямых аналогий этому предмету нет. Однако следует учитывать, что в стилизованных и упрощенных вариантах средневековых русских шахмат наблюдается отход от восточной традиции, вносятся новые, само-

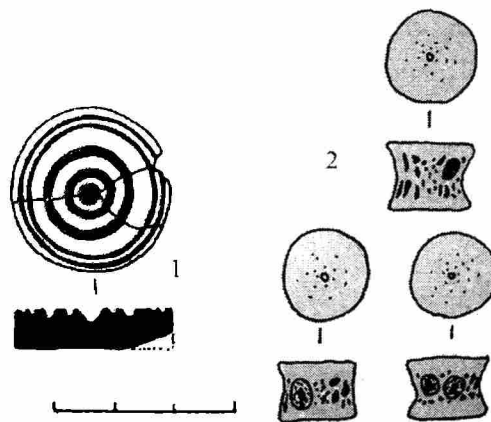

Рис. 5. Фигурки настольных игр из Ростиславля Рязанского.

1 — шашка игральная (лосиный рог);
2 — фишки (?) игральные (рыбьи позвонки)

бытные черты (Линдер, 1975. С. 111, 115. Рис. 2.). Это замечание может касаться и данной шахматной фигуры, что позволяет интерпретировать ее как «ладью», так как, кроме фигур с прямоугольным основанием, характерным для «ладей» арабского типа, встречаются фигуры, основанием которых служат призма или цилиндр, а боковые выступы имеют различные стилизованные формы. Кроме того, эта фигура имеет определенное сходство с двумя костяными фигурами, найденными на территории Беларуси и интерпретированными как пешки (Мядзведзева, 2004. Рис. 6, 11, 13). Датировка ростиславльской фигуры возможна в пределах XIV—XV вв. (по дате комплекса, в котором она найдена).

Помимо шахматных фигур, на Ростиславле была найдена сделанная на токарном станке игральная шашка из лосиного рога (Коваль, 2003. С. 30). Верхняя грань шашки украшена характерным циркульным орнаментом (рис. 5, 1). Подобные фигуры были распространены на Руси с XII по XIV в. (Рабинович, 1964. С. 303. Рис. 129, б; «Древняя Русь...», 1997. Табл. 79, 9–14).

Любопытными находками являются предметы из хорошо обработанных рыбьих (сом) позвонков, у которых естественное отверстие в центре расширено (рассверлено или прорезано), а реберные выступы срезаны и тщательно зачищены (рис. 5, 2) (Коваль, 2003. С. 29. Прил. 4. Илл. 167). Важно, что все найденные обработанные рыбьи позвонки относятся к комплексам золотоордынской эпохи и более позднего времени (XIV—XVI вв.). Форма этих изделий позволяет предположить, что они могли использоваться как фигуры в шашечной игре, поскольку некоторые из шашек также имели

сквозное отверстие в центре («Древняя Русь», 1997. Табл. 79, 12–13). Еще одним вариантом интерпретации этих находок может являться их использование для замены во время азартной игры денежных ставок символическими — обработанными рыбьими позвонками, удобными в хранении и весьма распространенными из-за близости реки. Пока предложенные варианты выступают лишь на уровне догадок. Для более

точного определения назначения данных предметов требуется дальнейшее их изучение, поиск аналогичных вещей на других археологических объектах, связанных не только со средневековыми русскими поселениями.

Таким образом, бытование на Ростиславле Рязанском местных вариантов фигур настольных игр свидетельствует о высоком уровне развития городской игровой культуры.

Литература

Древняя Русь: быт и культура, 1997. М.

Коваль В.Ю., 2002. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль в Озерском районе Московской области в 2002 г. // Архив ИА РАН.

Коваль В.Ю., 2003. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и археологических разведках в Озерском районе Московской области в 2003 г. // Архив ИА РАН

Линдер И.М., 1975. Шахматы на Руси. М.

Мядзведзева В., 2004. Шахматы на тэрыторыі Беларусі XI—XVII ст. // ГАЗ. № 19. Мінск.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI—XVI вв. М.

Рыбина Е. А., 1991. Из истории шахматных фигур // СА. № 4.

Gassowska. E., 1964. Wczesno redniowieczne szachy z Sandomierza // Archeologia Polski. T. IX. Wrocław — Warszawa — Kraków.

Средневековое селище Дмитровское-2 (некоторые результаты исследований 2005 года)

Селище Дмитровское-2 расположено на левом берегу р. Истра в 1 км к северу от с. Дмитровское Красногорского района Московской области (рис. 1). Памятник был открыт в 1968 г. краеведом Е.Н. Мачульским (*Мачульский*, 1968; АКР, 1994. С. 92). В 1997 г. селище осматривалось С.З. Черновым, обнаружившим здесь, помимо круговой средневековой, лепную керамику дьяковской культуры раннего железного века. Средневековые напластования селища Дмитровское-2 С.З. Чернов связывал с известным по раздельной грамоте Ивана III (1504 г.) селом Бекетово («Карта-схема...», 1997).

Поселение занимает участок первой надпойменной террасы, высотой от 6 до 12 м над урезом воды. По данным разведочных работ (*Гак*, 2003), протяженность селища с ЮВ на СЗ составляет около 200 м, при ширине до 100–120 м.

Большая часть площади поселения подвергалась многолетней глубокой распашке до уровня материкового основания. Поверхность поселения задернована слабо.

В результате разведочных работ и площадного сбора подъемного материала были окартены границы поселения. С учетом этих результатов проводились магниторазведочные работы (руководитель М.Я. Кац). Раскоп 1 имел площадью 1008 кв. м (рис. 2) был включен в сетку сбора подъемного материала и в сеть магниторазведочных работ. Следует отметить значительный перепад высот между восточным и западным бортами раскопа — более 3 м.

Почвенный слой на селище Дмитровское-2 имел мощность до 0,45 м и состоял из гумусированной однородной супеси серого (серо-бурого) цвета. Таким образом, культурный слой поселения практически полностью уничтожен распашкой вплоть до материкового основания, которое было неоднородным и состояло из пятен супеси и суглинка с включениями большого количества камня (моренные отложения). Цвет материка различный: желтый, коричневый, красный, зеленый. В переотложенном слое посе-

ления также присутствовал в большом количестве камень.

Остатки построек и других сооружений выявлялись только при проведении зачистки по матерiku. Их контуры выделялись по пятнам темного цвета с включениями угля, обожженной глины, камней, керамики. В слое поселения содержалось незначительное количество керамики и вещевых находок. Основной объем материала получен из объектов, углубленных в материк. Всего на раскопе найдено около 650 фрагментов венчиков средневековых сосудов (преимущественно горшков), из них около 40 % — в слое, остальные — в постройках и ямах.

На площади раскопа выявлены две постройки (№ 1 и № 2) и ряд ям (рис. 2). Строительные комплексы зафиксированы на всей площади раскопа, наибольшая их концентрация отмечена в восточной его части на более ровном и возвышенном участке надпойменной террасы. В западной части раскопа ямы немногочисленны (№№ 5, 6, 7).

Наиболее интересными комплексами являются постройки 1 и 2, локализованные по результатам магниторазведки. Постройка 1 интерпретируется нами как погреб срубной наземной постройки, постройка 2 — как хозяйственная, в которой хранилось зерно. Котлован постройки 1, ориентированный углами по сторонам света, имел квадратную форму, размерами 5,32×5,12 м (рис. 3). Глубина котлована в материке 1,77 м. В заполнении котлована залегали прослойки супеси-суглинка, супеси разных оттенков с включениями угля, органических остатков, кусков печины и большого количества камней. Концентрация обожженной глины от печи фиксировалась во втором и третьем пластах в восточном углу постройки. Положение кусков печины позволяет предполагать, что печь, видимо, находилась над погребом в жилом этаже. Судя по заполнению котлована, «рабочая» площадь погреба была меньше площади котлована. Послойное изучение заполнения показало, что в центральной части котлована, по всей вероятно-

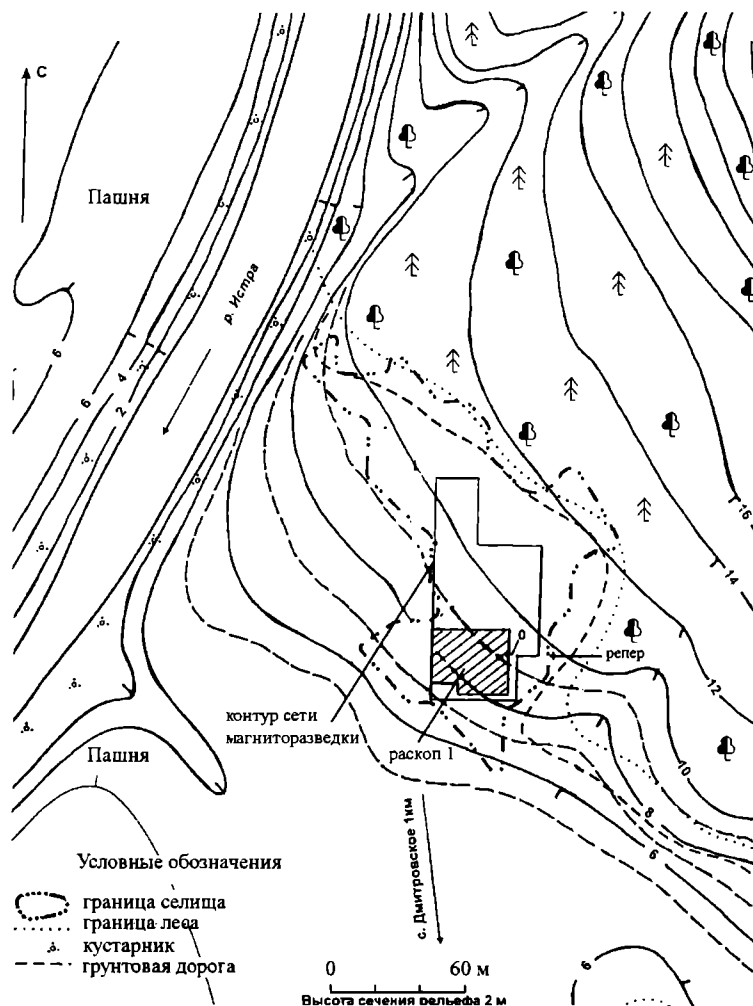

Рис. 1. Селище Дмитровское-2. Топографический план

сти, была прямоугольная деревянная конструкция, размерами 2,36 × 2,00 м. Заполнение этой конструкции отличалось более темным цветом и включало уголь. Пространство между стенками котлована и деревянной конструкцией заполнено супесью-суглинком желто-коричневого цвета, практически не отличимой от материала. Возможно, это засыпка пазуха котлована. В ней встречались фрагменты керамики и отдельные вещи.

Размеры наземной части постройки 1, видимо, примерно соответствовали размерам котлована погребя.

Постройка 2 располагалась примерно в 2 м южнее постройки 1. Сохранился углубленный в материк котлован (рис. 4), который имел подпрямоугольную форму и размеры $4,36 \times 3,08$ м. Глубина котлована в материке — 0,9 м. С северо-востока к котловану примыкала менее углубленная часть (своего рода, приступка). Заполнение котлована состояло из слоев супеси и супеси-суглинка различных оттенков цвета с включе-

ниями угля, обожженной глины, обожженного дерева. На дне котлована выявлены три деревянные плахи, видимо, от перекрытия. Под плахами фиксировался слой обожженной глины, углей, гумусированной супеси толщиной 0,1–0,2 м. На плахах, под ними и вокруг них найдено большое количество обгоревших зерен ячменя (определение Н.А. Кирьяновой).

Рядом с постройкой 2 выявлен комплекс хозяйственных ям различной формы и размеров (№№ 3, 4, 10, 11, 12, 13).

В северной части раскопа открыто несколько хозяйственных и столбовых ям. Среди них своеобразной формой и размерами выделяется яма 9 (ее длина 4,4 м, глубина до 1,1 м), являвшаяся полностью сгнившим на уровне современной дневной поверхности окопом периода Великой Отечественной войны.

На площади раскопа 1 не выявлены перекрывающие друг друга ямы и сооружения. Не исключено, что все они принадлежали к одному строительному горизонту.

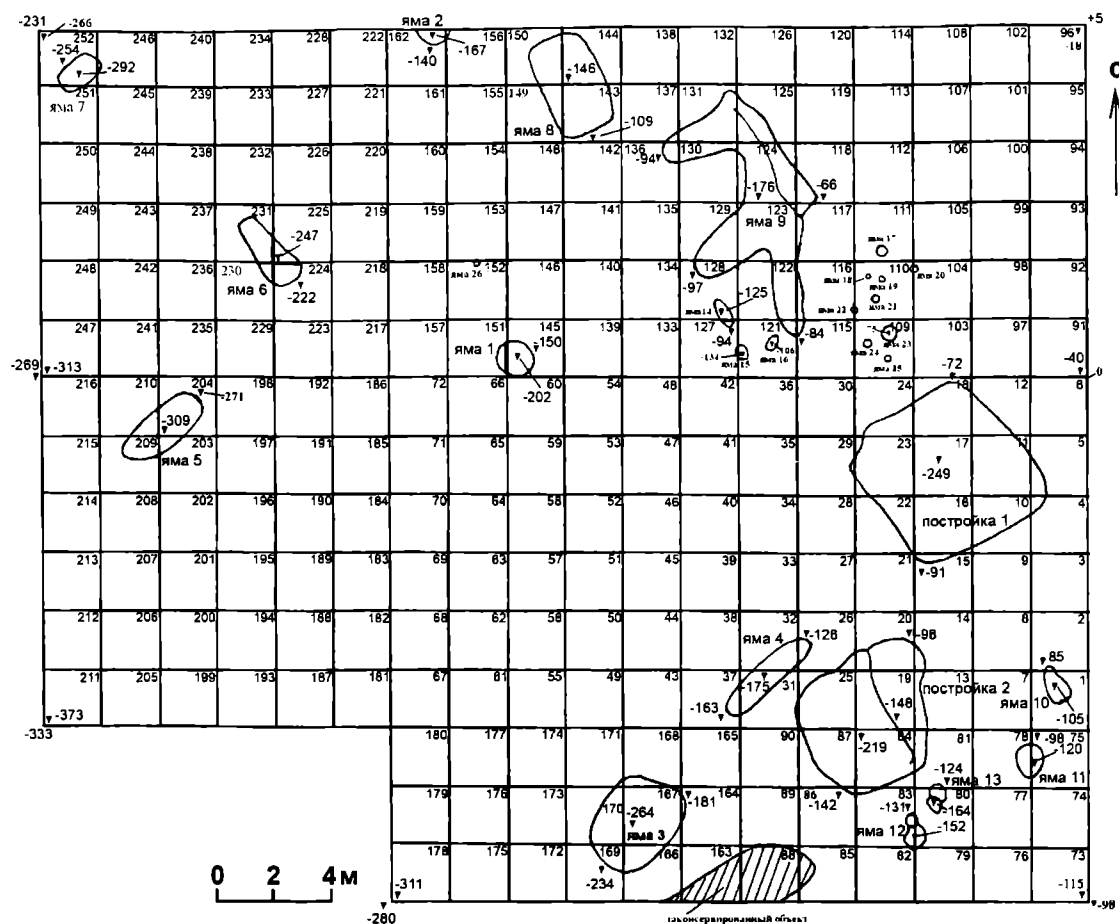

Рис. 2. Селище Дмитровское-2. План раскопа 1.

Индивидуальные находки (71 экз.), происходящие из переотложенного слоя, построек и ям, представлены изделиями из железа: фрагмент плужного ножа (?) (рис. 5, 1), наконечник остроги (рис. 5, 5), ножи (рис. 5, 2–4), гвозди, дужка навесного замка (рис. 5, 6), ключи (рис. 5, 7, 8), кресала (рис. 5, 10, 11), заостренный стержень с петлей (рис. 5, 9), а также глины (пряслице, грузило), камня (оселки), кости — рукоять ножа с циркульным орнаментом (рис. 5, 12).

Наиболее репрезентативным является керамический комплекс из постройки 1. Он включает фрагменты венчиков примерно от 226 горшков. Они были изготовлены, за редким исключением, из красножгутистых глин и имеют коричневый цвет поверхности. Посуда сохранила на себе нагар. Обжиг в основном неполный окислительный. Выделяются горшки с примесью дресвы и песка и горшки только с примесью песка.

Венчики горшков имеют несколько основных форм. Самую многочисленную группу (около 62 %) составляют изогнутые и отогнутые наружу венчики, черновой край (по терминологии В.Ю. Коваля) которых завернут внутрь сосуда и

оформлен в виде валика с подтреугольным сечением (рис. 6, 1; рис. 7, 1, 2, 4, 5). В этой группе есть венчики близкие вертикальной постановке (рис. 6, 2, 3). Примерно 55 % горшков в этой группе изготовлены из формовочных масс с примесью песка, остальные — с примесью дресвы и песка. Горшки орнаментированы прямыми прочерченными линиями, толщина которых от составляет 0,5–1,5 мм. В одном случае встречены насечки в сочетании с горизонтальными линиями (рис. 7, 1), еще в одном — волнистая линия в сочетании с горизонтальными (рис. 7, 2). Рассмотренная форма венчиков встречается в заполнении постройки 1 во всех слоях, в том числе нижних.

Данную группу керамики можно в целом сопоставить с ранними разновидностями московской красноглиняной керамики XIV–XV вв. (Бойцов, 1991. Рис. 1, 6, в). Некоторые фрагменты венчиков с вертикальной постановкой находят аналогии среди московской красноглиняной гладкой керамики, распространяющейся с середины XV в. (Бойцов, 1991. Рис. 1, г). Встречаются горшки с рассмотренной формой венчика и за пределами Москвы. Например, такие горшки

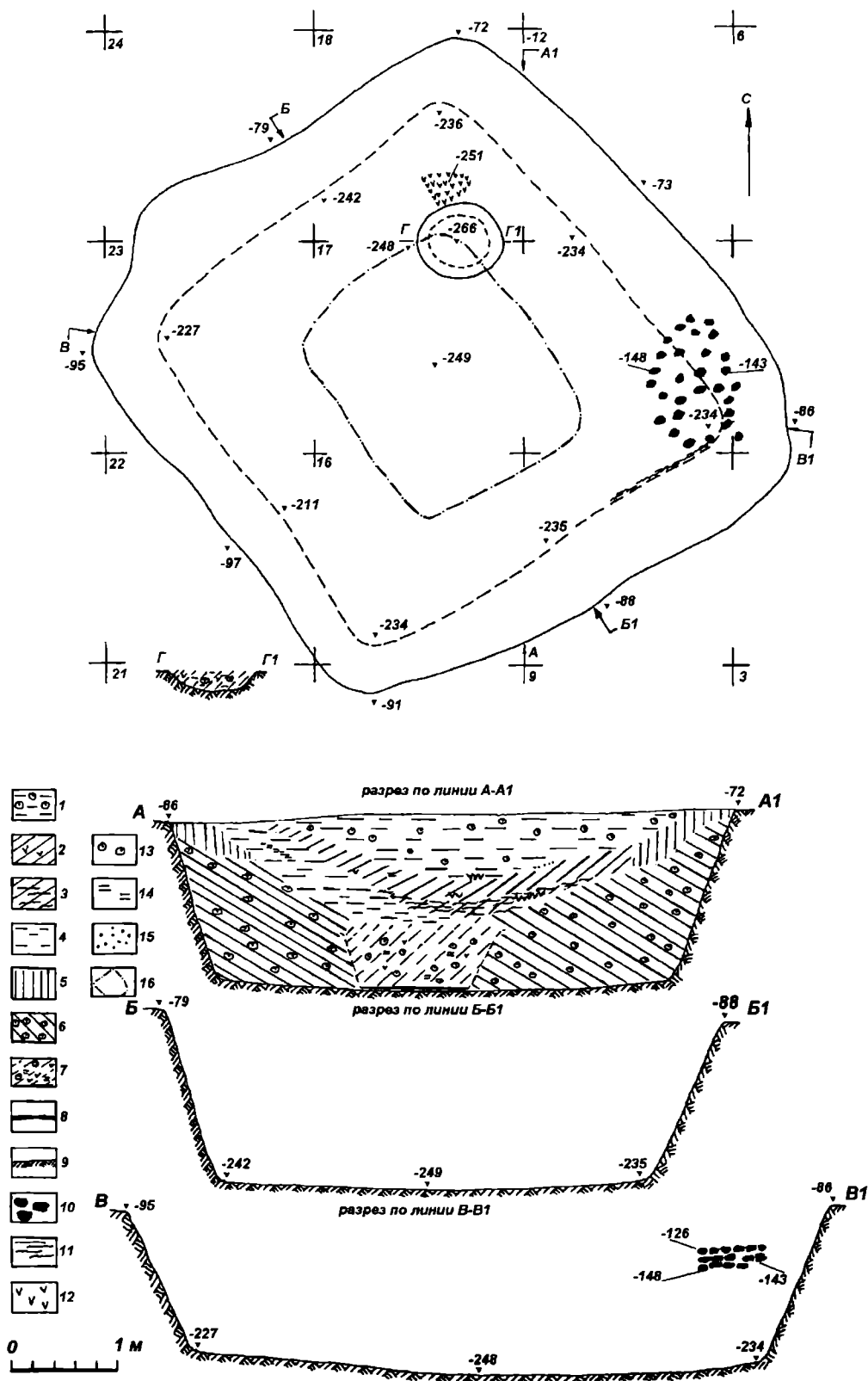

Рис. 3. Селище Дмитровское -2. Постройка 1. План и разрезы.

1 — супесь-суглинок бурого цвета с камнями; 2 — гумусированная супесь темно-серого цвета с углем; 3 — коричневый слой с остатками органики; 4 — супесь-суглинок бурого цвета; 5 — супесь-суглинок желтого цвета; 6 — супесь-суглинок желто-коричневого цвета с камнями; 7 — супесь серого цвета с включениями камней, угля, кусочков обожженной глины; 8 — прослойка гумусированной супеси темно-серого (черного) цвета; 9 — материковое основание; 10 — куски печины (обожженной глины); 11 — остатки органики (древесный тлен); 12 — уголь; 13 — камни; 14 — обожженная глина; 15 — песок; 16 — контур деревянной конструкции

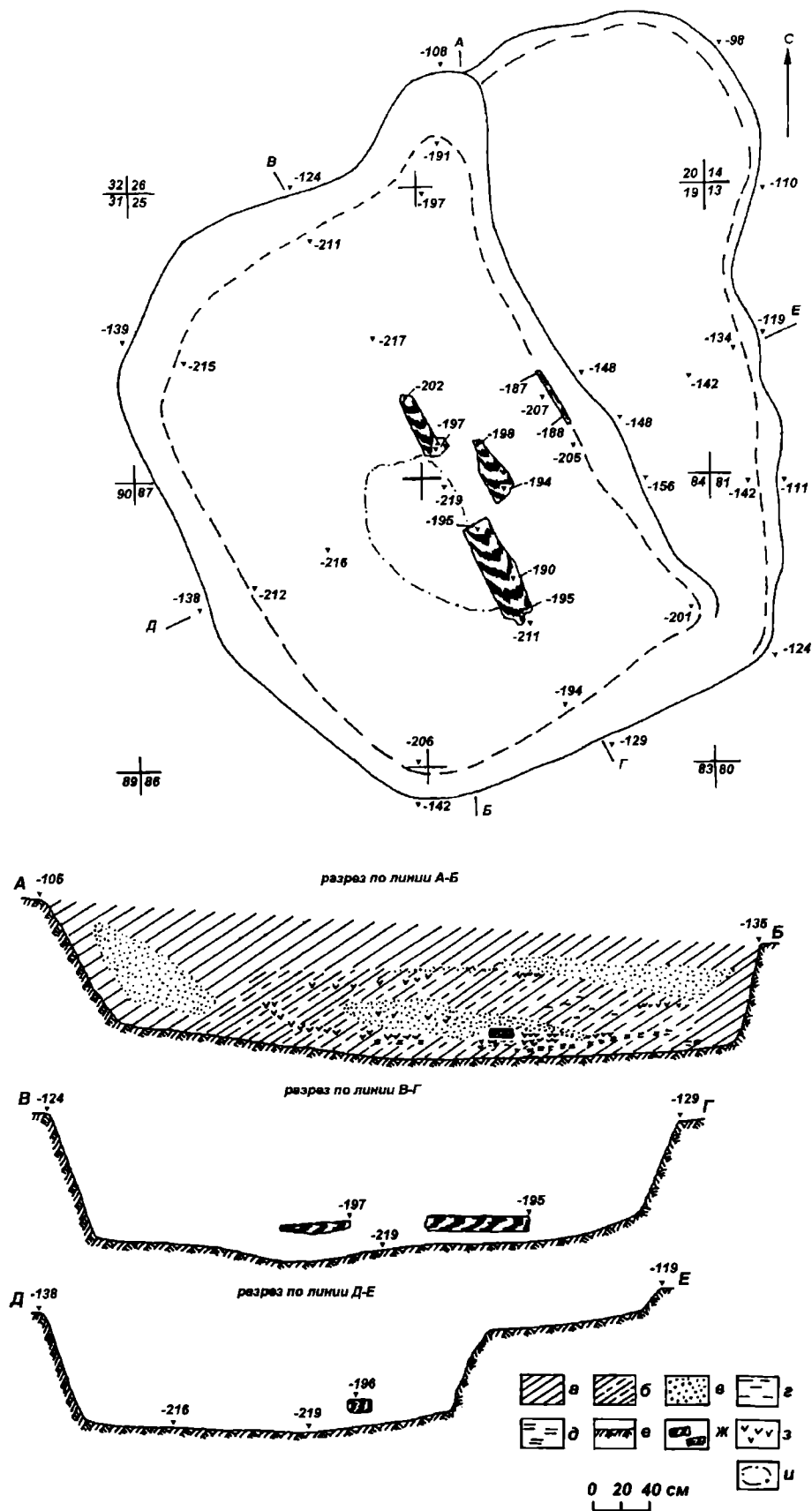

Рис. 4. Селище Дмитровское-2. Постройка 2. План и разрезы.

а — серая супесь с камнем; б — темно-серая супесь; в — желтая супесь; г — суглинок; д — обожженная глина; е — материковое основание; ж — обгоревшее дерево; з — уголь; и — граница участка прокаленной материковой супеси

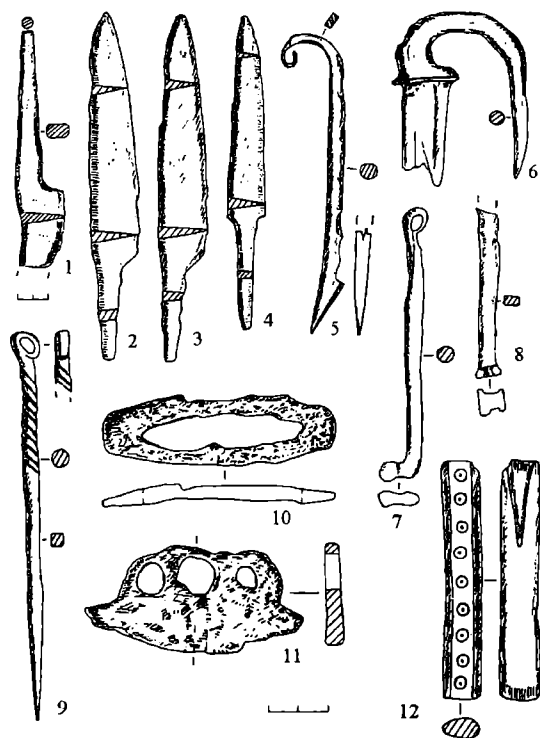

Рис. 5. Вещевые находки

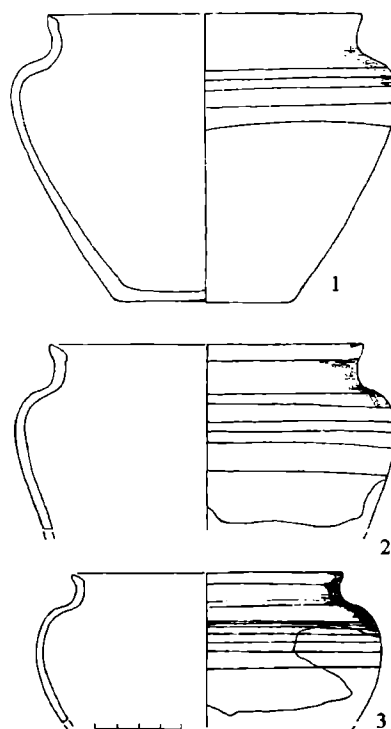

Рис. 6. Селище Дмитровское-2. Керамика из постройки 1

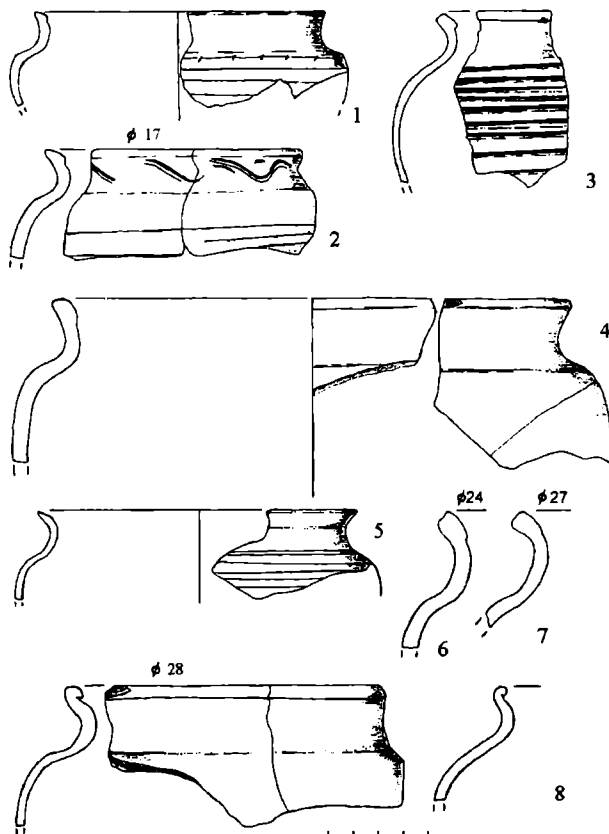

Рис. 7. Селище Дмитровское-2. Керамика из постройки 1

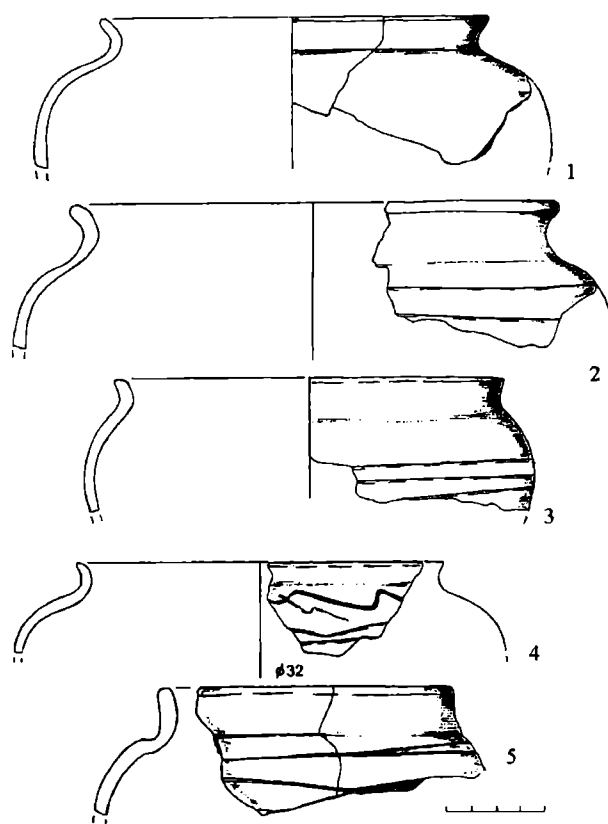

Рис. 8. Селище Дмитровское-2. Керамика из постройки 1

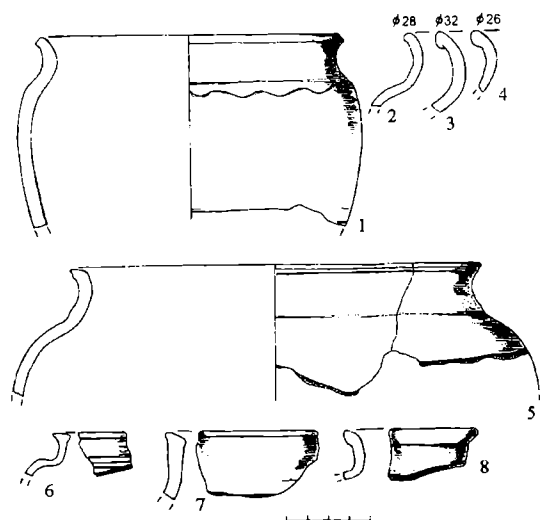

Рис. 9. Селище Дмитровское-2. Керамика из постройки 1

были широко представлены в керамическом комплексе средневекового поселения Настасьино (Коваль, 2004. С. 23. Рис. 50, 2–4, 6, 7, 13, 14 и др.) и на селище Аносина-2 в среднем течении р. Истры (Коваль, Хижняков, 2005. С. 181, 182. Рис. 18, 7, 8, 13, 17–20). Еще одно возможное направление для сопоставления — керамический комплекс поселения Жуковка-2 в Одинцовском районе Московской области (Ковалевский, Гоняный, Цыбин, 2005), в котором фрагменты венчиков рассмотренной формы составляют более половины полученной серии.

В керамической серии из постройки 1 около 19% составляют изогнутые и отогнутые наружу венчики без следов заворота чернового края. Чистовой край может быть скругленным (рис. 8, 1, 2, 4, 5), заостренным (рис. 8, 3) или срезанным (рис. 9, 1). В этой группе 23% горшков изготовлены из формовочной массы с примесью песка и более 70% — с примесью дресвы и песка. Нет необходимости называть аналогии этой форме венчика, широко распространенной в XIV–XV вв. В частности можно указать на керамическую серию упоминавшегося поселения Жуковка-2.

Около 7% составляют изогнутые в наружную сторону венчики, черновой край которых также завернут наружу, а чистовой имеет овальное сечение (рис. 9, 2–4). В этой серии все сосуды изготовлены из формовочной массы с примесью дресвы и песка. По мнению исследователей, такого вида венчики характерны для «серой» керамики, встречаемой в Москве в комплексах XIII–XIV вв. (Чернов, 1991а. Табл. 55, 1928, 2021, 2022 и др.) и на поселениях Подмосковья (Коваль, 2004. С. 24. Рис. 49, 1, 4–10). Отмечу, что на поселении Жуковка-2 фрагменты таких венчиков

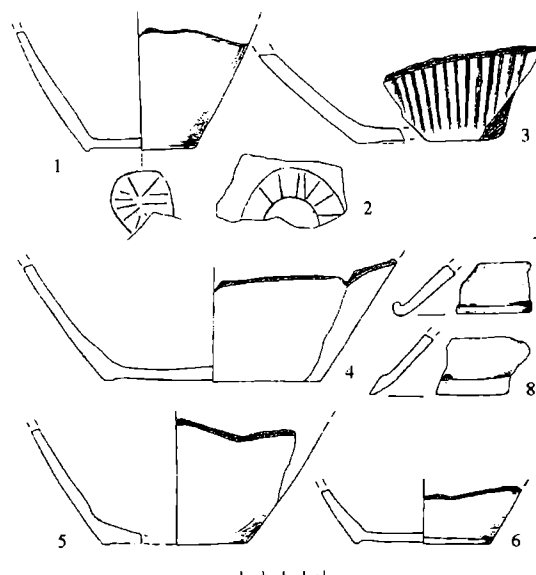

Рис. 10. Селище Дмитровское-2. Керамика из постройки 1

встречены в нижней части заполнения постройки 2 (раскоп 1) вместе с фрагментами красноглиняного лощеного сосуда. В рассматриваемой серии из постройки 1 есть фрагменты, имеющие коричневый цвет поверхностей. Кроме того, эта форма венчика встречается как в верхней, так и в нижней части заполнения котлована постройки.

Венчики других форм в рассматриваемой серии единичны (рис. 7, 3, 6–9; рис. 9, 6, 7). Следу-

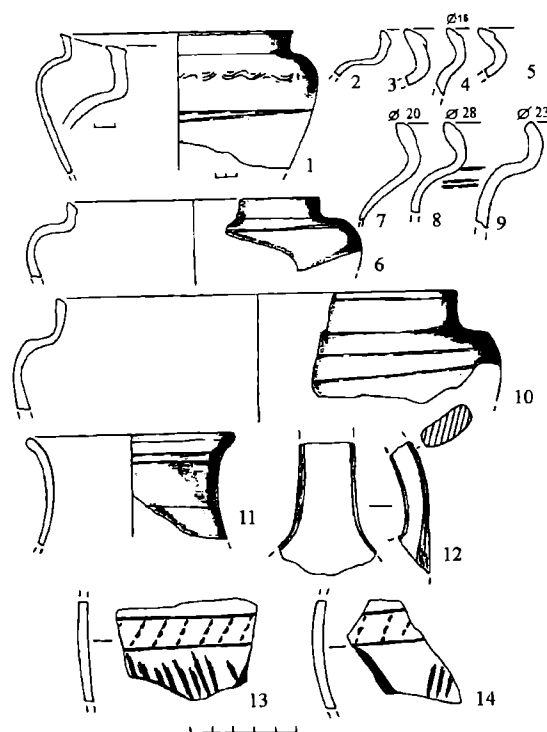

Рис. 11. Селище Дмитровское-2. Керамика из постройки 2

ет обратить внимание на единственный фрагмент венчика белоглиняного горшка (рис. 9, 8), найденный в верхней части заполнения котлована. Венчик вертикальной постановки, его черновой край завернут наружу, а в формовочной массе — редкие включения дресвы и песка.

Диаметры венчиков горшков от 11 до 32 см, в основной массе — до 20–22 см. В постройке 1 встречено 90 фрагментов днищ горшков. На них есть подсыпка песка и дресвы. Песчаная подсыпка фиксируется на 13 фрагментах, подсыпка дресвы — на 11, подсыпка дресвы и песка — на 34 фрагментах. Остальные фрагменты слишком малы для однозначного суждения о характере подсыпки. По краю днищ на 36 фрагментах фиксируется бортик (в ряде случаев сглаженный) (рис. 10, 1, 4–6). Диаметры днищ от 6,5 до 15 см. Лишь на двух днищах встречены клейма (рис. 10, 1, 2).

Тремя экземплярами представлены фрагменты крышек (рис. 10, 7, 8). В рассмотренной серии есть фрагмент сковороды (или плошки) и фрагмент миски.

Для датировки комплекса важна находка в четвертом пласте заполнения котлована постройки 1 фрагмента днища красноглиняного сосуда, лощенного вертикальными полосами (кувшина или корчаги) (рис. 10, 3). Сосуд изготовлен из формовочной массы с примесью песка с очень редкими включениями дресвы (возможно, случайного характера). Как известно, широкое распространение красноглиняная лощеная керамика получила в Москве и ее окрестностях с начала XV в. (Чернов, 1991б. Рис. 2; Бойцов, 1991. С. 38).

В постройке 2 найдены фрагменты венчиков примерно от 34 горшков (рис. 11, 1–10). Половину составляют изогнутые и отогнутые наружу венчики, черновой край которых завернут внутрь сосуда в форме валика подтреугольного

сечения. Показателен встреченный в четвертом пласте заполнения котлована фрагмент венчика вертикальной постановки, черновой край которого завернут внутрь (рис. 11, 6). Этот сосуд имеет желто-коричневый цвет, изготовлен из формовочной массы с примесью песка. Он аналогичен московской красноглиняной гладкой керамике, получившей распространение с середины XV в. (Чернов, 1991б. Рис. 2; Бойцов, 1991. Табл. 93–98). У дна котлована найден фрагмент ручки белоглиняного сосуда (с примесью мелкого песка в формовочной массе) (рис. 11, 12). Четыре днища от белоглиняных сосудов (два из которых сохранились полностью) происходят из третьего и четвертого пластов. В формовочной массе одного из них визуальным фиксируемых примесей нет, в формовочной массе другого — примесь мелкого песка и редкой дресвы. Примечательно, что плоскость днищ ближе к краю имеет следы приглаживания (срезания?). В верхней части заполнения котлована встречены три фрагмента красноглиняных лощеных сосудов, два из которых орнаментированы зубчатым штампом между двумя прочерченными линиями (рис. 11, 13, 14). У дна котлована найден фрагмент горла кувшина с лощением. Цвет внешней поверхности серый со стальным оттенком. Лощение неширокой полосой заходит на внутреннюю поверхность сосуда. В формовочной массе прослеживается мелкий песок, в изломе сосуд серого цвета (рис. 11, 11). Сочетание разновидностей посуды в постройке 2 характерно для конца XV в. (Чернов, 1991б. С. 50–51. Рис. 2).

Керамический комплекс селища Дмитровское-2, полученный в результате раскопок 2005 г., следует рассматривать в хронологических рамках XV в., хотя нельзя исключать выделения в дальнейшем материалов как более раннего, так и более позднего периодов.

Литература

- АКР. Московская область. М., 1994. Ч. 1.
- Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М.
- Гак Е.И., 2003. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Государственным Историческим музеем в Московской и Тульской областях в 2003 г. // *Архив ИА РАН*.
- Карта-схема памятников археологии Красногорского района Московской области // Составитель С.З. Чернов. Архив Министерства культуры Московской области. Оп. 1. Инв. № 4648, № 13. 1997.
- Ковалевский В.Н., Гоняный М.И., Цыбин М.В., 2005. Исследование средневекового поселения Жуковка 2 в Подмосковье // *АО 2004 года*. М.
- Коваль В.Ю., 2004. Исследование керамического материала // *Средневековое поселение Настасьино*: Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.
- Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносина на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // *АП*. Вып. 2. М.
- Мачульский Е.Н., 1968. Отчет об обследовании археологических памятников Красногорского р-на Московской области в 1968 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 13434.
- Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII — середины XV вв. // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М.
- Чернов С.З. 1991б. К хронологии московской керамики конца XV—XVI вв. // *Московская керамика: новые данные по хронологии*. М.

Раскопки средневекового селища Лысцево

Селище Лысцево расположено недалеко от г. Коломны, на левом берегу р. Коломенки, в 7 км от ее устья (рис. 1). Поселение не попадает в черту современного села, отделяясь от его северо-западной окраины оврагом. Открыто оно было одним из авторов этой статьи в 2001 г., в ходе обследования зоны строительства авто-трассы в г. Озеры (Сыроватко, 2002). По материалам шурфовки поселение датировали XVII—XVIII вв., и, как показали результаты последующих раскопок, датировка эта оказалась неточной. Кроме того, в ходе предварительных изысканий нам не удалось обнаружить упоминания этого поселения в письменных источниках, хотя окружающие селище современные деревни известны, по крайней мере, с XIV столетия. Так, например, село Лысцево названо в духовной грамоте Дмитрия Ивановича в составе опричнины его жены Евдокии, позднее оно входило в опричнину Софьи Витовтовны, жены Василия I. Определенную известность в России Лысцево получило после основания в нем в 1818 г. крепостным крестьянином Кудиновым фабрики по производству фарфора, продававшегося, в том числе, и за рубежом. Сама фабрика просуществовала до 1880 г. (Денисов, 1995. С. 56–57).

В настоящее время селище представляет собой треугольную площадку, образованную береговым обрывом р. Коломенки, впадающего в нее ручья и корпусами нескольких предприятий. Насыпь моста, возведенного через р. Коломенку, заполнила собой овраг с восточной стороны памятника и задевает селище лишь самым краем, оставляя практически все пространство пригодным для стационарных раскопок. Культурный слой когда-то был распахан на всю глубину и оставался нетронутым только в ямах. Исследование памятника свелось к удалению пахотного слоя, фиксации ям и их разборке. Всего было исследовано 317 кв. м.

Поскольку вскрытая площадь для памятников такого типа была сравнительно небольшой,

судить о планировке памятника оснований недостаточно. Предположительно, она подчинялась береговой линии, но выявить детали вряд ли возможно (рис. 2). Однако остатки жилых построек в виде крупных ям содержали весьма любопытный материал, который к тому же можно сопоставить с синхронными комплексами из Коломны. Приведем описание этих, самых значимых, объектов. Всего было вскрыто пятнадцать ям, из которых пять имели принадлежность к постройкам: № 1 — подпечная, №№ 2, 10, 12 — подпольные, № 3 — припечная; шесть ям являлись столбовыми (№№ 7, 11, 13–16), а четыре — неясного назначения (№№ 4, 5/6, 8, 9).

Яма 1 (рис. 2; 3) в плане была овальной формы, с размерами 2,7 × 2,6 м. Северный борт был вертикальный, а южный — спускался уступами. Дно ямы неправильной формы: к юго-западу оно резко понижается. Слой заполнения характеризовался наличием большого количества углей, фрагментами горелого дерева и обожженной глины. В разрезе ямы хорошо читаются угольные прослойки и остатки четырех деревянных «жердей» (диаметры — 0,1 м, 0,14 м, 0,1 м и 0,1 м), ориентированных по оси северо-запад — юго-восток. Вероятно, жерди могли быть частью печного настила.

По контуру ямы на дне хорошо прослеживался уступ («плечики») шириной 0,08–0,12 м. В юго-восточной части было расчищено четыре камня, расположенных по углам и вдоль стен, а в северо-западной части в дно была врезана небольшая (0,86 × 1,26 м) округлая яма, заполненная мешанным светло-серым суглинком и материковой глиной.

В яме 1 сделаны следующие находки: серия пряслиц и заготовок для них, вырезанных из стенок красноглиняных сосудов (11 экз.), днище краснолощеного сосуда с клеймом (нечеткое изображение в круге), два фрагмента (ножки) от красноглиняной и белоглиняной зооморфных игрушек, железный нож (из прослойки угля) и керсало.

Хроноиндикаторы керамических комплексов XV в. селища Лысцево. Жирными рамками обведены наиболее важные показатели

Комплексы (фр-ты керам.)	Хроноиндикаторы (% от всей керамики, днищ и орнамент. фр-тов)																				
	Формовочная масса			тип (цвет) глины			типы венчиков								типы днищ				декор		Дата
	1, 1, 1, 2	2, 1	2, 2, 2, 7	полн. окисл.	неожел. глин	окисл. реж.	ожел. глин	окисл. реж.	1, 1, 1, 2, 1, 3	3, 3	4, 1, 4, 2, 14, 1, 24, 2	13, 1	21, 2	23, 1	18, 1, 28, 1	2, 3	4, 5	6, 7	линейн.	волнист.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20		
Я. 1 (984)	60	37	3	36	46	48	7,5	16,5	4,5	9	11	29	2,5	11	84	5	86	11	2-я тр.- сер. XV в.		
Я. 2 (117)	10	63	27	43	43	57	-	-	-	-	14	57	29	20	60	20	100	-	2-я -3-я четв. XV в.		
Я. 3 (142)	59	41	-	39	61	39	28	27,5	11	-	-	22	-	-	100	-	92,5	7,5	сер. - 3-я четв. XV в.		
Я. 4 (101)	63	37	-	46	41	59	-	50	17	-	-	17	-	12,5	87,5	-	85	15	2-я -3-я четв. XV в.		
Я. 9 (171)	84	16	-	62	72	28	31	46	7,5	-	-	-	7,5	-	100	-	95,5	2,5	2-я -3-я четв. XV в.		
Я. 10 (120)	23	68	9	35	29	71	12,5	-	-	12,5	12,5	25	12,5	-	100	-	52,5	37	2-я четв. XV в.		

Керамический материал из ямы (рис. 12; 13) представлен 984 фрагментами, 46 % из которых приходилось на белоглиняную посуду и 60 % — на керамику, изготовленную без искусственных отощителей. Наблюдалось конструктивное разнообразие венчиков. В декоре доминировал линейный орнамент (86 %). Интересны два фрагмента красноглиняного кувшина, покрытого белым ангобом и расписанного поверх него красными вертикальными полосами. Массовый материал позволяет датировать яму второй третью — серединой XV в., причем до 10 % от общего числа всех фрагментов приходится на керамику домонгольского периода.

Яма 2 (рис. 2; 4) представляла собой подпольную яму подовальной формы (2,22 × 1,22 м) с отвесными бортами и уплощенным дном, вытянутую по оси северо-восток — юго-запад. Заполнение ее состояло из темно-серого суглинка с включениями известняковой крошки, обожженной глины и битого кирпича. Вдоль юго-западного и северо-западного бортов ямы располагались уступы шириной 0,2–0,4 м и 0,1 м соответственно.

5 % керамики из ямы (общее количество — 117 фр-тов) было изготовлено из ожелезненных глин, а 63 % приходилось на посуду, содержащую в формовочной массе мелкий песок; на фрагментах отмечался только линейный орнамент. Основной материал комплекса (до 70 %) представлен развалами двух горшков — красноглиняного и белоглиняного, отнесенных к первой половине XIII в. Остальная часть керамики характерна для второй — третьей четверти XV в. (рис. 14; 15, 1, 2).

Кроме керамического материала, других находок не было, но в пахотном слое непосредственно над ямой найдены фрагменты костяной накладки с циркульным орнаментом. Стиль оформления этой накладки вполне согласуется с керамикой домонгольского времени.

Яма 3 (рис. 2; 5) имела округлую в плане форму, с размерами 2,26 × 2,1 м и глубиной 0,2 м. Стенки ямы были отвесными, а дно — уплощенное. Возможно, это припечная яма. Заполнение состояло из темно-серого суглинка с включениями угля и обожженной глины (в северо-восточной части ямы, 1,3 × 0,9 м), интерпретированного в качестве летней печи, вырезанной из материковой породы и вытянутой по оси северо-восток-восток — юго-запад-запад (рис. 5). В юго-западной части ямы фиксировалась впущенная в дно округлая ямка. В яме 3 найдены фрагмент кремневой ножевидной пластины, железное сверло и фрагмент жернова.

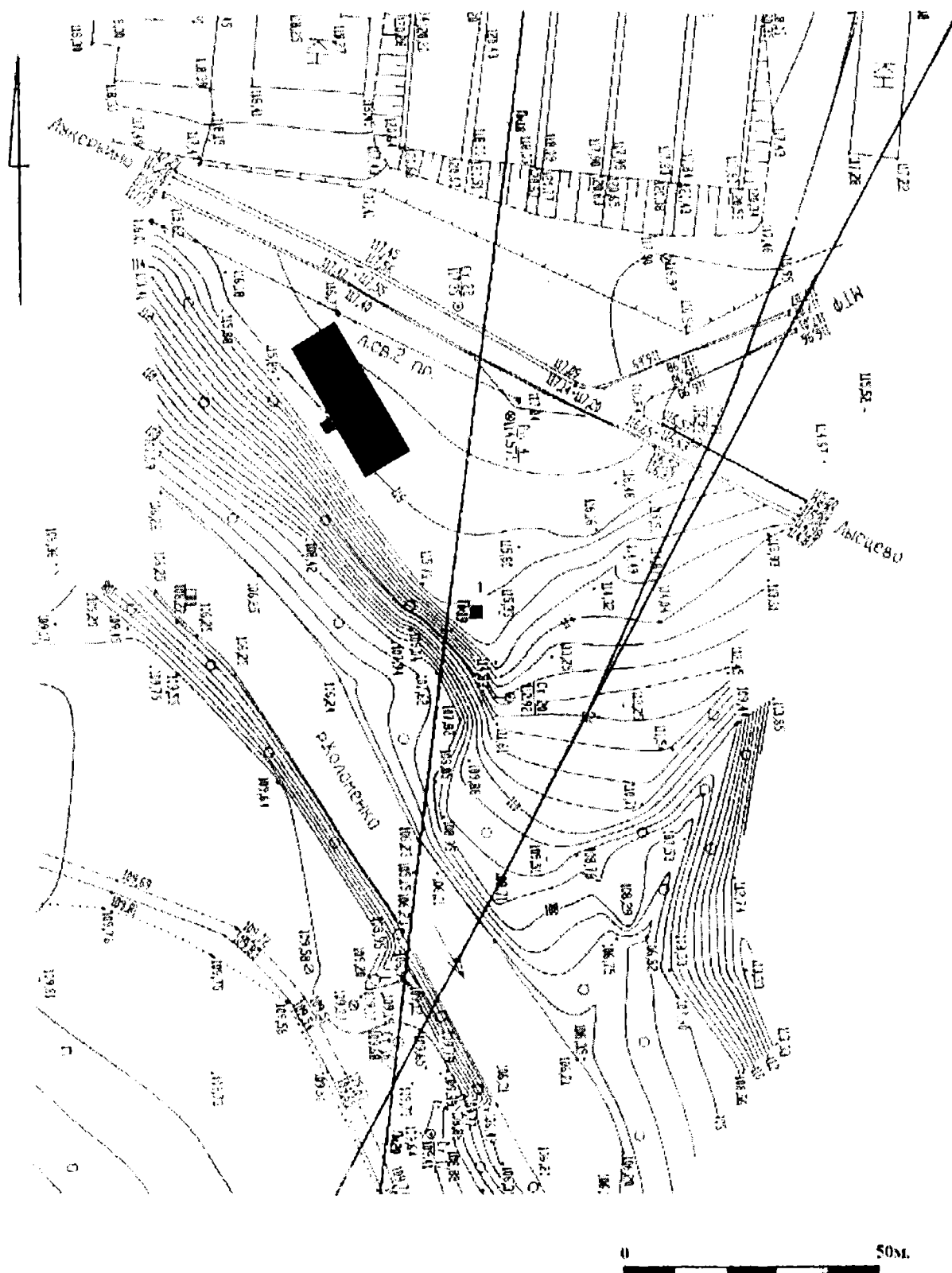

Рис. 1. Селище Лысцево. Ситуационный план

На долю белоглиняной посуды и керамики без примесей в тесте приходилось 61 и 59 % соответственно (всего 142 фр-та); преобладал линейный декор (93 %). Так же, как и в яме 1, был встречен фрагмент красноглиняного ангобиrowанного расписного сосуда. Массовый материал определил датировку объекта серединой — третьей четвертью XV в. (рис. 15, 3–5).

Яма 10 (рис. 2; 6) В плане она имела подовальную форму размером 2,24 × 1,7 м, и почти вер-

ва

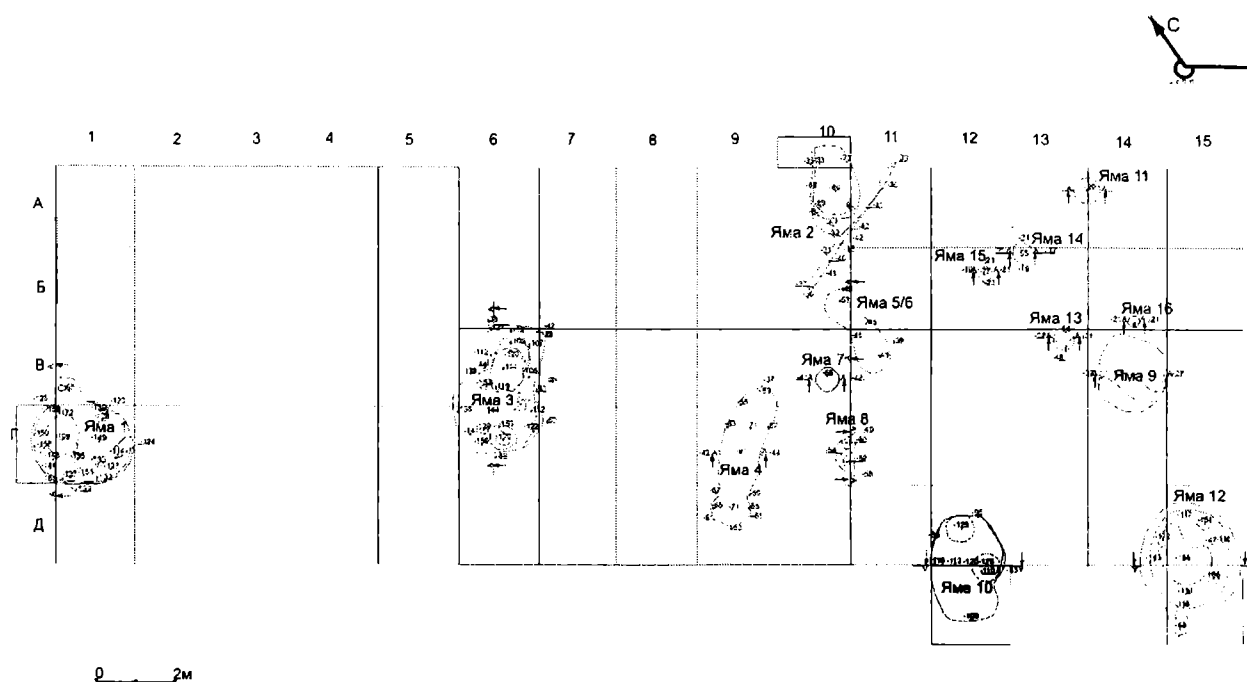

Рис. 2. Селище Лысцево. План материка с выбранными ямами

тикальные стенки. На плоском дне прослеживалось два округлых углубления — возможно, остатки столбовых ям.

В заполнении ямы, состоявшем из серого суглинка, найдена пластина из медного сплава в виде треугольника со срезанными углами.

Посуда, изготовленная из ожелезненной глины, составила 71 % комплекса (120 фр-тов), 77 % приходилось на керамику с включением мелкого песка в формовочной массе; при этом доля волнистого орнамента в декоре достигала 37 %. Яму следует датировать второй четвертью XV в., при наличии в ней материала (до 20 %) домонгольского времени (рис. 17, 7–10).

Яма 12 (рис. 2; 7) в сечении имела чашевидную форму (диаметр 2,8 м), один борт ее спускался уступами. Заполнение ямы состояло из темно-серого углистого суглинка с включениями известняковой крошки и обожженной глины. В дно были впущены 3 круглые конусовидные в сечении ямы, и одно большое округлое углубление в центре. В юго-западной части борт ямы прорезало углубление в виде спуска. Среди вещевого материала отметим пинцет, кремневую ножевидную пластину и половину сферического красноглиняного рыболовного грузила, датируемого по коломенским аналогичным экземплярам второй половиной XIII или XV в. (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 130–131).

Керамический материал (рис. 18; 19) по своим характеристикам близок посуде из других ям,

что позволяет датировать яму 12 второй третью — серединой XV в.

Описанные нами ямы являлись самыми крупными и представительными по количеству содержащегося в них индивидуального и керамического материала. Также была исследована серия мелких ям различной конфигурации и глубины, назначение которых осталось невыясненным. Из обнаруженных в них находок, помимо массового материала, отметим только notable крест медного сплава из ямы 9.

Отдельного упоминания заслуживают находки кремневых изделий. Еще во время разведок 2001 г., обнаружив кремневую чешуйку в одном из шурфов, мы предположили, что в случае площадных раскопок будет обнаружен материал мезолитического времени. Действительно, в пахотном слое и ямах (№№ 1, 3, 12) было найдено 5 ножевидных пластин, концевой скребок и несколько отщепов (рис. 9, 1–3, 5–8)¹. Техника скалывания пластин узнаваема и ассоциируется в первую очередь с бутовской культурной традицией. Однако несколько других кремней заметно отличаются и по технике скола, и по сырью. Если для описанной серии характерен кремнь светлых тонов (от желтого до красного), то другая часть материала представлена темно-серым, сильно патинизированным кремнем. Помимо отщепов и осколков в коллекции есть одно орудие — крупная пластина с ретушью (рис. 9, 4). Характер обработки и техника скола

¹ Определение А.Н. Сорокина (ИА РАН).

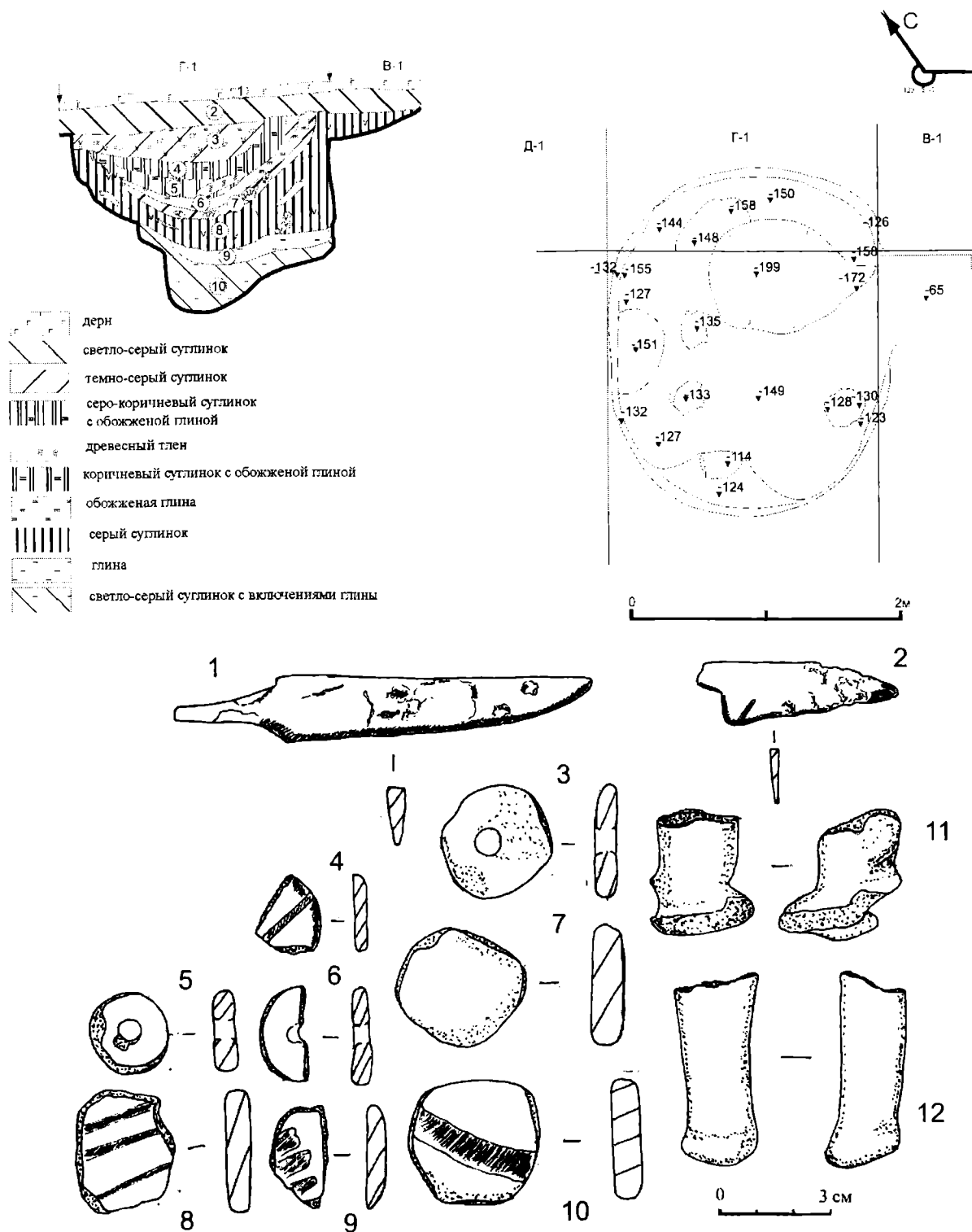

Рис. 3. Селище Лысцево. А — разрез ямы 1, по линии А-А вид с юго-востока; Б — план ямы 1 по матерiku. Находки из ямы 1

пластины, а также косвенные признаки (сорт кремня и белесая патина, характерная для финальноплейстоценовых материалов из Коломны) заставляют осторожно предположить более ранний возраст этого материала, возможно, финальнопалеолитического времени.

Подробной характеристики заслуживает гончарная посуда, поскольку важность изучения керамического материала средневековых селищ, в том числе и поселения Лысцево, определяется, прежде всего, двумя обстоятельствами. Во-первых, в условиях бедности вещевого материала и

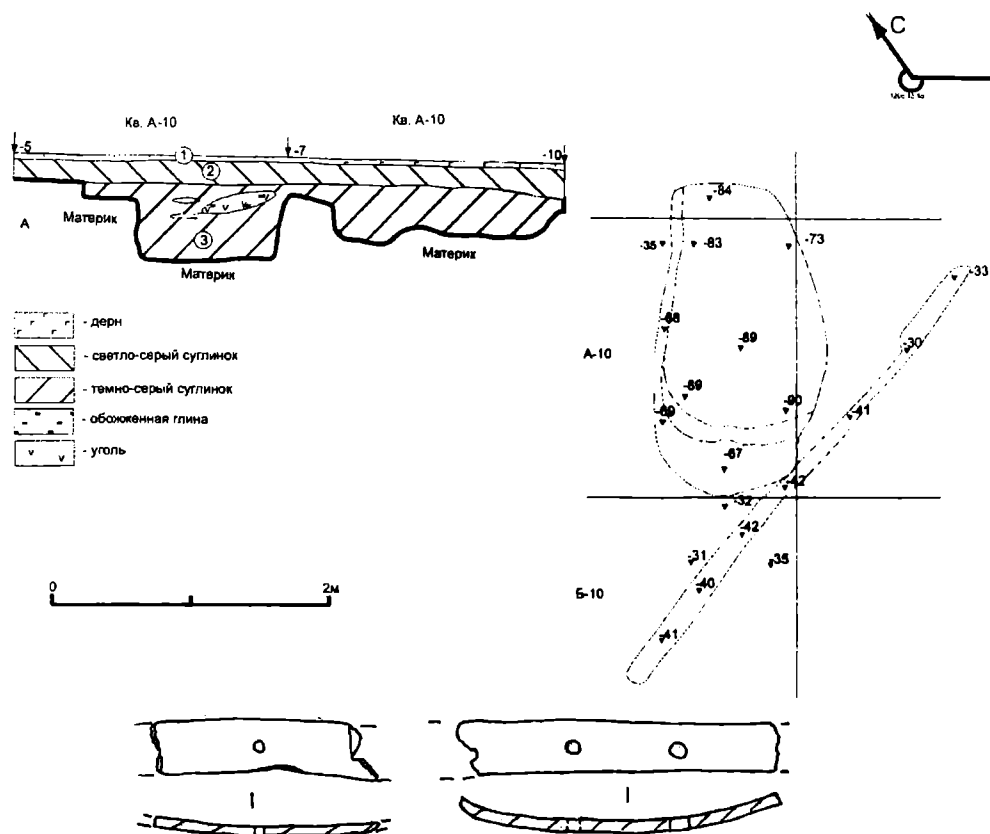

Рис. 4. Селище Лысцево.

А — разрез ямы 2, по линии А-А' вид с юго-запада и северо-запада; Б — план ямы 2 по матерiku; накладка костяная

широких датировок письменных источников, фрагменты гончарной посуды остаются чуть ли не единственным хронологическим индикатором, позволяющим датировать поселение в рамках половины столетия. Во-вторых, исследование собственно керамики селищ позволяет сделать выводы о существовании местного гончарного производства, влиянии на него городской керамической традиции и о границах распространения городской керамики в округе.

Для изучения керамики селища Лысцево за основу была взята методика статистической обработки, предложенная В.Ю. Ковалем (1996; 1997; 2000; 2004). Она предполагает анализ каждого фрагмента комплекса по признакам технологии, морфологии и декора. В качестве хронологического эталона использовалась керамическая шкала г. Коломны, охватывающая период со второй половины XII по XVIII в. включительно (Черкасов, 2004).

Исследование керамического материала проводилось по наиболее представительным комплексам поселения: один открытый комплекс (рис. 10; 11) — пахотный слой селища с напластованиями межъямного пространства и шесть

условно-закрытых (ямы 1–4, 9–10), два из которых представляли собой сооружения с остатками глинобитной печи или вероятными следами от таковой. В комплексах насчитывалось от 100 до 200 фрагментов круговой керамики, при этом самая большая коллекция была собрана в яме 1 (984 экз.).

В результате проведенного анализа весь керамический материал указанных комплексов был разбит на три хронологические группы: 1) первая половина XIII в.; 2) вторая — третья четверти XV в.; 3) последняя треть XVIII — начало XIX в.

Первая хронологическая группа (первая половина XIII в.)

Керамика этой группы содержалась в незначительном количестве (от 2 до 10 %, в яме 10 — до 20%) в пахотном горизонте и в некоторых ямах. Например, в яме 2 наряду с материалом XV в. присутствовали два развала сосудов (склеить их не удалось) первой половины XIII столетия, причем они составляли 7 % всех фрагментов комплекса. Изготавливалась такая керамика в основном (2/3 образцов) с использованием мелкого песка (размером менее 1 мм) в качестве

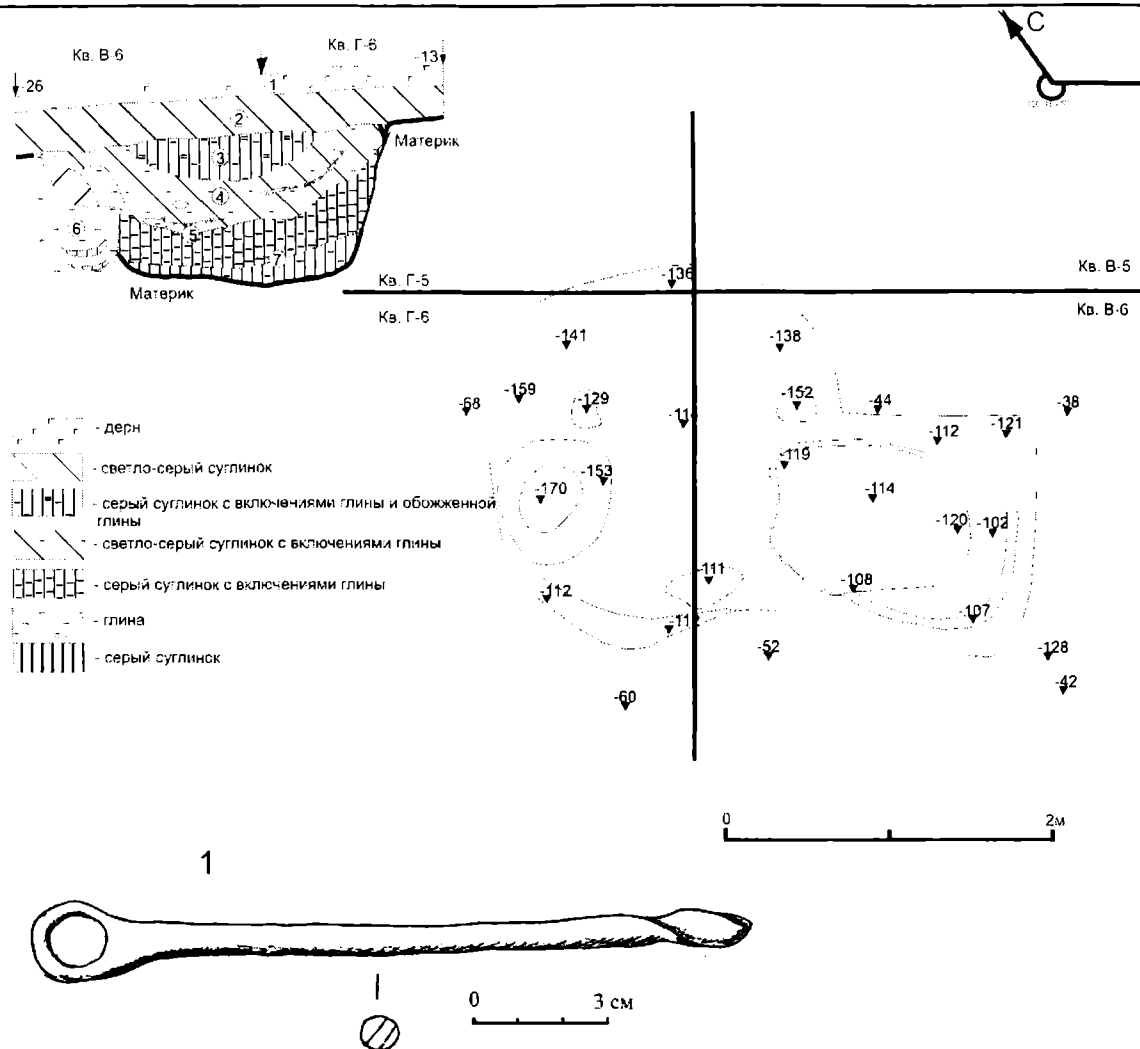

Рис. 5. Селище Лысцево.

А — разрез ямы 3, по линии А-А' вид с востока; Б — план ямы 3 по матерiku; 1 — сверло

отошителя формовочной массы. Эта же примесь применялась и как подсыпка под днища (две трети всех днищ). Примерно в равных долях присутствовали сосуды из ожелезненной и неожелезненной глины. Доминировал окислительный режим обжига, при этом полный обжиг отмечался у 40% керамики. Венчики горшков были как простыми, без утолщений (до 60%), так и с внутренним валиком (до 30%). Декор состоял из линейного разреженного орнамента.

*Вторая хронологическая группа
(вторая — третья четверти XV в.)*

Это самая многочисленная группа, представленная 5 условно закрытыми комплексами (табл. 1)². Весь массив посуды (основные функциональные формы: горшок, кувшин, корчага,

миска, крышка) был разделен на четыре технологические подгруппы: 1) керамика без дополнительной обработки поверхности, формовочная масса которой содержала примесь мелкого песка; 2) керамика без дополнительной обработки поверхности, не содержащая искусственных отошителей; 3) керамика, покрытая белым ангобом; 4) керамика с лощением.

Первая технологическая подгруппа. Керамика производилась как из неожелезненных, так и из ожелезненных глин. До 90 % образцов несут следы окислительного режима обжига (50 % проходили полный обжиг). 2/3 всех днищ формовались на подсыпке из мелкого песка. Конструкции венчиков, а также приемы оформления их устья были разнообразны, но среди них доминировали вертикальные и изогнутые венчики без дополнительной обработки края или с за-

² Нумерация типов формовочных масс, а также венчиков, днищ, орнамента приводится в соответствии с типологией В.Ю. Ковалю.

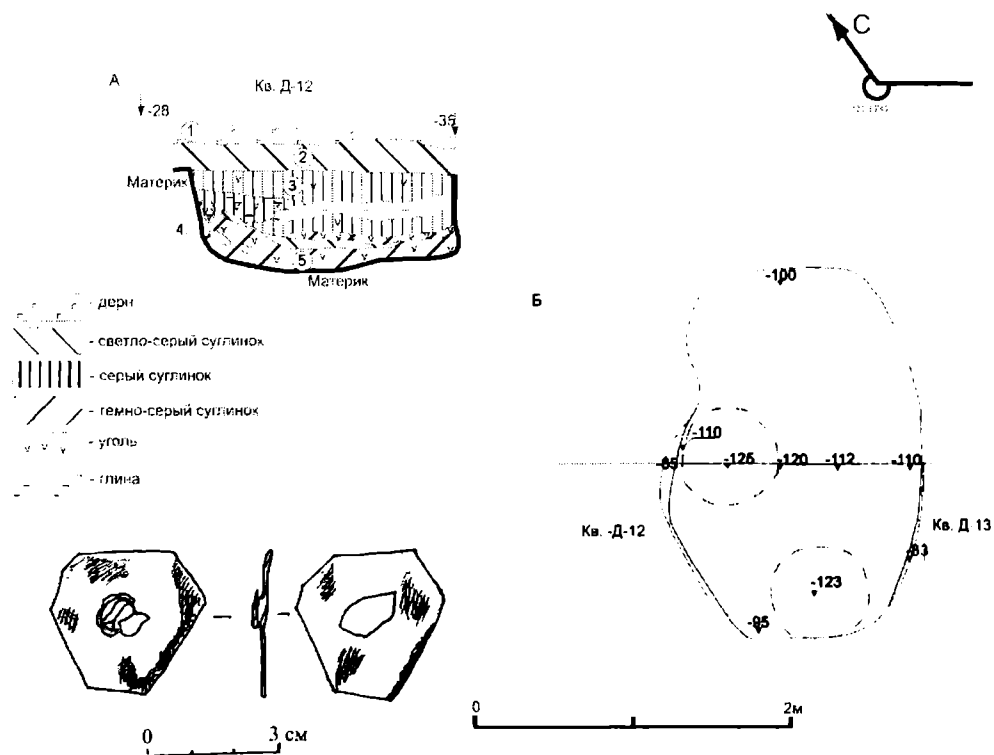

Рис. 6. Селище Лыцево.

А — разрез ямы 10, по линии А-А вид с северо-востока; Б — план ямы 10 по матерiku; бляшка (?)

воротом черного края внутрь (реже — наружу). В декоре преобладал линейный разреженный орнамент с тонкими линиями (3/4 от всех встреченных орнаментированных обломков).

Вторая технологическая подгруппа. Посуда изготавливалась только из нежелезненной глины и проходила обжиг в окислительной среде (в 50 % случаев обжиг был полным). На днищах

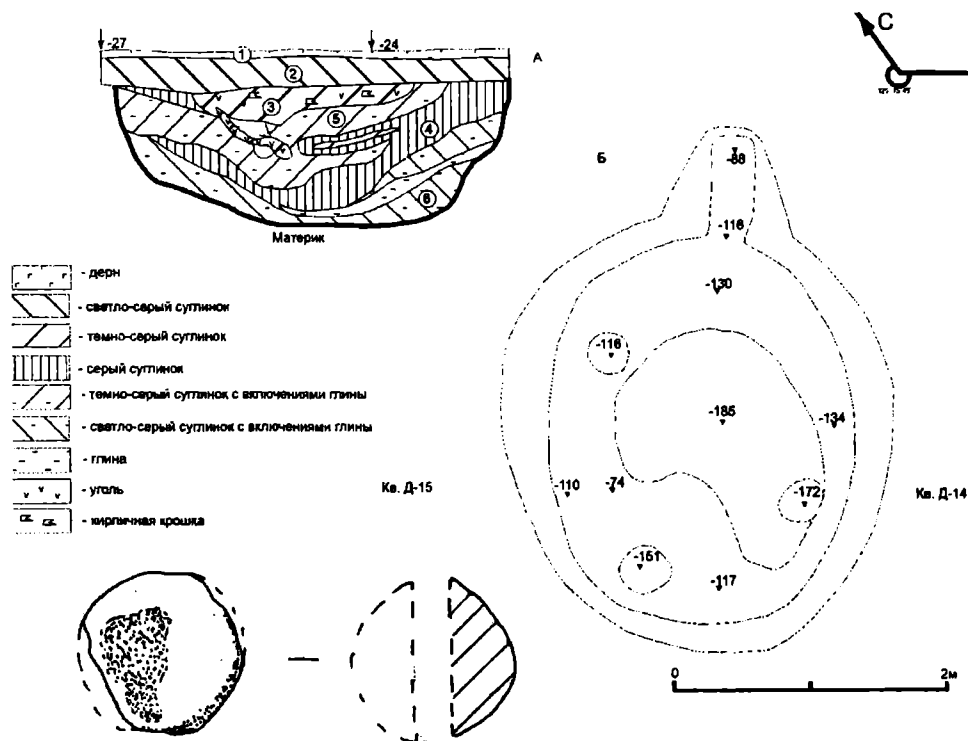

Рис. 7. Селище Лыцево.

А — разрез ямы 12, по линии А-А вид с северо-востока; Б — план ямы 12 по матерiku; грузило

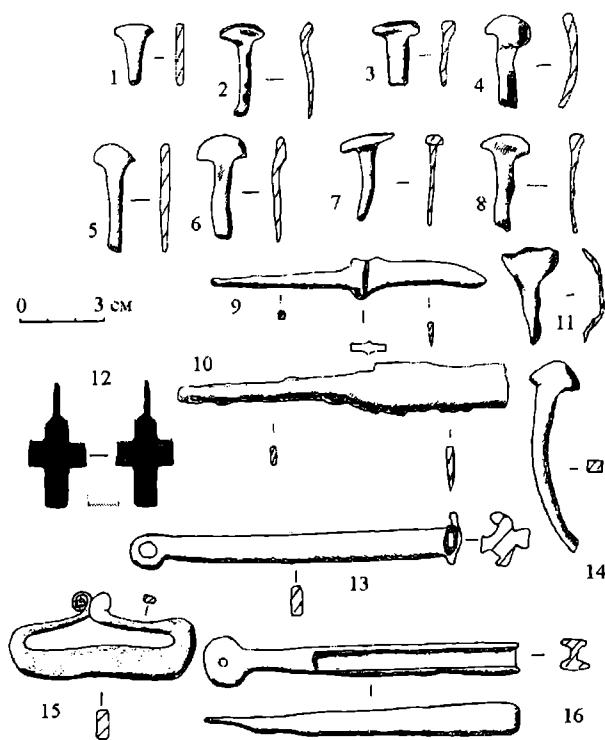

Рис. 8. Селище Лысцево. Находки из пахотного слоя.

1-8 — подковные гвозди; 9-10 — ножи;
11 — железный предмет; 12 — крест-тельник;
13, 16 — ключи; 14 — гвоздь; 15 — кресало

следы подсыпки не прослеживались. Венчики имели шейки вертикальной постановки и края с внутренним валиком либо почти без деформации.

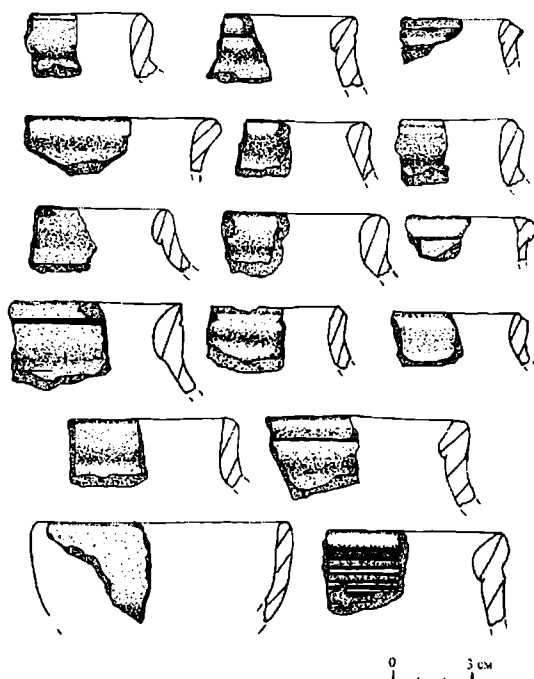

Рис. 10. Керамический материал селища Лысцево. Пахотный слой

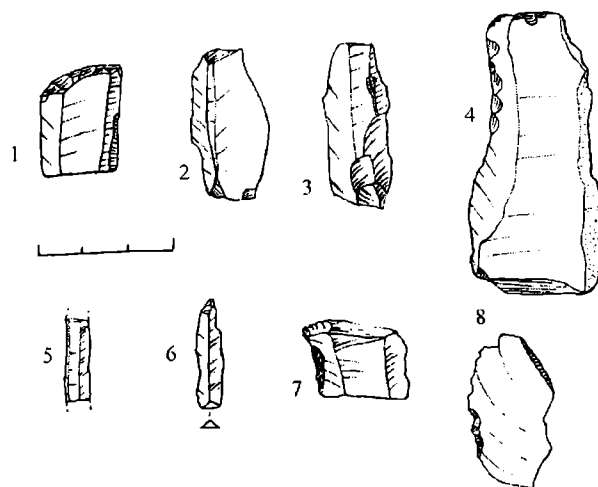

Рис. 9. Селище Лысцево. Кремневые находки с раскопа

ции. На сосудах присутствовал только разреженный линейный орнамент тонкими линиями, сосредоточенный в верхней половине тулова.

Третья технологическая подгруппа. Сюда включены сосуды из ожелезненной глины, покрытые белым ангобом по внутренней и внешней поверхности. Доля такой керамики составила от 17 до 30 % (в яме 4 — до 44 %) от всех фрагментов комплекса и 40 % от всей красноглиняной посуды. С одинаковой частотой ис-

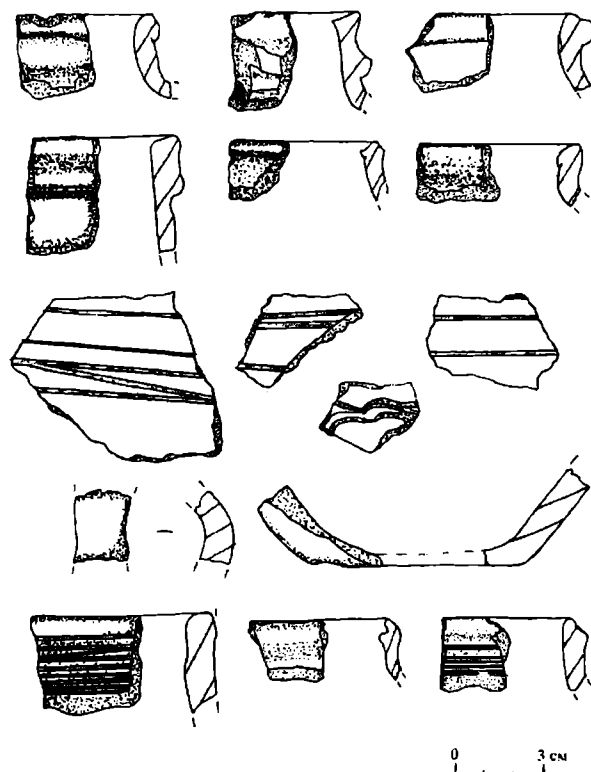

Рис. 11. Керамический материал селища Лысцево. Пахотный слой

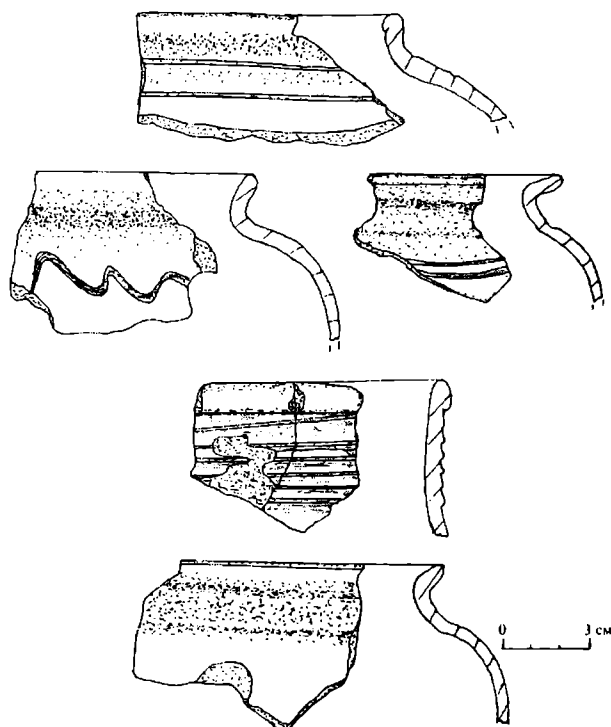

Рис. 12. Керамический материал селища Лысцево.
Яма 1.

пользовались как формовочные массы с примесью мелкого песка, так и без отощителей. Вся белоангобированная керамика обжигалась в окислительном режиме (30–50 % проходили полный обжиг). Отметим, что такая существенная доля ангобированной керамики в ямах селища Лысцево соответствует керамическим комплексам Коломны, где максимальное ее количество приходится на середину — третью четверть XV в.

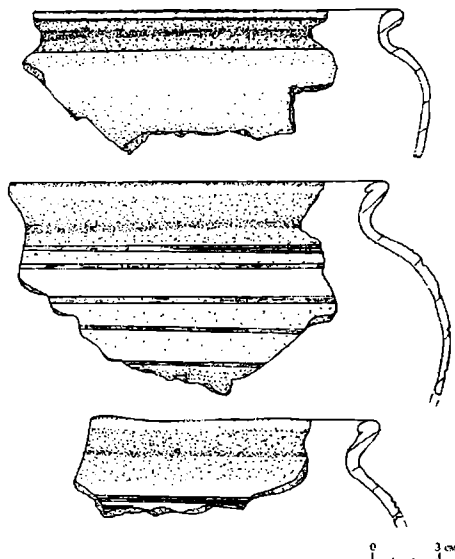

Рис. 14. Керамический материал селища Лысцево.
Яма 2.

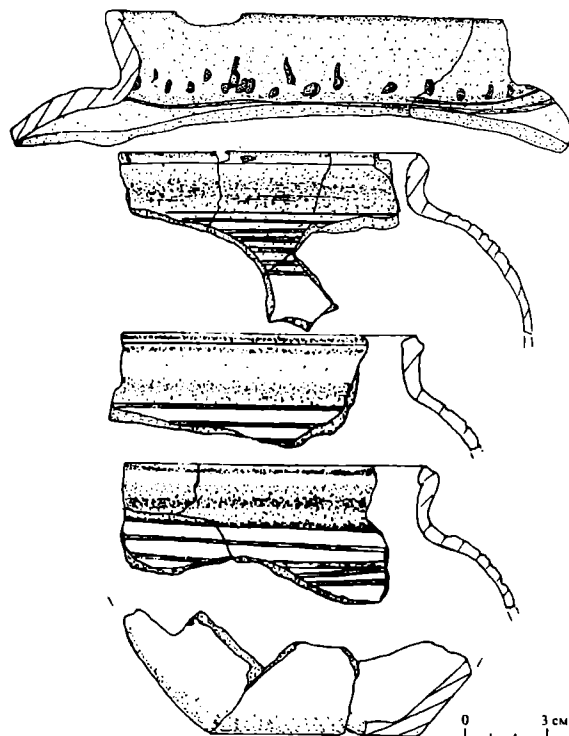

Рис. 13. Керамический материал селища Лысцево.
Яма 1.

Это было обусловлено ростом спроса на высококачественную белоглиняную посуду и невозможностью со стороны гончаров в полной

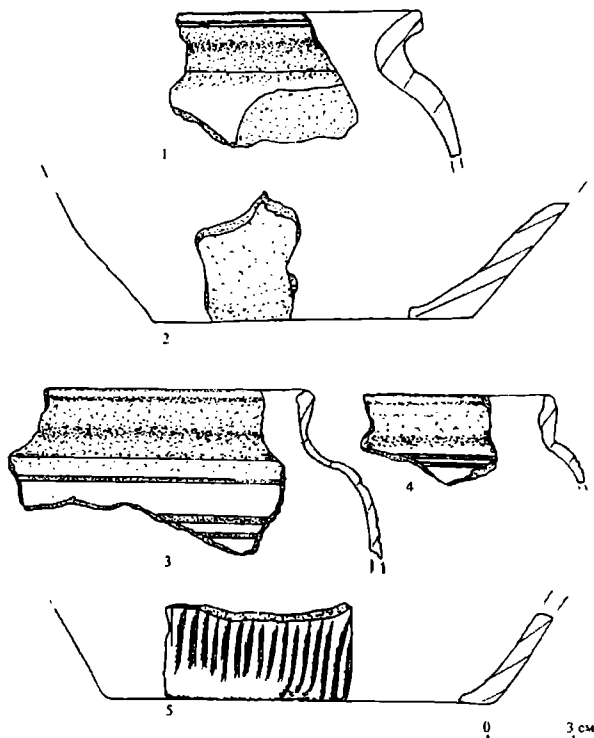

Рис. 15. Керамический материал селища Лысцево.
1–2 — яма 2; 3–5 — яма 3

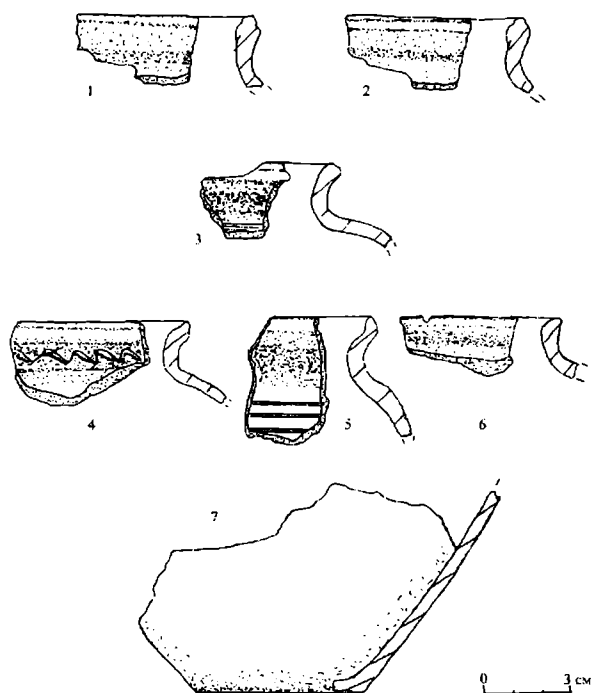

Рис. 16. Керамический материал селища Лыцево.
1-3 — яма 4; 4-7 — яма 5

мере этот спрос удовлетворить (Черкасов, 2004. С. 171-175).

Четвертая технологическая подгруппа. Керамика из ожелезненных глин, подвергнутая лощению (фрагменты кувшинов и корчаг), присутствовала в комплексах поселения в небольшом количестве (3-7 %). В качестве примесей к формовочной массе использовался мелкий песок (до 2/3) либо отощители отсутствовали вовсе. От трети до 5 % такой керамики проходил

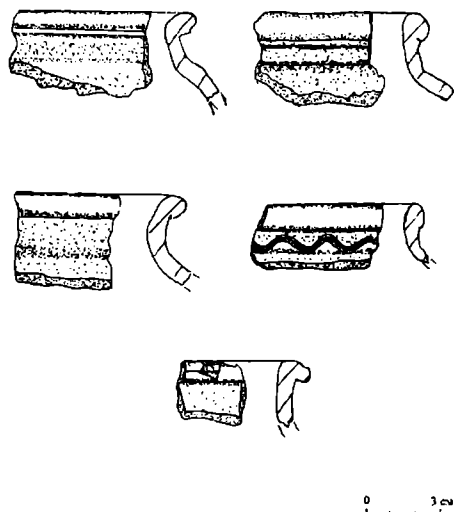

Рис. 18. Керамический материал селища Лыцево.
Яма 12.

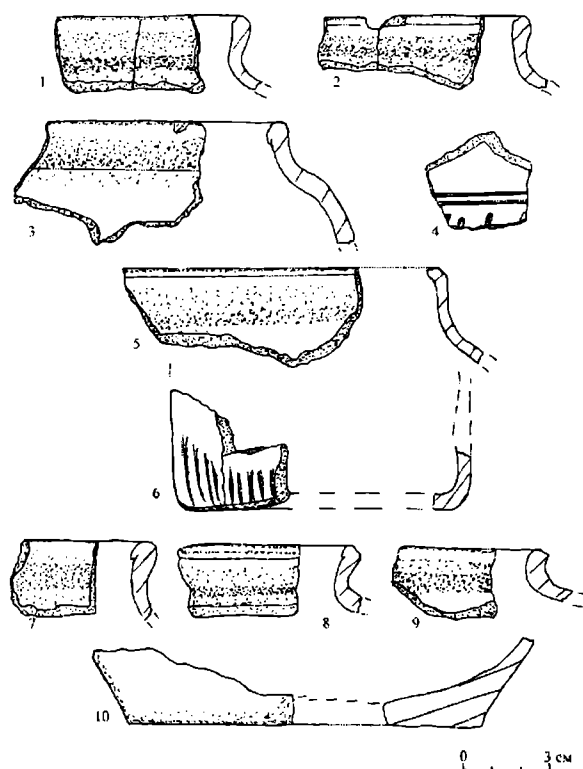

Рис. 17. Керамический материал селища Лыцево.
1-6 — яма 9; 7-10 — яма 10

полный обжиг в окислительной среде. Днища формировались только на песчаной подсыпке. Лощение было выполнено в виде вертикальных полос. Орнамент состоял из горизонтальных линий и тычков. По перечисленным признакам

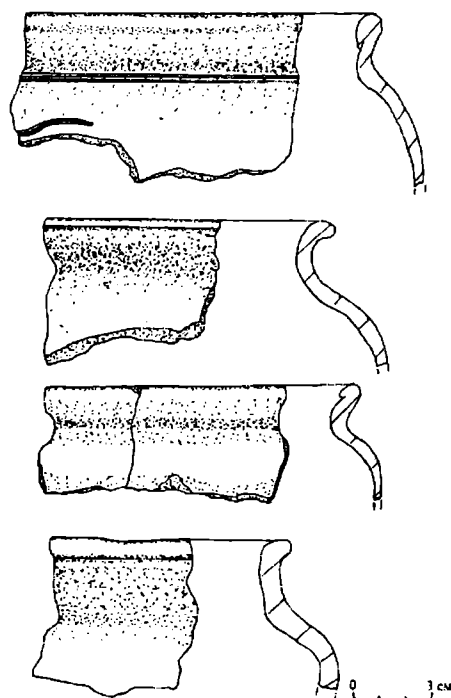

Рис. 19. Керамический материал селища Лыцево.
Яма 12.

краснолощенная керамика селища Лысцево близка аналогичной посуде Коломны и должна быть датирована серединой XV в., поскольку именно в это время происходит становление коломенской традиции изготовления краснолощенной керамики, заметно отличающейся от лощеной посуды болгарской традиции, также производившейся в Коломне, но в более раннее время — во второй половине XIV столетия (Черкасов, 2004. С. 176–186).

*Третья хронологическая группа
(последняя треть XVIII — начало XIX в.)*

Керамический материал этой группы присутствовал, главным образом, в пахотном горизонте, составляя до 15 % сбора, и отличался, прежде всего, использованием только формовочной массы из беложгущейся глины без искусственных примесей (или с мелкодисперсным песком). Доминировали фрагменты горшков с венчиками, имевшими вертикальную шейку с двумя валиками на внешней стороне. К этой группе следует отнести и немногочисленную (до 1–2 %) чернолощеную посуду, позднюю поливную керамику, а также фаянс и фарфор. Последний материал фиксирует начало распространения новой посуды в конце XVIII — начале XIX в.

Таким образом, проведенный анализ керамики из комплексов поселения дает возможность сделать следующие выводы:

— исследованная раскопкам часть селища Лысцево датируется второй — третьей четвертью XV в. Наличие небольшой доли посуды первой половины XIII в. во многих комплексах может говорить о том, что начало освоения данной территории следует относить именно к этому времени. Керамика третьей хронологической группы относится уже к поздней истории поселения;

— технологические, морфологические и орнаментальные признаки посуды свидетельствуют о том, что поселение Лысцево входило в орбиту распространения коломенской керамики, по крайней мере, с середины XV в., подобно средневековым поселениям Настасьино³ (Коваль, 2004. С. 39.) (12 км к северу от Коломны) (Сыроватко, Черкасов, в печати) и Романовское (первой половины XVI в., в 10 км к югу от Коломны). Это, в свою очередь, позволяет определить радиус распространения в XV в. белоглиняной керамики Коломны в 10–12 км. Закономерность данного процесса подтверждается тем, что именно середина — третья четверть XV столетия является переломным периодом в развитии коломенского гончарства, когда начинает в массовом порядке производиться исключительно высококачественная белоглиняная посуда без отошителей в формовочной массе, а керамическое производство проходит этап стандартизации (Черкасов, 2004. С. 146–150).

Литература

- Денисов А.Е., 1995. Фарфоровое производство братьев Кудиновых в Коломенском уезде // Край родной коломенский. Коломна.
- Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 2. Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Коваль В.Ю., 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. III. Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Коваль В.Ю., 2004. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.
- Мазуров А.Б., Цепкин Е.А., 2003. Рыболовный промысел в XII—XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // РА. № 4.
- Сыроватко А.С., 2002. Отчет об археологических разведках и раскопках в Коломенском районе Московской области в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1.
- Сыроватко А.С., Черкасов В. Керамические комплексы XVI в. из Коломны и селища Романовское (о поздне-средневековой коломенской традиции гончарного производства) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. (В печати).
- Черкасов В.В., 2004. Круговая керамика Коломны XII—XVIII вв. (эволюция гончарной продукции) / Дисс. ... канд. ист. наук. М.

³ Отметим, что изначальная очевидность распространения городской керамики на близлежащую сельскую округу только кажущаяся. Так, на том же поселении Настасьино керамика XII—XIV была изготовлена в традиции отличной от коломенской.

Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря

Тушинский лагерь, просуществовавший как вторая столица Московской Руси с июня 1608 г. по январь 1610 г., по праву находится в числе памятных мест, которые стали символическими в истории нашей страны. Около 300 лет высились валы лагеря. В конце XIX — начале XX в. при прокладке Московско-Виндавской железной дороги, разрушившей Тушинский лагерь, инженером В.А. Политковским на его территории и, по всей видимости, в ближайшей округе была собрана коллекция вещей, переданная затем на хранение в Исторический музей. Часть вещей, происходивших с территории лагеря, была куплена на торгу. На сегодняшний день коллекция инженера Политковского — это все, что осталось от бывшей «столицы» Лжедмитрия. Несмотря на постоянный интерес и внимание, предметы из Тушинского лагеря, кроме паспортизации и первичной систематизации, долгое время не становились предметом специализированного изучения (Городцов, 1911. С. 17–24).

Начавшиеся в 40–60-х гг. XX в. крупномасштабные раскопки в Москве с новой силой пробудили интерес к материалам из Тушино (Никитин, 1971. С. 36; Розенфельдт, 1971. С. 256–258). Активизация археологических исследований средневековых городов Московской Руси вообще и Москвы в частности в 80–90-е годы XX в. заставляют вновь обратиться к коллекции Политковского. Автором данной работы была предпринята попытка собрать и обработать всю коллекцию, разбросанную по разным фондам Государственного Исторического музея.

Всего в коллекции из Тушинского лагеря числятся 834 единицы хранения. Значительную долю от общего количества составляют предметы вооружения и снаряжения коня и всадника (251 ед. хр.). Комплекс вооружения Московской Руси до сих пор лишь частично освещен в отдельных публикациях и статьях и не был подвергнут даже первичному обобщению, в отличие от материалов более раннего времени. В свете вышесказанного материалы из Тушинского лагеря приобретают особую важность не только

как узко датированный комплекс (при учете характера находок, являвшихся подъемным материалом), но и как комплекс, происходящий из военного лагеря, в котором отразились традиции вооружения народов Центральной и Восточной Европы.

Целью статьи является полная публикация и первичный анализ предметов вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, происходящих с территории Тушинского лагеря.

Наконечники копий

Копья из Тушинских сборов представлены 7 целыми и фрагментированным экземплярами. По форме наконечника выделяются два варианта.

Вариант 1. Копье с пером в виде четырехгранного, ромбического в сечении, стержня и

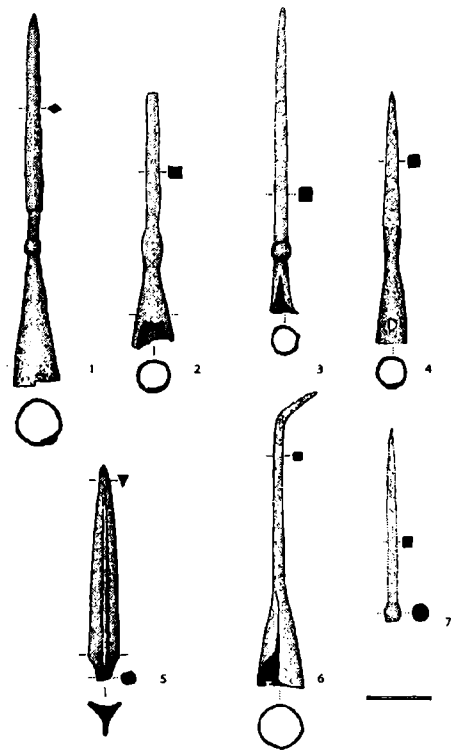

Рис. 1. Наконечники копий

воронковидной втулкой (рис. 1, 1–4, 6, 7) — 6 экземпляров. Длина пера 130–190 мм, ширина 10–13 мм, длина втулки 60–100 мм. Соотношение ширины пера к длине 1/13–19. Диаметр втулки составляет 25–37 мм. Копья данного варианта относятся к пикам (тип V, по классификации А.Н. Кирпичникова), время появления которых для Европы определяется VIII—IX вв. На территории Древней Руси особое распространение пики получают в предмонгольское время и существуют до конца средневековья, оставаясь господствующим типом среди наконечников копий (Кирпичников, 1966. С. 15–16). На четырех пиках фиксируется наличие «яблочка» — шаровидного утолщения на шейке копья (рис. 1, 1–3, 7). Сам шарик на одном наконечнике украшен еле заметной спиралевидной насечкой, а шейка наконечника орнаментирована насечкой в виде стилизованного «волчьего зуба». Ближайшими аналогиями данному варианту являются наконечники копий, найденные в 1895 г. в Ипатьевском переулке в Москве. Клад из Ипатьевского переулочка, в состав которого входили различные предметы вооружения и монеты, датируется эпохой Ивана IV до венчания его на царство в 1547 г. Аналогичные образцы наконечников копий характерны также для первой половины — середины XVII в. (Городцов, 1911. С. 17–24; Бойцов, 1995. С. 260).

Вариант 2. Копье с трехлопастным пером, втулка обломана (рис. 1, 5) — 1 экземпляр. Длина пера 160 мм, ширина — 22 мм, общая длина наконечника неизвестна. Соотношение ширины пера и длины — 1/7. Аналогии данному наконечнику в позднесредневековых материалах автору не известны.

Таким образом, тушинские наконечники копий представлены практически единственным типом так называемых бронебойных пик, характеризующих не только наборы древкового вооружения, но и сложившиеся способы его тактического применения. Эти находки ярко подтверждают ранее высказанную мысль о том, что копье не вышло из употребления в позднесредневековую эпоху и было одним из главных видов холодного наступательного оружия (наряду с саблями, бердышом и топором), применявшимся против конных воинов (Кирпичников, 1976. С. 20; «Учение и хитрость...», 1904. С. 108).

Клинковое оружие

Клинковое оружие представлено фрагментами сабель, дошедшими в виде обломков клинков, перекрестий, наконечников ножен, деталей портупей.

К сожалению, специального оружейведческого исследования, посвященного морфологии, типологии и эволюции клинкового оружия Московской Руси XVI—XVII вв. в отечественной науке не существует. Этому вопросу посвящены отдельные краткие замечания С.К. Богоявленского и М.М. Денисовой (Богоявленский, 1938; Денисова, Портнов, Денисов, 1953). Так, в кратком определителе русского оружия приводится ряд соображений авторов о применявшихся типах сабель во второй половине XVI—XVII в. Для второй половины XVI в. авторы считают характерными «широкие» сабли турецкого образца. В XVII в. «на вооружении конницы» все чаще начинает применяться тип персидской сабли, «более легкой и более совершенной по своей конструкции» (Денисова, Портнов, Денисов, 1953. С. 31).

Параллельную типологическую схему для сабельного вооружения XVI—XVII вв. Восточной и Центральной Европы разрабатывали польские исследователи, которые, при наличии несущественных разночтений, выделяют четыре основные разновидности сабель (Nadolski, 1984; Zygylski, 1982; Kwasniewicz, 1988). К ним относятся так называемые «венгерско-польские» и «гусарские» сабли, а также «карабелы» и «ордынские», или «армянские». Данные разновидности отражают устоявшиеся типические образцы сабель, бытовавших на территории Польши в XVI—XVII вв. Для интересующего нас периода на территории Польши и сопредельных регионов характерны «венгерско-польские» сабли, основной чертой которых являлись широкие массивные клинки, открытая рукоять миндалевидной в сечении формы, расположенная под углом к перекрестью, и довольно протяженные перекрестья с петлей в центре крестовины (Kwasniewicz, 1988. С. 32–76).

Для характеристики восточных образцов сабель, которые могли бытовать на территории Московского царства в начале XVII в., определенную ценность представляет книга Э.Г. Аствацатурян, посвященная турецкому оружию. При описании различных типов турецких сабель, бытовавших в XVI — начале XVIII в., автор выделяет два хронологических периода. Первый период датирован XVI в. и характеризуется саблями с широкими и длинными слабоизогнутыми клинками, слегка отогнутыми рукоятями и прямыми крестовинами. В качестве одного из примеров приводится сабля Ф.М. Мстиславского, хранящаяся в Оружейной палате. Для характеристики образцов второго этапа, датированного XVII — началом XVIII в., автор приводит типы сабель, описанные в книге итальянского дипло-

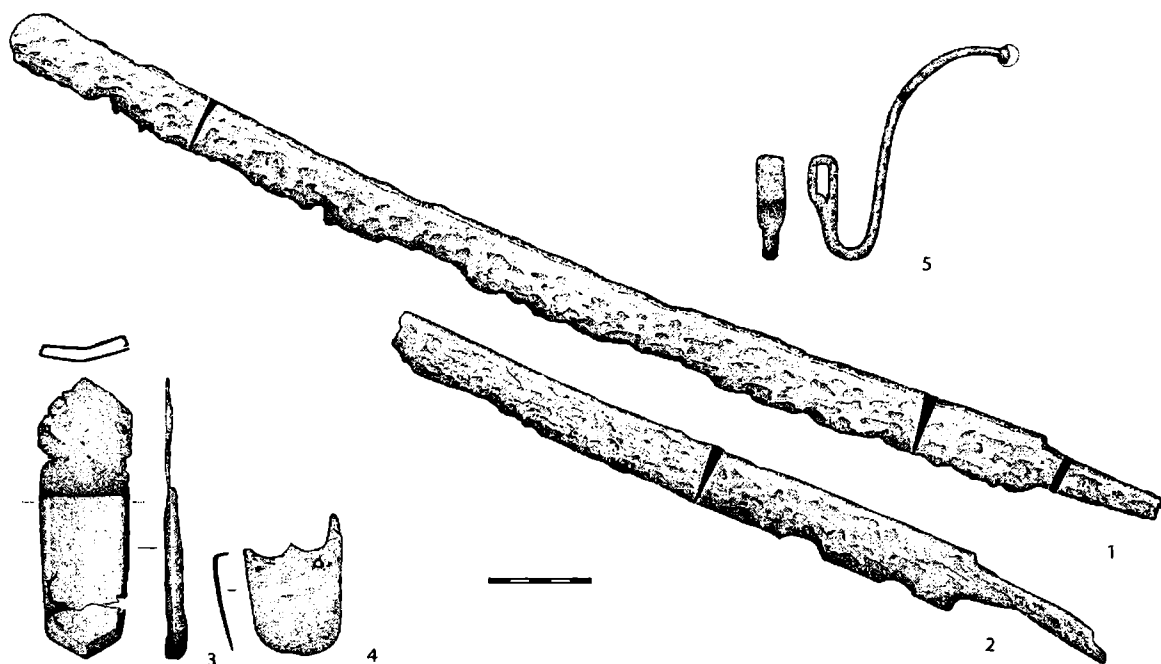

Рис. 2

Рис. 2. Сабли, детали ножен, портупейные принадлежности.
1, 2 — сабельные клики; 3, 4 — наконечники ножен; 5 — портупейный крюк

мата графа Луиджи Фердинандо де Марсильи, находившегося в Турции в 70–80-е годы XVII в. Вслед за Марсильи, Э.Г. Аствацатурян выделяет такие типы турецких сабель, как «гаддаре», «клих» и «аджем-клих». Отдельно рассматриваются сабли, аналогичные восточноевропейским «ордынкам». В контексте нашего исследования следует заметить, что описанные образцы турецких сабель второго этапа характеризуют более поздний период (Аствацатурян, 2002).

Клинковое оружие из Тушинского лагеря представлено тремя обломками сабельных полос. При этом автору удалось найти только два обломка клинка (№ 600 и 821). Размеры третьего обломка (№ 601) были восстановлены по масштабированному рисунку, сохранившемуся в коллекционной описи (рис. 2).

Фрагменты сабельных полос сохранились на длину 190–610 мм. Длина стержней рукояти с учетом обломанных концов составляла 60–70 мм. Наклон стержня рукояти составлял 3–5° от оси клинка. Ширина пяты клинка 31–33 мм. Обращает на себя внимание малая ширина клинков, которая варьировала от 26 до 29 мм, что, возможно, связано с плохой сохранностью образцов. Кривизна клинка не устанавливается. Клинки не имеют долов. Исходя из вышеприведенных типологий, описанные сабельные полосы не подходят ни под один из выделенных для конца XVI — начала XVII в. типов клинков. Воз-

можно, клинки, найденные на территории Тушинского лагеря, демонстрируют нам характерные именно для русской военной традиции рядовые образцы боевого оружия.

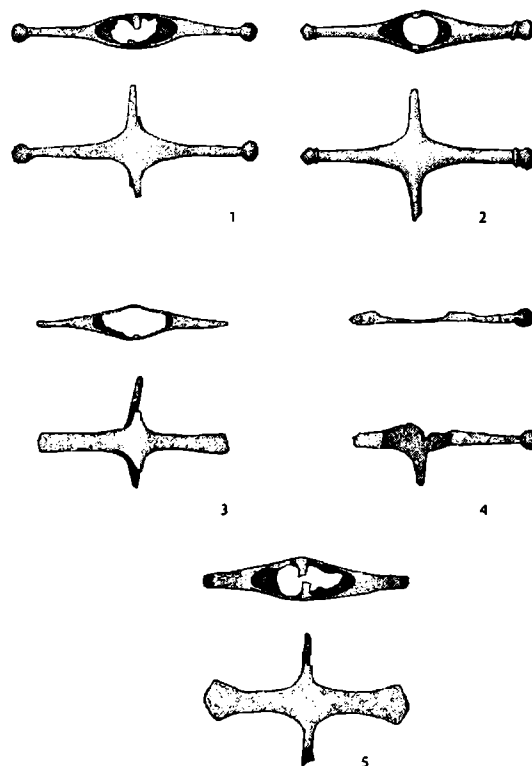

Рис. 3. Перекрестья сабель

Перекрестья сабель (крестовины)

Перекрестья представлены 7 экземплярами, делящимися на два основных типа с вариантами (рис. 3; рис. 4).

Тип 1. К первому типу относятся так называемые простые или стержневые перекрестья с продолговатыми симметричными отростками в срединной части (рис. 3). По оформлению концов перекрестья выделяются три варианта.

Вариант 1. Перекрестья с простыми стержневидными окончаниями (1 экз.). Длина 117 мм, высота с учетом срединных отростков 67 мм (рис. 3, 3).

Вариант 2. Перекрестья с расширяющимися уплощенными концами (1 экз.). Длина 126 мм, высота с учетом срединных отростков 81 мм (рис. 3, 5).

Вариант 3. Перекрестья с шаровидным окончанием концов (3 экз.). Длина 150–152 мм, высота с учетом срединных отростков 80–84 мм (рис. 3, 1, 2, 4).

Прямые перекрестья с невысокими крестовидными отростками (15–38 мм) и простыми стержневидными, слегка уплощенными окончаниями выделяются в отдельные типы (тип II, варианты 6–8, 10, 11, по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной; тип II, по А.Н. Кирпичникову) как для материалов Руси XII—XIV вв., так и для восточноевропейских кочевнических сабель (Кирпичников, 1966а. С. 62–63; Евглевский, Потемкина, 2000. С. 129–131). Эволюция перекрестий упомянутых выше типов, судя по материалам Восточной Европы XIV—XV вв., демонстрирует поиски в направлении усиления защиты руки, что привело к появлению перекрестий с расширяющимися уплощенными концами и более вытянутыми отростками в срединной части, достигающими в высоту 60 мм (Кирпичников, 1976. С. 26). Известные для XIV в. перекрестья с расширяющимися уплощенными концами, соответствующие варианту 2 из Тушинского лагеря, отличаются только незначительной высотой отростков. Перекрестья с шаровидными окончаниями хорошо известны на Руси XII—XIII вв., они также характерны для степей Восточной Европы предмонгольского и золотоордынского периодов (Кирпичников, 1966. С. 62–63; Евглевский, Потемкина, 2000. С. 129–131), отличаясь от крестовин XVI—XVII вв. только отсутствием срединных отростков. Наиболее ранние образцы сабель и палашей с перекрестьями первого типа, как уже было сказано выше, связываются с распространением переднеазиатской (турецкой) оружейной традиции в конце XV—XVI вв.

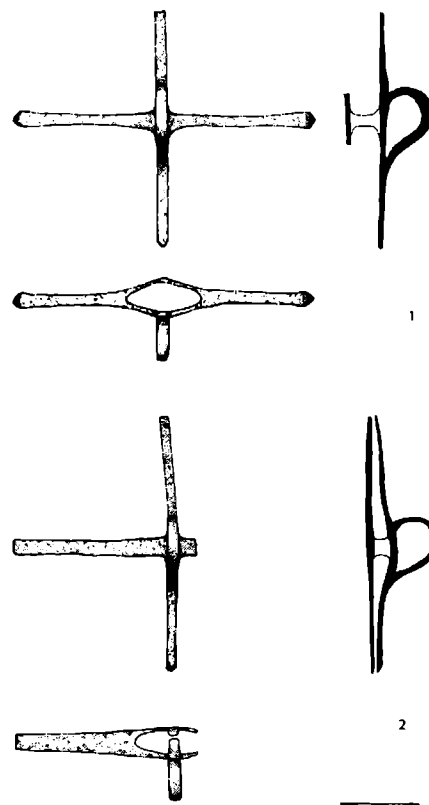

Рис. 4. Перекрестья сабель

Второй тип гард — это характерные для сабель «венгерско-польского» типа простые стержневидные перекрестья длиной 200–211 мм (рис. 4, 1, 2), что значительно больше длины перекрестий традиционных сабель, распространенных в Московской Руси. Их также отличают очень высокие отростки, достигавшие 145–168 мм, и дополнительные защитные кольца, крепившиеся к середине крестовины. Этот тип сабель распространяется в середине XVI в. в Южной Европе и связывается с турецкой и венгерской военными традициями. Во второй половине XVI в. он проникает в Польшу и Литву, где вытесняет традиционное оружие тяжелой кавалерии — меч (Свешников, 1994. С. 225–231). Находка двух перекрестий этого типа в Тушинском лагере может иллюстрировать как вооружение польско-литовского воинства, так и взаимовлияние военных традиций, которое постоянно происходило на просторах Восточной Европы.

К предметам, связанным с холодным оружием, следует отнести наконечники ножен и портупейный крюк.

Наконечники ножен представлены двумя экземплярами (рис. 2, 3, 4). Первый — в виде полуовальной створки (половины когда-то спаян-

ного наконечника), украшенной в верхней части двумя сегментообразными выемками, образующими центральный зубец высотой 67 и шириной 47 мм.

Другой наконечник ножен представлял собой целый экземпляр в виде свернутой в форме конверта тонкой трапециевидной жестяной пластины с заостренными концами. Передняя, более вытянутая сторона наконечника, крепилась к ножам при помощи двух отверстий, сам же корпус наконечника охватывал основание ножен и стягивался вдоль своей основной длины при помощи «жестяного шва». Общая высота с выступающей передней пластиной 136 мм, высота корпуса наконечника 80 мм, ширина 47 мм.

В коллекции имеется предмет, представляющий собой S-видный стрежень высотой 105 мм, круглый в сечении, с петлей на одном конце и небольшим шариком на другом (рис. 2, 5). Аналогичные предметы, изготовленные из железа и бронзы, найдены на месте битвы под Берестечком, а также в культурных слоях Мангазеи и в казачьих слободах Епифани, где они датируются концом XVI — XVII в. Данные изделия интерпретируются исследователями либо как крюки для подвешивания сабли, либо как кукарки (деталь оленьей упряжи). Находка таких предметов в Епифанских слободах, а также находки портупей с такими крюками на месте битвы под Берестечком, позволяют связывать данные предметы с портупейным снаряжением (Свешников, 1994. С. 227; Долгих, 1951. С. 189. Табл. IX, 2–4).

Таким образом, на территории Тушинского лагеря клинковое оружие представлено довольно широким спектром типов. Это и характерные для русской военной традиции XVI—XVII вв. сабли с перекрестьями типа 1 (варианты 1–3), клинки которых могли соответствовать по весо-размерным показателям турецким прототипам, наиболее ярко отраженным на ранних образцах сабель, хранящихся в Оружейной Палате (Денисова, Портнов, Денисов, 1953. С. 29). Отдельной группой сабель являлись широко распространенные в конце XVI в. сабли «венгерско-польского» типа с перекрестьями и портупейными крюками, характерные в основном для польской военной традиции (Свешников, 1994. С. 227).

Топоры

Среди массы рабочих топоров, как было отмечено ранее А.Н. Кирпичниковым, боевые топоры либо выделяются специализированной формой, либо, имея форму универсальных то-

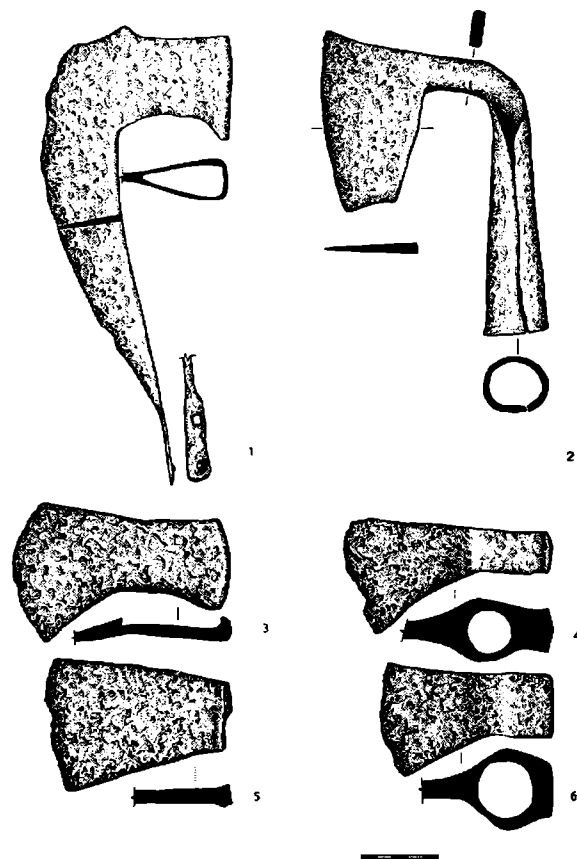

Рис. 5. Топоры

поров, отличаются более легким весом (Кирпичников, 1966б. С. 26–27). По этой причине представляется необходимым рассмотреть все типы топоров, собранных на территории Тушинского лагеря. История изучения позднесредневекового топора довольно тщательно описана О.В. Овсянниковым, М.И. Беловом и В.Ф. Старковым в фундаментальном исследовании, посвященном материальной культуре Мангазеи. Они же обрисовали общую канву эволюции этого вида изделий в рамках рассматриваемого хронологического отрезка. К сожалению, в силу того, что коллекция топоров из Мангазеи не отличается большим разнообразием, характерным для позднесредневековых комплексов, происходящих из Центральной России, принять за основу данную систематизацию не представляется возможным. Как уже упоминалось, некоторые предметы из коллекции Политковского, в том числе и топоры, публиковались ранее (Никитин, 1971. С. 36; Розенфельдт, 1971. С. 256–258). Так, топоры из Тушинского лагеря наряду с материалами из Ладоги и Белгорода стали основой для типологии топоров Московской Руси XVI—XVII вв.

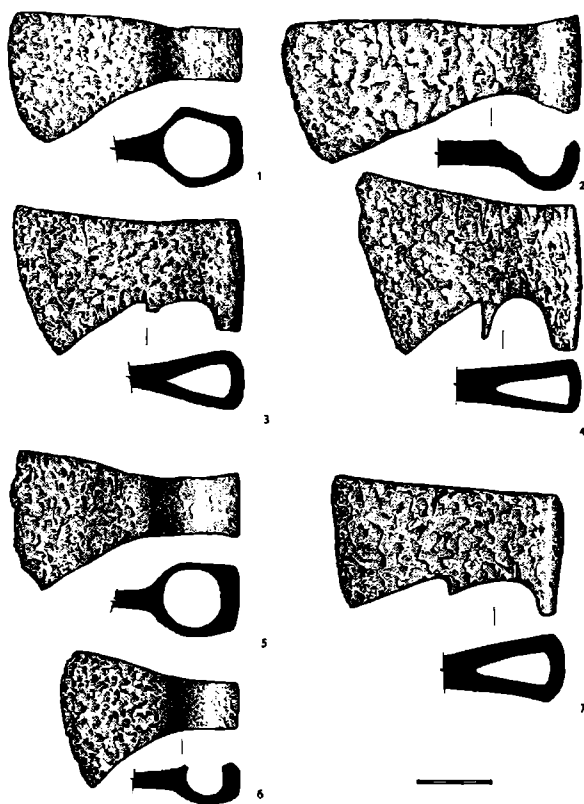

Рис. 6. Топоры

Из Тушинского лагеря происходит 19 целых и фрагментированных топоров, которые были отнесены нами к 6 разным типам (рис. 5–7).

Тип 1. Топоры этого типа (3 экз.) имеют массивное, слегка опущенное лезвие и удлиненный плоский обух (рис. 7, 1–3). Длина их достигала 200–260 мм, ширина лезвия 90–110 мм. Наиболее близкие аналогии происходят с территории Украины, Польши и Белоруссии, где они датируются второй половиной XVI — XVII в. Аналогичные топоры, неудобные для ведения боевых действий, были найдены на месте битвы под Берестечком, произошедшей в 1651 г. Они входили, по всей видимости, в комплекс снаряжения рядовых сельских повстанцев — участников битвы (Свешников, 1994. С. 215–219). Все это позволяет рассматривать и тушинские топоры как типичное шанцевое снаряжение и предполагает их возможное боевое использование.

Тип 2. Топоры этого типа (8 экз.) имеют симметрично вытянутое более тонкое лезвие с уплощенной, иногда граненой, обушной частью (рис. 5, 3–6; 6, 1, 2, 5, 6). А.В. Никитин считал, что эти топоры являются дальнейшей эволюцией топоров так называемого второго типа, по Новгородской типологии (Никитин, 1971. С. 38; Колчин, 1959. С. 26). По своей форме топоры типа 2 вполне могут быть отнесены к универ-

сальным. Размеры: длина 150–200 мм, ширина лезвия 80–92 мм. Из восьми экземпляров один топор отличался меньшими размерами и весом и вполне мог быть боевым: его длина 120 мм, ширина лезвия 90 мм. На картине неизвестного польского художника, запечатлевшего в первой четверти XVI в. битву под Оршей, аналогичными боевыми «топорками» вооружено московское конное войнство (Киричников, 1976. Табл. XXII). Боевой топор рассматриваемого типа представлен в составе Ипатьевскогоклада, датированного серединой XVI в. (Киричников, 1976. Табл. IV). Таким образом, эти топоры имели довольно продолжительную историю бытования. Появившись в XIII в., они, видоизменяясь главным образом в оформлении обушной части, становятся одним из основных типов боевых топоров в XV—XVI вв., когда роль топора как одного из основных видов оружия московского конного войска значительно возрастает. Находка боевого топора этого типа в составе тушинской коллекции позволяет считать, что употребление их в качестве предмета вооружения продолжалось и в начале XVII в.

Тип 3. К этому типу нами отнесены 3 экземпляра так называемых топоров «утяжеленной

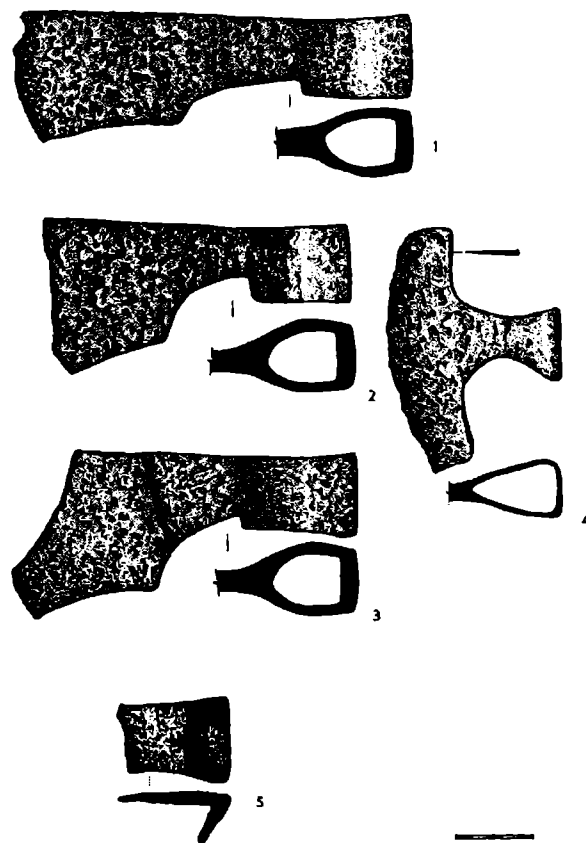

Рис. 7. Топоры

формы» (рис. 6, 3, 4, 7). Это довольно распространенные в позднесредневековых городах Московской Руси клиновидные топоры. Они имеют массивную рабочую часть, симметричное лезвие, удлиненный треугольный в сечении плоский обух с толстыми стенками и характерной бородкой. Топоры такого типа по Новгородским материалам известны с XV в. В XVII в. они становятся основным видом рабочего топора в Московской Руси, о чем свидетельствуют находки при раскопках в Москве и Мангазее (Колчин, 1982. С. 163; Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 141).

Тип 4. Топор-чекан (1 экз.; рис. 5, 4). Наиболее близки эти топоры к универсальным топорам 2 типа, характерным отличием является молоточковидное утолщение обушной части.

Тип 5. Топор-секира (1 экз.; рис. 7, 4). Судя по характерному, треугольному в сечении обуху и отсутствию молоточковидного отростка в обушной части, данное изделие вряд ли может быть связано с более ранними топорами, предполагавшими функции секиры и чекана, которые были распространены на территории Восточной Европы в X — начале XI в. Аналогии данному изделию в позднесредневековых материалах неизвестны. Но, прибегая к изобразительным источникам, и в частности к уже упоминавшейся картине, изображавшей битву под Оршей, можно заметить, что у некоторых персонажей, особенно изображенных в рядах отступающих московских полков, в руках изображены именно такие маленькие секировидные топоры (Кирпичников, 1976. Табл. XXII).

Тип 6. Единственный топор с рабочей частью также секировидной формы, но с характерной мощной втульчатой основой (рис. 5, 2).

Бердыши

Бердыши относятся к одному из основных видов стрелецкого холодного наступательного позднесредневекового вооружения. Данному виду оружия в историографическом смысле повезло значительно больше, чем другим. Так, уже в 1908 г. В.А. Городцов свел воедино информацию о количестве бердышей, хранившихся в музейных собраниях России. На основании определенных образцов из Исторического музея он выделил четыре типа: «бердыши топорovidные»; «бердыши с роговидным передним концом»; «бердыши с роговидным передним концом и с одним или двумя рядами скважин по тупию бердыша» и «бердыши с верхним концом, срезанным в виде полумесяца» (Городцов, 1908.

С. 118–123). Характеризуя бытовавшие на протяжении XVI—XVII вв. типы бердышей, В.А. Городцов высказал несколько соображений: во-первых, он признавал невозможность на тот момент выделить древнейший тип «русских бердышей»; во-вторых, он считал более характерными для XVI — начала XVII в. бердыши преимущественно первого и второго типов, лишенные орнамента и «просверленных скважин». Довольно редкими он полагал для этого времени бердыши с урезанным верхним краем лезвия. На материалах Исторического музея он не выделил их в отдельный тип. Для периода середины — второй половины XVII в. он считал характерными изделия, относящиеся к третьему и четвертому типам. Бердыши, происходящие из Тушино, В.А. Городцов отнес к неопределенным образцам и не стал их подробно описывать. Позднее бердыши рассматривались в работах советских исследователей (Денисова, Портнов, Денисов, 1953. С. 42; Кирпичников, 1976. С. 22). М.М. Денисова в целом повторила в своем труде-справочнике общую типологическую схему, предложенную В.А. Городцовым, отдельно отметив, что отверстия по лезвию у бердышей могли появиться и в XVI в. (Денисова, Портнов, Денисов, 1953. С. 43). А.Н. Кирпичников затронул вопрос происхождения бердышей и также пришел к мысли, что, несмотря на факты находок топоров похожих форм, известных и в более ранний период, существует определенная трудность в доказательстве зависимости позднего бердыша от ранних широколезвийных топоров, а следовательно, и природа происхождения бердыша как вида вооружения на сегодняшний день не совсем ясна (Кирпичников, 1976. С. 22). Само название автор выводил, вслед за В.А. Городцовым, от древневерхненемецкого «Barta», «Barda» — «широкий топор». Характерным для всех исследователей являлось утверждение, что бердыш представлял собой оружие, применявшееся преимущественно в русском стрелецком войске. Отмечается также, что кроме Московской Руси в конце XV в. бердыши появились и в Швеции (Кирпичников, 1976. С. 22, 23). Проведя краткий обзор истории изучения данного вида холодного наступательного вооружения, можно сказать, что предложенная В.А. Городцовым типологическая схема на протяжении XX в. не претерпела существенных изменений и может на сегодняшний день использоваться как основная для современных исследователей.

В материалах из Тушино бердыши представлены двумя целыми экземплярами и одним обломком. К сожалению, автору не удалось обра-

ботать целые образцы, так как к моменту написания работы они не были доступны для осмотра. О типологических особенностях данного вида вооружения мы можем судить только по «немасштабным» рисункам двух целых бердышей, сделанных при создании описей коллекции В.А. Политковского в отделе археологии ГИМ. Довольно странным является тот факт, что рисунки целых бердышей из Тушино, а уж тем более и сами бердыши, которые В.А. Городцов, в отличие от автора, должен был видеть, не позволили ему отнести их к одному из четырех предложенных типов.

Первый из целых бердышей (по описи № 588) представляет собой тип с месяцевидным по профилю лезвием и роговидным передним концом. В коллекционной описи указано, что в верхней части лезвия отмечена петля. Возможно, составители допустили ошибку, приняв за верхнюю часть фрагмент косицы бердыша, при помощи которой лезвие оружия крепилось к ратовищу. Круглых отверстий и следов орнамента по лезвию не отмечено. Размер изделия (по описи) 65 × 13 см. Как уже было сказано, такого типа бердыши бытовали в XVI — начале XVII в. (Городцов, 1908. С. 118–123; Денисова, Портнов, Денисов, 1953. С. 42, 43).

Второй бердыш (№ 589) относится к тому же типу (с месяцевидным по профилю лезвием), но верхний конец его откован в два более коротких острия, нижний конец лезвия обломан. Размеры изделия, по данным коллекционной описи, — 28 × 12 см. Следов отверстий и орнамента по лезвию на рисунке нет. Несмотря на то что В.А. Городцов упомянул в своей работе аналогичные бердыши и отнес их к раннему периоду бытования данного вида оружия, он не посчитал возможным выделить их в отдельный тип.

Третий бердыш (по описи № 606) дошел до нас в сильно поврежденном состоянии (рис. 5, 1). От лезвия сохранилась только нижняя часть, с расплюсченной под два квадратных отверстия косицей. В одном из отверстий сохранились остатки гвоздя. Размер сохранившейся части 290 × 120 мм. Ширина лезвия 50 мм. Размер косицы 65 × 15 мм. Втулка бердыша подтреугольная, размером 55 × 23 мм. Судя по ширине лезвия и его внешнему виду, бердыш принадлежал к тому же типу с «месяцевидным» по профилю лезвием и роговидным передним концом и может быть датирован XVI — началом XVII в.

Таким образом, все рассмотренные бердыши, происходящие с территории Тушинского лагеря, представляют собой довольно типичные образцы, бытовавшие и применявшиеся в русском войске в начале XVII в.

Наконечники стрел

При сборах на территории Тушинского лагеря было найдено 25 различных наконечников, причем почти все они были хорошей сохранности. Все наконечники стрел относятся к одному классу — железных. По форме насада составляют один отдел — черешковые, а по форме пера делятся на две группы.

Слабая изученность наконечников стрел Московской Руси уже ранее отмечалась. До последнего времени практически не было публикаций крупных серий наконечников XVI—XVII вв., за редким исключением не было и попыток их классификаций (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 75–79; Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати). Автором данной публикации была создана база данных по наконечникам стрел, происходящих с территории Московской Руси, куда, в частности, вошел публикуемый ниже комплекс. На основании созданного свода разработана типология, которая и будет использоваться здесь (Двуреченский, 2007).

Тип 1. Шиловидные граненые. Представлен одним вариантом (*вариант 1а*) — шиловидные, трехгранные в сечении, с шейкой и простым упором (1 экз.; рис. 9, 3). Вес 8 г, пропорции пера — 1/9. Длина пера 54 мм, ширина — 6 мм, длина черешка 29 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 93, по А.Ф. Медведеву) датируются X—XIV вв. (Медведев, 1966. С. 84). Как было позднее установлено, наконечники этого варианта продолжают существовать до второй половины XVII в. Аналогичные находки происходят из Москвы, Епифанских слобод, Белгорода, Пскова, Изборска, Мангазеи. По функциональному назначению данные наконечники относятся к бронебойным наконечникам с прокалывающим действием (Никитин, 1952. С. 75; Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 78, 136. Табл. 67; Артемьев,

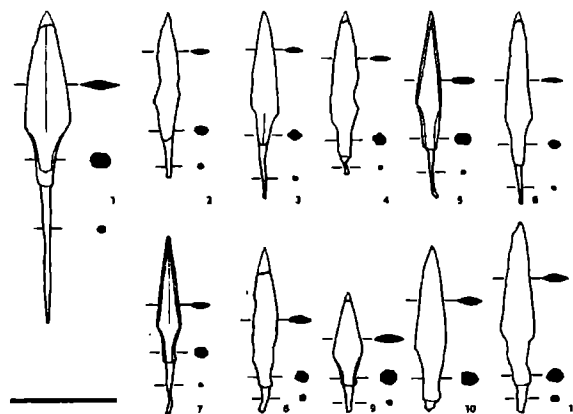

Рис. 8. Наконечники стрел

1998. С. 103. Табл. 77; Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати).

Тип 6. Ромбовидные, уплощенные в сечении, с расширением в нижней трети длины пера. Представлен тремя вариантами.

Вариант 6а. Ромбовидные вытянутые, уплощенные в сечении (ромбические, линзовидные) с расширением в нижней трети длины пера, с упором. Некоторые из них не имеют упора, он замещается слабо выраженным валиком, что отделяет их от типа ромбовидных наконечников без упора. Наконечники варианта 6а представлены 15 экземплярами (рис. 8, 2–6, 7, 8, 10; 9, 4, 7, 8–10, 12, 14). Вес 4,8–13 г. Пропорции пера 1/5. Длина пера 52–72 мм, ширина 11–15 мм, длина черешков 18–28 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 40, по А.Ф. Медведеву), датируются X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65), происходят со всей территории Московской Руси. Они известны в Москве, Белгороде, Вологде, Воротынске, Епифани, Пскове, Изборске, Коломне, Смоленске, Суздале, Твери, Туле, Чебоксарах и продолжают существовать до второй половины XVII в. По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным (Никитин, 1952. С. 75; Артемьев, 1998. С. 102. Табл. 77; Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати).

Вариант 6б. Ромбовидные вытянутые, уплощенные в сечении с расширением в нижней трети длины пера, с вытянутой шейкой и упором. Представлены 4 экземплярами (рис. 8, 11; 9, 1, 5, 6). Вес 7,6–11,4 г. Пропорции пера 1/5. Размеры наконечников: длина пера 56–70 мм, ширина 13–23 мм, длина черешков 11–14 мм. Среди древнерусских наконечников аналогии неизвестны. Происходят преимущественно из Москвы, Коломны, Твери и южных пограничных городов Русского государства — Епифани, Белгорода. Данный вариант наконечников датируется XVI–XVII вв. (Никитин, 1952. С. 75; Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати).

Вариант 6в. Ромбовидные укороченные, уплощенные в сечении (ромбические, линзовидные) с расширением в нижней трети длины пера. Представлен 1 экземпляром (рис. 8, 9). Вес 6,6 г, пропорции пера 1/3. Длина пера 45 мм, ширина 15 мм, длина сохранившейся части черешка 13 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 40, 44, по А.Ф. Медведеву) датируются IX–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65). Данный тип наконечников стрел, претерпев небольшие изменения, продолжает существовать до второй половины XVII в., известен по всей территории Московской Руси. Находки этого варианта стрел извест-

ны в Москве, Епифани, Пскове, Коломне, Рузе, Суздале, Твери, Белгороде, Воротынске, Кашине, Радонеже, Туле (Никитин, 1952. С. 75; Гоняный, Гриценко, Двуреченский, 2006. В печати).

Тип 7. Ромбовидные клиновидные с расширением в нижней трети длины пера, без упора. Представлен одним вариантом (7а) ромбовидных плоских, линзовидных в сечении наконечников с расширением в нижней трети длины пера (2 экз.; рис. 9, 11, 13). Все наконечники этого варианта, происходящие из Тушино, представляют собой плохо сохранившиеся линзовидные образцы весом 1,8–2,5 г. Пропорции пера 1/4. Длина пера 45 мм, ширина 11 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 46, по А.Ф. Медведеву) датируются X–XIII вв. (Медведев, 1966. С. 67). Наконечники варианта 7а, возможно, являются некоей разновидностью типа 6 и отличаются лишь отсутствием упора. Данный тип, по всей видимости, продолжает существовать до второй половины XVII в. Аналогичные изделия происходят из раскопок в Москве, Епифани, Пскове, Мангазее (Никитин, 1952. С. 75; Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 78, 136. Табл. 67; Гоняный, Гриценко, Двуреченский, 2006. В печати; Двуреченский, 2006. В печати).

Тип 12. Ромбические плоские наконечники без упора. Представлен вариантом 12а — узкие ромбические наконечники с наибольшим расширением в середине длины пера, без упора (1 экз.; рис. 9, 2). Вес 6,15 г. Пропорции пера 1/5. Длина пера 52 мм, ширина 11 мм. Аналогичные наконечники происходят из слоев, датирующихся концом XIV — XVII в., в Пскове, Москве, Епифани (Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати; Двуреченский, 2007).

Тип 15. Ромбовидные утяжеленные с расширением в нижней трети длины пера и упором (1 экз.; рис. 8, 1). Вес наконечника 22,7 г. Пропорции пера 1/4. Длина пера 80 мм, ширина

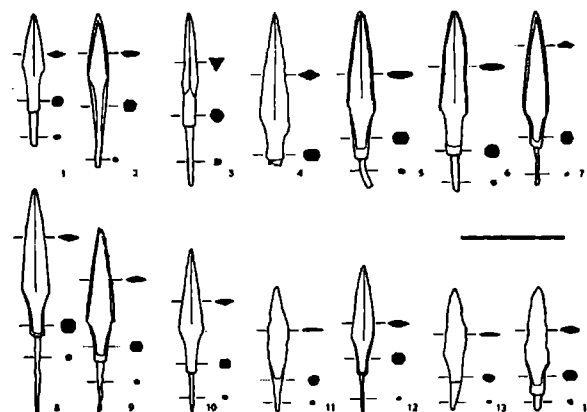

Рис. 9. Наконечники стрел

21 мм, длина черешка 65 мм. Относится к типу 41 (вариант 2), по классификации А.Ф. Медведева. Имели широкое распространение с середины XI до XIV в. Особенно широко они употреблялись в XII—XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65). Аналогичные наконечники происходят также из культурных слоев конца XIV — XVII в. в Москве (Двуреченский, 2007).

В целом набор стрел из Тушинского лагеря характеризуется достаточным функциональным единообразием всех типов. Это в основном универсальные плоские ромбовидные (клиновидные), предназначенные для стрельбы как по легковооруженному, так и хорошо защищенному противнику. Основную массу (88 %) стрел составили простые ромбовидные (клиновидные) наконечники с упором или без него или ромбовидные (клиновидные) с вытянутой шейкой. Все стрелы характеризуются средними размерами от 50 до 100 мм, весом от 4 до 11 г, при учете потери весоразмерных характеристик от коррозии. Бронебойные стрелы представлены единственным экземпляром. В комплексе отсутствуют столь характерные для более раннего времени срезни и генетически связанные с ними широколопастные стрелы других типов. Эта тенденция более очевидна при сравнении с единовременным комплексом епифанских стрел, где универсальные ромбовидные (клиновидные) стрелы составляли около 60 %. Из общей массы выбивается ромбовидный наконечник (тип 15), отличающийся большими размерами и весом (Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати).

Чесноки

К снаряжению, применявшемуся против вражеской кавалерии, традиционно относят так называемые чесноки, представленные в материалах Тушинского лагеря тремя экземплярами. Длина шипа каждого изделия 30—35 мм. Шипы имели либо простое окончание, либо напоминающее наконечник остроги. Общая высота изделия от уровня поверхности 60 мм. Аналогичные образцы известны по материалам раскопок в оружейной палате Кирилло-Белозерского монастыря, где они датируются началом XVII в. (Кирпичников, Хлопин, 1958. С. 158).

Снаряжение для огнестрельного боя

Среди вещей, относящихся к предметам огнестрельного вооружения, особый интерес представляют обломки трех ударно-кремневых замков и отдельные детали к замкам данного типа.

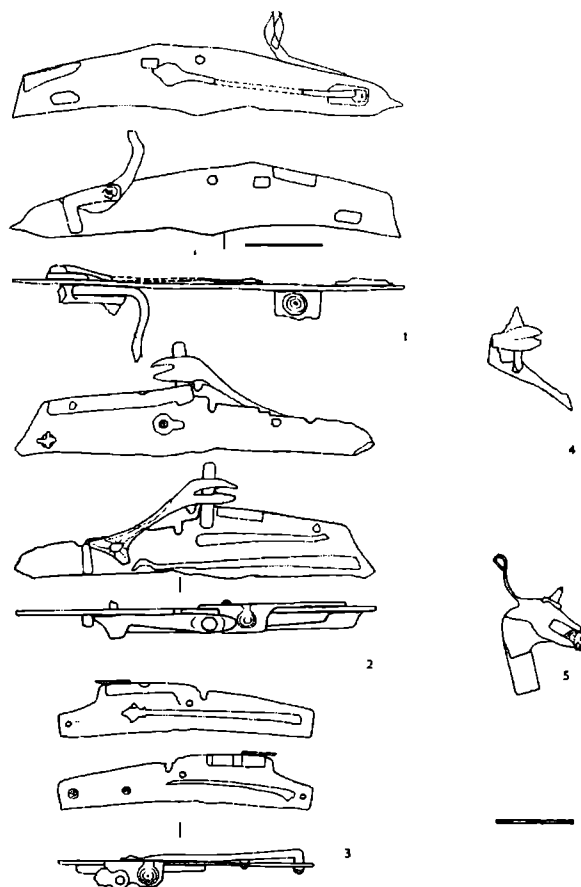

Рис. 10. Детали ружейных замков

Первый замок (рис. 10, 1) представляет собой плохо сохранившийся ударно-кремневый механизм крупных размеров. До нас дошла несколько деформированная замочная доска длиной 235 мм, с размещенными на ней деталями механизма. С лицевой стороны плоская поверхность замочной доски в центральной части образовывала прямоугольный выступ пороховой полки. Курок, несущий кремь, располагался в левой части от полки, сами губки курка не сохранились. Ножка курка имела характерный загнутый хвост, который служил боевым взводом. Предохранительная система данного замка располагалась с левой стороны от центра, где читается спекшееся удлиненное плечо шептала, оно было скрыто за небольшой пластиной, к которой крепилась подкурковая пружина (все пружины, к сожалению, не сохранились). Оканчивалась доска орнаментальным отростком в виде каплеобразной фигуры, горизонтально вытянутой к ложу ружья.

По схеме расположения деталей и отверстий под отсутствующие компоненты боевого спуска и взвода на замочной доске такие замки относились к так называемым карельским замкам, многочисленные аналоги которым хранились и

фиксируются по документам оружейных палат северных монастырей Московского государства (*Мышковский*, 1965. С. 194).

Второй замок, несколько лучшей сохранности, дошел до нас в виде замочной доски длиной 223 мм. С внутренней стороны замочной доски сохранились боевая и подогнивная прямые пружины, пороховая полка и курок, несущий кремь (рис. 10, 2). Курок оформлен в виде вытянутого молоточка. Стерженек ножки и губки курка сильно проржавели. Конструкция крепления губок не совсем ясна. По всей видимости, верхняя губка была свободна и при помощи винта прижимала кремь к нижней. Курок имеет снизу крестовину. На переднюю часть опиралась изогнутая ветвь боевой пружины, тыльная часть служила боевым взводом, который стопорил стержень шептала. С внутренней стороны замочной доски, возможно, фиксируются остатки пружины шептала. Ножка курка крепилась к доске на винте. Механизм спуска полностью утерян. Как видно, почти весь механизм смонтирован с наружной стороны замка. По ряду конструктивных моментов это типичный русский замок с двумя прямыми пружинами и курком, с крестовиной на конце, относящийся к самому распространенному типу замков, бытовавших в конце XVI — первой половине XVII в. в Московском государстве (*Мышковский*, 1965. С. 190).

Третий замок (рис. 10, 3), наихудшей сохранности, относился, по всей видимости, к описанному выше типу русских замков с двумя прямыми пружинами (*Мышковский*, 1965. С. 190). Длина замочной доски 165 мм. Отличительной особенностью данного механизма являлось наличие крышки пороховой полки.

К разрозненным деталям замков можно отнести гнутую двуперую боевую пружину, два обломанных курка (рис. 10, 4, 5). Свидетельством наличия в арсенале «тушинцев» ружей с замками более сложной конструкции, нежели кремневые, может являться предмет, который нами интерпретирован как деталь колесцового замка (рис. 12, 9). Это четырехгранный в сечении стержень от колеса, который выступал от уровня замочной доски. При помощи него производился завод колесцового механизма. На конце стержень был скован на конус, половина длины на резьбе крепилась к самому колесцу.

Помимо замков к частям огнестрельного оружия относились также волнообразно изогнутые пластины длиной 190 мм, которые могли являться предохранительными спусковыми скобами (рис. 12, 1–3).

В коллекции Тушинского лагеря имеются обломки стволов от 3 ружей.

Три обломка относились к дульной и срединной частям одного ствола, казенная часть которого не сохранилась (по описи № 597, 599). Общая длина ствола 540 мм (рис. 11, 1). Сохранившиеся фрагменты довольно крупны, что позволяет говорить о незначительной утрате в казенной части ружейного ствола.

Поверхность ствола неровная, что сказывается на его диаметре. Наружные размеры ствола у казенной части 25 мм, у дульного среза 21 мм, в середине ствола 21,5 мм. Толщина стенок ствола 7 мм ближе к казне и 4 мм у дульного среза. Калибр ствола 11,5 мм и расширяется у дульного среза до 12 мм.

Ствол крепился к ложу, по всей видимости, при помощи двух «ушек» или «сережек», вставленных в нижнюю грань ствола. Н.В. Гордеев относит данный тип «сережек» к задвижным, углубления которых выпилены в виде ласточкина хвоста (*Гордеев*, 19546. С. 10). Сохранилось только «ушко», размещенное в 144 мм от дульного среза, второе должно было быть закреплено ближе к казенной части.

Фрагмент ствола (по описи № 594) представлял собой часть ружейного ствола с отсутствующей дульной частью (рис. 11, 2). Длина обломка 393 мм. Ствол круглый в сечении, наружный диаметр в середине ствола 21 мм, в казенной части 25 мм. Канал ствола был слегка рассверлен. Вследствие продольной сварки толщина стенок ствола варьирует от 4 до 4,5 мм на разных гранях. Калибр ствола 13 мм в срединной части. Из-за плохой сохранности визуально места крепления «сережек» и место запального отверстия не фиксируются. С казны ствол закрыт казенным винтом с хвостовиком. Сам хвостовик обломан и погнут, сохранившаяся длина хвостовика 40 мм.

В качестве аналогии описанному выше стволу можно привести три ствола с казенными винтами с хвостовиками из коллекции Артиллерийского музея, поступившие на хранение в 1877 г. из Соловецкого монастыря. Все они имеют калибр 12,4–14,8 мм, длина ствола составляет 718–920 мм, вес 3–5 кг. Судя по наличию казенных винтов с хвостовиком, такие стволы датируются второй половиной XVI — XVII в. (*Мышковский*, 1961. С. 233).

Наилучшая сохранность была зафиксирована у третьего ствола, который, возможно, являлся фрагментом пистолета (рис. 11, 3). Длина ствола 290 мм. В казенной части ствол был раскован в виде восьмигранника, плавно переходящего к круглой дульной части. Ствол был осажен с двух концов, вследствие чего он стал короче, а его концы утолщались. Наружные размеры

ствола в казенной части 28 мм, у дульного среза 22 мм. Ствол был слегка опилен по поковке на восемь граней. Грани неровные и не отличаются тщательностью отделки. Канал ствола был слегка рассверлен. Вследствие продольной сварки толщина стенок ствола варьирует от 6 до 7 мм на разных гранях. Калибр ствола 11 мм. С казны ствол закрыт казенным винтом. Казенный винт изготовлен из железного прута длиной 50 мм, который был нарезан с одной стороны и раскован под хвостовик с другой, после чего он вкручивался на резьбе в казенную часть ствола. Запальное отверстие просверлено справа, диаметр его из-за плохой сохранности не устанавливается. Ствол крепился к ложу, по всей видимости, при помощи «ушек», вставленных в нижнюю грань ствола. Сохранилось «ушко», размещенное в 60 мм от дульного среза, второе должно было быть закреплено ближе к казенной части.

Если перед нами ствол от пистолета (некоторые сомнения все же остаются, но аккуратная отделка дульного среза на фоне плохой сохранности ствола не предполагает иной интерпретации), то перед нами, возможно, один из тех западноевропейских пистолетов, что стали распространяться в России со второй половины XVI в. Лишь

в первой четверти XVII в. в оружейных мастерских Московской Руси начинают производить пистолеты с кремнево-ударными замками богатой отделки (Маковская, 1992. С. 50).

Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия

В коллекции предметов, происходящих из Тушинского лагеря, снаряды для огнестрельного оружия составляют значительный процент. Всего было собрано 114 снарядов для ручного огнестрельного оружия. Сюда вошли как готовые к боевому применению пули, так и заготовки и стреляные снаряды. В соответствии с разработанными схемами систематизации свинцовых снарядов для ручного огнестрельного оружия Московской Руси, свинцовые снаряды из Тушинского лагеря по технике изготовления делились на две большие группы (рис. 13; рис. 14) (Двуреченский, 2005).

Группа 1. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия, изготовленные методом литья свинца в формы-пулелейки. Всего к данной группе относилось 90 экземпляров, что составляет 86% от общего числа.

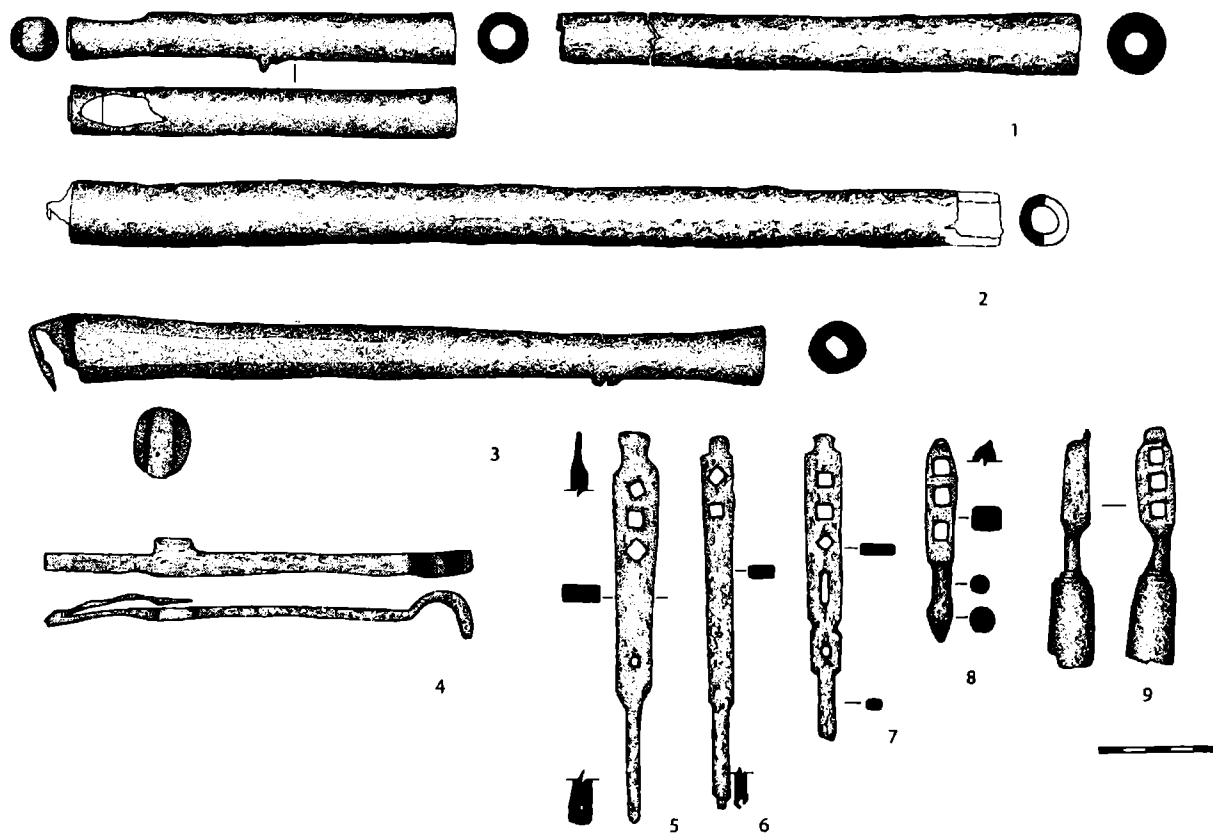

Рис. 11. Огнестрельное оружие

1–3 — ружейные стволы; 4 — боевая пружина от ружейного замка; 5–9 — ключи для разборки пищалей

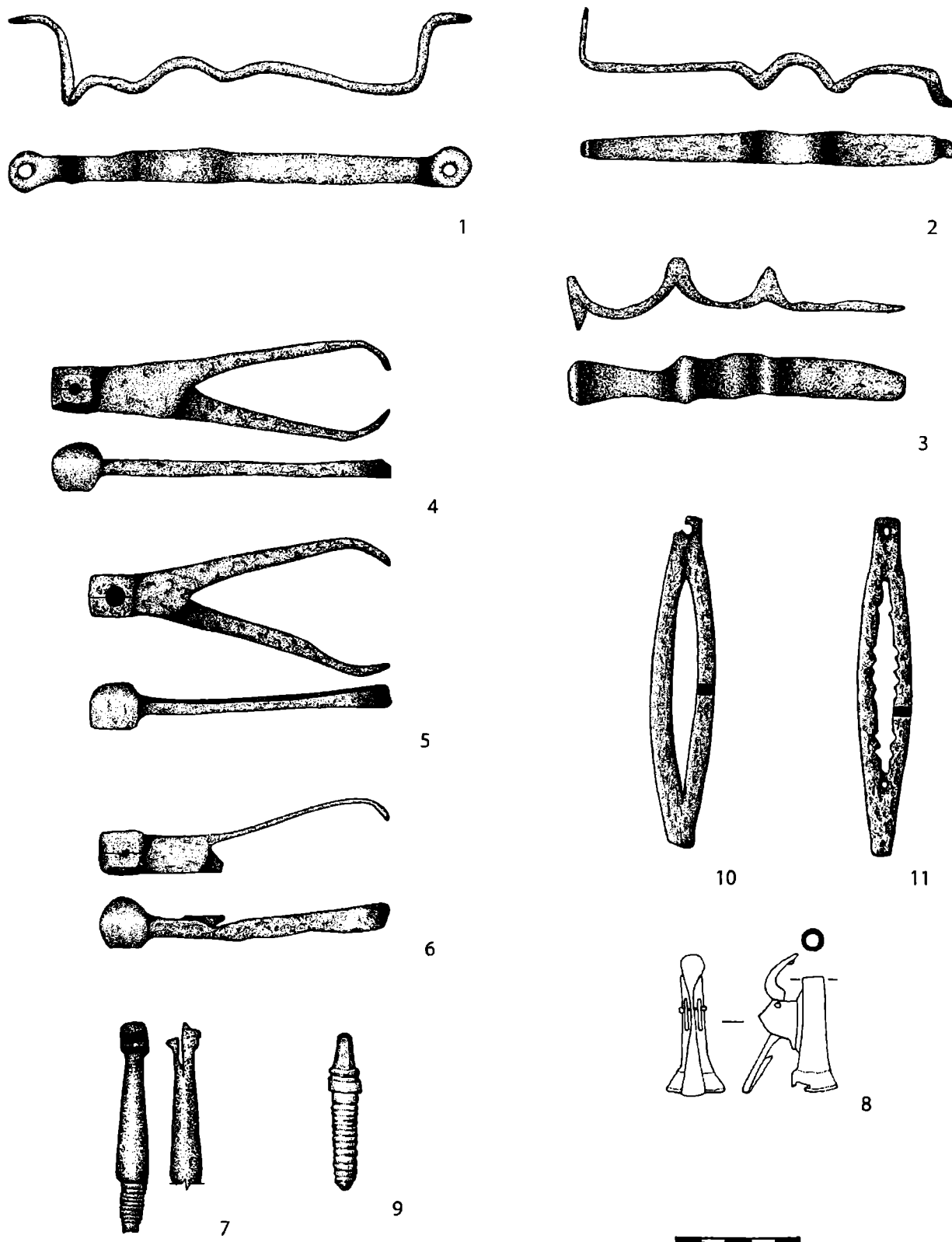

Рис. 12. Снаряжение для огнестрельного боя.

1—3 — подкурковые скобы; 4—6 — пулелейки; 7, 10, 11 — инструменты для обслуживания пищалей;
8 — фрагмент пороховницы; 9 — штифт от колесцового замка

На базе 72 определимых экземпляров нами выделены 4 варианта.

Вариант 1. Снаряд шаровидный с литником без дальнейшей обработки (рис. 13). Включает 44 экземпляра — 61% от всех снарядов данной группы. Вес 4–13,6 г, диаметр 8–13 мм.

Вариант 1б. Деформация свинца в форме, с литником, без дальнейшей обработки (рис. 13). Включает 7 экземпляров (10% от всех снарядов данной группы). Вес 5,2–13,2 г, диаметр 8–12 мм.

Вариант 2. Снаряд шаровидный, нормально обрублен (рис. 13). Включает 20 экземпляров (28% от всех снарядов данной группы). Вес 4,8–24,5 г, диаметр 9–17 мм.

Вариант 2а. Снаряд шаровидный. При литье обрублена часть пули с литником, без дальнейшей обработки (рис. 13). Включает 1 экземпляр (1%). Вес 3,7 г, диаметр 9 мм.

Варианты 1, 1а представлены пулями, прошедшими только первичную стадию изготовления, то есть литье свинца в формы. Варианты 2, 2а — это пули, прошедшие первичную обработку, то есть рубку литника. Сюда относятся также пули, несущие следы последующего применения, хранения либо возможной вторичной обработки. Заметим, что только пули варианта 2 дают законченную округлую пулю — они составляют примерно 28% от общего числа снарядов. Остальные 72%, собственно говоря, являются браком, который все-таки использовался для стрельбы. Все свинцовые снаряды группы 1

делятся по весо-размерным характеристикам на три раздела (табл. 1).

Таблица 1

Варианты размеров группы 1	Раздел 1	Раздел 2	Раздел 3
%	20	78	2
Количество	12	46	2
Диаметр (мм)	8–9,5	10–14	16–17
Вес (г)	4–6,5	6,5–14	24,5

Первый раздел представлял собой пули от пистолетов и малокалиберных ружей при весе снаряда 4–6 г. В связи с этим хотелось бы отметить, что в материалах из Епифанских слобод свинцовых снарядов для такого типа огнестрельного оружия зафиксировано не было (Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати).

Второй раздел, самый массовый, иллюстрирует обычные боеприпасы к самому распространенному типу вооружения — пищалям. Третий раздел может иллюстрировать снаряды к так называемым затинным пищалям или малокалиберным пушкам. Возможно также, что это снаряды к крупным мушкетам, начавшим распространяться в это время на территории Московской Руси.

В целом отмечается небрежность в изготовлении пуль, особенно это заметно на второй стадии их обработки, когда при обрезке литника рубили до половины пули, после чего практи-

Группа 1

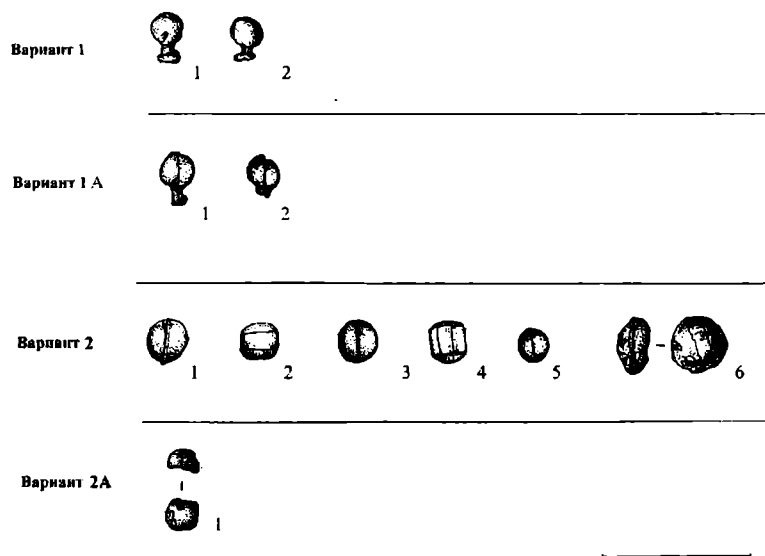

Рис. 13. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия. Группа 1

чески бракованный снаряд мог быть обкатан с тем расчетом, чтобы придать ему более округлую форму. Характерным отличием является почти полное отсутствие, за исключением одного экземпляра, снарядов со следами обжима. Такие характерные следы на пуле свойственны снарядам, либо находившимся в долгом казенном хранении, либо являвшимся частью партии боеприпаса, поставлявшегося в войска. В епифанских материалах такого типа снаряды характерны для первой половины XVII в. Они отличаются своей аккуратностью и стандартностью как по весу пули (10,5 г), так и по диаметру (12 мм). Точно такие же данные и у одной пули из Тушина, за исключением того, что она дошла до нас с литником и поэтому на 0,5 г тяжелее аналогичных епифанских пуль со следами обжима (Гоняный, Гриценко, Двуреченский. В печати).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие (за исключением некоторых сомнительных изделий) снарядов группы 2, выделенных по материалам Москвы и Епифани, представлявших собой боеприпас, изготовленный методом литья расплавленного свинца в жидкую среду (масло, вода).

Группа 3. Снаряды, изготовленные методом рубки и обкатки свинцовых заготовок, без применения термообработки свинца (рис. 14).

Схема изготовления снаряда данным способом включала в себя два этапа. Заранее подготовленная в виде заготовки свинцовая проволока рубилась на цилиндры, после чего эти куски свинца закругляли катанием (современные охотники для изготовления пули или дроби кустарным способом используют для этого чугунные сковороды и катают по железному листу). В результате снаряд может получиться довольно

округлый и мало чем уступающим качественно отлитой пуле. Такого типа снаряды назывались «секанцы», от слова «сечь» — рубить свинец (Маркевич, 1994. С. 115). Могли также обкатать и произвольный кусок свинца.

К данной группе относятся 14 экземпляров, что составляет 14 % от общего числа свинцовых снарядов. 10 из них были просто необработанными свинцовыми цилиндрами. Возможен также вариант, что цилиндры могли быть заготовками для литья пуль в пулелейки. Но против последней версии говорит отличие весовых характеристик нестандартных заготовок от готовых пуль в пулелейках. Являлись ли они необкатанными заготовками или могли использоваться как самостоятельные снаряды, сказать трудно, во всяком случае, исключать такую возможность нельзя. Для XIX—XX вв. известны охотничьи снаряды разрушительного действия — жеребей, предназначенные для стрельбы по крупным целям, практически ничем не отличающиеся от свинцовых цилиндров из Тушинского лагеря. Изготавливали их, как правило, путем рубки свинцовой проволоки (Бутурлин, 1912. С. 23).

Таким образом, свинцовые снаряды данной группы представлены двумя вариантами, которые могли использоваться в качестве боеприпаса.

Вариант 1. Заготовка (или снаряд-жеребей?) в виде цилиндра, без дальнейшей обработки (10 экз.). Вес от 4,2 до 13,8 г, высота цилиндра 9–15 мм, диаметр 8–13 мм.

Вариант 2. Произвольный кусок свинца, или заготовка в виде цилиндра со следами обкатки (4 экз.). Вес от 7,5 до 11,5 г, диаметр 10–14 мм.

Все свинцовые снаряды группы 3 делятся по весоразмерным характеристикам на два раздела (табл. 2).

Группа 3

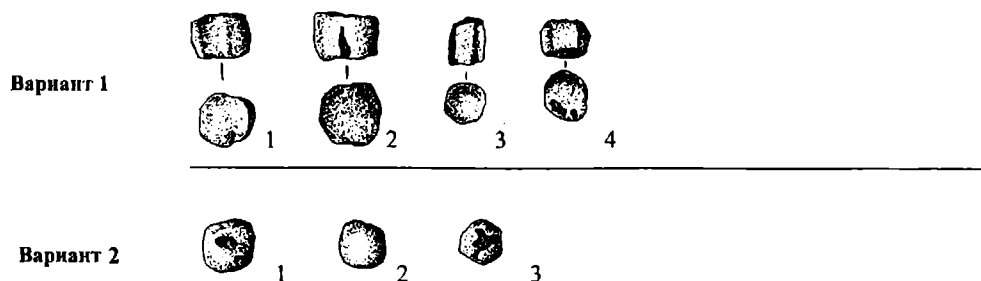

Рис. 14. Свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия. Группа 3

Таблица 2

Варианты размеров группы 3	Раздел 1	Раздел 2
Количество	5	5
Диаметр (мм)	8—10	10—13
Вес (г)	4,2—5,2	8,2—13,8

Первый раздел объединяет пули от пистолетов и малокалиберных ружей. Второй раздел, самый массовый, иллюстрирует обычные боеприпасы к пищалям.

Литье пуль, как на местах, так и централизованное, невозможно представить без сопутствующих приспособлений, а это, прежде всего, уполовни и пулелейки, то есть посуда, в которой обычно расплавлялся свинец, и формочки, по которым он разливался. В материалах из Тушинского лагеря известны как крупные половники с втульчатым основанием для насаживания деревянной ручки, так и уполовни меньших размеров, которые могли служить для плавки и отливки свинца.

Формы для отливки самих пуль (пулелейки) относятся к одному типу, так называемых клещевидных (рис. 12, 4–6). Пулелейки представляют собой клещи с формочками на конце, в полости которых выбраны две полусферы с каналами для литья. Длина трех тушинских пулелек составляет 110–125 мм. Диаметр отливаемых пуль установить не удалось, так как сами створки формочек «сварились» от коррозии.

К военному снаряжению ряд авторов также относит обычные клещи, которые интерпретируются как «клещи для обрезания торцов пуль», то есть литников. Размеры и грубость отдельных ножиц позволили некоторым исследователям интерпретировать их в качестве ножиц для обрезания фитилей, что нам представляется не совсем убедительным.

Пороховницы, или натруски, в материалах из Тушино представлены маленьким фрагментом сосочка пороховницы с крышкой на рычажке (рис. 12, 8). Такие приспособления служили для мерной засыпки пороха в канал ствола или на полку ружейного замка. Высота сохранившейся части 45 мм.

Многочисленные ключи для разборки и чистки ружейных замков хорошо известны по материалам раскопок в Москве. В коллекции Тушинского лагеря такие ключи представлены 5 экз. (рис. 11, 5–9), принадлежавшими к двум разновидностям. К первой относятся короткие бруски длиной 100 мм, прямоугольного сечения, с характерным скосом под отвертку в верхней час-

ти, с втульчатым основанием для крепления рукояти. В плоскости пластины пробиты три квадратных отверстия со стороной 5–6 мм. К другой разновидности относятся сложнопрофилированные пластины со стерженьком и петлей на конце, возможно, для подвешивания. В плоскости пластины пробиты различные по форме отверстия для работы с разнообразными профилями крепежей. Длина изделия 157 мм.

К инструменту оружейников также традиционно относят разновидности «овальных» кресал с вырезами различных форм вдоль центральной прорези, которые служили для отвертывания колков ружейных замков (рис. 12, 10, 11). Узкие концы таких кресал употреблялись как отвертки (Розенфельдт, 1971. С. 264). Аналогичные изделия представлены и в коллекции вещей из Тушинского лагеря. Длина их 130–133 мм, при ширине рабочей части 30–35 мм. Возможно, что кресала без таких вырезов могли также использоваться как обычные отвертки.

В широком смысле к огнестрельному снаряжению следует отнести такую категорию находок, как артиллерийские ядра. Пятнадцать разнокалиберных ядер было собрано на территории Тушинского лагеря и вошло в коллекцию ГИМ. Все ядра железные шаровидные. Диаметры артиллерийских снарядов варьируют от 21 до 95 мм. Ядра диаметром 21–30 мм составляют 40% от общего числа, как и ядра диаметром 40–60 мм, оставшиеся 20% — ядра диаметром 65–95 мм. К сожалению, малое количество ядер лишь косвенно может говорить об орудийном парке «тушинцев».

Оборонительное снаряжение

Из широкого спектра индивидуальных защитных приспособлений конца XVI — XVII в. в материалах из Тушино представлены только обрывки шести кольчатых доспехов. Остатки кольчуг сильно фрагментированы и сохранились в виде либо спекшихся комков, либо очищенных и закрепленных реставраторами подпрямоугольных участков плетения, что не позволяет получить более полную информацию о деталях покроя, способах плетения и отделке употреблявшихся кольчуг и панцирей.

Из шести доспехов только у четырех восстанавливаются размеры и типы кольчужных колец, из которых были собраны доспехи. Два сильно спекшихся фрагмента (коллекционные номера 163 и 164), возможно, представляли собой обрывки от одной кольчуги. Оба фрагмента состояли из мелких колец диаметром 7,5 мм (форма сечения не устанавливается, толщина

дрота 2–2,5 мм). Способ скрепления ветвей кольца также неясен. Фрагмент кольчатого доспеха, хранящийся под коллекционным номером 805, состоял из девяти рядов колец, собранных в характерной кольчужной технике. Все кольца, имевшие диаметр 12,5 мм, были собраны «на гвоздь» из проволоки, овальной в сечении (1,5–2 мм). Самый крупный фрагмент кольчужного доспеха (№ 829) отреставрирован и имеет размеры 800 × 300 мм. Кольчужное полотно состоит из 33 рядов колец, каждое кольцо скреплено с четырьмя соседними. Выявлены два типа колец, собранных в ряды. Кольца первого типа, диаметром 12,5 мм, были собраны «на гвоздь» из уплощенно-овальной проволоки, с толщиной дрота 2,5–3 мм. Кольца второго типа были просечными и имели такой же диаметр. Такого размера полотно могло являться фрагментом распущенного или не собранного по какой-то причине кольчатого доспеха. Данный факт может указывать на существование на территории Тушинского лагеря кузнечных или передельных мастерских, которые могли не только ремонтировать, но и изготавливать, даже такие сложные с конструктивной точки зрения изделия, как оборонительное вооружение. Подводя итог описанию находок, связанных с оборонительным вооружением, можно отметить, что представленные фрагменты кольчатых доспехов относятся преимущественно к кольчугам. Несколько удивляет отсутствие более распространенных для этого периода панцирных кольчатых доспехов, что может быть объяснено либо малочисленностью представленных фрагментов, либо просто случайным совпадением (Гордеев, 1954а. С. 85).

Конское снаряжение.

Удила

В коллекции Тушинского лагеря удила представлены 9 целыми образцами, 3 фрагментами с утерями кольца или половины грызла, 4 звеньями грызла без колец и 8 удильными кольцами. Все они в той или иной степени дополняют информацию о применявшихся «тушинцами» средствах управления конем (рис. 15–17).

Так же как и топоры, тушинские удила впервые были опубликованы в труде А.В. Никитина, где приведено несколько рисунков. Систематика тушинских удил проведена на основе разработанной А.Н. Кирпичниковым типологической схемы для удил, псалиев и колец упряжных.

К типу I относится обломанный фрагмент псалия (второй разновидности, по А.Н. Кир-

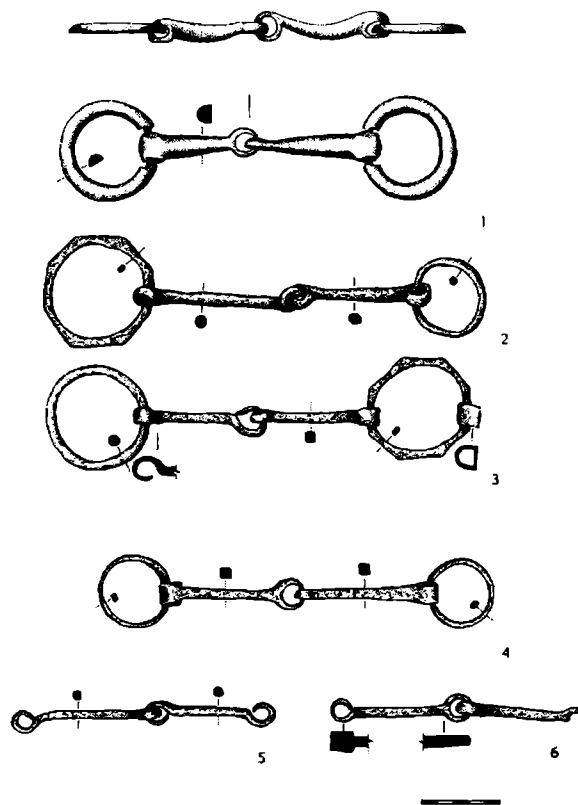

Рис. 15. Удила

пичникову) в щитке которого пробито одно отверстие (рис. 16, 4). В него продета одна из петель восьмерковидного окончания грызла. Сохранился и фрагмент кольца, продетого в ушко, перпендикулярное по отношению к тому, в которое продет псалий. Длина сохранившейся части псалия 90 мм. Такого типа удила датируются в основном в пределах IX—XIII вв., и лишь один экземпляр происходил из слоев XII—XIII вв. (Кирпичников, 1973. С. 14). Присутствие в коллекции из Тушинского лагеря удил столь раннего типа может быть объяснено тем, что данный образец попал в коллекцию из разрушенного поселения, существовавшего на территории лагеря или поблизости от него в более раннее время.

Удила типа II представлены также одним экземпляром (рис. 16, 2). Они состоят из двух подвижных равномерных звеньев (сечение дрота подпрямоугольное, 6 × 8 мм, длина звеньев 91 и 93 мм) и двух псалиев (разновидность 8). Общая длина грызла 177 мм. Удила такого типа являются довольно универсальными изделиями и, появившись в X в., просуществовали до наших дней без значительных изменений (Кирпичников, 1973. С. 16).

Все остальные удила относятся к типу IV и представлены наиболее универсальной и распространенной формой. Они состоят из двух подвижных равномерных звеньев (сечение дрота

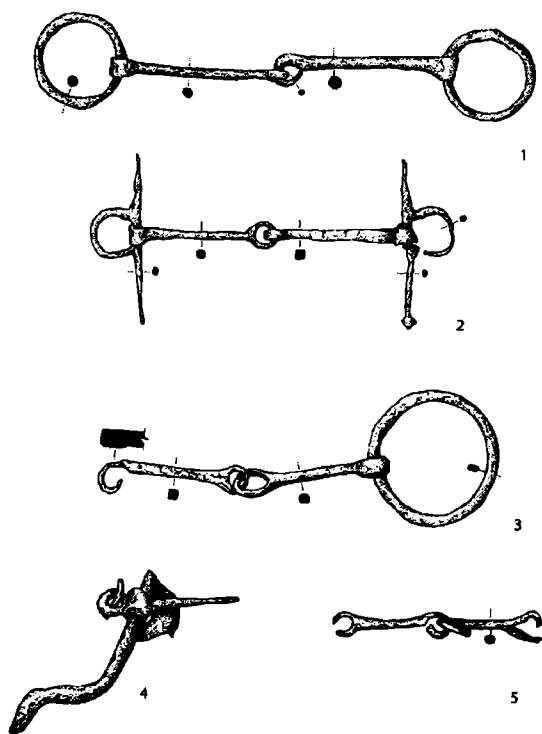

Рис. 16. Удила

та округлое или подквадратное), длина звеньев грызла, как правило, неодинаковая. Основной процент удил имел длину грызла 155–200 мм, остальные экземпляры иллюстрируют либо очень маленькие удила с длиной грызла 132 мм, либо очень крупные, с длиной 213 мм. Отличаются также и диаметры колец у одних и тех же удил, разница в диаметре от 1 до 24 мм. Данный тип кольчатых удил на территории Восточной Европы появляется с IX—X вв., к XII в. становится господствующим среди других типов (Кирпичников, 1973. С.12, 17).

Отдельно от описанных выше типов стоит фрагмент удил, где вместо одного из колец был вставлен псалий или фрагмент псалия (рис. 17, 7).

Удильные кольца, как в составе самих удил, так и найденные при сборах на территории Тушинского лагеря, различаются и по размерам, и по внешнему виду. Выделяются круглые и восьмиугольные кольца. Характерно, что оба типа колец могли применяться в одном комплекте удил.

Шпоры

Все 9 целых и фрагментированных шпор из Тушинского лагеря относились к так называемым колесиковым шпорам (тип V, по классификации А.Н. Кирпичникова). Применение ти-

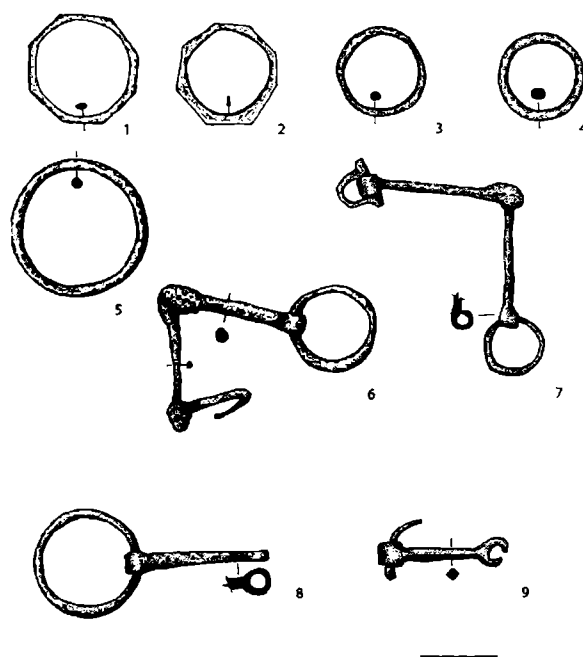

Рис. 17. Удила и удильные кольца

пологии А.Н. Кирпичникова, оправданное для раннесредневековых и средневековых материалов, требует большей детализации на материале для позднейших периодов (Кирпичников, 1973. С. 61. Рис. 37). Более дробная типология шпор для позднесредневекового периода представлена в работе Ю.М. Бохана, базировавшейся на материале, происходящем с территории Великого княжества Литовского. Автор выделяет четыре основные группы шпор, время распространения которых падает на вторую половину XIV — конец XVI в. Как у А.Н. Кирпичникова, так и у Ю.М. Бохана, основой для выделения типов послужили формы дужки, петель и держателя колесца. Судя по тому, что аналогичные шпоры известны и по материалам Руси XIV—XVII вв., привлечение данной систематизации при описании шпор, происходящих с территории Тушинского лагеря, представляется целесообразным (Кирпичников, 1976. С. 48–50; Никитин, 1971. С. 40, 59; Бохан, 2002. С. 222–226).

По формам дужки, петель и держателя колесика тушинские шпоры относятся к третьей и четвертой группам, выделенным Ю.М. Боханом (рис. 20). Характерной особенностью шпор третьей группы является расположенная в одной горизонтальной плоскости с держателем колесца и петель пластинчатая дужка (рис. 20, 1, 2, 6, 7). Держатель колесца также пластинчатый. Высота ветви дужки у тушинских шпор достигает 15–20 мм. Всего к данной группе относятся четыре изделия. Петли у шпор данной группы от-

носятся к двум типам. У двух шпор петли представляют собой прямоугольные расширения на конце с двумя просечными прямоугольными отверстиями с каждой стороны (тип 2, по А.Н. Кирпичникову), два других изделия с сохранившимися петлями относятся к неизвестному для более раннего периода типу — в виде пластины с полукольцом на верхней грани, куда крепилась пряжка, и дополнительное отверстие в пластине шпоры. Возможно, перед нами эволюция раннесредневековых петель типов 6 или 7 (Кирпичников, 1973. С. 63. Рис. 38). Держатели колеса имеют вид прямой, раздвоенной на конце, пластины. Данная группа шпор по центрально-европейской исторической традиции относится к так называемым «гусарским» шпорам, распространившимся в XVI — середине XVII в. Ближайшей аналогией тушинским образцам являются шпоры из Витебска и Крычева (Бохан, 2002. С. 222–226).

Характерной особенностью шпор четвертой группы является держатель колеса, имеющий коленчатый перегиб, направленный вниз, на расщепленном конце которого закреплено колесо. Шпоры имеют горизонтально расположенные полукруглые или подтреугольные в сечении дужки. Такое же сечение имеют держатели колеса. Шпоры данной группы, как правило, мелкие, с пластинчатыми петлями крепления (тип 2 — Кирпичников, 1973. С. 63. Рис. 38). Всего к данной группе относятся четыре изделия (рис. 20, 3–5, 9). Сохранившиеся колеса у шпор как третьей, так и четвертой, групп характеризуются большим количеством (от 15 до 24) мелких зубцов, что резко отделяет их от более ранних образцов шпор с колесовым шипом (Бохан, 2002. С. 222–226). Шпоры четвертой группы относятся к так называемым «острогам немецким», распространение которых связывается с западноевропейской традицией. Именно такими шпорами с короткими изогнутыми шейками снаряжались рейтарские и кирасирские полки Западной Европы (Бохан, 2002. С. 225). Такие образцы вытеснили в Центральной Европе «гусарские» шпоры. Присутствие в материалах из Тушино шпор двух основных разновидностей, характерных для Центральной Европы конца XVI — начала XVII в., ярко иллюстрирует снаряжение не только контингента иностранных воинов, присутствовавших в Тушино, но и, возможно, свидетельствует об определенном влиянии европейских традиций на снаряжение всадника и верхового коня Московской Руси.

Стремена

Среди 13 стремян 4 целых и 8 фрагментов. Одно стремя не удалось разыскать в фондах ГИМ (рис. 18; рис. 19). Как и прочие категории военного и конского снаряжения позднего средневековья, стремяна до сего дня не получили должного освещения в отечественных вещеведческих работах. Разработанные типологии стремян древнерусского периода, а также типологии восточноевропейских кочевнических стремян (Кирпичников, 1973. С. 63. Рис. 38; Федоров-Давыдов, 1966. С. 12–16) не могут быть применены без существенной натяжки для систематизации стремян, бытовавших в позднесредневековый период на территории Восточной Европы. Довольно кратко данный вид снаряжения верхового коня рассмотрел в своем исследовании А.В. Никитин (1971. С. 40, 59). Значительно лучше изучены стремяна центрально-европейского региона (Бохан, 2002. С. 217, 218; Swietoslowski, 1990. S. 70–73). Учитывая вышесказанное, мы посчитали целесообразным при систематизации стремян проводить параллели, где это удастся, как с типами, бытовавшими в более раннее время и описанными А.Н. Кирпичниковым, Г.А. Федоровым-Давыдовым, так и с теми типами, что бытовали в конце XVI — начале XVII в. на территории Центральной Европы.

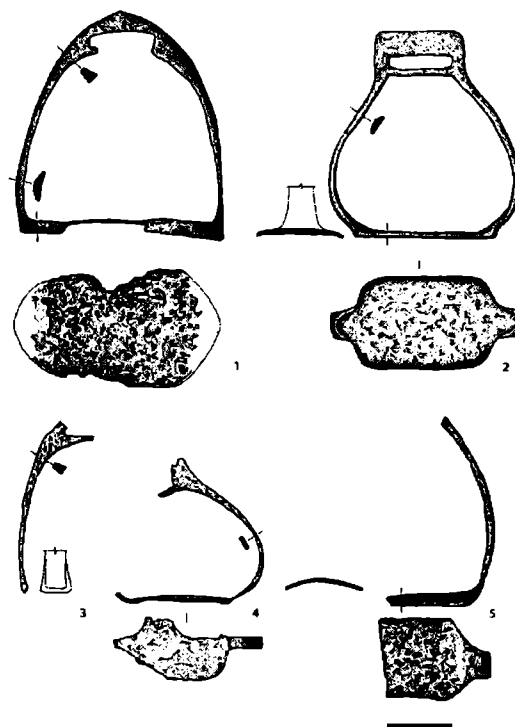

Рис. 18. Стремена

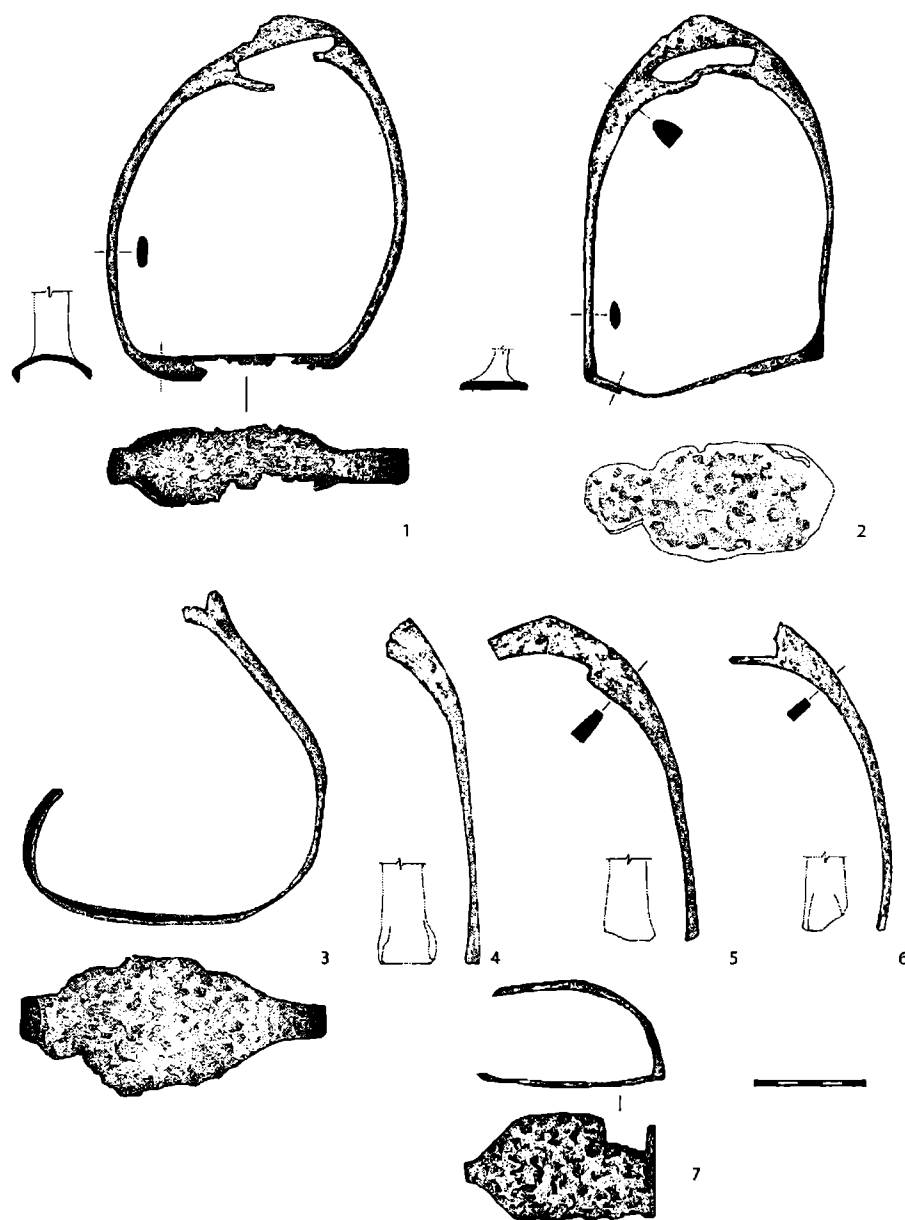

Рис. 19. Стремени

Стремени из Тушинского лагеря можно разделить на две разновидности. К первой и самой массовой (10 экз.) мы отнесем стремени с характерной «килевидной», арочной дужкой высотой 160–175 мм и прямой подножкой шириной 40–100 мм (рис. 18, 1, 3–5; 19, 1–6). Подножки у такого типа стремян линзовидной и подпрямоугольной формы. В верхней части свода дужки проделано отверстие для крепления стремennого ремня (путлища), дужка не имеет характерного округлого выступа ниже прорези. Такие стремени относятся к одному из самых распространенных типов, бытовавших на территории как Восточной, так и Центральной Европы в

XVI—XVII вв. (Шеляпина, Панова, Абдусина, 1979. С. 48; Бохан, 2002. С. 217, 218; Кирпичников, 1976. Табл. IV; Ткачоу, Мяцельски, 1994. С. 192). Бытование подобных стремян отмечается еще в древнерусский период. А.Н. Кирпичников называл их стремениами со «смягченной угловатостью» (тип 7), так как дужки у них плавно переходили в плоскую или несколько прогнутую подножку, и относил их появление к XI в. (Кирпичников, 1973. С. 50, 51). Наибольшее распространение стремени этого типа получают в XIII в., и в этот же период после монгольского нашествия их бытование, по мнению исследователя, прекращается. Именно по этой причине, несмотря

на общую схожесть древнерусских и позднесредневековых стремян подобного типа, А.Н. Кирпичников не считал возможным связывать их единством развития. Ближайшие аналогии тушинским стремянам происходят из позднесредневековых слоев XVI—XVII вв. Москвы, Орешка, Крычева, Витебска. В частности, совершенно аналогичные изделия происходят из кладов оружия, обнаруженных в Ипатьевском переулке и в колодезе Арсенальной башни Кремля, где они датированы XVI в. Аналогичные изделия найдены на месте битвы под Берестечком (Шеляпина, Панова, Авдусина, 1979. С. 46; Бохан, 2002. С. 217, 218; Кирпичников, 1976. Табл. IV; Ткачоу, Мяцельски, 1994. С. 192; Свешников, 1994. С. 259).

Ко второй разновидности стремян, найденных на территории Тушинского лагеря, относится один образец с характерным грушевидным очертанием дужки и прямоугольным выступом над ее вершиной с широким отверстием для путлища (рис. 18, 2). Высота 160 мм, ширина подножки 72 мм. Подножка плоская, в сечении имеет вид прямоугольника. Данный тип стремян хорошо известен в материалах Западной и Центральной Европы и датируется XIV—XVII вв. (Бохан, 2002. С. 217, 218; Свешников, 1994. С. 259).

Таким образом, рассмотренные находки стремян, происходящих с территории Тушинского лагеря, демонстрируют довольно распространенные типы, бытовавшие как в Центральной, так и в Восточной Европе в конце XVI — начале XVII в. Все находки представляют собой, если так можно выразиться, «строевые» образцы, лишенные каких-либо украшений. Большая их часть изломана либо деформирована, чем и можно объяснить их утерю. В заключение хотелось бы отметить, что наряду с ранее опубликованнымикладами, происходящими из Ипатьевского переуллка и Арсенальной башни Кремля в Москве, содержащими серии стремян, публикуемая серия из Тушино значительно дополняет информационную базу по данной категории находок.

Подковы

Подковы из Тушинского лагеря представлены 30 экземплярами, которые были отнесены к двум типам, выделенным А.Н. Кирпичниковым для раннесредневековых подков. Из-за небольшой выборки подков, в рамках московских материалов мы будем следовать сложившейся традиционной схеме систематизации, предложенной А.Н. Кирпичниковым, с некоторыми уточнениями (Двуреченский, 2004. С. 240).

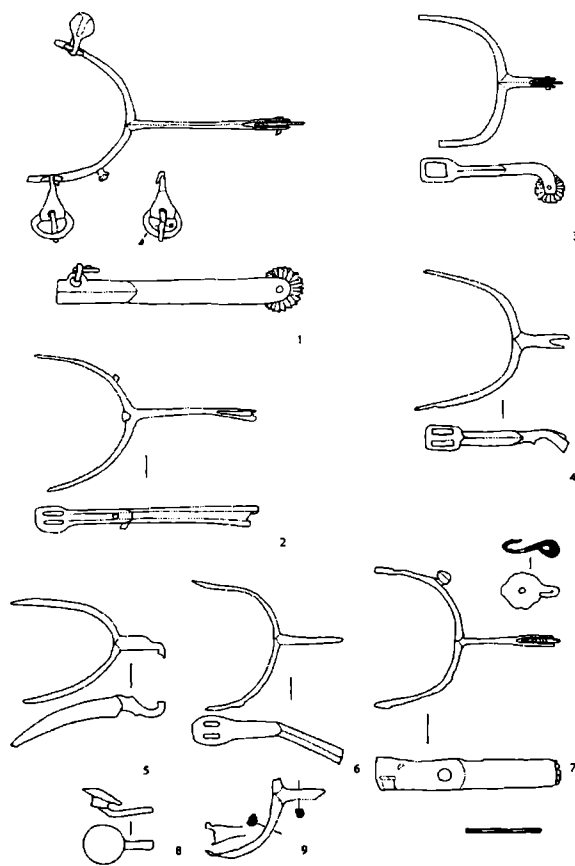

Рис. 20. Шпоры

Первый тип представлял собой подковы в форме полукруга (чаще сегмента) с одним передним шипом и четырьмя (реже шестью) подпрямоугольными отверстиями для гвоздей (рис. 21, 4–6). Зафиксировано 14 таких изделий. Типичные размеры: ширина 70–120 мм, длина 22–130 мм, высота шипа с основанием 20–28 мм. Средний вес 50–100 г. Все многообразие размеров этого типа подков разделяется на два основных варианта.

Вариант 1 (3 экз.) представлял собой подковы шириной от 70 до 115 мм и длиной от 22 до 57 мм (рис. 21, 4), ширина которых обычно в два раза больше, чем длина. Именно к этому варианту с полной справедливостью можно отнести замечание Р.Л. Розенфельдта, что они набивались только на переднюю (зацепную) часть копыта и использовались, скорее всего, в зимнее время (Розенфельдт, 1960. С. 278).

Вариант 2 (11 экз.) представлен подковами, ширина которых составляла от 70 до 115 мм, при длине 50–130 мм (рис. 21, 5, 6). Скорее всего, такие подковы покрывали большую часть копыта, а не только зацеп. Строение и длина шипа у обоих вариантов не отличаются.

Второй тип представлен подковами в форме трехчетвертного овала с двумя или тремя шипа-

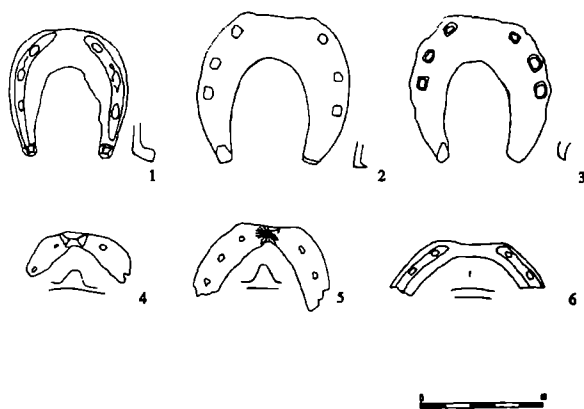

Рис. 21. Подковы

ми (16 экз.). Данные подковы значительно крупнее: ширина 95–130 мм, длина 100–140 мм, средний вес 150–200 г (рис. 21, 1–3).

Подковы второго типа делятся на две не равные по качеству исполнения разновидности. К первой (4 экз.) можно отнести качественно сделанные подковы с четкими округлыми контурами, глубокими, хорошо читаемыми желобками, симметрично расположенными в них шестью тонкими отверстиями и скованными на конус-пирамидку концевыми шипами (рис. 21, 1). Аналогичные изделия хорошо известны в слоях средневековой Москвы (Двуреченский, 2004. С. 240–242). Вторая разновидность более многочисленная: это такие же по размеру, но значительно худшие по качеству исполнения, экземпляры (рис. 21, 2, 3). Прежде всего, отмечается неровность пластины, имеющей порой извилистый край, образованный пробитыми крупными отверстиями, желобки, соединяющие отверстия, плохо читаемы или отсутствуют, два (чаще три) шипа сформованы за счет загиба пластин. В слоях Москвы XVI–XVII вв. изделия такой выделки неизвестны, возможно, это образцы, исполненные в иной традиции «пришлыми» кузнецами. Такими подковами были

снаряжены лошади сражающихся сторон в битве под Берестечком (Свешников, 1994. С. 261).

В заключение хотелось бы отметить, что описанный выше комплекс, происходящий с территории Тушинского лагеря, демонстрирует практически весь спектр применявшихся типов вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XVI–XVII вв. В коллекции можно отметить как специфические предметы вооружения поместного и казачьего конного воинства (копья, сабли, топоры, наконечники стрел, детали оборонительного доспеха), так и характерные для стрельцов и представителей городских ополчений типы наступательного оружия (сабли, бердыши, топоры, пищали, части от ружейных замков, пулелейки). Набор вооружения в своей основе демонстрирует типы, широко применявшиеся на территории Московской Руси в конце XVI — начале XVII в. К не характерным для русского вооружения предметам с определенной долей осторожности можно отнести некоторые типы шпор, латунные удила, перекрестья от сабель венгерско-польского образца, детали колесцового замка. Необходимо отметить, что комплекс вооружения рассматриваемого периода до сих пор лишь частично освещен в отечественной науке. Нет публикаций крупных серий предметов вооружений, не ставилась до последнего времени задача целостно охарактеризовать весь комплекс вооружения Русского государства. В свете вышесказанного, материалы из Тушинского лагеря, наряду с опубликованными кладами предметов вооружений из Ипатьевского переулочка и Арсенальной башни Кремля, приобретают особую важность не только как узко датированный комплекс (несмотря на подъемный характер находок), но и как комплекс, происходящий из военного лагеря, в котором отразились традиции народов Центральной и Восточной Европы.

Литература

- Артемьев А.Р., 1998. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.
- Аствацатурян Э.Г., 2002. Турецкое оружие. М.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазей, материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. Ч. 2.
- Богоявленский С.К., 1938. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. М. Т. 4.
- Бойцов И.А., 1995. Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.
- Бохан Ю.М., 2002. Узбраенне войска другой паловы XIV — конца XVI ст. Минск.
- Бутурлин С.А., 1912. Стрельба пуль. СПб.
- Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения верхового коня и всадника из Епифанских слобод. (В печати.)
- Гордеев Н.В., 1954а. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М.
- Гордеев Н.В., 1954б. Русское огнестрельное оружие XVII века // Государственная Оружейная палата Московского кремля. М.

- Городицов В.А., 1908. Описание холодного оружия Исторического музея // Тр. Исторического музея [топоры, бердыши]. М.
- Городицов В.А., 1911. Описание холодного оружия Исторического музея // Тр. Исторического музея [копья] М.
- Девуреченский О.В., 2004. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (XIII—XIX вв.) // АП. М. Вып. 1.
- Девуреченский О.В., 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII в. // Археология Подмоскovie. М. Вып. 2.
- Девуреченский О.В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси конца XIV—XVII в. // АП. Вып. 3.
- Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н., 1953. Русское оружие: Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX вв. М.
- Долгих Б.О., 1951. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.; М.
- Евглевский А.В., Потемкина Тат. М., 1999. Восточноевропейские позднесредневековые сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
- Кильдюшевский В.И., 1998. Оружие XIV—XVI вв. из раскопок крепости Орешек // ММК Военная Археология. М.
- Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие IX—XIII вв. Вып. 1 // САИ. М. Вып. Е-1-36.
- Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие IX—XIII вв. Вып. 2 // САИ. М. Вып. Е-1-36.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л.
- Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело Древней Руси XIII—XV вв. М.
- Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н., 1958. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII веках // МИА. № 77.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Колчин Б.А., 1985. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М.
- Маковская Л.К., 1991. Стрелковое оружие россиян // Техника и вооружение. № 10—12. М.
- Маркевич В.Е., 1994. Ручное огнестрельное оружие. М.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. М. Вып. Е1-36.
- Мышковский Е.В., 1961. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв. // СА. № 1.
- Мышковский Е.В., 1965. Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв. // СА. № 4.
- Никитин А.В., 1952. Отчет об археологических исследованиях в Белгородской крепости // Архив ИА. Р-1. № 779, 780.
- Никитин А.В., 1962. Белгородская крепость XVI—XVII вв. // СА. № 3.
- Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв. // САИ. М. Вып. Е1-34.
- Розенфельдт Р.Л., 1960. О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. № 2.
- Розенфельдт Р.Л., 1971. Инструменты московских ремесленников // Древности московского кремля: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV // МИА. Вып. 167.
- Свешников И.Г., 1994. Битва під Берестечком. Київ.
- Ткачоу М.А., Мязельски А.А., 1994. Зброя і рыштунак вершника з раскопак Крычава // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
- Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб, 1904.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д., 1979. Находки предметов вооружения из раскопок в Московском кремле // СА. № 2.
- Kwasniewicz Wl., 1988. Szabla Polska od XV do konca XVIII w. Zielona Gora.
- Nadolski A., 1984. Polska brzoń. Bron biala. Wroclaw etc.
- Swietoslawski W., 1990. Strzemiona sredniowieczne z ziem Polski. Lodz.
- Zygyski Z., 1982. Bron w dawnej Polsce na tie uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa.

Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV—XVII веков

Стрелы представляют собой самую многочисленную категорию предметов вооружения. Именно этот вид воинского снаряжения, доходящий до нас, как правило, в виде наконечников стрел, наиболее хорошо изучен. Работа по систематизации и классификации наконечников стрел позволяет решать несколько задач. С одной стороны — это освещение особенностей военной традиции той или иной эпохи, с другой — исследователи получают еще одну категорию предметов, пригодных для относительной датировки археологических комплексов.

Многочисленные наконечники стрел Восточной Европы VIII—XIV вв., нашедшие достойное отражение в работах советских исследователей, дают нам довольно полное и подробное представление о видах и типах, бытовавших в этот период. Для более позднего хронологического отрезка картина совершенно иная. В силу ряда причин практически нет публикаций крупных серий наконечников Московской Руси и русского государства XV—XVII вв., тем более, за редким исключением, не было и попыток их классификаций (Белов и др., 1981. С. 77–79). На фоне слабой изученности позднесредневековой материальной культуры русского государства эта ситуация выглядит довольно характерной. Значительное пополнение археологических коллекций рассматриваемого времени в результате активизации археологических исследований средневековых городов Московского государства в 80–90-х годах XX в. делает насущным создание позднесредневековой хронологии древностей. Последнее относится и к работе по обобщению и первичной классификации такой категории материальной культуры, как наконечники стрел.

При подготовке данной работы ставилась задача создания максимально полного свода наконечников стрел Московского государства. С разной степенью полноты были обработаны кол-

лекции наконечников стрел и арбалетных болтов, хранящихся в собраниях ГИМ, Оружейной палаты, Артиллерийского музея, МИГМ, а также образцы, представленные в археологической литературе и отчетной документации археологических экспедиций (Архив ИА РАН), исследовавших в период с 1940-х по 1990-е годы города и селища XV—XVII вв. В результате проведенных работ удалось собрать информацию более чем о семистах метательных снарядах, в числе которых 570 железных, бронзовых, костяных и деревянных наконечников стрел и 52 экземпляра арбалетных болтов, датируемых XV—XVII вв.¹ Столь малое количество наконечников стрел и арбалетных болтов, известных сейчас на территории русского государства, объясняется целым рядом причин. Прежде всего, основные коллекции предметов вооружений, известных по материалам Древней Руси, происходят либо из погребений, либо из слоев древнерусских городов, разрушенных завоевателями. В культурных же напластованиях древнерусских городов и селищ, не подвергнутых погрому, находки наконечников стрел встречаются относительно редко. Еще одной причиной малочисленности наконечников стрел и болтов XV—XVII вв. является то, что археологические раскопки памятников позднесредневекового периода только в последние десятилетия стали предметом живого научного интереса. К сожалению, наконечники стрел, обнаруженные в 1940–1970-х годах при археологических раскопках, зачастую вообще не представлены ни фотографиями, ни рисунками. Музейные коллекции наконечников стрел позднего периода в значительной своей части депаспортизированы и могут быть использованы лишь с известной осторожностью. Кроме того, в рассматриваемый период происходило постепенное вытеснение из употребления лука и арбалета различными видами огнестрельного оружия.

¹ Из 570 наконечников стрел мы не включили в базу деревянные и костяные наконечники. Среди железных наконечников в базу данных были включены 414 экземпляров, сохранность и доступная информация по которым позволила использовать их при создании типологии наконечников стрел Московской Руси и русского государства конца XIV—XVII вв.

При изучении позднесредневековых снарядов для ручного метательного оружия необходимо учесть такую особенность как изменчивость территориального охвата исследования. Для образцов XV в. представляется целесообразным рассмотреть ряд серий, происходящих с территории Московского княжества и зависимых от него земель. По мере расширения территории Московского государства расширяется и источниковедческая база исследования. Становится необходимым рассмотреть материалы, происходящих из слоев русских городов, селищ и крепостей, возникающих на «украинных» землях. Для территориальной систематизации представляется целесообразным разделить всей коллекции наконечников стрел и арбалетных болтов по месту происхождения. Неравномерность распределения серий наконечников стрел вынудила нас выделить более крупные регионы, включающие в себя компактно расположенные исторически сложившиеся районы, на которые было разделено русское государство конца XV—XVII в. Так были выделены:

— Северо-западный регион, представленный городами, городищами и селищами, расположенными в пределах «от Немецкой Украины» (Изборск, Орешек, Копорье, Псков, Красное городище, селища в Выбутах);

— Центральный регион с городами и землями «Замосковского края» (Москва, Коломна, Суздаль, Тверь, Волоколамск, Тушков городок, Настасьино, Радонежское селище, Руза, Вологда, Кичгородок) и городами от «Литовской Украины» (Смоленск);

— Южный регион, в который были включены «Украинные города» (Тула), города и слободы «Рязанской земли» (Рязань, Епифанские слободы, Стрешневское городище), «Заозские города» (Воротынский, Серенск) и «Польские города» (Белгород, Ивницкое городище).

Немногочисленные наконечники стрел, происходящие из культурных слоев городов, городков и острогов с русским населением, расположенных на вновь присоединенных восточных территориях во второй половине XVI — XVII в. так же были использованы при составлении свода. Сюда были включены материалы из Чебоксар, Казани, Мангазеи, Воткинского городища (Ижевск), Кармылыкского городища, городища Старый Кунгур и крепости Албазин.

Для систематизации всего комплекса наконечников стрел проводилась графическая фиксация, обмеры, взвешивание, а в случае невозможности работать с самой вещью использовались рисунки наконечников стрел, приведенные

в публикациях и научных отчетах. Как сказано выше, из общего количества железных наконечников стрел пригодными для систематизации оказались 414 экземпляров. Для удобства восприятия все наконечники стрел Московской Руси и русского государства конца XIV—XVII в. приведены в традиционной, но несколько модифицированной схеме описания: класс — материал, отдел — способ насада, группа — сечения пера, тип — набор паспортных характеристик, вариант типа — оформление той или иной конструктивно-морфологической составляющей.

Для выделения типа минимально необходимым набором характеристик являются весовые и конструктивно-морфологические (в том числе пропорциональные) параметры. Достоверными характеристиками для выделения типа является установленное функциональное назначение. Под каждый тип стрелы составлен паспорт, целью которого является отражение минимально необходимых составляющих типа, которые бы позволяли твердо идентифицировать отдельный наконечник с выделенным типом. Создание паспорта для наконечников стрел представляется необходимым. В отличие от остальных видов наступательного вооружения Московского государства, наконечники стрел выделяются меньшей морфологической оформленностью (при плохой сохранности столь малого в размере предмета) и обилием переходных по форме образцов. Последнее порой приводит к появлению типологий либо с неоправданно большим количеством типов, пересекающихся между собой, либо состоящих из ограниченного набора типов, не позволяющих гибко применить их при анализе наборов наконечников стрел, характеризующих тот или иной территориальный комплекс или хронологический период.

Конструктивно-морфологические элементы наконечника стрелы

Исходя из конструкции, наконечник стрелы подразделяется на перо и приспособление насада (черешок, втулка). Перо, в свою очередь, по конструктивно-морфологическим и функциональным составляющим может быть подразделено на проникающий и переход к крепежной части (образующие и основание пера).

Проникающий — режущий, прокалывающий или ударный конец пера, являющий собой часть пера с момента резкого изменения его контура (Кокорина, Лихтер, 1995. С. 11). Переход к крепежной части включает образующие (плечики) и

основание пера. Образующие — контурные линии, соединяющие конец пера с его основанием, фактически являются конструктивным элементом перехода от одной функции пера (проникателя) к другой (переход к крепежной части), поэтому предлагается рассматривать образующие и основание пера как единый элемент. Важно отметить, что при подобном выделении составляющих конструктивно-морфологической схемы мы получаем слияние конструктивно-морфологического подхода с функциональным описанием составных частей наконечника. Выделенные составляющие пера позволяют вывести устоявшиеся абрисы формы и сечения наконечника, которые будут с максимальной точностью характеризовать тип наконечника, что позволит наиболее адекватно связывать тот или иной образец с выделенными типами.

Таким образом, все наконечники Московской Руси делились на четыре класса по материалу — железные (508 экз.), костяные (16 экз.) деревянные (15 экз.) и бронзовые (1 экз.). По способу насада относились к двум отделам: черешковым и втульчатым, и к двум группам: объемно-гранным и уплощенным. В рамках групп соблюдается сплошная нумерация типов².

Конструктивно-морфологические элементы железных наконечников стрел

Всего было выделено 11 видов проникателя и 14 видов переходов к крепежной части наконечников стрел. В паспорте наконечника при выделении типа для большей наглядности отмечаются конкретные варианты основания пера и проникателя.

Виды проникателя (рис. 1).

1. Широкий клиновидный проникатель имеет вид узкого клина, угол которого в вершине составляет до 10 градусов.

2. Узкий клиновидный проникатель, угол которого в вершине составляет 10–25 градусов.

3. Широкий клиновидный проникатель, угол которого в вершине составляет 25–40 градусов и более.

4. Низкий клиновидный проникатель имеет вид уплощенного клина с пропорциями от вершины до основания проникателя, угол которого в вершине составляет от 40 градусов.

5. Ланцетовидный проникатель.

6. Плоский проникатель.

7. Проникатель в виде ласточкина хвоста.

8. Остролиственный узкий проникатель, угол которого в вершине составляет 10–25 градусов.

9. Остролиственный широкий проникатель, угол которого в вершине составляет 25–40 градусов и более.

10. Остролиственный проникатель с вогнутыми сторонами.

11. Клинovidный проникатель с шипами.

Виды основания пера и плечиков (переход к крепежной части) (рис. 2).

Все виды основания пера и плечиков выделяются в три группы по принципу перехода от проникателя к крепежной части наконечника: 1 — с упором; 2 — со слабо выраженным упором — расширением; 3 — без упора.

1. Плечики и основания пера с ярко выраженным упором делятся на 7 видов:

1.1. простой упор без плечиков;

1.2. простой упор без плечиков с выделенной шейкой;

1.2а. простой упор без плечиков с выделенной прямой шейкой;

1.2б. простой упор без плечиков с выделенной расширяющейся шейкой с короткими и средними вогнутыми плечиками;

1.3. наконечники с короткими и средними по длине вогнутыми плечиками;

Виды проникателя.

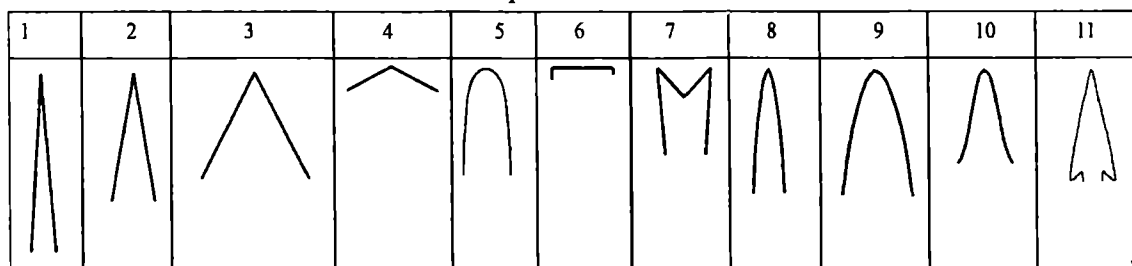
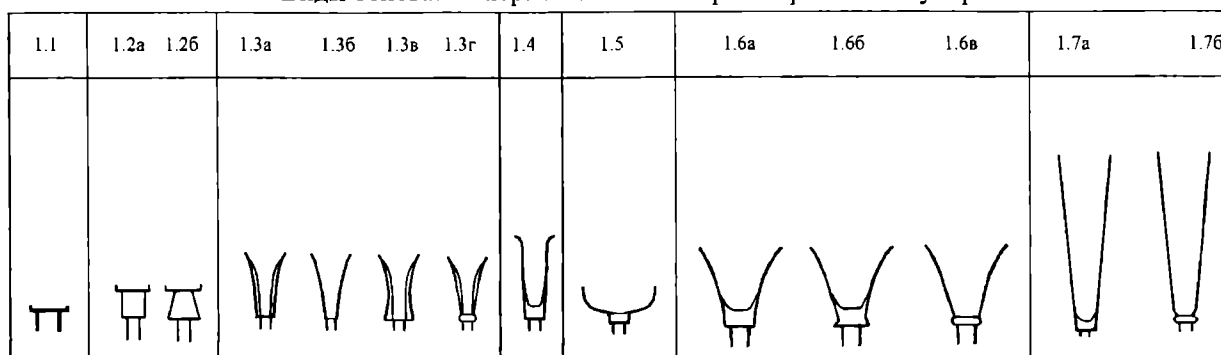

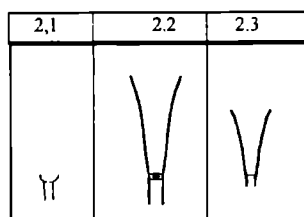
Рис. 1. Конструктивно морфологические составляющие наконечника стрелы. Виды проникателя

² В рамках данной темы мы ограничимся рассмотрением только железных наконечников стрел, так как костяные, деревянные и бронзовые наконечники представляли собой охотничий и промысловый инвентарь. Три втульчатых наконечника стрелы, описанные ниже, скорее всего относившиеся к томарам, также будут лишь упомянуты.

1 Виды основания пера и плечиков с ярко выраженным упором.

2 Виды основания пера и плечиков со слабо выраженным упором.

3 Виды основания пера и плечиков без упора.

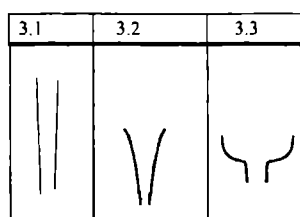

Рис. 2. Конструктивно морфологические составляющие наконечника стрелы. Виды основания пера и упора

1.3а. с короткими и средними вогнутыми плечиками и простым упором;

1.3б. с вогнутыми плечиками и сужающимся упором;

1.3в. с вогнутыми плечиками и с расширяющимся упором;

1.3г. с вогнутыми плечиками малой и средней длины и с упором в виде валика;

1.4. с короткими вогнутыми плечиками и вытянутым основанием пера;

1.5. с выпуклыми плечиками и простым упором;

1.6. наконечники с широко расставленными прямыми или чуть вогнутыми плечиками;

1.6а. с широко расставленными прямыми или чуть вогнутыми плечиками и простым упором;

1.6б. с широко расставленными прямыми или чуть вогнутыми плечиками и с упором в виде валика;

1.6в. с широко расставленными прямыми или чуть вогнутыми плечиками, и простым расширяющимся упором;

1.7. наконечники с вытянутыми прямыми или чуть выгнутыми плечиками;

1.7а. вытянутые прямые или чуть вогнутые плечики;

1.7б. вытянутые прямые или чуть вогнутые плечики с упором в виде валика;

1.7в. вытянутые прямые или чуть вогнутые плечики с простым упором.

2. Плечики и основания пера со слабо выраженным упором (расширением) делятся на три вида:

2.1. слабо выраженное расширение без плечиков;

2.2. вытянутые прямые или чуть вогнутые плечики с расширением в виде валика в месте перехода к черешку;

2.3. с вогнутыми плечиками и с расширением в виде валика в месте перехода к черешку.

3. Плечики и основания пера без упора делятся на три вида:

3.1. вытянутые прямые или чуть вогнутые плечики без упора;

3.2. с вогнутыми плечиками и без упора;

3.3. с выпуклыми короткими плечиками и без упора.

В рамках конструктивно-морфологических характеристик, помимо выделенного абриса форм наконечников стрелы, важную роль играет такой показатель как сечение. В паспорт каждого типа включены сечения проникателя (8 разновидностей), сечение основания пера и крепежной части (9 разновидностей) и сечение черешка (4 разновидности) наконечника стрелы (рис. 3).

В текстовую часть паспорта выделенных типов наконечников стрел помимо рассмотренных выше конструктивных элементов, входят весоразмерные характеристики, местонахождение, количество и процентное соотношение выделенного типа с другими типами, а также функциональная специализация. На основании вышеприведенной типологии было выделено 20 типов (рис. 4–18).

Форма сечения проникателя.

ТОНКАЯ ЛИНЗА	КВАДРАТ	УПЛО- ЩЕН- НЫЙ РОМБ	ВЫСОКИЙ РОМБ	ПРЯМО- УГОЛЬ- НИК	ТРЕУ- ГОЛЬНИК	РОМБ ВВЕРХУ ЛИНЗА ВНИЗУ	ОДНО- СТОРОН- НИЙ РОМБ

Сечение основания пера.

КРУГ	ПРЯМО- УГОЛЬ- НИК	ЛИНЗА	ОВАЛ	КВАД- РАТ	РОМБ	ВОСЬМИ- УГОЛЬ- НИК	ТРЕ- УГОЛЬ- НИК	ШЕСТИ- УГОЛЬ- НИК

Сечение черешка

ОВАЛ ИЛИ ЛИНЗА	КРУГ	ПРЯМОУГОЛЬНИК	КВАДРАТ

Рис. 3. Конструктивно морфологические составляющие наконечника стрелы. Основные формы сечения

Отдел — черешковые.

Тип 1. Шиловидные граненые наконечники. Тип представлен тремя вариантами. От общего числа наконечников стрел Московской Руси и Московского государства наконечники этого типа составляли 7,6%.

Вариант 1а (Приложение, № 1–15, 378, 403, 407). Шиловидные, в сечении квадратные, треугольные или ромбические со слабо выраженным упором наконечники (рис. 4, 19). Вариант представлен 18 экз. Вес 6–9 г. Пропорции пера 1/5–1/9. Длина пера 35–85 мм, ширина 6–12 мм, длина черешка 15–35 мм. Сечение проникателя имеет ярко выраженную квадратную или близкую к квадратной, ромбическую, форму, в качестве исключения можно упомянуть наконечник стрелы, сечение проникателя которого было треугольным. Сечение основания пера рассматриваемого типа округлое, овальное или подквадратное. Абрис проникателя шиловидный. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 93 по А.Ф. Медведеву)

датируются X—XIV вв. (Медведев, 1966. С. 84). Наконечники этого варианта доживают до середины — конца XVII в. и происходят из Изборска, Пскова, Москвы, Белгорода, Серенска, селища в Выбутах, Ивницы, Ростиславля Рязанско-

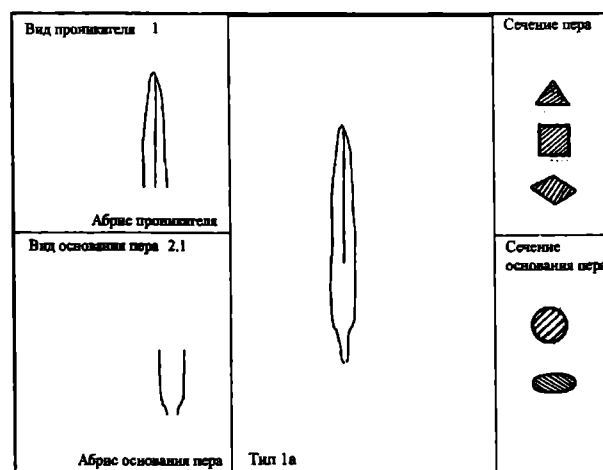

Рис. 4. Паспорт наконечников стрел тип 1а

го, Коломны, Епифанских слобод (Артемьев, 1998. С. 102; Гоняный и др., 2006, в печати; Коваль, 2005. С. 260; Мазуров, Ульянова, в печати; Александров, Харлашов, 1990; Никольская, 1983; Цыбин, 1983; Никитин, 1951; Лабутина, 1981; Мазуров, 1995). Наиболее поздние наконечники стрел рассматриваемого варианта встречаются в слоях приполярного города Мангазея, где они представлены сильно вытянутыми экземплярами с пропорциями пера 1/9. Возможно, в Мангазее данный тип наконечников был связан с охотничьими традициями аборигенного населения. Также несколько особняком стоят аналогичные наконечники, происходящие из г. Белгорода, являющегося южным форпостом засечной черты Московского государства. Здесь наконечники рассматриваемого типа представляли собой довольно грубо исполненные короткие стержни ромбического сечения с выделенным черешком. По функциональному назначению наконечники варианта 1а относятся к бронебойным с прокалывающим действием (Белов и др., 1981. Табл. 67, 15, 16).

Вариант 16 (Приложение, № 16–22). Шиловидные квадратного или ромбического сечения с простым упором (рис. 5, 20). Вариант представлен 7 экз. Вес 4–9 г. Пропорции пера 1/5–1/8. Длина пера 30–70 мм, ширина пронизателя 7–9 мм, длина черешка 30–60 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 90 по А.Ф. Медведеву), которые датируются автором от рубежа нашей эры и до XIV в. включительно (Медведев, 1966. С. 83). Как показали исследования, наконечники этого варианта продолжают существовать до второй половины XVII в. Происходят из Пскова, Твери, Волоколамска, Мякининского селища (Ивченков, 1990; Шульгина, 1992; Кильдюшевский, 1979; Дворников, 1989; Кильдюшевский, 1987). По функциональному назначению данные наконечники относятся к бронебойным с прокалывающим действием.

Вариант 1в (Приложение, № 23–26). Шиловидные квадратного или ромбического сечения с вытянутой круглой в сечении шейкой (рис. 5, 21). Вариант представлен 4 экз. Вес 7–9 г. Пропорции пера 1/5–1/7. Длина пера 40–50 мм, ширина 7–9 мм, длина черешка 30–60 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 87 по А.Ф. Медведеву) датируются XII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 82). Более поздние наконечники этого типа происходят из Москвы. Продолжают существовать до второй половины XV в. (Беляев, 1991; МИГМ, 386/730). По функциональному назначению данные на-

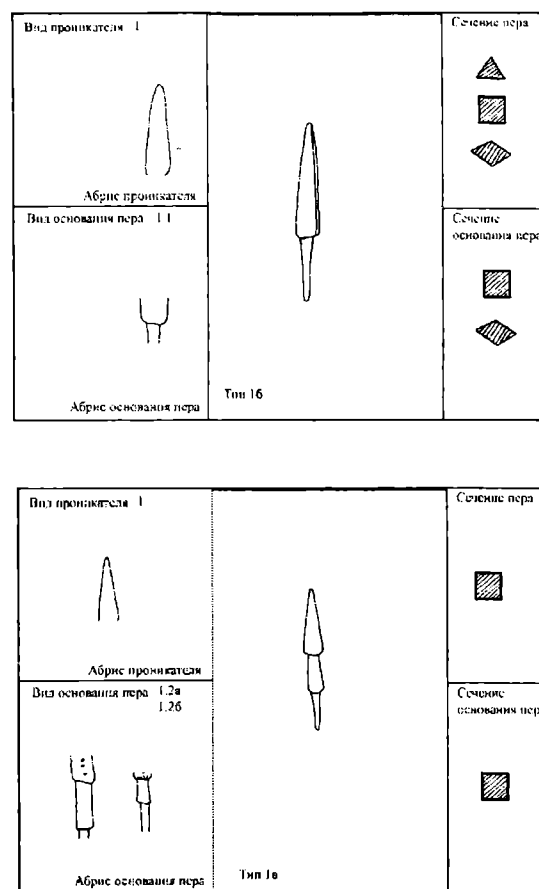

Рис. 5. Паспорта наконечников стрел тип 16 и 1в

конечники относятся к бронебойным с прокалывающим действием.

Тип 2 (Приложение, № 27–33). Ромбовидные наконечники с расширением в нижней трети длины пера с короткой, массивной боевой головкой и упором (рис. 6, 22). Тип представлен 7 экз., что составляло 2% от общего числа. Вес наконечников 5–13 г. Пропорции пера 1/4–1/5. Длина пера 35–50 мм, ширина 10–14 мм, длина черешка 35–60 мм. В сечении имеет вид высокого ромба, с длинным черешком. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 92 по А.Ф. Медведеву) датируются XII–XIII вв. (Медведев, 1966. С. 84). Однако, как было установлено, наконечники этого типа продолжают существовать и в позднесредневековое время, доживая до второй половины XVII в. Происходят из Пскова, Орешка, Москвы (Кильдюшевский, 1998. С. 68, 69; 1981). По функциональному назначению данные наконечники относятся к бронебойным с прокалывающим действием.

Тип 3 (Приложение, № 34–36, 380). Ромбовидные наконечники с расширением в средней трети длины пера с короткой, массивной боевой го-

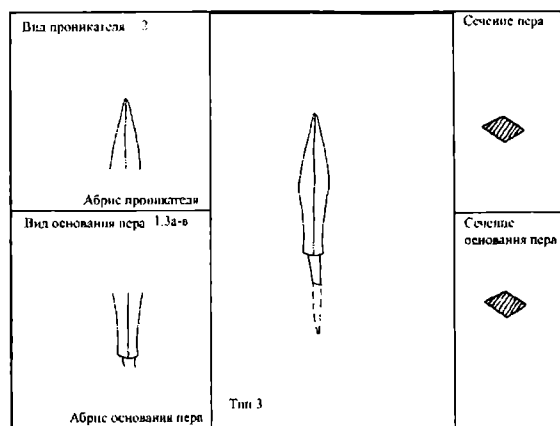
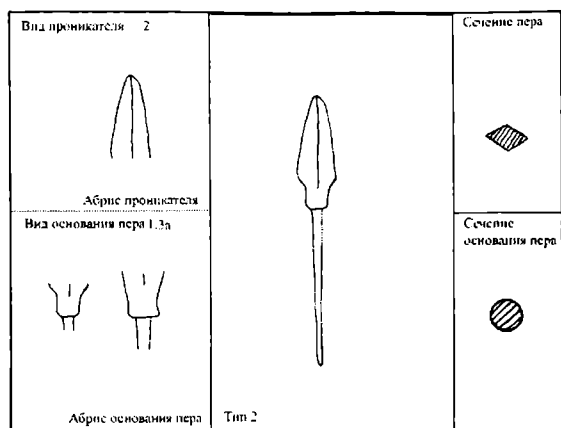

Рис. 6. Паспорта наконечников стрел типа 2 и типа 3

ловкой и упором (рис. 6, 23). Тип представлен 4 экз., что составляет 1% от общего числа. Вес наконечников 5–13 г. Пропорции пера 1/4–1/5. Длина пера 45–50 мм, ширина 10–14 мм, длина черешка 15–25 мм. В сечении подквадратные. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 97 по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1966. С. 85) датируются IX—XIV вв. Наиболее поздние образцы этого типа происходят из Орешка и датируются концом XIV—XV в. (Кильдюшевский, 1998. С. 68, 69). По функциональному назначению данные наконечники относятся к бронебойным с прокалывающим действием.

Тип 4 (Приложение, № 37–38, 44, 406). Ромбовидные наконечники с расширением в верхней трети длины пера с короткой, массивной боевой головкой и упором (рис. 7, 23). Тип представлен 4 экз., что составило 1% от общего числа. Пропорции пера 1/4–1/5. Длина пера 45–55 мм, ширина 10–17 мм, длина черешка 15–26 мм. В сечении в виде высокого ромба или квадрата. Происходят из Орешка, Москвы, Коломны, датируются концом XIV—XV в. По функциональному назначению данные наконечники относятся к

бронебойным с ударно-раскалывающим действием (Кильдюшевский, 1998. С. 62–65; Мазуров, Ульянова, в печати).

Тип 5 (Приложение, № 39–42, 179, 182). Узкие, шиловидные, сплюснутые у основания наконечники, с перехватом у черешка (рис. 7, 23). Тип представлен 6 экз., т. е. 1,6% от общего числа. Пропорции пера 1/3–1/5. Длина пера 30–56 мм, ширина 9–13 мм, длина черешка 30–65 мм. Сечение в виде высокого ромба. Происходят из Москвы и Коломны, датируются концом XIV—XVII в. (Мазуров, Ульянова, в печати; Беляев, 1991). По функциональному назначению данные наконечники относятся к бронебойным с прокалывающим действием.

Тип 6. Ромбовидные наконечники, уплощенные в сечении, с расширением в нижней трети длины пера. Тип представлен 6 вариантами. От общего числа наконечников стрел Московской Руси и Московского государства составляет 50 %.

Вариант 6а (Приложение, №№ 49–63, 65–89, 91–115, 138–140, 154, 172, 188, 367–369, 373–375, 377, 385, 397–399, 404, 411). Ромбовидные — вытянутые, уплощенные (ромбические, линзовидные) в сечении с расширением в нижней трети

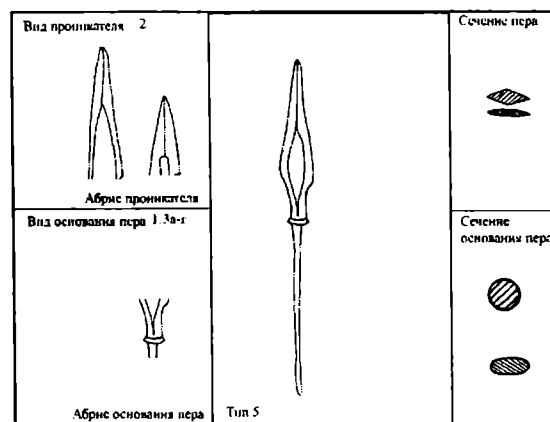
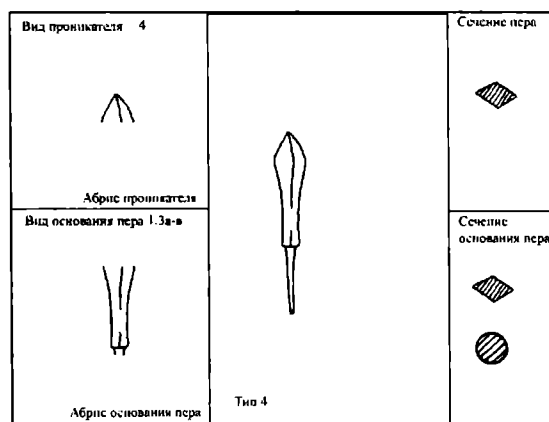

Рис. 7. Паспорта наконечников стрел тип 4 и типа 5

длины пера (рис. 8, 24). Вариант представлен 84 экз. Вес 4–13 г. Пропорции пера — 1/4–1/7. Длина пера 50–80 мм, ширина 10–18 мм, длина черешка 25–48 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 40 по А.Ф. Медведеву) датируются X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65). Однако от более раннего времени вариант 6а отличается более вытянутыми пропорциями и, скорее всего, демонстрирует дальнейшую эволюцию типа в сторону развития нескольких вариантов, которые будут описаны ниже. Наконечники варианта 6а относятся к самой распространенной разновидности наконечников, бытовавших на территории Московского государства в XV–XVII вв. Происходят со всей территории Московской Руси. Известны по материалам в Москве, Белгороде, Вологде, Воротынске, Воткинском городище, Епифанских слободах, Пскове, Изборске, Коломне, Смоленске, Суздале, Твери, Туле, Тушинском Лагере, Чебоксарах (Артемьев, 1998. С. 7, 102, рис. 77, 17; Двуреченский, 2006. См. статью в этом сборнике; Белецкий, 1976; Седова, 1985; Никитин, 1951; 1955; 1956; Седов и др., 1986; Огнев, 1992; Дворников, 1989; Воронин, 1960; Мазуров, 1993; Кильдюшевский, 1977; Беляев, 1991; 1992; Рабинович, 1951; Никольская, 1975; Каховский, Краснов, 1968; 1970; Беляев, 1988.; Мазуров, 1995.; Савицкий, 1989).

По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным.

Вариант 6б (Приложение, № 116–137, 205, 383). Ромбовидные — вытянутые наконечники, уплощенные в сечении (ромбические, линзовидные) с расширением в нижней трети длины пера, с вытянутой шейкой и упором (рис. 8, 25). Вариант представлен 24 экз. Вес 7–11 г. Пропорции пера 1/5–1/7. Длина пера 50–90 мм, ширина 10–16 мм, длина черешка 17–42 мм. Среди древнерусских наконечников аналогичные варианты неизвестны. Возможно они также являются дальнейшей эволюцией древнерусских наконечников 40-го типа, выделенного А.Ф. Медведевым. Происходят наконечники этого варианта преимущественно из Москвы, Коломны, Твери и южных пограничных городов Русского государства — Епифани, Белгорода (Мазуров, Ульянова, в печати; Гоняный и др., в печати; Никитин, 1951; Дворников, 1995; Мазуров, 1995). Наконечники варианта 6б датируются XVI–XVII вв. По функциональному назначению относятся к универсальным.

Вариант 6в (Приложение, № 64, 90, 141–153, 155–171, 173–178, 180, 181, 183–187, 189–196, 376, 387, 390–393, 395, 400). Ромбовидные наконечники, уплощенные (ромбические, линзовид-

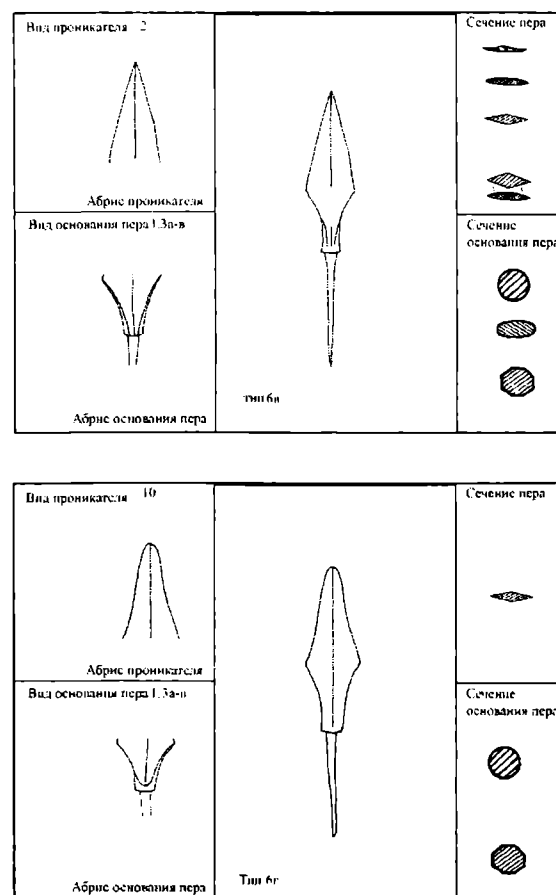

Рис. 9. Паспорта наконечников стрел типа 6в и типа 6г

ные) в сечении с расширением в нижней трети длины пера (рис. 9, 26). Вариант представлен 61 экземплярами. Вес 4,5–10,5 г. Пропорции пера 1/3–1/4. Длина пера 30–60 мм, ширина 10–20 мм, длина черешка 20–50 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (типы 40, 44 по А.Ф. Медведеву) датируются IX–XIV вв. и (Медведев, 1966. С. 65). Как было установлено, наконечники варианта 6в продолжают существовать до второй половины XVII в. и происходят со всей территории Московского государства. Известны в Москве, Епифани, Пскове, Коломне, Рузе, Суздале, Твери, Тушинском лагере, Белгороде, Воротынске, Кашине, Радонеже, Туле (Игушев и др., 2000. С. 15. Рис. 6, 10; Двуреченский, 2006, в печати; Гоняный, и др., 2006, в печати; Рабинович, 1955; Милютина, 1993; Александров, Харлашов, 1990; Седов и др., 1986; Дворников, 1989; Голубева, 1948; Беляев, 1991; Седова, 1979; Мазуров, 1993; Вишневский, 1987; Никитин, 1955; Буров, 1982; Харитонов, 1973; Дворников, 1995; Белецкий, 1980; Никольская, 1975). По функциональному назначению наконечники этого варианта, как и все наконечники типа 6, относятся к универсальным.

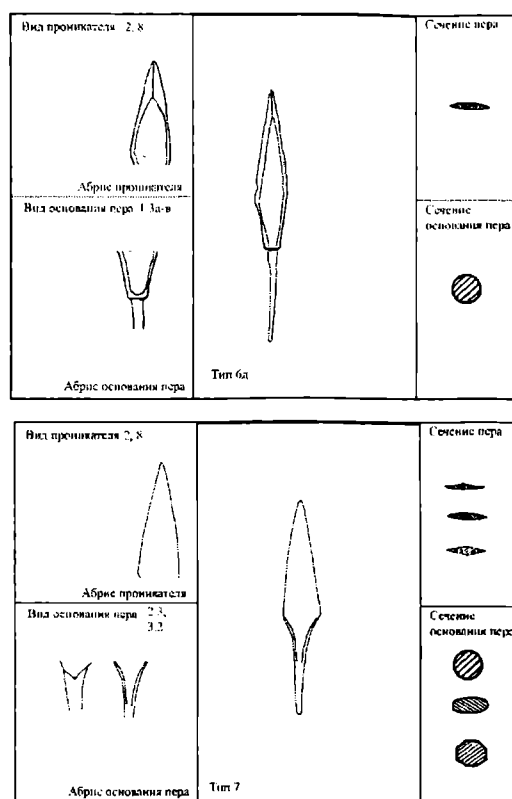

Рис. 10. Паспорта наконечников стрел типа 6д и типа 7

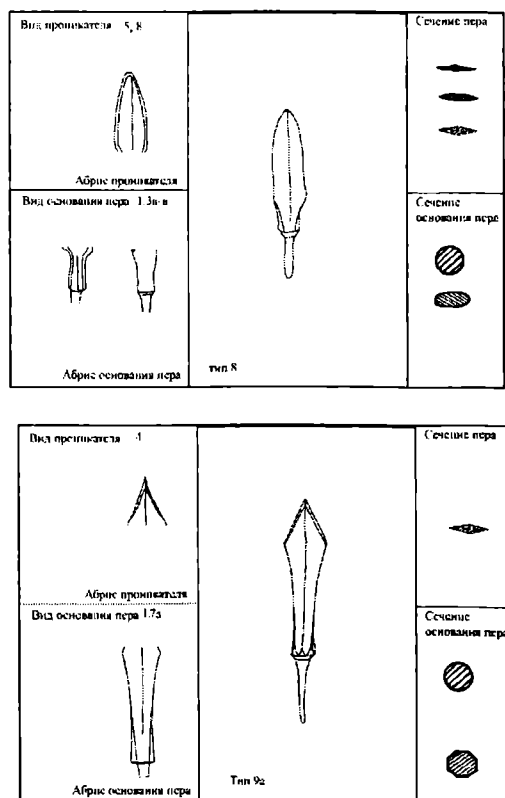

Рис. 11. Паспорта наконечников стрел типа 8 и типа 9а

Вариант 6г (Приложение, № 198–203). Ромбовидные с вогнутыми сторонами пронизателя и плечиков наконечники, уплощенные (ромбические, линзовидные) в сечении, с расширением в нижней трети длины пера (рис. 9, 27). Вариант представлен 6 экз. Пропорция пера 1/3. Длина пера 47–52 мм, ширина 17–19 мм, длина черешка около 35 мм. Среди древнерусских наконечников аналогичные варианты неизвестны. Происходят из Коломны, Москвы и собраний Оружейной палаты. Данный тип наконечников датируется XVI—XVII вв. («Опись Московской...», 1885. С. 310; Мазуров, 1993).

Вариант 6д (Приложение, № 204, 206–217, 384). Ромбовидные — вытянутые наконечники, сплюснутые (ромбические, линзовидные) с расширением в нижней трети длины пера (рис. 10, 28). Вариант представлен 14 экз. Вес 7–10 грамм. Пропорции пера 1/4–1/5. Длина пера 45–70 мм, ширина 11–15 мм, длина черешка 17–45 мм. Среди древнерусских наконечников аналогичные варианты неизвестны. Происходят преимущественно из Пскова, Суздаля, Москвы, Коломны. Данный тип наконечников датируется первой половиной XV—XVII в. (Седова, 1982; Седов, 1986).

Тип 7 (Приложение, № 197, 252–302, 394, 401). Ромбовидные — клиновидные наконечники, уплощенные (ромбические, линзовидные) в сечении, с расширением в нижней трети длины пера без упора (рис. 10, 29). Тип представлен 54 экз., что составляет от общего числа наконечников 14,2 %. Вес 4–10 г. Пропорция пера 1/3–1/6. Длина пера 45–70 мм, ширина 10–17 мм, длина черешка 20–50 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 46 по А.Ф. Медведеву) датируются X—XIII вв. (Медведев, 1966. С. 67). В более позднее время данный тип продолжал существовать до второй половины XVII в. Происходят из Москвы, Тушинского лагеря, Воткинского городища, Епифанских слобод, Емецкого городка, Пскова, Кармылыкского городища, Картуковского могильника, Кич-городка, Мангазеи. Среди общей массы наконечников этого типа выделяется два крупных образца, происходящих из Пскова и Волоколамска. Незначительное количество крупных наконечников не позволяет выделить их в отдельный тип. Длина пера этих наконечников 70–83 мм, ширина 20–23 мм, длина черешка около 40 мм. (Игушев и др., 2000. С. 9, 15; Белов и др. 1981. Табл. 67, рис. 14; Гоняный и др., 2006, в печати; Двуреченский, 2006, в печати; Овсянников, 1974; Беляев, 1991; Никитин, 1962; Кильдюшевский, 1979; Белецкий, 1981. С. 6; Ивченков, 1986.; Харитонов, 1973).

Тип 8 (Приложение, № 218–223). Килевидные наконечники с наибольшим расширением в средней трети длины пера, с шейкой (рис. 11, 30). Тип представлен 6 экземплярами, что составляет 1,6% от общего числа. Вес наконечников 4–7 г. Пропорции пера 1/4. Длина пера 46–51 мм, ширина 11–13 мм, длина черешка 14–28 мм. Сечение уплощенное ромбическое или линзовидное. Наиболее близкие аналогии (тип 33 или тип 81 по А.Ф. Медведеву) среди древнерусских наконечников датируются X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 63, 80). Наконечники этого типа продолжают бытовать до середины второй половины XVII в. Происходят из Изборска, Москвы, Епифанских слобод и датируются концом XIV–XVII в. По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным (Артемьев, 1998. С. 103, рис. 77, 10; Гоняный и др., 2006, в печати).

Тип 9. Ромбовидные, уплощенные в сечении, наконечники с расширением в верхней трети длины пера с вытянутыми плечиками и упором. Тип представлен двумя вариантами, 13 экз., что составляет 3,4 % от общей массы наконечников стрел.

Вариант 9а (Приложение, № 224–228, 233). Ромбовидные, ромбические в сечении, наконечники с расширением в верхней трети длины пера с вытянутыми плечиками и упором (рис. 11, 31). Вариант представлен 6 экз. Пропорции пера 1/4. Длина пера 50–60 мм, ширина 14–15 мм, длина черешка 20–25 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 51, по А.Ф. Медведеву) датируются X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65). Происходят из Москвы, Коломны. Продолжают существовать до второй половины XVII в. По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным (Беляев, 1992; Мазуров, Ульянова, в печати).

Вариант 9б (Приложение, № 2 п.п. 29–232, 371, 372, 405). Ромбовидные, сплюснутые в сечении, наконечники с расширением в верхней трети длины пера с вытянутыми прямыми или вогнутыми плечиками и упором. Вариант представлен 7 экз. (рис. 12, 31). Пропорции пера 1/4–1/5. Длина пера 50–70 мм, ширина 12–14 мм, длина черешка 28–33 мм. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 51, по А.Ф. Медведеву) датируются X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65). В позднее средневековье этот тип стрел становится одним из самых распространенных в Сибирском ханстве, в казахстанских степях, на Алтае (Худяков, 1997. С. 10, 35, 46, 65, 82, 96). Происходят из Тулы, Ростис-

лавля Рязанского, Казани, Епифанских слобод (Коваль, 2005. С. 260, рис. 1, 3; Гоняный и др., 2006, в печати; Буров, 1982; Халиков, 1974). Продолжают существовать до второй половины XVII в. По функциональному назначению данные наконечники относятся также к универсальным, предназначенным к стрельбе как по незащищенному, так и по защищенному броней противнику.

Тип 10 (Приложение, № 303–307). Ромбические наконечники с наибольшим расширением в верхней трети длины пера, без упора (рис. 12, 32). Тип представлен 5 экземплярами, что составляет 1,3 % от общего числа наконечников. Пропорции пера 1/4–1/6. Длина пера 55–90 мм, ширина 16–20 мм. Происходят из культурных слоев Копорья, Москвы, Мангазеи, датирующихся концом XIV — XVII в. (Белов и др., 1981. Табл. 67, 8–10; Беляев, 1991; Овсянников, 1970).

Тип 11 (Приложение, № 236–244, 386, 396). Ромбические наконечники с наибольшим расширением в средней трети длины пера, и упором (рис. 13, 32). Тип представлен 11 экземплярами, что составляет 2,8 % от общего числа наконечников. Вес наконечников 5–13 г. Пропор-

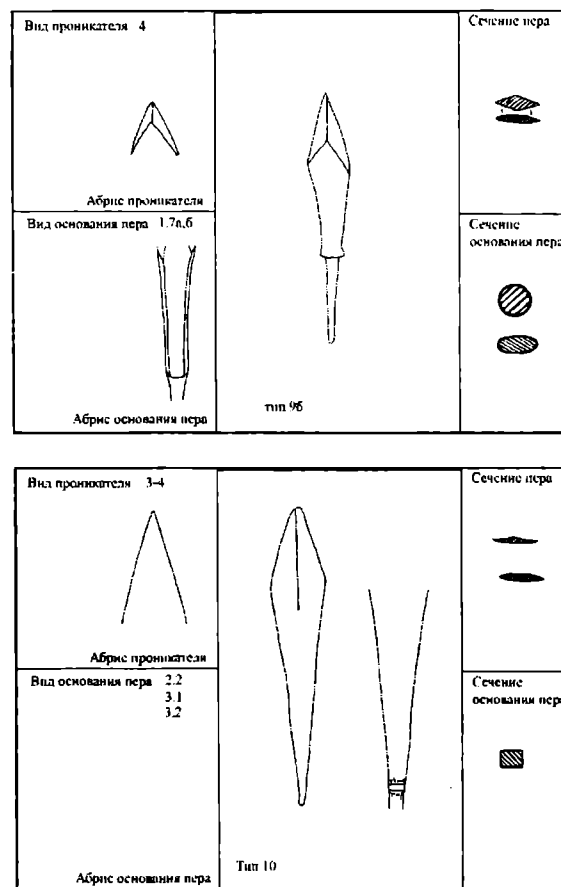

Рис. 12. Паспорта наконечников стрел типа 9б и типа 10

ции пера 1/2–1/3. Длина пера 34–57 мм, ширина 14–27 мм, длина черешка 20–45 мм. Сечение ромбическое, линзовидное. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников (тип 48 по А.Ф. Медведеву) датируются IX—XIII вв. (Медведев, 1966. С. 68). Происходят из Москвы, Епифанских слобод и датируются концом XIV—XVII в., известны также по коллекциям Московской Оружейной палаты (Гоняный и др., 2006, в печати; «Опись Московской...», 1885. С. 310; Беляев, 1991). По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным рассекающим.

Тип 12 (Приложение, № 308–317, 381, 382). Ромбические наконечники с наибольшим расширением в середине длины пера, без упора (рис. 13, 33). Тип представлен 12 экз., что составляет 3,1% от общего числа наконечников. Вес 5,5–6 г. Пропорции пера 1/2–1/3. Длина пера 40–60 мм, ширина 10–20 мм. Сечение линзовидное. Происходят из слоев Пскова, Тушинского лагеря, Москвы, Епифанских слобод, датирующихся концом XIV — XVII веком (Двуреченский, 2006, в печати; Гоняный и др., 2006, в печати; Салмина, 1993). По функциональному назначе-

нию данные наконечники относятся к универсальным-рассекающим. Среди общей массы наконечников этого типа выделяется два крупных образца, происходящих из Сибирского острога в Старом Кунгуре. Длина пера этих наконечников 70–90 мм, ширина 35–40 мм. Оба наконечника датируются XVII в. (Оборин, 1983).

Тип 13 (Приложение, № 318–321). Лавролистные наконечники (рис. 14, 33). Тип представлен 4 экземплярами, что составляет 1% от общего числа наконечников. Вес 5,5–6 г. Пропорции пера 1/3–1/5. Длина пера 55 мм, ширина 12–18 мм. Сечение плоское линзовидное. Происходят из слоев Москвы, Кич-городка, Епифанских слобод (Гоняный и др., 2006, в печати; Никитин, 1962). Наиболее близкие аналогии среди древнерусских наконечников относятся к типу 63 по А. Ф. Медведеву. Время бытования с IX по первую половину XIII в. Появление или возрождение в конце XVI—XVII в. наконечников данного типа значительно расширяет хронологические рамки их бытования (Медведев, 1966. С. 74). По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным.

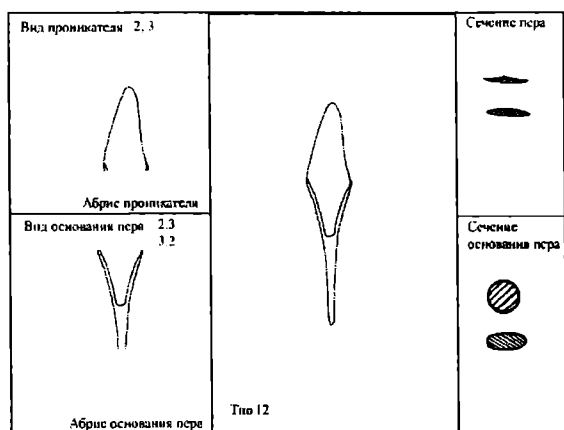
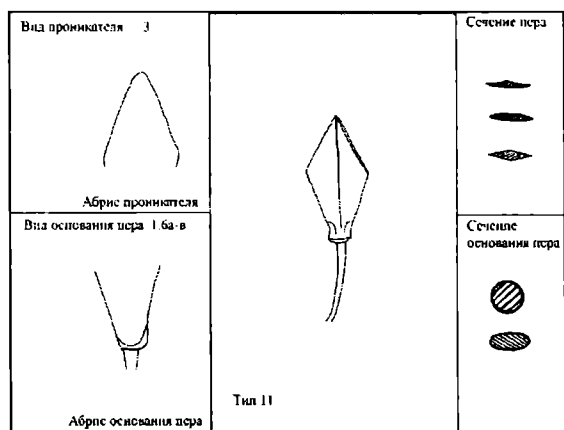

Рис. 13. Паспорта наконечников стрел типа 11 и типа 12

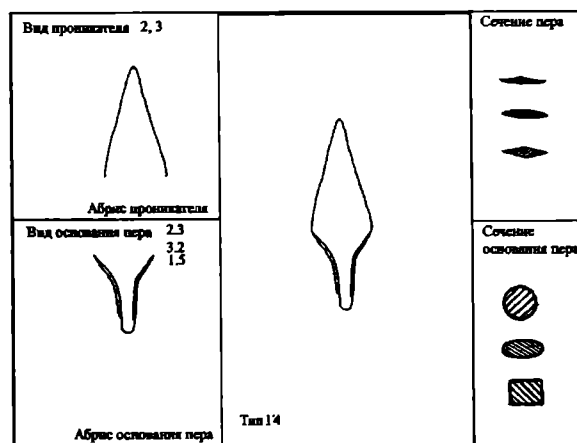
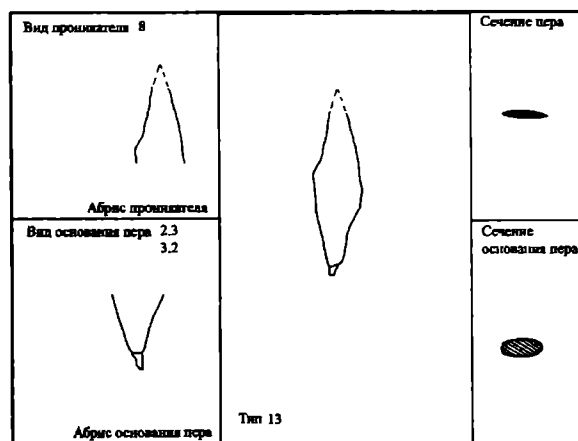

Рис. 14. Паспорта наконечников стрел типа 13 и типа 14

Тип 14 (Приложение, № 322–328). Остролистные наконечники (рис. 14, 34). Тип представлен 7 экз., что составляет 2% от общего числа наконечников. Вес 5–9 г. Пропорции пера 1/2. Длина пера 40 мм, ширина 20 мм, длина черешков 15 мм. Сечение плоское линзовидное или ромбическое. Наиболее близкие аналогии среди древнерусских материалов относятся к типу 61 (по А. Ф. Медведеву), характерными отличиями являются пропорции, отсутствие упора, и особая, свойственная для наконечников этого типа, грубая выделка. Происходят из слоев Пскова, Волоколамска, Изборска, Епифанских слобод, Москвы и датируются концом XIV—XVII вв. По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным (Артемьев, 1998. С. 102, рис. 77, 16; Гоняный и др. 2006, в печати; Лабутина, 1981; Буров, 1994).

Тип 15 (Приложение, № 245–251, 402). Ромбовидные крупные наконечники с расширением в нижней трети длины пера и упором (рис. 15, 34). Тип представлен 8 экз., что составляет 2,1 % от общего числа наконечников. Вес наконечни-

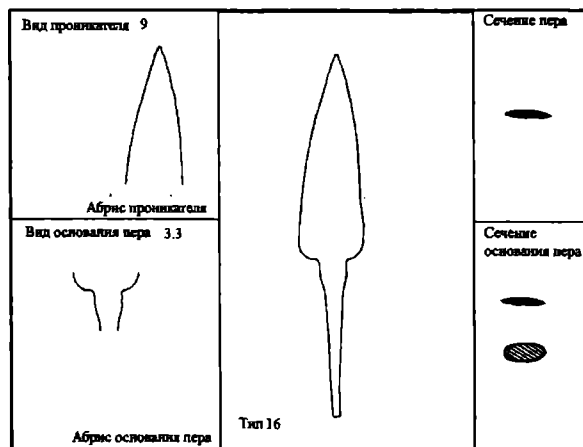
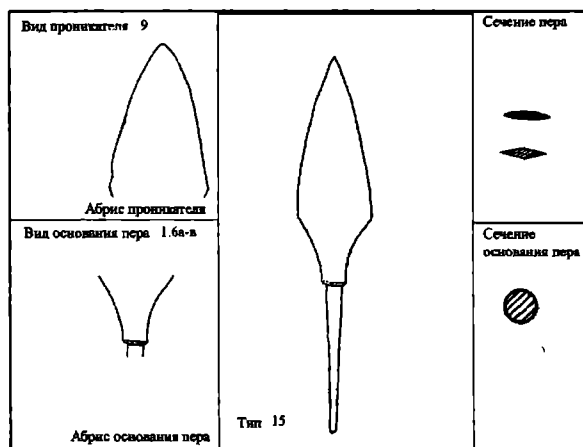

Рис. 15. Паспорта наконечников стрел типа 15 и типа 16

ков 16–23 г. Пропорции пера 1/3–1/4. Длина пера 56–80 мм, ширина 18–30 мм, длина черешка 30–65 мм. Сечение линзовидное или ромбическое. Относится к типу 41, вариант 2 по классификации А.Ф. Медведева, который широко распространен с середины XI по XIV в. включительно. Особенно широко они употреблялись в XII—XIV вв. (Медведев, 1966. С. 65). Происходят из Пскова, Стрешневского городища, Боровска, Москвы, Тушинского лагеря, Рязани и датируются концом XIV—XVII в. (Двуреченский, 2006. См. статью в сборнике; Судаков, 1986; Сергина, 1979; Матвеева, 1976). По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным-рассекающим.

Тип 16 (Приложение, № 331–334). Треугольные плоские наконечники без упора (рис. 15, 35). Тип представлен 4 экз., что составляет 1% от общего числа наконечников. Пропорции пера 1/3–1/4. Длина пера 60–75 мм, ширина 20 мм. Сечение линзовидное или ромбическое. Происходят из Копорья, Пскова, Москвы, сибирских городков — Старого Кунгура (Оборин, 1983; Кильдюшевский, 1988; Овсянников, 1970). Датируются концом XIV—XVII в. По функциональному назначению данные наконечники относятся к рассекающим-широколопастным.

Тип 17 (Приложение, № 335–338, 379). Срезни в виде узкой вытянутой лопаточки с упором (рис. 16, 35). Тип представлен 5 экземплярами, что составляет 1,3 % от общего числа наконечников. Пропорции пера 1/4. Длина пера 55–61 мм, ширина 13–16 мм. Наконечники данного типа появились в Восточной Европе вместе с войсками Батыя. Время бытования их определялось XIII—XIV вв. (тип 67 по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1966. С. 75). В более позднее время они известны в единичных экземплярах и происходят из слоев Орешка, Тушкова городка, Настасьинского селища, Ростиславля Рязанского конца XIV — первой половины XV в. (Двуреченский, 2005. С. 46, 238, рис. 76; Кильдюшевский, 1998. С. 62–65; Рабинович, 1954; Рабинович, 1957). Выделяется две разновидности, которые из-за недостаточности находок в позднесредневековых слоях, не могут быть выделены в отдельные варианты. К первой разновидности можно отнести срезни, имеющие пронизатель в виде клина с тупым углом, ко второй разновидности срезни с прямым пронизателем. Таким образом, столь распространенные наконечники, во многом символизирующие ордынский комплекс вооружения, продолжают бытовать на территории Московского государства до конца XIV — первой половины XV в.

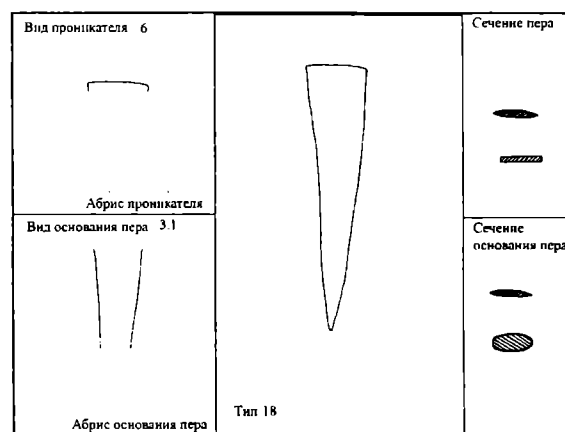
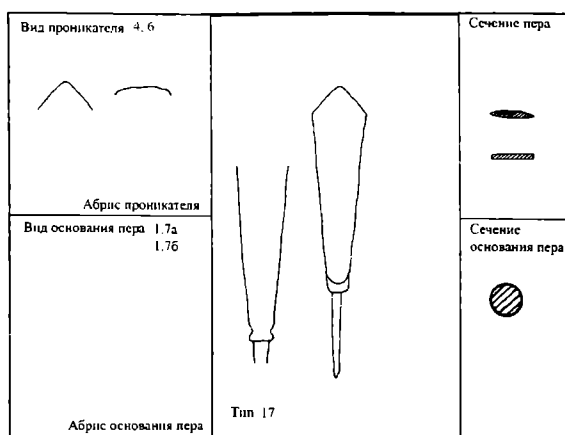

Рис. 16. Паспорта наконечников стрел типа 17 и типа 18

Тип 18 (Приложение, № 339–341). Срезни в виде узкой вытянутой лопаточки, без упора для древка (рис. 16, 36). Тип представлен 3 экз., что составляет 0,7% от общего числа наконечников. Пропорции пера 1/4–1/6. Длина пера 55–95 мм, ширина 13–16 мм. Сечение плоское. Наиболее близкие аналогии среди восточноевропейских материалов (тип 58 по А.Ф. Медведеву) (Медведев, 1966. С. 71) датируются X—XIII вв. Поздние наконечники отличаются более вытянутыми пропорциями. Происходят из слоев Изборска, Мангазеи, датируются концом XIV—XV, второй половиной XVI и первой половиной XVII в. (Артемов, 1998. С. 102–103. Рис. 77, 5; Белов и др., 1981. Табл. 67, 4. Рис. 16, 2). Три наконечника, отнесенные к этому типу имеют слабые типологические связи и объединены лишь на основе морфологической близости. В дальнейшем, при отсутствии поступлений новых находок срезней без упора, данный тип наконечников может быть исключен из типологии, а наконечники должны быть отнесены к индивидуальным формам. Наконечники данного типа более характерны для периода раннего средневековья, где

они датируются по материалам курганных могильников X—XI вв., позднее лишь по материалам Новгорода более крупные наконечники этого типа происходят из слоев XII—XIII вв. (Медведев, 1966. С. 71). Всего к этому виду наконечников А.Ф. Медведевым было отнесено 13 экз. Находка наконечника стрелы этого типа в Изборской крепости в слоях второй половины XIV — начала XVI в. может свидетельствовать о продолжении употребления наконечников этого типа, характерных для северо-запада Руси. Аналогичные наконечники, происходящие из Мангазеи, скорее всего, связаны с охотничьими промыслами русского и местного аборигенного населения.

Тип 19 (Приложение, № 342–347). Срезни в виде узкой двурогой вытянутой лопаточки без упора для древка (рис. 17, 36). Тип представлен 6 экземплярами, что составляет 1,6 % от общего числа наконечников. Сечение плоское. Наиболее близкие аналогии среди восточноевропейских материалов (тип 59 по А.Ф. Медведеву) датируются X—XI вв. (Медведев, 1966. С. 71). В более поздний период наконечники этого типа представлены только в Мангазее и могут быть

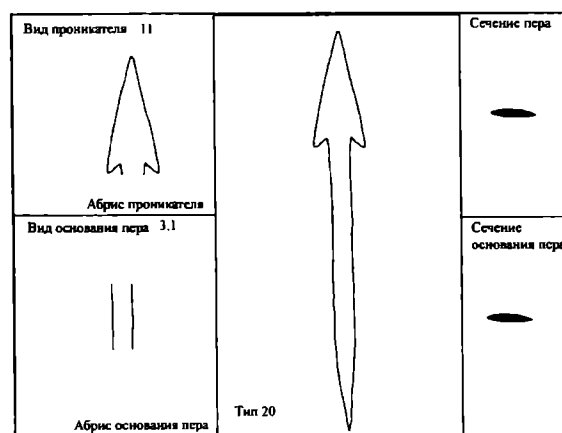
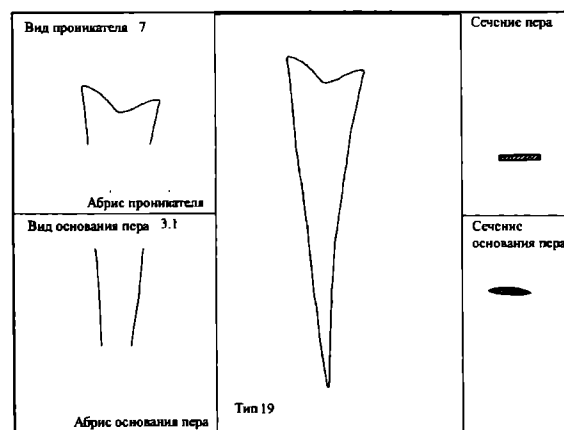

Рис. 17. Паспорта наконечников стрел типа 19 и типа 20

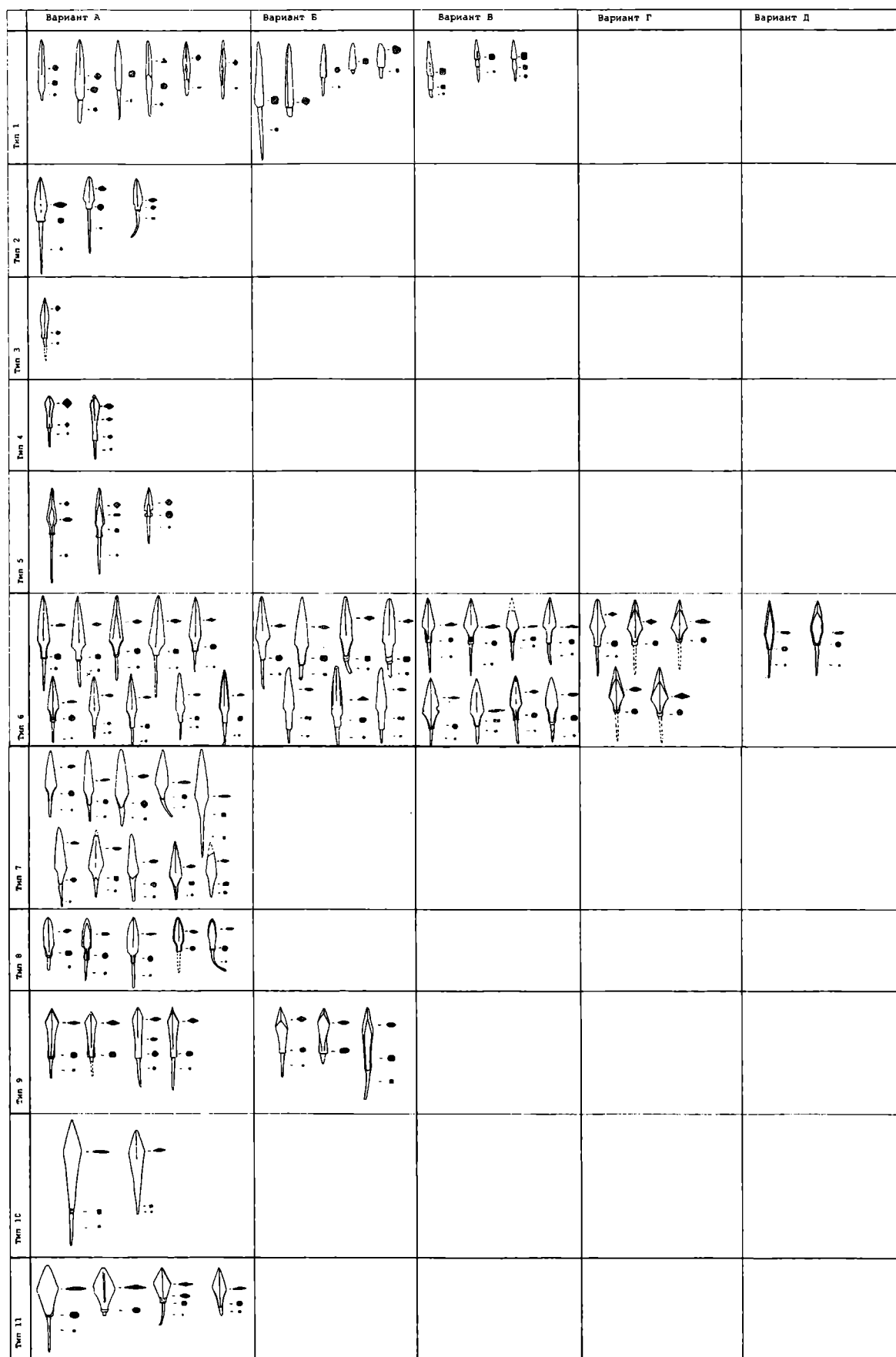

Рис. 18. Типология наконечников стрел Московского государства кон. XIV—XVII в.

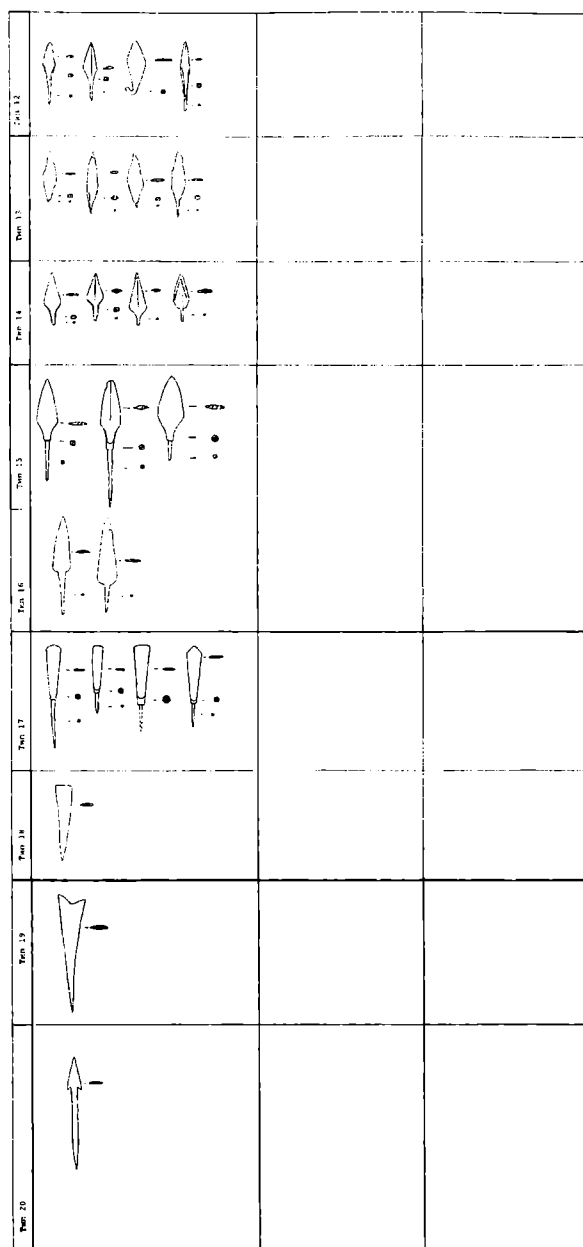

Рис. 18. Типология наконечников стрел Московского государства кон. XIV—XVII в. (окончание)

связаны с охотничьей и промысловой деятельностью как русского, так и аборигенного населения (Белов и др., 1981. Табл. 67, 1–3, 5–7).

Тип 20 (Приложение, № 348–350). Двухшипные наконечники (рис. 17, 36). Тип представлен 3 экземплярами, что составляет 0,7% от общего числа наконечников. Наиболее близкие аналогии среди восточноевропейских материалов (тип 29 по А.Ф. Медведеву) датируются с I по XIV вв. включительно (Медведев, 1966. С. 62). В северо-западных областях аналогичные наконечники продолжают бытовать до XIV—XV в. (Артемьев, 1998. С. 102. Рис. 77, 7; Лабутина, 1972). В более поздний период на территории

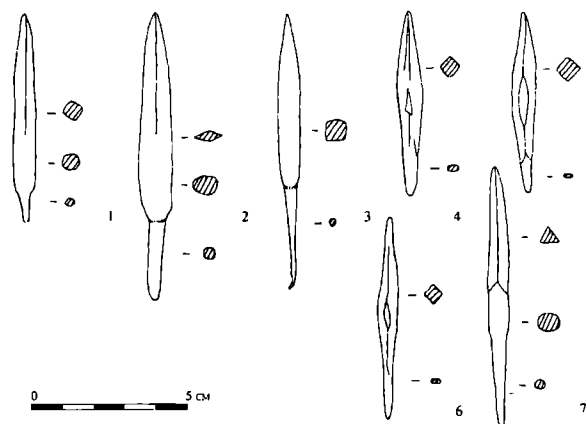

Рис. 19. Наконечники стрел. Тип 1а

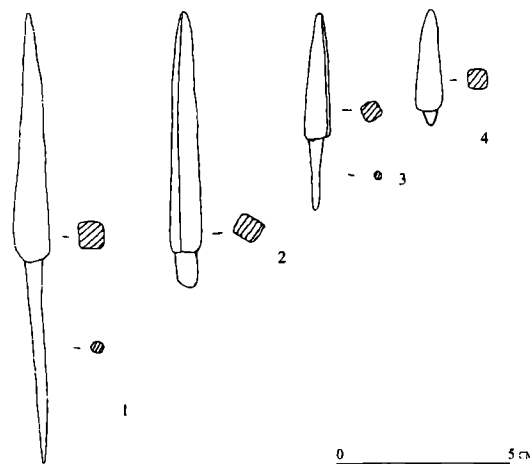

Рис. 20. Наконечники стрел. Тип 1б

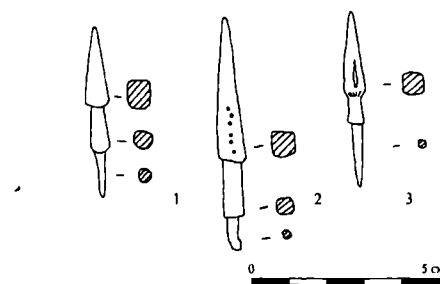

Рис. 21. Наконечники стрел. Тип 1в

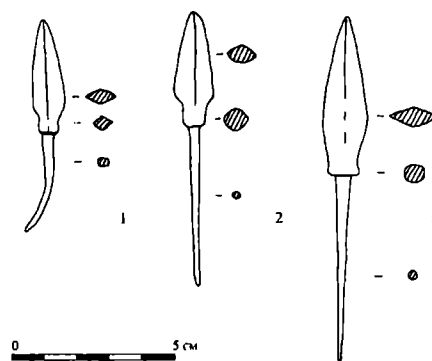

Рис. 22. Наконечники стрел. Тип 2

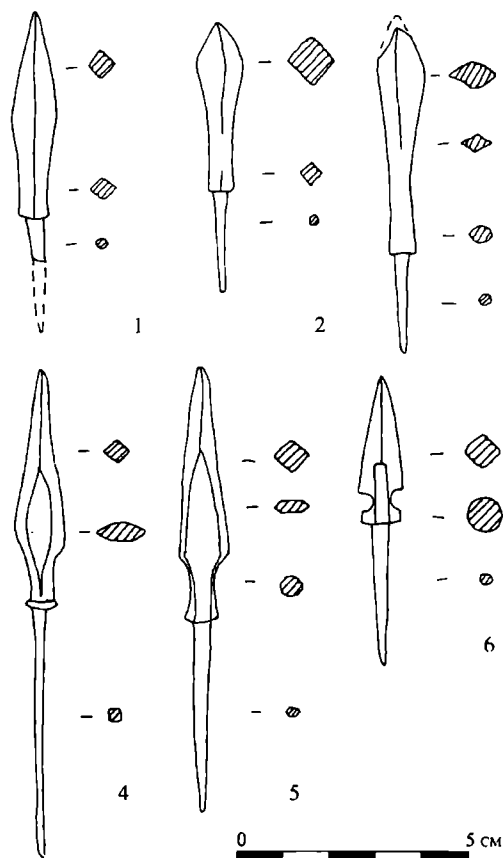

Рис. 23. Наконечники стрел. Типы 3-5

Русского государства они встречаются лишь в Мангазее. Наконечники этого типа, по всей видимости, относятся к охотничьим (Белов и др., 1981. Табл. 67, 11).

Среди наконечников, не вошедших в приведенную выше типологию, следует упомянуть серию наконечников (30 шт.), представленных в единичных экземплярах.

Среди наконечников индивидуальных форм следует отметить схожие формы. Так выделяется серия пулевидных наконечников. Экземпляр пулевидного наконечника соотносимого с типом 102 (по А.Ф. Медведеву), обнаружен в слоях Москвы конца XIV — начала XVI в. В культурном слое Москвы, датированном XVI — началом XVII в. были обнаружены еще два пулевидных железных наконечника, отличающихся от вышеописанного тем, что крепление у них представляет тип внутренней втулки, расположенной внутри наконечника. Возможно, последние два образца представляли собой вариант костяных томаров, охотничьих наконечников, предназначенных для стрельбы по пушному зверю. Также в Москве были обнаружены два варианта долотовидных наконечников, которые можно соотнести с типами 99 и 100 по классификации А.Ф. Медведева (Медведев, 1966. С. 85, 86). К бронебойным наконечникам можно отне-

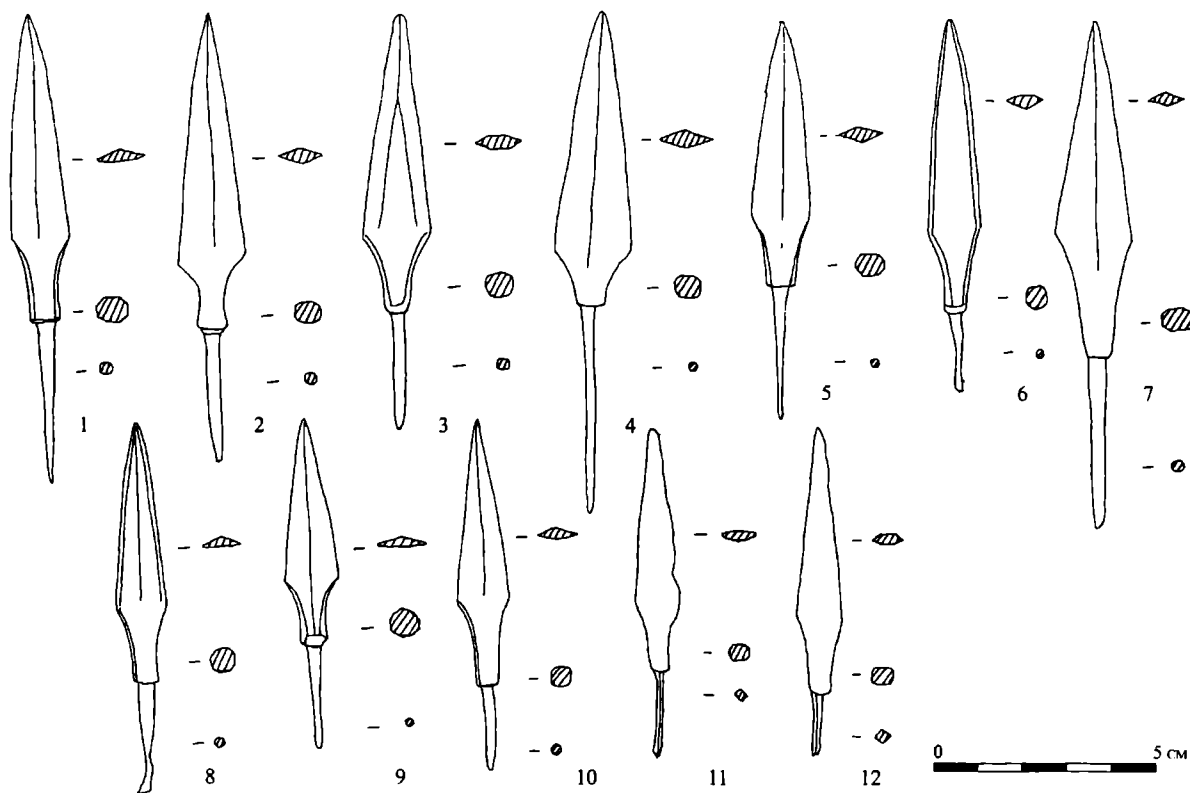

Рис. 24. Наконечники стрел. Тип 6а

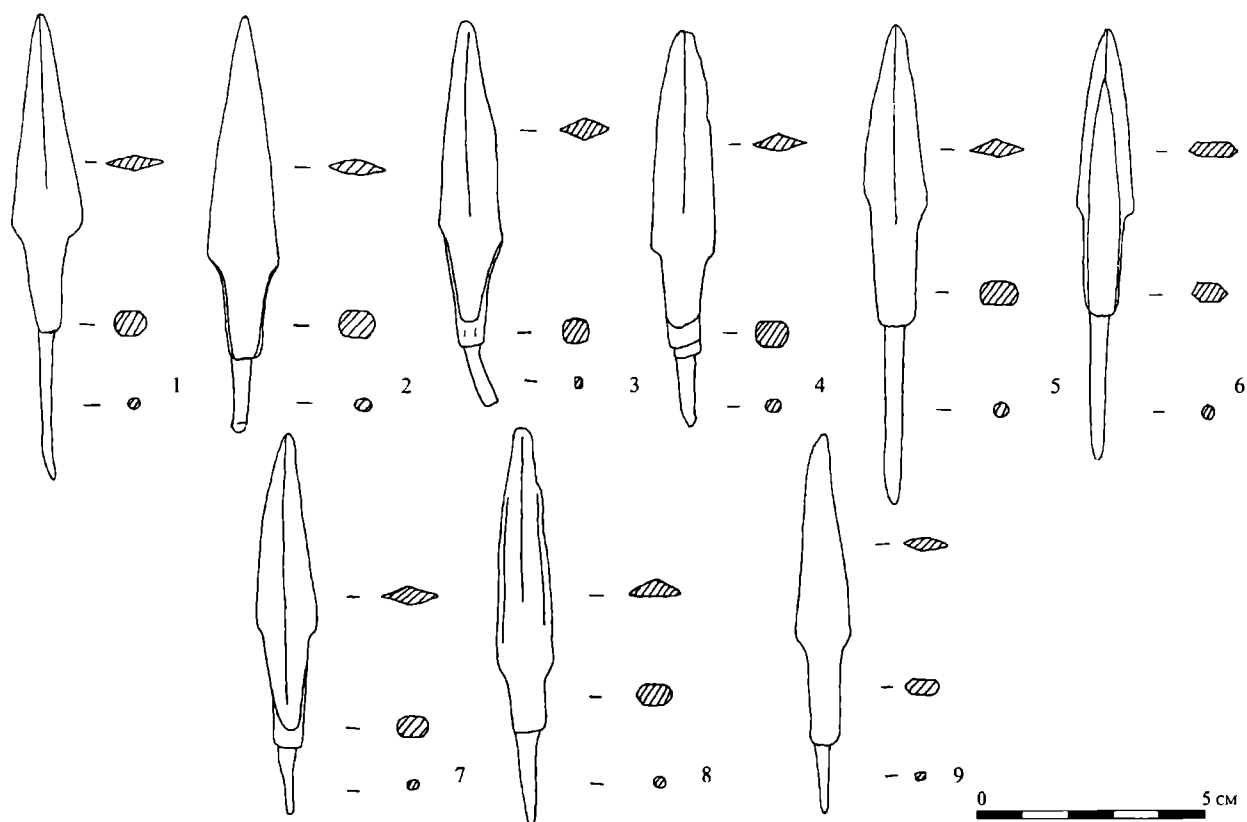

Рис. 25. Наконечники стрел. Тип 66

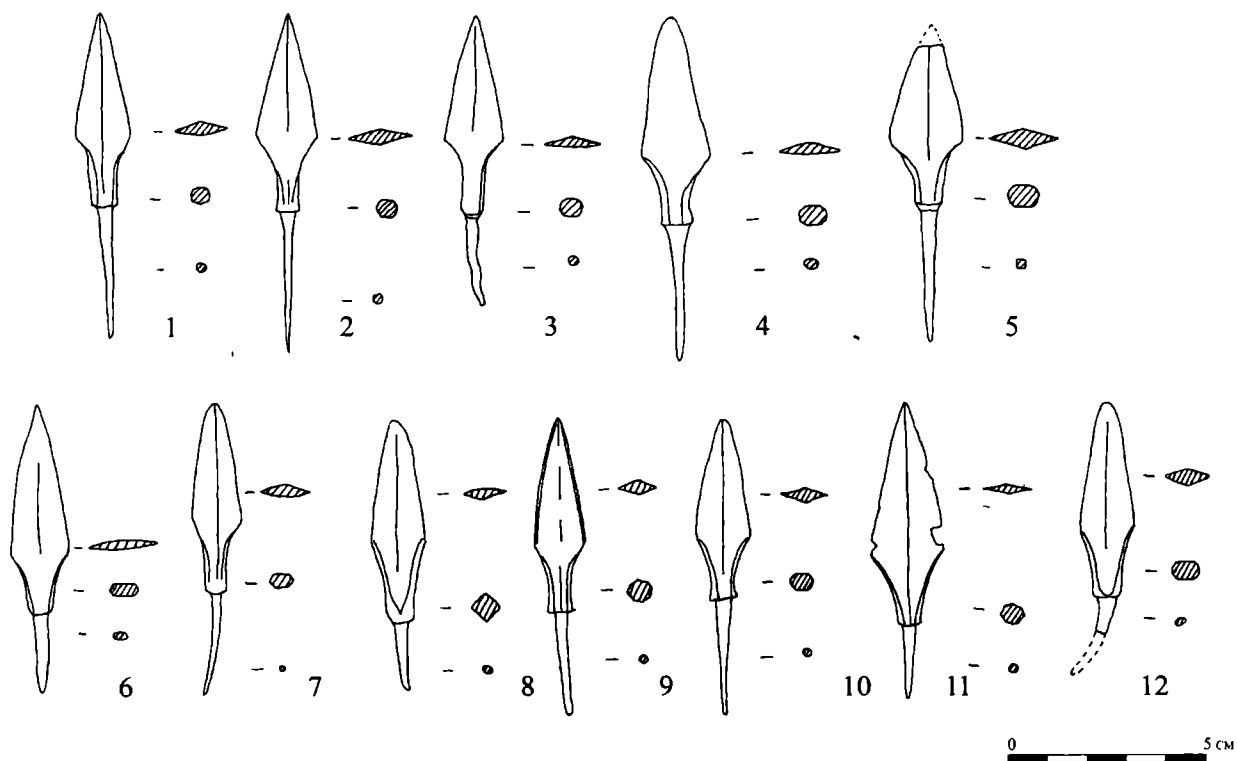

Рис. 26. Наконечники стрел. Тип 6b

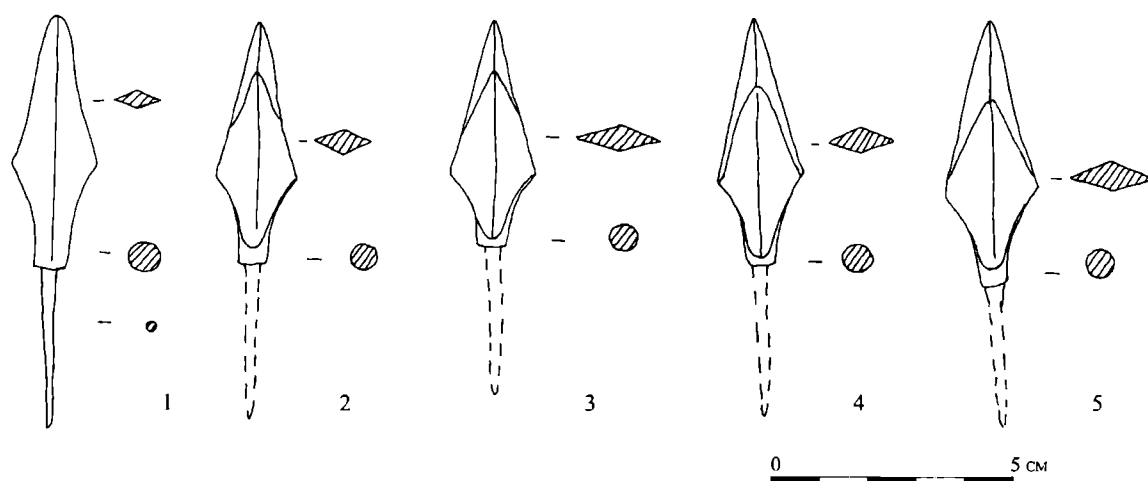

Рис. 27. Наконечники стрел. Тип 6г

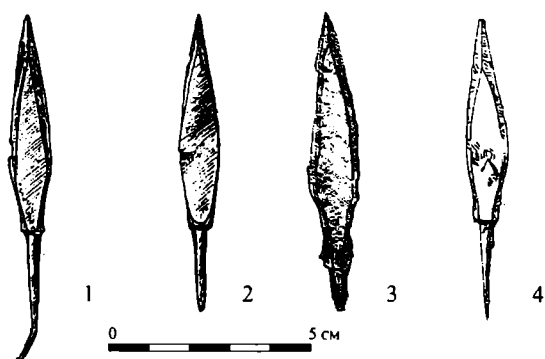

Рис. 28. Наконечники стрел. Тип 6д

сти два мелких, остролистых экземпляра с центральным валиком, по перу образующим сечение в виде высокого ромба. В северо-западной и центральных частях Московского государства XV—XVII вв. продолжают употреблять в очень малой степени широколопастные наконечники стрел. Всего их отмечено 12 индивидуальных образцов, наиболее частыми являются изделия, находящие свои аналогии среди широко распространенных типов ордынского периода. В частности, при раскопках в Москве встречены наконечники, датируемые XVI—XVII вв., относящиеся к типу 49 и 70 по А.Ф. Медведеву (Медведев,

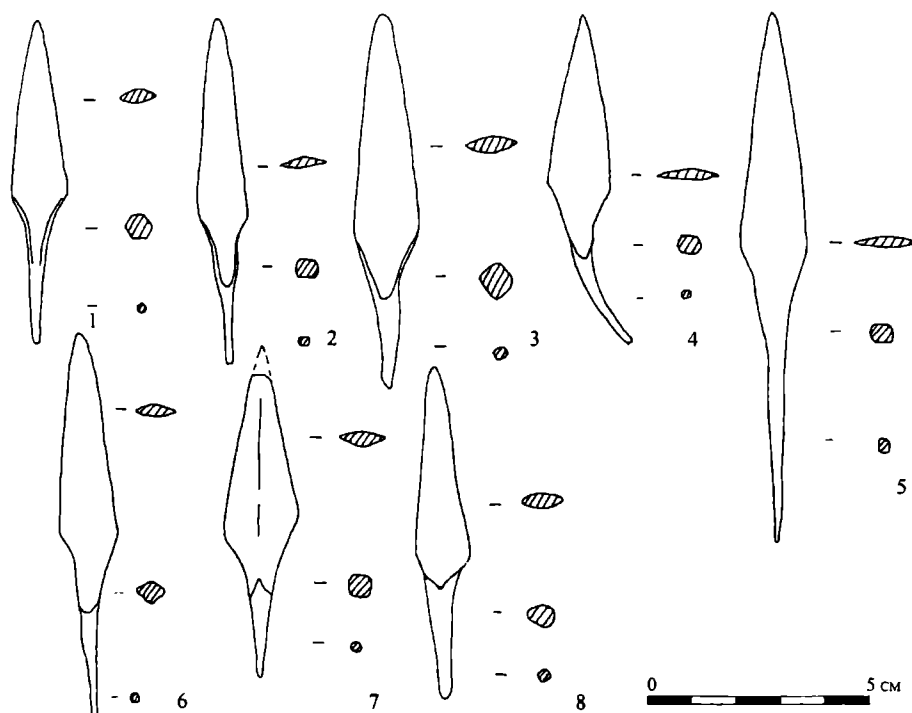

Рис. 29. Наконечники стрел. Тип 7

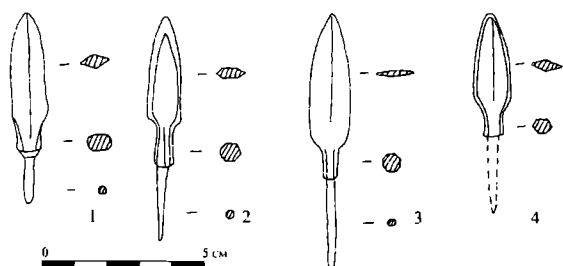

Рис. 30. Наконечники стрел. Тип 8

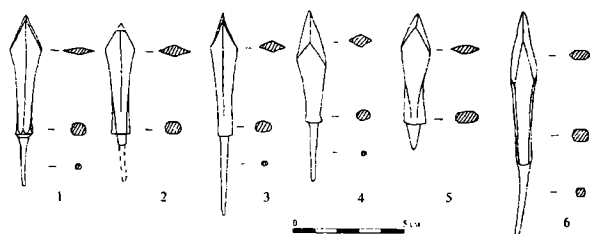

Рис. 31. Наконечники стрел. Тип 9а, б

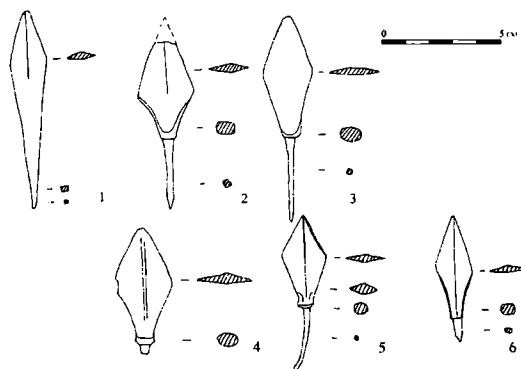

Рис. 32. Наконечники стрел. Тип 10 и Тип 11

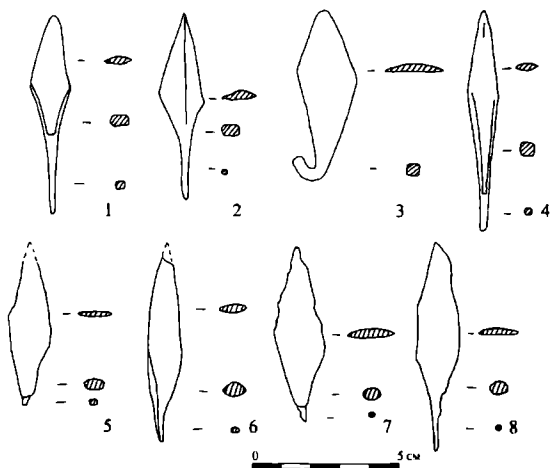

Рис. 33. Наконечники стрел. Тип 12 и Тип 13

1966. С. 69, 77). Отмечаются так же широкие листовидные наконечники. Из раскопок в Коломне происходит единственный экземпляр наконечника со сквозным круглым отверстием в лопасти (Мазуров, Ульянова, в печати). Отдельную

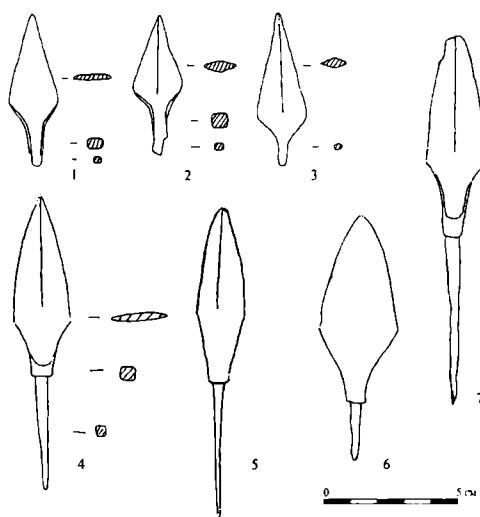

Рис. 34. Наконечники стрел. Тип 14 и Тип 15

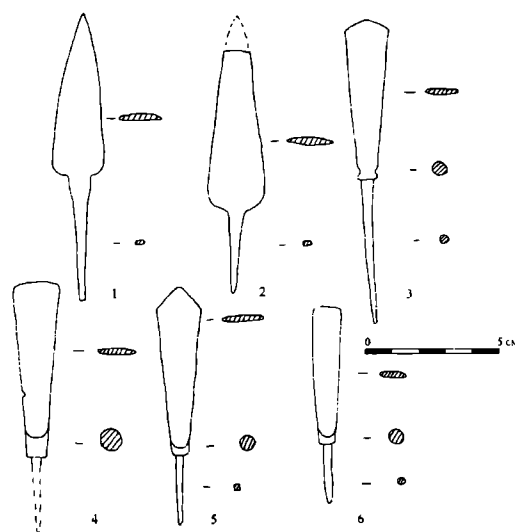

Рис. 35. Наконечники стрел. Тип 16 и Тип 17

серию индивидуальных форм составляют охотничьи наконечники, происходящие с уральских и сибирских русских городков и острогов. Эти типы наконечников могли быть связаны с иной, «аборигенной», традицией, которая влияла на состав употреблявшихся типов наконечников стрел у русских поселенцев (Белов и др., 1981. Табл. 67; Артемьев, 1999. С. 298. Рис. 80).

Особый интерес среди найденных железных наконечников, представляют заготовки 4 стрел, с нераскованным пером наконечника из стерженька, квадратного в сечении, длиной 55 мм и весом 5 г. Все заготовки иллюстрируют собой разные стадии изготовления. От первичной заготовки со слегка расплюснутым острием, до практически законченных типов наконечников, которые не прошли дополнительную проковку пера.

Процентное соотношение типов наконечников стрел, бытовавших на территории Москов-

ского государства, отображенное на рисунке 42, демонстрирует следующую картину. Доминирующим типом, составляющим в процентном выражении до половины от общего числа наконечников стрел, является тип 6, представленный многочисленными вариантами. Вторым по встречаемости является тип 7, который аналогичен наконечникам стрел типа 6, за исключением того, что вместо упора у наконечников этого типа фиксируются либо валик-расширение, либо отсутствие упора вообще.

И третьим типом по частоте встречаемости среди всех наконечников является тип 1. Все остальные типы являют собой редкие типы наконечников стрел, что может быть объяснено несколькими причинами. Редкие типы, представлены: архаическими типами, доживающими на территории Московской Руси до начала — середины XV в. (типы 3, 4, 18); узколокальные или связанные с определенной культурной традицией изготовления и не свойственные для всей территории Московской Руси (типы 9а, 9б, 19, 20); специфические наконечники стрел, выполнявшие узкоспециальные функции и в силу общей универсализации типов наконечников стрел Московского государства представленные довольно малым количеством (типы 2, 5, 10, 15, 17); отмечаются редкие типы наконечников стрел (типы 8, 11, 12, 13, 14).

Представляется необходимым отметить некоторые моменты интересные с точки зрения преемственности и эволюции форм (рис. 37, а, б). Прежде всего, замечается явное родство поздне-средневековых наконечников со стрелами XIII—XIV вв. Так, большинство типов либо продолжают существовать без трансформаций на протяжении всего рассматриваемого периода (тип 1 варианты 1б, 1в, 2, тип 6 вариант 6в, тип 8, 11, 13), либо бытуют, претерпев некоторые изменения (типы 1а, 12, 6а, 7, 14, 15, 18, 19, 20). В число типов, имеющих безусловную связь с более ранней эпохой, следует включить выше упоминавшиеся архаические типы, которые выходят из употребления в первой половине — середине XVI в. (типы 3, 4, 17). В отдельную группу выделяются типы и варианты типов неизвестные в более раннее время (типы 5, 6а, 6, г, д). Интересно отметить, что на фоне доминирующих 1, 6, и 7 типов железных наконечников стрел, распространенных на территории Московского государства, в незначительном количестве представлен тип 9 варианты а, б. Данный тип относится к самым распространенным наконечникам стрел на территории Сибирского ханства и является одним из доминирующих в

комплексе вооружения кочевников южной Сибири и Центральной Азии в эпоху позднего средневековья (Худяков, 1997. С. 10, 35, 46, 65, 82, 96).

Рассмотрение всех типов наконечников стрел позволяет перейти к построению общей функциональной типологии, основанной на характере воздействия наконечника стрелы. Все типы наконечников стрел могут быть подразделены на бронебойные, универсальные и рассекающие (рис. 38).

Бронебойные наконечники характеризуются такой специфической функцией, как пробивание защитного доспеха. По характеру воздействия бронебойные наконечники подразделяются на наконечники с прокалывающим действием и ударно-режущей функцией.

Бронебойные наконечники с прокалывающим действием представлены четырьмя типами (1—3, 5). Эти типы наконечников стрел характеризуются несколькими показателями — сечением (квадратное, треугольное или в виде высокого ромба); соотношением длины пера к его ширине (1/4–1/9); типом проникающего (с шиловидным или узко-клиновидным острием); типом основания (со слабо выраженными образующими у перехода к крепежной части пера); размерами и весом (длина от 35–85 мм, при ширине 7–14 мм, вес — 6–13 г). Основание пера таких наконечников, как правило, простое с четко выраженным упором, в качестве варианта отмечается слабовыраженный упор (тип 1а).

Бронебойные наконечники с ударно-режущей функцией представлены одним типом (тип 4).

Наконечники стрел с бронебойной функцией преимущественно распространены на северо-западной территории Московского государства. Основная масса бронебойных типов наконечников исчезает в середине XV в. Среди всех типов наконечников стрел этой функциональной специализации продолжают существовать только наиболее простые в изготовлении и маловыразительные шиловидные наконечники (вариант 1а) с характерным прокалывающим действием. Их распространение приходится на всю территорию Московской Руси и Московского государства.

Отдельную функциональную группу формируют наконечники стрел, не имеющие ярко выраженной специализации. По нашему представлению это *универсальные типы* наконечников. Предназначались они для стрельбы как по легковооруженному, так и по хорошо защищенному противнику. По характеру воздействия группу универсальных наконечников можно разде-

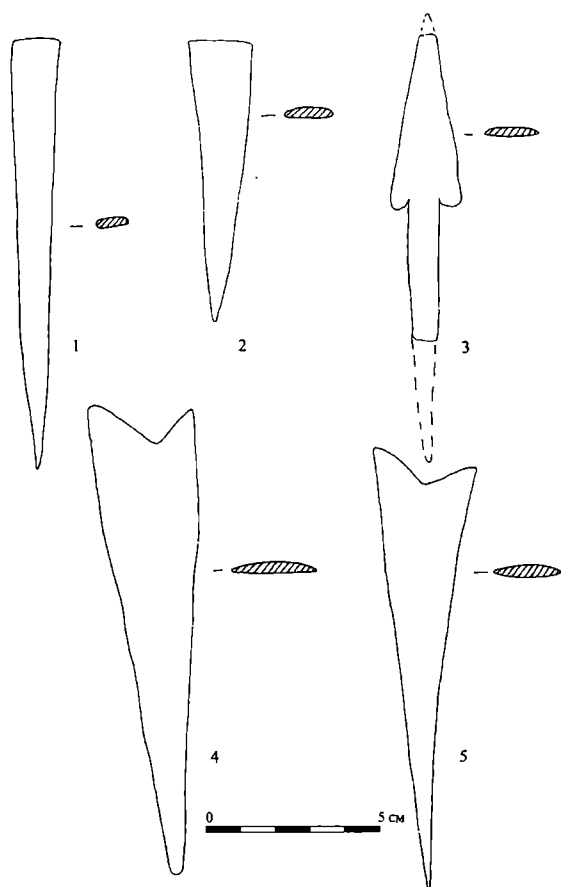

Рис. 36. Наконечники стрел. Типы 18–20

лить на универсальные (тип 6, 7, 8, 9, 13, 14) и универсально-рассекающие (тип 10, 11, 12).

Универсальные стрелы характеризуются несколькими показателями — сечением (как правило, это узкое линзовидное, ромбическое или подтреугольное); соотношением длины пера к его ширине ($1/3$ – $1/7$); типом такого конструктивно-морфологического элемента, как проникатель (преимущественно клиновидные, а также килевидные и остролистные); размерами и весом (длина от 40–100 мм, при ширине 10–18 мм, средним весом 5–10 г).

Универсально-рассекающие наконечники характеризуются следующими конструктивно-морфологическими и весоразмерными показателями — сечением (плоским линзовидным или ромбическим); соотношением длины пера к его ширине $1/2$, $1/3$; типом проникателя (широкий клиновидный с вытянутыми чуть вогнутыми или прямыми образующими); размерами (длина пера 40–60 мм, при ширине 10–25 мм, вес — 5–11 г). Малые размеры у наконечников этой подгруппы не позволяют отнести их к группе рассекающих-широколопастных. Универсальные наконечники стрел, как будет показано ниже, являются доминирующими в количе-

ственном отношении на территории Московского государства. Все наконечники этой группы представлены типами как с упором, так и без упора.

Рассекающие наконечники стрел представлены пятью типами (типы 15–19). Основная функция наконечников данной группы оставлять широкие узкие раны, стрельба из таких стрел производилась, как правило, по незащищенному или слабо защищенному противнику или цели. Выделяются две группы: широколопастные рассекающие и рассекающие — срезни.

Широколопастные рассекающие представлены двумя типами (типы 15, 16). Эти типы наконечников стрел характеризуются несколькими показателями — сечением (как правило, линзовидное или ромбическое); соотношением длины пера к его ширине ($1/3$, $1/4$); типом проникателя (остролистный); размерами и весом (длина от 60–80 мм, при ширине 20–30 мм, средним весом 20 г).

Рассекающие — срезни представлены тремя типами (типы 17, 18, 19). Эти типы наконечников стрел характеризуются несколькими показателями — сечением (линзовидное или плоское); соотношением длины пера к его ширине ($1/4$ – $1/6$); типом проникателя (в виде низкого широкого клина, «ласточкина хвоста» и плоского проникателя); размерами (длина от 55–100 мм, при ширине 13–25 мм). Необходимо отметить, что в основной своей массе наконечники этой функциональной подгруппы на территории Московского государства выходят из употребления в середине XV в., позднее срезни попадают только в культурном слое уральских и сибирских русских городов и крепостей и также как выше упоминавшиеся некоторые индивидуальные наконечники могут быть связаны с изготовлением местных традиционных типов наконечников.

Отдельную группу формируют наконечники стрел с шипами, представленные одним типом — 20-м.

Статистический анализ наконечников стрел с учетом их функционального назначения (рис. 39) выявил однозначное превалирование универсальных наконечников (78% от общего числа). Вторая в количественном выражении группа наконечников — бронебойная (13,6%), и третья — рассекающие наконечники (8,4%). Процентное соотношение наконечников стрел, выделенных по характеру воздействия, выявила более детализированную картину (рис. 40).

Для выявления закономерностей в эволюции наконечников стрел на территории Московско-

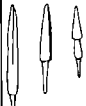

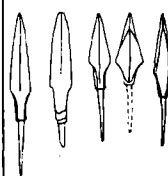

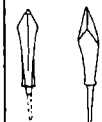
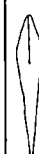

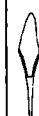
		к. XIV	XV в.	XVI в.	XVII в.
тип. 1					
тип. 2					
тип. 3					
тип. 4					
тип. 5					
тип. 6					
тип. 7					
тип. 8					
тип. 9					
тип. 10					
тип. 11					
тип. 12					

Рис. 37. Хронологическая таблица типов наконечников стрел Московского государства конца XIV—XVII в.

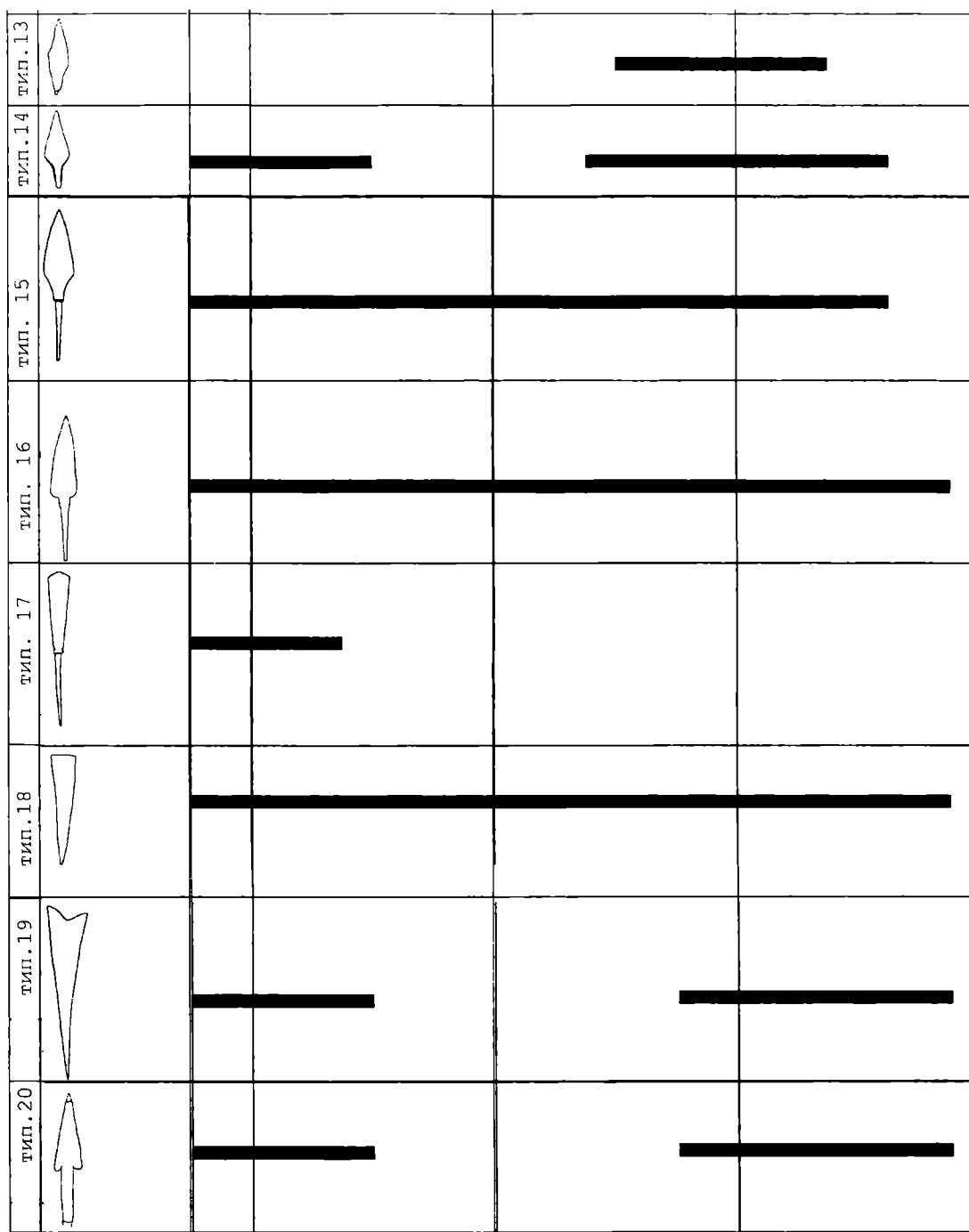

Рис. 37. Хронологическая таблица типов наконечников стрел Московского государства конца XIV—XVII в. (окончание)

го государства, а также для установления территориальных и хронологических особенностей необходимо более подробно рассмотреть упомянутые аспекты. Наиболее плодотворным представляется рассмотрение распространения не отдельных типов наконечников, а анализ зависимостей выделенных функциональных групп в рамках трех историко-географических регионов (рис. 41). Малочисленность стрел, происходящих из уральских и сибирских рус-

ских городов и острогов, а также высокая вероятность присутствия в комплексах типов наконечников стрел местного аборигенного населения стало основанием, по которому мы не включили наконечники этого региона в сравнительный анализ процентного соотношения с наконечниками остальных регионов Московского государства.

Сравнительный анализ распределения наконечников стрел представляющих различные

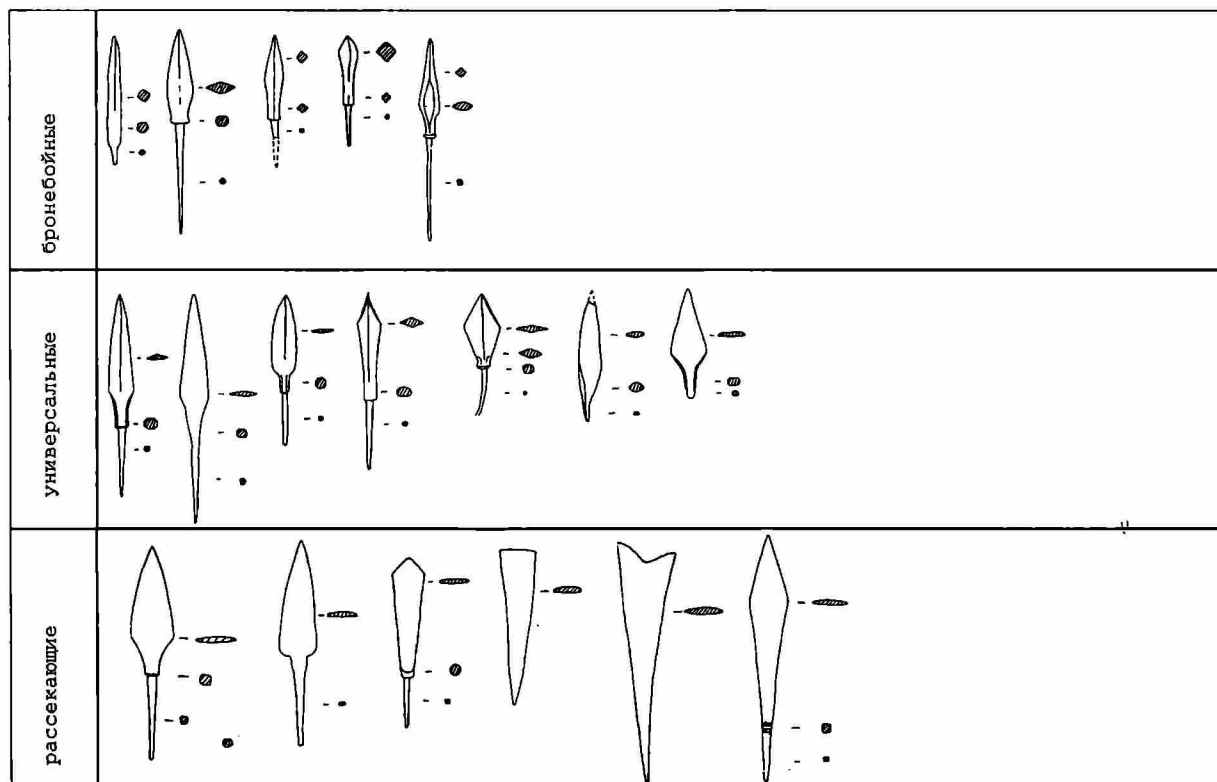

Рис. 38. Функциональная специализация основных типов наконечников стрел Московского государства конца XIV — XVII в.

типы и функциональные группы по трем основным регионам: северо-западному, центральному и юго-юго-восточному позволил зафиксировать стойкую тенденцию количественного увеличения универсальных наконечников в направлении севера на юг. Показательным выгля-

дит также уменьшение специализированных типов наконечников стрел. В частности, бронзовые наконечники в северо-западном регионе составили 33%, тогда как в южных областях не превышали 6%. Еще более резкие тенденции отмечены среди группы рассекающих наконеч-

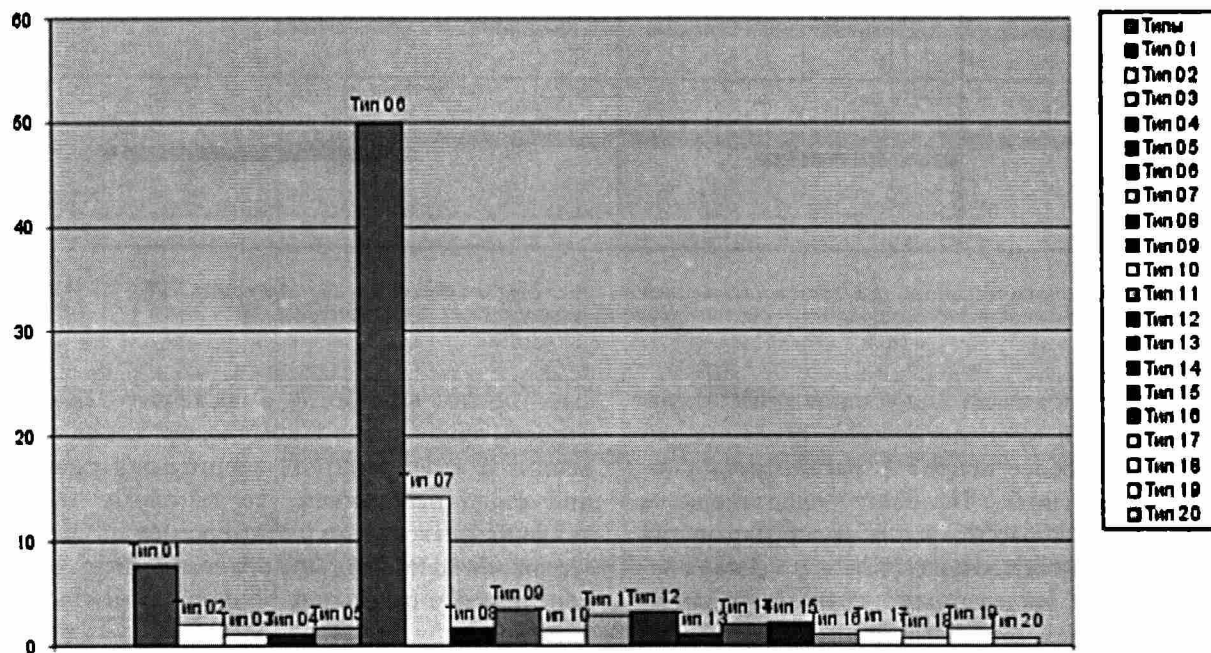

Рис. 39. Процентное соотношение типов стрел Московской Руси и Русского государства XV—XVII вв.

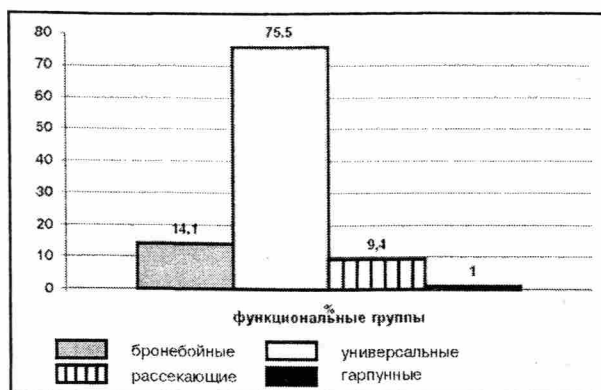

Рис. 40. Функциональные группы наконечников стрел Московской Руси конца XIV—XVII веков

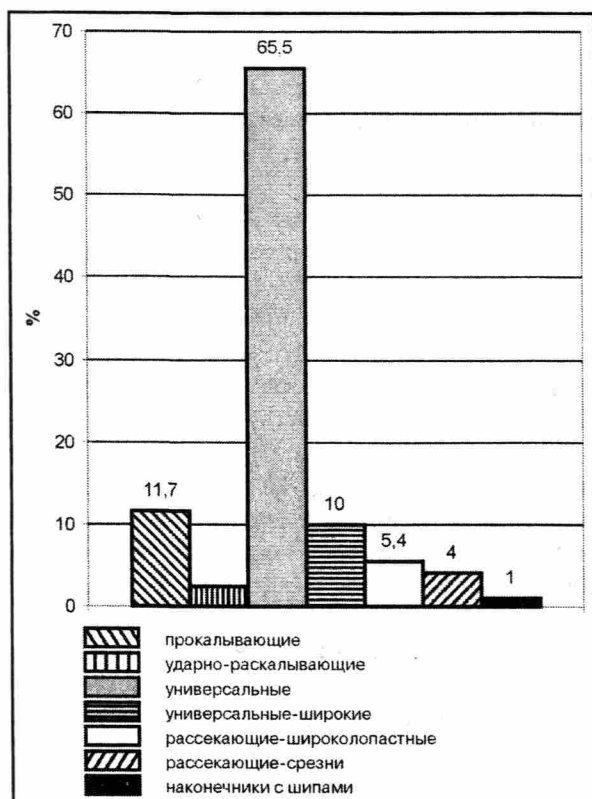

Рис. 41. Процентное соотношение наконечников стрел Московской Руси и Русского государства, выделенных по характеру воздействия

ников — на землях «немецкой уkraine» они представлены 11%, тогда как в южных областях они не известны совсем. Заманчиво было бы объяснить эту разницу спецификой комплекса вооружения и особенностей ведения боя в северо-западном регионе, где основным противником являлись ливонская, шведская армии с комплексом тяжелого вооружения и характерным способом ведения войны за города, в отличие от комплекса вооружения южной и юго-восточной части Московского государства, где основным противником являлись отряды легковооружен-

ной татарской конницы. Однако без учета хронологических особенностей процесса расширения территорий от Московской Руси к сложению Русского государства такая интерпретация представляется преждевременной. Необходимо учитывать тот факт, что крепости, города и селения, возникавшие на территории южных «украинных» областей датируются преимущественно второй половиной XVI — XVII в., в отличие от исконных земель центрального и северо-западного региона, где получена значительная серия наконечников стрел конца XIV — начала XVI в.

В этом отношении представляется целесообразным предварительное сопоставление процентного соотношения наконечников стрел, выделенных по функциональному назначению, в хронологическом порядке.

Для проведения этого сопоставления были выделены два хронологических периода (рис. 42).

Период, характеризующий бытование наконечников стрел Московской Руси в рамках позднего удельного периода, до возникновения единого централизованного государства (XIV—XV вв.) и период собственно централизованного Русского государства XVI—XVII вв. Цифры, отраженные в данной диаграмме, получены на основе подсчета количества наконечников стрел в типах, разделенных по функциональным группам. К сожалению, выделение более дробных периодов оказалось невозможным из-за недостаточности материала. Тем не менее, выявленные закономерности, отраженные на рисунке 42, позволяют зафиксировать эволюцию комплекса наконечников стрел в сторону доминирования универсальных типов и постепенного убывания специализированных форм.

Функциональная типология стрел

Функция	Характер воздействия наконечника
Бронейные	Прокалывающие
	Ударно-режущие
Универсальные	Универсальные
	Универсально-рассекающие
Рассекающие	Рассекающие-широколопастные
	Срезни
Наконечники с шипами «гарпунные»	Зацепные

Интересным представляется также соотношение количества типов наконечников стрел, выделенных А.Ф. Медведевым для XIII—XIV вв., с описанными выше функциональными группа-

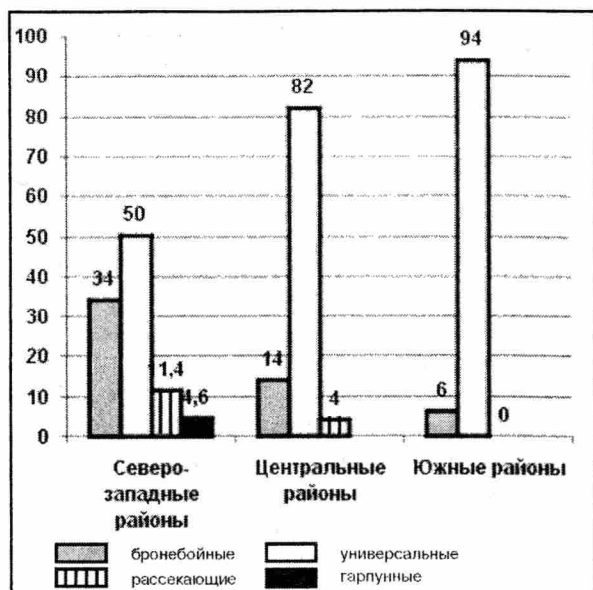

Рис. 42. Процентное соотношение функциональных групп наконечников стрел в рамках трех основных территориальных регионов Московского государства

ми, а также последующее статистическое сравнение процентного соотношения количества типов наконечников стрел, разделенных по функциональным группам для XIII—XIV, конца XIV—начала XVI и XVI—XVII вв. (рис. 43).

Обозначенная на рис. 43 диаграмма показывает доминирование бронебойных и широколопастных (рассекающих) наконечников в XIII—XIV вв. (Медведев, 1966. С. 55–87). На протяже-

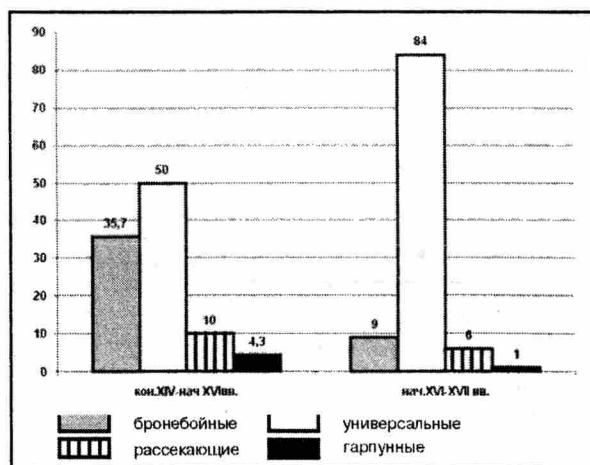

Рис. 43. Процентное соотношение количества наконечников стрел в типах, разделенных по функциональным группам

³ При этом надо учесть, что разное процентное соотношение цифр, отраженное в диаграммах на рисунках 42 и 43 объясняется подсчетом в одном случае количества наконечников стрел, а в другом количества типов. Подсчет процентного соотношения количества типов, разделенных по разным функциональным группам в диаграмме на рис. 43 был обусловлен невозможностью точного соотнесения определенного количества наконечников стрел, упоминаемых А.Ф. Медведевым для того или иного типа, с интересующим нас периодом (XIII—XV вв.).

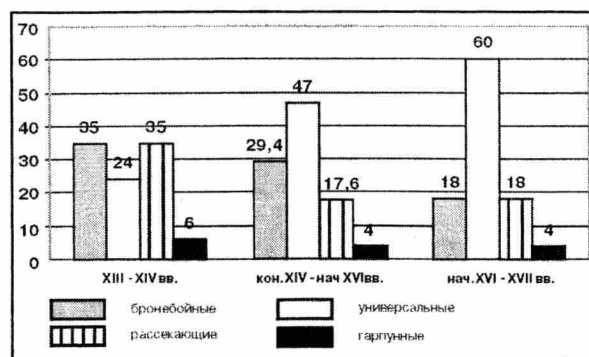

Рис. 44. Процентное соотношение типов наконечников стрел, разделенных по функциональным группам, бытовавшим в Восточной Европе в XIII—XVII вв.

нии XV в. происходило увеличение количества универсальных наконечников стрел, которые становятся доминирующими в XVI—XVII вв.

Сравнение диаграмм на рис. 41, 42 и 43 позволяет прийти к следующим обобщениям. В позднеудельный период отмечается появление тенденции, зафиксированной как для северо-запада, так и для центральных районов, вытеснения специализированных типов наконечников стрел универсальными. Так, если для XIV—XV вв. характерно преобладание универсальных наконечников, они составляют 50 %³ при значительном количестве бронебойных, до трети от общего числа (35 %), и при незначительном количестве рассекающих (10 %), то для XVI—XVII вв. тенденция вытеснения универсальными наконечниками всех остальных типов усилилась, и теперь они составляют до 85 % при стагнации бронебойных и рассекающих наконечников, представленных 9 и 6 %.

По всей видимости, южный, юго-восточный регион демонстрирует нам наиболее чистый в типологическом плане комплекс наконечников стрел, характерных именно для второй половины XVI—XVII в. В этот период исчезают как разнообразие типов бронебойных стрел, так и их суммарное количество в рамках бронебойных типов. Та же тенденция отмечается у широко известных для ранних периодов рассекающих наконечников стрел и срезней. Весь спектр широколопастных стрел сокращается до одного типа 15. Фактически перед нами тенденция общего сокращения разнообразия стрел и появления трех доминирующих типов — это универсальные, узкие клиновидные, составляющие

свыше 60 % от общего количества стрел типы 6, 7 и шиловидные, бронебойные наконечники стрел тип 1а с прокалывающим действием 7,6 %. Тенденция стандартизация типов может быть связана с появлением единой военной традиции, распространившейся на территории всего Московского государства. С конца XV в. и до середины XVI в. происходит складывание помест-

ной конницы. Начиная с указа 1555 г., поместная конница становится основным родом войск. В комплексе ее вооружения преимущественными являются саадак и сабля, как основные средства наступательного боя. Лишь в 30-е годы XVII в. происходит постепенное вытеснение метательного оружия огнестрельным у поместных дворян (Денисова, 1948. С. 42).

Литература

- Александров А.А., Харлашов Б.Н., 1990. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в Псковском, Островском, Пушкиногорском районах Псковской области, а также на территории г. Пскова в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8070.
- Артемов А.Р., 1998. Города Псковской земли. М.
- Артемов А.Р., 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток.
- Белецкий В.Д., 1980. Отчет о раскопках в Пскове Псковской археологической экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15548.
- Белецкий В.Д., 1976. Отчет о Псковской экспедиции — раскопки Государственного Эрмитажа в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5961.
- Белецкий В.Д., 1981. Отчет о раскопках в г. Пскове в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8563.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Ч. 2. М.
- Беляев Л.А., 1988. Отчет о результатах археологических исследований в ходе реставрации памятника истории и культуры собора Богоявленского монастыря в г. Москве 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12672.
- Беляев Л.А., 1991. Отчет об археологических исследованиях в 1991 г. Московская область, г. Москва. 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16803.
- Беляев Л.А., 1992. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на участке Казанского собора на Красной площади в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17945.
- Буров В.А., 1994. Археологические раскопки в г. Волоколамске Московской области (Раскоп 2) в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18833.
- Буров В.А., 1982. Отчет об археологических раскопках на территории Тульского кремля // Архив ИА РАН. Р-1. № 8958.
- Вишневский В.И., 1986. Отчет о работе археологической экспедиции Загорского государственного историко-художественного музея заповедника в Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 10979.
- Воронин Н.Н., 1960. Отчет об археологических работах на территории Московского кремля // Архив ИА РАН. Р-1. № 2128.
- Голубева Л.А., 1948. Отчет о раскопках 1948 г. в г. Рузе // Архив ИА РАН. Р-1. № 259, 260.
- Гоняный М.И., Гриценко В.П., Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Елифанского уезда. В печати.
- Дворников А.С., 1989. Отчет об охранных раскопках экспедиции Тверского государственного музея в г. Твери // Архив ИА РАН. Р-1. № 14342.
- Дворников А.С., 1995. Отчет о раскопках в Тверском кремле в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19149, 19150.
- Двуреченский О.В., 2004. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино. М.
- Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжение всадника и верхового коня, происходящие с территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. Т. 3. См. статью в данном сборнике. М.
- Денисова М. М., 1948. Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII веках // Военно-исторический сборник. Вып. XX. М.
- Ивченков В.Л., 1986. Отчет об археологических раскопках на территории Волоколамского городища Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11953.
- Игушев А. Р., Кленов М. В., Савельева Э. А., 2000. Осадные городки XV—XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар.
- Каховский В.Ф., Краснов Ю.Л., 1970. Отчет Чебоксарской археологической экспедиции. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4074.
- Кильдюшевский В.И., 1988. Альбом № 1 к отчету о раскопках Псковской археологической экспедиции в г. Пскове // Архив ИА РАН. Р-1. № 12656.
- Кильдюшевский В.И., 1981. Отчет о раскопках в г. Пскове на ул. Первомайской // Архив ИА РАН. Р-1. № 8923.
- Кильдюшевский В.И., 1977. Отчет о раскопках в г. Пскове // Архив ИА РАН. Р-1. № 7321.
- Кильдюшевский В.И., 1979. Отчет о раскопках в Пскове. 1979. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9908.
- Кильдюшевский В. И., 1998. Оружие XIV—XVI вв. из раскопок крепости Орешек // ММК. Военная Археология. М.
- Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и юго-восточная Русь. Тула.
- Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А., 1995. Проникающие орудия и оружие // Морфология древностей. Вып. 3. М.
- Лабутина И.К., 1972. Отчет об охранных археологических раскопках на месте пристройки к зданию института «Псков-гражданпроект» // Архив ИА РАН. Р-1. № 5170.
- Лабутина И.К., 1981. Отчет о раскопках на улице Ленина в г. Пскове // Архив ИА РАН. Р-1. № 8741.
- Мазуров А.Б., 1993. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля и отдельных пунктах посада города Коломна в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18338-40.
- Мазуров А.Б., 1995. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля и отдельных пунктов посада средневековой Коломны в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19322.
- Мазуров А.Б., Ульянова Т.И. Коломенские наконечники стрел. В печати.
- Матвеева В.И., 1976. Отчет о работах Верхне-Донской экспедиции в Липецкой области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6112.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие // САИ. Е1-36. М.

- Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884.
- Милютина Н.Н., 1993. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Свердлова, 77, в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17816.
- Никитин А.В., 1955. Отчет о археологических раскопках Белгородской крепости в 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1193.
- Никитин А.В., 1956. Археологический отчет о раскопках Белгорода в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1298.
- Никитин А.В., 1962. Отчет об археологических раскопках Кич-городка, Вологодская область. 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2479.
- Никитин А.В., 1951. Отчет о раскопках 1951 г. в Белгороде. // Архив ИА РАН. Р-1. № 778, 779, 780.
- Никольская Т.Н., 1983. Отчет о работе Верхне-Окской экспедиции в Калужской области. 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11674.
- Никольская Т.Н., 1975. Отчет о работе Верхне-Окской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 5661.
- Оборин В.А., 1983. Отчет о раскопках в Кунгурском районе Пермской области. 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10131.
- Овсянников О.В., 1970. Отчет об археологических раскопках в Копорье. Ленинградская область. 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4288.
- Овсянников О.В., 1974. Отчет о работах Северо-Двинской экспедиции на Емецком городище. 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5891.
- Огнев В.Н., 1992. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории посада г. Коломны в полевом сезоне 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18632.
- Рабинович М.Г., 1951. Отчет об археологических работах в Москве на территории Зарядья за 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 568.
- Рабинович М.Г., 1957. Отчет о раскопках Тушкова городка в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1443.
- Рабинович М.Г., 1954. Отчет о раскопках Тушкова городка в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 985.
- Савицкий М.Г., 1989. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в Коломенском кремле Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 13522.
- Седов В.В., Белецкий С.В., Волочкова О.К., Закурина Т.Ю., Кильдюшевский В.И., Колосова И.О., Лабутина И.К., Плоткин К.М., Фараджаява Н.Н., Харлашов Б.Н., 1986. Отчет о раскопках в г. Пскове // Архив ИА РАН. Р-1. № 11298.
- Седова М.В., Сабурова М.А., Родина М.Е., Чалых Н.Е., Лапшин В.А., 1985. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции об археологических раскопках во Владимирской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11196.
- Седова М.В., 1979. Отчет о раскопках в Суздале. 1979 // Архив ИА РАН. Р-1. № 7425.
- Седова М.В., 1982. Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции. Владимирская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 9084.
- Сергина Т.В., 1979. Отчет об охранных раскопках в г. Пскове на ул. Гоголя, 9 // Архив ИА РАН. Р-1. № 8007.
- Судаков В.В., 1986. Отчет об охранных раскопках в кремле г. Пскова // Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.
- Халиков А.Х., 1977. Отчет о раскопках в Казанском кремле // Архив ИА РАН. Р-1. № 6643.
- Харитонов Г.В., 1973. Отчет Кашинского отряда Верхневолжской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 5168.
- Худяков Ю.С., 1997. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск.
- Цыбин М.В., 1983. Отчет об обследовании городища Ивницы. Воронежская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 10126.
- Энговатова А.В. и др., 2004. Средневековое поселение Настасьино // Тр. ПЭ. М. Т. 2.

Приложение. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV—XVII вв.

№ п.п.	№ по описи / коллекции	Место находки	Руководитель раскопок / автор публикации	Год	Тип	Вариант	Длина (мм)	Длина пера (мм)	Ширина пера	Длина черешка или втулки	Пропорции	Вес (г)	Дата	Источник информации о находке / место хранения
1	13	Выбуты. Селище. Раскоп 1?, кв. 3, пл. 1	Александров А.А., Харлашов В.Н.	1990	1	1а	90	55	8	35	1/7		XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №15548
2		Серенск, посад. Раскоп 1а, пл. 1	Никольская Т.Н.	1984	1	1а	90	65	8	25	1/8		XIV-XVI вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №11674
3		Ивница городище. Воронеж обл. Раскоп кв. 8, пл. 1	Цыбин М.В.	1983	1	1а	95	65	12	28	5,4		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №10126
4	?	Белгородская крепость. Раскоп 9, кв. ?	Никитин А. В.	1951	1	1а	60	50	7	10	1/7		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №779,778
5	?	Белгородская крепость. Раскоп 9, кв. ?	Никитин А. В.	1951	1	1а	60	55	7	10	1/7		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №779,778
6	?	Белгородская крепость. Раскоп 9, кв. ?	Никитин А. В.	1951	1	1а	65	50	9	15	1/7		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №779,778
7	4	Псков. Раскоп на ул. Ленина, кв. 387, гл. -87	Лабуткина И.К.	1981	1	1а	75	51	9	24	1/5		XVII-XVIII вв.	Архив ИА РАН. №8741
8	12	Елифань. Селище Кораблино VIII	Гоняный М. И.	1994	1	1а	68	60	7	8	1/8	7,5	кон. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
9	6	Москва. Гостинный двор, з/н. Секция 11, шурф 2, гл. -183.	Векслер А.Г.	1997	1	1а	85	55	12	30	1/5		XV-XVII вв., нач. XVIII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
10	139	Москва. Манежная площадь. Воскресенский мост XVI. Уч. А. 14, гл. -467	Векслер А.Г.	1995	1	1а	65	35	6	30	1/6		XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
11	276	Москва, Кадешевская наб., 4-2. Раскоп 1, кв. 19, гл. -375	Векслер А.Г.	2001?	1	1а	90	65	12	25	1/5		кон. XVI-XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
12	632	Москва, Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 100, гл. -347.	Векслер А.Г.	1998	1	1а	87	64	9	23	1/7	8,9	п.п. - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

13	Мангазья	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		1	1а	130	85	9	45	1/9	кон. XVI - сер. XVII в.	Белов и др., 1981. Табл. 67, /5
14	Мангазья	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		1	1а		80	10		1/8	кон. XVI - сер. XVII в.	Белов и др., 1981. Табл. 67, /6
15	Изборск крепость	Артемьев А.Р.	1998	1	1а	62,5	40	10	22,5	1/4	нач. XV-XVI в.	Артемьев. 1998. С. 102. Рис. 77, 26
16	51 Волоколамск. Подол 1. Р.2, кв. 3, пл. 1	Ивченков В.Л.	1990	1	1б	130	70	9		1/8	XV-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №15820
17	2 Псков. Красные Партизаны, 4, яма 40, кв. 70, гл. -349	Шульгина С.Е.	1992	1	1б	55	35	7	20	1/8	XV-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №17451
18	Псков, ул. Первомайская, 3-4 пласт	Кильдошевский В.И.	1979	1	1б	75	30	8	45	1/4	XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №9908
19	262 Тверь. Уч. 2, кв. е3, гл. -21	Дворников А.С.	1989	1	1б	60	28	7	32	1/4	в.п. XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №14341
20	266 Псков. Богоявленская 4. Раскоп 1, кв. а80, пл.9.	Кильдошевский В.И.	1987	1	1б		70	8		1/8	в.п. XV-XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №12483
21	329 Псков. Богоявленская 4. Раскоп 1, кв. в155, гл. 165.	Кильдошевский В.И.	1987	1	1б	15	25	9	10	1/3	в.п. XV-XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №12483
22	149 Мясинино 2, кв. 1053, гл. -72.	Векслер А.Г.	1996	1	1б		30	7		1/4	сер. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
23	386/730 Москва, Казанский собор. Шурф за апсидой	Белиев Л.А.	1991	1	1в		54	8		1/7	XIV-XV, XVI вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803.036 Коллекция МИИТ
24	195 Москва. Манежная площадь. ЗН. Воскресенский мост XV, кв. 111, гл. -692.	Векслер А.Г.	1995	1	1в	20	30	7	29	1/4	XV - нач. XVI вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
25	57 Москва, Гостинный двор, з/н. Уч. 1, траншея С-В угол, гл - 325	Векслер А.Г.	1996	1	1в	50	32	4	18	1/8	кон. XIV-XV вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
26	23 Москва. Ильинка, ЗН 7, кв. 2, гл. -175	Векслер А.Г.	1998	1	1в	46	33	6	13	1/5	кон. XIV-XV вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
27	1026 Псков. Ул. Первомайская.	Кильдошевский В.И.	1981	2			44	9		1/4	XVI - нач. XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 № 8923
28	457 Москва. Гостинный двор. Раскоп 5, кв. 8, гл. -783.	Векслер А.Г.	1998	2		88,5	36	12	50	1/5	сер. XV - нач. XVI вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
29	18 Москва. Кадетский пер., 12-11. Шурф 5, кв. 2, гл. -201, яма 2.	Векслер А.Г.	1996	2		108	50	14	58	1/4	в.п. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

30	45	Москва, Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 12, гл. -37	Векслер А.Г.	1997	2		70	35	9	35	1/4	5	XVI-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
31		Орешек. Посад	Кильдюшевский В.И.	1972-97	2	?		нет информации					XVI-XVII вв.	Кильдюшевский. 1998. С. 62-65
32		Орешек. Крепость	Кильдюшевский В.И.	1972-97	2	?		нет информации					кон. XIV-XV вв.	Кильдюшевский. 1998. С. 62-65
33		Орешек. Крепость	Кильдюшевский В.И.	1972-97	2	?		нет информации					кон. XIV-XV вв.	Кильдюшевский. 1998. С. 62-65
34		Орешек. Посад	Кильдюшевский В.И.	1972-97	3	?		45	10		1/4		в.п. XV в.	Кильдюшевский. 1998. С. 62-65
35		Орешек. Крепость	Кильдюшевский В.И.	1972-97	3	?		нет информации					кон. XIV-XV в.	Кильдюшевский. 1998. С. 62-65
36		Орешек. Крепость	Кильдюшевский В.И.	1972-97	3	?		нет информации					кон. XIV-XV в.	Кильдюшевский. 1998. С. 62-65
37		Орешек. Крепость	Кильдюшевский В.И.	1972-97	4	?		35	10	21	1/3		кон. XIV-XV в.	Кильдюшевский. 1998. М. С. 62-65
38		Орешек. Крепость	Кильдюшевский В.И.	1972-97	4	?		52	12	21	1/4		кон. XIV-XV в.	Кильдюшевский. 1998. М. С. 62-65
39	417	Коломна УПС9, кв. 29, ям. 23	Мазуров А.Б.	1998	5		62	32	8	30	1/4		XVIII в., переплетено	Мазуров, Ульянова. в печати
40	88	Коломна УПС9, кв. 13, гл. -120.	Мазуров А.Б.	1998	5		48	25	6	23	1/4		XIV-XVI вв.	Мазуров, Ульянова. в печати
41	310/630	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1990	5		99	56	11	44	1/5	12,4	XIV-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803. Коллекция МИГМ
42	311/632	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1990	5		118	53	11	65	1/5	11	XIV-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803. Коллекция МИГМ
43	537	Москва, Гостинный двор. Раскоп 5, кв. 23, гл. -751.	Векслер А.Г.	1998	инд. Б		58	18	10	40	1/2		кон. XV-XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
44	53	Москва, ул. Ильинка. Шурф 2, перкоп.	Векслер А.Г.	1995	4		83	48	11	35	1/4	11	XV-XVI вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
45	47	Москва, ул. Шапошникова, Р-5	Векслер А.Г.	1991	инд. Б		70	50	10	20	1/5	12,1	XV - сер. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

46	481\732	Москва, Казанский собор АИ, АПС пол под Аркой. Строит. слой храма.	Беляев Л.А.	1991	инд. Б		100	54	9	46	1/5		XIV-XV, XVI вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803.082 Коллекция МИГМ
47	93	Москва. Ильинка Раскоп I. Уч. 6 соор 36, гл. -396.	Векслер А.Г.	1996	инд. Б		67	50	11	17	1/4	6,7	кон. XIV - нач. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
48	120	Москва. Ильинка Раскоп I. Уч. 6 соор 36, гл. -400.	Векслер А.Г.	1996	инд. Б		67	50	11	17	1/4	6,5	кон. XIV - нач. XVI вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
49		Смоленск. Раскоп, кв I, слой гумуса?	Авдусин Д.А.	1978	6	6а		нет информации					XVI в.	Архив ИА РАН. Р-1 №7199
50		Старый Изборск. Шурф у башни вышки, слой строительного мусора.	Белецкий В.Д.	1976	6	6а		71	16		1/4		XIV-XV вв.?	Архив ИА РАН. Р-1 №5961
51	187	Суздаль. Раскоп. Кремль 13, кв. 201, пл. 5	Седова М.В.	1985	6	6а	95	80	13	15	1/6		XV-XVII вв., но есть и XIV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №11196
52	149	Суздаль. Раскоп. Кремль 13, кв. 201, пл. 5	Седова М.В.	1985	6	6а		нет информации					XV-XVII вв., но есть и XIV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №11196
53	?	Вологда. Раскоп 4, яма 3	Никитин А. В.	1956	6	6а		68	13		1/5		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №1298
54	?	Вологда. Раскоп 4, яма 3	Никитин А. В.	1956	6	6а	95	70	13	25	1/5		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №1298
55	?	Белгородская крепость. Раскоп 17, кв. 20 пл. 1	Никитин А. В.	1955	6	6а	80	62	12	18	1/5		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №1193
56	?	Белгородская крепость. Раскоп 21, кв. 21, пл. 1	Никитин А. В.	1955	6	6а	79	62	14	17	1/4		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №1193
57	?	Белгородская крепость. Раскоп 21, кв. 5, пл. 1	Никитин А. В.	1955	6	6а	88	70	15	18	1/4		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №1193
58	?	Белгородская крепость. Раскоп 13.	Никитин А. В.	1951	6	6а	95	70	13	25	1/5		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №779, 778
59	?	Псков, ул Ленина. Раскоп 12, кв. 367, пл. 6.	Седов В.В., Белецкий С.В., Волоочкова О.К., Закурина Т. Ю., Кильдошевский В.И., Колосова И.О., Лабуткина И.К., Плотикин К.М., Фараджасва Н.Н., Харлашов Б.Н.	1986	6	6а		56	13		1/4		XVII в., но есть и в XIII в.	Архив ИА РАН. №11298

60	313	Коломна. Посад. Раскоп 1, кв 4а, гл. -201.	Огнев В. Н.	1992	6	6а	50	12		1/4		в. п. XV-XVI вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №18632
61	236	Тверь. Уч. 2, кв. ж3, гл.-40.	Дворников А. С.	1989	6	6а	85	13	25	1/5		в. п. XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №14341
62	54	Москва. Зарядье. Вост. Котлов. Ш. 2, кв. ш2а, гл. -300-320.	Рабинович М. Г.	1962	6	6а	98	13	36	1/5		XVI в.	Архив ИА РАН. №2528
63	3	Москва. Кремль, у Никольских ворот, траншея 1, гл. -350	Воронин Н. Н.	1960	6	6а	95	15	35	1/4		XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №2188
64	363	Москва. Зарядье. Уч. 5, кв 42, гл. -510.	Рабинович М. Г.	1955	6	6в	65	20		1/3		XV-нач. XVI вв.	Архив ИА РАН. №1110
65	142	Коломна, ул. Лазарева. Раскоп 1, кв 64, гл. -128, ям. 3.	Мазуров А. Б.	1993	6	6а	70	12	27	1/4		кон. XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №18338-40
66	188	Псков, ул. Гоголя, 21. Раскоп, кв. в56, гл. -161.	Кильдошевский В. И.	1977	6	6а	75	13		1/6		XVI-XVIII вв., переотложено	Архив ИА РАН. Р-1 №7321
67	62	Тульский кремль. Раскоп 2, кв. 22, пл. 3.	Буров В. А.	1978	6	6а	76	13	24	1/4		нач. XVI в.	Архив ИА РАН. Р-1 №14747
68	419	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В. А.	к. XIX-н. XX в.	6	6а	86	12	26	1/5	7,6	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
69	420	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В. А.	к. XIX-н. XX в.	6	6а	72	14		1/5	12,7	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
70	439	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В. А.	к. XIX-н. XX в.	6	6а	72	15		1/5	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
71	443	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В. А.	к. XIX-н. XX в.	6	6а	105	13	35	1/5	9,4	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
72	445	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В. А.	к. XIX-н. XX в.	6	6а	80	12	20	1/5	5	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
73	450	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В. А.	к. XIX-н. XX в.	6	6а	87	12	20	1/5	7	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
74	388	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В. А.	к. XIX-н. XX в.	6	6а	нет информации					нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502/129
75	335	Епифань. Селище Голино 3. п. м.	Гончарный М. И.		6	6а	96	15	28	1/4	11	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
76	138	Епифань. Селище Голино 3. п. м.	Гончарный М. И.		6	6а	нет информации					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.

77	345	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а	78	60	9?	18	1/7	5,8	к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
78	333	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а	77	62	14	15	1/4		к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
79	140\142	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		6	6а		70	12		1/7	7,7	к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
80	2(3)	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а	560	54	11	20	1/7	4,3	к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
81	6(3)	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а		нет информа ции					к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
82	6	Епифань. Селище Голино 1 п.м.	Гоняный М. И.		6	6а	74	50	13	24	1/4	5,7	к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
83	97	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		6	6а		65	15		1/4		к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
84	4(5)	Епифань. Селище Кораблино VIII. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а	77	60	11	17	1/6	5	к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
85	5(5)	Епифань. Селище Кораблино VIII. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а		58	12		1/5	3,9	к. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
86	85	Москва. Ильинка Раскол 1. Уч. 6, балласт	Векслер А.Г.	1996	6	6а	105	73	13	30	1/6	10,8	к. XIV - н. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
87	121	Москва. Арбат 1\7, Раскол 5, кв. 10, гл. -487	Векслер А.Г.	1997	6	6а	86	62	13	24	1/5	10	п.п. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
88	232	Москва. Гостинный двор. Раскол 1, кв. 75, гл. -375	Векслер А.Г.	1998	6	6а		плохая сохранн ость					XVI -сер. XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
89	14	Москва. Сеченовский пер., 3. Шурф 1, кв. 4, гл. -248.	Векслер А.Г.	1998	6	6а	70	53	12	17	1/4	5	XVI-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
90		Воткинское городище	Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А.	1958	6	6в		40	14		1/3		XVI-XVII вв.	Игушев и др., 2000. С. 15., рис 6, 10
91		Изборск крепость	Артемьев А.Р.	1998	6	6а	80	82	15		1/6		к. XV-XVI вв.	Артемьев, 1998. С. 102. Рис 77, 17

92	185	Москва. Зарядье. Раскол 2, кв. 8, гл. -175.	Векслер А.Г.	1984	6	6а	82	54	11	28	1/5	XVI в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
93	358	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1992	6	6а		нет информации				XIV-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №17945. Коллекция МИГМ
94	387/731	Москва. Казанский собор. Шурф за апсидой	Беляев Л.А.	1991	6	6а		73	10		1/7	XV-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803. Коллекция МИГМ
95	551	Москва, ул. Б. Дмитровка. Раскол 1, кв. 58, гл. -301	Векслер А.Г.	2001	6	6а		плохая сохранность				XVI - п.п. XVII в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
96	626	Москва, ул. Б. Дмитровка. Раскол 1, кв. 57, гл. -326	Векслер А.Г.	2001	6	6а		плохая сохранность				XVI - п.п. XVII в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
97	26	Москва. Романов Двор. кв. 154, гл. -349	Кренке Н.А.		6	6а		57	12		1/5	сер. XVI - п.п. XVII в.	Сведения Н.А. Кренке
98	41	Москва. Романов Двор. кв. 157, гл. -338	Кренке Н.А.		6	6а		56	12		1/5	сер. XVI-п.п. XVII вв.	Сведения Н.А. Кренке
99	341	Москва. Романов Двор. кв. ?, гл. -?	Кренке Н.А.	2001	6	6а	90	60	13	30	1/5	сер. XVI-п.п. XVII в.	Сведения Н.А. Кренке
100	483	Коломна УПС9, кв.29, гл. -267, ям. 23	Мазуров А.Б.	1998	6	6а	105	55	15	50	1/4	XVIII в. переотложено	Мазуров, Ульянова, в печати
101	36	Коломна УПС9, кв.39, гл. -120.	Мазуров А.Б.	1998	6	6а	80	48	12	32	1/4	XVIII-XIX вв., переотложено	Мазуров, Ульянова, в печати
102	996	Коломна УТР, кв.157, пл. 7	Мазуров А.Б.	1998	6	6а		плохая сохранность				переотложен	Мазуров, Ульянова, в печати
103	858	Коломна УТР, кв. 79, гл. -130	Мазуров А.Б.	1998	6	6а		плохая сохранность				XIV-XVI вв. переотлож.	Мазуров, Ульянова, в печати
104	232	Коломна Ул1у, кв. 16, гл. -157.	Мазуров А.Б.	1996	6	6а		плохая сохранность				(?) XIV-XVII вв.	Мазуров, Ульянова, в печати
105		Москва. Зарядье. наблюдения п.м.	Рабинович М. Г.	1951	6	6а		нет информации				XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №568
106	?	Псков, ул. Ленина. Раскол 12, переотложен.	Седов В.В. и др. D134	1986	6	6а	76	60	12	16	1/5	XVII в., есть XIII в.	Архив ИА РАН. №11298

107		Воротыанск. Раскоп 1.	Никольская Т.Н.	1975	6	6а	114	66	16	48	1/4		XIII-XV вв. и позже в постройке XV-XVI вв. (?)	Архив ИА РАН. Р-1 №5661
108	344	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М.И.		6	6а		55	12		1/4		к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
109		Картуковский могильник			6	6а		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	материалы экспедиции
110		Картуковский могильник			6	6а		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	материалы экспедиции
111		Картуковский могильник			6	6а		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	материалы экспедиции
112	172	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М.И.		6	6а		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
113	100	Епифань. Селище Мельгуново. п.м.	Гоняный М.И.		6	6а		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
114	313	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М.И.		6	6а		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
115	92	Епифань. Селище Голино 1 п.м.	Гоняный М.И.		6	6а		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
116	?	Белгородская крепость. Раскоп 9, кв. ?	Никитин А.В.	1951	6	6б	95	63	12	32	1/5		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №779,778
117	?	Белгородская крепость. Раскоп 9, кв. ?	Никитин А.В.	1951	6	6б	117	67	13	42			XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №779,778
118	68	Тверской кремль. Уч1Р13, кв. в3, гл. -250.	Дворников А.С.	1995	6	6б	92	74	16	18	1/5		XVI-XVIII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №19149
119	15	Тверской кремль. Уч1Р13, кв. в2, гл. -228.	Дворников А.С.	1995	6	6б		90	12		1/7		в слое к. XVIII-XIX в.	Архив ИА РАН. Р-1 №19149
120	415	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	6	6б	92	67	12	25	1/6	11,3	нач. XVII в.	ГИМ. хр 502\129

121	440	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	6	66		71	14		1/5	11,4	нач. XVII в.	ГИМ, хр 502\129
122	441	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	6	66	90	72	15	18	1/5	10	нач. XVII в.	ГИМ, хр 502\129
123	444	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	6	66	88	63	13	25	1/5	8	нач. XVII в.	ГИМ, хр 502\129
124	1(3)	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М.И.		6	66	85	52	10	30	1/5	5,2	к. XVI - сер. XVII вв.	Климовский краеведческий музей.
125	349	Епифань. Селище Голино 1 п.м.	Гоняный М.И.		6	66		нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	Климовский краеведческий музей.
126	397	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М.И.		6	66		75	13		1/6		к. XVI - сер. XVII в.	Климовский краеведческий музей.
127	6(5)	Епифань. Селище Кораблино VIII. п.м.	Гоняный М.И.		6	66		72	13		1/6	8	к. XVI - сер. XVII в.	Климовский краеведческий музей.
128	1(6)	Епифань. Селище Мельгуново. п.м.	Гоняный М.И.		6	66		70	13	17	1/5	6,7	к. XVI - сер. XVII в.	Климовский краеведческий музей.
129	50	Москва. Кадашевский пер., 12-11. Щурф 1, кв. 9, гл. -202.	Векслер А.Г.	1996	6	66		75	15		1/5	11,5	в.п. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
130	221	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 91, гл -363	Векслер А.Г.	1998	6	66	87	67	12	20	1/6		XVI - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
131	531	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 90, гл -466, яма 22.	Векслер А.Г.	1998	6	66		66	14		1/5	9,8	XVI - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
132	37	Москва. Романов Двор, раскоп IX, кв. 133, гл. -282	Кренке Н.А.		6	66	105	70	15	33	1/7		сер. XVI - п.п. XVII в.	Сведения Н.А. Кренке
133	365	Москва. Романов Двор, кв. ?, гл. -?	Кренке Н.А.	2001	6	66		67	13		1/5		сер. XVI - п.п. XVII в.	Сведения Н.А. Кренке
134	8	Коломна УГ 3 кв. 6, гл -118	Мазуров А.Б.	1996	6	66		60	10		1/6		переотлож.	Мазуров, Ульянова, в печати

135	9	Коломна УКЗ, кв. 4, гл. -126	Мазуров А.Б.	1996	6	6б	72	52	8	22	1/6		перепл. к. XVI - сер. XVII в.	Мазуров, Ульянова, в печати
136	141	Елифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		6	6б		60	13		1/5			Кимовский краеведческий музей.
137	339	Москва. Гостинный двор. Раскоп 5, кв. 27, гл. -714.	Векслер А.Г.	1998	6	6б		70	13		1/5	12,5	сер. к. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
138		Чебоксары. Раскоп 1, пл. 16-19	Каховский В.Л., Краснов Ю.Л.	1970	6	6а	113	75	18	38	1/4		XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №4074
139		Чебоксары. Раскоп 1, соор. 13, пл. 16-19	Каховский В.Л., Краснов Ю.Л.	1969	6	6а		72	13		1/5		XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №3922
140	1	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1988	6	6а		70?	17		1/4		XIV-XV вв.?	Архив ИА РАН. Р-1 №12672.0154 Коллекция МИИМ
141	1	Псков, ул. К. Маркса. Борисоглебский раскоп, кв. 13, гл. -72.	Милотина Н.Н.	1992	6	6в	77	50	12	27	1/4		XV-XVI вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №17816
142	11	Выбуты. Селище. Раскоп 1?, кв. 29, пл. 2.	Александров А.А., Харлашов Б.Н.	1990	6	6в	80	45	16	35	1/3		XVII в., есть в XIII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №15548
143	1	Псков, ул. Ленина. Раскоп 12, кв. 442, гл. -171.	Седов В.В. и др.	1986	6	6в		52	17		1/3		XVII в., есть в XIII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №11298
144	136	Тверь. Уч. 2, кв. ж3, гл.-22.	Дворников А.С.	1989	6	6в		41	14		1/3		в.п. XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №14341
145	53	Руза, раскоп в ЮВ части Кремля. Первый культурный слой.	Голубева Л.А.	1948	6	6в	83	50	13	33	1/4		XVII нач.	Архив ИА РАН. №259
146	436	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	6	6в	65	47	11	18	1/4		нач. XVII в.	ГИМ. хр 502\129
147	446	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	6	6в	70	53	12	17	1/4	7,5	нач. XVII в.	ГИМ. хр 502\129
148	448	Тушинский лагерь. Сборы Полтиковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	6	6в		52	12		1/4	4,8	нач. XVII в.	ГИМ. хр 502\129
149	55	Елифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6в		49	15		1/3	6,7	к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.

150	372	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6в	74	52	15	20	1/3	8,5	к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
151	54	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6в	70	52	15	18	1/3	6,7	к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
152	148	Мякинино 2, кв. 1002, гл. -49, ям. 804.	Векслер А.Г.	1996	6	6в	75	50	14	25	1/3		XV - сер. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
153	148	Москва. Ильинка Раскоп 1. Уч. 6 кв. 91, гл. -441.	Векслер А.Г.	1996	6	6в	73	53	15	20	1/3		XIV-XV вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
154	655	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 95, гл. -369	Векслер А.Г.	1998	6	6а	75	50	12	25	1/4	5,8	к. XVI - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
155	14	Москва, ул. Ильинка. З/н 4, уч. 6, гл. -143	Векслер А.Г.	1996	6	6в	87	50	15	37	1/3	10,5	XVI - н. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
156	279	Коломна УПС9, кв.39, гл. -160.	Мазуров А.Б.	1998	6	6в		57	16		1/3		XVII в. переотлож.	Мазуров, Ульянова, в печати
157	21	Коломна УД, п.м	Мазуров А.Б.	1993	6	6в	70	54	17	16	1/3		переотложен	Мазуров, Ульянова, в печати
158	152	Коломна Ул1у, кв. 23, гл. -123.	Мазуров А.Б.	1996	6	6в							? XIV-XVII вв.	Мазуров, Ульянова, в печати
159	312\631	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1990	6	6в	88	45	10	43	1/4	5,8	XIV-XV вв.	Архив ИА РАН, Р-1 №16803. Коллекция МИГМ
160	313\635	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1990	6	6в		48	12		1/4	4,2	XIV-XV вв.	Архив ИА РАН, Р-1 №16803. Коллекция МИГМ
161	326\634	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1990	6	6в	70	48	12	20	1/4	4,4	XIV-XV вв.	Архив ИА РАН, Р-1 №16803. Коллекция МИГМ
162	27	Москва. Ильинка. 13\8, 3\Н.	Векслер А.Г.	1998	6	6в	75	47	13	28	1/4	6,5	XIV-XVII вв.?	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
163	14	Суздаль. Кремль, кв. 65, пл. 2	Седова М.В.	1979	6	6в	80	50	17	30	1/3		XVI в.	Архив ИА РАН, Р-1 №7425
164	143	Коломна, ул. Лазарева. Раскоп 1, кв. 64, гл. -128, ям. 3.	Мазуров А.Б.	1993	6	6в	76	46	14	30	1/3		кон. XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН, Р-1 №18338-40
165	14	Суздаль. Кремль, кв. 63, пл. 4	Седова М.В.	1979	6	6в		нет информации					XIV-XV, XVI вв.?	Архив ИА РАН, Р-1 №7425
166	7	Радонское селище. Раскоп 2, кв. 2.	Вишневский В.И.	1987	6	6в		56	14		1/4		XIV-XV вв.	Архив ИА РАН, Р-1 №10979

167	?	Белгородская крепость. Раскоп 10, кв. 17, пл. 1	Никитин А. В.	1955	6	6в		60	16		1/4		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №1193
168	44	Тульский кремль. Раскоп 1, кв. 15, пл. 1.	Буров В.А.	1982	6	6в		47	13		1/4		XIX в.?	Архив ИА РАН. Р-1 №14747
169	9	Кашин Раскоп (завод электроаппаратуры) пл. 1 переотложен	Харитонов Г.	1974	6	6в	70	47	14	23	1/3		в.п. XV-XVIII в., монета к. XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №5168
170	1	Кашин, шурф 2	Дворников А.С.	1995	6	6в	73	55	20	23	1/3		в слое XVIII в., но XV-н. XVIII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №19151
171		Псков. Работы в Кремле у колокольни Троицкого собора.	Белецкий В.Д.	1979	6	6в		?	?				в слое к. XVI - п.п. XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №7503
172	591(230)	Коломна Раскоп УЛЗ, яма 1, пл. 139.	Мазуров А.Б.	1995	6	6а		55	15		1/4		к. XVII - п. тр. XVIII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №19323
173	16	Псков, ул. Ленина. Раскоп 10, кв. 84, гл. -190.	Седов В.В. и др.	1986	6	6в	87	47	15	40	1/3		пожар XVI в.	Архив ИА РАН. №11298
174	36	Москва, ул. Шапошникова, Р-5	Векслер А.Г.	1991	6	6в	87	54	17	33	1/3		XV-XVII вв.?	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
175	48	Москва, ул. Шапошникова, Р-4	Векслер А.Г.	1991	6	6в		55	17		1/3		XV-XVII вв.?	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
176	65	Москва, ул. Ильинка, уч. 3, соор 20, гл.-349.	Векслер А.Г.	1995	6	6в	80	50		50	1/3	6,4	XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
177	118	Москва. Ильинка Раскоп 1. Уч. 6 соор 36, гл. -400.	Векслер А.Г.	1996	6	6в	88	52	15	36	1/3	7	к. XIV - нач. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
178	110	Москва. Пречистенка 2. Раскоп 1, кв. 11, гл.-471.	Векслер А.Г.	1997	6	6в		50	12		1/4	7	XVI-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
179	108	Москва. Арбат 117. Раскоп 5, кв. 17, гл. -489	Векслер А.Г.	1997	5		80	47	9	30	1/5		п.п. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
180	127	Москва. Ильинка. ЗН 7, кв. 6, гл. -10	Векслер А.Г.	1998	6	6в	77	50	14	27			XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
181	162	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 15, гл. -383	Векслер А.Г.	1998	6	6в	67	41	16	23	1/3		XVI - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
182	342	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 71, гл. -423	Векслер А.Г.	1998	5			56	12		1/5		XVI - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
183	221	Москва. Гостинный двор. Раскоп 6, кв. 22, гл. -680.	Векслер А.Г.	1998	6	6в	85	50	17	35	1/3		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
184	1161	Москва. Гостинный двор. Раскоп 6, кв. 96, гл. -820, яма 77.	Векслер А.Г.	1998	6	6в		45	15		1/3		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
185	301	Москва. Арбат 117, кв. 3, гл. -593	Векслер А.Г.	1995	6	6в		45	15		1/3	4,6	п. тр. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

186	370	Москва, Арбат 1/7. Раскоп 2. кв. ?	Векслер А.Г.	1996	6	6в		50	15	1/3		рубеж XVI-XVII вв.?	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
187	418	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 75, гл. -415	Векслер А.Г.	1998	6	6в		48	14	1/3	4	XV - сер. XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
188	576	Москва, ул. Б. Дмитровка. Раскоп 1, кв. 63. гл. -315	Векслер А.Г.	2001	6	6а		60	11	1/5		XVI - п.п. XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
189	45	Москва. Романов Двор, раскоп VII, кв. 92, гл. -372.	Кренке Н.А.		6	6в	67	49	13	1/4	18	сер. XVI-п.п. XVII вв.	Сведения Н.А. Кренке
190	38	Москва. Романов Двор, раскоп VII, кв. 96, гл. -360.	Кренке Н.А.		6	6в	77	50	15	1/3	23	сер. XVI-п.п. XVII вв.	Сведения Н.А. Кренке
191	598/50	Коломна УГР, кв. 82, гл. -79	Мазуров А.Б.	1998	6	6в		плохая сохранность				XVII-XIX вв., перестроен	Мазуров, Ульянова, в печати
192	157	Коломна УПС9, кв. 19, гл. -133.	Мазуров А.Б.	1998	6	6в	63	43	15	1/3	20	XVIII в., перестроен	Мазуров, Ульянова, в печати
193	24	Коломна Ул1у, кв. 1, гл. -100.	Мазуров А.Б.	1996	6	6в	83	42	14	1/3	41	? XIV-XVII вв.	Мазуров, Ульянова, в печати
194		Воротыанск. Раскоп 1.	Никольская Т.Н.	1975	6	6в		нет информации				датирован автором по аналогиям XII-XIV вв. Происходят из постройки XV-XVI вв.	Архив ИА РАН, Р-1 №5661
195	6672	Оружейная палата			6	6в		44	17	1/3		XVII в.	Фонды Гос. Оружейной палаты №54566
196	6679	Оружейная палата			6	6в		30	9	1/3		XVII в.	Фонды Государственной Оружейной палаты
197	107	Емещий городок. Транш. 4	Овсянников О.В.	1974	7			плохая сохранность				в.п. XV - нач. XVII вв.	Архив ИА РАН, Р-1 № 5891
198	80	Коломна. Кремль. Раскоп кв. 8, гл. -130	Мазуров А.Б.	1991	6	6г	86	52	19	1/3	34	в слое XVI-XVII вв., переотг. XIV в.	Мазуров, Ульянова, в печати, Архив ИА РАН №15977
199	6681	Оружейная палата			6	6г		47	17	1/3		XVII в.	Фонды Гос. Оружейной палаты
200	6682	Оружейная палата			6	6г		50	17	1/3		XVII в.	Фонды Гос. Оружейной палаты

201	6679	Оружейная палата				6	6г		53	18		1/3		XVII в.	Фонды Гос. Оружейной палаты
202	6679	Оружейная палата				6	6г		50	18		1/3		XVII в.	Фонды Гос. Оружейной палаты
203	45	Москва, Гоголевский бульвар, 52. Раскоп 1, кв. 4, гл. -489	Векслер А.Г.	1997		6	6г		47	15		1/3	7	XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
204	25	Суздаль. Раскоп. Кремль 10, кв. 66, пл. 3.	Седова М.В.	1982		6	6д		65	13	?	1/5		XV - нач. XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №9088
205	211	Коломна. Раскоп УЛ2, кв. 10, -213.	Мазуров А.Б.	1995		6	6д		70	15		1/5		в.п. XVI - н. XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №19323
206	19	Псков, ул. Ленина. Раскоп 10, кв. 87, гл. -201.	Седов В.В. и др.	1986		6	6д		50	13	30	1/4		пожар XVI в.	Архив ИА РАН. №11298
207	208	Москва, ул. Ильинка, уч. 2, гл. -251	Векслер А.Г.	1995		6	6д		52	12		1/5	9,2	п.п. XV в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
208	43	Москва. Ильинка Раскоп 1. Уч. 6 кв. 114, гл. -175.	Векслер А.Г.	1996		6	6д		68	14		1/5	10	XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
209	92	Москва. Ильинка Раскоп 1. Уч. 6 соор 36, гл. -395.	Векслер А.Г.	1996		6	6д		65	13	10	1/5	7,7	к. XIV - н. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
210	681	Москва. Гостинный двор. Раскоп 6, кв. 41, гл. -686, соор 30.	Векслер А.Г.	1998		6	6д		45	12	45	1/4		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
211	248	Москва, Арбат 1/7, кв. 1, гл. -550	Векслер А.Г.	1995		6	6д		50	11	25	1/5	7	в.п. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
212	286	Москва, Арбат 1/7, кв. 8, гл. -575	Векслер А.Г.	1995		6	6д		55	13	20	1/4	10,5	сер. XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
213	67	Москва. Романов Двор, раскоп XIII кв. 165, гл. -420.	Кренке Н.А.			6	6д		55	11	20	1/5		сер. XVI-п.п. XVII вв.	Сведения Н.А. Кренке
214	1189	Москва. Романов Двор, раскоп VI, кв. 90, гл. -337.	Кренке Н.А.			6	6д		55	11	32	1/5		сер. XVI-п.п. XVII в.	Сведения Н.А. Кренке
215	444	Москва. Романов Двор, кв. 2, гл. -?	Кренке Н.А.	2001		6	6д		53	13	?	1/4		сер. XVI-п.п. XVII в.	Сведения Н.А. Кренке
216	14103	Москва. Зарядье. Уч. 5, кв. 7, гл. -360-380.	Векслер А.Г.	1954		6	6д		55	13	20	1/4		XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
217	11	Москва. Сретенка, 18. Раскоп 1, кв. 8, гл. -115.	Векслер А.Г.	1996		6	6д		67	16	28	1/4	12	кон. XV, сер. XVI-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
218	139	Елифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.	1996		8			48	11	23	1/4	7,1	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей
219	635	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 99, гл. -351	Векслер А.Г.	1998		8			44	12		1/4		к. XVI - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

220	500	Москва. Ильинка ЗН.7. кв. 9, гл.-120, соор. 28.	Векслер А.Г.	1998	8		79	51	13	28	1/4	4	XVI-XVII вв.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
221		Изборск крепость	Артемьев А.Р.	1998	8			46	13		1/4		н. XV - н. XVI в.	Артемьев, 1998. С. 103. Рис. 77, 10
222		Изборск крепость	Артемьев А.Р.	1998	8			?					в.п. XIV-XVI вв.	Артемьев А. Р. Города Псковской земли. 1998. М, с. 103
223	343	Елифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.	1996	8		60	46	13	14	1/4	5	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
224	154(23)	Москва. ул. Ильинка уч. 2, гл.-372	Векслер А.Г.	1995	9	9а	80	47	14	33	1/4	5	п.п. XV в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
225	323	Москва. Арбат IV, кв. 9, гл.-591	Векслер А.Г.	1995	9	9а		50	14		1/4		п. тр. XVI в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
226	171	Москва. Романов Двор. Раскоп VII, кв. 93, гл.-370	Кренке Н.А.		9	9а	79	56	15	23	1/4		сер. XVI - п.п. XVII в.	Сведения Н.А. Кренке
227	63	Коломна ТРЗ, кв. 4, гл.-108	Мазуров А.Б.	1998	9	9а	100	62	15	38	1/4		XIV-XVI вв.	Мазуров, Ульянова, в печати
228	8(44)	Москва. Кремлевская наб. Шурф. 1, гл.-487	Векслер А.Г.	1997	9	9а	87	55	12	32	1/5		XIV, XV-XVII вв.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
229	54	Тульский кремль. Раскоп I, кв. 69, пл. 3.	Буров В.А.	1982	9	9б	78	50	13	28	1/4		XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №8958
230		Казань. Раскоп I	Халиков А.И.	1974	9	9б		50	14		1/4		сер. XVI в.	Архив ИА РАН. Р-1 №6643
231	56	Елифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		9	9б		57	12		1/5	8	к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
232	336	Елифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		9	9б	105	70	12	33	1/5		к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.
233	358/633	Москва. Казанский собор, ГВ-А, заполнение перемычки между апсидами	Беляев Л.А.	1992	9	9а		нет информации					XIV-XV, XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №17945. Коллекция МИГМ
234	826	Москва. Гостинный двор. Раскоп 5, кв. 19, гл.-988.	Векслер А.Г.	1998	инд. П		115	65	22	50	1/3		XIV-нач. XV вв.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
235	79	Москва. Большая Ордынка. I/5. Раскоп 1, кв. 48, гл.-379	Векслер А.Г.	1995	инд. П		105	55	20	50	1/3		XVII в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
236	5(3)	Елифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		11			нет информации					к. XVI - сер. XVII в.	Кимовский краеведческий музей.

237	1(5) 12	Епифань. Селище Голино I п. м.	Гонимый М. И.		11		92	57	27	35	1/2		к. XVI - сер. XVII в.	Климовский краеведческий музей.
238	10	Москва. Гостинный двор. Секция 11, ш. 2, гл. -240.	Векслер А.Г.	1997	11		65	45	16	20	1/3		XV-XVII вв., н. XVIII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
239	334	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 71, гл. -419	Векслер А.Г.	1998	11		70	40	20	30	1/2	7,5	XVI -сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
240	583	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 56, гл. -438	Векслер А.Г.	1998	11		95	50	25	45	1/2	13,7	XVI -сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
241	650	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 93, гл. -372	Векслер А.Г.	1998	11		70	40	18	30	1/2	5	к. XVI - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
242	4	Москва. Орданка, 40. Раскоп 1, кв. 35, гл. -89.	Векслер А.Г.	1994	11			50	25		1/2		перелож. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
243	268/629	Москва. Казанский собор, ГВ. Шурф за апсидой, гл. -201	Беляев Л.А.	1990	11			45	16		1/3	5,5	XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803. Коллекция МИТМ
244	6674	Оружейная палата	Оружейная палата		11		53	34	14	19	1/2		XVII в.	Фонды Государственной Оружейной палаты
245	8	Рязань Новая. Кремль, кв. 1, пл. 1.	Сулаков В.В.	1986	15		120	56	18	54	1/3		XIV-XVI вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №12119
246	92	Боровское городище. Раскоп 4, кв. 2, гл. -164	Векслер А.Г.	1961	15		110	70	18	40	1/3		датирован по аналогии к. XIV сер. XV в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
247	49	Псков, ул. Гоголя, 9. Раскоп, кв. 30, пл. 17.	Сергина Т.В.	1979	15		120	75	23	45	1/3		к. XIV - XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №8007
248	442	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX вв.	15		145	80	21	65	1/4	22,7	нач. XVII в.	ГИМ, хр 502\129
249	27	Москва. Кадашевский пер., 12-11. Шурф 4, кв. 10, гл. -142.	Векслер А.Г.	1996	15		115	70	23	45	1/3	16,2	XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
250	2	Москва. Орданка 40. Раскоп, кв. 4, гл. -198.	Векслер А.Г.	1998	15		90	70	30	30	1/3	23	кон. XIV -XV-XVII вв.?	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
251		Стрешневское городище. Раскоп 2, пл. 1	Матвеева В. И.	1976	15		96	66	23	30	1/3		XVI в.	Архив ИА РАН. Р-1 №6112
252	109	Емецкий городок. Транш. 4	Овсянников О.В.	1974	7			плохая сохранность					в.п. XV - нач. XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №5891

253	111	Емецкий городок. Транш. 4	Овсянников О.В.	1974	7					плохая сохран- ность					в. п. XV - нач. XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 № 5891
254	414	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					65		1/4	8,4		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
255	416	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					65	90	1/6	7,7		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
256	417	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					60	80	1/5	6,4		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
257	418	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					70	90	1/5	5,9		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
258	421	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					45	58	1/3	6,6		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
259	422	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					66		1/5	7,4		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
260	447	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					45		1/4	2,5		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
261	449	Тушинский лагерь. Сборы Политковского.	Политковский В.А.	кон. XIX- нач. XX в.	7					45		1/4	1,8		нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
262	338	Епифань. Селище Голино 3. п. м.	Гоняный М. И.		7					57	75	1/4	5,8		кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей
263	171	Епифань. Селище Голино 3. п. м.	Гоняный М. И.		7					55	77	1/4	6,7		кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей

264	371	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		7		85	65	15	20	1/4	10	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
265	341	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7			50	11		1/4	3,8	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
266	28	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7			55	12		1/4	3,8	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
267	3(3)	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		7			нет информа ции					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
268	4(3)	Епифань. Селище Кораблино VIII. п.м.	Гоняный М. И.		7			нет информа ции					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
269	189	Епифань. Селище Голино 1 п.м.	Гоняный М. И.		7		80	60	12	20	5	5,1	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
270	109	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7		80	60	15	20	1/4		кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
271	101	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7			нет информа ции					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
272	2(5)264	Епифань. Селище Голино 1 п.м.	Гоняный М. И.		7			нет информа ции					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
273	30	Епифань. Селище Мельгуново. п.м.	Гоняный М. И.		7			55	16		1/3		кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
274	114(6)	Епифань. Селище Мельгуново. п.м.	Гоняный М. И.		7			62	13		1/5	6,3	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
275	152	Москва. ул. Маршала Шапошникова. Раскоп 2, кв 36, пл.4	Векслер А.Г.	1989	7		65	43	13	22	1/3		XV-XVII вв.?	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
276	78	Москва. Манежная площадь. Раскоп XII, кв. 42, гл. -538.	Векслер А.Г.	1994	7		120	70	15	50	1/5		XVI-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
277	339	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		7		74	55	12	19	1/4		кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.

278	66	Москва. Манежная площадь. Раскоп XVII, кв. 106, гл. -610.	Векслер А.Г.	1995	7				80	55	14	25	1/4		XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
279	150	Москва. Пречистенка 2. Раскоп 1, кв. 10, гл. -515.	Векслер А.Г.	1997	7				80	53	13	27	1/4		XVI-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
280	82	Москва. Арбат 1/7. Раскоп 5, кв. 13, гл. -458	Векслер А.Г.	1997	7				85	55	12	30	1/5	9,5	п.п. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
281	748	Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 104, гл. -437, соор. 36	Векслер А.Г.	1998	7				87	62	11	25	1/6	6,1	п.п. - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
282		Кармылык	Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А.	1958	7					плохая сохранность					кон. XV-XVII вв.	Игушев и др., 2000. С. 9
283		Кармылык	Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А.	1958	7					60	18		1/3		кон. XV-XVII вв.	Игушев и др., 2000. С. 9-10. Рис 3, 1
284		Вотчинское городище	Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А.	1958	7				76	50	16	26	1/3		кон. XV-XVII вв.	Игушев и др., 2000. С. 15. Рис 6, 4
285	180/636	Москва. Казанский собор	Беляев Л.А.	1990	7					нет информации					XIV-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803/ Коллекция МИГМ
286	1203	Москва. Романов Двор. раскоп VI, кв. 81, гл. -225	Кренке Н.А.	2002	7					55	10		1/5	7,2	сер. XVI-п.п. XVII вв.	Сведения Н.А. Кренке
287	342	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7				77	55	12	22	1/4		кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
288	337	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7				90	60	12	30	1/5		кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
289	59	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		7				75	60	17	15	1/4		кон. XVI - нач. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
290		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		7				102	64	21	54	1/3		кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67. О303
291		Картуковский могильник	неизвестно		7					нет информации					кон. XVI - сер. XVII вв.	материалы экспедиции

292		Картуковский могильник			7				нет информации					кон. XVI - сер. XVII вв.	материалы экспедиции
293		Картуковский могильник			7				нет информации					кон. XVI - сер. XVII вв.	материалы экспедиции
294	12\1	Епифань. Селище Голино I, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7				нет информации					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
295	41	Епифань. Селище Голино I, 3 п.м.	Гоняный М. И.		7				нет информации					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
296		Вотчинское городище	Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А.	1958	7		72	48	16	24	1/3			кон. XV-XVII вв.	Игушев и др., 2000. С. 9-10. Рис. 6, 5
297	?	Кич Городок	Никитин А. В.	1962	7		67	52	16	15	1/3			XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №2479
298	?	Кич Городок	Никитин А. В.	1962	7		88	58	17	30	1/3			XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. №2479
299		Псков, ул. Первомайская, 3-4 пласт	Кильдошевский В.И.	1979	7			35	12		1/2			XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №9908
300		Псков. Работы в Кремле	Белецкий В.Д.	1981	7		108	60	22	38	1/3			XVII в. (?)	Архив ИА РАН. Р-1 №8563, стр 6
301	2	Волоколамск. Раскоп 2, кв. 10, гл. -15	Ивченков В.Л.	1986	7		118	83	20	35	1/4			XV-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №11953
302	10	Кашин. Раскоп (завод электрорадиотехники) пл. 1 переотложен	Харитонов Г.	1974	7		108	73	23		1/5			в.п. XV-XVIII вв., монета конца XV в.	Архив ИА РАН. Р-1 №5168
303	383637	Москва, Казанский собор	Беляев Л.А.	1990	10			85	18		1/5	12,6		XIV-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16803.0319 Коллекция МИГМ
304		Мангазья	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		10		150	42	17	108	1/3			кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 0317
305		Мангазья	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		10		132	47	17	85	1/3			кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 9
306		Мангазья	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		10		164	57	17	107	1/3			кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 10
307	631	Копорье, Раскоп, кв. г1, гл. - 180, 2 строит. горизонт	Овсянников О.В.	1970	10		145	75	22	73	1/3			XIII-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 № 4288

308	1	Псков. Козьмодемьяновский 4. Раскоп кв. 19, гл. -144.	Салмина Е.В.	1993	12		95	60	12	35	1/5		XIV-XVI вв.	Архив ИА РАН, Р-1 №17924
309	437	Тушинский лагерь. Сборы Политковского	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX в.	12		75	50	10	25	1/7	6	нач. XVII в.	ГИМ, хр. 502\129
310	340	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М.И.		12		70	40	14	30	5	5,5	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
311	128	Москва. Кадашевский пер., 4-2. Раскоп. кв. 6, гл. -372.	Векслер А.Г.	2001?	12		75	50	20	25	1/2		XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
312	246	Москва. Кадашевский пер., 4-2. Раскоп. кв. 6, гл. -389.	Векслер А.Г.	2001?	12			50	21		1/2		XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
313	51	Москва. Кадашевский пер. 14.	Векслер А.Г.	1999	12		65	45	15	20	1/3		XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
314	320	Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М.И.		12			нет информации					кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
315	2	Старый Кунгур. Раскоп. Уч. Ж, гл. -40.	Оборин В. А.	1983	12		нет информации	нет информации					XVII в.	Архив ИА РАН, Р-1 №10131
316	3	Старый Кунгур. П.м.	Оборин В. А.	1983	12			70	35		1/2		XVII в.	Архив ИА РАН, Р-1 №10131
317	4	Старый Кунгур. Раскоп. Уч. Е, гл. -50.	Оборин В. А.	1983	12			нет информации					XVII в.	Архив ИА РАН, Р-1 №10131
318	?	Кич Городок	Никитин А. В.	1962	13			55	18		1/3		XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН, №2479
319	334	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М.И.		13			55	12		1/5		кон. XVI в.	Кимовский краеведческий музей.
320	195	Епифань. Селище Голино 1 п.м.	Гоняный М.И.		13			52	14		1/4	5,8	кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
321	316	Москва. Манежная площадь. Раскоп 1, кв. 23, гл. -489	Векслер А.Г.	1993	13		70	50	13	20	1/4		XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

322	?	Псков, ул. Ленина. Раскол, кв. -84.	Лабутина И.К.	1981	14													ХVII-XVIII вв.	Архив ИА РАН. №8741
323	388	Волоколамск. Раскол 2, подземный материал	Буров В.А.	1994	14		51	36	18	15	1/2							в.п. XV -нач. XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №18833
324	55	Епифань. Селище Голино I п.м.	Гоняный М.И.		14		55	40	20	15	1/2	8,6						кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
325	338	Епифань. Селище Голино I п.м.	Гоняный М.И.		14		54	42	20	12	1/2	4,6						кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
326	114	Епифань. Селище Голино I п.м.	Гоняный М.И.		14		51	36	18	15	1/3							кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
327		Изборск крепость	Артемьев А.Р.	1998	14		80	54	14	26	1/4							в.п. XIV-XVI вв.	Артемьев. 1998. С. 102. Рис. 77, О343
328	60	Москва. Орданка 40. Раскол 3, кв. 51, гл. -308, яма 91.	Векслер А.Г.	1994	14		57	47	20	10	1/2							XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
329	1	Старый Кунгур. Раскол. Уч. К. гл. -50.	Оборин В.А.	1983	инд. П		79	55	26	27	1/2							XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №10131
330	5	Старый Кунгур. П.м.	Оборин В.А.	1983	инд. П			нет информации	20									XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №10131
331	6	Старый Кунгур. Раскол. Уч. Е. гл. -20.	Оборин В.А.	1983	16		110	60	20	50	1/3							XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №10131
332	110	Москва, ул. Б. Дмитровка. Раскол I, кв. 22, гл. -310	Векслер А.Г.	2001	16		105	75	20	30	1/4							XVI - п.п. XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
333	?	Псков. Козьмодемьяновский раскол, кв. 34, пл. 10.	Кильдошевский В.И.	1988	16		120	65	27	59	1/2							XII-XVIII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №12656
334	630	Копорье. Раскол, кв. г2, гл. -175, 2 стронг. горизонт.	Овсянников О.В.	1970	16		140	95	21	45	1/4							XIII-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №4288
335	9	Тушков городок. Раскол 4, кв. 2, гл. -189.	Рабинович М.Г.	1954	17		77	55	13	22	1/4							XIV-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №985
336		Орешек. Крепость	Кильдошевский В.И.	1972-97	17			60	14		1/4							кон. XIV-XV вв.	Кильдошевский, 1998. С. 62-65
337	147	Тушков городок. Раскол 5, кв. 1, гл. -274	Рабинович М.Г.	1957	17		115	60	16	55	1/4							XIII-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №1433

338	?	Настасьино	Энговатова А.В., Двуреченский О.В.	2004	17		90	61	16	29	1/4	кон. XIV-нач. XV вв.	Энговатова и др., 2004. С. 238. Рис. 76
339		Изборск крепость	Артемьев А.Р.	1998	18		80	55	23	25	1/2	в.п. XIV-XVI вв.	Артемьев, 1998. С. 102-103. Рис. 77, 5
340		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		18		125	107	13	18	1/8	кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, рис. 4
341		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		18			нет информации				кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Рис. 16, 2
342		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		19		137	100	26	37	1/4	кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 035/
343		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		19		135	100	31	35	1/4	кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 2
344		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		19		121	92	31	29	1/3	кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 3
345		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		19			плохая сохранность				кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 5
346		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		19			плохая сохранность				кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 6
347		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		19			88	25		1/3	кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 7
348	6	Псков, наб. р. Великая, раскоп, кв. 6, пл. 17.	Лабуткина И.К.	1972	20		140	60	25	80	1/3	XIV-XV вв.	Архив ИА РАН, №5170
349		Красное	Артемьев А.Р.	1998	20		88	50	20	38	1/2	в.п. XV в.	Артемьев, 1998. С. 102-103. Рис. 77, 7
350		Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		20		121	35	14		1/2	кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 1/
351		Албазин	Артемьев А.Р.	1999	инд. У		126	100	11	26	1/9	XVII в.	Артемьев, 1999. Рис. 80, 1
352		Албазин	Артемьев А.Р.	1999	инд. У		136	100	11	36	1/9	XVII в.	Артемьев, 1999. Рис. 80, 2

353	Албазин	Артемьев А.Р.	1999	инд. У				нет информации									XVII в.	Артемьев, 1999. Рис. 80, 3
354	Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		инд. П			164	100	25	64	1/4						кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 12
355	17 Дубровицы. Разведочные работы, ш. 2, кв. 4, гл. -82.	Гоняный М. И.	1991	инд. П			99	72	23	27	1/4						XIII-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №16082
356	1299 Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 104, гл. -433, соор. 36	Векслер А.Г.	1998	инд. П													п.п. - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
357	Воротынский. Раскоп 1.	Никольская Т.Н.	1975	инд. П				85		40							XIII-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №5661
358	31 Москва. 3-й Зачатьевский, з/н, яма 1, кв 6а, гл. -300	Векслер А.Г.	1997	инд. П			110	85	34	25	1/2						XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
359	Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.	1981	инд. П			157	127	28	30	1/4						кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Табл. 67, 13
360	Мангазея	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.		инд. П			144	120	29	24	1/4						кон. XVI - сер. XVII вв.	Белов и др., 1981. Рис. 16, 3
361	Албазин	Артемьев А.Р.	1999	инд. П				133	21		1/6						XVII в.	Артемьев, 1999. Рис. 80, 5
362	1457 Москва. Гостинный двор. Раскоп 1, кв. 99, гл. -457, соор. 36	Векслер А.Г.	1998	инд. П			69	46	20	22	1/2						п.п. - сер. XVII в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
363	Псков. Довмонтов город. Раскопки у западной стены довмонтова города. Раскоп у Храма № 2.	Белецкий В.Д.	1960	инд. П			70	45	16	25	1/2						XV-XVI вв. выпад в слой довмонтова города в 1956 г	Архив ИА РАН. Р-1 №2198 раскопки у западной стены довмонтова города в 1956 г
364	Углич. Кремль. Раскоп 2.	Булкин В.А.	1985	инд. П			76	56	10	20	1/6						X-XI. кон. XV в. ?	Архив ИА РАН. Р-1 №10820
365	634 Копорье, кв а3.	Овсянников О.В.	1970	инд. П			130	85	38	45	1/2						XIII-XV вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №4288
366	192 Епифань. Селище Голино 1, 3 п.м.	Гоняный М. И.		заготовке				нет информации									кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
367	5 Коломенский кремль, гл.-235.	Савицкий М. Г.	1989	6	6а												XVI-XVII вв.	Архив ИА РАН. Р-1 №13522

368	200	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а		нет информации								кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
369	201	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Гоняный М. И.		6	6а		нет информации								кон. XVI - сер. XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
370	7	Москва. Моховая Раскоп 2. кв. 3, гл. -110.	Векслер А.Г.	2001	инд. П			120	90	43	30	1/2				перекоп XVII-XVIII вв.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
371	21	Ростиславль Рязанский, кв. 243, гл. -106, яма 350.	Коваль В.Ю.	2004	9	96		76	47	12	29	1/4	9			XVI в.	Полевая опись РАЭ-2004
372	36	Ростиславль Рязанский, кв. 243, гл. -114, яма 350.	Коваль В.Ю.	2004	9	96		90	54	12	36	1/4	11			XVI в.	Полевая опись РАЭ-2004
373	94	Ростиславль Рязанский, кв. 249, гл. -209, яма 350.	Коваль В.Ю.	2004	6	6а			56	10		1/5	9			XVI в.	Полевая опись РАЭ-2004
374	54	Ростиславль Рязанский, кв. 242, гл. -153, яма 350.	Коваль В.Ю.	2004	6	6а		80	55	11	25	1/5	11			XVI в.	Полевая опись РАЭ-2004
375	58	Ростиславль Рязанский, кв. 242, гл. -152, яма 350.	Коваль В.Ю.	2004	6	6а		80	55	15	25	1/4	11			XVI в.	Полевая опись РАЭ-2004
376	142	Ростиславль Рязанский, кв. 249, гл. -271, яма 350.	Коваль В.Ю.	2004	6	6в		77	45	15	32	1/3	9			XVI в.	Полевая опись РАЭ-2004
377	38	Ростиславль Рязанский, кв. 243, гл. -Яма 350	Коваль В.Ю.	2004	6	6а			55	15		1/4	7			XVI в.	Полевая опись РАЭ-2004
378	15	Ростиславль Рязанский, кв. 256, гл. -71.	Коваль В.Ю.	2004	1	1а		65	50	5	15	1/10	4				Полевая опись РАЭ-2004
379	1	Ростиславль Рязанский, кв. ?.	Коваль В.Ю.	2004	17				72	20		1/4	12, 6				Полевая опись РАЭ-2004
380	1	Селище Жуковка 2. Раскоп 2, яма 8.	Гоняный М. И.	2004	3			90	65	8	25	1/8				сер. XV в.	Полевая опись ВДАЭ
381	2	Селище Жуковка 2. Раскоп 1, яма 1.	Гоняный М. И.	2004	12				75	20		1/4				сер. XV в.	Полевая опись ВДАЭ
382	3	Селище Жуковка 2. Раскоп 1, яма 3.	Гоняный М. И.	2004	12			92	65	23	28	1/2				сер. XV в.	Полевая опись ВДАЭ
383	5	Серпухов. Городище Красная горка. Раскоп 2.	Павлихин А.В.	2003	6	6б			нет информации							сер. XVI в.	Сведения Павлихина А.В.
384	240	Москва, Неглинная, 17. Раскоп 1.	Векслер А.Г.	2004	6	6д			47	12		1/4				XVI в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
385	234	Москва, Неглинная, 17. Раскоп 1.	Векслер А.Г.	2004	6	6а			52	13		1/4				XVI в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы
386	226	Москва, Неглинная, 17. Раскоп 1.	Векслер А.Г.	2004	11			62	33	17	29	1/2				XVI в.	Архив ЦАИГУОП г. Москвы

387	41	Москва, Неглинная, 17, ш. 1	Векслер А.Г.	2004	6	6в	95	45	15	50	1/3		XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
388	156	Москва, Неглинная, 17, ш. 1	Векслер А.Г.	2004	пулев иди		27	27	9		1/3		XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
389	43	Москва, Неглинная, 17. Раскоп 1.	Векслер А.Г.	2004	пулев иди.		20	20	11		1/2		XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
390	63	Москва, Неглинная, 17, ш. 1	Векслер А.Г.	2004	6	6в		45	15		1/3		XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
391	207	Москва. Манежная площадь. Раскоп 1, кв. 134, гл. -410.	Векслер А.Г.	1993	6	6в		50	16		1/3		XVI в.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
392	62	Москва. Романов Двор. Раскоп VII, кв. ?, гл. ?	Кренке Н.А.	2002	6	6в		плохая сохранн ость					сер. XVI-п.п. XVII вв.	Сведения Н.А. Кренке
393	1244	Москва. Романов Двор. Раскоп VI, кв. 82, гл. -340	Кренке Н.А.	2002	6	6в		плохая сохранн ость					сер. XVI-п.п. XVII вв.	Сведения Н.А. Кренке
394	239	Москва. ул. Маршала Шапошникова. Раскоп 2, кв 37, пл. 15	Векслер А.Г.	1989	7		77	50	13	27	1/4		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
395	32	Москва. Спиридоньевский пер., 5. Шурф 1, кв. 5, гл. -145.	Векслер А.Г.	1997	6	6в	80	58	17	20	1/3		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
396	31	Москва, ул. Ильинка. З/н 5, уч. 2	Векслер А.Г.	1996	11		86	65	23	21	1/3		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
397	56	Москва. Дом Пашкова, тр. 3, уч. г. 21, гл. -373.	Векслер А.Г.	1998	6	6а	86	62	16	24	1/4		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
398	14	Москва. Ильинка, ЗН 7, кв. 2, перекоп.	Векслер А.Г.	1998	6	6а		плохая сохранн ость					XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
399	236	Москва. ул. Маршала Шапошникова. Раскоп 2, кв е8, пл. 16.	Векслер А.Г.	1989	6	6а	94	60	12	34	1/5		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
400	115	Москва. Ул. Маршала Шапошникова. Раскоп 3.	Векслер А.Г.	1990	6	6в	88	51	16	37	1/3		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
401	303	Москва. ул. Маршала Шапошникова. Раскоп 2, кв ж7, пл. 19	Векслер А.Г.	1989	7		88	57	13	31	1/4		XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы
402	222	Москва. ул. Маршала Шапошникова. Раскоп 2, кв л6, пл. 12	Векслер А.Г.	1989	15			77	33		1/2	27	XV-XVII вв.	Архив ЦАИ ГУОП г. Москвы

403	165	Коломна Раскоп УЛ2, кв. 31. - 179, ям. 8.	Мазуров А.Б.	1995	1	1а		55	6		1/9		до сер. XV в. включительно	Архив ИА РАН. Р-1 №19323
404	174	Коломна по ул. Исаева Траншея кв. 4д, гл. -178.	Мазуров А.Б.	1994	6	6а	77	56	12	23	1/5		XV-XVII вв. (?)	Архив ИА РАН. Р-1 №18985
405	222	Коломна (раскопки в Кремле и на Посаде)	Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н.	1999-2004	9	9б	80	44	10	34	1/4		XVI в.	Мазуров, Ульянова, в печати
406	226	Коломна (раскопки в Кремле и на Посаде)	Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н.	1999-2004	4		72	44	6	28	1/7		XIV-XVII вв.	Мазуров, Ульянова, в печати
407	227	Коломна (раскопки в Кремле и на Посаде)	Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н.	1999-2004	1	1а	57	35	6	22	1/6		XVII в.	Мазуров, Ульянова, в печати
408	225	Коломна (раскопки в Кремле и на Посаде)	Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н.	1999-2004	инд. Б		70	15	9	55	1/2		XVII в.	Мазуров, Ульянова, в печати
409	220	Коломна (раскопки в Кремле и на Посаде)	Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н.	1999-2004	инд. П		100	57	25	43	1/2		XVI в.	Мазуров, Ульянова, в печати
410	219	Коломна (раскопки в Кремле и на Посаде)	Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н.	1999-2004	заготовка			нет информации					XVII в.	Мазуров, Ульянова, в печати
411	25	Коломна (раскопки в Кремле и на Посаде)	Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н.	1999-2004	6	6а	95	55	14	40	1/4		XIV-XVII вв.	Мазуров, Ульянова, в печати
412	192	Епифань. Селище Голино 3. п.м.	Говянный М. И.	1996	заготовка		40	нет информации					XVI-XVII вв.	Кимовский краеведческий музей.
413		Илимский острог, Раскоп пл. 21-22	Седякина Е.Ф.	1971				60	35		1/2		XVII в.	Архив ИА РАН. Р-1 №4543
414	338	Тушинский лагерь. Сборы Политковского	Политковский В.А.	кон. XIX-нач. XX в.	1	1а	85	55	8	30	1/7	8	нач. XVII в.	ГИМ. хр. 502\129

Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 года

В 2005 г. совместная археологическая экспедиция ИА РАН, Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина и Звенигородского музея провела широкомасштабное историко-географическое исследование на правом берегу реки Москвы к югу от Звенигорода. В XV — начале XVI в. изучаемый нами район входил в Городской стан Звенигородского удельного княжества. Восточная граница стана и самого Звенигородского удела подробнейшим образом описана в разъезжей грамоте, составленной 16 июня 1504 г. великим князем Иваном III в связи с передачей Звенигородского удела князю Юрию Ивановичу. Граница пролегла от верховьев р. Десны (р. Кутыменевка и р. Пахорка) через Бутынку к болотистому водоразделу Нахабинки и Вяземки и далее выводила к р. Москве между нынешним селом Иславским и устьем р. Вяземки (ДДГ, 1950. С. 378–381). Информационный потенциал этого чрезвычайно интересного документа очень велик. Однако полноценное прочтение разъезжей грамоты станет возможным лишь тогда, когда будет идентифицирована вся содержащаяся в ней историко-географическая номенклатура. Таким образом, нашей главной целью явилось картографирование топонимических данных начала XVI столетия. Эта задача осложнялась тем, что практически все упомянутые в документе населенные пункты исчезли во время Смуты, когда Звенигородский уезд подвергся страшному разорению. Однако, используя данные писцовых книг XVII в. и картографические материалы Генерального межевания 60–70-х годов XVIII в., ценные тем, что, помимо населенных пунктов, в них зафиксированы пустоши и их названия (то есть реликтовая структура землеустройства XIV–XVI вв.), мы все же смогли локализовать некоторые из топонимов. В процессе проведения сплошных археологических разведок эти ключевые для понимания текста разъезжей грамоты пункты удалось выявить на местности (рис. 1; рис. 2).

Так, у юго-восточной окраины д. Петелино был обнаружен культурный слой Татарской

Слободки. В XVI в. это село принадлежало Пафнутиево-Боровскому монастырю: «Село Слободка Тотарское, а было за помещики за Иваном за Ртищевым з детьми, а ныне отдано в Похнутьев монастырь по князь Юрью Ивановичу по духовной грамоте...» («Приправочный список...», 1992. С. 39). Вероятно, в более раннее время это был центр Дмитриевой слободки, фигурирующей в духовной князя Дмитрия Ивановича 1389 г. (ДДГ, 1950. С. 33–36). Памятник находится в верховьях р. Пахорки, на территории и вокруг современного кладбища, расположенного у автодороги Москва — Минск (М-1). Значительная часть селища разрушена кладбищем, при осмотре которого зафиксированы валунные надгробия XIV в. и тонкие белокаменные плиты с геометрическим орнаментом. Размеры памятника около 165 × 100 м. Культурный слой представляет собой серую гумусированную супесь с включениями мелких угольков, горелых камней, фрагментов керамики и кусочков печины. Его мощность достигает 0,3–0,4 м. На поселении собрана красноглиняная грубая, ангобированная, краснолощенная и белоглиняная керамика XIV–XVII вв. (Алексеев, 2006. С. 34).

В верховьях р. Бутынки удалось найти два крупных средневековых селища, которые являются остатками сельца Таганицинского (селище Часцы 1) и села Борановского (селище Голицыно 1). Первый из памятников расположен в 1,45 км к ВЮВ от села Часцы, в верховьях реки Бутынки (правый приток реки Десны). Селище находится в лесном массиве, к северу от железной дороги Белорусского направления. Размеры около 150 × 120 м. Культурный слой — серая гумусированная супесь с включениями печины, угольков и фрагментов позднесредневековой керамики XIV — начала XVII в. Мощность напластований — 20–35 см. В центральной и восточной частях памятника на поверхности хорошо читаются крупные воронкообразные западины глубиной до 0,7 м. Все они заполнены культурным слоем. Вероятно, это древние подпольные ямы, погреба, либо остатки других хо-

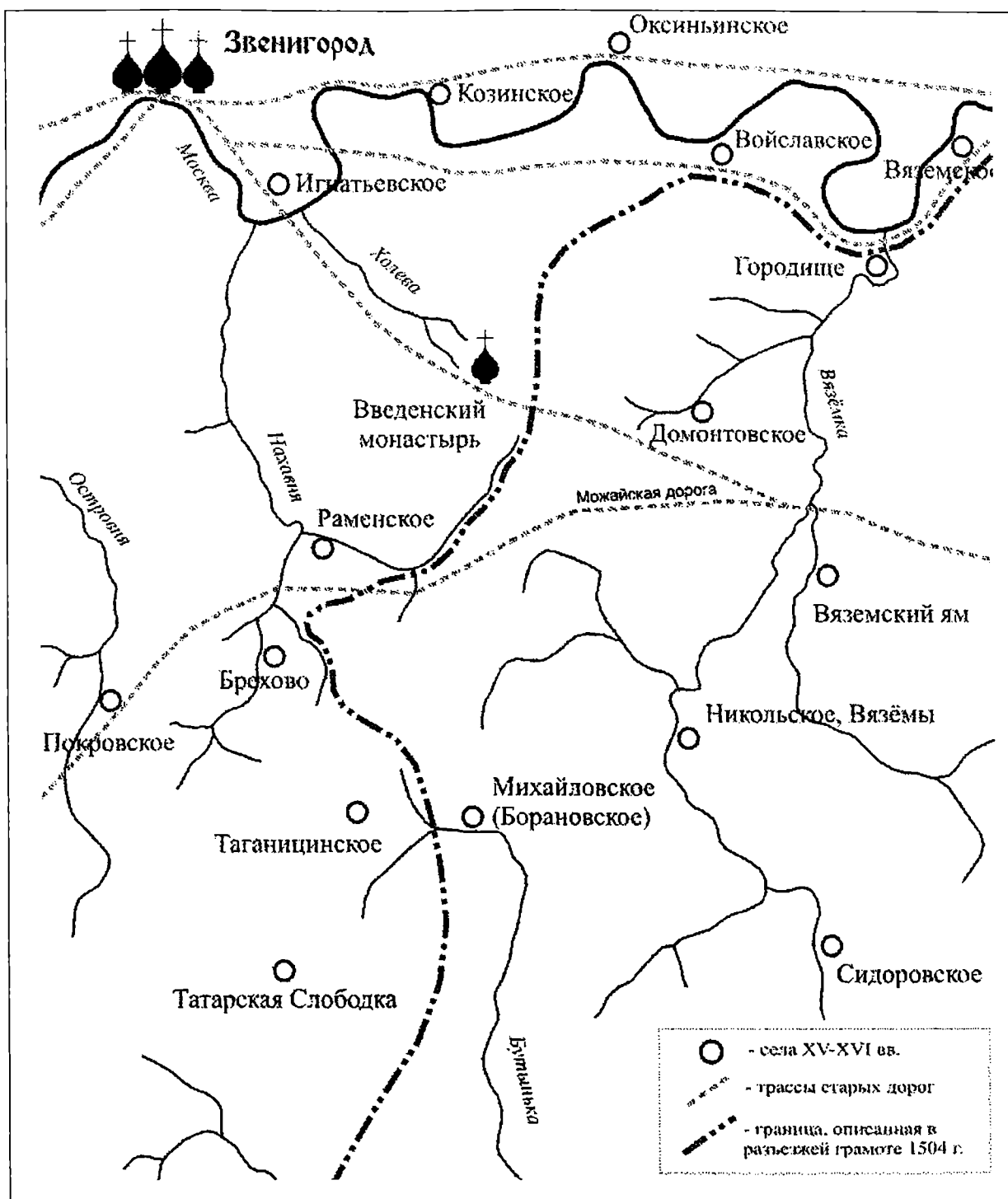

Рис. 1. Округа Звенигорода в XV—XVI вв. Карта-схема

зайственных сооружений. Сохранившиеся западины указывают на то, что после прекращения жизни на поселении (скорее всего во время Смуты), его территория не была подвержена активному агрогенному воздействию. Это вселяет надежду на то, что культурный слой этого памятника не распахан в XVII—XVIII вв. и хорошо стратифицирован. В 150 м к ЮЮВ от селища, в заболоченной низине расположен древний пруд

с насыпной двухсекционной плотиной. При осмотре размывов насыпи этого сложного гидротехнического сооружения были найдены единичные фрагменты средневековой керамики. Вероятно, и поселение и пруд следует рассматривать как единый археологический комплекс.

Селище Голицыно 1 было выявлено в 2 км к западу от города Голицыно, в верховьях реки Бутынки. Поселение находится в лесном массиве

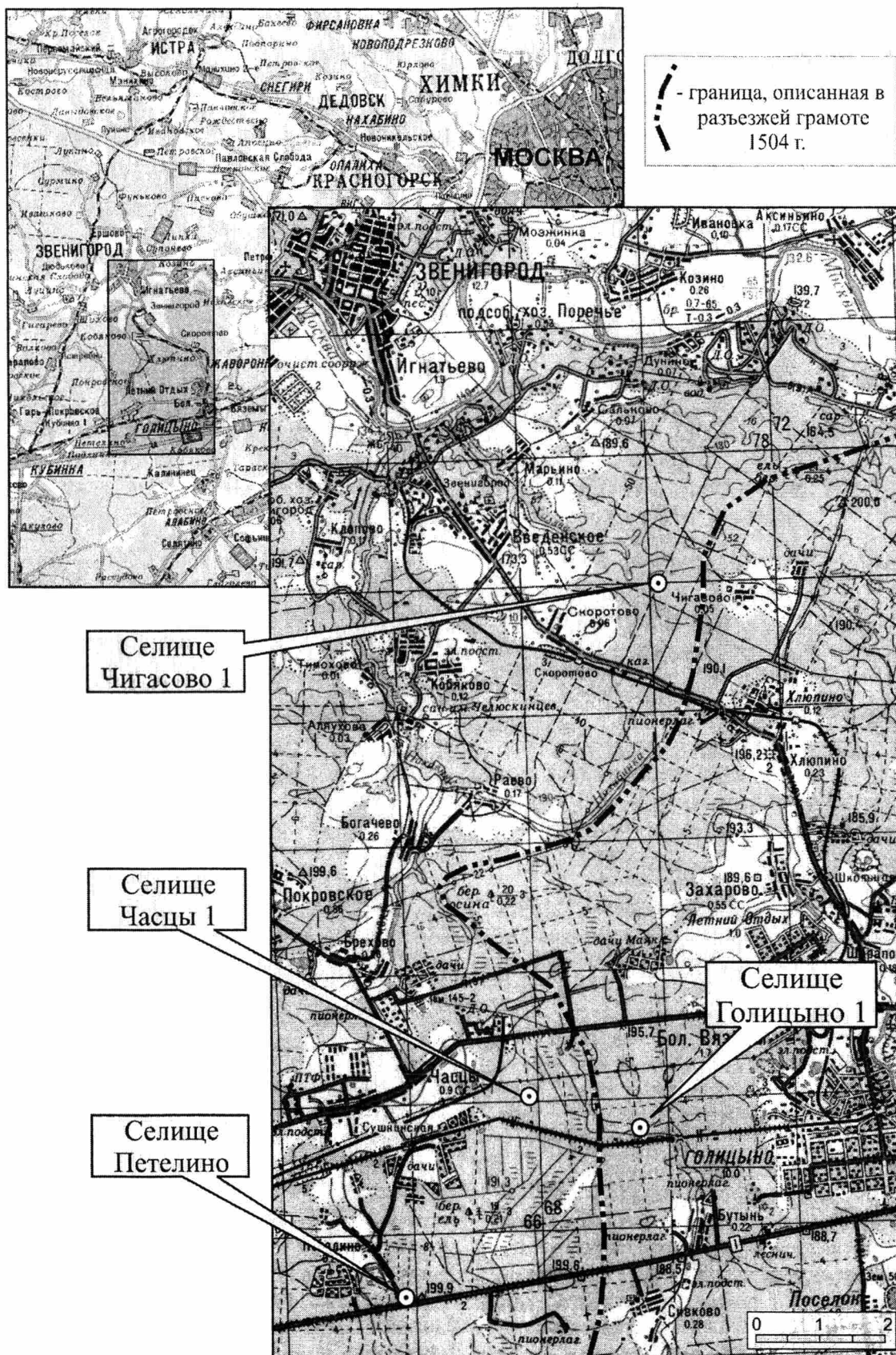

Рис. 2. Район исследований 2005 г. В качестве основы использована современная карта масштаба 1:100000

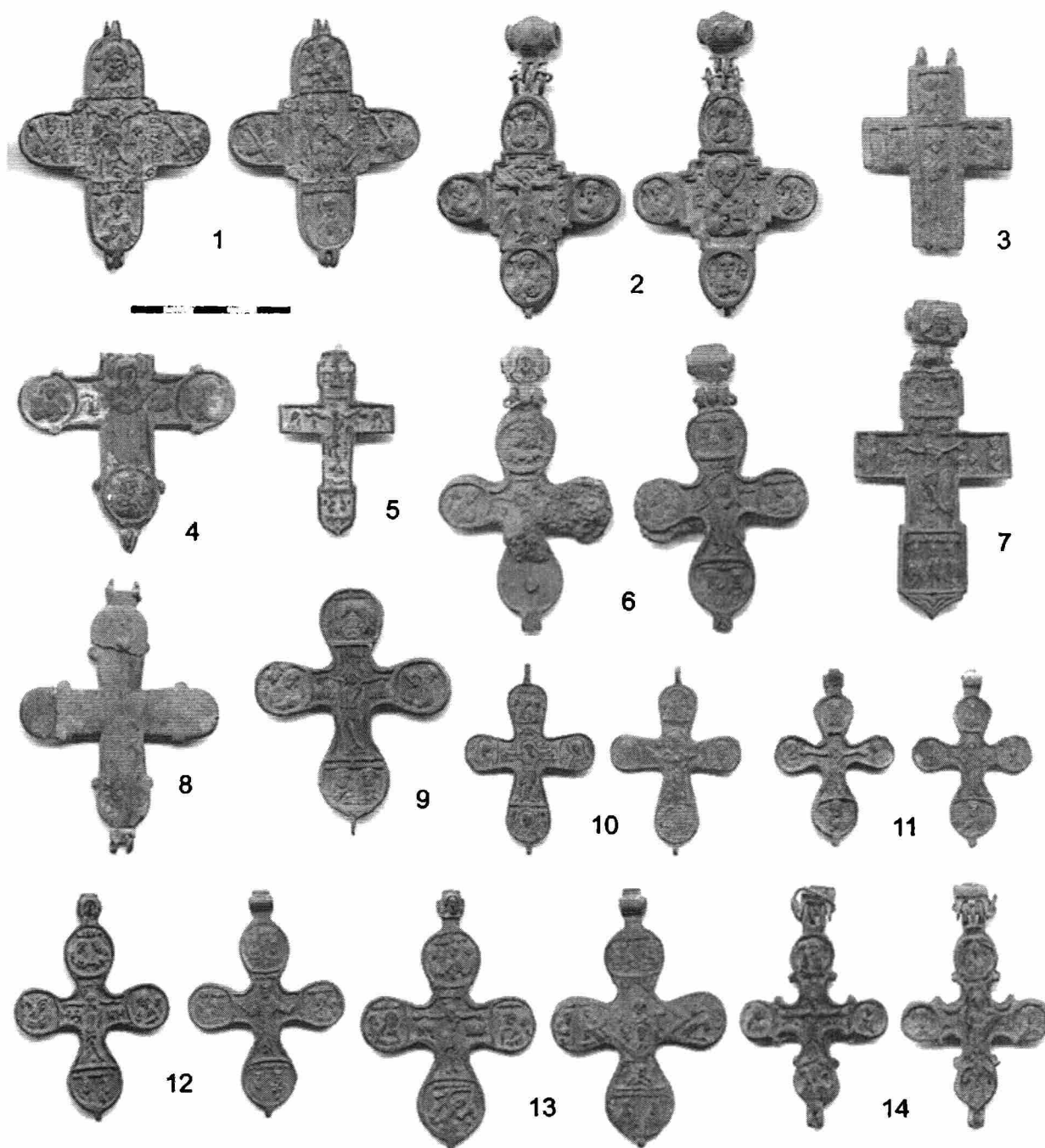

Рис. 3. Селище Голицыно 1. Энколпионы и наперсные кресты из кладового комплекса

ве (среди леса имеется небольшая поляна) на левом берегу реки, русло которой в этом месте перегорожено древней плотиной и запружено (ныне здесь болото). Селище имеет размеры 180×130 м. Высота над урезом воды в реке — 2–3 м. Культурный слой представляет собой серую (местами темно-серую) супесь с включениями угля, золы, фрагментов керамики и кусочков печины. Подъемный материал характеризуется красноглиняной, чернолощеной и белоглиняной керамикой XIV—XVII вв.

Анализ корпуса письменных источников и карт Генерального межевания позволил определить, что здесь во второй половине XVI — начале XVII в. располагалось село Михайловское, которое прекратило свое существование в Смутное время. Так, в выписи из писцовых книг 1621–1623 гг. Афанасия Отяева и подьячего Василия Орбенева, приведенной в позднейшем межевом деле князя Б.А. Голицына и в писцовом описании 1631 г., в этом районе упомянуто церковное место Николая Чудотворца «в пусто-

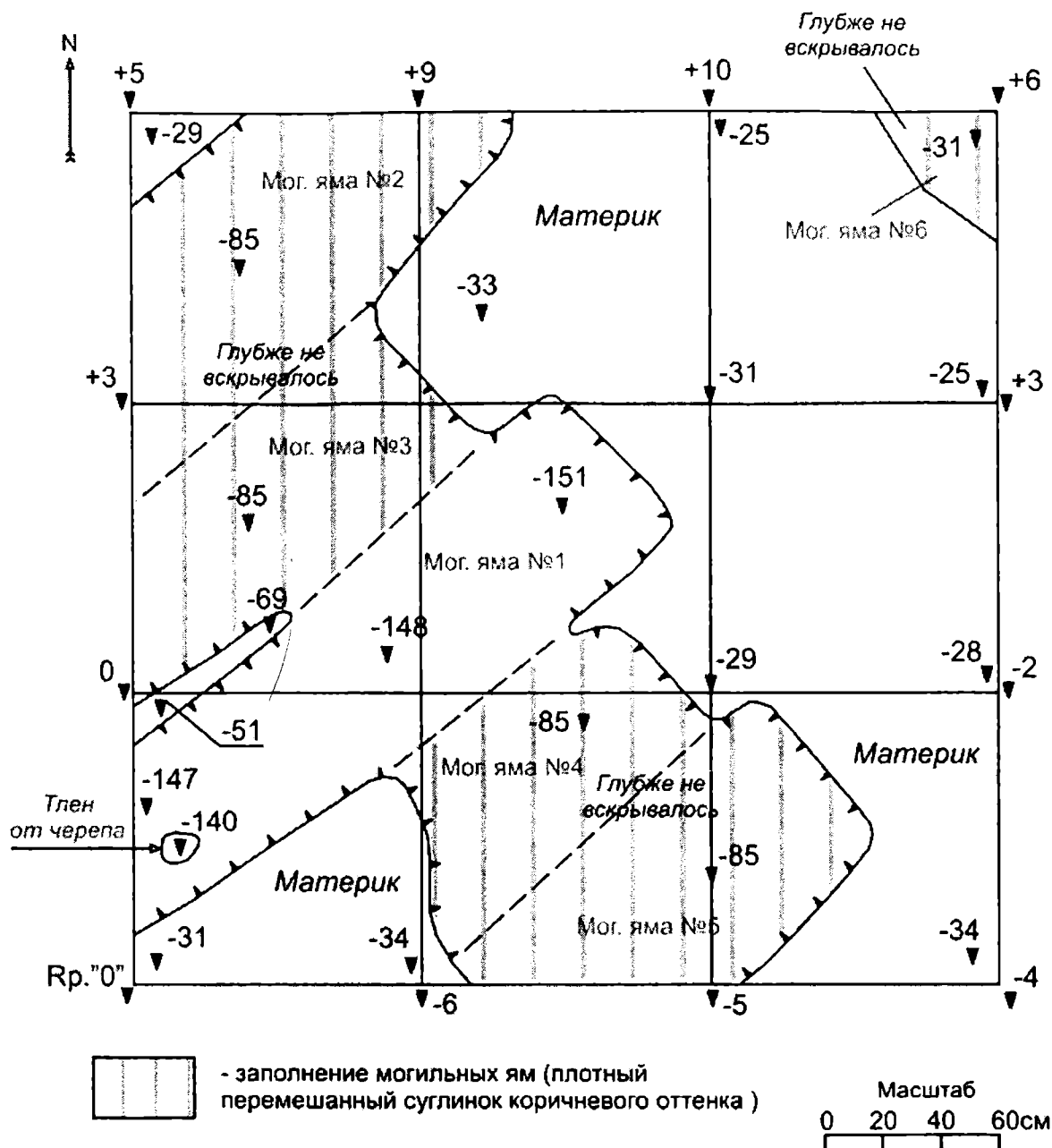

Рис. 4. Селище Голицыно 1. Шурф 1 2005 г. План

ши Михайловской у верховьев речки Бутынки, что был приселок села Никольского Вяземы» (Шереметев, 1916. С. 23; «Одинцовская земля», 1994. С. 104). В тексте разъездной грамоты 1504 г. села Михайловского найти не удалось. Но именно в этом месте фигурирует село Борановское, принадлежавшее Василию Слепцову (ДДГ, 1950. С. 380). Вероятно, село Борановское рубежа XV—XVI веков и более позднее село Михайловское — один и тот же населенный пункт. В XIX веке лесная поляна пустоши Михайловской окаживалась священнослужителями Спасо-Преображенского храма в селе Большие Вязёмы (Прохоров, Ягодинская, 2004. С. 13).

В северо-западной, наиболее возвышенной части селища, располагается древний некрополь, который обозначен надгробиями из крупных необработанных валунов и тесаных белокаменных плит. Точные границы и площадь погоста (занимает не менее 200 кв. м) определить довольно трудно, так как большая часть надгробных камней находится под дерном и выявляется лишь при помощи шупа.

На этом участке поселения, в непосредственной близости от кладбища, в мае 2004 г. был найден уникальный клад произведений русской средневековой христианской металлопластики. В состав кладового комплекса вошло около

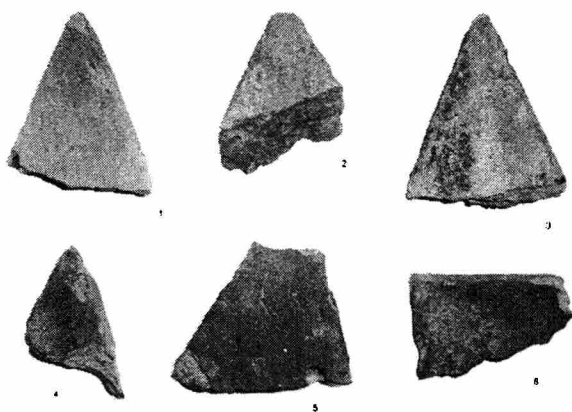

Рис. 5. Селище Голицыно 1. Керамические плитки пола из шурфа 1

60 предметов — в основном это массивные литые наперсные кресты и энколпионы XIV—XVI вв., которые находились в личном пользовании лиц, имевших высокий культурный уровень и социальный статус (рис. 3). На селе такие кресты могли принадлежать, в первую очередь, представителям церковного причта — священникам, дьяконам, дьячкам, пономарям, а также церковным старостам и грамотным людям из прихожан (Алексеев, 2005. С. 236).

По нашему мнению, именно на периферии некрополя, где было найдено скопление вещей, мог находиться деревянный Никольский храм, упомянутый в писцовых книгах.

В 2005 году рядом с местом обнаружения клада был заложен шурф 1 (рис. 4) размерами 3 × 3 м. Здесь, в верхнем слое серовато-коричневой супеси были встречены вкрапления печины, древесный уголь, единичные кусочки белого камня, измельченные фрагменты позднесредневековой керамики. Среди находок следует выделить две денги Ивана IV чекана до 1547 г. и целую серию обломков керамических плиток пола. Плитки неполивные треугольной (ромбической?) и квадратной формы, борта прямые, тыльная сторона — гладкая (рис. 5). Толщина их варьирует от 27 до 38 мм; лицевая поверхность имеет следы лощения или просто заглажена (на поверхности двух экземпляров имеются следы ангоба). Сформованы они из красной глины, обжиг хороший. Такие плитки применялись для покрытия полов церквей. Появляются они в начале XVI в. и получают широкое распространение в течение двух первых третей этого столетия (Хворостова, 2002. С. 201–202).

После зачистки материка было выявлено шесть могильных ям, которые имели ориентировку ЮЗ — СВ. Заполнение ям — плотный коричневый суглинок. Отсутствие в заполнении

могильных ям гумусированных пятен культурного слоя и керамики указывает на то, что они копались до того времени, как культурные напластования начали откладываться на этом участке селища. Из шести могил полностью была вскрыта лишь одна яма — № 1, поскольку она практически полностью вошла в площадь исследованного участка. Ее длина составила 227 см; ширина — 55–65 см. Костяк очень плохой сохранности был расчищен на глубине 140 см от современной дневной поверхности. Ориентировка погребения — головой на ЮЗ. Инвентарь отсутствовал.

Одним из наиболее интересных памятников, которые нам удалось обнаружить в процессе работ 2005 г., является селище Чигасово 1. Селище расположено в 1,1 км к западу-северо-западу от деревни Чигасово, на территории Хлюпинского лесничества Звенигородского лесхоза (рис. 6). Оно находится на водораздельной возвышенности (балтийские отметки 195–196 м), на небольшой поляне в центре лесного массива. Размеры селища около 70 × 90 м (на основании распространения подъемного материала). В западной части селища расположен копаный пруд, который в настоящее время заболочен. Культурный слой представляет собой слабогумусированную серовато-коричневую супесь с включениями измельченных фрагментов средневековой керамики, угля и кусочков печины. Мощность культурных отложений достигает 0,2–0,5 м.

Именно это селище идентифицируется с Введенским монастырем, упомянутым в разъезжей грамоте 1504 г. (ДДГ, 1950. С. 381). Небольшая пустынь, почти не оставившая о себе каких-либо исторических сведений, к середине XVI в. захирела и превратилась в погост. В приправочном списке с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 годов говорится: «на царя великого князя земле волостной погост, а в нем церковь Введение Пречистые. Пашни поповы четырнатцать четьи в поле, а в дву по тому ж, земля средняя, сена десять копен, пороснеку сорок чети» («Приправочный список...», 1992. С. 23.). В писцовой книге 7132 (1624) и 7133 (1625) годов значится: «пустошь, что был погост на царя и великого князя земле, на волостной, а в нем место церковное Введение Пресвятой Богородицы; пашни церковныя средние земли лесом поросло 14 четв. в поле, в дву потому ж, сена 10 копен, лесу пашенного 20 десятин» (Холмогоровы, 1882. С. 16). Из этого документа следует, что во время польско-литовской интервенции начала XVII в. погост подвергся опустошению. Возродиться же из руин Введенский храм уже не смог.

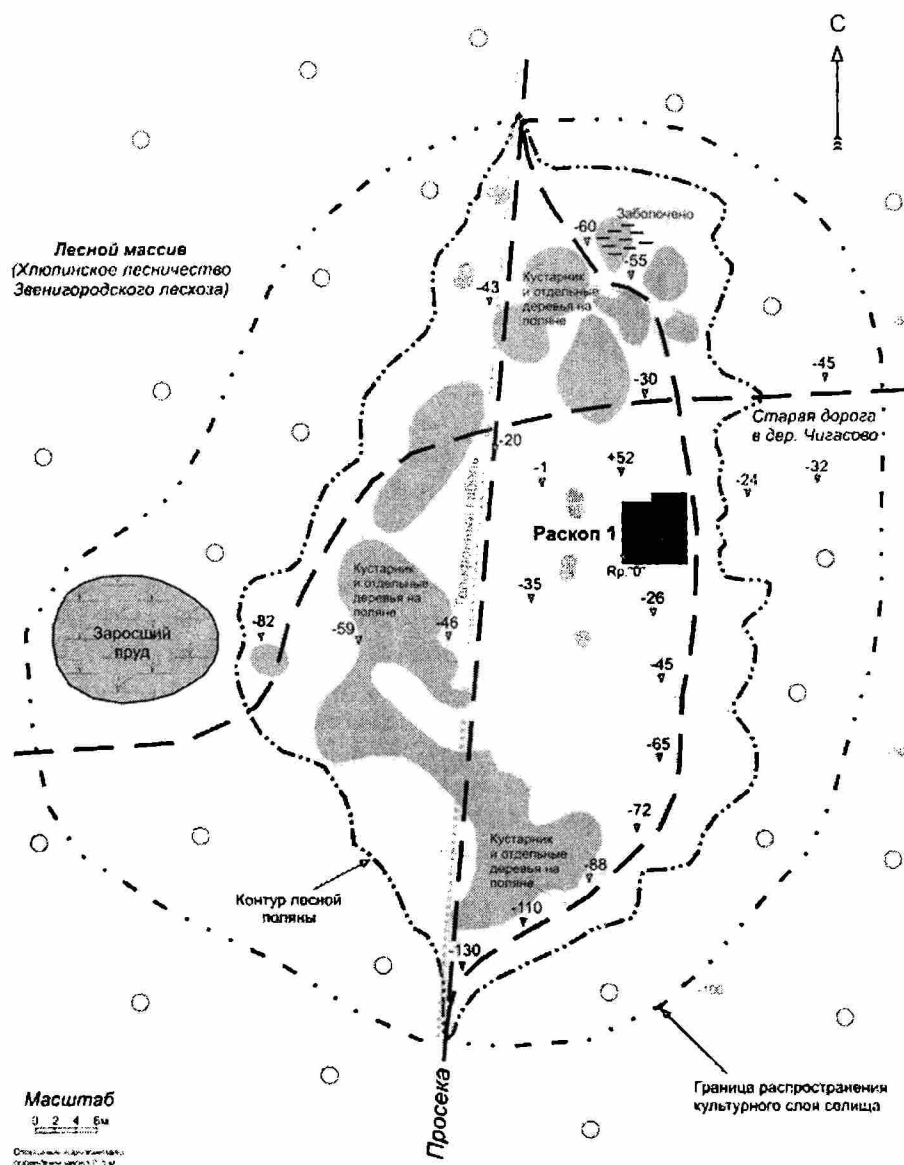

Рис. 6. Селище Чигасово 1. План памятника

В 7195 (1687) году церковная земля Введенского погоста, находившаяся на оброке у крестьян близлежащего сельца Першина, по распоряжению Патриаршего Казенного Приказа, отдана на оброк боярину Михаилу Головину «из наддачи на нем взят 13 алтын, 2 деньги» (Холмогоровы, 1882. С. 17).

«Церковная же земля, на пустоши Введенского погоста, была отдана в оброк священнику новопостроенной, в селе Першине, Введенской церкви. В приходной книге Патриаршего Приказа, оброчных земель, записано: «В нынешнем 202 (1694) году, апреля 20 дня, по указу святейшего патриарха и по помете на выписке дьяка Андрея Денисовича Владыкина, церковная земля Входа во храм Пресвятыя Богородицы в пустоши, что был погост, в городском стану, кото-

рая отдана во 195 (1687) году, на оброк боярину Михаилу Петровичу Головину, велено отдать вотчины его, боярина Головина, села Введенского-Першино тож, попу Харитону на 202 (1694) год, впредь без перекупки из прежнего оброку и поручная запись взята»; а в 7203 году отдана на оброк той же церкви попу Ивану, с платою оброка одного рубля в год, и за ним числится по книгам Патриаршего Приказа до 1740 года» (Холмогоровы, 1882. С. 19).

Локализовать место расположения Введенского погоста нам помогло описание небольшой лесной поляны в урочище «Веденье», которое сделал в 1879 г. священник Георгий Иванович Фивейский: «По дороге от с. Введенского к деревне Чигасовой или к сей деревне от деревни Скорлотовой в 1 1/2 версте, в местности, называ-

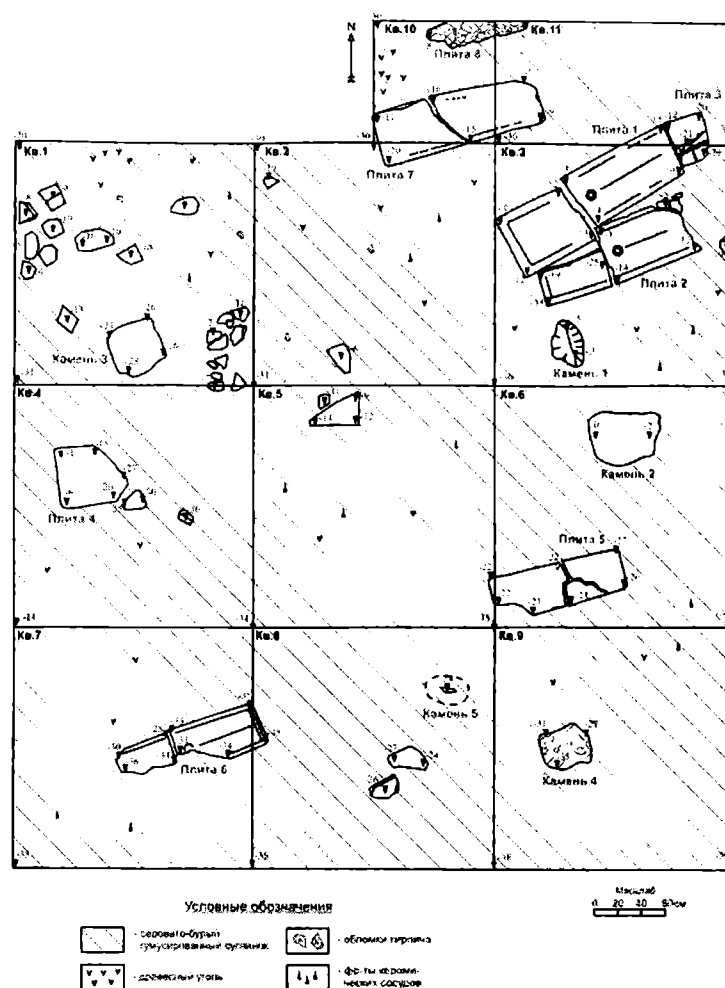

Рис. 7. Селище Чигасово 1. Раскоп 2005 г. на месте средневекового некрополя. План

емой пустошью Введеньем, находится в лесу поляна, на которой и была первая Введенская церковь, давшая название и самой пустоши. При входе на поляну прежде всего представляется небольшой холм, на котором в память бывшей церкви изстари стоит и поддерживается Введенскими крестьянами деревянный крест с иконой Введения во храм; вокруг холма земля представляется неровною, на ней много плоских ям, происшедших от осадка земли, — это было кладбище, которое, как извечно, по древнему обыкновению всегда находилось около церкви. Кладбище представляется подобием круга в 20 сажень в длину и столько же в ширину. На восточной стороне холма, на глубине 3 вершков находятся в земле надгробные белые плиты из белого камня с чеканкою на них по краям и по углам, но, к сожалению, подпись на них стерлась, на одном из них остались в разных местах две буквы ничего не объясняющие.

На северной, южной и восточной стороне кладбища, в некотором расстоянии от него, видны неглубокие ямы до 12 и одна глубокая, свидетельствующие о бывшем здесь некогда селении. При входе на поляну с правой стороны находится пруд около 10 сажень в длину и 6 в ширину, хотя и заросший травой, но с постоянною в нем водою; по середине пруда к южной стороне находится довольно глубокая яма с холодною водою. При начале леса, окружающего поляну, заметны полосы, которые служат знаком того, что земля на месте нынешнего леса была пахотная»¹.

Летом 2005 г., проведя на месте монастыря рекогносцировочные археологические раскопки (вскрыто 39 кв. м) (рис. 7), мы выявили культурные напластования, содержащие артефакты XIV—XVII вв. Поскольку письменная информация, относящаяся к раннему периоду истории монастыря отсутствует, то именно археоло-

¹ Цит. по: Чернов С.З., 1987. С. 14.

гические данные играют главную роль для определения времени возникновения обитатели. Так, к XIV в. следует относить «красную грубую» керамику с примесью дресвы в тесте, ряд довольно редких произведений средневековой христианской металлопластики, узколезвийный прямой клиновидный топор с округлой втулкой. Аналогичный топор происходит из раскопок С.З. Чернова на территории Московского Монетного двора 1987—1988 гг. Там он был найден в яме 10, керамический комплекс которой датируется концом XIII — серединой XIV в. (Чернов, 1991. С. 27. Табл. 52). Серединой XV в. датируется денга рязанская, отчеканенная в период княжения Василия Ивановича (AR. Вес 0,337 г).

К более позднему времени (XVI—XVII) относятся красная гладкая, белоглиняная и чернолощенная керамика, нож, ключ от нутряного замка, хорошо сохранившийся корпус сничного замка небольших размеров, свинцовая ружейная пуля круглой формы, подковы, пробой, гвозди и другие предметы хозяйственного назначения.

В площадь раскопа попал древний монастырский некрополь. Под слоем дерна были расчищены как валунные надгробия раннемосковского времени, так и тонкие белокаменные намогильные плиты, часть из которых украшена геометрическим орнаментом, характерным для XV—XVI вв. Толщина плит колебалась от 5 до 11,5 см.

Описание могильных плит и валунных надгробий, обнаруженных в раскопе 1

Плита № 1. Ориентировка ЮЗ — СВ. Треснута из-за неравномерной просадки заполнения могильной ямы. Размеры 42–55 х 147–150 см. Толщина 9,5 см. Верхняя поверхность декорирована резным треугольчато-выемчатым орнаментом. Частично сохранились бордюрная рамка и лента из мелких равнобедренных треугольников с узким основанием, шедшая от центрального клейма к изножию плиты. В изголовье местами заметна дополнительная рамка из более крупных прямоугольных треугольников («косынки»). Среднее клеймо-розетка образовано рядом треугольников, размещенных вершиной к центру. Часть рисунка не читается (тяги, верхнее клеймо и др.).

Плита № 2. Ориентировка ЮЗ — СВ. Треснута из-за неравномерной просадки могильной ямы, нижняя часть отколота. Размеры 50–51 х 135 см. Толщина 7,5 см. На верхней поверхности прослеживаются остатки резного треугольчатого орнамента — простой бордюр и среднее клеймо из

слегка вытянутых равнобедренных треугольников, размещенных вершиной к центру. Часть рисунка не читается.

Плита № 3. Ориентировка ЮЗ — СВ. Расколота, большая часть утрачена. Размеры сохранившегося фрагмента 32 х 38 см. Толщина 7 см. Верхняя поверхность декорирована резным треугольчатым орнаментом.

Плита № 4. Ориентировка ЗЮЗ — ВСВ. Расколота, часть утрачена, сильно просела в могильную яму. Размеры 52 х 58 см. Толщина 10 см. Рисунок стерт.

Плита № 5. Ориентировка ЮЗ — СВ. Треснута из-за неравномерной просадки заполнения могильной ямы, угловая часть утрачена. Размеры 33–37 х 110 см. Толщина 8–9 см. Рисунок стерт.

Плита № 6. Ориентировка ЮЗ — СВ. Треснута из-за неравномерной просадки заполнения могильной ямы, часть плиты утрачена. Размеры 32 х 123 см. Толщина 8–9 см. Верхняя поверхность декорирована мелким неглубоким треугольчато-выемчатым орнаментом. Частично сохранились бордюрная рамка и лента, шедшая от центрального клейма к изножию плиты. Здесь же, в изножии, пущена дополнительная рамка в виде горизонтальной полосы из мелких равнобедренных треугольников с узким основанием. Часть рисунка не читается.

Плита № 7. Ориентировка ЮЗ — СВ. Треснута из-за неравномерной просадки заполнения могильной ямы. Размеры 44–47 х 137–140 см. Толщина 13–15 см. Верхняя поверхность декорирована неглубоким треугольчатым орнаментом. Большая часть рисунка не читается.

Плита № 8. Ориентировка ЮЗ — СВ. Состоит из большого количества компактно расположенных фрагментов. Размеры и толщина не определяются.

Камень № 1. Размеры 27 х 40 см.

Камень № 2. Размеры 43 х 60 см.

Камень № 3. Размеры 44 х 45 см.

Камень № 4. Размеры 34 х 42 см.

Камень № 5. Размеры определить не удалось, так как валун глубоко просел в могилу.

Помимо целых могильных плит и их крупных фрагментов в раскопе неоднократно попадались небольшие обломки белокаменных надгробий как орнаментированных, так и без рисунка.

Нет сомнения, что средневековый некрополь был приурочен к месту деревянного Введенского храма, который находился в 2–3 м к северу от нашего раскопа. В процессе исследования территории кладбища, в верхних слоях было най-

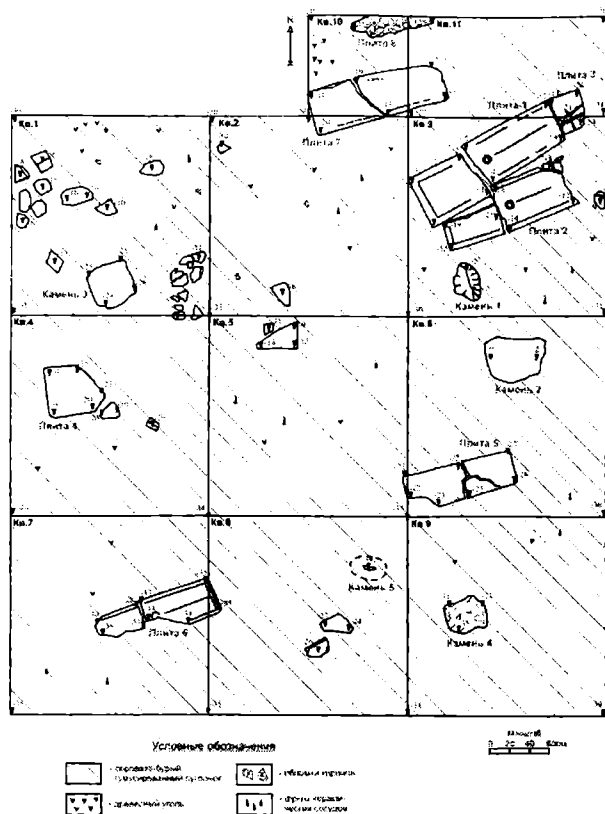

Рис. 8. Селище Чигасово 1. Произведения средневековой христианской металлопластики. Находки 2005 г.

дено несколько массивных литых крестов XIV—XVI вв., а также створка редкой иконки-энколпия XIV в.:

1. Створка иконки-энколпия (рис. 8, 2). Медный сплав, литье. Размеры 68 × 43 мм. Прямоугольной формы, с пятилопастным киотчатым завершением верхней части. На лицевой стороне — поясное изображение святителя Николая Чудотворца, вокруг помещены полулежащие фигурки семи отроков Эфесских. Рамка с надписью: НИКОЛА САВАТЬ ПРОВАТЬ ДИОНИСЬ ДИОМИДЪ. Оборот с закраинами, образующими неглубокий ковчезец. Оглавие и вторая створка утрачены.

2. Створка креста-энколпиона округлоконечного (рис. 8, б). Средокрестие в виде квадрифолия. Медный сплав, литье. Размеры 73 × 61 мм. На лицевой стороне — Распятие с Предстоящими, Спас Нерукотворный, архангелы Михаил и Гавриил, святитель Николай Чудотворец. Обрат гладкий, с закраинами, образующими неглубокий ковчезец. Оглавие отсутствует.

3. Створка креста-энколпиона округлоконечного (рис. 8, 5). Средокрестие в виде квадрифолия. Медный сплав, литье. Размеры 56 × 61 мм. На лицевой стороне — святой Федор Гераклий-

ский, избранные святые. Оборот гладкий, с за-
раинами, образующими неглубокий ковчезец.
Оглавие отсутствует. № 2 и № 3, скорее всего, со-
ставляли один крест-реликварий, который был
сломан в древности.

4. Створка креста-энколпиона с крестовидными окончаниями ветвей (рис. 8, 1). Медный сплав, литье. Размеры 85 × 64 мм. На лицевой стороне — в средокрестии Распятие Христово, в крестчатых медальонах — Богоматерь, апостол Иоанн Богослов, архангелы; оборот с закраинами, образующими неглубокий ковчег. Оглавление утрачено.

5. Створка креста-энколпиона округлоконечного с выступающими дугами в средокрестии (рис. 8, 9). Медный сплав, литье. Размеры 76 × 50 мм. На лицевой стороне — Распятие, Богоматерь, апостол Иоанн Богослов, архангелы; оборот с неглубоким ковчезцем. Оглавие утрачено.

6. Створка креста-энколпиона округлоконечного с выступающими дугами в средокрестии (рис. 8, 10). Медный сплав, литье. Размеры 72 × 48 мм. На лицевой стороне — Распятие, Богородица, Иоанн Богослов, архангелы; оборот с неглубоким ковчезцем. Оглавия нет. Аналогичен № 5, но качество литья хуже.

7. Крест наперсный двусторонний округлоконечный (рис. 8, 8). Медный сплав, литье. Размеры 77 × 52 мм. На лицевой стороне — Распятие, избранные святые; на обороте — Иоанн Богослов, избранные святые, архангелы. Оглавие неподвижное, с изображением Спаса Нерукотворного. Небольшой дефект литья на боковой (левой) ветви.

8. Крест наперсный двусторонний округлоконечный. Белый металл, литье. Размеры 57 × 55 мм. На лицевой стороне — Распятие, избранные святые, Троица Ветхозаветная; на обороте — Богоматерь Знамение, избранные святые, символы Евангелистов. Оглавие неподвижное, с изображением Спаса Нерукотворного. Нижняя ветвь обломана.

9. Крест наперсный двусторонний округлоконечный (рис. 8, 7). Медный сплав, литье. Размеры 72 × 50 мм. На лицевой стороне — Распятие, избранные святые, Троица Ветхозаветная, великомученик Никита, побивающий беса; на обороте — Богоматерь Знамение (в ромбе), избранные святые (без символов Евангелистов (!)). Оглавие неподвижное, с изображением Спаса Нерукотворного. Пластина тонкая. Разграничительные линии медальонов прямые.

10. Створка наперсного прямоконечного креста (рис. 8, 3). Медный сплав, литье. Размеры

Рис. 9. Надмогильные столбцы на северном кладбище. Середина XX в.
Фото А. Ополовникова

70 (83 с оглавием) × 43 мм. Передняя створка. На лицевой стороне — поясное изображение Христа, благословляющего жестом правой руки и держащего в левой руке Евангелие, Богоматерь, Иоанн Богослов, архангелы Михаил, Гавриил, апостолы Петр, Павел, святители Николай Чудотворец и Василий Великий. Оглавие подвижное, с изображением Спаса Нерукотворного. Имеется нижнее шарнирное соединение. Обрат гладкий, без закраин. Крест выделяется высоким качеством исполнения.

11. Створка креста наперсного округлоконечного (рис. 8, 4). Средокрестие в виде квадрифолия. Медный сплав, литье. Размеры 76 × 58 мм. На лицевой стороне — святой Федор Стратилат, избранные святые. Обрат гладкий, без ковчежца. Оглавие отсутствует. Многочисленные дефекты литья. Образцом для этого креста явился более ранний энколпион, аналогичный № 3.

12. Креста наперсного одностороннего фрагмент. Медный сплав, литье. Размеры 37 × 23 мм. Представлен обломком нижней лопасти с килевидным завершением. На лицевой стороне — святители Василий Великий, Николай Чудотворец и Леонтий Ростовский. Обрат гладкий, без закраин.

Обнаруженные нами предметы христианской металлопластики, вероятно, в свое время были сняты с отпеваемых в храме покойников. В гроб

с телом эти вещи не укладывались, а после погребения, скорее всего, оставались на могиле, либо подвязывались к деревянным кладбищенским крестам. Не исключено, что крупные литые крестики и иконки врезались в те же надмогильные кресты или сооружения типа столбцов-гольцов, которые хорошо известны по данным этнографии на Русском Севере (рис. 9). Последние представляют собой небольшие резные столбы с двускатной остроугольной кровелькой. «В каждый столбец с западной стороны врезана небольшая медная иконка из тех, что в XVIII и XIX вв. делали в выговских скитах и оттуда они расходились по всей России. Ниже иконы, на средней части столбца, вытесан пластичный орнамент. Его формы близки по своему характеру к резьбе столбов на крыльцах и галереях древних церквей» (Ополовников, 1989. С. 141).

Естественно, по истечении времени такие деревянные надмогильные сооружения ветшают, падают и гнивают, а врезанные металлические кресты и образки оказываются на земле. Здесь они могут быть случайно втоптаны в грязь, сломаны, наконец, могут попасть в засыпку новой могилы. Вероятно, именно таким образом на древних сельских кладбищах и скапливались произведения медного литья, которые нередко обнаруживаются при археологических исследованиях (Успенская, 1957. С. 117; Векслер, 1968.

Плиты и фрагменты плит

№ фр-та плиты	Квадрат раскопа	Толщина фр-та (мм)
1	1	80
2	1	78
3	2	75
4	1	85
5	4	75
6	1	77
7	8	115
8	8	90
9	2	50
10	5	90
11	2	82
12	3	95
13	3	85
14	2	60
15	6	82
16	7	90
17	6	50
18	1	80
19	6	88
20	1	100
21	4	105
22	5	75

С. 113; Черно́в, 2000). Есть все основания считать, что в XIV—XVI вв. могильные холмики с деревянными крестами и голбцами могли сосуществовать на одном кладбище с могилами, которые обозначались валунными надгробиями и белокаменными плитами. Так, в процессе исследования некрополя Введенского погоста, при зачистке северного борта раскопа, нами был зафиксирован тлен от деревянного столба диаметром около 13 см. (Алексеев, 2006. С. 12. Рис. 42). Возможно, это и есть основание одного из кладбищенских крестов.

Снятые с отпеваемых покойников предметы личного благочестия могли стать и частью содержимого церковной ризницы. Ризница (диаконник) — хранилище ладана, вина, священных сосудов, богослужебных одежд, книг и других ценных предметов. Здесь десятилетиями накапливались различные вещевые вклады прихожан — украшения, литые образки, цаты, кресты. Последние чаще всего подвешивались к особо чтимым иконам. Когда подвесов-прикладов набиралось слишком много, часть из них снималась и переносилась в диаконник. Сюда же, вероятно, попадали и кресты, принадлежавшие умершим. В последние годы нам удалось зафиксировать два случая, когда при исследовании сгоревших деревянных храмов были найдены

скопления оплавленных предметов христианской металлопластики. Причем как новых, так и уже бывших в использовании, в том числе со следами починок (Алексеев, 2004. С. 34).

Как в раскопе, так и при площадных сборах (главным образом на возвышении, где располагался Введенский храм) был обнаружен материал, относящийся к тому периоду, когда поселение уже прекратило свое существование, но селище продолжало посещаться жителями окрестных деревень. Нет сомнения, что место древнего Введенского погоста продолжало играть существенную роль в религиозной практике местных крестьян как почитаемый объект — деревенская святыня.

Священным объектом этого почитаемого места был поклонный крест, поставленный там, где располагался престол разрушенного храма, а позже — деревянная часовня с иконой Введения во храм Пресвятой Богородицы. Таким образом, ряд сделанных нами находок, безусловно, связан с многолетней традицией почитания изучаемого объекта. Так, в раскопе, в верхних слоях, было найдено несколько фрагментов лампадок, изготовленных из цветного стекла. Среди подъемного материала выделяются жестяные накладки арочной формы от киота иконы, а также бронзовый подсвечник, предназначенный для тонкой «грошовой» церковной свечи. Многочисленные монеты мелкого номинала чекана XVIII — начала XX в. и поздний медный крестик являются ничем иным, как «обетными» приношениями крестьян. Помимо артефактов XIV — начала XX в. здесь были обнаружены предметы новейшего времени (монеты советского периода, пивные пробки, гильзы от охотничьих патронов), которые отражают период десакрализации и забвения этого почитаемого места.

Археологические исследования на месте древнего Введенского монастыря позволили составить представление о бытовой и духовной культуре его насельников, определить время возникновения и расцвета обители, изучить монастырский некрополь.

Проведя сплошные разведки в окрестностях Введенского монастыря, удалось обнаружить ряд интереснейших селищ, которые образуют совершенно новый тип памятников. Это небольшие поселения, расположенные на водоразделе («на сухоходе»). Источниками водоснабжения для проживавшего здесь населения являлись пруды-копани и запруды, устроенные в ложбинах весеннего стока и балках. Встречены также древние запруды, сделанные на слабопо-

логических склонах холмов. Эти средневековые селища — остатки малодворных деревень, огромное количество которых возникало на полянах, расчищенных от леса. Именно такие небольшие деревни были довольно подробно охарактеризованы в приправочном списке с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. Разъезжая грамота 1504 г. донесла до нас их названия. Это деревня Сщитоносовская, селище Корконосовское, деревня Благовская, деревня Давыдовская и др. (ДДГ, 1950. С. 381). Кроме вышеописанной группы памятников, здесь было обследовано крупное поселение Горышкино 7, которое датируется XIII—XV вв. Этот объект, находящийся в верховьях безымянного лесного ручья, вероятно, следует идентифицировать с княжеским селом Домонтовским, впервые упомянутым в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты 1331 г. (ДДГ, 1950. С. 8).

Таким образом, проведенные нами исследования имели микрорегиональный характер. Мы

пришли к выводу, что работа по идентификации древней топонимической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 г. наиболее продуктивна лишь на небольших, отдельно взятых участках, которые должны быть детально проанализированы как в архивах, так и в полевых условиях. Подобная работа позволила нам локализовать не только древние села и деревни, дороги, урочища и угодья, но даже такие «точечные» объекты как деревянные храмы, плотины, пруды, отдельные межевые ямы и пр. (Алексеев, 2006). Все они были нанесены на подробную топографическую карту масштаба 1 : 25000, а их точные географические координаты фиксировались с помощью приборов спутниковой навигации (GPS-приемников). Полученная информация послужит исходной базой для дальнейших исследований в области церковной археологии региона, а также для разработки проектов зон охраны объектов культурного наследия в округе Звенигорода.

Литература

- Алексеев А.В., 2004. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья // Материалы VII—VIII Троицких чтений в Музее-заповеднике А.С. Пушкина. Б. Вяземы, 2004.
- Алексеев А.В., 2005. Голицынский клад (предварительное сообщение) // Ставрографический сборник. Кн. 3. Крест как личная святыня. М.
- Алексеев А.В., 2006. Отчет о разведках и раскопках в Одинцовском районе Московской области в 2005 г. // ОПИ ИА РАН.
- ДДГ. М. — Л., 1950.
- Векслер А.Г., 1968. Москва в Москве. М.
- Одинцовская земля. Энциклопедия сел и деревень Подмосковья. М., 1994.
- Ополовников А.В., 1989. Сокровища Русского Севера. М.
- Приправочный список с писцовых книг Звенигородского у. 1558—1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992.
- Прохоров Ф.П., Ягодинская Н.В. О строительстве придела святых Бориса и Глеба при Спасо-Преображенской церкви с. Большие Вяземы в 1810-е годы // Троицкие чтения 2003—2004 гг. Материалы VII—VIII Троицких чтений в Музее-заповеднике А.С. Пушкина. Б. Вяземы, 2004.
- Успенская А.В., 1957. Успенское городище // КСИИМК. Вып. 68.
- Хворостова Е.Л., 2002. Керамические покрытия полов XIV—XVII вв. (Москва и Московская область) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.
- Холмогоровы В. и Г., 1882. Исторические материалы о церквях и селах Московской епархии. Вып. 2. М.
- Чернов С.З., 1987. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта по материалам древнего Радонежского княжества. С. 14. М.
- Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII — сер. XV в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.
- Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997—1998 гг. // РА. № 1. М.
- Шереметев П.С., 1916. Вяземы. Ч. 1. Спб.

О времени основания Николо-Угрешского монастыря

Считается, что некоторые из монастырей Подмосковья были основаны в память о Куликовской битве. В частности, из «Жития Сергия Радонежского» выясняется, что вскоре после Мамаева побоища святителем был основан Дубенский Шавыкинский монастырь. Н.С. Борисов утверждает, что летом 1381 г. Сергий Радонежский по просьбе знаменитого участника Куликовской битвы воеводы Дмитрия Михайловича Боброка Волынского основал еще одну обитель — Рождества Богородицы, близ Коломны, на берегу Москвы-реки. По обиходному имени ктитора монастырь получил в народе название Бобренов (Борисов, 2002. С. 193–194). Однако исследования А.Б. Мазурова показали, что это не более чем легенда (Мазуров, 2001. С. 388–391).

Еще одной обителью, возникновение которой, как считается, связано с именем Сергия Радонежского, называют Николо-Угрешский монастырь, расположенный к юго-востоку от Москвы в городе, носящем ныне название Дзержинский. По мнению Н.С. Борисова, «есть основания думать, что Сергий был причастен и к устройству около 1381 г. Николо-Угрешского монастыря» (Борисов, 2002. С. 126)¹.

Предание об его основании сообщает, что когда Дмитрий Донской выступил против Мамаю, по дороге на Коломну, в 15 поприщах (верстах)² от Москвы ему явилась над деревом икона святителя и чудотворца Николая. Возвращаясь с Куликова поля той же дорогой, Дмитрий Иванович отслужил на этом месте благодарственный молебен и обещал основать монастырь. Позднейшее монастырское предание гласит, что явление образа произошло 9 августа и объясняет происхождение названия «Угреша» в духе народной этимологии — великий князь, вооду-

шевленный знамением, якобы воскликнул: «Сие угреша (т. е. согрело. — К.А.) сердце мое» («Угреша», 1897. С. 6–11).

Насколько достоверна эта легенда? В летописи Николо-Угрешский монастырь впервые упоминается лишь под 1497 г. в рассказе об отъезде из Москвы великой рязанской княгини Анны Васильевны (сестры Ивана III), которую провожали «до Угрешы» (ПСРЛ. Т. XII. С. 245). Однако косвенные свидетельства о существовании этой обители восходят к более раннему времени. Так, под 1491 г. сообщается, что митрополит Зосима поставил угрешского игумена Авраамия в коломенские епископы; а в 1493 г. в епископы сарские и подонские был хиротонисан бывший угрешский игумен старец Силуян (ПСРЛ. Т. XII. С. 227, 235). Наиболее раннее свидетельство подобного рода можно обнаружить в одном из сборников Троице-Сергиева монастыря (№ 746), составленном при игумене Зиновии (1432–1445). Известно, что писцы нередко оставляли на страницах рукописей различные пометки, самой примечательной из которых для нас является запись на обороте 336 листа, гласящая, что часть сборника «повелением господина Зиновия игумена Сергеева монастыря съписался грешным Ионою, игуменом угрешским». Б.М. Клосс по филиграням датирует его временем около 1438 г. (Клосс, 1998. С. 161). Таким образом, опираясь на этот источник, можно с уверенностью утверждать, что Николо-Угрешский монастырь существовал уже во второй четверти XV в.

Учитывая данное обстоятельство, несмотря на то, что в имеющихся в нашем распоряжении источниках факт возникновения Николо-Угрешского монастыря никак не отразился, большинство исследователей относят основание

¹ Этой же датой определяет время основания обители археологическая карта Московской области (АКР, 1994. С. 121. № 252).

² В литературе до сих пор встречается ошибка, что поприще являлось путевой мерой длины в полторы версты. Между тем, в средневековых источниках эти два термина употреблялись как синонимы. Например, в Воскресенской летописи под 1167 г. говорится о том, что жители Смоленска вышли встречать великого князя киевского Ростислава Мстиславича за 300 поприщ (ПСРЛ. Т. VII. С. 79), тогда как Ипатьевская летопись, рассказывая о том же событии, говорит о 300 верстах (ПСРЛ. Т. II. С. 94).

этой обители к 1380–1381 гг., хотя и с оговоркой — «по легенде».

Следующим логическим шагом историков Николо-Угрешской обители стала попытка связать начало монастыря с именем Сергия Радонежского: «Великая любовь и доверие Димитрия Иоанновича Донского к преподобному Сергию дают повод думать, что и Угрешская обитель была основана великим князем не без участия или советов святого мужа, а быть может и по указанию его избран был первый игумен ее» («Угреша», 1897. С. 12). Более того, возведенный в обители первоначально деревянный храм, замененный в XV в. каменным, некоторые из исследователей считают едва ли не первым памятником, посвященным победе на Куликовом поле. В подтверждение этого зачастую приводится икона святого Николая с клеймами из Николо-Угрешского монастыря, которую часть специалистов датирует 80-ми годами XIV в., а другие относят к первой половине XV в.

Попытку разобраться в этом вопросе предприняла З.П. Морозова, которой был проведен искусствоведческий анализ сохранившейся в фондах ГИМ прориси иконы «Явление Николы на древе князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой». Почитание святого Николая как защитника Руси от врагов ведет начало с XIII в. Именно к этому времени относится возникновение таких иконографических типов, как «Никола Зарайский» и «Никола Можайский». «Очевидно, в силу того, что первый русский иконографический извод оказался исторически связан с борьбой против монголо-татарских орд, и в последующее время к Николе стали обращаться за помощью против монголо-татарской опасности», — пишет З.П. Морозова, отмечая одну важную особенность: «... Со второй половины XVI в. все чаще фигурируют не местные типы Николы — «Зарайский», «Можайский», «Велико-рецкий», а «Святитель» и «Чудотворец» Никола. Объясняется это, вероятно, тем, что при создании митрополитом Макарием общерусского свода святых, святитель и чудотворец Никола занимает в нем одно из почетных мест, выступая радетелем за интересы всего Русского государства». В итоге автор приходит к заключению, что данная икона возникла лишь в XVII в., когда в контексте Смутного времени в иконописи по-новому осмыслились и воплощались образы героического прошлого, связанного с событиями Куликовской битвы (Морозова, 1983. С. 209–215).

Вывод З.П. Морозовой дает основания полагать, что и само предание о начале Николо-Угрешского монастыря является плодом поздней-

шего времени. Определенный интерес для выяснения этого вопроса представляет тот факт, что в составе троицкого сборника № 746, в работе над которым принимал участие угрешский игумен Иона, содержится «Житие» Сергия Радонежского, точнее его первая — пахомиевская редакция. Это обстоятельство позволяет предположить, что Иона был лично знаком с автором «Жития» Пахомием Логофетом. Очевидно и то, что Иона, будучи настоятелем Угрешского монастыря, должен был знать легенду о возникновении своей обители. Если бы оно так или иначе было бы связано с событиями Куликовской битвы, именами Дмитрия Донского или преподобного Сергия, Пахомий Логофет не преминул бы использовать данный факт в последующих редакциях своего труда. Однако этого мы не наблюдаем и в итоге приходим к выводу, что данная легенда была создана гораздо позже, а, следовательно, говорить о каком бы то ни было участии Сергия Радонежского в основании Николо-Угрешского монастыря не приходится. Именно так поступил А. Шамаро, полностью отрицающий достоверность легенды (Шамаро, 1980. С. 23–24).

Казалось бы, вопрос можно считать закрытым, однако нам остается неясным источник возникновения предания. В связи с этим напомним важный вывод историка древнерусской литературы И.П. Еремина: «Древнерусского автора, когда он брался за изображение жизни, заботила прежде всего достоверность изображаемого. И если он не всегда ее добивался, это обстоятельство свидетельствует только о временном нарушении принципа, а не об отказе от него; подчас ему изменяла память, иногда он сознательно умалчивал о фактах, когда это ему почему-либо было нужно, иногда тенденциозно искажал факты, когда это диктовалось ему теми или иными соображениями. Но он редко выдумывал факты, верный своей задаче достоверно описать то, что было» (Еремин, 1958. С. 77). Учитывая это, можно предположить, что в основе монастырского предания все же лежат реальные события.

Напомним, что, выйдя из города Москвы, Дмитрий Донской прошел до того места, где впоследствии возникла обитель, 15 поприщ, или верст. Действительно, по данным второй половины XIX в., Угрешский монастырь находился в 15 верстах от Покровской и Спасской застав. Однако за пять столетий, прошедших с XIV в., первопрестольная сильно раздвинула свои границы и в буквальном смысле приблизилась к монастырю. Чтобы определить, какое расстояние отделяло Москву от Николо-Угрешской

обители в XIV в., уточним, что под словом «город» тогда понимали московский кремль.

Обратившись к карте, нетрудно выяснить, что расстояние от Кремля до Николо-Угрешского монастыря по прямой линии составляет 20 км. Но и тогда и сейчас дороги редко проходили строго по прямой. Установить, как именно проходил путь из средневековой Москвы до Угреши, позволяет то, что первые цари династии Романовых довольно часто посещали обитель (обычно на «Николу Вешнего»). Судя по дворцовым разрядам XVII в., Михаил Федорович совершил девять паломничеств в монастырь, а его сын Алексей Михайлович бывал здесь тринадцать раз. Маршрут царских богомолий, как правило, проходил через село Гравороново («Дворцовые разряды», 1850. Стб. 509, 554, 680, 1012). Таким образом, расстояние от Кремля до Николо-Угрешской обители еще более возрастает.

Источники позволяют достаточно подробно проследить маршрут Дмитрия Донского. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», русские рати шли из Москвы тремя путями: «Князь же великий отпусти брата своего, князя Владимира, на Брашеву дорогою, а белозерские князи — Болвановскою дорогою, а самъ князь великий поиде на Котель дороною... Того бо ради разлучися князь великий з братом своим, яко не вместитися имъ единою дороною» («Сказания и повести о Куликовской битве», 1982. С. 33, 57, 85, 111).

Брашевская дорога, названная по имени коломенской волости Брашева, начиналась от юго-восточной оконечности города, шла мимо Николо-Угрешского монастыря и далее по левому берегу Москвы-реки до Боровского перевоза близ впадения Пахры в Москву-реку. Что касается Болвановской дороги, считается, что она начиналась от урочища Болвановье за Яузой, пролегалa мимо Андроникова монастыря и сходилась с Брашевской дорогой у Боровского перевоза. Третья дорога на Коломну шла от южной оконечности города до ручья Котел, впадавшего в Москву-реку, а потом раздваивалась — одна дорога — «Ордынская» — шла на Серпухов, вторая — «Рязанская» — поворачивала от Котлов на великокняжеское село Коломенское, где существовала переправа через Москву-реку и затем, левым берегом реки, шла до Боровского перевоза. Именно этой дорогой направлялся на Куликово поле великий князь Дмитрий.

Самым любопытным является то, что на этом пути ровно в 15 км от Кремля до сих пор расположен Николо-Перервинский монастырь. Совпадение фактического расстояния от Кремля

до обители с тем, которое указано в предании, позволяет заключить, что в основе легенды лежат реальные сведения — в предании спутаны два соседних одноименных монастыря: Николо-Угрешский и Николо-Перервинский.

Упоминание о Николо-Перервинской обители в сохранившихся источниках относится к довольно позднему времени. Согласно писцовой книге 1623 г. монастырь был небольшим: в нем имелись лишь игумен и два старца, и стояла деревянная церковь Николая Чудотворца. Судя по тому, что на момент описания за обителью числилась монастырская слободка, в которой значились семь бобылей, Николо-Перервинский монастырь существовал еще до Смутного времени. Монастырское предание, зафиксированное в XIX в., сообщает, что обитель была основана около времен Мамаева побоища, и первоначально именовалась «Николою Старым». Определение монастыря как «старого», по всей вероятности, было дано для отличия от ближайшей к нему одноименной Николо-Угрешской обители (Никифор, 1886; «Перерва», 2003).

Этот район неизменно подвергался разорению во время монголо-татарских набегов, и исторически сложилось так, что предание о начале Николо-Перервинского монастыря было перенесено на соседнюю обитель. Учитывая, что эта легенда донесла до нас точное указание расстояния от Кремля до Перервы по пути Дмитрия Донского на Куликово поле, мы можем говорить о том, что Николо-Перервинский монастырь действительно был основан вскоре после Куликовской битвы.

Что же касается Николо-Угрешской обители, то она возникла несколько позднее — судя по всему, лишь в первой половине XV в. (до 1438 г.). По этому поводу можно высказать ряд соображений. Известно, что Москва возникла на перекрестке торговых артерий, одной из них являлся речной путь по Москве-реке, по которой суда поднимались вверх от Коломны. В середине XIV в. главная московская пристань находилась в районе Крутиц. Об этом свидетельствует упоминание в завещании Ивана Красного и в первой духовной грамоте Дмитрия Донского церкви Богородицы на Крутицах, в пользу которой московские князья поступились четвертью «коломенской» тамги — торговой пошлины, собиравшейся с купцов по прибытии в город (ДДГ, 1950. № 4. С. 16, 19; № 8. С. 25). Однако с последней четверти XIV в. источники не фиксируют больше сведений о пристани в Крутицах. «Есть множество указаний, — отмечал С.Б. Веселовский, — что вторая половина XIV и почти

весь XV в. были временем наиболее интенсивного истребления лесов в средней полосе России» (Веселовский, 1969. С. 59). Все это не могло не привести к обмелению Москвы-реки и городскую пристань пришлось переносить ниже по течению. Известно, что «пристань города Москвы в XVI в. была на устье реки Угрешы, где нахо-

дился Николо-Угрешский монастырь. В мае 1546 г. Иван IV «от Николы с Угрешы пошел на Коломну в судех» («История Москвы», 1952. С. 154). Очевидно городская пристань возникла здесь уже в первой половине XV в. Именно с этим обстоятельством и следует связывать основание Николо-Угрешского монастыря.

Литература

- АКР. Московская область. М., 1994. Ч. 1.
 Борисов Н.С., 2002. Сергей Радонежский. М.
 Веселовский С.Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.
 Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1.
 ДДГ. М.—Л., 1950.
 Еремин И.П., 1958. О художественной специфике древнерусской литературы. // Русская литература. № 1.
 История Москвы. Т. I. М., 1952.
 Клосс Б.М., 1998. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М.
 Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.
 Морозова З.П., 1983. Прорись иконы «Явление Николы на древе князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой» // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.
 Никифор (иеромонах), 1886. Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря. М.
 Перерва. Николо-Перервинская обитель. [М.], 2003.
 ПСЛР. Т. II.
 ПСЛР. Т. VII.
 ПСРД. Т. XII.
 Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
 Угреша. Историческое описание Николаевского Угрешского общежительного монастыря. М., 1897.
 Шамаро А., 1980. Как устояла Русь // Наука и религия. № 8.

Водопровод и канализация Троице-Сергиева монастыря в XVI—XVIII веках

Вопрос о водоснабжении Троице-Сергиева монастыря неоднократно затрагивался исследователями. Авторы обращали внимание на присутствие кладезей на иконе XVII в. с изображением построек монастыря, о которых сообщалось и в монастырской описи 1641 года (рис. 1). Известно, что во время осады 1608–1610 гг. мо-

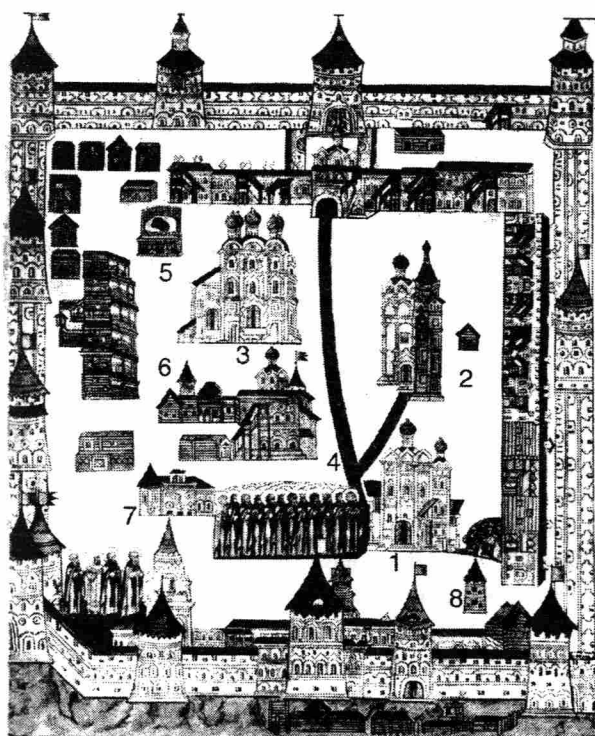

Рис. 1. Троице-Сергиев монастырь. Икона середины XVII в.

- 1 — Троицкий собор; 2 — Духовская церковь;
- 3 — Успенский собор; 4 — Трапезная палата;
- 5 — Царский сад с прудом; 6 — колодец и пруд;
- 7 — погреб; 8 — колодец.

настырь обеспечивался подземным водоводом, соединенным с Верховым (или Нагорным прудом), находившимся вне стен (на месте нынешнего Белого пруда)¹. Не очень понятно, что подразумевал Палицын, под «другой страной» — противоположную часть монастыря или же место за пределами обители противоположное Верхнему пруду. Практически воду на холме Маковец могли добывать либо из колодцев, прорытых до водоносного слоя, либо из прудов, наполняемых дождевой и талой водами, или с помощью водоводов, соединенных с внешними водоемами.

Архидиакон Павел Алеппский, сын Антиохийского патриарха Макария, сопровождавший его во время путешествия в Россию, писал, что «так как вне монастыря нет проточной воды для рыбы, то внутри его выкопали три больших пруда, наполняемых дождевой водой. В них водится много рыбы, которую ловят не только летом, но и зимой, когда пруды замерзают, разбивая в них лед, и вылавливают много рыбы — заметить, что может создать могущество царей!» (Павел Алеппский, 2005. С. 432).

В Путеводителе 1796 года сообщается: «Внутри Лавры на правой стороне ко входу от Святых ворот подле дворца, есть сад регулярный, сделанный из разных проспектов, обнесенный снаружи каменною стеною с балюстрадом и столбами. Оный сад разводил, так как и имеющийся по середине его пруд, копал бывший в Лавре настоятель архимандрит Тихон Писарев, от которого имени и показанный сад называется Писаревским» (Пономарев, 1796. С. 38) Таким образом, утверждается, что пруд вырыт в XVIII в. (рис. 2, 6).

¹ Авраамий Палицын сообщал, что «изменники дети боярские переславцы Петруша Ошушков, да Степанко Лешуков на обычной выласке... приложишися ко врагом божим», и дали совет, «как обитель Сергиеву приятии без крови», «рекоша: «раскопайте, панове, берег пруда Верхнего и преимите от труб воду; то убо от жажды вскоре людие изнемогут и неволю покорятся вашей храбрости.... Повелением Александра Лисовского розрыша плотину верхнего пруда и пустиша воду в Служень враг в речку Коншору». Однако молитвами Сергия вода из пруда вытекла не вся, а защитники ночью, сделали вылазку, перебили сторожей у верхнего пруда, «всем народом докопавшееся до труб, введенных в обитель чюдотворца и извертешее во многих местех; и абие вода прудовая во град утече... Воды же тоя нощи в монастыре пруды ископанные наполнишися, и чрез монастырь протече вода на другую страну» («Сказание Авраамия Палицына», 1955. С. 10–11).

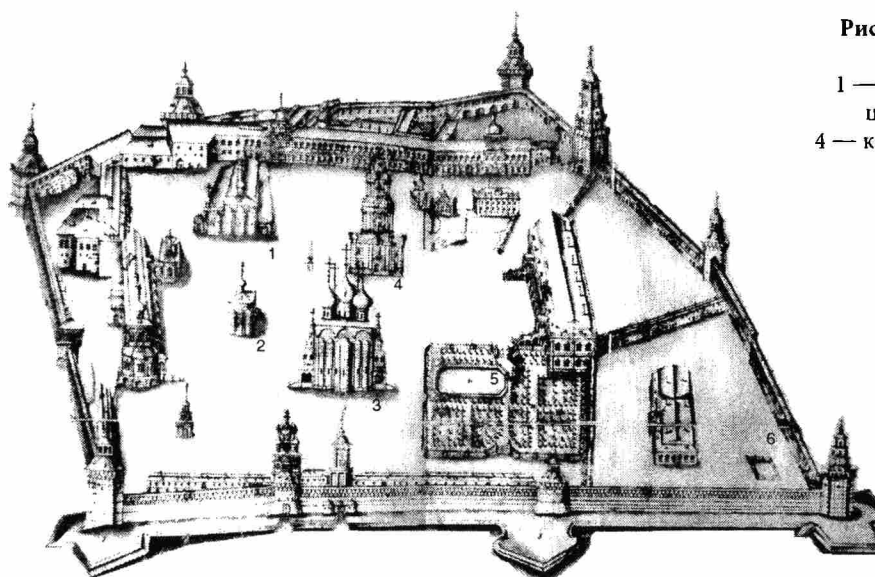

Рис. 2. Троице-Сергиев монастырь.

План 1745 г.

- 1 — Троицкий собор; 2 — Духовская церковь; 3 — Успенский собор;
4 — колокольня; 5 — Писаревский пруд;
6 — пруд

В путеводителе 1840 года читаем, что «между Красною (Уточьей) башнею и Святыми воротами, по мнению митрополита Филарета, должна быть водяная башня, название это получила она от водопроводных труб, кои сообщали чрез нее воду из нынешнего Белого пруда в малый пруд, бывший внутри под названием Писаревского, против келарских келий и засыпанный в 1815 г. (Н.С., 1840. С. 41).

Историк русской церкви Е.Е. Голубинский пишет, что «на монастыре было два пруда (кроме пруда в царском саду). Один пруд был позади житниц, между ними и братскими кельями, следовательно — на месте теперешней академической библиотеки («на монастыре ж пруд позади житниц, от пруда и от братских келий в угол и к Конюшенным воротам монастырской житницы», но в книге планов и фасадов 1745 года показан пруд, если только наш, а не позднее выкопанный, у северной стены монастыря близ Житничной башни) (рис. 2, б).

Другой пруд был у трапезы или у поварен; в этот последний пруд проведена была вода посредством каменной трубы из Верхнего пруда, который был за монастырем и который есть нынешний Белый пруд, находящийся за старой лаврской гостиницей («по левую сторону Красные башни, промеж башен же Сушильные и Житничные проведена из-за города из Верхнего пруда сквозь монастырь к хлебне и к поварне труба камня»)» (Голубинский, 1909. С. 238). Таким образом, вода поступала из-за стен по водоводу в пруд у поварен, который также указан на иконе середины XVII в. (рис. 1, б). Заметим, что пруд в царском саду на иконе вполне соответствует местоположению Писаревского пруда —

следовательно, архимандрит Писарев не копал, а, скорее всего, лишь благоустроивал указанный водоем. Однако В.И. Балдин считает, что вода поступала к поварне из-за стен монастыря (Балдин, 1968. С. 40).

Другой вид гидросооружений — колодцы. Холм Маковец, по данным гидрогеологии, — песчаный, покрытый слоем глины толщиной 1–2 м. Кое-где, в шурфах у построек, материком является песок. Песок местами водоносен — на территории монастыря есть ключи, где глина пробивается грунтовыми водами. Так в XVII в., подобный ключ забил у юго-восточного угла трапезной Успенского собора, и над ним была сооружена часовня (к настоящему времени ключ иссяк). В процессе исследования гидрогеологами грунтов у колокольни в 2000 г. были выявлены области водоносных слоев (на глубине 2 м, размерами приблизительно 5 × 5 м) в двух местах: с востока и с запада от колокольни. Эти наблюдения подтвердились, когда к западу от колокольни нами был заложен шурф 14 (2 × 4 м), в котором на глубине 2 м оказались водоносные слои, слои, относящиеся к поварне, и остатки выгребной ямы.

Павел Алеппский сообщает: «...Повели нас к удивительной монастырской цистерне: это очень глубокий колодец; при нем большое, широкое колесо, края которого обиты досками наподобие собачьих колес франков, употребляемых при жарении мяса; двое мужчин, войдя в него, переступают по его поперечным доскам подобно тому, как поднимается собака (в своем колесе), и оно быстро вертится. На колесе (намотаны) весьма толстые веревки, которыми вытягивается с одной стороны очень большая боч-

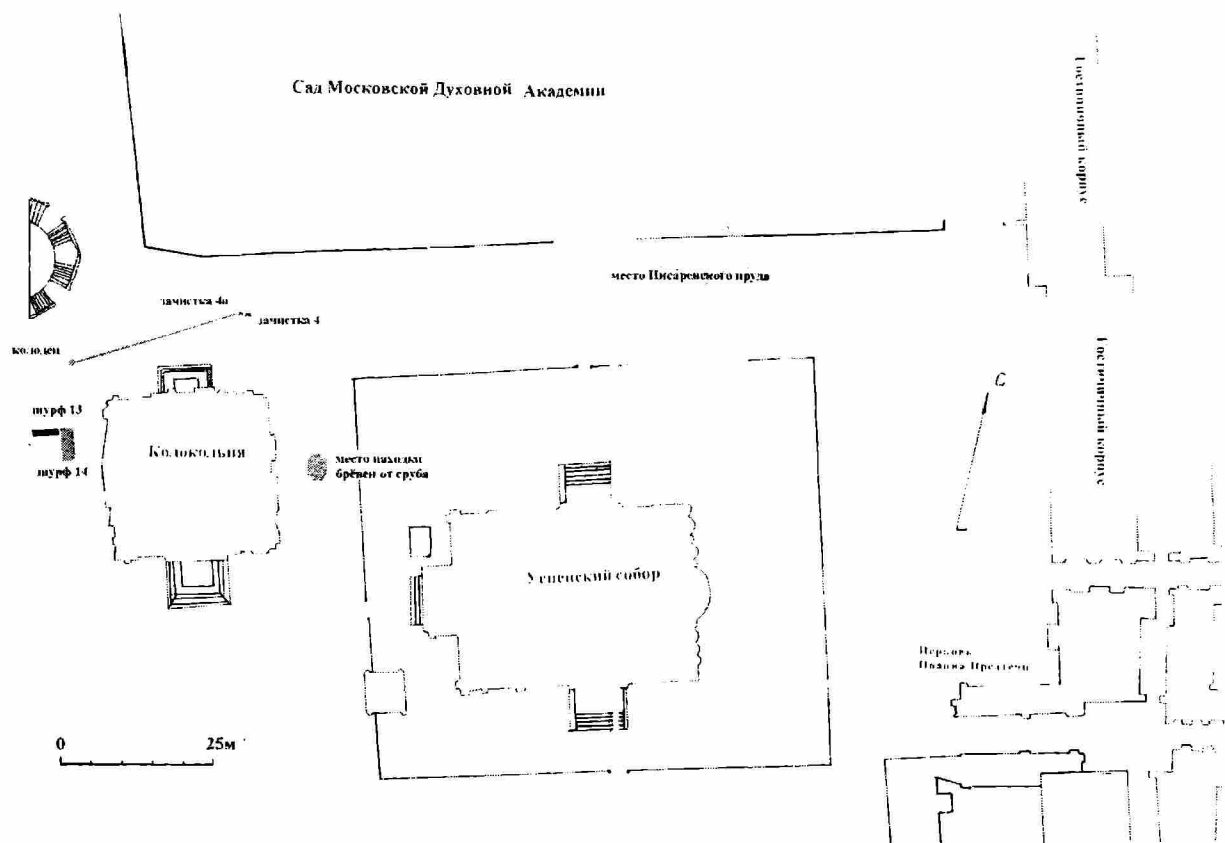

Рис. 3. Ситуационный план шурфов и зачисток 2000 и 2001 гг. на территории Троице-Сергиева монастыря

ка, по наполнении ее водой, заменяющая ведро. Двое других людей, опоражнивают ее в желоб, идущий к кухне, где варят мед, пиво и иные напитки» (Павел Алеппский, 2005. С. 432). Точное место не указано, но поскольку воду направляли к поварне, то это должно было быть выше по рельефу, то есть к востоку от нее (на иконе этот кладезь обозначен шатровой постройкой) (рис. 1, 6).

Е.Е. Голубинский писал, что в монастыре два колодезя, «один у поварен, другой — против архимаричих келий, над ним сруб брусной высок, верх шатром, покрыт тесом. Из того колодезя вода трубами проведена к погребом ... для медвенных ставок, как понадобится из того колодезя вода опричь медвенных ставок, и из колодезя меденою трубою поднимают воду вверх воротом, а труба стоит в колодези всквозь цепник большой из трубы льется вода в цепник» (Голубинский, 1909. С. 237, 238). Заметим, что это описание, взятое из Описи 1641 г., соответствует иконе XVII в. (рис. 1, 8). Вода из второго колодца поступала по трубам в погреба, расположенные в подвалах Пивной башни, к которой в некоторые периоды снаружи, с запада, примыкал целый Пивной двор с рядом строений.

Рис. 4. Троице-Сергиева Лавра. 2001 г. Дубовый колодезь

Рис. 5. Троице-Сергиева Лавра. 2001 г. Деревянная труба, оплетенная берестой, выходящая из колодезя

Рис. 6. Троице-Сергиева Лавра. 2001 г.
Строение дубового колодца с деревянной трубой

Новые материалы, полученные экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника, помогают уточнить исторические сведения. В 2000–

2001 гг. проводились исследования в северо-западной части монастыря, вокруг колокольни: к западу от нее — шурф 14 (2 × 4 м), к северу и востоку — зачистки и наблюдения при снятии культурного слоя (рис. 3). При углублении теплотрассы и канализации к западу от северо-западного угла крыльца колокольни грунт был выбран до материка — серой глины. В нижней части культурного слоя (темно-коричневый суглинок с примесью щепы) встречаются остатки деревянных свай и лежащих горизонтально бревен. У северного края прорытой с запада на восток траншеи были обнаружены деревянные стенки, при дальнейшей расчистке оказавшиеся верхом деревянного колодца, выдолбленного из целой дубовой колоды 0,65–1 м в поперечнике (Вишневский, 2000. С. 82–84). Колодец был врыт на 0,8 м в материк. Располагался он в 7,2 м к северо-западу от северо-западного угла колокольни и в 11 м к югу от южного крыльца Смоленской церкви. Глубина колодца от уровня площадки западного крыльца Смоленской церкви — 4,1 м; от уровня дневной поверхности — 3,95 м. Когда колодец был извлечен, выяснилось, что его высота составляет 1,8 м, верхняя часть частично сгнила, а в нижнюю, ровно отпиленную, как в бочку, по внутреннему пазу, вставлено дощатое дно из трех досок (шириной 25 см, 7 см и 21 см, толщиной — 3,5 см), центральная из ко-

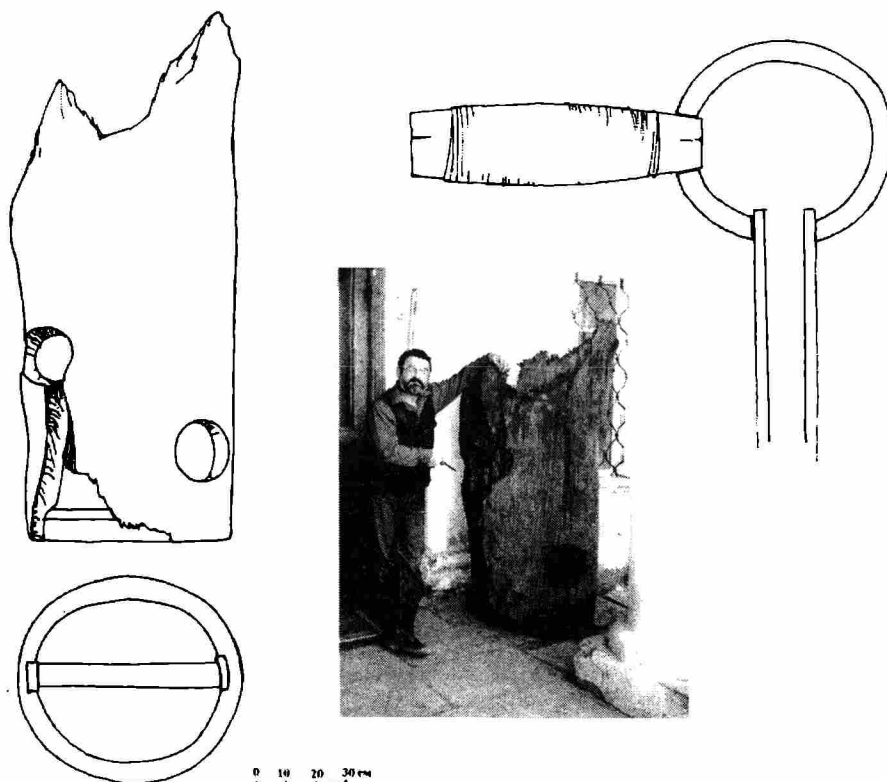

Рис. 7. Троице-Сергиева Лавра. 2001 г. Деревянная труба, входившая в дубовый колодец. Вид с запада

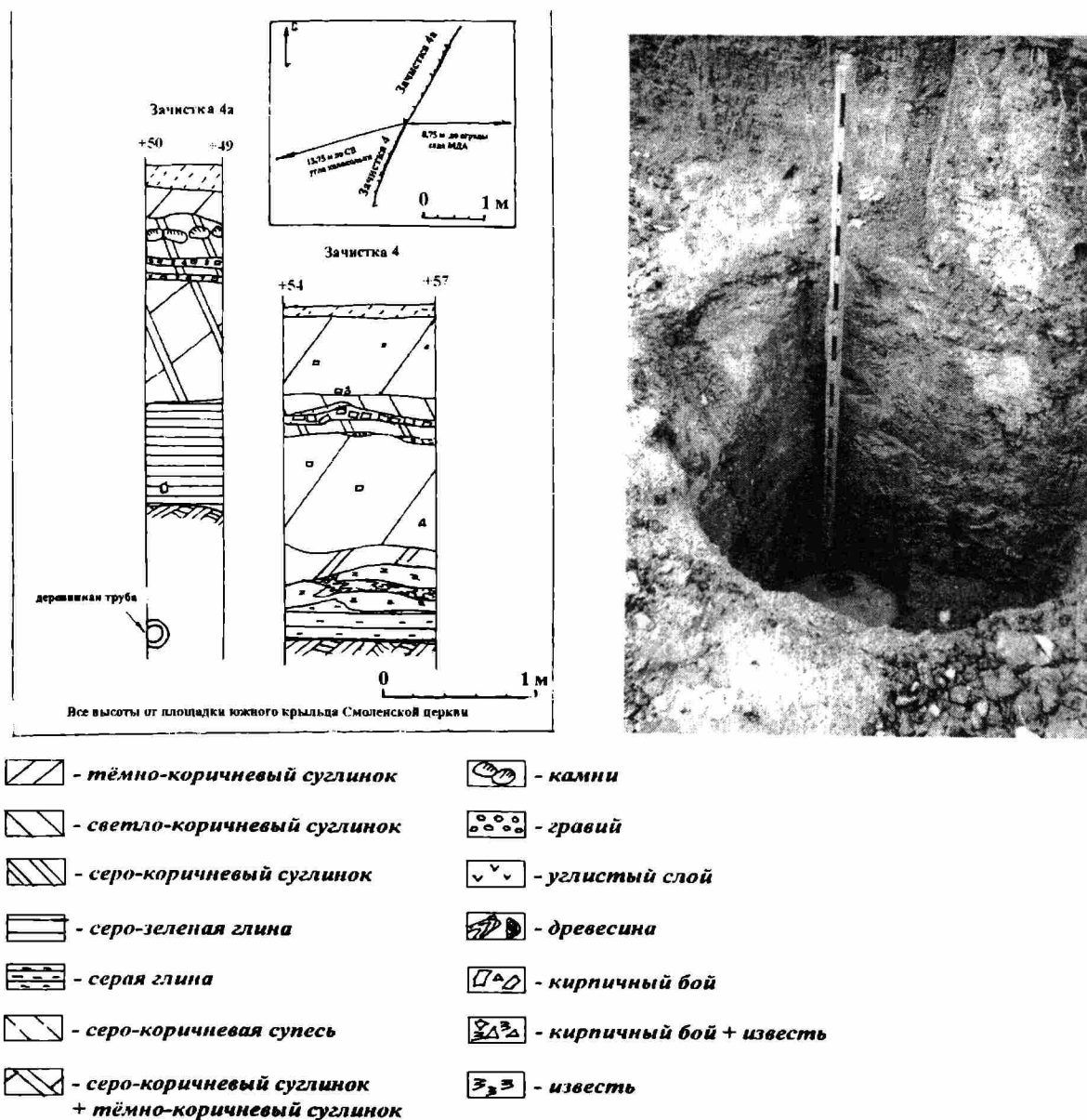

Рис. 8. Троице-Сергиева Лавра. 2001 г. Зачистки 4 и 4а. Профили. Вид с юга

торых запиралась двумя клиньями-шипами (шириной 11 см, толщиной 2,5 см). Толщина стенок дна — 6,5 см. Вверху колодец расширяется, а книзу сужается и имеет в поперечнике 70–76 см (рис. 4–7). Кроме того, в стенках нижней части колодца были обнаружены два ровных круглых отверстия диаметром 21 см (рис. 6) (отметим, что размер древнерусской пяди составлял 19–23 см (Рыбаков, 1949. С. 43)). Нижнее из них, находящееся в 20 см от дна, ориентировано на восток-северо-восток (азимут 15°). В него была вставлена деревянная труба, оплетенная берестой и уходящая от колодца не менее чем на 20 м (эта труба обнаружена в зачистке 4а, на глубине 3 м от современной дневной поверхности) (рис. 7). Второе отверстие, просверлен-

ное под углом 90° к первому, располагалось на расстоянии 53 см от дна колодца и было ориентировано на юго-юго-восток (азимут 110°). В это верхнее отверстие была вставлена деревянная труба длиной 98 см и диаметром на концах — 21 см, в середине — 26 см. Труба собрана из двух дубовых полуплаха, выдолбленных изнутри, а снаружи плотно оплетенных берестяными лентами шириной 2 см. Длина двух изученных лент — 1,6 м и 2,4 м; это означает, что они снимались со ствола спиралью (рис. 5, 6). С одного конца трубы под ленты уложены были три берестяных лоскута: 1) 14 × 23 см; 2) 9 × 18 см; 3) 12 × 26 см. С другого конца труба забита плотной пробкой из обрубка дерева (не дуба!) диаметром 16 см и толщиной 10 см. В колодец,

заглубленный в насыщенный влагой материк, вода поступала из пруда, расположенного к северо-западу от Царских покоев, который назывался в XVIII в. Писаревским (рис. 2, 5).

В заполнении долбленного дубового колодца (кроме щепы, веток) были обнаружены кости рыб (в основном осетровых) — 46 фрагментов и обломки керамики XVI—XVII вв.: белоглиняной гладкой (1 экз.), красноглиняной гладкой (24 экз.), чернolощеной (5 экз.) и мореной (2 экз.), обломки мореной плитки и “красного” рельефного изразца начала XVII в. Можно предположить, что это заполнение относится к периоду, когда колодец прекратил функционировать, то есть к концу XVII—XVIII вв. А.В. Арциховский считал, что деревянные трубы, собранные из двух желобов, являются водопроводными (Арциховский, 1950. С. 6, 7). По мнению А.Ф. Медведева, конструкция деревянных труб, состоящих из двух половин (а он считал их дренажными или водоотводными — Медведев, 1949. С. 63–66), в московских землях свидетельствует о довольно ранней датировке — XV в. (Медведев, 1949. С. 72).

В северной стенке котлована, образовавшегося при снятии грунта к западу от колокольни, было сделано две зачистки — 4 и 4а (рис. 3)

Зачистка 4 длиной 1 м располагалась между оградой сада МДА и колокольной, в 13,75 м от северо-восточного угла колокольни и в 8,75 м к югу от ограды МДА (рис. 3, 8) Зачистка вскрыла культурный слой мощностью 2,15 м следующей стратиграфии: асфальт, мощностью 0,15–0,2 м; темно-коричневый суглинок с включениями мелкого кирпичного боя, мощностью 0,45 м; светло-коричневый суглинок, мощностью 0,1–0,15 м; прослойка кирпичного боя толщиной 0,1 м; серо-коричневый суглинок, мощностью 0,1 см; темно-коричневый суглинок с включениями кирпичного боя, мощностью 1,1–1,15 м; коричневый суглинок, мощностью 0,1–0,25 м; слой щепы, мощностью 0,1–0,3 м, в которой отмечены горизонтально лежащие плахи, толщиной 5–7 см; серая глина, мощностью 0,2 м; материк (серо-зеленая глина).

Зачистка 4а длиной 0,5 м была сделана на северной стенке котлована, в 1 м к востоку-северо-востоку от зачистки 4 (рис. 3, 8). Зачистка вскрыла культурный слой мощностью 2,2 м следующей стратиграфии: асфальт, мощностью 0,15–0,2 м; темно-коричневый суглинок с включениями мелкого кирпичного боя, мощностью 0,2 м; серо-коричневый суглинок, мощностью 0,3 м, с вымосткой из булыжников; прослойка мелкого кирпичного боя с известью, толщиной

0,08 м; прослойка серо-коричневого суглинка, толщиной 0,005 м; прослойка мелкого кирпичного боя с углистыми включениями, толщиной 0,05 м; серо-коричневый суглинок, мощностью 0,8 м; рыже-коричневая глина, мощностью 0,65–0,7 м с отдельными включениями кирпичного боя; материк (серо-зеленая глина), в котором, на глубине 0,9 м от поверхности материка и на глубине 3 м от дневной поверхности, была вскрыта деревянная дубовая труба диаметром 0,2 м, идущая от колодца, обнаруженного близ северо-западного угла колокольни, в 28 м к западу-северо-западу от него.

К востоку от колокольни залегает перемешанный культурный слой, с прослойками угля, извести, светлого песка, примесью кирпичного боя, камней, кусков белого камня. Материк — серо-зеленая глина, из которой на глубине 2,5 м от дневной поверхности выступает грунтовая вода.

Между зачисткой 2 и восточным фасадом колокольни (в 7 м к западу от него), на глубине 2,5 м от дневной поверхности, во влажной материковой глине были найдены шесть хорошо сохранившихся дубовых бревен (Вишневский, 2001. С. 35).

Бревна от сруба, найденные близ колокольни, у зачистки 2, диаметром 18–22 см и длиной: три бревна — 2,5 м, одно — 1,78 м, одно — 1,84 м, одно — 3,2 м. Бревна имеют пазы от рубки «в обло» с одного из концов (глубина — 10 см, в одном случае — 17 см; угол — 135°, длина торчащих концов сруба — 25–30 см), другие концы бревен обрублены под таким же углом (рис. 9). Смоделировав соединение бревен в один венец, мы получили восьмерик со сторонами 3,5 × 5,5 м (рис. 10). Очевидно, бревна — остатки сруба-восьмерика. Здесь же были найдены древесная щепка и шесть больших (30 × 30 см) доскутов бересты, сложенных стопой. Таким образом, мож-

Рис. 9. Троице-Сергиева Лавра. 2001 г.
Дубовые бревна от сруба-восьмерика

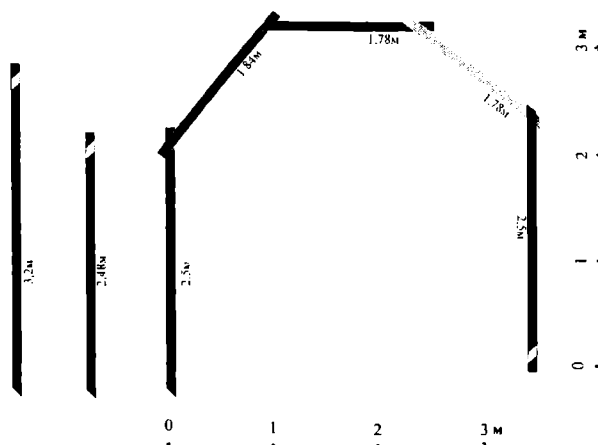

Рис. 10. Троице-Сергиева Лавра. 2001 г.
Реконструкция сруба — шестерика

но сопоставить три факта: место, где на иконе-плане монастыря указан кладезь с оформлением в виде срубной башни и шатром-крышей, наличие в этом месте до сего дня водоносного горизонта и находка здесь же венца сруба-восьмерика. В качестве предположения представляется допустимым связать эти находки с остатками колодца рядом с трапезной палатой (рис. 1, 3).

Троице-Сергиева Лавра. 2000 г. Шурф 14.
Статистика находок керамики и костей

Пласты	9	10	11	13	14	Всего
Кости животных	2	—	2	—	3	7
Кости рыб	112	—	1	9	7	129
Фр-ты керамики (всего), в т. ч.:	52	6	49	32	29	168
— красноглиняная грубая	5	2	33	6	—	46
— красноглиняная гладкая	7	2	10	10	15	44
— красноглиняная ангобированная	2	—	—	1	—	3
— краснолощенная	—	1	4	—	—	5
— белоглиняная грубая	33	—	1	10	3	47
— белоглиняная гладкая	—	—	—	—	2	2
— чернолощенная	1	1	—	5	9	16
— мореная	4	—	1	—	—	5

В 2000 г. в шурфе 14 (2 × 4 м), к западу от колокольни (рис. 3), при зачистке 9 пласта (1,6–1,8 м) был зафиксирован слой серой глины с остатками деревянных конструкций: в центре шурфа вскрыта полоса влажной щепы шириной от 5 до 10 см, которая оконтуривала квадрат размером 0,9 × 0,9 м. Вдоль западной, южной и северной

сторон квадрата лежали бревна длиной 60 см, 25 см и 1,25 м. Под последним бревном, уходившим в стенку, перпендикулярно ему, лежали, одна под другой, деревянные плахи шириной 20 см и 10 см (рис. 11). Встречены фрагменты керамики и фрагмент полихромного поливного изразца.

Зачистка 10 пласта продолжила расчистку квадратной конструкции (0,9 × 0,9 м) из лежащих бревен. Найдены фрагменты керамики: краснолощенного кувшина, красноглиняной грубой, в том числе с орнаментом «косая волна» по венчику.

При зачистке 11 пласта продолжала прослеживаться квадратная конструкция размером 0,7 × 0,7 м, (аршин XVI—XVII вв. равен 0,71—0,72 м — Рыбаков, 1949. С. 48), закрытая с трех сторон стенками из плотно пригнанных друг к другу вертикально воткнутых кольев четырехугольного сечения. С западной стороны к конструкции примыкают деревянные бревна, лежащие вплотную друг к другу. У северо-западного угла конструкции зафиксирован стоящий вертикально столб диаметром 18 см (рис. 12). Найдены фрагменты керамики: красноглиняной грубой (в том числе с орнаментом «косая волна» по венчику), красноглиняной гладкой (в том числе фрагмент красноглиняного гладкого горшка с обвязкой лентой бересты по венчику).

При зачистке 12 пласта продолжалась расчистка квадратной конструкции, закрытой с трех сторон стенками из плотно пригнанных друг к другу вертикально воткнутых кольев. Внутри конструкции, вдоль северной и южной стенок фиксировались чуть изогнутые полосы древесного тлена шириной 4–5 см. У северо-западного угла конструкции — стоящий вертикально столб диаметром 18 см. С западной стороны — лежащая вплотную к ней деревянная плаха длиной 1 м и шириной 20 см. Внутри — рыхлый слой влажной щепы и древесного тлена. Рядом с конструкцией воткнута вертикально доска толщиной 4 см (рис. 12).

При зачистке 13 пласта с западной стороны конструкции расчищены две лежащие вплотную к ней и друг к другу деревянные плахи длиной 0,8 м и шириной 10 см и 12 см. Внутри конструкции — рыхлый слой влажной щепы и древесного тлена (рис. 13). Найдены фрагменты керамики: красноглиняной грубой ангобированной и гладкой, белоглиняной грубой, а также кости рыб и животных.

При зачистке 14 пласта в слое светло-серой глины с западной стороны конструкции расчищена лежащая вплотную к ней деревянная пла-

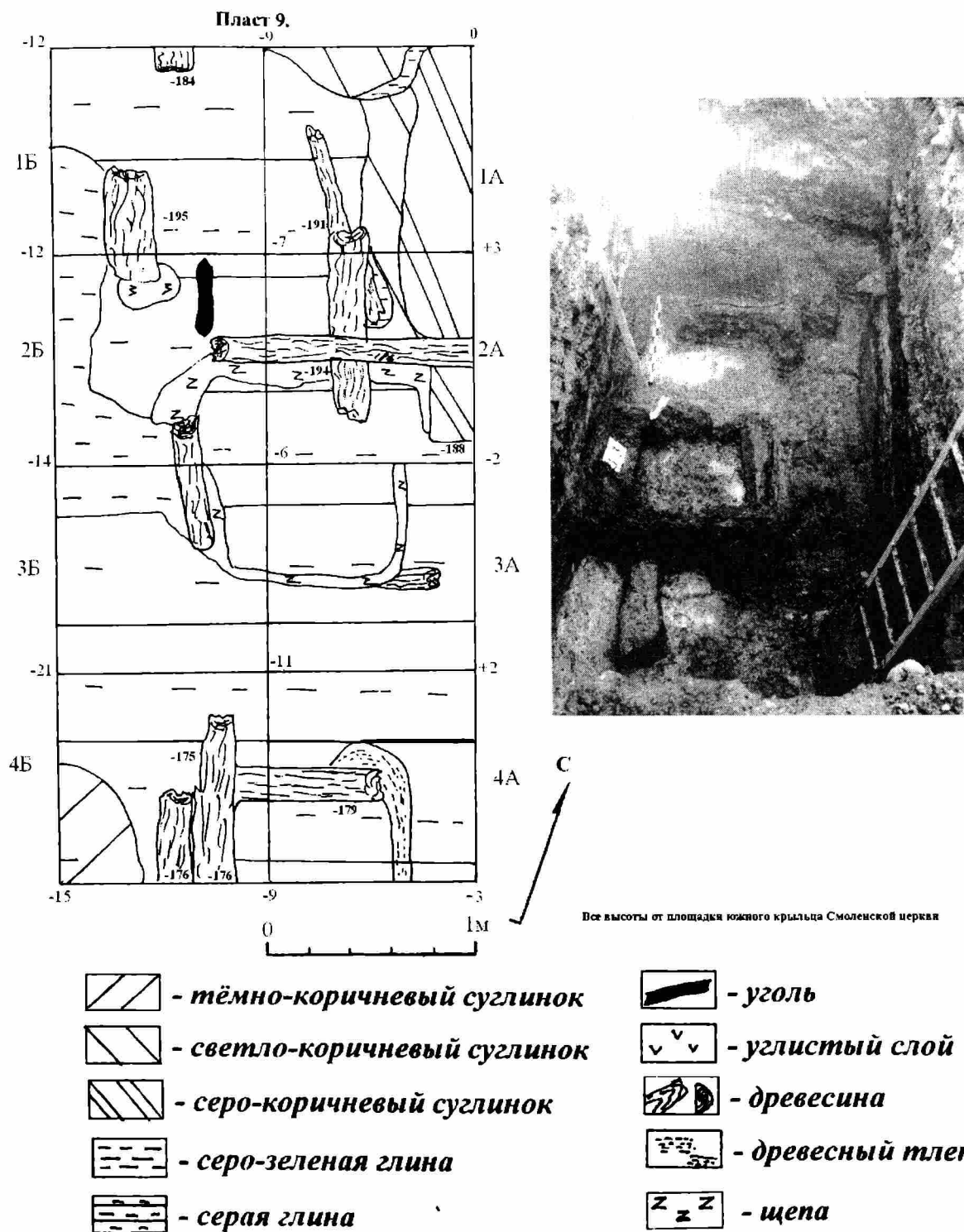

Рис. 11. Троице-Сергиева Лавра. 2000 г. Шурф 14. План 9 пласта. Зачистка 9 пласта.
Деревянная выгребная яма. Вид с севера

ха длиной 0,5 м и шириной 13 см. Внутри конструкции — рыхлый слой влажной щепы и древесного тлена. В слое — фрагменты костей рыб и животных, фрагменты керамики: красноглиняной, белоглиняной и чернолощеной.

Зачистка материка открыла ровный слой серо-зеленой глины. Разборка квадратной конструкции из плотно пригнанных друг к другу вертикально воткнутых кольев показала, что ямки, оставленные ими, разной формы и глуби-

ны — в зависимости от формы кола: круглые (4), четырехугольные (8), квадратные (2), округлые (3), сегментовидные (2). Глубина в материке — от 12 до 24 см. Длина кольев — 0,9–1,2 м (Вишневский, 2000. С. 45–57).

В восточном профиле шурфа фиксировалась светло-серая влажная глина мощностью 1,2–1,6 м, лежащая непосредственно на материке. В этот слой впущены: с глубины 2 метров от дневной поверхности, яма шириной 1 м, и глубиной 1,2 м с заполнением влажной светло-коричне-

вой глиной, нижние 40 см — влажная серая глина (Вишневский, Цепкин, 2005. С. 102. Рис. 2).

Судя по конструкции (сильно заглублена в водоносный слой, одна сторона разборная из горизонтальных плах) и заполнению (тлен, растительная органика), нами исследована выгребная яма.

Таким образом, археологическое подтверждение находят два факта:

1) наличие колодца (о котором сообщают Опись 1641 г. и икона) в районе бывшей повар-

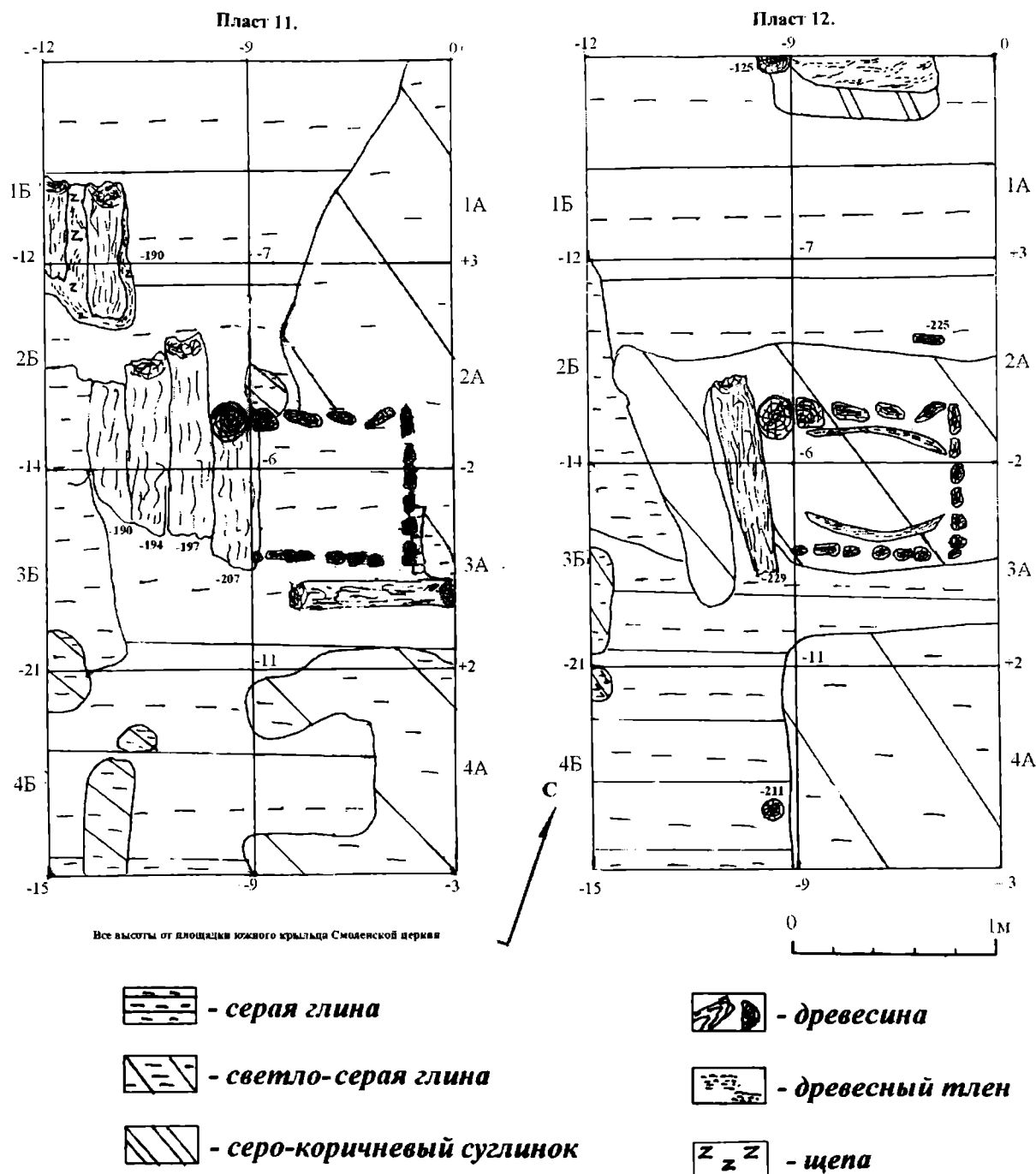

Рис. 12. Троице-Сергиева Лавра. 2000 г. Шурф 14. Планы 11 и 12 пластов. Деревянная выгребная яма

ни-трапезной (нынешней колокольни) подтверждаются находкой остатков сруба-восьмерика в водоносном слое;

2) существование водовода к поварне (правда, неясно откуда — от Писаревского пруда (а пруд в этом месте изображен уже на иконе середины XVII в.), или от Нагорного пруда, из-за стен монастыря. Отметим, что труба водовода деревянная, а не каменная.

Главный вопрос — назначение трубопровода: водопровод или канализация (дренаж). В последнем случае труба могла просто отводить воду от ключа (родника), чтобы не заболачивалось место. Но с большей вероятностью отнести эту трубу к водопроводу позволяют следующие аргументы: 1) именно такие, оплетенные берестой

трубы служили водопроводами (Арциховский, 1950. С. 6–7); 2) труба ведет в район поварни, где нужна была питьевая вода; 3) далее, за пределы монастыря, эта труба не идет (при этом назначение патрубка, запечатанного пробкой, так и остается неясным); 4) найденная нами дубовая колода, скорее всего, могла быть действительно колодезем, поскольку у дренажных колодцев-бочек обычно не было дна, и этот колодец мог быть гораздо глубже, чем 1,8 м (верхняя часть могла сгнить).

Выгребная яма в монастыре встречена впервые — примечательно ее сопряжение с выходом водоносного слоя (так, нужник XVII в. до сих пор функционирует на стене кремля Ростова Великого).

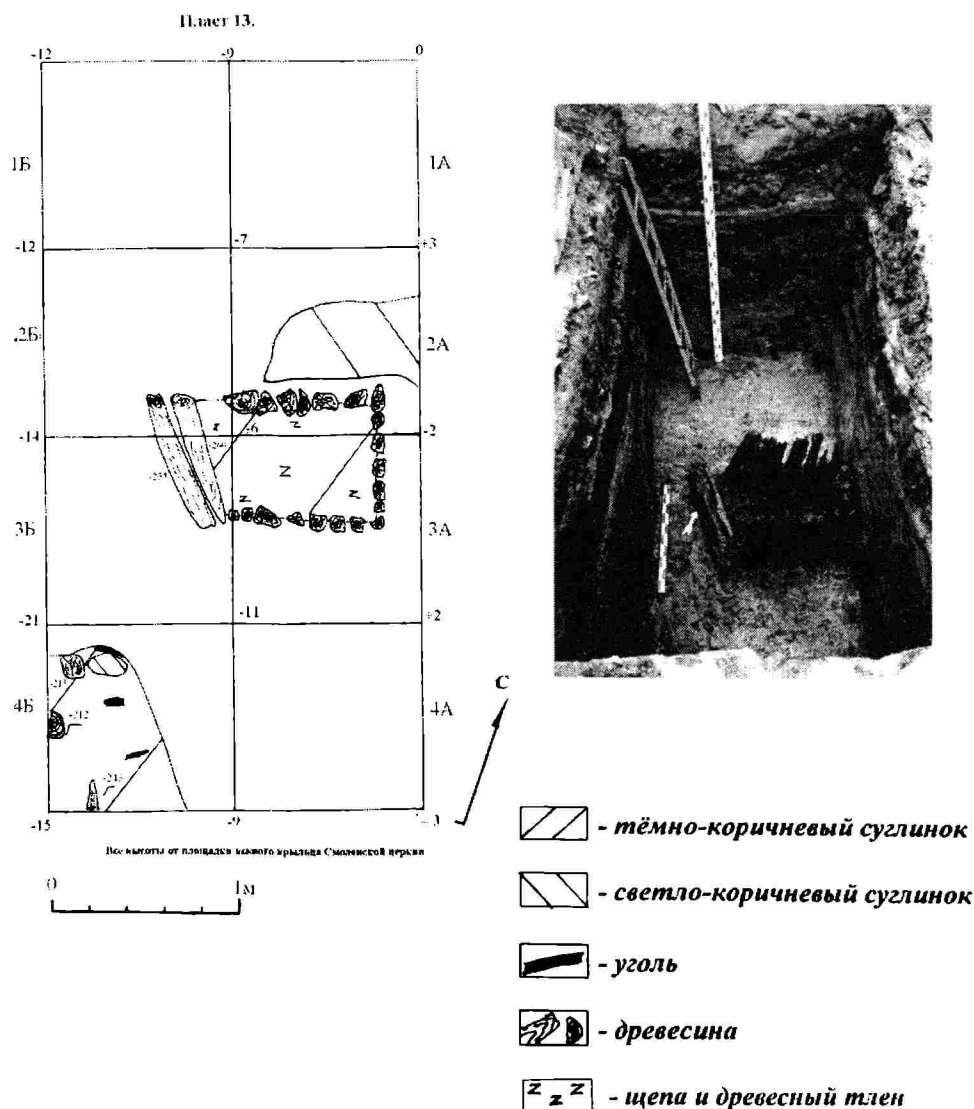

Рис. 13. Троице-Сергиева Лавра. 2000 г. Шурф 14. План 13 пласта. Зачистка 13 пласта. Деревянная выгребная яма. Вид с юга

Литература

- Арциховский А.В., 1950. Раскопки в Новгороде // КСИИМК. Вып. XXXIII.
- Балдин В.И., 1968. Архитектура // Троице-Сергиева Лавра. Художественные памятники. М.
- Вишневский В.И., 2000. Отчет об археологических охран-ных раскопках на территории Троице-Сергиевой Лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2000 году // Архив СПГИХМЗ. Инв. № НА-1519.
- Вишневский В.И., 2001. Отчет об археологических охран-ных раскопках на территории Троице-Сергиевой Лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2001 году // Архив СПГИХМЗ. Инв. № НА-1562.
- Вишневский В.И., Цепкин Е.А., 2005. Рыбная ловля и рыб-ный стол в Троице-Сергиевом монастыре // АП. Вып. 2. М.
- Голубинский Е.Е., 1909. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М.
- Медведев А.Ф., 1949. Водоотводные сооружения Древнего Новгорода // КСИИИМК. Вып. XXXII.
- Н.С., 1840. Путевые заметки о Троицкой Лавре, содержа-щие в себе обзор достопримечательностей Троицкой дороги, Лавры и Вифании. М.
- Павел Алеппский, 2005. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппс-ким. М.
- Пономарев, 1796. Краткое историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры с приложением знатных происшествий, случившихся с оной. М.
- Рыбаков Б.А., 1949. Русские системы мер длины XI—XV вв. (Из истории народных знаний) // СЭ. № 1. М.
- Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955.

Изразцы царского путевого дворца в селе Слотино

В ноябре 1996 г. в Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (СПГИХМЗ) поступила коллекция изразцов из села Слотино. Коллекция была передана московским искусствоведом Виктором Михайловичем Сорокатым. В Слотино у него находится наследственный дом, где на протяжении 1970—1990-х годов его семьей была собрана коллекция изразцов, оставшихся от печей путевого царского дворца. Слотино расположено в 100 км от Москвы, в южной части Сергиево-Посадского района, между реками Молокчей и Карповкой. В 1451 г. село упоминается в духовной грамоте великой княгини Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия Дмитриевича (ДДГ, 1950. С. 178)¹. Добавим, что через Слотино проходила дорога, ведущая в Александровскую слободу.

Одним из источников, в котором упоминается село Слотино с находившимся там путевым дворцом, является книга «Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 годы)». В ней мы находим следующее:

— «1676 ноября 29. Царь Федор Алексеевич из Александровской слободы пришел в село к столовому кушанию. А после него пошел в Троице-Сергиев монастырь» («Выходы...», 1844. С. 600);

— «1677 сентября 20. Был стан царю Федору Алексеевичу на пути из села — Воздвиженского в Александрову слободу» («Выходы...», 1844. С. 646);

— «1679 сентября 12. В нем был стан царя Федора Алексеевича на пути из Воздвиженского в Александрову слободу» («Выходы...», 1844. С. 676)».

Таким образом, в XVII в., по крайней мере, трижды село посещал царь Федор Алексеевич.

Переданная коллекция насчитывает 1850 изразцов (целые и фрагменты), относящиеся к двум

видам: 1) зеленые (муравленные) — 350 фрагментов; 2) многоцветные (полихромные, ценинные) — 1500 фрагментов, из них 7 целых изразцов². Изразцы были собраны на поле, где некогда размещались постройки царского дворца. Позднее на этом месте находился скотный двор и вырыты силосные ямы, существующие поныне. В результате постоянной распашки изразцы сохранились в виде мелких фрагментов с плохо сохранившимися эмалями.

Единственным документом, сообщающим об изразцах царского путевого дворца, является текст указа в расходной книге Казенного приказа Оружейной палаты, написанный от имени царей Петра и Ивана Алексеевичей. Документ был опубликован И.Е. Забелиным в «Историческом обозрении финифтяного и ценинного дела в России» в 1853 г.

«192 г. (1684 г) июля в 27 день, по выписке за пометою дьяка Михаила Волкова велено купить Переславского уезду Залесского в дворцовую Александрову слободу на починку в государевых хоромех и в Дворцовом приказе 20 ценинных печей образцов 330 круглых и плоских, 24 наугольника свислых, 71 перемышку, 14 образцов свислых, 14 исподников, 20 ног, 72 городка ценинных; 600 образцов, 50 перемышчек, 12 валиков, 20 наугольников, 100 ног зеленых. 50 гнезд связей кованых, долгие по 3 аршина, короткие по 2 аршина.

В село Слотино 17 печей, 120 образцов, 20 ног ценинных, 50 гнезд связей кованых, 5 фунтов проволоки, 200 крючков, 10 фунтов сурику» (Забелин, 1853. С. 328).

Как сказано в указе, для ремонта 17 печей потребовалось 120 изразцов и 20 ног.

Зеленые (муравленные) изразцы

От печей царского путевого дворца сохранилось 350 фрагментов³ зеленых от разных частей

¹ Более подробно об истории села Слотино написано в статьях Н.В. Сорокато (1992; 1996).

² Выражаю искреннюю благодарность С.И. Барановой (музей-заповедник «Коломенское») за консультации и помощь в работе.

³ Сюда же входят 30 фрагментов ног и 20 фрагментов плитки.

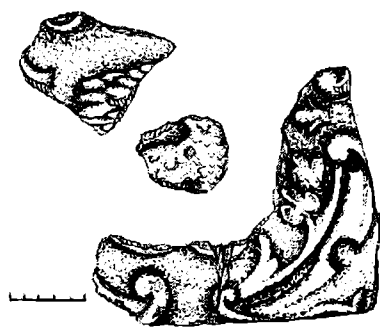

Рис. 1. Фрагменты зеленых изразцов с птицей, клюющей ягоду

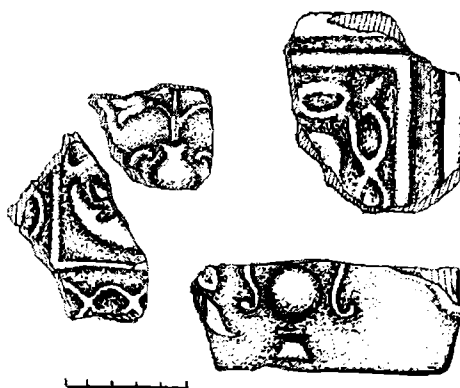

Рис. 2. Фрагменты зеленых рамочных изразцов с вазой

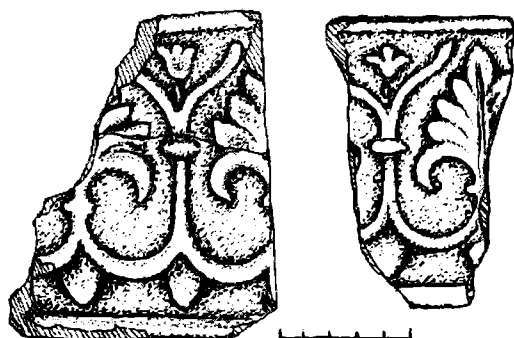

Рис. 3. Фрагменты зеленых изразцов с пальметтами

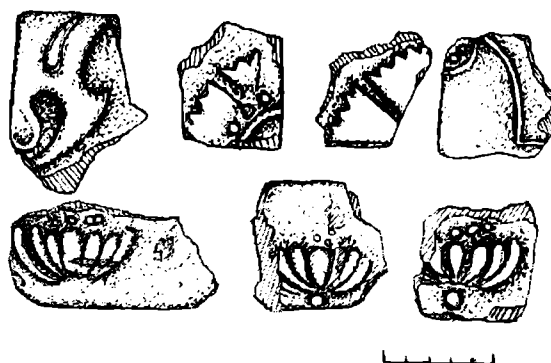

Рис. 4. Фрагменты зеленых изразцов с восьмилепестковым цветком

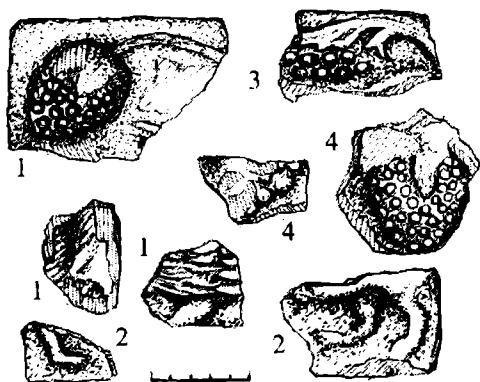

Рис. 5. Фрагменты зеленых изразцов.
1 — с птицей; 2 — с львами; 3 — с ягодами;
4 — с большой ягодой

Рис. 6. Полихромный изразец с букетом тюльпанов

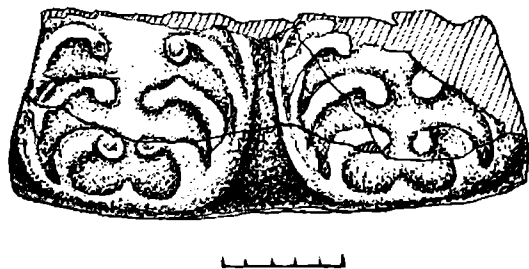

Рис. 7. Полихромный изразец с преобладанием синего фона

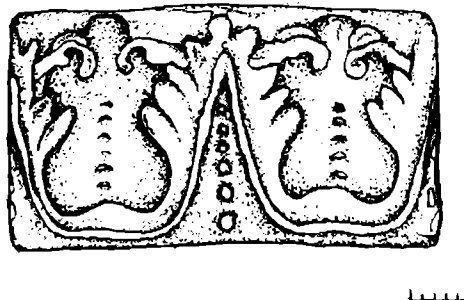

Рис. 8. Полихромный изразец-поясок с листом и полулистом

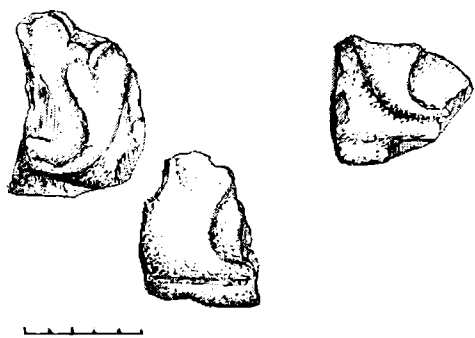

Рис. 9. Фрагменты полихромных изразцов с листом и полулистом

печного набора. Удалось определить сюжеты на 116 из них. Почти все сохранившиеся фрагменты, вероятно, московского производства, лишь 8 могли быть изготовлены в Александрове.

Рассмотрим основные группы и сюжеты изразцов.

1. Фрагменты александровских изразцов — всего 8 экз. С птицей, клюющей ягоду (рис. 1). Аналогом этим фрагментам служит изразец, опубликованный в книге Иванова А.И. «Забытое производство Владимирского края». На изразце «изображение птицы среди аканфа, служащего рамкой; крылья птицы распушены, и голова повернута обратно; птица напоминает сокола» (Иванов, 1930. С. 20. Рис. 17).

2. Фрагменты рамочных изразцов с вазой в центре — 40 (рис. 2). Аналогии — изразцы, найденные при раскопках в Коломенском (Фролов, Беляев, 1988. С. 209. Рис. 1). На изразце в центре помещено изображение вазы с изогнутыми ручками и стоящими в ней цветками гвоздики и тюльпанов. Вазу окружает овальная разомкнутая наверху рамочка из растительных побегов, затем три узкие прямоугольные рамки; между первой и второй располагается еще одна рамка из сомкнутых звеньев цепочки (Фролов, Беляев,

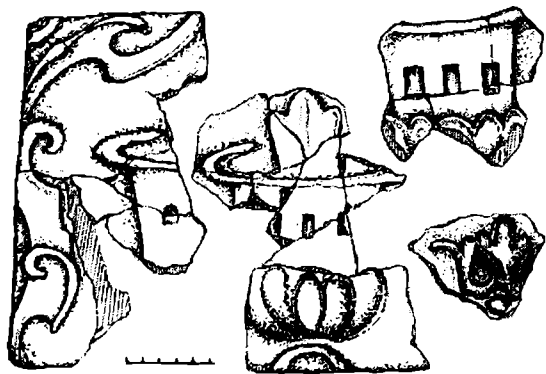

Рис. 11. Фрагменты полихромных изразцов с вазой

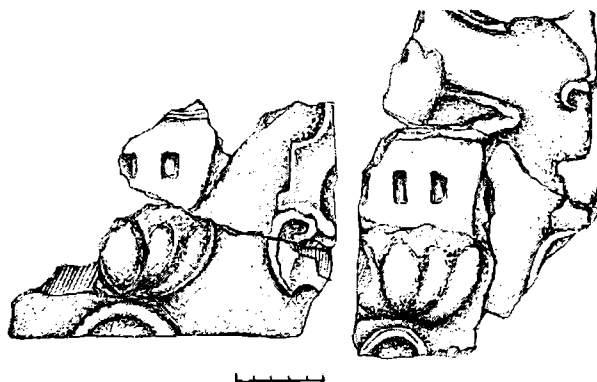

Рис. 10. Фрагменты полихромных изразцов с вазой

1988. С. 209. Рис. 1, 4). Похожие изразцы есть и в Александрове, но в одном случае отличается рамка (Иванов, 1930. С. 19. Рис. 13), в другом, — в середине не ваза с цветами, а три луковичные главки (Иванов, 1930. С. 19. Рис. 11).

3. Фрагменты изразцов с букетом тюльпанов — 10. Аналогии — изразец с тюльпаном с Кузнечной башни (1685–1688 гг.) Иосифо-Волоколамского монастыря (Воронов, Сахарова, 1955. С. 90. Рис. 8, 2). Поле изразца занимает распускающийся тюльпан, поднимающийся на тонкой ножке из миниатюрной вазы. Изразец имеет слабо выраженную рамку из веточек, бутонов и листьев того же растения (Воронов, Сахарова, 1955. С. 92).

4. Фрагменты изразцов-карнизов с канделябром — 20. Аналогиями этим изразцам служат полихромные московские изразцы, в том числе, изразцы печи села Алексеевского (Маслих, 1983. Илл. 139) и фрагменты изразцов села Слотино.

5. Фрагменты изразцов-поясков с пальметтами — 10 (рис. 3). Аналогии — полихромные московские изразцы, в том числе, изразцы печи села Алексеевского (Маслих, 1983. Илл. 139) и изразец из села Слотино (рис. 14, 1).

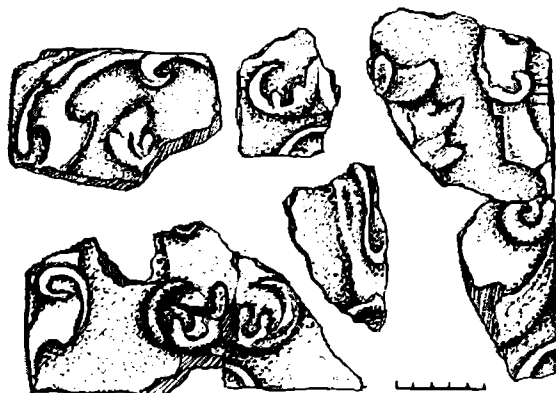

Рис. 12. Фрагменты полихромных изразцов со стилизованной лилией

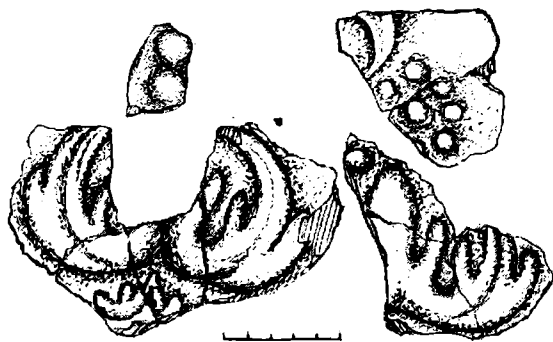

Рис. 13. Фрагменты полихромных изразцов с трехлепестковым цветком

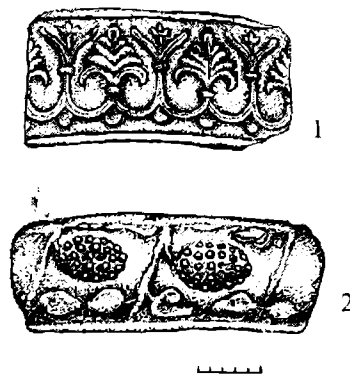

Рис. 14. Полихромные изразцы.
1 — поясик с пальметтами; 2 — валик с ягодами

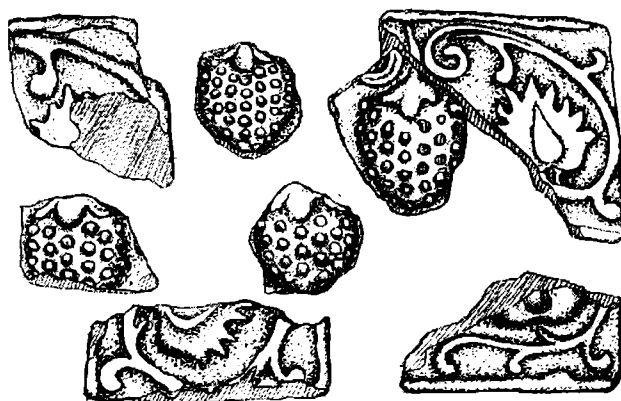

Рис. 15. Фрагменты полихромных изразцов с большой ягодой

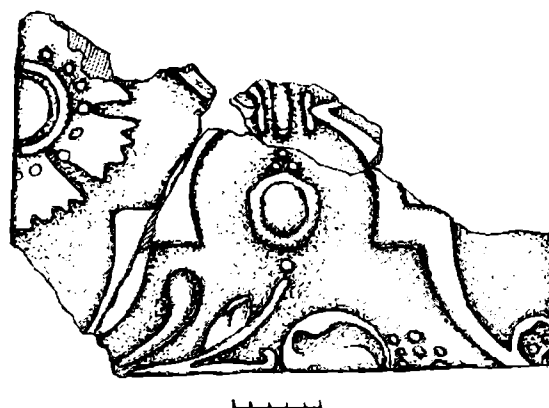

Рис. 16. Фрагмент полихромного изразца с гвоздикой и растением с тремя бутонами

6. Фрагменты изразцов с восьмилепестковым цветком — 20 (рис. 4). Аналогиями этих изразцов служат изразцы с Мироносицкой башни (1678 г.) Иосифо-Волоколамского (Воронов, Сахарова, 1955. С. 88. Рис. 6, 1) и изразцы из печи, известной по фотографии (Иванов, 1930. С. 22. Рис. 18). Схожие по рисунку изразцы (но полихромные) встречаются в селе Алексеевском (Маслих, 1983. Илл. 139).

7. Фрагменты изразцов с львами — 2 (рис. 5, 2). Подобные изразцы найдены в Коломенском при раскопках (Фролов, Беляев, 1988. С. 209. Рис. 1, 10), и реконструкции изразцов, опубликованных С.А. Маслихом (1983. Илл. 102–104).

8. Фрагменты изразцов с большой ягодой в центре — 2. Аналогии — полихромные изразцы из печи села Алексеевского (Маслих, 1983. Илл. 1139) и фрагменты изразцов села Слотино (рис. 15).

9. Фрагменты изразцов с птицей, клюющей ягоду — 3 (рис. 5, 1). Аналогии — изразцы московского производства.

10. Фрагмент изразца с птицей, клюющей ягоду (?) на краю изразца — 1 (рис. 5, 3). Аналогии — московские изразцы.

11. 20 фрагментов плитки.

12. 30 фрагментов «ног».

13. 184 мелких фрагмента с орнаментом и без орнамента.

Фрагментов румп — 80.

Таким образом, представленные фрагменты относятся к разным рядам печного набора и датируются 1670—1680 гг. Почти все произведены в Москве.

Полихромные изразцы

Полихромных изразцов и их фрагментов в коллекции насчитывается 1500⁴, из них це-

⁴ Сюда же входят 21 фрагмент плиток и 35 фрагментов ног.

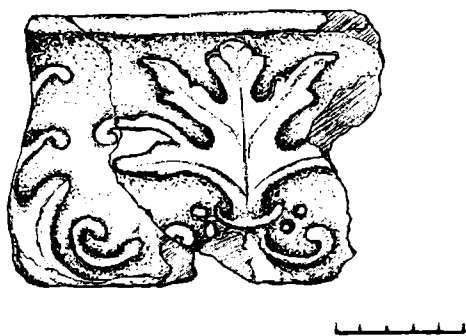

Рис. 17. Полихромный изразец-карниз с пятилепестковым цветком

Рис. 18. Полихромный изразец-поясок с единорогом и львом

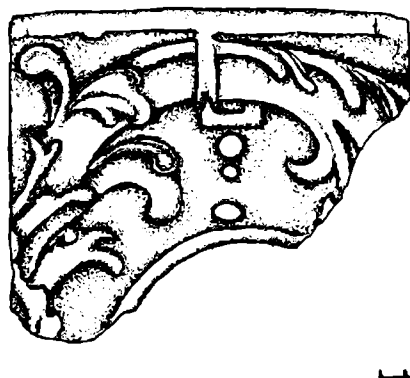

Рис. 19. Полихромный арочный изразец

лых — 7 изразцов. Удалось определить сюжеты на 864 экземплярах от разных частей печного набора.

1. Изразцы с букетом распускающихся тюльпанов (полива белая, желтая, синяя, коричневая, зеленая) — 249 фрагментов и 1 целый изразец (рис. 6, 1). Аналогии: 1) зеленый изразец с Кузнечной башни (1685—1688 гг.) Иосифо-Волоколамского монастыря (Воронов, Сахарова, 1955. С. 90. Рис. 8, 2); 2) изразец из фондов музея «Ко-

ломенское», происходящий из московской церкви Адриана и Натальи (1686—1688 гг.).

2. Изразцы-карнизы с растительным орнаментом, с преобладанием синего фона (полива: белая, синяя, зеленая, желтая) — 16 фрагментов и 1 целый изразец (рис. 7). Аналогии — изразцы из фондов музея «Коломенское», происходящие из церкви Троицы в Зубове (1642 г.).

3. Изразцы-пояски с изображением листа и полулиста (полива белая, синяя, желтая, зеленая) — 19 фрагментов и 1 целый изразец (рис. 8). Аналогии: 1) изразцы из фондов музея «Александровская слобода»; 2) из фондов музея «Коломенское».

4. Фрагменты изразцов-карнизов с изображением листа и полулиста (полива белая, синяя, желтая, зеленая) — 10 экз. (рис. 9). Аналогии: 1) изразец из фондов музея «Александровская слобода» (Иванов, 1930. С. 26. Рис. 19); 2) из фондов музея «Коломенское».

5. Фрагменты изразцов с вазой, низ которой обработан в виде сильно выпуклого пятилистника (полива белая, зеленая, желтая, синяя, коричневая) — 25 (рис. 10, 11). Аналогом служат зеленые (муравленные) изразцы с Кузнечной башни (1685—1688 гг.) Иосифо-Волоколамского монастыря (Воронов, Сахарова, 1955. С. 89. Рис. 7, 1).

6. Фрагменты изразцов с изображением стилизованной расцветшей лилией (полива: белая, зеленая, синяя, коричневая) — 20 (рис. 12). Аналогии — зеленые (муравленные) изразцы с Кузнечной башни (1685—1688 гг.) Иосифо-Волоколамского монастыря (Воронов, Сахарова, 1955. С. 89. Рис. 7, 2).

7. Изразцы с изображением трехлепесткового цветка, над которым расположены тринадцать крупных выпуклых точек (тычинок) (полива белая, зеленая, желтая, синяя) — 30 фрагментов (рис. 13). Аналогиями служат зеленые (муравленные) изразцы с Кузнечной башни (1685—1688 гг.) Иосифо-Волоколамского монастыря (Воронов, Сахарова, 1955. С. 89. Рис. 7, 3).

8. Арочные изразцы с растительным орнаментом (вид 1) (полива белая, зеленая, синяя, желтая, коричневая) — 30 фрагментов. Аналогии среди многочисленных изразцов московского производства.

9. Арочные изразцы с растительным орнаментом (вид 2) (полива белая, зеленая, синяя, желтая, коричневая) — 30 фрагментов. Аналогии известны среди изразцов московского производства. Из поступившей коллекции удалось выявить остатки печного набора. Аналогом служит печь из бывшего царского дворца села Алексеевского

(Маслих, 1983. Илл. 139). Сейчас печь находится в Тихвинской церкви (1676–1682 гг.) (Москва, район ВВЦ).

10. Изразцы-пояски с пальметтами — 9 фрагментов и 1 целый изразец (рис. 14, 1).

11. Фрагменты изразцов-карнизов — с растительным орнаментом (канделябр) — 25.

12. Обломки изразцов-поясков с растительным орнаментом, в центре которых изображена большая ягода — 30 (рис. 15).

13. Фрагменты изразцов с изображением восмилепесткового цветка — 10.

14. Обломки изразцов, где фигурные скобы с перевязью в местах соприкосновения обрамляют цветки гвоздики или растение с тремя бутончиками — 200 (рис. 16).

15. Фрагменты изразцов-поясков со стилизованным растительным орнаментом — 27.

16. Изразцы-карнизы с растительным орнаментом, в центре которого пятилепестковый цветок — 45 фрагментов и 1 почти целый изразец (рис. 17).

17. Изразцы-пояски с изображением единорога и льва — 3 экземпляра (из них 1 целый изразец) (рис. 18).

18. Изразцы-валики с мелкими ягодами — 92 фрагмента и 1 целый изразец (рис. 14, 2).

19. Фрагменты арочных изразцов с растительным орнаментом — 35 (рис. 19).

20. Фрагменты плитки — 21.

21. Фрагменты «ног» — 35.

Коллекция Н.В. Сорокатого позволяет представить все многообразие изразцовых печей дворца (а их было 17). По всей видимости, в каждом из помещений находились печи. Так, в царских хоромах и хоромах царских детей стояли печи ценинные. В хоромах царских слуг — муравленные. Эти предположения можно сделать, основываясь на описании царского дворца в селе Алексеевском. Данный набор изразцов относится, вероятно, к 70–80-м годам XVII в. Большинство изразцов дворца, как полихромных, так и муравленных, были изготовлены в Гончарной слободе Москвы, хотя небольшая часть муравленных могла быть произведена в Александрове. Возможно, мастерами-изразечниками были белорусы.

Данная коллекция является единственным вещественным источником, подтверждающим нахождение в селе Слотине царского путевого дворца.

Изучив коллекцию, можно предположить дату постройки дворца. На наш взгляд, дворец мог быть построен в конце 60-х гг. XVII в. при царе Алексее Михайловиче.

Литература

- Воронов И.А., Сахарова И.Г., 1955. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // МИА. № 44. М.
- Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 годы). М., 1844. ДДГ. М., 1950.
- Забелин И.Е., 1853. Историческое обозрение финифтинного и ценинного дела в России // Записки императорского археологического общества. Т. VI. Пб.
- Иванов А.И., 1930. Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир.
- Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV—XIX веков. М.
- Сорокатый Н.В., 1992. Изразцы села Слотина // Московский журнал. М. № 7.
- Сорокатый Н.В., 1996. Путевой дворец в селе Слотине // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья: Доклады и сообщения четвертой региональной научно-практической конференции «Москва и Подмосковье». Москва, 20—21 декабря 1995. М.
- Фролов М.В., Беляев Л.А., 1988. Изразцовая печь белорусских мастеров из усадьбы Коломенское // Архитектурное наследие и реставрация. М.

**Исследования на территории
музея-усадьбы Ф.М. Достоевского «Даровое»***

«Поздняя археология» в последнее время становится все более востребованным направлением науки — специалистов привлекают объекты, на которые раньше, еще 10–15 лет назад, никто не обратил бы внимания или они «исследовались» бы с помощью экскаваторного ковша. Первые раскопки поздних объектов были распространены в основном в северных районах страны — таковы, например, работы В.Ф. Старкова, П.В. Боярского и других археологов («Рус-

ские морские экспедиции XVIII века», 1996; Боярский, 1996; Старков и др., 2002), но в последние годы активно раскапываются позднейшие памятники и в Центральной России (Полюях, 2000; Сыроватко, Панченко, 2002; Алексеев и др., 2005). Археологические исследования проводились также в русских усадьбах XIX столетия — Пушкиных в Болдино и Добролюбова в Нижнем Новгороде (Кагоров, 1988; Кармазина, 1985; Черников, 1990; 2002). Дискуссия на страницах

Рис. 1. Вид на усадьбу

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-04-18037е).

журнала «Российская археология» продемонстрировала интерес к «поздней археологии» как к явлению вообще («Археология позднего периода истории», 2005). На наш взгляд, главная проблема заключается в отсутствии четко сформулированных задач, предъявляемых к археологическим исследованиям памятников Нового и Новейшего времени, материал которых все еще мало востребован археологами и историками, поскольку его накопление не привело пока к повышению уровня знаний об изучаемой эпохе. В связи со сказанным представляется интересным опыт работ последних лет Коломенского археологического центра.

Экспедиции КАЦ довелось проводить работы на территории музея-усадьбы Ф.М. Достоевского в селе Даровое Зарайского района Московской области (рис. 1). Задачи раскопок были сформулированы заказчиком работ — филологическим факультетом Коломенского государственного педагогического института. Первой из них являлась расчистка фундаментов пристройки к сохранившемуся зданию усадьбы для ее последующей музеефикации. Второй — обнаружение остатков дома, первоначального места проживания семьи Ф.М. Достоевского.

Письменные источники по истории усадьбы, как ни странно, довольно скудны. Собственно говоря, источник один — воспоминания брата писателя, Андрея Михайловича Достоевского. Разумеется, существует немалое число трудов биографов и исследователей творчества писателя, краеведов, но все они основываются на этих мемуарах.

Имение Даровое вместе с соседней деревней Черемошной М.А. Достоевский приобрел в 1831 г. у О.А. Глаголевской, незадолго до этого купившей его у помещика И.П. Хотяинцева, род которого владел Даровым многие годы (Нечаева, 1939. С. 36). Административно эти земли относились к Каширскому уезду Тульской губернии. Обстоятельства покупки подробно описаны биографами писателя (Федоров, 2004. С. 132–133). В апреле 1832 г., еще до того, как семья Достоевских въехала в свои новые владения, имение вместе с деревней сгорело. До восстановления усадьбы семья Достоевских занимала небольшой дом, уцелевший при пожаре — «плетневый, связанный глиною на манер южных построек» (Достоевский, 1992. С. 59). Остатки именно этого строения являлись главным предметом поиска экспедиции.

О времени постройки существующего здания усадьбы точных сведений не имеется. Нельзя исключить, что он мог быть возведен вскоре

после пожара. Из переписки А.М. Достоевского с сестрой известно, что в 1886 г. проводилась перестройка дома (Викторович, в печати). Это обстоятельство позволяет предположить, что под новое здание были использованы старые фундаменты, возможно — 30-х годов. Ф.М. Достоевский жил в Даровом по несколько месяцев в год с 1832 по 1836 г. В 1839-м при невыясненных обстоятельствах умер отец писателя, и имение, в конечном счете, перешло во владение боковой ветви Достоевских, семьи Ивановых. В 1920-е годы, после смерти М.А. Ивановой, в доме был организован музей писателя, а затем сельская библиотека. Статус музея дому вернули лишь в 1970-е годы.

Раскоп 1

Раскоп 1 имел форму правильного прямоугольника, ориентированного почти по странам света, со сторонами 6 × 9 м. Он примыкал к существующему ныне зданию усадьбы с юго-западной стороны — там, где по воспоминаниям сотрудников музея и жителей села, ранее существовала пристройка — кухня или людская (рис. 2).

Согласно письменным свидетельствам и фотографиям, на данном участке изначально предполагалось присутствие каменной кладки пятистенка (Перлов, 1925. С. 155), что полностью подтвердилось в ходе работ. Северная стена этой пристройки являлась продолжением стены основного здания, но сама пристройка была более узкой. Возведена ли она одновременно с основным зданием, неизвестно, поскольку между самим зданием и раскопом была оставлена бровка шириной около 1 м, в итоге, чтобы не повредить здание, так и не разобранный.

Культурный слой в верхней части и в пределах фундамента был буквально забит металлическим мусором и битым кирпичом, причем значительная его часть — советского времени. Вероятнее всего, этот кирпич являлся отходами ремонта здания и находившейся в нем печи.

В целом, состав находок в слое, покрывающем фундаментные конструкции, датирует его XIX в. с довольно значительными включениями материала начала XX столетия.

В пределах фундамента заслуживает внимания объемная подпечная яма, уходящая северным бортом под здание музея. Ее восточный борт был ограничен обвалившейся каменной кладкой. В срединной части ямы обнажился мощный каменный столб, строительный материал идентичен тому, который был использован при возведении фундамента. Кирпичный

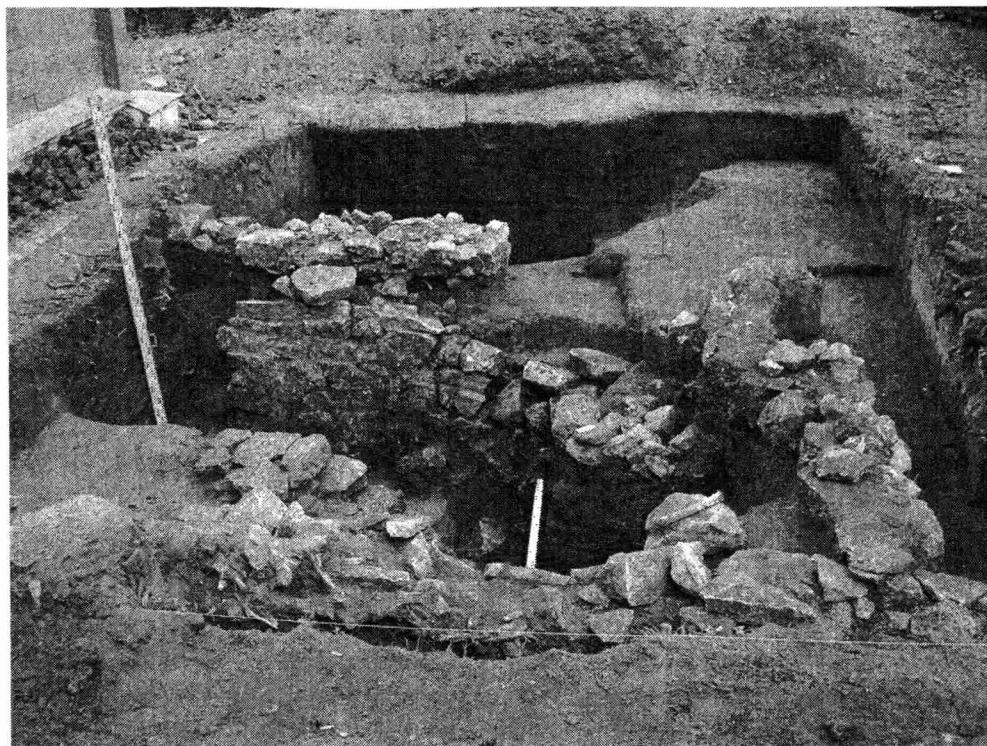

Рис. 2. Раскоп 1. Расчищенный фундамент пристройки

материал датируется 1845 г. — началом XX в. (Киселев, 1986), в том числе обнаружен фрагмент кирпича с частью клейма на постельной стороне в виде полуовала с одним зигзагообразным контуром. Среди всего комплекса находок особо выделим гильзу от винтовочного патрона 7.62 × 54R (системы Роговцева, Петрова, Савостьянова, или образца 1891 г.). Два обстоятельства — слегка завальцованное дульце гильзы и неразбитый капсюль — позволяют точно определить тип довольно редкого патрона — холостой боеприпас с бумажной пулей. Такие патроны, как правило, снаряжались непосредственно в войсках пластинчатым быстрогорящим порохом. В заполнение ямы патрон попал, несомненно, целиком, а бумажная заглушка впоследствии сгнила. Патроны этого типа, употреблявшиеся до революции, можно считать датирующими (Лови и др., 2003).

Среди находок из слоя, заполнявшего межъямное пространство (топоры, аптечные пузырьки — рис. 6), особенно выразительна белоглиняная поливная игрушка-статуэтка в виде коника (рис. 3, 1). Судя по сколам, игрушка не была самостоятельной, а входила в композицию. Похожий экземпляр известен по каталогу Русского музея (Григорьева, 1987. № 91–92), где он датирован последней третью XVIII в. Заметим, что одна из последних обитательниц дома,

Мария Александровна Иванова¹, коллекционировала фарфоровые игрушки, хотя доказательств принадлежности находки к ее коллекции нет. Из этого же слоя происходит и медная копейка 1874 г.

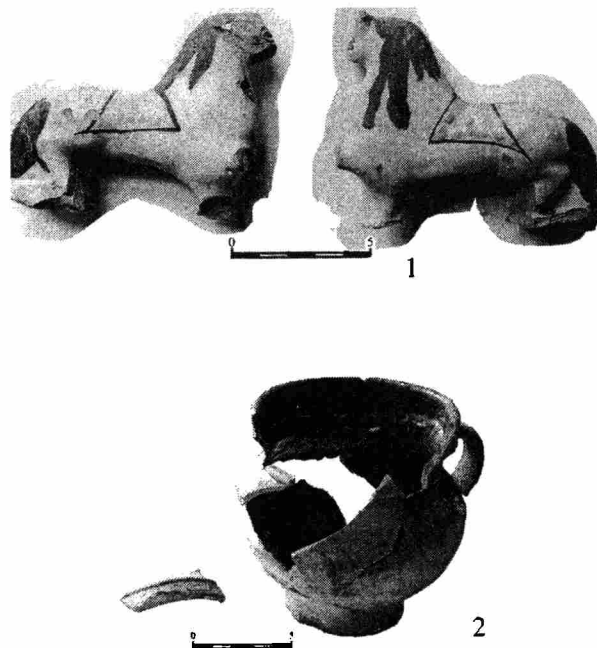

Рис. 3. Раскоп 1. Керамические поливные изделия. 1 — игрушка-лошадка; 2 — горшок миниатюрный

¹ Дочь Веры Михайловны Достоевской, сестры писателя.

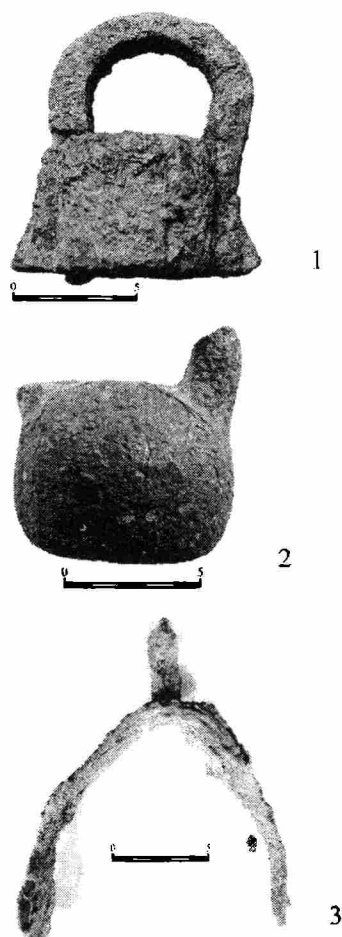

Рис. 4. Железные изделия.

Раскоп 2: 1 — замок; 2 — гиря. Раскоп 1: 3 — шпора

Вероятно, верхний слой комплекса погребя относится к раннему советскому периоду, т. е. ко времени после смерти Марии Александровны Ивановой и превращения усадьбы сначала в музей, а затем в сельскую библиотеку (хотя разобрана пристройка была уже много позже войны). Нижний хронологический предел пока не определен, поскольку явных артефактов первой половины XIX в. в нашем распоряжении не имеется. При перестройке 1886 г. мог использоваться фундамент постройки 1832 г., возведенной сразу после пожара.

Второй значимый комплекс раскопа 1 — хозяйственная яма № 1, примыкавшая к фундаменту с внешней стороны. В ней зафиксирована максимальная толщина культурного слоя на раскопе (2,1 м), заполнение ее дало наиболее ранние находки из слоя и самую богатую коллекцию. Даже беглого взгляда на состав находок достаточно, чтобы заметить высокий статус владельцев — украшения конской сбруи, шпора (рис. 4, 3), штофное стекло, в том числе с клеймом (рис. 7), фрагменты фарфоровой посуды

(рис. 10). Отметим также нательный крест листовидной формы (рис. 5, 5), оселок, копейку 1759 г. и деньгу 1735-го. Эти находки позволяют определить яму № 1 как часть усадебной постройки XVIII — первой четверти XIX в., принадлежавшей хозяевам деревни, помещикам Хотяинцевым. Постройка, связанная с ямой № 1, могла достоять до пожара 7 апреля 1832 г., уничтожившего усадьбу и деревню, но оснований для более узкой датировки у нас нет. Любопытно, что на дне ямы были обнаруженные кремневые отщепы, позволяющие говорить о заселении людьми близлежащей территории в древнейшие эпохи.

Полностью выбранная хозяйственная яма № 1 имела пологие борта в верхней части, в средней и придонной — практически отвесные, а в юго-западном углу — с подбоем. На дне ямы зафиксированы отдельные крупные белые камни и их скопление (северо-западный угол ямы).

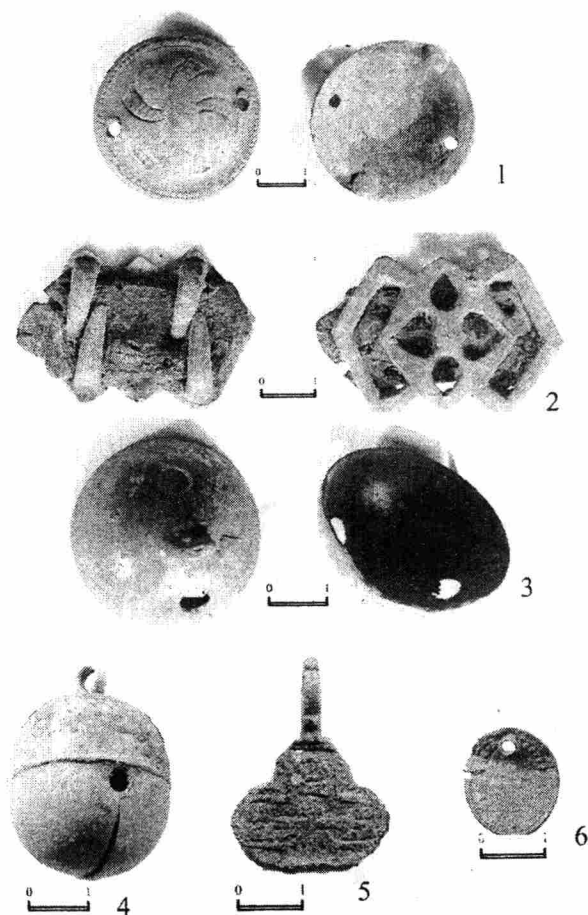

Рис. 5. Изделия из медных сплавов.

Раскоп 1: 1 — накладка, 2 — накладка с остатками кожаной основы, 3 — изделие сферической формы с петелькой в верхней части, 4 — изделие сферической формы с петелькой для подвешивания, 5 — фрагмент креста нательного листовидного. Раскоп 2: 6 — иконка-тельник

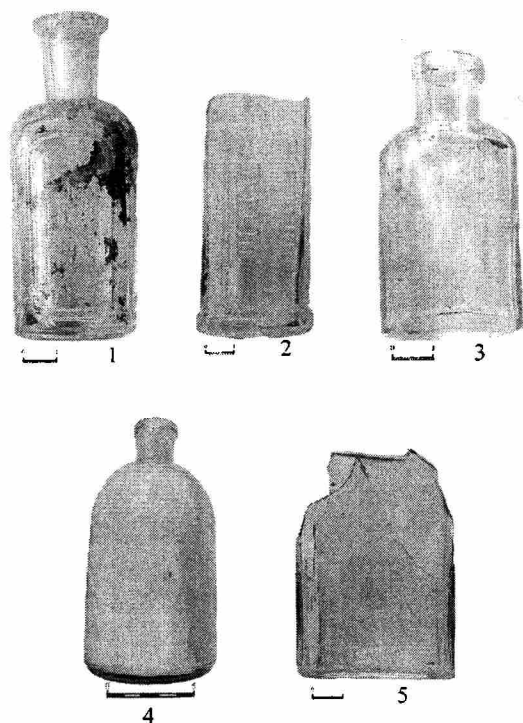

Рис. 6. Раскоп 1. Посуда аптечная

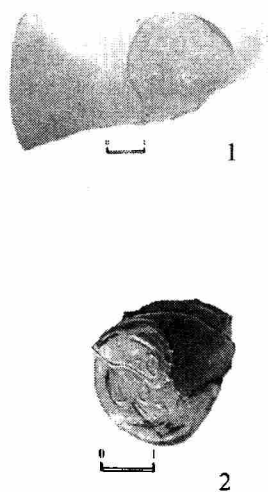

Рис. 7. Раскоп 1. Клейма на стеклянных сосудах

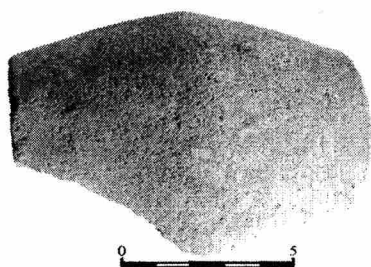

Рис. 8. Раскоп 1. Грузило каменное

Подводя итог работам на этом раскопе, отметим, что главная задача — расчистка фундаментов — была выполнена, хотя исследованными оказались слои периода или «до Достоевского», или «после». Однако, учитывая слабую разработанность хронологии материалов позднего времени, полученные из ям комплексы интересны сами по себе, как основа для подобных разработок в будущем.

Раскоп 2

Место для раскопа ориентировочно было указано филологами, опиравшимися на анализ воспоминаний А.М. Достоевского, хотя мемуары допускают в этом отношении разную трактовку. Осмотр усадьбы сразу же выявил небольшое всхолмление в 53 м к юго-западу от здания усадьбы, которое мы исследовали рекогносцировочным раскопом.

Культурный слой в раскопе оказался очень тонким — почти сразу же под дерном раскрыты остатки фундамента, причем некоторые камни были видны еще с поверхности. От фундамента сохранился юго-западный угол, сложенный из известняковых камней на известковом растворе (рис. 9). От западной и северной стен остался только след в виде неглубокой (около 20 см) траншеи, заполненной суглинком с известковой крошкой и печиной, в северо-западном углу сохранился один камень. От южной и восточной стены не осталось даже следов, и мы не можем пока достоверно судить о длине постройки, хотя не исключено, что она могла попасть в раскоп почти целиком.

Стратиграфия раскопа в центре и на периферии различалась. По краям раскопа верхний слой темно-серого суглинка перекрывал предматериковый светло-серый суглинок, общая мощность отложений колебалась в пределах 30–70 см (рис. 9). В центре стратиграфия была сложнее: под верхним слоем в пределах фундамента четко читались тонкие прослойки серо-коричневого суглинка с включением известковой крошки, кирпичного боя и желтой глины. Общая мощность этих отложений невелика — всего около 8 см, но они четко приурочены к самой постройке и являются слоем ее заполнения, вероятнее всего, периода функционирования. Абсолютное большинство находок связано именно с этими прослойками.

Находки, связанные с постройкой, довольно любопытны: отметим детскую гуттаперчевую соску с костяным диском (рис. 11, 2) и детский оловянный револьвер (рис. 11, 1), который яв-

ляется датирующей находкой. Две половинки этого предмета соединены железными заклепками. На месте спускового механизма в корпусе осталась полость. Предмет является подражанием револьверам, как капсюльным, так и центрального боя, распространенным в основном в США, в период начала 1860–1870-х годов. Характерная деталь подобного оружия — так называемый сосковидный спуск, с клавишей вместо крючка и без скобы. Такое оружие делали фирмы Кольт и Смит-Вессон, нередко оно встречалось и в номенклатуре менее именитых производителей — Ремингтона, Прескота, Марлина, Криспин, «Коннектикут армз Ко» и многих других. В Старом Свете оружие с таким спуском копировали неохотно, предпочитая традиционную спусковую скобу (Жук, 1993). Искать в игрушке точную аналогию настоящему оружию бессмысленно, но несомненно, что это одна из наиболее узко датируемых находок,

поскольку нижняя ее дата — 1860–1870-е годы; скорее всего, между оригиналами и игрушкой должен был существовать некий временной зазор, и более вероятной следует считать датировку предмета последней четвертью XIX в. или даже позднее.

Из пределов постройки происходит также обломок очков (рис. 11, 3). Целой серией представлены аптечные пузырьки, в том числе с клеймами (рис. 13). Традиционно такие находки связываются с концом XIX — началом XX в. Обнаружено и несколько экземпляров пуговиц — латунные «скорлупки», одна из которых носит следы позолоты, стеклянная и близкая современному типу, с четырьмя отверстиями (рис. 12).

За пределами фундамента, но в непосредственной близости от него найдены также гиря (рис. 4, 2), замок (рис. 4, 1) и миниатюрная медная нательная иконка (рис. 5, 6). Замок довольно определенно указывает на вторую половину

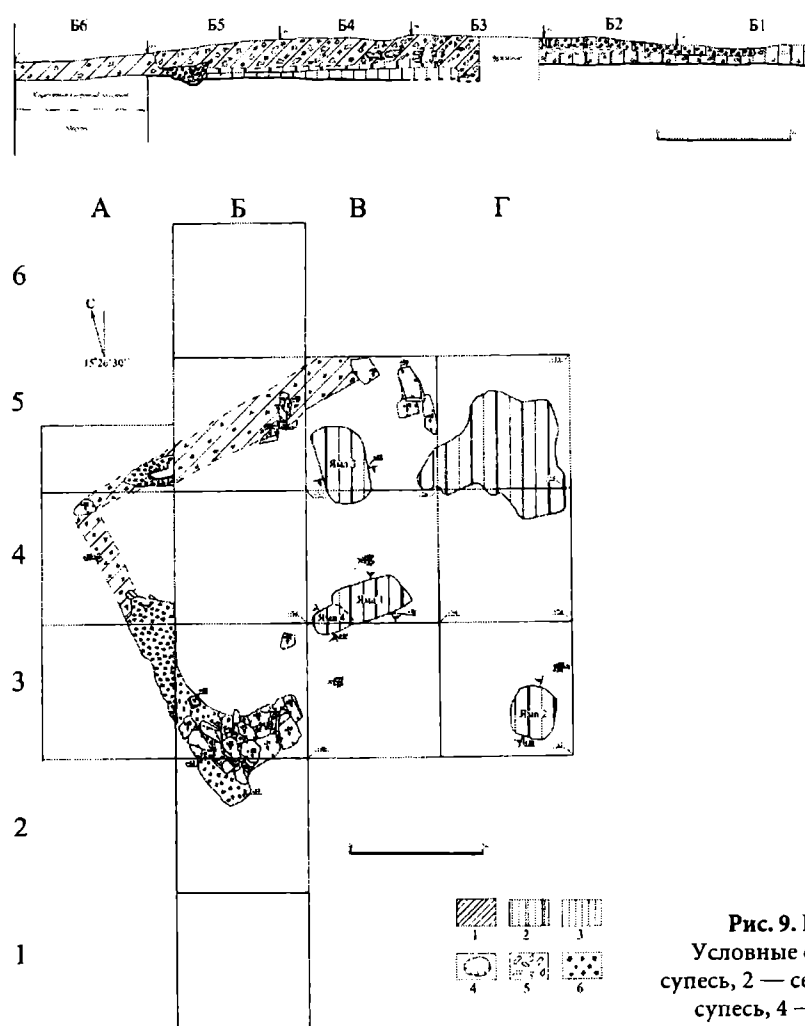

Рис. 9. Раскоп 2. План и профиль.

Условные обозначения: 1 — темно-серая супесь, 2 — серо-коричневая супесь, 3 — серая супесь, 4 — камни, 5 — кирпичный бой, 6 — известь.

² Датируемый концом XIX — началом XX в. экземпляр есть в музее Королевских ворот г. Калининграда. В Коломенском музее замок такого типа имеет клеймо «1868 год».

XIX в., поскольку множество подобных предметов имели клейма с датой выпуска (находятся в коллекциях многих музеев, в то числе в Коломенском краеведческом музее)². Гири круглых форм также относятся к XIX в., они входят в употребление после указов Павла I. Медная вставка с указанием веса и года обычно располагалась на дне, но на нашем экземпляре она утрачена. Что касается иконки, то она представляет собой обычный для рубежа XIX—XX вв. дешевый сувенир для паломников: с лицевой стороны изображена Святая великомученица Варвара (надпись частично повреждена), с оборотной — двое святых на фоне монастыря, подпись не читается³. Однако по иконографическим аналогиям можно предположить, что на иконке изображены Святые Сергей и Никон Радонежские. Это указывает на происхождение образца из мастерских Троице-Сергиевой Лавры. Ввиду отсутствия аналогий в специальной литературе, можем указать наиболее близкие, приведенные в издании «Древности и старина» (Квятковский, 2005).

На основе материалов раскопа 2 можно сделать следующие выводы.

Вскрытые нами остатки постройки представляют собой довольно добротный фундамент из

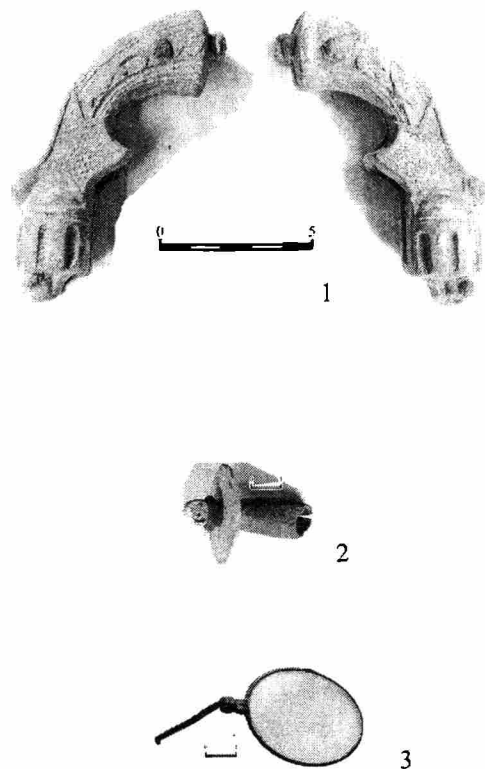

Рис. 11. Находки из раскопа 2.

1 — револьвер, 2 — соска, 3 — стекло от очков с фрагментом оправы

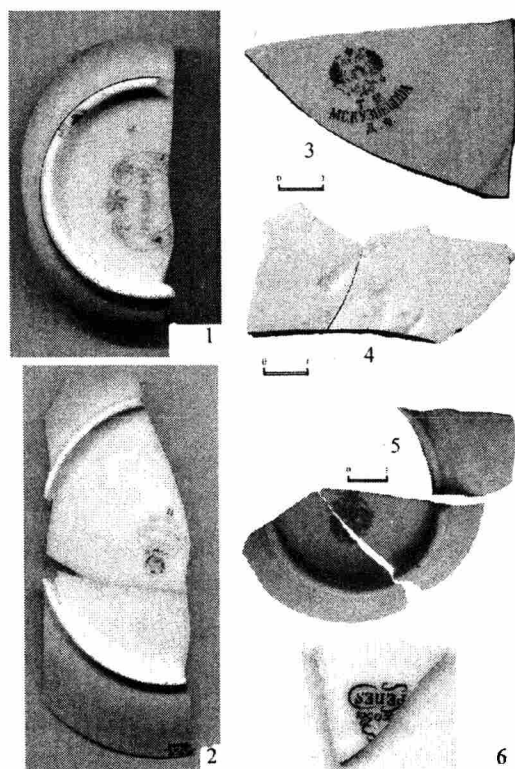

Рис. 10. Клейма фарфоровые.
Раскоп 1: 1—4, 6. Раскоп 2: 5.

камня на известковом растворе, что несколько противоречит описанию А.М. Достоевского, называвшего первоначальный дом «мазанкой, на манер южнорусских».

Принимая во внимание сложность датировки поздних материалов, мы пока не готовы назвать точное время бытования постройки. И все же ряд находок — игрушечный револьвер, аптечные пузырьки, соска, замок — указывают на последнюю четверть XIX в. и предреволюционное время. По воспоминаниям старожилов, в указанном месте существовала «барская кухня», и не исключено, что нами обнаружены именно ее остатки. Очевидно, что эта постройка не является искомой «мазанкой» и относится ко времени владения усадьбой семьей Ивановых и вряд ли связана с именем Ф.М. Достоевского (исключением можно считать лишь его кратковременный визит в село в 1877 г.). Отметим еще одно обстоятельство — пока ничего не известно об обитателях усадьбы, которым могли бы принадлежать обнаруженные игрушки, а последние владелицы усадьбы, племянницы Ф.М. Достоевского, были бездетны.

Анализ стратиграфии показывает наличие тонкого слоя, отложившегося только в пределах

³ Определение С.И. Самошина (Коломенский краеведческий музей).

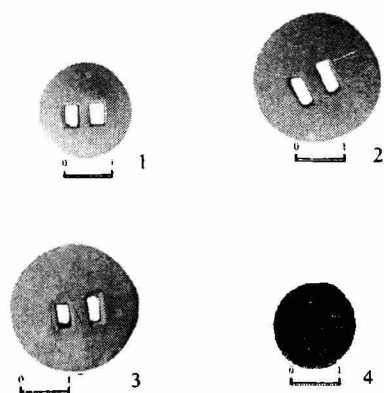

Рис. 12. Раскоп 2. Пуговицы

фундамента. С этим слоем связано большинство находок, и именно он является, вероятно, слоем самой постройки. Ни до, ни после возникновения постройки строительной активности на данном участке не зафиксировано. Таким образом, из пределов постройки раскопа 2 происходит сравнительно чистый (хотя, безусловно, не закрытый) вещевой комплекс, который может претендовать на роль опорного в дальнейших хронологических построениях.

Важным обстоятельством является бедность находками слоя за пределами постройки. Это позволяет надеяться, что «фон», создаваемый

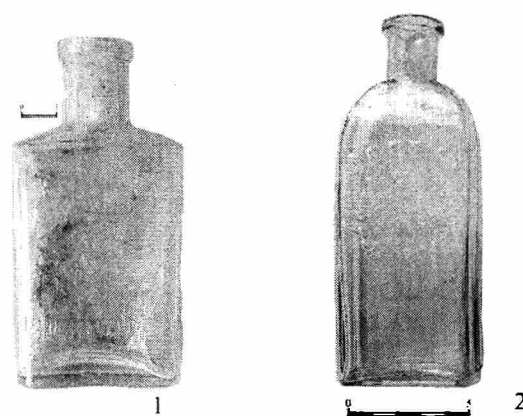
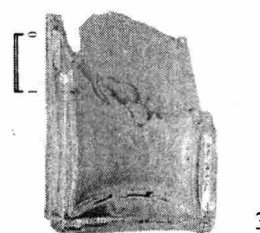

Рис. 13. Раскоп 2. Посуда аптечная

керамикой⁴ и находками других эпох, незначителен (или его вообще нет), что придает полученной коллекции раскопа 2 дополнительную ценность.

Литература

- Алексеев А.В. и др., 2005. Охранные исследования церкви Вознесения Господня на Нижнем посаде Звенигорода // Труды Подмосковной экспедиции. М. Т. 3.
- Археология позднего периода истории // РА. 2005. № 1.
- Боярский П.В., 1996. Исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) на Соловецком архипелаге (1988—1994 гг.) // Соловецкие острова. М. Т. 2.
- Викторович В.А. Дневник А.М. Достоевского и переписка с В.М. Достоевской // Летние чтения в Даровом. Коломна. (В печати.)
- Достоевский А.М., 1992. Воспоминания. М.
- Жук А.Б., 1993. Справочник по стрелковому оружию. М.
- Кагоров В.М., 1988. Восстановление людской на территории музея-заповедника А.С. Пушкина в Болдино // Записки краеведов: очерки, статьи, воспоминания, документы, хроника. Горький.
- Кармазина Е.Л., 1985. О реставрации усадьбы Добролюбовых в г. Горьком // Записки краеведов: очерки, статьи, воспоминания, документы, хроника. Горький.
- Квятковский В.Ю., 2005. Поздние иконки-образки // Древности и старина. № 5. М.
- Киселев И.А., 1986. Датировка кирпичных кладок XVI—XIX вв. по визуальной характеристике. М.
- Лови А., Борцов А., Кораблин В., 2003. Стрелковое оружие России. Патроны. Часть 1 // Оружие. Историческая серия. Вып. 8. М.
- Нечаева В.С., 1939. В семье и усадьбе Достоевских. М.
- Перлов И.П., 1925. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // По тульскому краю. Тула.
- Полюях А.А., 2000. Аспекты изучения культурного слоя Москвы нового времени // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИГМ. Вып. 10. М.
- Русские морские экспедиции XVIII века, 1996. М.
- Старков В.Ф., Корякин В.С., Зимин Е.Н., Державин В.Л. Исследования на Шпицбергене (Норвегия) // Археологические открытия 2001 года. М.
- Сыроватко А.С., Панченко К.И., 2002. Археологический материал XVIII—XIX вв. из раскопок на селище Тарасовка I // Тр. ПЭ. М. Т. 1.
- Федоров Г.А., 2004. Сельцо Даровое // Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.
- Григорьева Н.С., 1987. Художественная керамика Гжели и Скопина в собрании Государственного Русского музея. Л.
- Черников В.Ф., 1990. О раскопках в селе Большое Болдино / Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький.
- Черников В.Ф., 2002. Усадьба Пушкиных в Большом Болдино: археологические раскопки на территории усадьбы. Н. Новгород.

⁴ Коллекция массового материала довольно обширна и к настоящему времени находится в стадии обработки.

Фаянсовые изделия заводов Я.Т. и С.Т. Фартальных

В процессе проведения археологических работ в городах и на памятниках позднего средневековья объектом исследования нередко становится культурный слой нового времени (XVIII—XIX вв.). В его заполнении значительную долю составляет гончарная, майоликовая, фаянсовая, фарфоровая посуда и другие изделия. Их точная датировка (а порой и атрибуция), несмотря на кажущуюся современность, не всегда возможна.

Материалы, полученные автором при обследовании мест размещения заводов Гжельского керамического района, бывшего в России XIX в. центром производства фарфоро-фаянсовой посуды и других керамических изделий, призваны помочь в решении этой проблемы. Продукция гжельских заводов продавалась на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, а также в Москве, Пе-

тербурге и других городах центральной части страны. Однако ассортимент производимых на них изделий изучен еще не достаточно полно.

С целью уточнения и получения новых данных об ассортименте изделий гжельских фарфоро-фаянсовых заводов автором была обследована южная окраина села Речицы. На участке между улицами Художника и Совхозная, на территории, прилегающей к ЗАО «Гжельский экспериментальный керамический завод», в стенке ямы, вырытой для свалки производственных отходов, прослеживался слой фаянсового боя более раннего времени (рис. 1). По фрагментам посуды с клеймами удалось установить, что эта территория в XIX в. являлась частью заводов братьев Я.Т. и С.Т. Фартальных (рис. 2).

Первым, в 1862–1863 годах¹, был основан завод Якова Тимофеевича Фартального. К началу

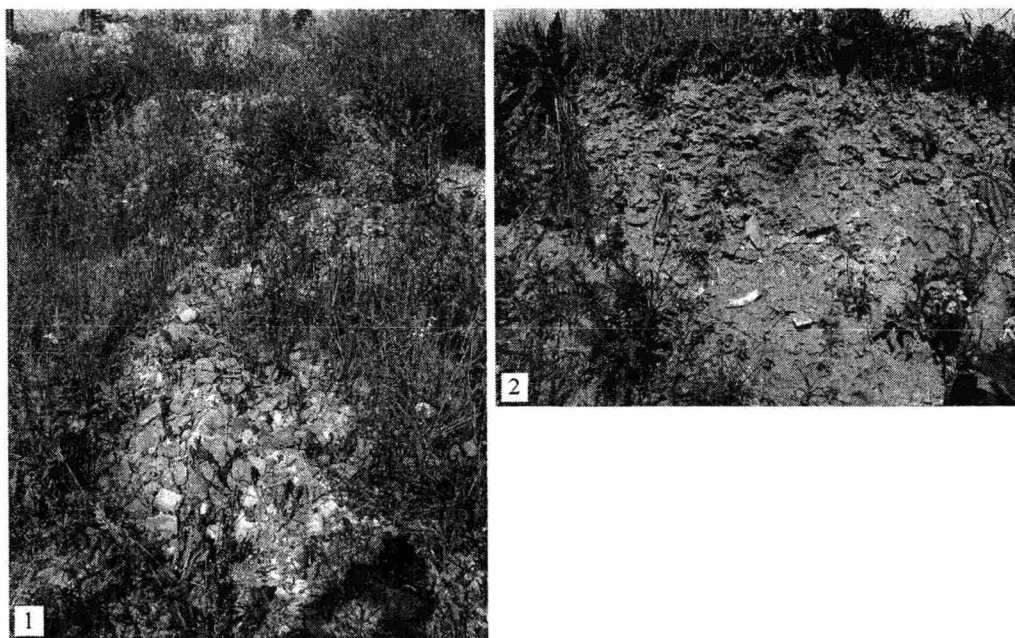

Рис. 1. Слой керамического брака на поверхности (1) и в стенке ямы (2) на месте свалки производственных отходов заводов Я.Т. и С.Т. Фартальных

¹ О дате основания завода в архивных документах не упоминается. Указанную дату приводит Матисен Н. (1873. С. 167). А.В. Селиванов называет 1862 год (1903. С. 34).

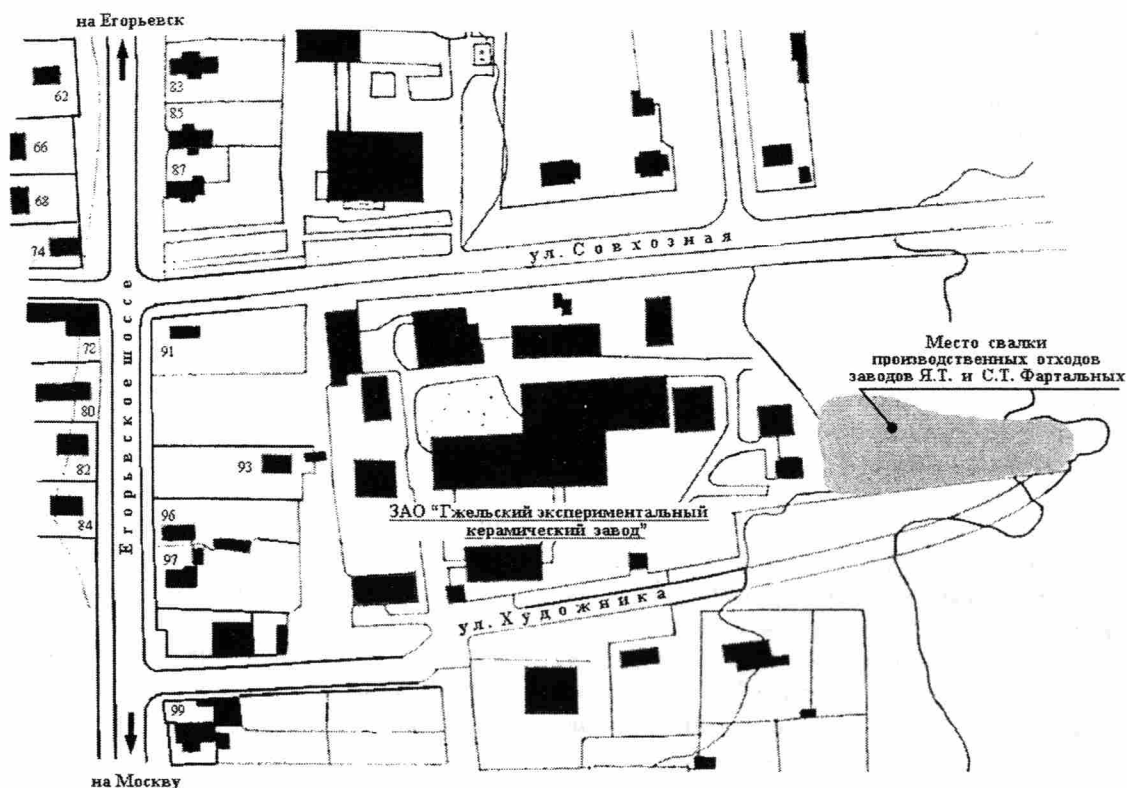

Рис. 2. Местонахождение заводов Я.Т. и С.Т. Фартальных в селе Речицы

1870-х годов производство оставалось не большим: на заводе работало 11 человек, имелся один горн, муфель, для размолва массы использовался конный привод. Выпускались «банки разные» на 6500 рублей в год (Матисен, 1873. С. 167). К 1876 г. выработка «фаянсовых помадных банок» возросла до 40000 рублей в год, что было связано с расширением производства и увеличением числа рабочих до 55 человек (Исаев, 1876. С. 194). В начале 1880-х годов происходит сокращение производства. Несмотря на то, что завод был оснащен 3 горнами, 29 точильными кругами и 5 поставами для размолва массы, выпуск «банок аптекарских, помадных и прочего» в год при 40 рабочих снизился до 20 000 рублей («Сведения...», 1885. С. 165).

В 1897 г. завод бронницкого купца Я.Т. Фартального перешел к его сыну Николаю Яковлевичу (Бадурова, Дулькина, 1986. С. 77). При нем производство было расширено и в 2 раза увеличен выпуск изделий. В 1914 г. при 60 рабочих изготавливалось «фаянсовой посуды и других изделий» на 40000 рублей («Фабрично-заводские...», 1914. № 1638). Завод Н.Я. Фартального работал до 1918 г. и после национализации, в советское время, стал Государственным фаянсо-

вым заводом № 1 (ГИАМО. Ф. 184. Оп. 9. Д. 351).

Завод Сергея Тимофеевича Фартального, предположительно, был основан в 1877 г.² В начале 1880-х годов завод, на котором работало 28 человек, имел 3 горна, 18 точильных кругов и 5 поставов для размолва массы. При этом выпуск «разных банок» в год составлял 10 000 рублей («Сведения...», 1885. С. 165). В 1902–1903 годах завод при 23 рабочих производил изделий на 20800 рублей («Список...», 1903. С. 563). По всей видимости, вскоре после этого он был закрыт.

В статистических изданиях за разные годы указывается, что ассортимент изделий завода Я.Т. Фартального составляли либо «глиняные и фаянсовые помадные и аптекарские банки» (ГИАМО. Ф. 184. Оп. 9. Д. 1), либо «банки аптекарские, помадные и прочее» («Сведения...», 1885. С. 165). Под «прочее», вероятно, следует понимать различную фаянсовую посуду. «Фаянсовая посуда и другие изделия» позднее производились и при сыне Якова Тимофеевича Николае Яковлевиче («Фабрично-заводские...», 1914. № 1638).

О заводе С.Т. Фартального известно, что на нем изготавливались полуфаянсовые тарелки, миски и помадные банки («Указатель ...», 1887. С. 306).

² Эта дата приводится в Указателе фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. (1887. С. 306—307). В более ранних статистических изданиях сведений о заводе С.Т. Фартального нет.

Косметические³ и аптечные банки выпускались четырех размеров: большие банки, полу-банки, 1/4 банки, 1/8 банки. Объемы выпуска достигали значительных размеров. Так, в 1881 г. заводом Я.Т. Фартального было произведено 480000 различных банок, а заводом С.Т. Фартального — 96 000 (ГИАМО. Ф. 184. Оп. 9. Д. 1).

Немногочисленные фаянсовые изделия заводов Я.Т. и С.Т. Фартальных имеются в собрании Государственного Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, в музейном объединении «Музей истории города Москвы» и в Фонде изделий производства ЗАО Объединение «Гжель». В Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике хранятся миска и мелкая тарелка, произведенные на заводе С.Т. Фартального, и двенадцать предметов — кашпо, чаша, кружки, миски, тарелки, выпущенные заводом Я.Т. Фартального (Дулькина, 2000. С. 108–110). При этом пять из двенадцати предметов завода Я.Т. Фартального не имеют клейм и отнесены к изделиям завода по стилистическим особенностям росписи. В Музее истории города Москвы находится чайная чашка без клейма, предположительно, завода Я.Т. Фартального⁴. В экспозиции Фонда изделий производства ЗАО Объединение «Гжель» представлена кружка с крышкой с синим печатным рисунком⁵.

Полученный в ходе обследования керамический материал показал, что на заводах братьев Фартальных действительно изготавливались глиняные и фаянсовые косметические и аптечные банки, фаянсовая посуда (тарелки, миски, чайные чашки с блюдцами, чайники и пиалы), а также сосуды-банки для упаковки и продажи пищевых продуктов, туалетные тазы, ночные горшки и другие сантехнические изделия.

По собранным фрагментам удалось установить, что на заводах братьев Фартальных производились четыре типа косметических и 3 типа аптечных банок.

Типы косметических банок:

тип 1 — тулово цилиндрическое (высота/ диаметр: 7,0–7,5/6,0 см) с небольшим горизонтально отогнутым краем-венчиком, выделенным желобком; такой же желобок нанесен и у основания. В верхней части банка имеет внутреннее округлое (или конусовидное) углубление, служившее емкостью для мазей. Днища банок так-

же имеют плоское (или конусовидное) углубление (рис. 3, 1, 2). Подобные банки были широко распространены в Москве в XIX в.;

тип 2 — тулово цилиндрическое высокое (высота/ диаметр: 10,0/7,0, 8,0/6,0, 6,5/5,0, 6,5/5,5, 5,5/4,5 см) с внутренним кольцевым выступом-фиксатором крышки в верхней части (рис. 3, 3). Банки этого типа имели цилиндрические крышки с плоской поверхностью (высота 1,5, 2,0, 2,5, 3,0 см);

тип 3 — тулово цилиндрическое низкое (высота/ диаметр: 3,5/6,6, 3/5,6, 2,5/3,6, 2,5/2,6, 2,4/7,0 см) с аналогичным типу 2 внутренним кольцевым выступом-фиксатором крышки в верхней части и выступающим внизу кольцевым поддоном (рис. 3, 5). Банки имели невысокие цилиндрические крышки с выступающей сферической верхней поверхностью (высота 1,0, 1,5, 2,0 см);

тип 4 — тулово бочковидное (высота/ диаметр: 9,5/8,0, 8,5/7,0, 7,0/6,0, 6,3/5,0 см) с небольшими валиками-обручами (один в верхней и три в нижней части тулова), выделенными синей краской. Банки имели крышки конусной формы (высота 2,0, 2,5, 3,0 см) с двумя небольшими валиками-обручами (рис. 3, 4).

Типы аптечных банок:

тип 1 — тулово конусовидное с профилированным, отогнутым венчиком (высота/ диаметр: 8,0/8,0, 6,0/6,0, 3,6/3,8 см) (рис. 3, 10–12);

тип 2 — тулово конусовидное с прямой стенкой, с канавкой в верхней части (высота/ диаметр: 5,3/5,2, 4,7/3,7, 4,0/3,7, 3,5/3,6, см) (рис. 3, 14–17);

тип 3 — тулово цилиндрическое с прямой стенкой, с канавкой в верхней части (высота/ диаметр: 4,0/2,6 см) (рис. 3, 18).

Учитывая, что на банках нет заводских клейм, представленные выше типы производились, по видимому, на обоих заводах братьев Фартальных.

По визуальному ощущению косметические банки типа 1 и аптечные банки изготавливались из глиняной массы, а косметические банки типа 2, 3 и 4 — из фаянсовой, аналогичной посудной.

Для производства глиняных банок использовалась местная глина белого цвета, приобретающая после обжига желтый оттенок. Перед употреблением она подвергалась очистке и размолу. Банки и крышки к ним, судя по следам на брако-

³ Название «косметические», на наш взгляд, более точно отражает их широкое предназначение, предполагавшее использование банок не только для предпродажной расфасовки помады, но и для других косметических средств - белил, румян и т.п.

⁴ Оф. 7290.

⁵ МИГМ. Оф. 1293.

Рис. 3. Косметические и аптечные банки

ванных фрагментах, формовались методом «наминания» глины во вращающуюся гипсовую форму. Подсохнув, сформованные банки и крышки подвергались обжигу, после чего полностью покрывались белой эмалью (за исключением косметических банок типа 1) и повторно обжигались. В таком виде, чисто белые, они отправлялись заказчику. На косметические банки типа 1 снаружи наносилась светло-синяя или темно-синяя эмаль, а внутреннее углубление покрывалось белой эмалью.

На некоторых московских парфюмерных заводах, например, на заводах товарищества «В.К. Феррейн», на боковую поверхность и крышки косметических банок типов 2 и 3 посредством фотопечати («Производство...», 1903. С. 253–290) наносился текст (рис. 3, 6, 7, 9). Фирмой «А. Ралле и К°» применялся другой способ оформления: полное (вместе с крышкой) оклеивание банки большой бумажной этикеткой с цветным рисунком (рис. 3, 8). Известна одна косметическая банка типа 3 (высота/диаметр: 3/7 см) с росписью кобальтом по крышке, изготовленная, по всей видимости, на одном из заводов братьев Фартальных (рис. 3, 13)⁶.

Производство косметических банок в Гжели, и непосредственно в деревне Речицы, было налажено уже в конце XVIII в. Их изготовлением еще в 1790-х годах занимался крестьянин Степан Федотов. По-видимому, он же, но под именем Степана Федорова, упоминается в 1816 г.

(Бадурова, Дулькина, 1986. С. 78). В 1820-х годах производством косметических банок наряду с посудой занималось два крестьянских завода, принадлежавших Егору Андрееву и Назару Иванову (Бадурова, Дулькина, 1986. С. 75), в 1850-х к ним прибавился завод Василия Журавлева (Селиванов, 1903. С. 32).

Интересен факт использования А.С. Пушкиным, в период его пребывания в Михайловском, в 1824–1826 гг., в качестве чернильницы синей косметической банки, по-видимому, гжельского производства. Об этом вспоминала соседка Пушкина, Екатерина Ивановна Осипова (Фок), бывавшая в имении в детстве («А.С. Пушкин...», 1998. С. 437).

Развитие производства косметических банок в Гжели, как в первой, так и во второй половине XIX в., было связано с превращением Москвы в центр парфюмерно-косметической и фармацевтической промышленности России. Если в начале 1830-х годов в Москве действовало только три «помадных» завода — купцов И.С. Красулина и В. Павлова и мещанина Ф.И. Тимофеева («Список фабрикантам...», 1833. С. 432), то в начале 1850-х годов их насчитывалось одиннадцать. На заводах работал 241 человек, и в год производилось продукции почти на 400000 рублей. Самыми крупными являлись заводы А.Б. Мусатова и А.А. Рале (открыт в 1850 г.), где было занято 184 человека и годовое производство составляло 273000 рублей («Статистическое обозрение...», 1856. С. 86–88). По наблюдению В.Г. Белинского, косметика в середине XIX в. имела широкое распространение в городах и крупных торговых селах России. И, прежде всего, в среде московских мещанок, для которых «белила, румяна и сурьма составляют неотъемлемую часть их самих...» (Белинский, 1845. С. 69).

Увеличению числа заводов и объемов парфюмерно-косметического и фармацевтического производства во второй половине XIX в. способствовали не только рост потребления изделий этой отрасли промышленности постоянно увеличивавшимся населением самой Москвы, но и широкие торговые связи города со всей Россией. Изделия московских парфюмерных фирм «А. Рале и К°», «Г. Брокар и К°», «А. Буис и К°» и фармацевтической компании «В.К. Феррейн» получили широкое распространение по всей стране. Так, производство завода Г. Брокара (открыт в 1864 г.) с 12 000 руб. в середине 1860-х годов выросло к началу 1880-х до 500 000 руб. («История Москвы», 1954. С. 122).

⁶ Хранится в Фонде изделий производства ЗАО Объединение «Гжель». Оф. 4402/1-2.

Одновременное производство и бытование глиняных, фаянсовых и фарфоровых косметических и аптечных банок находит подтверждение в археологическом материале Москвы. Так, в ходе исследования площади домовладения по ул. Трубная, д. 2/3, в 1995 г., в заполнении выгребной ямы второй половины XIX в. автором было найдено 35 косметических и аптечных банок (13 глиняных, 18 фаянсовых и 4 фарфоровых). Среди них имелись косметические банки типа 1 (13 штук) и типа 2 (4 штуки) и аптечные банки типа 1 (14 штук)⁷.

Помимо косметических и аптечных банок на заводах С.Т. и Я.Т. Фартовых производились и фаянсовые *сосуды-банки* для упаковки и продажи пищевых продуктов. Они имели цилиндрическое тулово двух типов:

1) прямого (высота/диаметр: 7/9 см), с прямо срезанным верхним краем и сплошным дном (рис. 4, 1);

2) прямого (высота/ диаметр: 7/7, 10/9, 12/11 см) со скругленным верхним краем, широкой канавкой и небольшим валиком под ней; дно с плоским углублением (рис. 4, 4, 6).

Сосуды-банки покрывались белой эмалью. На середину их боковой стенки методом переводной печати синей или зеленой краской перед обжигом наносилось торговое клеймо заказчика. Заводское клеймо на днищах этих банок, по видимому, не ставилось.

Такие сосуды-банки широко использовались в качестве упаковки в конце XIX — начале XX в. различными фирмами, торговавшими продуктами в Москве (рис. 4, 5). Судя по собранным фрагментам, на заводах Фартовых изготавливались аналогичные разноразмерные банки для крупнейшей в России фирмы молокопродуктов А.В. Чичкина. В 1906 г. ему только в Москве принадлежало 48 магазинов, были также магазины в Киеве, Одессе, Харькове, Ростове на Дону, Екатеринославле («Вся Москва...», 1906. С. 349). На банки наносилось торговое клеймо в виде овала из двух линий (широкой и узкой), внутри которого по верхнему и нижнему обводу и по линии наибольшего диаметра располагалась надпись: «Молочная торговля А.В. ЧИЧКИНА в Москве» (рис. 4, 1, 2, 4, 6). Подобные банки производились и для других заказчиков, но что указывает один фрагмент с иным, более сложным рисунком клейма (рис. 4, 2).

Как отмечалось ранее, на заводах братьев Фартовых изготавливались различные виды фаянсовой посуды: тарелки, миски, чайные

чашки с блюдцами, чайники, пиалы и кружки с крышками.

Тарелки по профилировке борта и дна выпускались четырех типов:

тип А (рис. 5, 12-А) — с вогнутой плоскостью борта (ширина 2,5–2,8 см, диаметр 20, 22, 24 см), дном без кольцевого поддона, мелкие (высота 2,0, 2,5, 3,0 см);

тип Б (рис. 5, 12-Б) — с ровной плоскостью борта, дном с кольцевым поддоном, мелкие, видимо, аналогичных с типом А размеров;

тип В (рис. 5, 12-В) — с ровной плоскостью борта (ширина 2,5, 3,0, 3,5 см, диаметр 20, 22, 24 см), дном с кольцевым поддоном, мелкие и средние (высота 2,5, 3,0, 3,5 см);

тип Г (рис. 5, 12-Г) — с узким, плавно переходящим в склон бортом (ширина 1,5 см, диаметр 20, 22 см), по внешнему краю которого нанесено кольцо крупного «буса», глубокие (высота 5,5 см).

Тарелки типов А, Б, В производились в Гжели и ранее, в частности, на заводе братьев Гулиных в середине XIX в. (Полюлях, 2004. С. 89). Новыми являются тарелки типа Г, появление которых следует относить к последней трети XIX в.

Тарелки всех типов выпускались как с декором, так и без него (кроме типа Г), чисто белыми, покрытыми эмалью (так называемое белье). Для декорирования применялся рельеф — крупный «бус» (на тарелках типа Г), монохромная (кобальтом, зеленой или красной краской) и полихромная роспись, печатный декор.

Монохромная роспись кобальтом наносилась на тарелки типа А и Б в виде двух рядов отдельных или сомкнутых колец, иногда с четырьмя точками внутри, по борту и склону, и цветочной композицией, заключенной в окружность в центре зеркала (рис. 5, 1, 2, 22). Кобальтом, по видимому, расписывались и борта тарелок типа Г (рис. 5, 13).

Монохромная роспись красным (рис. 5, 10, 17, 21) или зеленым цветом выполнялась на тарелках типа Г. Фрагмент с такой росписью имеет клеймо завода Я.Т. Фартового (рис. 5, 21; клеймо — рис. 11, 3).

В большей мере, судя по соотношению фрагментов, при декорировании тарелок применялась полихромная, четырехцветная (синий, красный, зеленый и черный) кистевая роспись. Она состояла из линий отводки красного или синего цвета по внешнему краю борта, по линии его перегиба у склона и у линии перехода склона на зеркало тарелки и простых компози-

⁷ Отчет в археологическом отделе МИГМ.

ций в виде пояса из цветов, листьев, ягод и веточек, которыми расписывался борт (и склон тарелок типа Г) между линиями отводки (рис. 5, 3–5, 10, 12 — Г, 14–16, 18, 20). Зеркало тарелок расписывалось более сложными цветочными композициями, включавшими крупные красные цветы, веточки, зеленые листья и синие точки-ягоды (рис. 5, 19, 23).

Применялся и более простой вариант декорирования, при котором по борту тарелок и у линии перехода склона на зеркало наносились четыре тонкие линии отводок черного или красного цвета и одной широкой синего или зеленого цвета между ними (рис. 5, 6–9, 11).

Печатный декор наносился на тарелки всех типов по их борту, склону и, в виде отдельной композиции, на зеркало. Полученный материал позволяет установить 15 вариантов печатных рисунков борта (рис. 6, 1–14, 17) с преимущественно растительными (реже — растительно-геометрическими) сложно орнаментальными композициями в виде гирлянд и 5 вариантов рисунков зеркала тарелок (рис. 6, 15–18). Печать выполнялась в основном красным (бордо) цветом (рис. 6, 1, 3–6, 8, 9, 14, 17, 19), реже — черным (рис. 6, 7, 10, 15), синим (рис. 6, 11, 12, 16, 18) и зеленым (рис. 6, 2, 13).

Печатный рисунок борта, состоящий из положенных друг на друга кленовых листьев чер-

ного цвета (рис. 6, 4), аналогичен рисунку фаянсовой тарелки завода И.А. Иконникова, действовавшего в 1865–1879 гг. в селе Елизаветино Богородского уезда⁸.

Тарелки с печатным декором, судя по фрагментам с клеймами, производились как на заводе С.Т. Фартального (рис. 6, 16; рис. 11, 5), так и на заводе Я.Т. Фартального (рис. 6, 19; рис. 11, 7, 8, 9).

Миски имели форму усеченного конуса с отогнутым нешироким (от 1,7 до 2,7 см — в зависимости от объема) плоским бортом и округлым валиком по его внешнему краю; дно либо плоское, без кольцевого поддона (вариант А), либо с кольцевым поддоном (вариант Б) (рис. 7, 5). Судя по одинаковой высоте (5–6 см) и по диаметрам внешнего края борта (20, 22, 24, 26, 28 см), они выпускались пяти размеров (объемов). Преобладающими являлись миски диаметром 24 и 26 см.

Миски были как чисто белые, покрытые эмалью, так и декорированные кистевой монохромной (кобальтом) и полихромной росписью, штампованным и печатным орнаментом.

Монохромная роспись кобальтом заключалась в декорировании борта и верхней части его склона двумя рядами смыкающихся колец с точками внутри и группы колец в виде круга в центре зеркала (рис. 7, 1, 20). При этом краска, по-видимому, сильно разводилась водой, отчего роспись кажется неаккуратной. Так декорировались миски, имевшие плоское, с кольцевым поддоном, дно (рис. 6, 5, вариант Б), на внешней стороне которого оттискивалось штампом овальное клеймо, предположительно, завода С.Т. Фартального (рис. 11, 2).

Помимо монохромной кобальтовой применялась и полихромная, трехцветная (синий, красный и зеленый) кистевая роспись. Она состояла из линий отводки красного, голубого или синего цвета по внешнему краю борта, по линии его перегиба у склона и у линии перехода склона на зеркало миски. Пространство между линиями отводки борта (иногда и склон), а также центр зеркала расписывались композициями из цветов, листьев, ягод и веточек (рис. 7, 3, 4, 7–11, 17, 18, 22, 23).

Применялся и аналогичный тарелкам простой вариант декорирования мисок с нанесением по борту трех тонких линий-отводок зеленого и одной широкой синего цвета между ними (рис. 7, 6).

Новым, не традиционным, являлся способ хаотично нанесенного зигзагообразного орнамен-

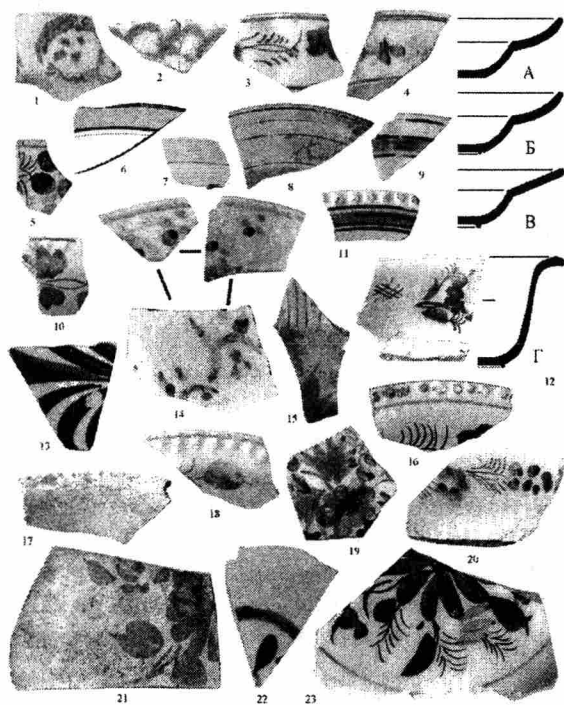

Рис. 5. Тарелки с кистевой росписью

⁸ Тарелка хранится в частной коллекции.

Одновременное производство и бытование глиняных, фаянсовых и фарфоровых косметических и аптечных банок находит подтверждение в археологическом материале Москвы. Так, в ходе исследования площади домовладения по ул. Трубная, д. 2/3, в 1995 г., в заполнении выгребной ямы второй половины XIX в. автором было найдено 35 косметических и аптечных банок (13 глиняных, 18 фаянсовых и 4 фарфоровых). Среди них имелись косметические банки типа 1 (13 штук) и типа 2 (4 штуки) и аптечные банки типа 1 (14 штук)⁷.

Помимо косметических и аптечных банок на заводах С.Т. и Я.Т. Фартовых производились и фаянсовые *сосуды-банки* для упаковки и продажи пищевых продуктов. Они имели цилиндрическое тулово двух типов:

1) прямого (высота/диаметр: 7/9 см), с прямо срезанным верхним краем и сплошным дном (рис. 4, 1);

2) прямого (высота/ диаметр: 7/7, 10/9, 12/11 см) со скругленным верхним краем, широкой канавкой и небольшим валиком под ней; дно с плоским углублением (рис. 4, 4, 6).

Сосуды-банки покрывались белой эмалью. На середину их боковой стенки методом переводной печати синей или зеленой краской перед обжигом наносилось торговое клеймо заказчика. Заводское клеймо на днищах этих банок, по видимому, не ставилось.

Такие сосуды-банки широко использовались в качестве упаковки в конце XIX — начале XX в. различными фирмами, торговавшими продуктами в Москве (рис. 4, 5). Судя по собранным фрагментам, на заводах Фартовых изготавливались аналогичные разноразмерные банки для крупнейшей в России фирмы молокопродуктов А.В. Чичкина. В 1906 г. ему только в Москве принадлежало 48 магазинов, были также магазины в Киеве, Одессе, Харькове, Ростове на Дону, Екатеринославле («Вся Москва...», 1906. С. 349). На банки наносилось торговое клеймо в виде овала из двух линий (широкой и узкой), внутри которого по верхнему и нижнему обводу и по линии наибольшего диаметра располагалась надпись: «Молочная торговля А.В. ЧИЧКИНА в Москве» (рис. 4, 1, 2, 4, 6). Подобные банки производились и для других заказчиков, но что указывает один фрагмент с иным, более сложным рисунком клейма (рис. 4, 2).

Как отмечалось ранее, на заводах братьев Фартовых изготавливались различные виды фаянсовой посуды: тарелки, миски, чайные

чашки с блюдцами, чайники, пиалы и кружки с крышками.

Тарелки по профилировке борта и дна выпускались четырех типов:

тип А (рис. 5, 12-А) — с вогнутой плоскостью борта (ширина 2,5–2,8 см, диаметр 20, 22, 24 см), дном без кольцевого поддона, мелкие (высота 2,0, 2,5, 3,0 см);

тип Б (рис. 5, 12-Б) — с ровной плоскостью борта, дном с кольцевым поддоном, мелкие, видимо, аналогичных с типом А размеров;

тип В (рис. 5, 12-В) — с ровной плоскостью борта (ширина 2,5, 3,0, 3,5 см, диаметр 20, 22, 24 см), дном с кольцевым поддоном, мелкие и средние (высота 2,5, 3,0, 3,5 см);

тип Г (рис. 5, 12-Г) — с узким, плавно переходящим в склон бортом (ширина 1,5 см, диаметр 20, 22 см), по внешнему краю которого нанесено кольцо крупного «буса», глубокие (высота 5,5 см).

Тарелки типов А, Б, В производились в Гжели и ранее, в частности, на заводе братьев Гулиных в середине XIX в. (Полюлях, 2004. С. 89). Новыми являются тарелки типа Г, появление которых следует относить к последней трети XIX в.

Тарелки всех типов выпускались как с декором, так и без него (кроме типа Г), чисто белыми, покрытыми эмалью (так называемое белье). Для декорирования применялся рельеф — крупный «бус» (на тарелках типа Г), монохромная (кобальтом, зеленой или красной краской) и полихромная роспись, печатный декор.

Монохромная роспись кобальтом наносилась на тарелки типа А и Б в виде двух рядов отдельных или сомкнутых колец, иногда с четырьмя точками внутри, по борту и склону, и цветочной композицией, заключенной в окружность в центре зеркала (рис. 5, 1, 2, 22). Кобальтом, по видимому, расписывались и борта тарелок типа Г (рис. 5, 13).

Монохромная роспись красным (рис. 5, 10, 17, 21) или зеленым цветом выполнялась на тарелках типа Г. Фрагмент с такой росписью имеет клеймо завода Я.Т. Фартового (рис. 5, 21; клеймо — рис. 11, 3).

В большей мере, судя по соотношению фрагментов, при декорировании тарелок применялась полихромная, четырехцветная (синий, красный, зеленый и черный) кистевая роспись. Она состояла из линий отводки красного или синего цвета по внешнему краю борта, по линии его перегиба у склона и у линии перехода склона на зеркало тарелки и простых компози-

⁷ Отчет в археологическом отделе МИГМ.

ций в виде пояса из цветов, листьев, ягод и веточек, которыми расписывался борт (и склон тарелок типа Г) между линиями отводки (рис. 5, 3–5, 10, 12 — Г, 14–16, 18, 20). Зеркало тарелок расписывалось более сложными цветочными композициями, включавшими крупные красные цветы, веточки, зеленые листья и синие точки-ягоды (рис. 5, 19, 23).

Применялся и более простой вариант декорирования, при котором по борту тарелок и у линии перехода склона на зеркало наносились четыре тонкие линии отводок черного или красного цвета и одной широкой синего или зеленого цвета между ними (рис. 5, 6–9, 11).

Печатный декор наносился на тарелки всех типов по их борту, склону и, в виде отдельной композиции, на зеркало. Полученный материал позволяет установить 15 вариантов печатных рисунков борта (рис. 6, 1–14, 17) с преимущественно растительными (реже — растительно-геометрическими) сложно орнаментальными композициями в виде гирлянд и 5 вариантов рисунков зеркала тарелок (рис. 6, 15–18). Печать выполнялась в основном красным (бордо) цветом (рис. 6, 1, 3–6, 8, 9, 14, 17, 19), реже — черным (рис. 6, 7, 10, 15), синим (рис. 6, 11, 12, 16, 18) и зеленым (рис. 6, 2, 13).

Печатный рисунок борта, состоящий из положенных друг на друга кленовых листьев чер-

ного цвета (рис. 6, 4), аналогичен рисунку фаянсовой тарелки завода И.А. Иконникова, действовавшего в 1865–1879 гг. в селе Елизаветино Богородского уезда⁸.

Тарелки с печатным декором, судя по фрагментам с клеймами, производились как на заводе С.Т. Фартального (рис. 6, 16; рис. 11, 5), так и на заводе Я.Т. Фартального (рис. 6, 19; рис. 11, 7, 8, 9).

Миски имели форму усеченного конуса с отогнутым нешироким (от 1,7 до 2,7 см — в зависимости от объема) плоским бортом и округлым валиком по его внешнему краю; дно либо плоское, без кольцевого поддона (вариант А), либо с кольцевым поддоном (вариант Б) (рис. 7, 5). Судя по одинаковой высоте (5–6 см) и по диаметрам внешнего края борта (20, 22, 24, 26, 28 см), они выпускались пяти размеров (объемов). Преобладающими являлись миски диаметром 24 и 26 см.

Миски были как чисто белые, покрытые эмалью, так и декорированные кистевой монохромной (кобальтом) и полихромной росписью, штампованным и печатным орнаментом.

Монохромная роспись кобальтом заключалась в декорировании борта и верхней части его склона двумя рядами смыкающихся колец с точками внутри и группы колец в виде круга в центре зеркала (рис. 7, 1, 20). При этом краска, по-видимому, сильно разводилась водой, отчего роспись кажется неаккуратной. Так декорировались миски, имевшие плоское, с кольцевым поддоном, дно (рис. 6, 5, вариант Б), на внешней стороне которого оттискивалось штампом овальное клеймо, предположительно, завода С.Т. Фартального (рис. 11, 2).

Помимо монохромной кобальтовой применялась и полихромная, трехцветная (синий, красный и зеленый) кистевая роспись. Она состояла из линий отводки красного, голубого или синего цвета по внешнему краю борта, по линии его перегиба у склона и у линии перехода склона на зеркало миски. Пространство между линиями отводки борта (иногда и склон), а также центр зеркала расписывались композициями из цветов, листьев, ягод и веточек (рис. 7, 3, 4, 7–11, 17, 18, 22, 23).

Применялся и аналогичный тарелкам простой вариант декорирования мисок с нанесением по борту трех тонких линий-отводок зеленого и одной широкой синего цвета между ними (рис. 7, 6).

Новым, не традиционным, являлся способ хаотично нанесенного зигзагообразного орнамен-

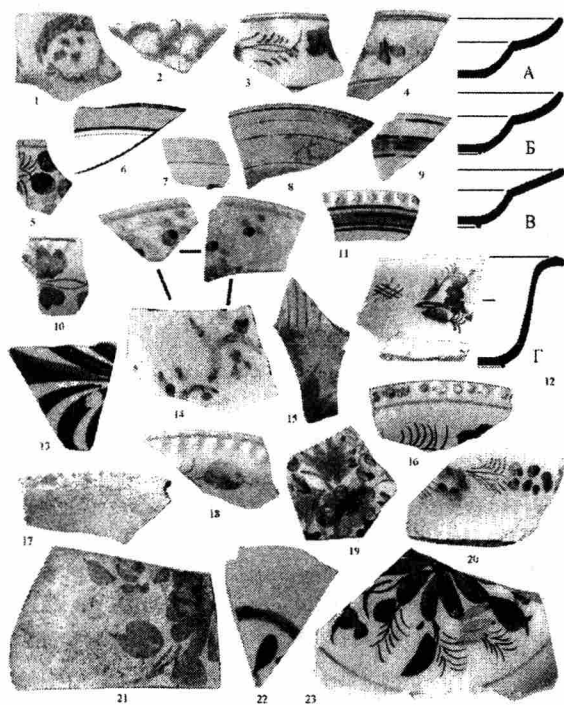

Рис. 5. Тарелки с кистевой росписью

⁸ Тарелка хранится в частной коллекции.

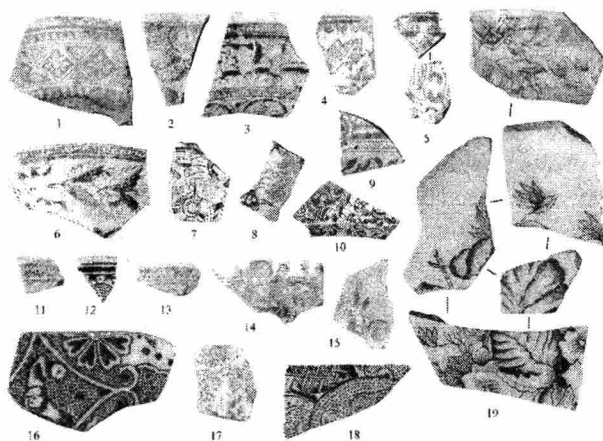

Рис. 6. Тарелки с печатным декором

та мягкими (видимо, резиновыми) штампами двух цветов — красного и зеленого. Он наносился по борту от красной линии отводки, заходя немного на склон, и в центре зеркала в окружности красного цвета (рис. 7, 2, 21). Такой декор имели миски с плоским, без кольцевого поддона, дном (рис. 7, 5, вариант А), на внешней стороне которого ставилось рельефное овальное клеймо завода С.Т. Фартального (рис. 11, 2).

Для декорирования мисок использовался и метод переводной печати. Рисунок наносился на борт с заходом на склон, иногда до его середины. По найденным фрагментам выявлено четыре варианта печатных рисунков с растительными и

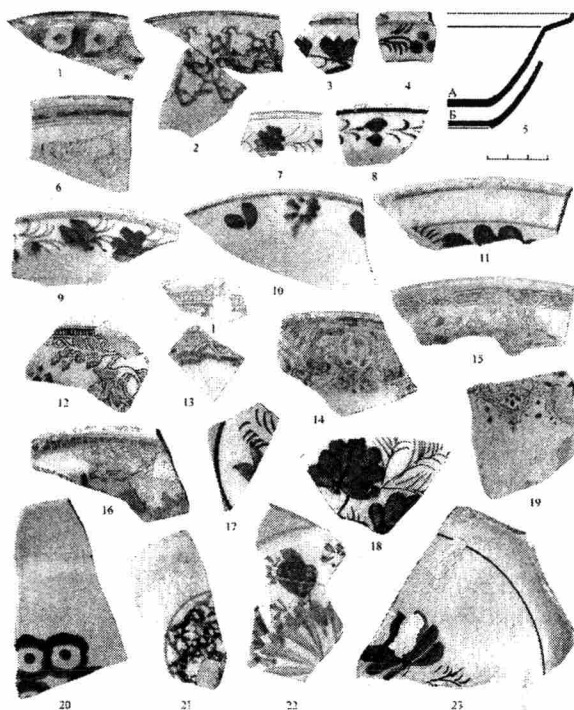

Рис. 7. Миски с кистевой росписью и печатным декором

сложно орнаментальными композициями в виде гирлянд, выполненных преимущественно красным (бордо), реже голубым цветом (рис. 7, 12–16, 19).

Пиалы, или так называемые полоскательные и полуполоскательные чаши (Нентцель, 1864. С. 43), имевшие полусферическое тулово, выпускались в основном стандартного размера: высота — 7 см, диаметр верхнего края — 16 см, диаметр дна — 8 см. Однако встречались фрагменты форм меньшего размера, имевшие высоту — 6 см, диаметр верхнего края — 10 см и диаметр дна — 5 см.

По профилировке кольцевого поддона пиалы разделяются на два типа:

тип А — с высоким рельефным поддоном, с двумя узкими и одной широкой канавкой между ними (рис. 8, 3, 8);

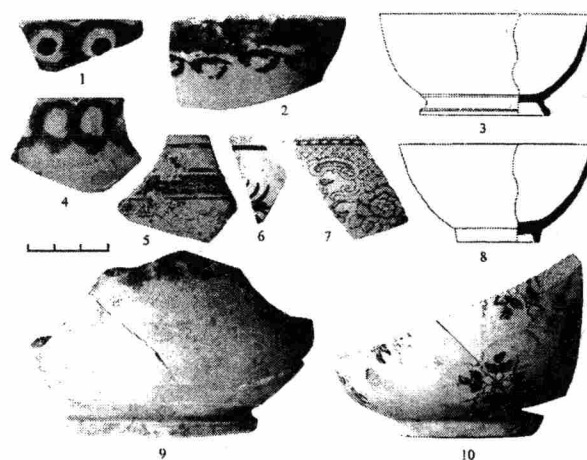

Рис. 8. Пиалы

тип Б — с невысоким поддоном (рис. 8, 7, 9).

Пиалы декорировались по эмали монохромной (кобальтом) и полихромной росписью, а также переводной печатью. Декор наносился на верхней части внешней стороны.

Монохромная роспись кобальтом, известная на пиалах типа А, выполнялась в виде ряда смыкающихся колец с точками внутри (или без них) (рис. 8, 1, 4) и неровной широкой полосы в сочетании с рядом колец под ней (рис. 8, 2).

Полихромная роспись состояла из трех тонких линий темно-красного цвета, нанесенных через одинаковый интервал, с расположенной между второй и третьей линиями широкой полосы зеленого цвета (рис. 8, 5).

Печатный декор наносился в основном на пиалы типа Б. Отмечено только два варианта печатных рисунков пиал. Первый, красного цвета, состоял из ряда точек, узкой красной каймы с

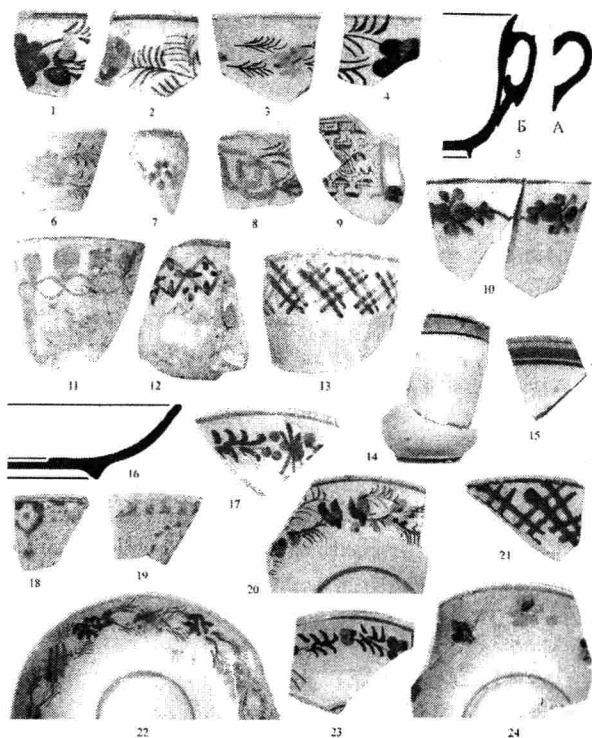

Рис. 9. Чайные чашки и блюдца

белыми ромбами, сетки с точками в ячейках в сочетании с перевитыми стеблями, листьями и крупными цветами (рис. 8, 6). Второй выполнялся в виде трех горизонтальных рядов чередующихся одинаковых композиций синего цвета, состоящих из цветка с трилистниками по четырем сторонам и усиками между ними (рис. 8, 9).

В ассортимент изделий заводов Фартальных входили чайные чашки с блюдцами и чайники. Чашки были тюльпановидной формы (высота — 7 см, диаметр верхнего края — 7 см), с кольцевым поддоном и ручкой традиционной (вариант А), либо немного усложненной профилировки (вариант Б), состоящей из овала и отходящего вниз отростка (рис. 9, 5). Блюдца имели выпуклые стенки (диаметр по верхнему краю — 15 см, высота — 2,8–3,0 см), кольцевой поддон и небольшое плоское углубление для чашки в центре зеркала (рис. 9, 16).

Декорировались чашки и блюдца полихромной и монохромной кистевой росписью и переводной печатью. Обычно декор чашки соответствовал декору блюдца.

Для росписи использовались четыре цвета: синий, красный, зеленый и черный. Обязательно наносилась отводка красного или синего (голубого) цвета: на чашку — снаружи, по верхнему краю и поддону, на блюдце — по верхнему внутреннему краю и в центр зеркала вокруг плоского углубления.

При полихромном и монохромном декорировании применялось не менее пяти вариантов росписи, наносившейся у верхнего края чашек и блюдец:

I. Цветочная гирлянда (четыре подварианта):

1-й подвариант — гирлянда, состоящая из трех чередующихся элементов — двойных красных веточек, синего или красного цветка с зелеными листьями и шести синих пересекающихся штрихов (рис. 9, 1–4, 6, 7, 20, 22), иногда в гирлянду включался элемент из двух ромбов (рис. 9, 8);

2-й подвариант — гирлянда, состоящая из чередующихся синих и зеленых цветов и двойных красных веточек (рис. 9, 24);

3-й подвариант — гирлянда, состоящая из сине-красных цветов с зелеными листьями вокруг них (рис. 9, 10);

4-й подвариант — гирлянда, состоящая из выполненных точками красных и синих цветов с зелеными штрихами-листьями, соединенными черными веточками (рис. 9, 17, 23).

II. Штриховка парными пересекающимися линиями темно-красного (бордо) или зеленого цвета (рис. 9, 13, 21).

III. Кайма из двух тонких линий отводки черного цвета с красной полосой между ними (рис. 9, 14, 15).

IV. Кайма из перевитых стеблей и цветов красного цвета (рис. 9, 11).

V. Кайма из ромбов красного цвета со штрихами внутри и синими точками под ними (рис. 9, 12).

Чашки и блюдца иногда декорировались переводной печатью. Известно три варианта печатных рисунков:

а) в верхней части чашки, орнаментальный пояс синего цвета из растительно-геометрических элементов (рис. 9, 9);

б) на стенке блюдца, сложная композиция синего цвета из растительных элементов (рис. 9, 18);

в) на стенке блюдца, кайма красного цвета из геометрических элементов с розетками по точечному полю (рис. 9, 19).

Клейма на чашки не ставились. Отмечены штампованные рельефные клейма на блюдцах с кистевой росписью (на днище в центре кольцевого поддона) в виде надписи «Ф. Я.Т. ФАРТАЛЬ-НОВА» (рис. 11, 3).

Рассмотренный керамический материал позволил атрибутировать чайную чашку без клейма из коллекции Музея истории города Москвы, как относящуюся к изделиям завода Я.Т. Фартального (оф. 7290). По форме и размерам она идентична вышеописанным чашкам и имеет ручку усложненной профилировки (вариант Б).

По верхнему краю и по кольцевому поддону нанесены голубые линии отводки, а по тулову на уровне ручки выполнена полихромная роспись, стилистически схожая с третьим подвариантом цветочной гирлянды, но с дополнением в виде сетки между соцветиями.

Чайники овоидной формы производились двух размеров: большие (высота 15–16 см, диаметр — 18–20 см) и средние (высота 10 см, диаметр — 12 см), с сильно выгнутой вдоль тулова ручкой, отогнутой манжеткой вокруг заливного отверстия и конусовидной крышкой (высота 3 см, диаметр — 6,5 см) с ручкой-выступом (рис. 10, 1, 5).

Декорировались чайники монохромной и полихромной росписью, с использованием красного, зеленого и синего цвета. Монохромный декор состоял из отводки по верхнему краю внутренней стороны манжетки и по тулову у основания, а также по осевой линии ручки и носика-слива. На крышку наносились линии отводки по краю и по верхней поверхности ручки, с противоположных сторон от нее — 2 группы из трех соцветий (рис. 10, 5). Полихромный декор в виде композиции, состоящей из крупного красного цветка-колеса в центре, зеленых листьев, красных веточек и синих ягод вокруг него, заполнял почти всю боковую поверхность чайника. Крышка расписывалась красными и зелеными цветами и веточками (рис. 10, 2, 3).

В ассортимент изделий завода С.Т. Фартального входили и фаянсовые кружки с крышками, декорировавшиеся переводной печатью. Одна из таких кружек находится в Фонде изделий производства ЗАО Объединение «Гжель» (Оф. 1293; рис. 10, 9). Она имеет цилиндрическое тулово (высота — 15,5, диаметр — 10,6 см) с двумя узкими и одной широкой канавкой (между ними) в придонной части, толстую ручку и сферическую крышку с конической ручкой. На тулово кружки (чуть смазано) нанесен печатный рисунок синего цвета с сюжетом в восточном стиле (водопад, постройки и фигуры людей). Неопределенные рисунки выполнены и на поверхности крышки. На территории заводов Фартальных найдены фрагменты крышек (диаметр — 8 см, высота — 3,5 см) с печатным растительным декором красного цвета (рис. 10, 4), видимо, относящиеся к этому виду кружек. Отмечены и фрагменты этих кружек, декорированные чередующимися коричневыми полосами и линиями. Аналогичные кружки с крышками выпускались в Гжели и прежде. Кружка с коричневыми полосами, росписью ко-

бальтом и датой «1826 год» хранится в коллекции Государственного Исторического музея⁹. Во второй четверти XIX в. такие же кружки производились на заводах братьев Гулиных в деревне Фрязино (Полюях, 2004. С. 94. Рис. 5, 3, 4) и братьев Самсоновых в деревне Кошерово¹⁰.

Собранный в ходе обследования территории заводов братьев Я.Т. и С.Т. Фартальных керамический материал позволил получить ряд новых, не известных прежде посудных клейм этих заводов (рис. 11). Клейма на фаянсовую посуду наносились двух типов: оттиснутые штампом и печатные (надглазурные). Штампованных клейм встречено три варианта: круглое «Ф. С.Т. ФАРТАЛЬНОВА» (рис. 11, 1), овальное «ФАБРИКИ С.Т. ФАРТАЛЬНОВА» (рис. 11, 2) и подовальное «Ф. Я.Т. ФАРТАЛЬНОВА» (рис. 11, 3). Печатных клейм обнаружено четыре варианта: черного цвета «...{ФАРТАЛ}ЬНОВА» (рис. 11, 4), синего цвета «Ф. С.Т. {ФАРТ}АЛЬНОВА» (рис. 11, 5) и «...{ФАРТАЛ}ЬНОВА» (рис. 11, 6) и красного цвета «Ф. Я.{Т. ФАРТАЛЬНОВА}» (рис. 11, 7). Последнее клеймо (рис. 11, 7) удалось дополнить другим фрагментом (рис. 11, 8) и получить его более полный вид (рис. 11, 9).

Характерно, что клейма, оттиснутые штампом, ставились на посуду с росписью, а печатные — на посуду с печатным декором.

Следует отметить отсутствие клейм завода Н.Я. Фартального, наследника Я.Т. Фартального.

Ассортимент изделий заводов Фартальных, помимо посуды, включал также и сантехнические изделия: туалетные тазы, ночные горшки. Туалетные тазы (диаметр по верхнему краю — 36 см, высота — 10,5 см) конической формы с разложистым верхним краем на высоком кольцевом поддоне изготавливались без декора, чисто белыми, покрытыми эмалью (рис. 10, 8).

На заводе Николая Яковлевича Фартального, наследовавшего в 1897 г. завод своего отца, в начале XX в. производились и фарфоровые изделия. Об этом свидетельствуют бракованные фрагменты чайной посуды (чашки с блюдцами и чайники), детских игрушек (фигурки животных, чайная кукольная посуда) и технических изделий. Сведения о производстве фарфора заводами Я.Т. и С.Т. Фартальных в архивных и опубликованных документальных источниках отсутствуют. По-видимому, изготовлением фарфоровых изделий занимался Н.Я. Фартальный. На это указывают стилистические особенности форм и росписи найденных фрагментов посуды, а также фрагмент детской игрушки —

⁹ ГИМ. Оф. 31061/571, фс. (Григорьева, Дулькина, 1988. С. 119).

¹⁰ ГИМ. 78092—168/2050, фс. («Гжель», 1989. С. 48).

основание фигурки неопознанного домашнего животного (собаки, козы или лошади), покрытое зеленой краской (рис. 10, 6). Аналогичные детские игрушки в начале XX в. изготавливались и на других гжельских заводах (рис. 10, 7) («Два века...», 2006. С. 261).

Таким образом, керамический материал позволяет уточнить и дополнить краткие сведения документальных источников о производстве заводов братьев Я.Т. и С.Т. Фартальных. Одновременно с разнообразием ассортимента, демонстрируется и разнообразие декора фаянсовых изделий указанных заводов (о чем не позволяли судить немногочисленные предметы музейных коллекций). Основным способом декорирования

оставалась полихромная роспись, как технологически менее сложная (по сравнению с печатью) и более привлекательная для покупателя. Наряду с ней использовалась и монохромная роспись кобальтом — традиционно гжельский способ декорирования фаянсовой посуды, возникший еще в начале XIX в. При этом роспись посуды выполнялась художниками разного, зачастую не самого высокого уровня подготовки произвольно, без использования каких-либо шаблонов.

Таким образом, можно не сомневаться в том, что полученные данные позволят более точно датировать горизонт культурного слоя нового времени в процессе городских археологических исследований.

Литература

- А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. СПб., 1998.
- Бадурова А.Л., Дулькина Т.И., 1986. Фарфоро-фаянсовые и полуфаянсовые заводы в России XVIII—XIX вв. // Тр. ГИМ. Вып. 62. М.
- Белинский В.Г., 1845. Петербург и Москва. // Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Под ред. Н. Некрасова. СПб.
- Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1906 год. М., 1906.
- Гжель. Керамика 18—19 веков. Керамика 20 века. М., 1989.
- Григорьева Н.С., Дулькина Т.И., 1988. Керамика Гжели XVIII—XX вв. Л.
- Два века русского детства. XVIII — начало XX века. М., 2006.
- Дулькина Т.И., 2000. Гжель. Тонкий фаянс. М.
- Исаев А., 1876. Промыслы Московской губернии. Т. 2.
- История Москвы. Т. IV. М., 1954.
- Матисен Н., 1873. Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М.
- Сведения о фабриках и заводах Московской губернии. М., 1885.
- Нентцель А., 1864. Очерки Гжели // Сборник материалов для истории Москвы и Московской губернии. М.
- Полулях А.А., 2004. Новые материалы о фаянсовом производстве завода Гулиных. // Тр. ГИМ. Вып. 143. М.
- Производство художественных глиняных изделий. Сост. А.Х. Певцов. М., 1903.
- Селиванов А.В., 1903. Фарфор и фаянс Российской империи. Владимир.
- Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. Ч. 2. М., 1833.
- Список фабрик и заводов Европейской России. М., 1903.
- Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. Сост. С. Тарасов. М., 1856.
- Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Сост. П.А. Орлов. СПб., 1887.
- Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.

Summaries

E.I. Gak, M.I. Gonyany

Stratified settlement Podol 1 in the historical part of Podolsk: Results of the investigations and interpretation of the materials

The publication is devoted to the results obtained in the course of archaeological investigations of stratified settlement Podol 1. The recovered materials represent different historical periods from the Neolithic to the High Middle Ages. Of special interest are the finds related to the dwelling site of the terminal stage of the Bronze Age.

V.Yu. Koval

The Late Bronze Age sites in the Kolomna district, the Oka River basin

In the article new finds of the Bronze Age period are published. The sites were discovered on the Oka River in the vicinities of Kolomna. The author considers the materials and puts forward the conclusion that the investigated territory was settled during the whole Bronze Age, including its final stage, though the density of population in that period was insignificant.

N.A. Krenke

A.V. Chayanov's archaeological researches in the Moskva River valley in 1928 and 1929

The paper is a comment to the publication of A.V. Chayanov's report on the field works. It considers the whereabouts of the field researches, special attention being paid to the description of the innovative methods of archaeological investigations introduced by Chayanov. Among those most important are: complex character of the researches including combined historical, archaeological and geographical approach; special stress made on the investigation of sites lacking surface indications (non-fortified settlements) and the territories of historically known rural settlements; detailed registration of stratigraphic data, micro-relief and finds.

A.V. Chayanov

Report on the archaeological works in Zvenigorod uezd carried out in 1928 and 1929

The complete text of two reports from the archive of the Institute of material culture, Russian Academy

of Sciences is published. The reports contain a description of the field works carried on in 1928 and 1929, as well as the major part of illustrations. The reports are devoted to the surveys in the Moskva River valley in the area from the town of Zvenigorod to the Istra River estuary, test excavations at the Uspenskoe hillfort, and investigations of three kurgans of the cemetery at Nikolina Gora.

N.A. Syrovatko, A.S. Syrovatko

Concerning some problems in investigation of dwellings of D'yakovo culture

The article considers the available data on house-building of the D'yakovo tribes. The question concerning the existence of subterranean dwellings in the Iron Age is considered in details. Dwellings of this type were for the first time discovered by V.A. Gorodtsov at the Starshee Kashirskoe and Ogubskoe hillforts. The authors point to the facts, when the objects identified as subterranean dwellings in the course of excavations conducted in 1930-s – 1960-s, really turned to be objects of other types. The question concerning the spread in D'yakovo culture of the constructions similar to those discovered by A.V. Engovatova at hillfort Nastas'ino in 1999–2000 is specially considered. These houses were marked by specific manner of building walls: their traces look like trenches with the chains of post-holes inside. Having analysed the data from the earlier excavations, the authors succeeded to identify constructions of the Nastas'ino type at several sites.

A.S. Syrovatko

Some specific features of the D'yakovo pottery complex from the Rostislavl hillfort

In the paper the results of investigation of the pottery complex from the Early Iron Age hillfort Rostislavl are published. In the lower layer pottery with smooth surface dominated over net-impressed ware, by this proportion the site is similar to the hillforts of so-called Kashira group. But in the Rostislavl rampart, constructed evidently in later period, the proportion of pottery groups was different. Now net-impressed pottery prevailed decorated with parallel thread impressions (spun-impressed ware). Pottery with such types of net-like

impressions is characteristic mostly of the settlements on the Oka middle reaches and the Moskva River lower reaches in the last quarter of the 1st mill. BC. The discussed materials were compared with those from hillfort Gorodna situated at the Osetr River estuary. The author makes the conclusion, that the pottery from Gorodna was radically different, which can be seen from the low rate of the ware with smooth surface and net-impressed pottery with spun decoration.

A.N. Medved'

The Early Iron Age arrowheads from the Rostislavl hillfort

In the publication the author presents a systematic classification of bone and iron arrowheads of the Early Iron Age from the Rostislavl hillfort situated in the valley of the Oka River (tributary of the Volga). The arrowheads were spread in the area of D'yakovo culture (the Early Iron Age, the 1st mill. BC – the first part of the 1st mill. AD). The following conclusions are put forward: changes of arrowheads' types evidence transformations in the material culture of the site's inhabitants, and, probably, change of population in the first centuries AD. A unique find of the bronze arrowhead attributed to the Scythian culture is considered separately.

V.Yu. Koval

The problems of investigation of spatial structure and settlements building in Medieval Rus'

In the article a series of problems are considered related to the interpretation of the archaeological objects that represent the remains of dwellings and household constructions in Medieval Rus'. It is commonly held that destroyed timber constructions produced a thin debris horizon in "dry" cultural deposit (no more than 20 cm thick). Sunken parts of such constructions most often were filled not with the ruined upper parts of the timber houses, but with the soil deliberately brought to level the foundation trenches that remained after the constructions were dismantled.

A.V. Engovatova, V.Yu. Koval

The Myakinino complex of archaeological sites

The complex of archaeological sites situated in the Moskva River flood-plain comprises 3 non-fortified dwelling sites of the Early Iron Age, 3 medieval open dwelling sites of the 12th – 15th and 13th – 16th cc., kurgan cemetery of the 12th – 13th cc. and the remains of field camp of the 16th c. The sites occupy an area around 3 sq. km large. Archaeological investigations of the sites have yielded extremely rich materials highlighting the early period of the Slavic population's settling in the Moskva River valley. It was established that in this process participated

migrants from southern Russian lands and from the Upper Volga region. The central open dwelling site of the investigated micro-region is Myakinino 1. In this village representatives of administration had their residence: these people used such indications of high social status as stone pendant icons, reliquary cross, amulet of zmeevik type, wine supplied in Byzantine amphorae, glazed bowls produced in the Golden Horde, bronze fingering bearing the sign of the Juchi dynasty members.

O.I. Khizhnyakov

On the problem of the spatial structure and borders of Myakinino-2 dwelling site

The article is devoted to some preliminary results of the archaeological investigations conducted at medieval dwelling site Myakinino-2 located in Moscow region. The excavated area totals ca. 10000 sq. m. The site functioned within the chronological span from the 12th to the second part of the 16th cc. The results of the excavations allow to put forward some conclusions concerning spatial structure of the settled territory and chronological transformations of its south-western border during the entire period of its existence.

A.A. Gol'yeva

Soil investigations at the Myakinino archaeological sites

Within the territory of the Myakinino archaeological site cultural deposits of different age were investigated, as well as burial associations and buried soils of the kurgan cemetery. According to the data provided by soil science for Myakinino III and Myakinino V, most probably, no permanent sites of long duration existed in the discussed spots. The analytical studies of the buried soils from the medieval kurgan necropolis single out several stages in the process of the kurgans' construction and characterize specific features of the mounds' construction. They also allow to make an assessment of the changes in natural environment that occurred during the process of the territory development, and obtain reliable data on the specifics of the burials revealed in the excavated kurgans.

A.G. Veksler, Yu.A. Likhter

Glass objects at the rural dwelling site Myakinino-2

(From the excavation seasons of 1994–1998)

In the paper samples of glass artefacts are considered (fragments of bracelets, fingerings, beads) discovered in 1994–1998 in the course of the excavations carried out at rural dwelling site Myakinino-2 in the Moscow region. All finds date from the 12th – 14th cc. Of special interest is a fingering

inlay with the image of a male head shown half-faced, and executed in Classical style. The inlay was made of a turquoise-coloured bead.

A.A. Gol'yeva

Investigations at the archaeological sites of the Moscow region with application of the methods of natural sciences

In the article the author presents a review of successful application of wide range of the methods of natural sciences in the researches carried out at archaeological sites. The author shows the prospects of the interdisciplinary approach, when answering such questions as dwelling sites' location, stages of their functioning, intensity of transformations the initial natural landscape underwent, specific technical features of building separate constructions.

N.G. Nedoshivina

Medieval Russian cemetery Kablukovo in the Moscow region

Kurgan cemetery Kablukovo in Moscow region was investigated by L.R. Kyzlasov and A.A. Konovalov in 1967. Totally 32 burial mounds and one ground burial were excavated. Rich repertoire of grave goods included temporal rings, bracelets, fingerings, beads, pendants, and so forth. Of special interest is the set of amulets discovered in female burial at the head of the dead, as well as well preserved leather belt with belt-buckle and rings, ornamented with a set of bronze mounts. Now the material is kept in the State Historical Museum, Moscow. The cemetery is attributed to the Krivichians, it functioned from the late 11th to the late 12th cc.

T.G. Saracheva

Chemical and technological investigations of metal ornaments from the excavations of kurgans near village Kablukovo

The article deals with the investigation of production technology and chemical formulas of metal of the ornaments from the kurgans excavated near village Kablukovo. All finds were studied with application of the microwear analysis, 38 items underwent microstructural analysis. For 133 objects chemical formulas of metal were established earlier by A.A. Konovalov, but, unfortunately, have not been published. Classification of chemical composition of the metal used has shown that the studied selection comprises ten different alloys. Specifics of their receipts mirror characteristic features of the medieval Russian non-ferrous metalworking, as well as their similarity with metal from so-called Vyatichian zone. In the article the results of the microstructural investigation of samples are published in Appendix; the results of the elemental composition of metal are published in the Table.

Ye.K. Kadieva

Bottom stamps of the pottery from the central part of North-Eastern Rus': Chronology and spread

The article presents a detailed description of the relief potter's stamps revealed on the bottoms of the vessels dating from the 11th – 14th cc. AD and originating from the central part of North-Eastern Rus'. Four types of potter's stamps have been singled out: geometrical, heraldic, letter-shaped and those showing subject scenes. In the paper an idea on different variants of each group is given; the author pays special attention to establishing their chronology and discusses the pattern of spreading the stamps within the investigated territory.

K.I. Panchenko

Potter's stamps of the 12th – 19th cc. on clay vessels from the excavations in the town of Dmitrov

The paper considers potter's stamps placed on bottoms of the vessels dating from the 12th to the 20th cc. The pottery originates from the excavations carried out in the town of Dmitrov, Moscow region. Having analyzed the material, the author comes to the conclusion that the changes observed in the tradition of stamping vessels was related to the changes of the town's population that occurred in the 15th and the 17th cc. in relation to concrete historical events.

V.V. Beilekchi, V.V. Rodin

Researches in the Teremki and Pushkarskaya streets in the town of Suzdal

In 2003–2005 archaeological excavations were resumed in Suzdal, one of the oldest political centres of North-Eastern Rus'. The new researches have yielded spectacular materials of the pre-Mongol and the Golden Horde periods from the suburbs of the medieval town. This area practically was not excavated before.

D.Yu. Badeev

Game pieces from Rostislavl Ryazansky

The archaeological investigations carried out in the Medieval Russian town of Rostislavl Ryazansky situated on the Oka River have yielded several chessmen. The pieces made of deer antlers were turned on lathe. The finds originated from the context dating back to the 14th – 15th cc. The counterparts for the chessmen may be pointed to in many towns in Rus' and Central Europe.

M.V. Tsybin

Medieval open dwelling site Dmitrovskoe-2 (Some results of the investigations of the season 2005)

In 2005 the excavations of the medieval open dwelling site Dmitrovskoe-2 were started. The site is

situated in Krasnogorsk district, Moscow region, on the first terrace of the Istra River left bank. The excavated area makes up 1008 sq. m. Within excavation trench 1 two constructions and a number of pits have been revealed. Construction 1 was identified as a cellar with the upper part built of timber, construction 2 was of household function, it was used to preserve grain supplies. The collection of pottery obtained in the season of 2005 should be dated to the 15th c., despite further excavations may reveal materials of earlier and later date as well.

A.S. Syrovatko, T.N. Ul'yanova, V.V. Cherkasov

**Excavations of medieval
open dwelling site Lystsevo**

In 2005 the Kolomna Archaeological Centre investigated open dwelling site Lystsevo, Kolomna district, Moscow region. The village was for the first time mentioned in the will of Prince Dmitry Ivanovich of the Don, in the second part of the 14th c. When excavating the site, stone tools and flakes were discovered dating from the Late Palaeolithic (15 000 – 10 000 BP) and the Mesolithic (ca. 10 000 BP). The Medieval period was represented by household pits and remains of an oven. The collection of finds included keys, fire-steels, clay spindle-whorls, fragments of pottery toys, horseshoe nails, net-weight, a fragment of millstone. Pottery comprised red-clay, white-clay, white-slip and red-burnished vessels. The pottery complex suggests the site's chronology – the second part of the 14th – the first part of the 15th cc. Pre-Mongol potsherds were discovered in re-deposited state.

O.V. Dvurechensky

**Pieces of weaponry, rider's equipment and
saddle-horse harness details from the land survey
in the territory of the Tushino camp**

The paper introduces into scientific circulation the collection of weaponry, rider's equipment and saddle-horse harness details obtained from the Tushino camp. The author publishes classification of basic types of protective and offensive weaponry. The collection comprises both the weapons used by cavalry (spearheads, battle axes, arrowheads, details of protective armour) and those typical of the Streltsy troops and representatives of town irregulars (sabres, pole-axes, axes, harquebuses).

O.V. Dvurechensky

**Arrowheads of Muscovite Rus' and the Russian
state in the 15th – 17th cc.**

In the article the author presents an attempt to compile a corpus of arrowheads dating from the period of the Muscovite state (the 15th – 17th cc.). The collection totals 570 items, 414 of them are included into the classification. The selection was divided into

20 types. Dominating types making up over a half of the total corpus are types 6 and 7. These arrowheads are functionally universal. In the period under discussion both various types of armour-piercing and wide cutting arrowheads disappeared. The trend towards producing standard types of arrowheads was probably related to the formation of the single military tradition spread all over the Muscovite state.

A.V. Alekseev

**New researches in the Zvenigorod vicinity. An
attempt of localization of the geographic terms
used in the charter of 1504**

In the paper there are presented the results of the works carried out to identify the settlements mentioned in a document dated to 1504, where the borderline of the Zvenigorod crown principality was described. In the course of the surveys performed by the author in 2005 a series of the settlements mentioned by the document were revealed. Among them there are the sites identified as large villages and one monastery, that were destroyed in the Time of Troubles. At the sites the spots once occupied by medieval timber churches were investigated.

K.A. Aver'yanov

**Concerning the date of foundation of St. Nicholas
Monastery on the Ugresha River**

In the work the author discusses the problems concerning the date and circumstances of the foundation of St. Nicholas Monastery on the Ugresha River in the Moscow region. The author supposes that the Monastery was founded in the first part of the 15th c. (before 1438).

V.I. Vishnevsky

**Water-pipe and drains in the Trinity-St. Sergius
Monastery in the 16th – 17th cc.**

Archaeological investigations carried out by the expedition of the Sergiev Posad Museum reserve in 2000–2001 covered the north-western part of the Trinity-St. Sergius Monastery. The researches confirm the information obtained from the written sources concerning a well, which functioned in the 16th – 17th cc. Water was supplied to the Monastery Refectory through wooden pipes, water being brought from the ponds situated in the western part of the Monastery territory. The expedition discovered the well built of a single oak trunk 1 m in diameter, with a barrel-shaped bottom and an entering pipe; the latter was also traced at a distance 28 m to the north-west at the depth 3 m down from the ground surface. Eastward from the belfry six well-preserved oak logs were found. These were the details of the well's octagonal framework. The both structures may date from the 16th – 17th cc. To the west from the former kitchen a fragment of a cesspool of the 16th

c. was discovered. It represents a square structure (0.7 x 0.7 m) of tightly adjusted vertical stakes over 1 m high dug up deep into the water-bearing layer. One side of the cesspool constructed of horizontal blocks is dismountable.

V.V. Shcherbakov

**Tiles from the tsar's travel palace in village
Slotino**

Collection of tile fragments kept in the Sergiev Posad Museum reserve is the only material evidence of the existence of the tsar's travel palace in village Slotino. Almost all preserved tiles were produced in Moscow, possibly, by Byelorussian craftsmen.

A.S. Syrovatko, Yu.N. Chuvilyaeva

**Investigations in the territory
of F.M. Dostoevsky museum-estate Darovoe**

The excavations conducted at the Darovoe site in 2005 are termed by the authors as historical archaeology. The first investigated area represented

the basement of Dostoevsky's house. In the second excavation trench the remains of a hut were identified. This construction has yielded the most interesting artefacts, among them a toy revolver and a baby's dummy. For the first time the association of artefacts (pottery, porcelain and glass objects, coins, etc. dating back to the late 19th c.) was discovered; such late associations traditionally were not investigated by archaeologists before.

A.A. Polyulyakh

**Faience production from Ya.T. Fartalny &
S.T. Fartalny works**

In the cultural deposits of Russian towns dating back to the High Middle Ages faience and porcelain finds are discovered. Their attribution is a complicated problem so far. The investigations carried out within the area, where pottery works of the discussed period functioned in the Gzhel village (Moscow environs) allow to suggest a classification of their production and attribute a series of objects.

Принятые сокращения

АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
АИСЗР — Аграрная история северо-запада России XVI в.
АКР — Археологическая карта России
АМГ — Акты Московского государства
АО — Археологические открытия
АП — Археология Подмосковья
АСГЭ — Археологический сборник государственного Эрмитажа
АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.
АСК — Археологическая служба г. Коломны
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
ВВЦ — Всероссийский выставочный центр
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВМУ — Вестник Московского университета
ВСМЗ — Объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік
ГВИПМЗ — Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»
ГИЛМЗ — Государственный историко-литературный музей-заповедник им. А.С. Пушкина
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ — Музей истории города Москвы
МИРМ — Музей истории и реконструкции города Москвы
МИХМ — Муромский историко-художественный музей
АЕ — Археографический Ежегодник
МК — Московская керамика: новые данные по хронологии
МНО — Московское нумизматическое общество
НС — Нумизматический сборник
ОПИ ИА РАН — Отдел полевых исследований ИА РАН
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства
ПЭ — Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГ — Ростов Великий. Григорьевский раскоп в Митрополичьем саду Кремля
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека им. В.И. Ленина
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГД — Ростов Великий. Раскоп на территории Гостиного двора
РИБ — Русский исторический сборник
РК — Ростов Великий. Раскоп на территории Конюшенного двора
РЧ — Ростов Великий. Раскоп дворика башни у Часовзвона в Кремле
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГД — Собрание государственных грамот и договоров
СГЭ — Сборник государственного Эрмитажа
СИРИО — Сборник Императорского Русского исторического общества
СПГИХМЗ — Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
СЭ — Советская энциклопедия
ТАС — Тверской археологический сборник
ЦСБМ — Суздаль. Раскоп у церкви Скорбящей Божьей Матери
ЭБ — Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедычны даведнік

Сведения об авторах

- Аверьянов Константин Александрович* — Институт российской истории РАН
Алексеев Алексей Викторович — Институт археологии РАН
Бадеев Денис Юрьевич — Институт археологии РАН
Бейлекчи Владимир Викторович — Государственный центр по охране, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области
Векслер Александр Григорьевич — Центр археологических исследований г. Москвы
Вишневский Владимир Игоревич — Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.
Гак Евгений Игоревич — Государственный Исторический музей
Гольева Александра Амуриевна — Институт географии РАН
Гоняный Михаил Иванович — Государственный Исторический музей
Двуреченский Олег Викторович — Государственный Исторический музей
Кадиева Елизавета Кадиевна — Ярославский государственный университет
Коваль Владимир Юрьевич — Институт археологии РАН
Кренке Николай Александрович — Институт археологии РАН
Лихтер Юлия Абрамовна — Центр археологических исследований г. Москвы
Медведь Александр Николаевич — Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
Недошивина Наталья Германовна — Государственный Исторический музей
Панченко Константин Иванович — Институт археологии РАН
Полюях Анатолий Алексеевич — Музей истории города Москвы
Родин Валерий Викторович — Государственный центр по охране, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области
Сарачева Татьяна Григорьевна — Государственный Исторический музей
Сыроватко Александр Сергеевич — Археологическая служба города Коломны
Сыроватко Наталья Алексеевна — Институт археологии РАН
Ульянова Татьяна Николаевна — Археологическая служба города Коломны
Хижняков Олег Игоревич — Институт археологии РАН
Цыбин Михаил Владимирович — Воронежский государственный университет
Черкасов Виталий Викторович — Археологическая служба города Коломны
Чувильева Юлия Николаевна — Археологическая служба города Коломны
Щербаков Виталий Владимирович — Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.
Энговатова Ася Викторовна — Институт археологии РАН